

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

2014

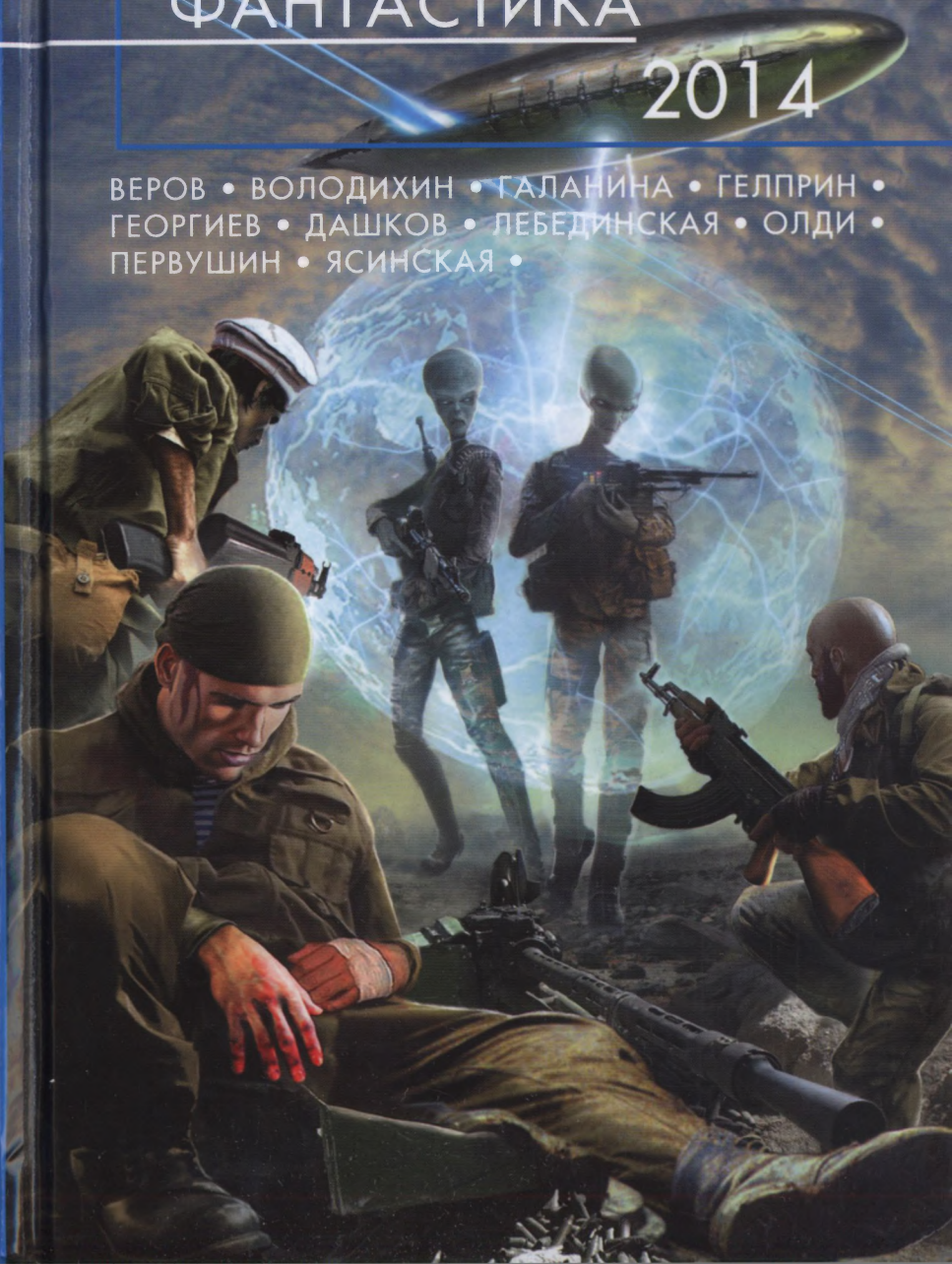
ВЕРОВ • ВОЛОДИХИН • ГАЛАНИНА • ГЕЛПРИН •
ГЕОРГИЕВ • ДАШКОВ • ЛЕБЕДИНСКАЯ • ОЛДИ •
ПЕРВУШИН • ЯСИНСКАЯ •

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

ВЕРОВ • ВОЛОДИХИН • ГАЛАНИНА • ГЕЛПРИН •
ГЕОРГИЕВ • ДАШКОВ • ЛЕБЕДИНСКАЯ • ОЛДИ •
ПЕРВУШИН • ЯСИНСКАЯ •

2014

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2014

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
ЯРОСЛАВ ВЕРОВ
АНТОН ПЕРВУШИН
ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА
ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН
АНДРЕЙ ДАШКОВ
ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ
ЮЛИАНА ЛЕБЕДИНСКАЯ
МАЙК ГЕЛПРИН
И ДРУГИЕ

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

Издание подготовлено
совместно с издательством
«Снежный Ком М»

2014

ЭКСМО

МОСКВА

2014

Составитель сборника *Г. Гусаков*

Серия основана в 2003 году

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Н 32 **Настоящая фантастика** — 2014 : фантастические повести и рассказы / Г. Л. Олди, А. Первушин, Я. Веров и др. — Москва : Эксмо, 2014. — 800 с.— (Русская фантастика).

Погибший в «горячей точке» капитан российской армии Александр Лапин продолжает военную службу... на борту инопланетного корабля, который входит в состав флота, готовящегося к вторжению на Землю...

Олесь и Шандор, brave пилоты космического корабля «Одиссей», чтобы скрасить рабочие будни, решили поближе познакомиться с прелестными инопланетянками Аолой и Лаймой. Девушки их честно предупредили: только не влюбляйтесь в нас! Иначе наступит... вериль...

Степан был типичным советским любителем книги. А хорошие книги в СССР были дефицитом. Степан готов был душу продать за сборник с новой повестью Стругацких или за томик с романами Булгакова. И вот однажды в родном городе Степана открылся некий Научно-Исследовательский Институт Свободного Распространения Информации...

Генри Лайон Олди, Антон Первушин, Ярослав Веров, Игорь Вереснев в ежегодном сборнике, выпускаемом по итогам Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг»!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Анискова Н., Бескаравайный С., Бор А., Венгловский В., Вереснев И., Веров Я., Володихин Д., Галанина Ю., Гамаюнов Е., Гелприн М., Георгиев Б., Гофман Е., Дашков А., Клещенко Е., Ключко В., Красносельская Е., Лайк А., Лебединская Ю., Малышко Е., Мартова М., Марышев В., Милютин А., Немытов Н., Олди Г.Л., Первушин А., Первушина Е., Родионова Д., Фёдоров А., Чебаненко С., Чернов А., Шейнин П., Ясинская М., 2014

ЕСТЬ КОНТАКТ?

ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО В УТОПИИ

Начни роман со слов «мой дядя».

Михаил Щербаков

0

ни спускались по склону к реке. Медленно и осторожно, потому что каждое неловкое движение могло привести к падению и перелому, а любой перелом положил бы конец их существованию. Они двигались боком к воде, делая короткие шаги, как лыжник, который поднимается в гору «лесенкой». Их ноги глубоко увязали во влажном песке.

Он шел чуть ниже, чтобы в случае чего удержать подругу от падения своим телом, и хотя такая защита, скорее всего, была бессмысленной, его старомодная галантность была ей приятна. Они цеплялись руками за влажные черные ветви деревьев; две луны, прочерчивая в воде двойную дорожку, освещали им путь.

Они благополучно спустились к темной воде, зашли в нее по пояс и долго пили из ладоней. Потом взялись за руки, сделали еще несколько шагов на глубину и поплыли.

Течение здесь было сильное, но их тела также были сильны, и им нравилась эта игра. Река их разлучила, и они долго боролись с потоком, пока наконец с триумфальным криком не соединили руки.

Потом они снова вышли на мелководе. Он провел ладонью по ее влажному крупу и медленно, осторожно поцеловал ее соски, приглашая к любовной игре. Она

тихо, гортанно засмеялась и опустила голову, накрывая его лицо волосами.

Выстрел тоже был тихим — не громче хлопка пробки от шампанского. Полуженщина-полукобыла всхрипнула, закричала, но крик был тут же заглушен кашлем. Захлебываясь кровью, она осела на задние ноги и повисла на руках своего спутника. Ее тело тут же подхватило течение, но он все-таки смог удерживать ее все время, пока она билась в агонии. И ждал второго выстрела. Но его не было. Наконец он с коротким стоном опустил свою подругу в воду и, выбравшись на влажный песок, позволил инстинктам завладеть сознанием. И инстинкт погнался прочь от этого места, куда-нибудь в укрытие, где он сможет оплакать свою потерю.

00

Маленькая девочка сегодня должна впервые ночевать одна.

Родители уходят в театр, а она, несомненно, уже достаточно взрослая, чтобы заснуть сама. Так они говорят. Но она сомневается — не словами и не мыслями, просто у нее в груди возникает такое темное тянущее чувство, которое, как она узнает со временем, называется тоской.

Она уже умылась, почистила зубы, ее переодели во фланелевую пижамку с колокольчиками. Отступать некуда. И неназванная тоска накрывает ее с головой.

Разумеется, никто не оставит ее совсем одну в доме. С ней остается Карина — соседка-старшеклассница, которую родители пригласили бэби-ситтером. Но девочка знает, что не стоит слишком рассчитывать на Карину. Она запрется в гостиной, врубит телевизор, и до нее не дозовешься. Да девочка и не будет звать: она знает, что маме это не понравится.

Папа в костюме, пахнущем так странно и по-чужому, обнимает ее и говорит:

— Сладких тебе снов, фейгеле!

И девочку на мгновение окутывает бело-голубая искристая волна. Она так занята тем, чтобы удержать это чувство, что пропускает момент, когда папа разжимает объятия и уходит. Мама целует ее, дает минуточку подержать в руках свое жемчужное ожерелье, и девочка присоединяет ощущение гладких прохладных камушков-четок к своим воспоминаниям. Родители уходят. В дверях папа церемонно пропускает маму вперед; мама оборачивается и улыбается ему.

Карина напоминает:

— Горшок под кроватью, Хелина, смотри не забудь.

Девочка покорно кивает. Карина — никакая, крашенные волосы, подведенные глаза, заштукатуренная проблемная кожа. От ее подмышек пахнет дезодорантом, а изо рта — жевательной резинкой. И девочка не хочет даже случайно схватить ни единого впечатления, ощущения. (Лет через десять она сама будет выглядеть как Карина, но пока что находится в блаженном неведении.) Карина пристраивает в постель медвежонка-панду, гасит свет и закрывает дверь. Впрочем, комнату освещает рассеянным светом фонарь за окном. Он будет гореть, пока папа выводит из гаража машину.

Оставшись одна, девочка аккуратно сажает панду на тумбочку. Дело в том, что, если случайно нажать ей на живот, раздастся довольно громкая и пронзительная песенка, а этого девочке совсем не хочется. У нее нет любимой мягкой игрушки, зато есть любимый шов, соединяющий два куска обоев. Когда она поворачивается к стене, он оказывается как раз перед ее глазами. Узор здесь чуть-чуть не совпадает, и от этого круги и спиральки вытягиваются, деформируются и кажутся девочке движущимися, превращающимися во что-то еще неясное, неявное. Словно они — занавес, за которым скрывается неведомая сцена. Девочка водит по шву пальцем, круги вытягиваются, спирали закручи-

ваются, занавес трепещет и начинает раздвигаться. За ним — странный пейзаж: уходящие в лаково-синее небо горы, искристые ледяные поля, тихий шепот снежинок. До нее долетает тихий хлопок — то папа, усадив маму, захлопывает дверцу машины. Но девочке кажется: это вспорхнула из снега большая, ослепительно-синяя птица.

И девочка засыпает.

Она не слышит выстрела. Не видит, как руки мужчины скользят по дверце машины и как он оседает на землю. Ее будит отчаянный женский крик. Кричит ее мать.

ГЛАВА 1

САМОЕ ЯРКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ ИЗ ДЕТСТВА

Самое яркое воспоминание из детства? К сожалению, ничего сексуального.

1

Мой дядя (вообще-то не настоящий дядя, а двоюродный брат моего отца) был из той породы холостяков, которые боятся детей как огня. И, разумеется, именно ему-то я и доставалась в передержку, когда мама приезжала в столицу улаживать денежные и прочие дела. Дядя, каким бы детоненавистником он ни был, разумеется, не мог отказать женщине в трауре, и мама запустила меня в огромную, сырую, гулкую дядину квартиру и уходила до вечера по инстанциям. Игрушек в дядином доме, конечно же, не было, а все книжки — у дяди были полные шкафы раритетных бумажных книг — для детского чтения не годились, взять с собой какие-нибудь игрушки и книжки из дома ни я, ни мама не догадывались: я — по малолетству, а мама в те дни была отчетливо не в себе. Кажется, в результате я играла вещами, найденными в прихожей: ключи, обломан-

ные карандаши, монетки, пустые коробочки из-под сигарет.

Всего я там побывала раза три-четыре. Обычно дядя прятался от меня в своем кабинете, но, вероятно, полагая, что ребенок может испугаться одиночества, оставлял открытой дверь, и я видела его голову, парящую над деревянной с завитушками спинкой кресла — лысую макушку с веснушками, жидкий венчик седых волос, алые в свете лампы уши. Сдвинувшись в сторону, я могла разглядеть экран компьютера (ничего интересного, одни буквы) и дядины руки, сосредоточенно вбивающие текст в клавиатуру — та же дряблая веснушчатая кожа, плотные белесые ногти. Сейчас, вспоминая дядю, я вижу, что он был вылитый рембрандтовский «Старик».

Как ни странно, но эти визиты мне нравились. Наверное, потому, что дядина квартира была совершенно не похожа на те дома, к которым я привыкла, а еще потому, что я на четыре-пять часов выпадала из маминого молчаливого концентрированного горя и могла немного побыть сама собой. В этом смысле меня очень устраивало, что дядя не обращает на меня особого внимания. Мне нравился запах табака и книжной пыли — так никогда не пахло ни в нашем доме, ни в домах маминых подружек или моих маленьких приятельниц. Нравилась дядина мебель — огромный обеденный стол на одной массивной разлапистой ножке, по которой мои персонажи — ключи и карандашики — могли взбираться, как по вековому дереву; маленький круглый столик с «заборчиком» по краю из зубчатой латунной полоски; кровать за ширмой, затянутая темно-красным покрывалом, — на ней тоже было очень удобно играть в путешествия; полукруглые посудные шкафы-горки, где за стеклом вместо посуды стояли книги. Книги как раз были неинтересные, все как на подбор — большие, темные, вбитые на полки плотными рядами; заглавия на кореш-

ках были пропечатаны маленькими буквами — обычно на тон темнее цвета корешка, и прочитать их не было никакой возможности. Я разобрала лишь одно — тисненное золотом на черном фоне «Смерть Артура» — и решила, что это, наверное, какой-то детектив.

Обычно часа через два дядя набирался духу (или чувства вины) и решал, что ребенка надо покормить. Тогда мы шли на кухню пить чай. Дядя варил два яйца и делал мне бутерброды — намазывал хлеб маслом, потом сверху укладывал еще теплые кружочки яйца так, чтобы масло начинало таять, и слегка посыпал крупной солью. Один бутерброд он сделал с белым хлебом, другой — с черным. «Может быть, вкус тебе покажется необычным, — говорил он, словно извиняясь, — но мне думается, ты должна попробовать. Другой случай вряд ли представится». В самом деле, вкус черного хлеба мне понравился — собственно, я впервые поняла, что у хлеба может быть вкус, а не просто привкус кунжута, сыра или ванили. Еще хлеб немного пах табаком — видимо, успевал набраться запаха от дядиных рук, пока дядя его разрезал. Ободренный успехом первого эксперимента, на следующий раз дядя сказал еще более виноватым тоном: «А что, если мы немного схулиганим?» — положил на хлебный бутерброд две маленькие кильки и посыпал свое «хулиганство» зеленым луком. Когда мне понравилось и это, дядя совсем расхрабрился и на следующий раз украсил бутерброд двумя кружочками соленого огурца и укропом: так я постигла, что огурцы бывают не только маринованные, но и соленые. Существовали еще некие совсем уж таинственные «свежепросольные» огурцы, но до них мы в наших кулинарных экспериментах так и не добрались — дядя только рассказывал о них, но достать и угостить не успел. Забавно (и характерно), что булочный бутерброд всегда оставался неизменным: булка — масло — яйцо.

Когда я съедала бутерброды и выпивала первую чашку крепкого кирпично-красного чая, наступало время десерта. (Фруктового чая у дяди не было, но я не стала говорить этого маме — она могла выйти из транса и перестать брать меня с собой в город, определив к какой-нибудь очередной прыщавой и скучной до колик бэби-ситтерше.) Кстати, слово «десерт» дядя никогда не произносил, он приподнимал бумажную салфетку над вазочкой и говорил: «А тут у меня кое-какие сласти!» Меня тогда несказанно удивляло, что вазочка со «сластями» просто так стоит у дяди на столе и не убирается в стенной шкафчик. Уже будучи взрослой, я сообразила, что дядя жил один — не от самого же себя ему прятать «вкусненькое». «Сласти» у дяди были тоже необычные — не конфитюр, шоколад или конфеты, а золотой, плотно обсыпанный сахарной пудрой рахат-лукум, в котором вязли и начинали сладко ныть зубы; белый с орехами и яичным привкусом «просто лукум»; жирная, слоющаяся в руках, как глина, и поблескивающая драгоценными включениями подсолнуховых семечек халва. Я была из тех детей (больше того, из тех людей), которым нравятся яркие, насыщенные и контрастные вкусы: соленый до слез, сладкий до приторности, кислый до терпкости — тогда я впервые это поняла.

Однажды — в третье или четвертое посещение — дядя сказал с таинственным видом: «А тут у меня есть еще кое-что!» и извлек из духовки огромный лист, где на пергаментной бумаге покоилось нечто действительно невообразимое — огромный, разрезанный на аккуратные ломтики пласт то ли очень сладкого теста, то ли просто расплавленного сахара (до сих пор не знаю, больше никогда в жизни я не встречала ничего подобного), в который были, словно муравьи в янтарь, вплавлены распаренные сухофрукты — курага, чернослив, инжир (еще одно новое слово), сушеная вишня, ломтики вяленых яблок, груш и, кажется, дыни.

— В моем детстве это называлось «мазурек из баккалий», — сказал дядя. — Бабушка всегда пекла его, когда твой папа приезжал к нам на каникулы.

— А вы научите меня? — спросила я, увлеченно жуя «мазурек».

— Что? — удивился дядя. — А ты думаешь, я сам это пек? Нет, конечно, это женщина, которая здесь убирается по воскресеньям. Она изрядная неряха, говоря между нами, но готовить умеет. Почему-то деньги она берет именно за уборку, а готовит просто так, из симпатии. Хотя если вдуматься, своя логика тут есть.

Он помолчал, видно отдыхая от непривычно длинной речи, и вдруг спросил быстро и испуганно (не с наигранным испугом, как раньше, когда укладывал кильки на бутерброд, а с настоящим, хотя и хорошо скрытым страхом в голосе):

— Елена, а ты помнишь своего отца?

Не знаю, что меня больше удивило. То, что он назвал меня Еленой (не Леночкой, как отец, не Элли, как мама, не Хелиной, как в школе), или то, что он вообще заговорил на эту тему. Прежде взрослые никогда со мной об этом не говорили.

— Конечно, помню, — ответила я. — Он был добрый и сильный.

— А? О, конечно, конечно. Добрый — конечно. Странно... — Дядя уже не смотрел на меня, он говорил сам с собой. — Я никогда не понимал. Боря, он... Он как будто всю жизнь придумывал для себя задания — сложные, невыполнимые — и исполнял. При этом никто другой ничего не заметил бы. Это были такие... неочевидные вещи. Например, жениться на немке и остаться евреем... Да еще и русским евреем... Впрочем, уж тебе-то это точно неочевидно. Ладно, извини, это тебя действительно не касается... — Но, видно, какая-то мысль не давала дяде покоя. — Это, конечно, его дело, с кем жить и как. Но то, что он сделал с со-

бой... Не знаю... Скажи, Елена, значит, ты не очень грустишь о нем?

Я хихикнула в чашку — сейчас он был прямо как фройляйн Штиль — наш школьный психолог. (Она просила, чтобы мы называли ее фрау Штиль, говорила, что так будет правильнее, что неприлично показывать, будто тебе есть дело, замужем женщина или нет. Но я все равно про себя называла ее фройляйн не потому, что она была не замужем, а потому, что она была сущим ребенком — какому еще взрослому человеку нравится играть с разноцветными бумажками и со специально нарисованными кляксами?) Эта фройляйн Штиль обожала как бы невзначай подкатываться с провокационными вопросами к детям, если считала, что они могут создать проблемы. Но я хорошо знала, что нужно отвечать в таких случаях.

— Я буду всегда вспоминать о нем, — сказала я. — Но он бы расстроился, если бы я была несчастлива.

— А ты счастлива? — спросил дядя.

Мне показалось, что он удивился. Я не знала, почему и что надо ответить, чтобы он был доволен, но на всякий случай продолжала отвечать ему так, как будто он был фройляйн Штиль:

— Ну да, конечно.

Теперь уже он растерялся.

— Значит... Значит, ты довольна своей жизнью? Тебе все нравится?

— Ну да... — Я уже совсем не знала, что надо говорить. Если сказать, что все нравится, это будет неестественно, он все равно не поверит. — Да, почти все. Только... ну, я не люблю рано вставать. И еще не люблю, когда в школе на завтрак гречка с молоком, она холодная и слипается в комья, и... И еще мне не нравится сидеть рядом с Хилле — она противная, всегда ябедничает, а однажды вылила целую банку краски на мою любимую клетчатую юбку и сказала, что не нарочно. А юбку пришлось выбросить.

— И ты... ты не думала, что можно *захотеть* другую такую же юбку?

Я снова не смогла удержаться от хихиканья. От этих взрослых никогда не знаешь, чего ждать. Конечно, я не сомневалась, что они знают неприличные слова. Но говорить их, да еще при детях! Сейчас он был как мальчишка, который распахивает дверь девчоночьего туалета и кричит, повизгивая от восторга: «Захоти, захоти, захоти себе письку!»

— Конечно нет, — ответила я, пытаюсь сымитировать голос мамы, когда она была возмущена моим поведением. — Конечно нет, я же не маленькая. Я никогда ничего не... никогда ничего не хочу.

— А да... да... конечно.

Тут, к счастью, вернулась мама. Это было в первый раз, когда мне не хотелось больше оставаться у дяди.

Я очень ясно помню, как уже в прихожей, когда я застегнула куртку и выходила на лестницу, где меня ждала мама, дядя вдруг сказал мне вслед:

— Береги себя, фейгеле.

Словно выстрел в спину. Хотя нет, при чем тут выстрел? На самом деле это было как в церкви. Когда долго-долго взбегаешь по винтовой лестнице на башню, и лестница становится все уже, каменные ступени все выше и все ближе теснятся друг к другу, а потом вдруг выскакиваешь на площадку, видишь внизу у своих ног город и понимаешь разом, как высоко ты забрался. И здесь было то же самое. Когда дядя называл меня так, как называл меня отец в последний раз, я внезапно поняла, насколько велика моя утрата.

Это действительно одно из самых ярких воспоминаний моего детства. Может быть, потому, что последующих двух-трех недель я почти не помню и знаю о том, что произошло, только по чужим рассказам. Той же но-

чью я закатила маме чудовищную истерику, мама до смерти перепугалась, вызвала врачей, и меня под завывание сирены повезли в детское психиатрическое отделение городской больницы.

Позже, когда я училась в институте, то смогла (не слишком официальным путем) выписать из архива и прочесть собственную историю болезни. Согласно записям, меня трое суток держали в искусственной коме — это говорит о том, что срыв был довольно серьезным. Но я, конечно, ничего не помню. Я помню реабилитационное отделение: тенистый парк, батуты, качели, спортивную площадку, хитрого рыжего пони Укропа в манеже, кроликов и козочек в вольере, бассейн, огромную игровую комнату, веселых девочек-практиканток, которые всегда были не прочь повозиться с детьми-пациентами, а то и научить их чему-нибудь интересному — плести украшения из бисера, танцевать польку, стоять на голове или нырять в воду «солдатиком». То есть, разумеется, я пришла в себя раньше, в палате, где на потолке были нарисованы солнышко и радуга, на стенах — лес, горы и море, на подоконниках сидела куча плюшевых игрушек, а окна и двери были закрыты белыми решетками. Но это — не самые лучшие воспоминания, и я не задерживаюсь на них. Потом меня пустили в общую палату к другим выздоравливающим. Но они все были гораздо старше меня и брезговали возиться с «малявкой». А для меня их разговоры были по большей части непонятны и скучны.

И еще помню огромное, неотступное, удушающее чувство стыда — к тому времени я уже поняла, что могла натворить в ту ночь, когда мама увезла меня от дяди, и понимала, что в том, что я ничего не натворила, никакой моей заслуги нет. Все те обещания и заверения, которые я так гордо и уверенно давала дяде, оказались сплошной ложью. Хорошо, что меня остановили, я не остановилась бы сама. И теперь я не знала, будет ли мне

кто-нибудь доверять, как прежде, и главное — могу ли я доверять самой себе.

По ночам девочки в спальне рассказывали страшные истории о глупых детях, которые захотели, чтобы к ним вернулся близкий потерянный человек. Обычно речь шла об умерших бабушках и дедушках. И от одной мысли о том, что я могла сделать такое с собственным отцом, что я могла своим глупым, бессмысленным, неконтролируемым желанием превратить любимого человека в зомби, мне становилось тошно и не хотелось жить.

То была вторая фаза срыва — депрессия, наступающая в большинстве случаев через семь-десять дней после острой реактивной фазы, о чем я позже прочла в учебнике психиатрии. Для взрослых вторая фаза была не менее опасна, чем первая, и требовала неусыпного внимания со стороны персонала. Примерно треть взрослых пациентов на высоте депрессии действительно желали свести счеты с жизнью, и желание сбывалось быстрее, чем персонал клиники успевал что-либо предпринять. Среди детей такие случаи были крайне редки. У ребенка, если он воспитывался в мало-мальски нормальных условиях, инстинкт самосохранения очень долго остается практически неповрежденным, и базальное желание жить и оставаться здоровым как физически, так и психически сохраняет свою силу до подросткового возраста, а зачастую и позже. И все же у детей также нередки следовые депрессии, и врачи хорошо знали, как с ними справляться.

Сад вспоминать приятно. Там росли какие-то особые клены, которые меняли окраску в самом начале осени. Я сидела, греясь на солнышке, запрокинув голову, смотрела вверх, где темно-красные кроны кленов цвели, словно розы, в обрамлении зелени других деревьев, и думала, что, если меня уже выпускают в сад, значит, мне доверяют хоть чуточку. И это тоже было приятно.

Над коленями у меня парил открытый детский журнал из больничной библиотеки, головоломки в котором должны были отвлекать меня от осознания всей полноты моего падения, но я в него не смотрела. Листья и небо были гораздо интереснее.

Рядом сидел Алекс — мой доктор, в которого я была тайно и безнадежно влюблена. Сумасшедший красавец: рослый, статный, с кожей цвета кофе, проникновенными черными глазами, длинными тонкими пальцами, которыми хотелось любоваться, как цветами в саду. Он осторожно допытывался, почему я все еще не хочу видеть маму. Я сказала:

— Она любит задавать вопросы. А я не люблю отвечать.

— Туше.

— Что?

— Я понял намек.

— Нет... просто... — И я решила: — Меня будут судить?

— Судить? Почему?

— Я же совершила преступление. Ну... почти совершила.

Он улыбнулся:

— Почти не считается.

— Если бы вы тогда не успели...

— Хелина, если бы за это судили, тюрьмы были бы переполнены маленькими детьми. А такое никому не понравится. И потом: это была ошибка твоей матери, а не твоя. Она должна была сразу показать тебя психиатру, нельзя было оставлять все только на школьного психолога — там немного другие задачи и другое образование. Однако твою мать тоже нельзя винить, она была просто ошарашена свалившимся на нее горем и сама нуждалась в помощи... Постарайся никого не винить. Такие вещи просто бывают, но мы можем с ними бороться.

— Правда? Но мама мне говорила...

— Конечно, мы все говорим своим детям, будто бы верим, что такого с ними не случится никогда, но все же случается. Не очень часто, но и не редко. Это бывает, когда дети попадают в безвыходное положение. И... когда они талантливы.

Я закрыла глаза. Под веками плавали цветные круги. От Алекса вкусно пахло пенкой для бритья. Такая же была у моего отца, но теперь я уже могла об этом думать, не затаивая дыхание.

— А ты талантлива, Хелина, я хочу, чтобы ты это помнила. И я верю, что, если бы врачи почему-то не смогли приехать, тебе удалось бы справиться самой. Во всяком случае, ты продержалась до их приезда. Так что я хочу, чтобы ты доверяла себе и не боялась, что можешь снова сорваться. Нет ничего плохого в том, чтобы любить кого-то и тосковать по нему. И нет ничего плохого в том, чтобы иметь богатое воображение. Хотя одно плюс другое дает гремучую смесь, но у тебя есть воля, которая поможет не наделать глупостей. Ведь изменять мир можно не только *Желанием*, ты ведь это понимаешь. И я очень хочу, чтобы ты не душила себя упреками, а выросла и меняла мир так, как это делают взрослые: своими руками, своим трудом и талантом. Понимаешь?

Я вышла из клиники через месяц — совершенно здоровая и счастливая, влюбленная в доктора Алекса и в медицину. Это была третья фаза срыва — гиперкомпенсация. Я была полна решимости посвятить жизнь борьбе с «вещами, которые просто бывают». Правда, я опасалась, что сама история моего срыва закроет передо мной двери в медицинский институт. Примерно через полгода я набралась храбрости и на очередной встрече спросила доктора Алекса, есть ли у меня шансы поступить.

Он рассмеялся.

— Если бы мы закрывали двери перед всеми, с кем случилось то же, что и с тобой, наши аудитории быстро опустели бы. Хорошо, что ты знаешь, с чем тебе придется столкнуться. Раз ты сама прошла через это и поняла, как важна помощь в такие минуты, тебе легче будет помогать другим. Заходи ко мне через десять лет, Хелина, и если ты останешься такой же серьезной и ответственной маленькой философкой, я с удовольствием дам тебе рекомендацию.

— Через десять лет? — ахнула я.

Доктор Алекс снова засмеялся.

— Разумеется, нет. Заходи через месяц, как обозначено в твоём расписании. Но о медицине поговорим лет через десять, не раньше. Дети должны радоваться жизни — это, надеюсь, ты уже уяснила? А то позднее ты не сможешь научить радоваться других.

Что касается дяди, то больше я его не видела, и моя мать ни разу о нем не упоминала. Наверное, это тоже было проявлением гиперкомпенсации.

ГЛАВА 2

ДЕНЬ, КОГДА ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Не было такого. Лева позвонил ночью, в первый раз, кажется, где-то между тремя и четырьмя. А день перед этим был самый обычный.

1

«В те времена, в стране зубных врачей, чьи дочери выписывают вещи из Лондона, чьи стиснутые клещи вздымают вверх на знамени, ничей Зуб мудрости, я, прячущий во рту развалины почище Парфенона, шпион, лазутчик, пятая колонна гнилой цивилизации...»

Дальше я не помнила, но эти строчки плотно засели в мозгу, а потому, дойдя до «гнилой цивилизации»,

неизменно начинала читать заклинание сначала. Ладно, все лучше, чем какая-нибудь пошлая любовная песенка. Мама любит включать музыку на личнике, когда раскладывает пасьянсы, и звук неизменно находит микроскопические щели между досками ее пола, моего толка и проскальзывает мне в ухо, как яд в шекспировской пьесе. Ух, сильна я сегодня на цитаты и аллюзии!

*«Мы с тобой, как два крыла,
Нас с тобой любовь свела!
И под темною луной,
Там мы встретимся с тобой!»*

Ну вот, накаркала...

Но стихи про зубных врачей все же без труда одерживали верх над крылатым бредом, потому что передо мной был распахнутый рот Марии, и зубы ее напоминали даже не Парфенон, а, скорее, Стоунхендж. Или последних бойцов разгромленной армии, обреченно поднимающихся из окопов в безнадежную атаку. Или облаченных в траур вдов на кладбище. Словом, что-то печальное и зловещее. При этом пахло изо рта именно так, как и должно пахнуть изо рта с гнилыми зубами, а поэтому я то и дело сбрызгивала рот дезинфицирующей жидкостью, стараясь не глядеть в кроткие и печальные, утонувшие в сети морщин глаза пациентки.

Все свои шестьдесят с хвостиком лет Мария очень не любила ходить к врачу, особенно к зубному. Она и сегодня не пришла бы, но, видно, здорово допекло. Все предыдущие зубы Мария удаляла у себя самостоятельно, старым способом, с помощью двери — мне бы ее самообладание, я, наверное, далеко бы пошла. Но сегодня разболелся зуб мудрости, и до него Марии было просто не добраться. Зуб явно выбухал над общим рядом (правда, о «ряде» говорить не приходилось, но так и так десну здорово раздуло — периодонтит, тут и к бабке не ходи).

— Ладно, — сказала я, складывая инструменты. — К сожалению, сохранить зуб не удастся, придется рвать.

Мария вздохнула с явным облегчением и засияла улыбкой. Сверлить не будут, будут рвать. Какое счастье!

На всякий случай я поставила пробу на аллергию к уникаину (редко, но бывает) и занялась большим пальцем Марии. К большому пальцу она привязывала на ночь чеснок, чтобы зуб перестал болеть. Зуб болеть не перестал, а на большом пальце теперь красовался огромный багрово-синий пузырь ожога. Я проколола пузырь, залила рану перекисью, наложила повязку с антисептической мазью и вернулась к зубу. Никакой аллергии у Марии, разумеется, не оказалось, я как следует обколола уникаином десну и предложила пациентке подождать пять минут, пока обезболивание подействует. Та согласно кивнула и достала вязание.

Да, забыла сказать для полноты картины — с того самого момента, как я вытащила зеркальце и пинцет изо рта Марии, та, не останавливаясь ни на секунду, рассказывала мне о своей горькой жизни на пособие и о бессердечных детях, которые никогда не навещают ее и не помогают ни копейкой. «Куда эти русские умудряются девать своих детей? — привычно удивилась я. — Сколько надо приложить усилий, чтобы отлучить сына или дочь от дома и от родителей? Разовой акцией тут не обойдешься, нужна долгая планомерная работа. Жаль, мама не слышит — может, наконец поверила бы в то, что я не худший номер в лотерее жизни».

«Лови, лови, лови

Сердца влюбленного стук,

Зови, зови, зови,

Я твой загадочный друг!» — надрывался наверху певец.

В тот момент я явственно услышала, как в приемной скрипнула дверь и звякнул колокольчик. Так, значит, к

обеду я сегодня опоздаю. Мама точно будет кукситься весь вечер. Ладно, переживем.

Я включила табло «Пожалуйста, подождите!», велела Марии садиться в кресло и открывать рот. Зуб, как того и следовало ожидать, держался на честном слове, я выдернула его с первого раза (а однажды, помню, пришлось выбивать зуб у девицы на седьмом месяце беременности — то еще развлечение). Хорошенько промыла десну, положила мазь с антибиотиком, выдала полоскание, сочувственно покивала, согласилась, что нынешний размер пособия — просто недоразумение, проводила Марию и, благословясь, зажгла табло.

2

«Плыви, плыви, плыви

В челне любви через море разлук,

Сорви, сорви, сорви

Оковы с потянутых рук!» — приветствовал нового посетителя мой припадочный друг из маминогo личника.

Первый диагноз я поставила сразу же, едва новенький появился на пороге: не местный. И немудрено: всех местных я знала от макушки до пяток со всеми их хвоями, детьми, пособиями и другими бедами, а этого человека видела впервые. Был он немолод, грузен, сутул, неряшливо одет и хорошо погрызен жизнью. Впрочем, пока он шел от дверей до моего стола, я немного изменила первоначальное мнение: не так уж стар, лет сорок, не больше. Просто шел он по-старчески: преувеличенно осторожно, щадя коленные суставы. Что само собой привело меня к новому диагнозу: артрит.

При осмотре все подтвердилось. Он приехал в наш городок на несколько дней. Бизнес. (Я подумала, что он еще и инопланетник, так как он говорил на эсперанто медленно и неуверенно, хотя вполне грамотно, но спрашивать не стала, было ни к чему.) Заболел около года

назад. Болели суставы после физической нагрузки, потом начали болеть по утрам. Чувствовал скованность, появилась неуверенная походка. К врачу не обращался. Да, в прошлом бывали травмы. Псориаза, подагры и хронических инфекционных заболеваний в анамнезе не было. (По крайней мере он каждый раз широко раскрывал глаза и осторожно спрашивал: «А что это?») Лихорадки, болей в сердце, одышки, проблем с желудочно-кишечным трактом не было. Визуально коленные и голеностопные суставы были немного отечные, красноватые, на ощупь теплее окружающих тканей, термография это подтвердила. Клинический анализ крови не показал отклонений. На УЗИ я увидела небольшой отек мягких тканей, уменьшение толщины гиалинового хряща, незначительный выпот в полости суставов и деформацию суставных поверхностей. Я уверенно написала в графе диагноз «деформирующий остеоартроз I степени», взяла пункцию хрящевой ткани, а также на всякий случай — кровь на маркеры ревматизма, назначила простейшие обезболивающие и противовоспалительные мази и посоветовала заглянуть через неделю. К этому времени из городской лаборатории придут результаты по крови и гистология, и если все будет, как я предполагаю, то через две недели получу клонированную хрящевую ткань и смогу имплантировать ее в сустав.

— Это если вы останетесь здесь на две недели, — закончила я. — Если нет, сообщите мне, когда уедете, я перешлю ваши данные по месту жительства, и вы сможете продолжить лечение.

— Хорошо, — ответил он и попрощался.

Он вообще был на редкость немногословен и покладист, что меня несказанно радовало. Получить на ночь глядя капризного пациента — то еще удовольствие. Я понадеялась, что он будет их тех, кого вспоминаешь с удовольствием, но быстро забываешь: пришел — вылечился — ушел.

Впрочем, после его ухода я еще немного задержалась — захотелось снова взглянуть на результаты УЗИ. Что-то там выглядело странным: не в самом суставе, а около. И быстро убедилась, что права. Точнее, как у Шерлока Холмса, странным оказалось то, чего там не было, а именно признаков остеопороза костей. Даже минимальных. То есть ему не приходилось проводить длительное время в неподвижности и/или в невесомости. Значит, я ошиблась, посчитав, что он — инопланетник. Ну, ошиблась и ошиблась. В любом случае это не мое дело.

3

Я сняла халат, повесила на крючок и закрыла амбулаторию. Вышла на крыльцо и погасила фонарь, чтобы не привлекать мошкарю. Я любила такие летние ночи: теплые, серые, безлунные. Пахло сырой травой и дымом — на соседнем участке жгли костер. Я долго смотрела на ветви деревьев, на листья, сливающиеся с темнотой. Временами налетал короткий порыв ветра, лохматил кроны, и снова воцарялся покой. А мне казалось: это жизнь летит мимо меня. И не то чтобы было жалко, просто я не знала, как могло бы получиться по-другому. Алекс обещал мне, что я буду менять мир, когда вырасту. «Не силой желания, а своими руками, своим трудом и талантом». А я пока что была способна менять только количество зубов во рту Марии. Очень человеколюбиво и общественно полезно. И не то чтобы я гнушалась «маленьким добром», которое делала за скромную плату. Просто мне было грустно, что я так и не узнаю, способна ли я на что-то большее... Я не видела способа узнать...

Я приготовила кувшин фруктового чая и поднялась наверх к маме. Она уже задремала. Я поставила чай на столик, приглушила свет, проверила, остались ли еще в

вазочке тянучки, взяла с одеяла новое мамино развлечение — игру «Живой Лабиринт». На поле расставлялись в произвольном порядке простейшие синт-клетки, дальнейшая судьба которых зависела от их расположения на доске. Если клетка оказывалась в одиночестве или в окружении трех и более соседей, то она погибала; оказавшаяся в паре — делилась. Соответственно с каждым ходом поле менялось. Еще в игре участвовала фигурка, которую надо было провести через этот меняющийся лабиринт. Фигурки встречались разного дизайна. Очень популярны были викинги с мечами. Но мама предпочла обычного туриста с альпенштоком — «туриллу», как звали мы их в детстве. Мама заснула, не закончив игру, и сейчас турилла неуклюже переминался с ноги на ногу, разводя время от времени руками и ожидая указующего перста. Я посочувствовала бедняге, но помочь ничем не могла — игра была установлена на отпечаток пальца владельца. Поэтому я просто поставила коробку на подоконник. И опять замерла, завороченно глядя, как растущая под окном осина под порывами ветра выворачивается наизнанку, на мгновение становясь серебряной.

Снова жалостливые вечерние мысли выползли из темноты и опутали меня. Я себе казалась таким же туриллой, который бодро шагал, сверяясь в картой, но вдруг остановился и удивился: а куда я иду? И зачем? И почему именно туда?

Мама говорила, что игры помогают ей поддерживать разум ясным. «А я не могу впасть в маразм, Элли, пока ты не станешь настоящей хозяйкой дома». Что означало: «пока ты не выйдешь замуж и не заведешь детей». На что я неизменно отвечала: «Оставайся подольше в здравом уме и твердой памяти, мамочка, это меня вполне устраивает». Странно: с мамой мы — биологические родственники, с папой — нет. И тем не менее я всегда была больше похожа на него: и внешностью, и характе-

ром. Впрочем, я очень недолго знала его, так что могла просто выдавать желаемое за действительное.

Нет, все. Хватит думать, пора спать, а то кошмары сниться будут.

Я ушла в свою спальню, подключила терминал вызова и, раздевшись, нырнула под одеяло. И спала, слава богу, без снов до тех пор, пока терминал не загудел. В темноте я взглянула на таймер — три часа ночи. Навигатор показывал машину, приближающуюся к окраине нашего поселка с запада. Именно оттуда шел сигнал. Странно. Я нажала на кнопку, и приятный мужской голос произнес:

— Фрау Фишер? Это полиция.

ГЛАВА 3

НОЧЬ, КОГДА ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Ну вот, это уже совсем другое дело.

1

— Фрау Фишер? Это полиция. Говорит констебль Круглов. Я буду у вашего дома через пятнадцать минут. Вы должны будете поехать со мной на место преступления. Нам нужен судмедэксперт.

— Нужен судмедэксперт, ему и звоните. При чем здесь я?

— В поселках нет службы медицинской экспертизы, а ждать экспертов из города слишком долго. В таких случаях полиция имеет право привлекать практикующих врачей. Вы подписали соответствующее соглашение, когда устраивались на работу.

Подписала? Может быть. Это было три года назад, и до сих пор меня никто не трогал.

— Почему вы не можете подождать специалиста из города?

— Потому что у нас *высочка*, и он вот-вот проклянется.

Черт.

— Подъезжайте. Буду ждать.

2

Я успела одеться и оставить голосовое сообщение маме. На остальное уже не было времени — констебль приехал очень быстро. Он был еще совсем молодой, но уже с небольшим брюшком и залысинками. Немного напоминал Винни-Пуха, выросшего и напаявшего форму полицейского. И откровенно испуганного, бледного и кусающего губы Винни-Пуха. Оно и понятно: *высочка*. Который вот-вот проклянется.

Я плюхнулась на заднее сиденье моби. В горах аэрокары не используют из-за частых гроз.

— Куда мы едем?

— В Нейдорф.

— Там же есть свой врач, и гораздо более опытный.

— Он в отпуске.

— Здесь поверните налево — сразу выедем на автостраду.

— Спасибо.

Моби быстро проскочил темные кварталы окраин и скользнул на ровное прямое полотно автострады, соединяющей два города. Обычно путь между ними занимает около полутора часов, но констебль гнал с превышением скорости, так что обернемся за час. Час сюда, час обратно, еще примерно полчаса на то, чтобы понять, как действовать, — итого: *высочку* выявили около двух с половиной часов назад.

— Вы уже знаете, как это случилось? И, кстати, кто у нас: парень или девушка?

— Парень. Шестнадцать лет.

— Ого. Поздний.

— Родители оказались из какой-то секты, которая против прививок. Переехали в наш город недавно, представили фальшивые документы о блокаде.

— А токсикология?

— Часть обследований они пропускали, потом уезжали в город и привозили справки оттуда. Школьная медсестра им верила. Парень начал проклевываться после школьной вечеринки. Избил девушку и убежал в горы.

— В каком состоянии девушка?

— Вроде ничего, но вам все-таки будет нужно ее осмотреть, фрау Фишер.

— Конечно. Кстати, меня зовут Хелен.

— Меня — Лев. Лев Круглов.

К счастью, я понимаю русский язык настолько, чтобы оценить иронию, скрывавшуюся в имени и фамилии моего нового знакомого.

— Ладно, Лева. Если не возражаете, я пока посплю. Когда еще доведется!

3

Меня разбудило солнце. Поднимаясь из-за гор, оно разогнало туман и освежило осенние краски. Мы как раз проезжали через перевал, и по обеим сторонам от дороги тянулись в небо крутые склоны с темно-золотым поясом дубов и светло-золотой шапкой буков, разбавленных кое-где красными островами кленов. В ослепительной бездонной синеве не было ни облачка. Если погода резко не изменится, день будет по-летнему жарким. Что, с одной стороны, рискованно: неизвестно, как жара подействует на выскочку; с другой стороны, она не позволит ему затаиться где-нибудь, заставит двигаться, а значит, увеличит для нас шансы его поймать.

Я хорошенько потянулась и спросила у Левы, что нового.

— Спасатели обыскивают плато, — ответил он, — и вроде бы уже обнаружили след.

— А где девочка?

— В нашей амбулатории.

— Тогда поехали туда.

Нейдорф был похож на наш Фриденталь как две капли воды. Те же белые коттеджи с красными крышами, два многоэтажных здания в центре (в одном — супермаркет, в другом — офисы городского управления, в том числе и полицейский участок). Амбулатория доктора Нистрома находилась на улице, без затей названной Центральной, в двух минутах ходьбы от площади.

Девочка по имени Карен, белобрысая и заплаканная, ждала в компании со своими родителями. Они держались за руки, и она сразу заговорила со мной, что было хорошим знаком.

— Вы доктор Фишер, ведь так? Вы им скажите, что Курт не виноват. Его нельзя убивать. Он просто сорвался, вот и все, но он не сделает ничего плохого.

— А ты давно его знаешь?

— Они вместе ходят в школу, — сказала мама Карен. — С пятого класса. И всегда дружили. Мы и подумать не могли, что он не блокирован. Такой хороший мальчик, бедный мальчик...

— Во всем виноваты эти идиоты, его родители. Инопланетники, а туда же... Думают, что самые умные...

Я оглянулась — Левы в помещении уже не было.

— Карен, что случилось? — спросила я. — Как это вышло?

— Мы гуляли. Вечером, после танцев. Курт был какой-то сам не свой, даже не знаю почему.

— Он вообще в последние дни вел себя как-то странно, — добавила ее мать. — Вчера я встретила его на рынке, и он со мной не поздоровался. А когда я окликнула его, вздрогнул, как будто я его напугала.

— Он и ночью весь дрожал, — продолжала Карен. — И вспотел, хотя было нежарко. Я хотела его успокоить, взяла под руку. А он вдруг подскочил на месте и схватил меня. Я закричала. А он толкнул меня так, чтобы я упала на землю, потом два раза пнул и убежал.

— О, милая! — вздохнула мама.

— Я ужасно испугалась... — призналась Карен. — Мне казалось: это какой-то сон.

— Родители — идиоты, — гнет свое папа. — Сами себя перехитрили. Нечего их вообще сюда пускать, инопланетников этих.

— Вы поможете Курту? — снова спрашивает Карен.

— Я постараюсь, но ты должна понимать, что не все зависит от нас, — отвечаю я. — А сейчас пойдём, я тебя осмотрю.

Карен не пострадала серьезно, я нашла у нее всего лишь несколько синяков и поверхностных ссадин. Ввела транквилизатор, дала родителям несколько таблеток про запас и посоветовала обратиться к врачу, если их будет что-то тревожить. Но сама была уверена, что с Карен все будет в порядке. Чего не скажешь о Курте.

4

В прихожей амбулатории меня ждет женщина-патрульный, чтобы отвезти в участок. Другой патрульный ожидает семью Карен.

— Сержант Роджерс велела в эту ночь вас посторожить. Она не думает, что Курт вернется, обычно выскочки так не поступают, но все же вам придется еще немного потерпеть наше присутствие.

Родители не возражали и, похоже, вздохнули с облегчением.

Сержант Роджерс на первый взгляд показалась мне типичной «еврейской мамой»: невысокая, полноватая, с маленькими черными усиками. Она усадила меня в

кресло и принесла чашку кофе, сваренного собственноручно.

— Я уж Льевушку отругала, что термос забыл, — посоветовала она.

Я улыбнулась, представив, как она ругает «Льевушку». Кофе, кстати, был превосходный — отличной обжарки, с ароматом гвоздики и имбиря. Я окончательно проснулась и воспрянула духом.

Ничего нового сержант мне не сообщила. Когда Карен вся в слезах прибежала в школу, охранники вызвали полицию, и сержант Роджерс сразу догадалась, что речь не идет об обычной размолвке влюбленных. («Не похоже это на Курта, обычно он кого хочешь уболтает, а тут молчком — ударил и бежать».) Она отправилась к родителям мальчика, а не обнаружив его там, поговорила с ними по душам и на втором часу разговора получила наконец от них признание в том, что мальчик не был своевременно заблокирован. После этого она доставила родителей в участок и начала бить во все колокола: вызвала спасателей, отправила Леву за мной, подняла на ноги весь свой небольшой штат, отправила патрули к школе, к дому Курта и к дому Карен.

— Я знаю, что вы в первый раз на таком деле, но, честно говоря, мы тут все выскочек еще не ловили, так что если что запорем, так все вместе, — утешает она меня. — Хотите поговорить с Беккерами?

— С кем?

— С родителями Курта.

— Было бы неплохо. А можно?

Сержант Роджерс вздыхает:

— По протоколу нельзя, конечно, и мне потом по шапке наступят.

— Мне кажется, потом будут сложности с судебным процессом.

— Да это-то понятно, но сейчас не о том речь, сейчас нам мальчика вытаскивать нужно. Так что идите, а потом посмотрим, что можно сделать.

— Хорошо. Тогда не могли бы вы попросить кого-нибудь отправить из школы данные обследования психолога, а патрульных, которые дежурят в доме Беккеров, просмотреть журнал в компьютере Курта и прислать мне ссылки на порносайты, где он бывал. Или любые материалы с сексуальной подоплекой, которые они найдут. Может быть, я успею их посмотреть.

5

Камера в полицейском участке Нейдорфа, как и следовало ожидать, блистала чистотой и выглядела даже уютной: понимая, что ее арестанты — люди интеллигентные и буйствовать не будут, сержант Роджерс притащила матрасы и подушки, чтобы можно было прилечь с удобствами. Не обошлось также без знаменитого кофе и двух мультиридеров, которыми, впрочем, Беккеры не воспользовались.

Я сразу поняла, почему родители Карен и Курта так ладили до этого момента. Если бы их поменять местами, возможно, их дети ничего бы не заметили. Та же неуязвляющая классика респектабельности в одежде (блузка и юбка-карандаш у мамы, брюки и рубашка-поло у папы); та же безукоризненная вежливость (в данном случае несколько нарочитая и взвинченная, но это и не удивительно); та же непоколебимая уверенность в своей правоте. Разница только в том, что правота родителей Карен подтверждена фактами. Не потому, что они умнее или лучше родителей Курта, а потому, что они местные и знают, что здесь почем.

— Поймите, доктор, — убеждает меня мама. — Мы же специально улетели с Земли, чтобы быть свободными, чтобы воспитывать детей так, как нам пред-

ставляется правильным. На нашей родной планете, случилось, отбирали детей у родителей только потому, что матери слишком долго кормили их грудью или спали с ними в одной постели. Согласитесь, это дикость.

Меня сейчас меньше всего интересуют политические дискуссии. Потому что в любой момент в камеру может войти Лева и сказать, что спасатели нашли Курта, и мне потребуются очень веские аргументы, чтобы они его не застрелили на месте. А таких аргументов у меня нет, и я даже пока не представляю себе, как они могут выглядеть.

— Скажите, у Курта есть хронические заболевания? — спрашиваю я.

— Нет, что вы. Он абсолютно здоров. Потому что мы не делали ему прививок и сохраняли естественный иммунитет.

— Конечно. А чем он увлекается?

— Математикой и языками. И еще музыкой. Играет на гитаре.

— Вы случайно не знаете его любимых исполнителей?

— Послушайте-ка, милая барышня, — вдруг жестко говорит отец Курта, — давайте прекратим этот бессмысленный разговор. Я хочу знать, в чем нас обвиняют и можем ли мы по вашим дурацким законам рассчитывать на адвоката? Я не спору, Курт повел себя безобразно. Будь мы на Земле, я предположил бы, что они выпили на этой вечеринке, но здесь у вас даже взрослый человек не может достать спиртное. Значит, надо спросить эту девицу, Карен, как это вышло, что он ее ударил ни с того ни с сего. Впрочем, я его ни в коем случае не оправдываю и дома поговорю с ним по-мужски. Но опять-таки на Земле это было бы делом школьного комитета, и никто бы не подумал привлечь полицию.

— А я думаю, что это во многом вина школы, — вставляет мама. — Детей совершенно не приучают к

чтению, не развивают воображение. Вы видели список для внеклассного чтения в выпускном классе? Там же сплошные «Как разжечь костер» да определители растений или птиц. Еще эти странные книжки по ауто-тренингу и релаксации. А дети и так отупевшие после вашей дурацкой блокады. Ходят, как идиоты затор-моженные. Нет, я не спорю, современных подростков трудно увлечь чтением, но есть же столько замечатель-ных приключенческих книг!

— И вы давали их читать Курту?

— Да! — с вызовом говорит она. — А что — это пре-ступление?

«Нет, — отвечаю я мысленно, — просто опасная глу-пость».

Входит женщина-патрульный, которая привезла меня сюда. Я невольно вздрагиваю.

— Фрау Фишер, вам прислали данные, — говорит она. Я вздыхаю с облегчением.

— Что это значит? Какие еще данные? Кто-нибудь объяснит мне, что происходит и когда нас выпустят? — возмущается господин Беккер.

Но я трусливо сбегаю, оставив констебля разбираться с арестантами. В конце концов, ей за это платят. А мне — не за это.

ГЛАВА 4

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С КУРТОМ?

То же, что едва не случилось со мной двадцать лет назад.

1

Уинифред Котовски должна была стать первым чело-веком, который умер на нашей планете. Несчастье слу-чилось с ней еще в Солнечной системе. Но она узнала

об этом только семь лет спустя. Через три года после старта с околоземной орбиты стандартный серийный корабль «Поиск 213» вышел за пояс Койпера и запустил двигатель Алькубиерре, создавший вокруг корабля замкнутый пузырь с отдельным «куском» пространства-времени. Позади корабля за счет сжатия дополнительных измерений пространство-время расширялось, а впереди, за счет их расширения, сжималось, что приводило к перемещению пузыря вперед со сверхсветовой скоростью. Мгновенно «Поиск» оказался на границе системы Глизе 581 и еще четыре года потратил на то, чтобы достичь планеты Глизе 581 d, находящейся в «поясе жизни». Еще во время полета Котовски — биолог и оператор систем жизнеобеспечения — начала замечать отклонения в своем здоровье и вскоре поняла, в чем дело: в ее поджелудочной железе поселилась агрессивная, нечувствительная к терапии опухоль, съедавшая ее заживо.

Какое-то время она скрывала свое состояние, пытаясь в одиночку справиться с ужасом и обидой на мироздание, потом призналась своим друзьям и категорически запретила им разворачивать корабль — она знала, что не доживет до возвращения. И когда первый шаттл с группой исследователей нырнул в облачный слой Глизе и Уинифред разглядела в иллюминатор непривычные иссиня-темные пески, светло-розовые в солнечных лучах снежные вершины гор и такую знакомую голубовато-зеленую ширь океана, она заплакала навзрыд: по черным, усыпанным звездами небесам, которые никогда не увидит, и по недостигаемой Земле, где осталось столько несказанных слов и незаконченных дел.

Сама планета, как скоро выяснилось, была долгожданным подарком для человечества. С гравитацией в полторы единицы, с достаточным содержанием кислорода в атмосфере, с биосферой, миллиарды лет оставшейся в пределах океана и не породившей сколь-нибудь

высокоразвитых форм, она была прекрасным кандидатом на колонизацию. Что было удачей, но не чудом: если учитывать, что в Галактике были обнаружены триллионы планет, то получалось, что среди них должно быть немало землеподобных, а среди них — немало настолько землеподобных, что они были пригодны для колонизации. Разумеется, найти такую планету во время 213-й поисковой экспедиции было чистым везением, и Уинифред порой думала, не было ли то, что случилось с ней, жертвой, которую потребовала себе злобная Вселенная.

Оставаясь Уинифред на Земле, она, наверное, впадала бы в депрессию и позволила бы себе умереть, а может, и покончила жизнь самоубийством — происшедшее с ней было слишком нелепо и несправедливо, и она не желала больше иметь дела с миром, выкидывающим такие штуки. Но она не хотела стать обузой для коллег, по крайней мере, до тех времен, пока симптоматические препараты поддерживали ее в рабочем состоянии. И чтобы сохранить разум, она начала конструировать себе религию.

Первым догматом стало то, что ее убивал космос. Это предположение было весьма правдоподобным. С космонавтами дела обстояли примерно так же, как с рентгенологами в XX веке: онкология была их профессиональным заболеванием. Хотя солнечные вспышки легко было предсказать и укрыться от них, колебания галактического излучения были менее изучены. С годами почти все космонавты набирали избыточную дозу радиации, что и приводило к печальным последствиям. Разумеется, достоверно доказать происхождение своего заболевания Уинифред не могла — оставалось вполне вероятным, что ее подвели, к примеру, собственные гены, но точность и доказуемость в деле изобретения веры никогда не требовалась. Потому что второй догмат религии Уинифред был совершенно невероятным и не-

доказуемым, но она положила себе верить в него беззаветно и некритично. Он гласил: космос может ее спасти. Точнее: Глизе 581 d может ее спасти.

Унифред специализировалась на молекулярной биологии. Перед ней была совершенно неисследованная биосфера планеты. Поэтому она положила себе верить, что сможет найти вещество, которое чудесным образом полностью исцелит ее. Унифред было нетрудно его себе представить — с точностью до атома и до химической связи. Это должен был быть белок-катализатор, способный активировать участки ДНК, отвечающие за выработку естественных антионкогенов. Именно мутация этих участков и приводила к бесконтрольному размножению раковых клеток в организме. Унифред вообразила себе белок, способный проникать в ядра, осуществлять обратную транскрипцию и восстанавливать мутировавшие цепочки ДНК, вновь запуская противоопухолевый иммунитет. Это был весьма правдоподобный сценарий, и если бы такого белка не существовало, Унифред, несомненно, посоветовала бы Вселенной его придумать. Но ей удалось поверить, что он существует и просто играет с ней в прятки. Она попросила врача экспедиции провести биопсию, выделила клеточную культуру и начала поиск. И когда три месяца спустя, изучая местный аналог кольчатых червей, обнаружила вещество, о котором грезила ночами, накачанная обезболивающими препаратами, даже не слишком удивилась.

Снова никому ничего не рассказывая, она выделила препарат и начала вводить его себе (то, что она смогла его очистить и стабилизировать в полевых условиях, Унифред тоже не удивило — у нее уже просто не было сил на эмоции). И лишь после того как ее самочувствие улучшилось, а анализы показали стремительное уменьшение опухоли, она впервые спросила себя: «А что, собственно, произошло? И что из этого следует?»

Сначала, Унифред, разумеется, казалось, что она на пороге открытия универсального лекарства против рака. Но Вселенная приготовила для нее еще один сюрприз: препарат оказался «Унифред-специфичным», он действовал только на ее опухоль и только в ее организме — что поздравевшую Котовски не просто удивило, а ошарашило. Какое-то время она была готова уверовать в чудо и в то, что у Вселенной она на особом счету. Однако скромность и здравый смысл, внушенные ей с детства, не подвели — Унифред задала себе ключевой вопрос: «Если это чудо, то в чем его смысл?»

Ответ, который тут же пришел ей в голову, был невероятным, беспрецедентным и одновременно единственно возможным: на Глизе 581 d исполнялись желания. С тех пор Унифред назвала планету Неверленд, что впоследствии стало официальным названием, так как в своем завещании миссис Котовски строго запретила давать ей и каким-либо географическим объектам на ее поверхности свое имя.

Унифред Котовски вернулась на Землю, ушла из Звездного флота, купила яхту и следующие несколько лет провела с семьей на Великих американских озерах, кочуя от острова к острову и всячески уклоняясь от встреч с журналистами, коллегами и правительственными чиновниками. Позже, когда шум вокруг открытия новой планеты утих и началось формирование корабля колонии, она незаметно, с черного хода вернулась в науку и занималась до самой старости исследованием противораковых белков, не сделав, к сожалению, сколь-нибудь значимых открытий. Унифред умерла в возрасте ста семи лет — на своей яхте, под толстым

желто-оранжевым одеялом, которое сама связала, в окружении детей и внуков.

Историю ее чудесного исцеления колонисты узнали из письма, которое она оставила на планете в герметичном контейнере. Для того чтобы ее не признали тут же сумасшедшей, она приложила к письму результаты своих обследований до и после лечения, а также образцы полученного вещества и клеточную культуру опухолевой ткани.

«Я не представляю себе принципов работы механизма, который случайно запустила, — писала Уинифред. — Полагаю, значение имеет сила желания и то, что я ясно представляла себе желаемый объект. Несомненно, вы рано или поздно столкнетесь с действием этого механизма. Я думаю, что широкое распространение информации сейчас преждевременно, но и ее депонирование в архивах ведомств госбезопасности неразумно. В данном случае решение должны принимать те, кого она непосредственно коснется, — то есть вы. Вы достаточно компетентны и малочисленны, чтобы выработать стратегию поведения, основанную на здравом смысле. Надеюсь, что вы воспользуетесь этим преимуществом».

Надо думать, колонисты не сильно обрадовались, прочитав это послание. Вряд ли им хотелось разбираться с таинственной «волшебной палочкой», которую любезно подсовывала им планета. У них были совсем другие планы. Открытие Уинифред сулило больше проблем, чем возможностей. И первой и главной проблемой было то, что, если информация дойдет хотя бы до командования Звездного флота, колонию немедленно свернут, а планету закроют. Такого варианта развития событий колонисты не хотели допустить ни в коем случае — они уже много лет жили с мыслью, что им предстоит осваивать новую планету, и не были готовы поступиться своим будущим.

К счастью, большое расстояние и нерегулярная связь с Землей давали колонистам необходимую свободу маневра.

Очень быстро выяснилось, что экспериментально данные Уинифред не подтверждаются. Нет, касательно ее личного случая все было в порядке. Белок исправно уничтожал клетки опухоли Уинифред и игнорировал остальные клеточные культуры. Но больше исполнить свое желание не удалось никому. Экспериментаторы до потемнения в глазах думали о белых шариках и черных кубиках, о молекулах и атомах, морили себя голодом и жаждой до потери сознания, мечтая о растворе глюкозы, — все было тщетно, ни одному из них не удалось материализовать даже самый простой объект.

Напрашивалось два объяснения. Первое — Уинифред действительно была сумасшедшей, либо что-то перепутала, либо обладала уникальными способностями, не зависящими от планеты. Второе — экспериментаторам просто не удалось достичь нужного уровня концентрации, ведь ими двигало только научное любопытство, и они знали, что в любой момент могут прервать опыт; а для Уинифред поиск протеина был буквально делом жизни и смерти.

Здесь нужно учитывать, что колония не обладала достаточными ресурсами, чтобы тратить их на столь расплывчатые исследования. Хотя планета и была пригодна для жизни, она все же нуждалась в частичном терраформировании. Работы было много, людей мало. Поэтому службе статистики был поручен мониторинг подозрительных событий, а изучение проблемы отложили в долгий ящик.

Долгое время исследования, на которые тратилось мало времени и денег, давали незначительный результат. Статистики исправно представляли в головную контору сведения о потерянных и через несколько лет

чудесным образом найденных домашних любимцах, о появлении копий умерших людей (правда, то были именно копии, причем неорганические) и прочих странных случаях. Однако все эти случаи были сильно разобщены в пространстве и во времени, и непонятно было, как их анализировать.

Здесь, как сказал бы автор XIX века, наша история прощается со страстной и непредсказуемой миссис Котовски и выводит на сцену героя совершенно другого склада. Рудольф Хофф был скромным служащим статистического бюро в городке Лилиенталь. Прекрасный семьянин, счастливый отец двух детей, обожаемый муж своей обожаемой жены, хороший друг, с которым всегда можно было перекинуться в карты, сыграть в гольф или съездить на рыбалку. Но — никакой работник. Собственно, ему поручили мониторинг в рамках «программы Котовски» именно потому, что он не ленился отслеживать массивы однообразных данных и не претендовал на большее. Если же ему поручали мало-мальский анализ полученных данных, он замучивал коллег, постоянно консультируясь у них и фактически уговаривая сделать работу за него. Но механическая и потенциально безрезультатная деятельность была, казалось, создана для него. Или он был создан для нее.

Однажды Рудольф обратил внимание на случаи идиопатических инсультов у подростков пятнадцати-шестнадцати лет. Слово «идиопатических» означало, что они возникали буквально на пустом месте и у детей, обследование которых не выявляло никаких патологий. На Земле было известно всего несколько случаев инсультов в раннем возрасте, и все они были связаны с предшествующими, часто врожденными заболеваниями. На Неверленде это случалось чаще. Статистически достоверно чаще. И без предупреждения.

Возможно, информация взволновала Рудольфа потому, что у него было два сына-подростка. Поэтому он

сделал то, чего не рекомендовало ни одно утвержденное руководство по обработке данных: запустил систему на поиск других уникальных событий в регионах, отмеченных нарушением статистической закономерности, во временном диапазоне два месяца: месяц до случая инсульта, месяц после случая инсульта. И отправился домой, поскольку как раз был конец недели. Вероятно, в эти два дня он был особенно нежен со своими мальчиками и одновременно — необычно задумчив и рассеян.

Когда же в понедельник Хофф вернулся на рабочее место, его ждал потрясающий ответ: в тот же период времени в тех же регионах наблюдались погодные катастрофы: землетрясения, ураганы, сходы лавин, селей и даже цунами. Причем катаклизмы были тоже в своем роде «идиопатическими» — возникали без причины и были нетипичны для местности.

Придя к подобному результату, любой другой испугался бы, что его сочтут малокомпетентным, и придержал бы выводы при себе. Но Рудольф был начисто лишен амбиций. Его в тот момент волновало только одно: грозит ли что-либо его мальчикам. И тогда он решился на новый нестандартный поступок: зная осторожность своего непосредственного начальника, Хофф отправил свой доклад прямо во всемогущий Санитарно-эпидемиологический комитет. И там его прочитали.

6

Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы вспомнить о записке Котовски и найти связь между спонтанными погодными катастрофами и инсультами у подростков в одно и то же время, в одном и том же регионе. Для этого хватало бытовых знаний о психологии подростков, а именно того, как часто они мысленно желают, «чтобы все сдохли» и «гори все огнем». Когда психологи более глубоко изучили биографии юных пациентов,

стало ясно, что у большинства из них было так называемое «дисгармоничное» развитие — они находились в затяжном конфликте с родителями, школой или вообще со взрослым миром. Причины были самые разные, но последствия оказывались неизменно разрушительны как для самого бунтаря, так и для его окружения. Очевидно, если взрослым не хватало первобытной силы желания, чтобы воспользоваться «эффектом Котовски», а детям не хватало четкости воображения, то подростки инстинктивно находили то сочетание этих качеств, которое запускало механизм «исполнения желаний».

Население Неверленда в тот момент составляло около пять миллионов человек. Среди них было около миллиона детей. Поэтому, когда Санитарно-эпидемиологический комитет осознал, что по планете ходит миллион потенциальных бомб, которые только ждут своего часа, он принял меры, и очень быстро.

Была разработана так называемая процедура биоблокады. При первых признаках полового созревания подросткам вживлялся под кожу инъектор с датчиком, который, ориентируясь на уровень стрессорных медиаторов в крови, вводил пациенту ту или иную дозу легких седативных средств. Также проводились многочисленные тренинги среди подростков по самоконтролю и психотерапевтические беседы, но наиболее надежным средством все же считалась биоблокада. Побочными эффектами ее были вялость, сонливость и апатия, что, разумеется, не слишком нравилось ни самим подросткам, ни их родителям, но и положительный эффект был налицо: если в начале введения биоблокады фиксировалось десять-пятнадцать случаев «болезни Хоффа» в год, то ко времени моего появления на свет статистика свелась к одному случаю за десятилетие. Даже если ребенок начинал «падать», как я, его самоуничтожение удавалось задержать более серьезными препаратами, и он не превращался в «высочку» — так на жаргоне на-

зывалась клиническая манифестация болезни Хоффа. Мой случай был уникальным, потому что я «упала» задолго до подросткового возраста. После этого инцидента комитет стал вводить предварительную биоблокаду детей с посттравматическим синдромом.

Сыновей Рудольфа болезнь Хоффа не коснулась. Оба благополучно выросли и прожили долгую жизнь. Столь же незаметную и счастливую, как их отец и мать.

ГЛАВА 5 НА ПЛАТО

Кстати, пока не забыла: я боюсь высоты.

1

Лева явился за мной около полудня, когда я уже изрядно оглохла от подростковой музыки и обалдела от подростковой порнографии. Кажется, Курт интуитивно нашупал свой путь к биоблокаде: его любимые композиции и ролики погружали в транс не хуже транквилизаторов. Я была почти рада выбраться из участка на свежий воздух.

— Так вы говорите, мальчика нашли? — сказала я, садясь в машину.

— Да, он успел добраться до плато и спрятаться в пещере. Сейчас спасатели его обложили и ждут, пока он выйдет.

— Разумно. Заедем к доктору Нистрому, мне нужна сумка с набором для ЧС.

— Не нужно, я уже прихватил. Мы можем сразу отправляться в горы.

— Хорошо, вы молодец, Лева.

«А особенный молодец — сержант Роджерс, — подумала я. — Умеет не задавить в подчиненных инициативность. Уважаю».

Говоря честно, я все еще надеялась, что от меня потребуется только присутствие. Полицейские — профессионалы, рейнджеров специально обучали действовать в чрезвычайных ситуациях, а я нездешняя и новичок, мое дело — не путаться под ногами да вовремя попадать в вену, что я хорошо умею.

Дорога плавным зигзагом подбиралась к ближайшей к городу горной цепи, увенчанной двумя высокими голыми скалами, словно огромными рогами. Между ними тянулась бурая скальная стенка, скупно поросшая зеленью. У подножия, куда стекали многочисленные ручьи, зелень была гуще — настоящий лес.

Мы проехали под сводами светло-бурых буков, затем под пологом темных дубов. Потом дорога сделала еще одну петлю и... неожиданно кончилась у самой скальной стенки. Мне это очень не понравилось.

— Мы что, уже добрались? — спросила я Леву, словно могла изменить реальность своим вопросом.

— Ага, — ответил он как ни в чем не бывало, достал из багажника белую сумку с красным крестом и повесил за спину. — Дальше придется пешком. Вы не беспокойтесь, — видимо, он заметил, как я побледнела. — Здесь широкая тропа, школьники каждый год ходят на экскурсии. И невысоко. Всего полкилометра.

2

За следующие несколько часов я прониклась глубоким уважением к школьникам из Нейдорфа. В самом начале пути тропа была еще как-то прикрыта деревьями — маленькими кривоватыми горными дубами, корни которых были похожи на старческие пальцы, впившиеся в землю, и я даже опиралась на их стволы, когда чувствовала себя неуверенно. Но стоило нам подняться метров на сто, как дубы неожиданно кончились, и пришлось буквально лезть по скалам, ориентируясь лишь

на полустертые метки красной краски, которые выделяли не совсем отвесные участки скалы, гордо назвавшиеся «тропой».

Лева был выше всяких похвал, галантен и вездесущ — то он протягивал мне руку, затаскивая на следующий уступ, и тут же спускался ниже меня: «Я страшую, фрау Фишер, не бойтесь!» — и снова оказывался рядом, протягивая фляжку с водой. Мы оказались на солнечном склоне, и становилось все жарче, пот заливал глаза, сердце колотилось, как бешеное. Я давно уже плюнула на свою гордость и ползла на четвереньках, прижимаясь животом к нагретому светлому камню, который пах пылью и ежевикой. Впервые с нынешнего утра у меня из головы вылетели все мысли о *выскачке*. Я только думала о том, где мне упасть мешком и сказать, что я больше не могу, но никак не могла найти достаточно широкой площадки для осуществления задуманного. Нежные растрепанные полупрозрачные облачка у нас под ногами милосердно прикрывали оставшуюся внизу долину, скрадывали ощущение высоты.

Наконец я снова увидела перед собой деревья, проползла еще немного вверх, цепляясь за корни, и обнаружила, что тропа из почти вертикальной стала почти горизонтальной.

— Ну вот и добрались, — радостно сообщил Лева. — Теперь немного осталось.

Тропинка, пронзавшая дубовую рощу, оказалась короткой: пройдя метров двадцать, мы оказались на широкой равнине, похожей на большое зеленое блюдо, по которому были разбросаны обгрызенные кусочки сахара — ноздреватые белые камни.

— Здесь под нашими ногами целый лабиринт, — пояснил Лева. — Каждый камень — это пещера, которая еще не вскрылась. А в них запас грунтовых вод для всего поселка — с другой стороны горы родники, потом я вас туда свожу.

— Звучит необыкновенно ободряюще, — проворчала я себе под нос.

— Вам обязательно нужно спуститься в пещеры, когда все закончится. — Лева просто лучился оптимизмом. — Это незабываемое зрелище. Галереи, подземные залы, озера с прозрачной водой! Красота, которая не была создана для человеческих глаз. Пойдемте, когда все закончится.

Я сразу увидела спасателей и сержанта Роджерс среди них (неужели и она поднималась по этой тропе?). Они спокойно сидели полукругом между камней, покуривали, тихо переговаривались — ни дать ни взять туристы на прогулке. Но под рукой у каждого было оружие, причем не револьверы полицейских, а настоящие винтовки. Это меня удивило: никогда не слышала о том, чтобы спасателей вооружали.

Чем ближе я подходила, тем понятнее становилось, что отряд только кажется спокойным. Они не повышали голосов, но в тоне была ясно различима агрессия. Сержант Роджерс спорил с одним из спасателей — высоким седовласым мужчиной с худым загорелым лицом, орлиным носом и гладко выбритым твердым подбородком, при виде которого мне сразу пришла в голову невесть откуда взявшаяся фраза «благороднейший старик».

— ...Совершенно недопустимо! — сказала сержант Роджерс, как только я оказалась достаточно близко, чтобы различать слова.

— Вы решитесь повторить для протокола? — невозмутимо, но с явной угрозой в голосе поинтересовался «благороднейший старик». — Что именно недопустимо? Обеспечить максимальную безопасность моим людям?

— Безопасность — это наша цель, — отступила сержант Роджерс. — Но, Вальтер, я прошу...

Клянусь, она произнесла именно это слово: «прошу». Начальник городской полиции — спасателю. Пусть

даже командиру отряда, судя по тому, как на него смотрела вся одетая в хаки команда с винтовками.

— Мэри, здесь доктор Фишер, — Лева, видимо, решил, что нужно вмешаться, и заработал тяжелый взгляд старика.

— Доктор Фишер? — быстро переспросил тот, не дав сержанту Роджерс вставить ни слова. — Что ж, еще одно мнение нам не помешает. — Он смерил меня взглядом. — Как вы полагаете, доктор... Наш выскочка, судя по всему, залег глубоко в этой пещере. — Он ткнул пальцем в темное пятно на скале метрах в пятидесяти от нас. — Я предлагаю, не подвергая никого ненужному риску, воспользоваться гранатами объемного взрыва и, так сказать, похоронить проблему. Но наша мадам полицейский возражает, хотя сама не может ничего предложить.

— А у вас есть такие гранаты? — удивилась я. — Откуда?

Вальтер усмехнулся, вздернув правый уголок рта. Я заметила на его левой щеке перед ухом тонкий неровный шрам, а также то, что левая половина лица менее подвижна. Похоже, в молодости он крепко дрался и не боялся боли.

— Откуда, не ваше дело, доктор. Это мы с мадам полицейским давно решили. Лучше скажите, вам больше понравится, если я пошлю своих людей в пещеру, чтобы выкурить оттуда парня, а он устроит тарарам? И скажите, каковы шансы, что он его не устроит? Он сейчас бешеный, зол на всех и не контролирует себя, а мадам Роджерс просит обращаться с ним, как с хрустальной вазочкой.

— Могу я взглянуть поближе на вход в пещеру? — попросила я.

Вальтер удивленно вскинул брови, но кивнул.

— Желание дамы — закон. Клавдия, детка, дай-ка доктору свою пушку.

Одна из спасателей — женщина лет тридцати, одетая почему-то в темную длинную юбку прямо поверх штанов и темный же платок, скрывавший почти все волосы, кроме выбившейся на лоб белокурой пряди, — протянула мне снайперскую винтовку с оптическим прицелом.

— Смотрите вот сюда. Не бойтесь, она на предохранителе. Не выстрелит.

— Спасибо.

Я «прицелилась» в темноту пещеры. По правде говоря, я ничего не планировала увидеть и придумала эту отговорку, чтобы потянуть время. Мне все еще не хотелось втягиваться в спор между сержантом Роджерс и командиром спасателей, который явно начался не сегодня и закончится не завтра. Но вдруг в темноте я заметила едва уловимый блик. Что-то белое мелькнуло у самого входа в пещеру, как будто кто-то на мгновение выглянул из-за поворота коридора и тут же спрятался. Но, возможно, мне это только показалось. Я ведь не охотник и не следопыт.

— Так что скажете, доктор? — наседал Вальтер. — Можем мы рисковать...

— Не думаю, что доктор Фишер должна... — вступился за меня Лева.

А я уже не могла удержать свое воображение. Внезапно я увидела нас со стороны. Нас всех. Как будто огромный макет горы. На ее вершине маленькие человеческие фигурки, пещера, уводящая вглубь, в тот самый лабиринт, о котором рассказывал Лева. Галереи, залы, озера... И маленький человечек, прячущийся в темных коридорах. Ему холодно, он напуган, не понимает, что с ним происходит. Ему кажется, что он бредит...

— Почему мы до сих пор живы? — спросила я.

— Что? — Вальтер встал и шагнул ко мне, так что я хорошо смогла оценить разницу в росте. — О чем вы, доктор?

Лева тоже придвинулся на шаг, встав за моей спиной.

Но мне было уже плевать на их самцовые игры — я увидела всю картину полностью, в том числе то, что спрятано между линий, как на заданиях в детских журналах. «Найди собачку». Я их в свое время нарешалась в больнице до одурения.

— Почему он еще ничего не сделал? Не обрушил гору вместе с нами? Не смыл нас огромной волной? Не снес смерчем? Что ему мешает? Он ничего не сделал девушке, только оттолкнул и убежал. Не попытался преследовать ее. Не напал на родителей, а у него наверняка было что им предъявить. Он все еще пытается сдерживаться. Он все еще ребенок в беде, а не стихийное бедствие.

— И где гарантия, что от ваших гранат не сдетонирует вся гора? — сержант Роджерс точно выбрала время, чтобы подать реплику.

Вальтер промолчал, изучая лица своих подчиненных. Потом сплюнул.

— Делайте что хотите, но в пещеру я людей не пошлю.

— Может, попробуем выманить Курта? — осторожно спросила Клавдия. — У нас есть ампулы с фенокаином, — пояснила она мне. — Расстояние здесь небольшое, мне нужно всего мгновение.

Вальтер нахмурился.

— Как выманим? Покричим «цып-цып-цып»?

— Если позволите, я попробую, — предложила я. — Успела изучить его сексуальные предпочтения. Можно сыграть в «секс по телефону».

Клавдия выглядела шокированной. Остальные спасатели заулыбались — им тоже не хотелось лезть в пещеру. Но и идея взрывать ее не нравилась. А тут — умирать, так с музыкой. И обеспечивать им развле-

куху должна я. Сама вызвалась. Думала отсидеться, дура с пространственным мышлением? Ага, надо было себя лучше знать. Развели на «слабо», как малолетку.

— А он услышит? — встряла сержант Роджерс.

Честно говоря, она уже и меня начала раздражать. Решительно ничего нашу полицейскую мадам не устраивает!

— Услышит, — успокоил ее один из рейнджеров. — Там выше по склону есть колодец. В пещере будет хорошо слышно — мы всегда через него переговариваемся, когда в Лунную галерею спускаемся.

— Раз спелеологи дают добро, Крис, я возражать не буду, — проявила наконец сговорчивость сержант Роджерс.

Вальтер демонстративно шагнул из круга, пошел расставлять своих людей на позиции. Почетное место в центре заняла Клавдия — она, кажется, была лучшим снайпером в команде.

Крис повел меня в обход скалы. С ее тыла обнаружилась широкая лестница, прорубленная в камнях.

— Часто ходите сюда? — спросила я.

Крис улыбнулся.

— Я свадьбу в Лунной галерее играл. Теперь думаю дочку крестить.

Понятно. Еще один турилла.

— Не страшно? — спросила я, сама не зная, что имела в виду.

— Да ничего, — ответил Крис сразу на все варианты вопроса. — Прорвемся. Вот и пришли. Ложитесь и ничего не бойтесь, я подстрахую.

Колодец был на самом деле узкой щелью, так что свет проникал в него едва на пару метров. Узкой-то узкой, а голова начинала кружиться, стоило взглянуть вниз и подумать, какой он может быть глубины. Но я послушно легла, втиснув голову между камнями. Мне было очень

страшно. И дело тут не в глубине колодца и даже не в выскочке внизу. Дело в том, что представления о сексе по телефону и без телефона у доктора Фишер оставались весьма... э-э-э... умозрительными. И как ни смешно, но я боялась опозориться перед столь глубоко (во всех смыслах) женатым Крисом. Умереть девственницей — не беда, но умереть девственницей, изображая шлюху, — в этом есть какая-то запредельная ирония. Стоп, я, кажется, заболталась.

4

В общем, я легла животом на камни и начала завывать:

— Парень, ты слышишь меня? Я пришла к тебе. Я так давно тебя хочу, что вся мокрая там, между ног. И волосы у меня мокрые... рыжие волосы... потные пряди на висках. А кожа белая и тонкая, так что под ней видны все вены. У меня тонкие запястья и руки, и я так хочу ласкать тебя. Чтобы ты лежал подо мной неподвижно, расслабленный, а я касалась бы тебя нежно-нежно, сначала пальцами, потом сосками, потом языком...

Камень подо мной дрогнул. Едва заметно, но все же вполне достаточно, чтобы у меня сердце ушло в пятки. Что, если я сделаю только хуже?! Раззадорю его, он свихнется вконец и примется нас крошить? Этой мысли было достаточно, чтобы свести на нет возбуждение и кураж. Но выхода нет. Либо продолжать, либо убегать. Убегать было некуда, и я продолжила:

— Парень, тихо. Ты иди ко мне. Я в черной шелковой рубашке, такой гладкой, тебе понравится. И волосы у меня рыжие, распущенные до пояса. Я буду лизать тебя везде и прижиматься кожей к коже, а потом кусать. И позволю тебе укусить меня над ключицей в ямочке... А потом...

Снова толчок. Как будто кто-то приподнял землю подо мной, сдвинул ее на пару сантиметров и снова опустил на место.

— Я же сказала — тихо! — закричала я. — Расслабленно! Иди сюда, я все сделаю сама, ты не волнуйся!

Крис тронул меня за плечо.

— Я слышал выстрел внизу. Подождите.

Я замерла и прислушалась. Пять бесконечно долгих секунд спустя снизу раздался еще один выстрел, и в небо взлетела белая ракета.

— Условный сигнал, — объяснил Крис. — Общий сбор. Мы можем спускаться. Похоже, Клавдия поразила цель.

5

Мы сбежали вниз.

Спасатели уже выносили Курта из пещеры. Клавдия адекватно оценила свои способности — ей действительно потребовалось всего мгновение: капсула с фенокаином вошла «над ключицей в ямочку», и наркотик впитался в кровоток.

Я проверила дыхание и сердцебиение. Лева открыл сумку, постелил на камне дезинфицирующую простыню. Я протерла руки салфеткой, достала набор для интубации, мешок Амбу и ампулу амилепсина. Вложила ампулу в паз на ингаляторе, подсоединила к мешку и интубационной трубке, потом повернула кольцо по часовой стрелке, ожидая характерного хлопка и посинения мешка — знака, что порошок в ампуле превратился в аэрозоль и распределился в объеме. Но ничего не произошло. Я взяла вторую ампулу и только тут рассмотрела маркировку. Просрочена. Два года назад. Черт побери провинциальных врачей!

Я выдохнула:

— Хьюстон! У нас проблемы!

Кто такой Хьюстон? Понятия не имею. Это поговорка такая. Вы, русские, например, говорите «куда Макар телят не гонял», а знаете, кто этот Макар и зачем он тренировал телят? Ну вот и я не знаю, кто такой Хьюстон и почему он должен решать все проблемы. Тем более что решал их вовсе не он.

1

— Что случилось? — сквозь спасателей протиснулась Роджерс.

Я ответила:

— Все плохо, сержант. Амилепсин в укладке оказался просроченным. Я не могу погрузить пациента в управляемую кому. Все, что я могу, — еще час глубокого наркоза. Вы успеете за это время спустить его вниз или доставить амилепсин из города?

Роджерс побледнела.

— Нет. Спуск займет минимум четыре часа, если с носилками. Два — налегке. А мы не можем продолжать вводить ему фенокаин?

— Это достаточно сильный препарат, как вы понимаете. При таком весе и интенсивности обмена сердце не выдержит.

— Плохо. А если чем-то заменить ваш этот амилепсин?

— Я подумаю. Но стандартная укладка не приспособлена для импровизаций.

Я копаюсь в сумке, хотя знаю, что идея безнадежна. Укладка формируется по принципу «одно назначение — один препарат». Роджерс садится на корточки перед Куртом, проверяет дыхание и вытирает ему пот со лба. Я впервые замечаю, что мальчишка ничего, симпатичный, с правильными чертами лица.

— Мне очень жаль, — с этими словами в круг спасателей входит Вальтер.

Я вскидываю голову. В руках у него тезка — маленький пистолет. Тоже симпатичный, строгих форм, ничего лишнего.

— Мне очень жаль. Но вы понимаете, что мы не можем рисковать жителями города. Счастье новичка быстро заканчивается. У нас только один выход.

Он прицеливается мальчишке в голову. Роджерс не отодвигается и ничего не говорит. Молчат и спасатели. Тогда меня это не удивило — не было времени удивляться. Потом показалось странным, что они так легко согласились со своим командиром. Даже не пошумели, не пообсуждали. Все-таки не каждый день ребенка убиваем — надо как-то привыкнуть к этой идее. Но Вальтер с его «вальтером» был сейчас воплощенным альфасамцом. Львом. Рывкнет — все уступают дорогу.

И тут я поняла, что еще можно сделать.

2

В палатку протиснулся Лева, осторожно держа в руке дымящуюся ярко-красную пластиковую кружку. Я откинула плед и села.

— Извините...

— Не за что... Я не спала. Пора выходить? Я сейчас.

— Не торопитесь, доктор. Я вам чаю принес. Знаете, англичане говорят, что нет ничего лучше...

— Носильщики готовы? — прервала я его.

Лева смутился.

— Носильщики ушли минут сорок назад. — Он опустил глаза. — Мэри... сержант Роджерс... не велела вам говорить. Сказала, сама справится.

— Что?! Она в своем уме? Как она посмела? Мы можем их догнать?

— Нет. Она велела приготовить вам чай. Она англичанка, кстати.

И он сунул чертову кружку прямо мне в руки. Я автоматически приняла ее и сжала в ладонях, борясь с желанием выплеснуть чай ему в лицо.

— Вы все издеваетесь?

Он затряс головой, как мокрая собака:

— На самом деле я чувствую себя ужасно. Если вы меня никогда не простите, то будете правы. Но Мэри сказала, что с вас на сегодня хватит, что вам нужно отдохнуть.

— То есть вы решили, что с вас на сегодня хватит и меня лучше держать подальше от нормальных людей?

Лева сжался так, словно ему на ногу наступил слон.

— Ну что вы, Хелен? Как вы странно все выворачиваете... Мы поступили не очень хорошо, я согласен. Но Курт очнулся, и с ним все с порядком, вы же сами его осматривали. А путь вниз длинный и тяжелый. Тропа довольно узкая, идет кое-где по кромке скал. Вы же устали...

— А если швы разойдутся и откроется кровотечение?

— Вы думаете, полицейские не умеют накладывать зажимы? Или спасатели не умеют? Вы нас здорово выручили, но не нужно нас представлять беспомощными и бессмысленными созданиями. Мэри, между прочим, работает волонтером на ветеринарном пункте каждую субботу, и Зарен с ней. Так что они умеют обращаться с кастрированными...

В его голосе звучала неподдельная обида. Я невольно улыбнулась и отхлебнула чаю, не сидеть же душой с кружкой в руках. Чай был с мятой и чабрецом. Возможно, свежесорванными. Возможно, сержант Роджерс нашла время отбежать в кусты и нарвать травок, пока мы спасали Курта и мир. На нее похоже. Кружка глухо постукивала по моим зубам, и я поняла, что у меня дрожат руки. Кажется, Мэри была права. Они все правы. А у меня нет выбора.

— А этот... суровый мужчина?

— Бондарь?

— Вальтер, кажется.

— Ну да, Вальтер Бондарь, командир рейнджеров. Бывший сержант полиции. Он тоже ушел с носильщиками. Но не бойтесь, он больше не тронет Курта. Мэри не даст. Да он и сам не будет теперь, когда опасности нет. Он в общем толковый человек. Профессионал. Просто не привык к дипломатии, говорит, что думает. Но думает ясно.

— Пожалуй.

Лева робко улыбнулся.

— Можно присесть?

Только теперь я заметила, что все это время он стоял, согнувшись.

— Да, конечно, садитесь, мы ведь не на балу. Заснуть я сейчас не засну, хоть поболтаем. Вам сержант Роджерс велела со мной поболтать?

— Конечно. Да я и сам не против.

Он вздохнул.

— Хелен, не бойтесь. Последствий для вас не будет. Конечно, родители Курта будут не в восторге от вашего решения, но мы все были здесь, и все знаем, что вы придумали единственный способ спасти мальчика. А наши показания будут весить больше, чем жалобы инопланетников. Если кто и виноват, то только наш врач, который не сменил вовремя препарат... и я, потому что схватил сумку и побежал, ничего не проверив.

— Вы считаете, я сама не в состоянии это сообразить?

— Но тогда почему вы мрачнее тучи? Вы сделали все как нужно, и ваш расчет оправдался. Мы победили.

Теперь была моя очередь вздохнуть.

— Лева, знаете, была такая книга давным-давно — «Записки юного врача».

— Никогда не слышал.

— Немудрено. Ее написали еще на Земле и действительно очень давно. Но мой дядя оставил мне свою библиотеку... Ладно, я сейчас не о том. В общем, она о мо-

лодом враче, который работает в деревне совсем один. И в первый день, когда он приезжает в свою глухую деревню, ему приходится оперировать девушку, у которой нога попала... в какую-то сельскохозяйственную машину... устаревшую... этот момент я не очень поняла... У нее множественные переломы, и ногу приходится ампутировать. Он волнуется, потому что не только не делал таких операций, но и видел всего один раз из заднего ряда. И потом, после операции, медсестра спрашивает: «А вы много раньше делали ампутаций, доктор?» И он отвечает: «Две». Соврал.

Лева улыбнулся от уха до уха.

— Спасибо, доктор. Обещаю, я никогда не буду спрашивать вас, сколько вы делали кастраций.

— Очень на это надеюсь.

— Но вы все равно победили. Курт жив, он в безопасности. А яйца ему вырастят новые. Правда, лучше бы сделали это на Земле...

— Думаю, его родители прислушаются к вашим рекомендациям.

— Если я успею их догнать...

Мы наконец рассмеялись, и я почувствовала, что мне действительно стало немного легче, и теперь я готова уснуть и встретить новый день.

Однако я не сказала Лева, что меня на самом деле беспокоило. Потому что это было очень трудно объяснить. Я не сама приняла решение. Бондарь заставил меня. Решение было правильным, но это уже не его заслуга. И не моя. Он поставил меня в безвыходное положение. Я нашла из него выход, но не потому, что я такая умная, а потому, что он был. А если бы не было? Или — если бы я не справилась? Я не должна была позволять загнать себя в тупик. Конечно, он полицейский, это его работа — заставлять людей. И все-таки то, что я так глупо попалась, мне совсем не нравилось. Курт был в безопасности. Нейдорф тоже. Но вот я себя в безопасности не чувствовала...

ГЛАВА 7

Я СПУСКАЮСЬ В ПЕЩЕРУ

Вы уже поняли, что, если Лева что-то задумал, он горы свернет, лишь бы все было по-его.

Я ощущала себя Винни-Пухом, зажатым в кроличьей норе. Ремни жестко обхватывали меня под диафрагмой, так что трудно было вздохнуть. К лицу прилила кровь от напряжения, и я беспокоилась, что мне не хватит воздуха, если понадобится пропищать «помогите». Неровные каменные края трещины, казалось, царапали кожу прямо сквозь куртку. Нижняя обвязка врезалась в бедра и промежность. Наконец я «проерзалась» сквозь узкое отверстие и, охнув от резкого рывка, повисла на ремнях над крошечной тьмой. Где-то далеко под ногами мелькнул огонек фонарика, голубой и зыбкий. Я протянула руку, с трудом дотянувшись до головы и включила собственный фонарь на шлеме. Луч света выхватил из темноты кусок серой стены с белесыми подтеками, напоминавшими оплывшую свечу. Совсем близко — но я уже знала, что глазам в пещерах доверять нельзя: подземный воздух очень чистый, и глазомер ошибается, предметы кажутся ближе, чем на самом деле.

Ощупью нашла лестницу, висящую рядом, вцепилась в нее, как кошка в пожарного.

Лева просунул голову в дыру и предложил:

— Хелен, а что, если мы вас немного покачаем?

★ ★ ★

А начиналось утро довольно мирно. В полдень. Потому что до полудня я спала, успешно исцеляясь от стресса. Когда я вылезла из палатки, то первым увидела великолепный вид внизу: голубые леса, тонкие дороги и крошечные домики с черепичными крышами. А вторым

был Лева, сияющий так, как будто он только что задул свечки на праздничном торте.

— Привет! Разговаривал с Мэри, спустились благополучно. Курт в порядке, его отправили в город.

— Отличные новости.

— Да. Хелен, а вы не могли бы еще немного поработать на нас? Не пугайтесь, на этот раз ничего страшного.

— Травма?

— Да нет. Просто рейнджеры пошли с утра осматривать пещеру — это стандартная процедура, тем более вчера были толчки. И обнаружили, что вскрылась новая полость. А там на дне — кости. Старые. Нужно их осмотреть и извлечь. Заодно и пещеру оцените. Нет, вы, конечно, не обязаны...

— Да ладно, не приседайте!

Рядом, в низине, собрались спасатели: девушка с парнем разводили костер. Девушка напевала под нос шлягер про «загадочного друга», не замечая, что получается довольно громко.

На самом деле я, неожиданно для самой себя, была рада тому, что приключения продолжаются. После ухода Бондаря и Роджерс напряжение спало, и обстановка все больше напоминала летний пикник в приятной компании. Я решила для разнообразия отдаться потоку простых дел и посмотреть, куда он меня вынесет. И вот теперь висела в темноте, не зная, на каком расстоянии от земли.

★ ★ ★

Верхние залы пещеры давным-давно оборудовали для посетителей: пробили в камнях широкую ровную дорожку, сделали ступени, повесили веревочные перила, поставили фотофорные фонари. Так что поначалу прогулка была сплошным удовольствием. Даже не

так! Восторгом, ошеломлением! Я никогда прежде не спускалась под землю и представить себе не могла, что подобная сумасшедшая красота существует сама по себе — без расчета на то, что ее увидят человеческие глаза. Могучие стены уходили вверх, величественные даже при нарушении масштабов из-за обмана зрения. Их покрывали бесчисленные готические арки, изгибы, темные отверстия тоннелей. Все это напоминало орган или огромный пещерный город. Под арками гроздьями висели летучие мыши. Когда мы вспугивали их, крылья мышей на мгновение вспыхивали радугой в свете фотофоров. Мы проходили мимо маленьких озерц с матово-жемчужной от растворенных солей водой; свет наших фонарей падал на сталактиты и сталагмиты вдоль дорожки, и они начинали тихо фосфоресцировать — светились капли на их поверхности. Глаза старались найти какую-то логику, но перед нами был чистый и великолепный хаос, выточенный из камня водой, сочившейся тысячелетия сквозь толщу горных пород. Я понимала, что сейчас все равно не смогу осмыслить впечатления, а потому даже не пыталась. Просто смотрела во все глаза.

Мы долго спускались, переходя по лестнице в новый готический зал, а оттуда на новую лестницу. Потом шли по полутемной, узкой, извилистой галерее и наконец попали в маленькую крипту, у стены которой плескалось в каменной ванне озерцо с чистой прозрачной водой. Она стекала тонким ручейком по стене прямо в ванну, обрываясь на полпути крошечным водопадиком. На стене над ней висел фотофор, и свет бликовал, отражаясь от серебристой поверхности. Две девушки-спасателя, сидя на полу рядом с ванной, разматывали веревки. Каюсь, я заметила их в последнюю очередь и, извинившись, поздоровалась. Они весело блеснули глазами из полутьмы и ответили на приветствие. Я заметила, что воздух между нами чуть мерцает и дрожит в

свете фотофора, словно поверхность воды. Оказывается, одна из девушек развернула перед собой книгу и, ожидая нас, коротала время за чтением. Интересно, что можно читать в такой обстановке? Готический роман? Справочник спелеолога?

— Добро пожаловать в Зал Купели! — провозгласил Лева, удерживая меня за рукав. — Осторожно, Хелен, смотрите под ноги.

Я взглянула вниз и увидела змеящуюся по полу темную трещину.

★ ★ ★

— Хелен, а что, если мы вас немного покачаем?

Я крепче ухватилась за лестницу и скорчила гримасу — в темноте все равно не видно.

— Это обязательно?

Снизу раздался голос:

— Обязательно, доктор. Вы висите прямо над костями. Я сейчас поставлю фотофоры...

Эхо радостно и гулко отозвалось, и темнота под ногами мгновенно показалась мне бездонной.

Но вот внизу засветился яркий голубой квадрат, и оказалось, что здесь не так уж высоко — метра три на глаз, значит, метров шесть-семь в реальности. Все равно чертовски страшно!

— Спуститесь немного! — крикнул снизу Крис (я наконец его узнала). — Вот так хорошо, стойте. А теперь дерните за страховочную веревку.

Я послушалась, и лестница поехала в сторону. Я невольно выставила вперед ладонь, но до стены не долетела, полетела обратно, спиной вперед, обернулась, чтобы посмотреть, куда лечу, соскользнула ногой со ступеньки, едва не рухнула прямо на кости, но тут же лестница резким толчком остановилась, и Крис крикнул:

— Держу. Спускайтесь, Хелен.

Он помог мне освободиться от обвязки. Сверху, раскачиваясь, как маятник, приехал контейнер. Я достала из него фотоаппарат, протянула Крису. Тот приревновал:

— Пленочный? Откуда такая древность?

— Смотрите внимательно, он выпущен в прошлом году. Просто полицейские эксперты не доверяют компьютерным снимкам и правильно делают.

— Логично, — согласился Крис.

— Справитесь? Управление такое же, как в цифровых камерах. Только автоматического режима съемки нет.

— Всю жизнь мечтал попробовать.

Я развернула в воздухе прямо над огороженной фотофорами территорией инструкцию по судебно-медицинской экспертизе, надела перчатки, взяла пульверизатор с быстро затвердевающим клеем и склонилась над горкой костей. После вчерашнего мне было море по колено.

— Человеческие? — спросил Крис.

Я покачала головой.

— Нет. По крайней мере те, что сверху. Сделайте снимок, пожалуйста. Просто наводите и нажимайте.

Блеснула вспышка.

— Ага, вы уловили принцип. Ну... поехали.

Я опрыскала клеем и аккуратно уложила в контейнер самую большую кость — длинную и массивную — кажется, бедренную. Дальше обнаружили лежащие крест-накрест три большеберцовых: тоже длинные и тяжелые.

— Похоже, что-то четвероногое.

— Какое?

— Довольно крупное. Точнее не скажу. Нужно везти в центр судмедэкспертизы, там есть ветеринары. Я пас, если мы не увидим череп. О, вот и он! — Я показала на округлую крышку черепной коробки, высту-

павшую из какой-то темной массы. — Какой маленький! Я имею в виду, по сравнению с другими костями. Может, тут сразу два скелета разных видов? Снимайте. Так, погодите, здесь как будто какие-то ткани... Ага, нужен фиксаж. Осторожно, готовьте коробку, я поднимаю.

Я поддела пинцетом расплзающиеся остатки чего-то, что закрывало часть костей — одеяло или накидка, — и череп глянул на нас пустыми глазницами. Человеческий череп.

— Черт! — Крис отшатнулся. — Откуда это здесь?

Я вздохнула и снова взялась за пульверизатор.

— Это вам виднее. Как могли попасть сюда кости?

— Ну... — Крис задумался. — Может, трещина была здесь раньше, просто меньших размеров, и кости сбросили в нее. Это объяснило бы их расположение.

Череп я упаковала очень бережно. Под ним обнаружилась россыпь мелких костей — запястье и пясть с пальцами. Потом отвела новый полусгнивший слой ткани и нашла позвоночник с остатками ребер. Остановилась передохнуть, пока Крис фотографирует.

— Если бы кости бросали с такой высоты, они были бы побитыми и рассыпанными на большей территории. По крайней мере, я так себе это представляю.

— Значит, тело принесли сюда и положили. Здесь могут быть какие-то ходы наверх, которых мы еще не нашли.

— Звучит убедительно. Так... что у нас здесь? — Я наклонилась над позвоночником. — Смотрите, вот здесь шестой грудной позвонок. Край будто отколот. Может, это след пули?..

— Охотничье ружье? Судя по размерам...

— Я не знаю, эксперты разберутся. Помогите поднять эту штуку. Вот перчатки.

Не замеченный раньше кусок ткани соскользнул с поясничных позвонков. Крис охнул и едва не уронил останки.

— Это... нормально? Что это?

На том месте, куда он указывал, должен был быть крестец. Но вместо этого позвоночник круто изгибался в сторону спины, и вслед за подвижными поясничными позвонками начинались другие — гораздо крупнее, с длинными отростками и сросшимися в единую массу телами. С одной стороны к ним крепилась большая и плоская кость, каких вообще не было в скелете человека.

— Какой-то урод? Да? — шепотом спросил Крис, словно боялся, что владелец таинственных костей его услышит. — Мутант?

— Видимо, да. Но я поступлю разумно, если не буду высказывать предположений здесь и сейчас.

— Правильно, доктор. Давайте поскорее закончим.

ГЛАВА 8

Я ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ

Я думаю иногда, что мама и Бондарь полагали бы. Они совсем разные, но оба одинаково любят порядок.

Сегодня приема не было. Все утро я работала с архивом, просматривала истории болезней, наводила порядок. В полдень спустилась вниз. Мама уже испекла булочки с орехами, и запах ванили, поднимаясь на второй этаж, сработал не хуже флейты крысолова. Мама как раз наливала для меня чай в чашку. Она всегда точно знает, в какой момент я не смогу сопротивляться искушению.

Какое-то время мы болтали о покупках, о новостях, потом она спросила меня:

— Как съездила?

— Довольно весело. Залезла на высокую гору, спустилась в пещеру.

— Ты?.. Зачем?..

— Во имя науки. Не спрашивай, я не имею права рассказывать.

Мама пожала плечами.

— Ты вообще редко выбираешься из дома. Нужно чаще бывать в гостях. Мы можем собрать компанию и сходить в бассейн. Хайрун и Герти давно предлагают... К Хайрун скоро приедет ее племянник. Представляешь, он писатель, хочет работать над романом. О разводе. Хайрун говорит, что недавно развелся... Ну как недавно?.. Пару лет назад, но все еще осмысляет...

— Я не буду мешать ходу его мысли...

— Глупышка, я же просто предлагаю развлечься.

— Мне будет скучно с ними, а им — со мной.

— С тобой вовсе не скучно. Например, молодому человеку, который вчера привез тебя, явно не хотелось с тобой расставаться. Может, пригласишь его?

— Мам, притормози. За последние полминуты ты попыталась уложить в мою постель двух незнакомых мужчин. Хочешь видеть меня сентиментальной барышней? Или развратной?

Мама нахмурилась и выпятила нижнюю губу. Выглядело это, говорю непредвзято, очень мило. Мужчины, наверное, были без ума. Женщине с такими губами отказать невозможно.

— Просто не хочу вечно тебя нянчить. Пора повзрослеть и перестать бояться. Нет ничего важнее любви. Даже если она разбивает тебе сердце.

«Сердце — это мышца. Эластичная и упругая, — подумала я. — И вообще-то я полагала, что я с тобой нянчусь!»

Потом спросила:

— А если она разбивает тебе жизнь?

— Даже тогда! Тем более тогда. Это означает, что твоя прежняя жизнь была неправдой.

— Настоящая жизнь начинается, когда встречаешь мужчину?

— Именно так, дурочка. И нечего дуться. Кстати, знаешь, что ты похожа сейчас на бабушку?

— Внешностью?

— И это тоже. Но я сейчас о другом. Она была против того, чтобы я выходила замуж за Борю. Говорила: подожди, поезжай в город, получи образование, поживи студенческой жизнью, узнай себя. Но я сказала, что знаю достаточно. И жалею только об одном: что мы не встретились раньше. Тогда бы у нас было еще несколько лет вместе.

— С папой было хорошо жить?

— Очень! Он был мягкий, домашний, но по-настоящему загадочный. В гостях чаще всего молчал, а потом встречал какого-нибудь университетского профессора, и они разговаривали весь вечер. Я ничего не понимала, но видела, что профессор по-настоящему увлечен. А потом, по дороге домой, Борис говорил со мной о том, какие у тебя любимые игрушки, какую книжку нужно почитать тебе перед сном. Так же серьезно, как только что обсуждал эту... историографию. Он очень тебя любил. И знал все про тебя.

— Здорово.

— И конечно, он хотел бы...

— Мама!

— Знаешь, Элли, в мои годы можно говорить правду, не стесняясь. Он хотел бы, чтобы ты была замужем и у тебя были свои дети. Он-то знал, как это важно. Твое рождение было чудом. Отец просто очень хотел тебя.

— Чудо — это громко сказано. Вы же использовали донорскую сперму.

— Фу, какая гадость! Я никогда не позволила бы. Не было никакой спермы. Только ты могла такое придумать. Откуда ты это взяла?

И в самом деле откуда?

— Я уже взрослая, и у меня медицинское образование, смею напомнить...

Мама встала.

— Хочу сегодня поработать в саду, пока погода не испортилась.

★ ★ ★

Она даже не стала переодеваться, только накинула старую куртку и так и кружила над своими грядками с граблями в руках: в шелковом халатике и куртке нараспашку. Я следила за ней с веранды. День был пасмурный, но от этого теплый — низкие синие влажные тучи укрывали наш городок, как одеяло. Иногда в разрывы между ними прорывался солнечный луч, выбивая искры из капель воды на маминых георгинах, на все еще серебристо-зеленых со множеством крошечных волосков листочках акации. Я вспомнила свои подростковые стихи:

*Холодный дождь спрятался в листьях акации
И вот серебрится в несмелых лучах рассвета.
Тронешь ветку, и медленно, как из капельницы,
В руку скатятся последние секунды лета.*

И тут видно будущего врача. Может, папе понравилось бы. Не потому, что написала его дочка, а просто как стихи. К сожалению, я плохо его знала. Много знала о нем, но это не совсем то... Когда что-то узнаешь о человеке, возникают какие-то мысли, эмоции и хочется проверить впечатление, отделить свои фантазии от реальной личности. Но не всегда это возможно.

Отец был бесплоден, точно. Я говорила с его лечащим врачом: он вел курс урологии в нашем университете. Со времени смерти отца прошло уже больше двух десятилетий. И врач не видел причин соблю-

дать медицинскую тайну. Не скажу, чтобы эта новость меня как-то по-особому потрясла. Тот сперматозоид или другой. Выбора-то у меня все равно не было. И у него тоже. Но я никогда не узнаю, что он думал на этот счет, беспокоился ли о том, что придется рассказывать мне правду.

Мама сгребла уже облетевшие листья в кучу, подожгла ее, бросив в центр таблетку «химического пламени», и ушла в дом. Я открыла окно, хотелось почувствовать сладковатый запах дыма — запах осени.

Так вот она какая — счастливая семейная жизнь? Даже спустя четверть века женщина встает из-за стола, надевает куртку на халат и уходит в сад, чуть речь заходит о том, чего она не хочет обсуждать. Я понимала, что мама любила отца и действительно была счастлива. Пусть тоненько-тоненько счастлива, чуть копнешь, сразу тайны и ложь, но все равно. Ей было все равно, она даже не поняла бы, о чем я. Для нее личное счастье было толстым, даже жирным. И она искренне хотела для меня такого же. Она не сможет понять, что для меня любая ложь и любое умолчание означают полную невозможность даже не счастья, а просто близости — большей, чем возникает при поверхностном знакомстве. Не важно, будут ли лгать мне или буду вынуждена лгать я. И это не вина моя и не беда, а просто особенность. Но скажите, существуют ли те, кто ни разу не солгал жене или мужу? Нет? То-то.

Я спустилась в сад, вывела из гаража велосипед и поехала в бассейн. Во-первых, потому что заслужила отдых. Во-вторых, чтобы доказать маме, что иногда бассейн — это просто бассейн, и, чтобы посетить его, мне не нужен писатель-разведенка. А в-третьих, потому что хотелось смыть с себя ощущения от этого разговора.

На следующий день с утра я сообразила, что столь яростно задекларированное правдолюбие нужно воплощать в жизнь, то есть связаться слевой и узнать результаты экспертизы костей из пещеры. Мама могла ликовать: Леве я все-таки позвонила. Но не сразу. Сначала пришлось принять пять человек, записавшихся на прием. Среди них был и «мой загадочный друг» с артритом. Как раз утром пришли из города выращенные хрящевые клетки, и я тут же сделала подсадку.

Потом наконец вызвала участок в Нейдорфе. Ответила женщина-констебль. Левы на участке не было (уф!), однако не было и результатов анализов.

— Мы тут сами в шоке. Получилась досадная неприятность. Курьер, доставлявший контейнер в город, вышел из машины покурить и забыл заглушить двигатель. Моби уехал в пропасть.

— Ужас какой!

— И не говорите! Будто на ту пещеру какое-то проклятие наложено.

В глубине души я была довольна. Потому что, когда я набирала номер, мне было страшно. И не только потому, что не хотелось самой начинать разговор с полужнакомым человеком, который явно имел на меня виды и мог сделать слишком далекоидущие выводы (здесь я соглашалась с мамой — у нее в таких делах чутье). Наша находка не могла иметь простого логического объяснения. Она была словно ключ от ящика Пандоры — откроешь, и вылезут на свет допущения, которых на Неверленде очень не любят. Опять проклятое чудо. Мы боимся чудес — это у нас в крови. А уж у меня особенно. А тут я честно подергала за крышку, но ящик открываться не пожелал. И ладно. Мне, между прочим, к разбору нужно готовиться. Сегодня-завтра вызовут в город, за Курта ответ держать.

ГЛАВА 9
ХИЖИНА В ГОРАХ

«О хижине, крытой травой, кто вспомнит в дождливую ночь?»

*Какой-то японский поэт
из дягиной библиотеки*

«Далее можно спросить, каким образом разновидности, которые я назвал зарождающимися видами, в конце концов превратились в хорошие, обособленные виды, которые в большинстве случаев различаются между собою гораздо яснее, чем разновидности одного вида? Как возникают группы видов, которые образуют то, что мы называем обособленными родами, и которые отличаются друг от друга более, чем виды одного рода? Все эти последствия... вытекают из борьбы за жизнь. Благодаря этой борьбе вариации, сколь угодно слабые и происходящие от какой угодно причины, если только они сколько-нибудь полезны для особей данного вида в их бесконечно сложных отношениях к другим органическим существам и физическим условиям их жизни, будут способствовать сохранению таких особей и обычно унаследуются их потомством».

А это уже Дарвин. «Происхождение видов». Из той же библиотеки

С Куртом, как и предсказывал Лева, все обошлось малой кровью. Я выступила на лечебно-контрольной комиссии, рассказала, что было и как. Жюри, все сплошь именитые врачи: терапевты, хирурги, специалисты по экстренной медицине, эндокринологи, урологи, психиатры — меня выслушали, согласились, что в сложившихся обстоятельствах я действовала единственно возможным образом, обсудили технику кастрации, назначили мне две недели урологии и три недели хирургии в сле-

дующий цикл переаттестации и отпустили душу на покаяние. Был и приятный сюрприз: психиатрию в комиссии представлял Питер Витт — полноватый, улыбочивый пожилой голландец, бывший заведующим детского отделения психиатрии, где я когда-то лечилась. Позже мы встречались в университете. Он узнал меня, обрадовался, что я в добром здравии и функционирую, пригласил на обед. Я тоже обрадовалась и согласилась.

Питер повел меня в «Хрустальное яйцо» — маленькое и очень модное кафе, расположенное прямо на территории института Медико-биологических проблем, где проходила АКК, точнее — в лесопарке, примыкавшем к институту. Здание со стеклянными стенами помещалось на искусственном острове посередине большого пруда. Мы сидели за низким бамбуковым столиком в креслах, сплетенных из тростника и напоминающих гнезда, наслаждались рыбными деликатесами и наблюдали за жизнью обитателей озера: как проносились над водой и садились, вздымая два веера брызг, селезни; как чинно плавали лебеди, чье пепельно-ржавое оперенье светилось в лучах заходящего солнца, словно серый и розовый жемчуг; как бродили вдоль берега на длинных и тонких ногах медные фазаны и острыми клювами вытягивали из ила рачков и мелкую рыбешку.

Питер вспоминал общих знакомых, кто защитился и по какой теме, кто над чем работает.

— ...И, конечно, в этом году снова нашелся умник-ортопед, который писал о биомеханизмах современных протезов и на двести какой-то там странице заявил: «А здесь мы поставим деревянные подшипники, а вы до этого места все равно не дочитаете». И, конечно, снова кто-то наткнулся на эту запись, и умник заработал еще год практики на половинном окладе...

Мне было удивительно спокойно. Наконец-то рядом был человек, которому от меня ничего было не нужно. Взрослый человек, который сам решал свои проблемы,

а заодно и некоторые проблемы окружающих. Я уже забыла, какое это восхитительно уютное чувство.

— А доктор Алекс? — спросила я. — Ну, Алекс Диаш? Помните, работал у вас — высокий, чернокожий? От него нет никаких вестей?

— Почему нет? Он здесь, в институте. Работает в новой лаборатории молекулярной биологии. К нам недавно прибыла группа с Земли. Они исследуют генетический дрейф и приспособления у местной фауны, отдаленные последствия дилеммы Котовски.

— Никогда о такой не слышала. То есть о Котовски слышала, конечно, еще в школе, но дилемма...

— На самом деле о дилемме ты слышала тоже. Конкретно Котовски к ней не имеет отношения, правильнее было бы назвать ее дилеммой Аникина — по имени руководителя проекта. Или дилеммой Первой экспедиции. Но кто и когда называл вещи правильно? Ты же помнишь, что биологи Первой экспедиции приняли решение не уничтожать местную биосферу, так как она была на уровне простейших многоклеточных организмов, а «привить» земную поверх, благо технически это оказалось возможным, чем сэкономили нам несколько веков терраформирования и подарили убойный аргумент сторонникам панспермии. Теперь земле решели, что пора узнать, к каким отдаленным последствиям их решение привело.

Питер снова принялся за своего маринованного осьминога и салат из водорослей.

Я помолчала: мне вдруг представилось озеро, окружающее наше кафе-остров. Представилось в разрезе: сверху плавают лебеди, едят рыбу, а рыба ест планктон, который уже инопланетный, или водоросли — частично инопланетные, частично земные, но выросшие на инопланетном гумусе. И для того чтобы экосистема существовала, биомасса на каждой ступени должна прирастать на порядок — это я помнила тоже со школы.

Для того чтобы прокормить лебедя весом в десять килограммов, требуется сто килограммов рыбы, а чтобы прокормить ее — тонна планктона. И хотя я хорошо знала, что съесть не значит обменяться генетическим материалом, для этого предусмотрен совершенно другой процесс, мне все же стало не по себе. Родная автотонная биосфера планеты занимала в нашей жизни гораздо большее место, чем я полагала раньше.

— Но что там делать Алексу? Он исследует психозы кишечной палочки, встретившейся с инопланетными бактериями?

Витт рассмеялся.

— Обязательно расскажу ему при встрече. Честно говоря, толком сам не знаю, никакой конкретики он не давал, секретность. Но я знаю, он всегда рад попробовать что-то новое.

— У него гены охотника...

Витт нахмурился:

— Ты шутишь?

— Ну да, шучу, — ответила я сердито. — А у меня гены правильной немецкой фройляйн. Юбка матери и молитвенник. Вместо молитвенника — рецептурный справочник, но не суть...

— Ты — дура, — резко сказал Витт.

Он словно стал выше ростом, похудел, черты лица заострились. Тростниковое гнездо превратилось в массивное деревянное кресло с высокой спинкой. На голове Витта оказалась черная бархатная шапочка, костюм-тройка стал алым одеянием, ниспадающим широкими складками. Передо мной сидел рембрандтовский Старик и говорил звонким жестким голосом Бондаря:

— «Если даже вы отгородились от мира, то мир-то от вас не отгораживался». Даже Курт умнее, он принял то, что с ним случилось, хотя и не был готов к этому, и сделал все, что мог, чтобы не разрушить мир, в котором жил. А ты трусишь, да еще и валишь все на националь-

ное самосознание. Еще бы вспомнила, что твой долг — хранить очаг, право слово. Хватит отговорок. Или ты начинаешь видеть реальность как она есть и поступаешь соответственно. Или сходишь с ума.

Я замотала головой, и видение исчезло. Остался Витт, смакующий вино и глядящий в окно, на озеро, где уже свершились осенние сумерки и были различимы только разноцветные фонари на аллее вдоль берега и их отражения в воде.

— Жаль, я уже стар, — сказал он. — И ответственности столько, что не сбросить. Обидно — вы столько интересного узнаете. Но уже без меня...

★ ★ ★

Потом был довольно мутный период. Если тот вечер в «Хрустальном яйце» можно сравнить с маленькой чистой и строгой прелюдией, то дальше пошла длинная и грузная разработка фуги, со множеством беспокойных тем, похожих на дождевых червей, извивающихся и бесконечно далеких от гармонии разрешающего аккорда. Это если говорить красиво. Я люблю говорить красиво, хотя и стесняюсь. Это придает жизни некий внешний смысл, сюжет, защищает от ощущения нелепости, освежает рецепторы, воспринимающие действительность как глоток холодной воды после глотка кофе. На самом деле я тут болтаю, потому что подошла вплотную к цели своего рассказа, и мне очень сложно двигаться дальше. А по большому счету — страшно.

Понимаете, я врач, а это значит — прагматик. Ищу за жалобами симптомы, за симптомами — диагнозы, за следствиями — причины. Пробую: это работает, это нет, в другой раз — наоборот. Если что-то не связывается, значит, я что-то упустила, а это всегда опасно...

Ладно, хватит болтать! В последующие несколько дней я работала, разговаривала с мамой, каталась на ве-

лосипеде вокруг озера — словом, разрабатывала понемногу фугу своей жизни. Пока не обнаружила, что есть одна тема, которая беспокоит меня всерьез.

Вернее, меня беспокоило не то, что есть, а то, чего нет. «Мой загадочный друг» не пришел на повторный осмотр. В самом этом факте не было ничего тревожного. Больные часто пропускают осмотры. Однако я предупредила, что одной подсадки недостаточно и, вероятно, процедуру придется повторить: в моем кабинете или у другого врача, которому я должна заблаговременно послать препараты хрящевых тканей, поэтому ему нужно либо явиться на прием, либо сообщить мне о переезде. Или не предупредила? Как я ни билась, но не могла вспомнить подробностей нашей беседы. Тогда я была так ошарашена тем, что произошло в горах, и тем, что увидела в пещере, что все время возвращалась мыслями туда. Могла ли я быть столь рассеянна, что просто забыла объяснить пациенту, что ему делать дальше? Могла. Сделала ли? Не знаю.

Во всяком случае, он не пришел и не позвонил. Я пыталась связаться с ним: позвонила, потом написала письмо, но ответа не получила. Я подождала еще два дня, уже не находя себе места, потом решила немного нарушить закон. Дело в том, что выращенные донорские ткани метятся активными нанотранспондерами, работающими от разности электрических потенциалов на мембранах клеток. По мере того как идет процесс приживления, транспондеры постепенно замолкают, и так мы получаем информацию о том, насколько хорошо приживается биопротез. Но эти же метки можно использовать для поиска с помощью системы глобального позиционирования (чтобы находить пациентов, не заплативших за лечение — так шутили мы в институте). Разумеется, такие действия нарушают право человека на сокрытие частной информации, но я всего лишь хотела убедиться, что все в порядке. И не преуспела. Мой

уникомп без труда нашел Клауса Кнехта (я наконец удосужилась запомнить имя моего загадочного друга). Клаус находился где-то в горах между Фриденталлем и Нейдорфом, за два дня практически не сдвинувшись с места (система давала разрешение порядка квадратного километра). Теперь моя тревога обрела четко очерченные географические границы, и я позвонила Леве.

* * *

Трудно сказать, кто проявил больше энтузиазма: Лева или мама. Сравнить не было возможности, так как мама, не желая напугать потенциального ухажера, из дома выходить отказалась. Только попросила меня заменить желтый шарфик на голубой: «Он больше подходит к твоим глазам».

Вероятно, она была права, так как Лева, увидев меня, только глубоко вздохнул.

Пока я грызла ногти, сидя дома, погода успела поменяться. Больше не было чистого высокого осеннего неба, не было разноцветья листьев, их горьковатого запаха. Над городом царила серовато-бурая хлябь, пахнувшая отсыревшим бельем: серые бугристые облака, полные влаги, так и не решившей, чем она станет, снегом или дождем; пожухшая трава на обочинах, перемешанная с жидкой грязью; мокрые деревья, уже совсем голые, тянущие к небу темные пальцы, мол, что же ты...

Да, здорово, у деревьев мысли читаю... Интересно, какая следующая остановка?

— Погода сегодня, конечно, не для прогулок, — решила я начать слевой светский разговор. — Вы простите, что я вас сорвала.

— Да ерунда, я рад. Засиделся дома, честно говоря. Выше поднимемся, прояснеет.

— Понимаете, я не хотела привлекать к этому полицию. Собственно, у меня никаких оснований нет. Мо-

жет, человек просто ушел в горы, поставил палатку и отдыхает от шума городского, медитирует. Конечно, не в такую бы погоду и не с его суставами, но бывают же всякие чудачки.

— В палатке нет надобности. Я посмотрел перед отъездом карты в управлении. Там горная хижина. Старая, конечно, но, вероятно, переночевать можно, если не очень привередничать. Принадлежала некой Рите Кнехт.

— Ой! А нашего потеряшку зовут Клаус Кнехт. Ну, все ясно. Муж или брат... И никакой тайны, можно поворачивать... — выпалила я, но, видя, как вытянулось лицо Левы, поспешно добавила: — А давайте все-таки доедем: посмотрим издали, убедимся, что все в порядке, и вернемся.

— Подожди... Рита Кнехт... подожди... я что-то слышал... — Лева забарабанил было пальцами правой руки по клавиатуре униконпа, потом прекратил и сосредоточился на управлении.

Минут через двадцать, когда моби взобрался на перевал, Лева отогнал его на обочину, остановился и снова приник к клавиатуре.

— Я просматриваю наши базы данных, — бросил он мне через плечо. — Я где-то слышал уже это имя. Ага, вот... О, это интересно. И совсем не похоже на ту семейную идиллию, которую вы вообразили, Хелен. Рита Кнехт, пятьдесят три года, пропала без вести десять лет назад из этой самой хижины. Она переселилась туда после смерти мужа и жила совсем одна. Исчезновение обнаружил водитель, который доставлял ей продукты. Правда, он сознался, что давно уже ее не видел, она расплачивалась через банк, присылала заказы электронной почтой, просто раньше всегда забирала продукты, которые он оставлял на крыльце. Когда однажды он обнаружил предыдущий заказ невскрытым, то вошел в хижину и никого там не нашел. Поиски в го-

рах также ничего не дали. Дело осталось нераскрытым. Но, скорее всего, несчастный случай. В горах в одиночку опасно и молодому человеку.

— Мужа ее звали Клаус?

— Нет. Томас. И других родственников у нее не было. Ни братьев, ни сестер, ни детей... Хотя если Кнехт — фамилия мужа, то его родню никто не проверял. — Лева снова взглянул на экран униконпа. — Нет, муж был Бишоп. Томас Бишоп. Забавно. Она не стала брать его фамилию или вернулась к девичьей. Не хотите размять ноги, Хелен? Здесь красивый вид.

— С удовольствием.

Мы вылезли из машины. Погода действительно немного исправилась, облака уже не нависали над самыми головами, в них явно гулял ветер, закручивая серые завитки, грозился их и вовсе развеять. Воздух стал холоднее, но гуще. Мы разошлись по разные стороны от машины, углубились в кусты, которыми зарос склон, опорожнившие мочевые пузыри.

Потом Лева перевел меня через дорогу, туда, где высились неровные скалы, и, раздвинув придорожные заросли, показал узкую каменистую тропу. Я стиснула зубы, предвкушая повторение прошлой прогулки. Но на сей раз тропа оказалась короткой и пологой, она обвивала скалу и вскоре вывела нас на смотровую площадку, достаточно широкую, чтобы я не испугалась. Вид, открывавшийся оттуда, стоил того, чтобы пробираться через колючие кусты. Я понимаю, что фразы «перед нами лежала плодородная долина, пересеченная широкой темной рекой» уже навязли у вас в зубах, но тем не менее она именно так и лежала, и она была прекрасна. Возможно, немцы относятся с особым пиететом к плодородным долинам, но и русские, очевидно, не чужды подобной сентиментальности, так как Лева, остановившись на площадке, глубоко вздохнул, совсем как утром, когда увидел меня вместе с моим голубым шарфом.

Скалы спускались вниз широкими уступами, заросшими буковым лесом.

— Здесь часто можно увидеть оленей. — Лева извлек из сумки, висевшей у него через плечо, бинокль, настроил, осмотрел лес и протянул мне. — Ага, олени не подвели. Смотрите вон туда...

Я взглянула. Между деревьями действительно двигались два изящных существа, состоящих, казалось, из одних лишь мышц да огромных настороженных ушей. Они щипали траву, время от времени то один, то другой вставал на задние ноги и принимался обглаживать тонкие веточки на деревьях. Внезапно краем глаза я заметила что-то зеленое, мелькнувшее в кустах, и быстро перевела бинокль. Там затаилась крупная зеленая кошка и следила за оленями, нервно поводя хвостом.

Я передала бинокль Леве.

Тот присвистнул:

— Надо же! Пума. Торопится, видно, жирок перед холодами нагулять, иначе ни за что бы не вылезла днем.

— Если мы крикнем, они услышат?

— Вряд ли. Но подождите, возможно, они сами справятся.

Его предсказание сбылось. Олени уже успели сменить летнюю шкурку на серую зимнюю. Пума же оказалась лентяйкой и затянула с линькой, это ее и сгубило. Один из оленей поднял голову и замер, заметив врага. Мгновение — охотник и добыча словно застыли в столбняке, бешено расщепляя АТФ в мышцах. Потом прыгнули одновременно — пума вперед, олени в стороны и понеслись зигзагами, скрываясь за стволами и смешно подкидывая серые зады. Кошка припала к земле, заметалась взглядом, ища цель, потом поняла, что охота сорвалась, и мягко заскользила в заросли, нервно охаживая себя хвостом по бедрам.

— Молодая еще, — сказал Лева.

Мы вернулись к мобиле. Лева сел за руль.

— Ну что, возвращаемся? — спросил он.

— Почему?

Лева нахмурился:

— Мы только что узнали, что ваш пациент пропал вблизи от места, где, возможно, несколько лет назад было совершено убийство. Больше того — он каким-то образом связан с предполагаемой жертвой. Вам не кажется, что соваться туда без подкрепления будет неблагоразумно?

Я коротко хохотнула.

— Лева, вы не видели того пациента. Уверяю вас, кроме того, что он выглядит очень мирно, он физически не сможет причинить нам вред. После операции он очень... ограничен в подвижности. Это, собственно, меня и волнует. Если заметим что-то подозрительное — развернемся и уедем. Но, скорее всего, господин Кнехт забрался туда по глупости или, если он в самом деле родственник Риты, из сентиментальности. А мы нагрянем с полицией, «Скорой помощью» и пожарной машиной. Неловко получится!

— Да уж, Бондарь, наверное, весь на яд изойдет, когда узнает, — задумчиво произнес Лева. — Ладно, поехали, разберемся на месте, стоит в это вмешивать полицию или нет.

Примерно через четверть часа поездки в молчании я наконец поняла, что меня удивило в его рассказе о печальной судьбе Риты Кнехт.

— Разве десять лет назад вы уже работали в полиции?

— Нет, конечно. Еще в университете учился. А что?

— Откуда же вы узнали о следствии по делу госпожи Кнехт?

— О, мне об этом рассказали буквально в первый же день. Кажется, констебль Андерсон, которая за мной

тогда присматривала. Это одно из самых знаменитых дел в Нейдорфе. Из-за него из полиции ушел Бондарь.

— Так он бывший полицейский? Впрочем, могла бы догадаться.

— Да, он много лет был у нас инспектором. До самой пенсии и еще лет пять после — на это не обращали внимания ни он сам, ни в управлении, поскольку трудно подбирать кадры для захолустных городков вроде нашего. А Бондаря здесь все знали, он тоже всех знал и умел поддерживать у нас порядок. Но после того, как тело Риты даже не нашли и дело развалилось, Бондарю в управлении напомнили о его возрасте. Тогда он быстро добился для Мэри звания сержанта и ушел, оставив все дела на нее. Видимо, рассчитывал через год-другой вернуться, когда в управлении поймут, что больше никого на этот пост найти не удастся. А управление просто сократило его штатную единицу. И теперь Мэри у нас главная, а Бондарь командует спасателями на общественных началах.

— И он обижен...

— Не сомневайтесь.

— Тем более что Мэри, как я поняла, неплохо справляется.

— Это действительно так. Сначала она пользовалась наработками Бондаря, теперь многое делает по-своему. У нас ведь преступность в основном какая: мелкое хулиганство, воровство, скупка краденого. Бондарь, если не мог доказать состав преступления, прикапывался по мелочам и выставлял виновным такие штрафы, что они мечтали поскорее прогореть и смыться. Мэри зашла с другой стороны: надавила на мэрию, в городе построили новый спортивный комплекс, переоборудовали школу, пригласили молодых учителей, сразу на полные ставки. Скоро к нам стали съезжаться фрилансеры с детьми со всей округи, родители Курта, например, — для них начали возводить коттеджный поселок, открылись магазины, туристические фирмы, в общем, случилось ло-

кальное экономическое чудо, и Нейдорф из захолустья превратился в эксклюзивное место для семейной жизни на лоне природы.

— Но преступность должна была вырасти. Экономическая хотя бы.

— Не без этого. Но теперь люди понимают, что они потеряют, если попадутся. И многие предпочитают просто работать и следить за порядком на своем месте.

— Поэтому история с Куртом сильно ударит по Мэри, хотя она совсем не виновата? И еще кости в пещере... Снова нет тела — нет дела.

— Ох, не напоминайте. Крис себе места не находит.

— Так это Крис упустил мобу в пропасть?

— Да. Конечно, все мы ошибаемся хотя бы раз в жизни по-крупному, но он прекрасно понимает, что стояло на карте, и ругает себя ругательски. Мэри досадует, конечно, но говорит: «Главное, что ты был снаружи, а не внутри». А он все равно себя грызет.

★ ★ ★

Потом мы замолкаем, потому что приходит время свернуть с шоссе на грунтовую дорогу, взбирающуюся зигзагом вверх по склону горы. Двигатель мобы ревет, Лева сосредоточился на управлении, я непроизвольно напрягаю мышцы, помогая машинке преодолевать крутой подъем. Наконец за очередным поворотом нам открывается широкая лужайка и хижина с каменной оградой. На этот раз не пришлось карабкаться на кручу — думаю я с удовольствием.

Издали все выглядит давно заброшенным: ограда сложена из грубо отесанных серых камней и вся заросла плющом. Там, где стебли плюща расходятся, видно, что камни обгрызены ветром и дождями. Около самого дома вырос молодой дубок и закрывает окно. Ничто не указывает на обитаемость хижины.

Но когда мы подходим ближе — картина меняется. Скрытый изгородью сад (он оказался больше, чем это казалось издали) не выглядит запущенным. На деревьях (все больше карликовые яблони) нет сухих веток, их стволы были побелены не позже, чем прошлой весной. Зеленые изгороди по краям дорожек пострижены, клумбы с георгинами и розовыми астрами имеют четкие формы, их недавно подравнивали. В глубине сада протекает ручеек, запруженный каменной плотиной. Его русло расчищено, небольшой водопад стекает в крошечное озерцо, над ним стоит статуя из туфа — склонившийся к воде кентавр. Вот она выглядит очень старой, но это, скорее, продуманный эффект — дань романтической традиции, чем небрежность. Кажется, из сада только что ушел садовник, и от этой мысли у меня почему-то холодок бежит по спине, и я невольно ищу руку Левы.

— Вы хотите вернуться? — спрашивает он.

Я вскидываю голову.

— Я пришла сюда, чтобы найти своего чертова пациента и отругать его как следует. И я не уйду, пока не сделаю это!

Хижина вблизи выглядит не так романтично. Собственно, это стандартный модульный домик с большой верандой. Мы поднимается на скрипучее деревянное крыльцо. Дверь не заперта, и мы входим.

Здесь тоже царит порядок, и по-прежнему нет ни следа человеческого присутствия. В кухне постелены полосатые половики, на стенах в рамках под стеклом — засушенные цветы: то ли картины, то ли листки гербария. Но вся посуда стоит на полках и покрыта слоем пыли — похоже, к ней давно не прикасались. Лева трогает лежащую рядом с раковиной губку и убеждается, что она тоже сухая и пыльная. В гостиной диван укрыт пледом, на нем лежат мягкие подушки, явно нуждающиеся в чистке. Над диваном висит в раме рисунок углем: два кентавра мчатся в высокой траве.

Лева заходит на веранду и зовет меня:

— Хелен! Вы только взгляните!

Веранду явно приспособили под мастерскую художника. И здесь нам впервые попадаются следы, указывающие, что в этом доме кто-то жил, хотя и давно. В вазочках на столе торчат кисти с засохшей краской, по столу и по полу разбросаны листы бумаги, карандаши и угольки. И всюду — на столе, на стенах, на полу: рисунки, рисунки, рисунки. Букеты, пейзажи, но больше всего кентавров. Вот кентаврица встала на дыбы, чтобы сорвать с высокой ветки яблоко. Вот кентавр задумчиво ковыряет травинкой в зубах. Два кентавра дерутся тяжелыми дубинами, кентавр и кентаврица перебрасываются мячом. Кентавр, опустившись на колени, разжигает костер. А вот два кентавра занимаются любовью — выглядит непристойно, но довольно убедительно и даже захватывающе.

— Рисунки Риты? — спрашиваю я.

Лева кивает:

— Похоже на то.

Мы возвращаемся в гостиную. Там довольно темно, но Лева раздергивает шторы, и я вижу то, на что не обратила внимания первый раз. В дальнем углу гостиной стоит стол, резко выделяющийся из окружающей обстановки. Это обычный офисный «умный» стол с встроенным уникпом-картотекой, столешницей-экраном и диктофоном.

— Жаль, в локальную сеть не влезем, — вздыхает Лева. — Наверняка запаролена.

Тут я замечаю нечто, чего никак не ожидала увидеть: прямо на сенсорном экране столешницы лежат несколько самодельных тетрадей, больше всего напоминающих старинные истории болезни, которые я видела в университетском музее.

Тут выдержка изменяет нам. Мы наперегонки бросаемся к столу и хватаем артефакты. Лева, перелистывая страницы, бормочет:

— Полицейские отчеты... почерк Бондаря... я видел, как он расписывается на адресах и поздравительных открытках... Видимо, он дублировал их... на него похоже. Но странно... почему он не хранил данные в сети?..

Потом мы поднимаем глаза на стоящий рядом небольшой шкаф, а в нем целый арсенал: два охотничьих карабина, винтовка, пистолеты.

— Кажется, Бондарь здесь прочно обосновался, — говорит Лева. — Почему бы и нет? Хижина пустует. Может, он до сих пор ищет зацепки в деле Риты...

Лева кладет папку, которую перелистывал, на стол, и тут я невольно вскрикиваю.

С фотографии, прикрепленной к обложке папки, на меня смотрит лицо моего отца.

Лева поднимет руку:

— Тише, Хелен, не бойтесь... Я тоже это слышу...

— Что слышите?

— Эти звуки.

Я прислушиваюсь и в самом деле различаю какой-то еле слышный скрип.

— Они идут сверху, — говорит Лева. — Кажется, что-то на втором этаже. Я пойду первым.

Он достает из кобуры пистолет и начинает подниматься по лестнице.

На втором этаже мы находим только две пустые спальни и ванную комнату, но звук становится отчетливей, и теперь к нему присоединяется то ли журчание воды, то ли какое-то неотчетливое бормотание и всхлипы.

— На чердаке, — шепчет Лева.

В самом деле, люк на чердак открыт, к нему приставлена стремянка. Мы поднимаемся тем же порядком: сначала Лева с пистолетом, потом я. На чердаке полутьма. У дальней стены в кресле что-то шевелится. Что-то живое, темное и мохнатое. Я понимаю, что вижу, и бросаюсь вперед на секунду раньше, чем Лева командует: «Стойте, Хелен!»

В кресле сидит Клаус Кнехт, завернувшийся в черный мохнатый плед и горячий, как печка. Секунду я думаю, что он просто простудился (но почему сидит на чердаке?), потом слышу, как он бормочет: «Пометил... пометил весь дом... не могу... он везде... он захватил... здесь...»

Лева включает фонарик, и я вижу лицо Клауса — красное и отечное. Его с трудом можно узнать.

— Что с ним? — испуганно спрашивает Лева.

— Не понимаю, — честно сознаюсь я. — Похоже на то... Но этого не может быть!.. Это же были аутотрансплантаты!.. Ладно, ясно, что ему плохо и ему нужно в больницу.

— Давайте попробуем спустить его вниз.

— Конечно.

Тут Клаус поднимает голову:

— А... это ты? — говорит он.

Секунду я думаю, что он правда узнал меня. Но он продолжает:

— Давай сбежим... Он все тут ходит и ходит... Найдем новый дом, он нас больше не тронет.

— Конечно, — быстро отзываюсь я. — Конечно, давай. Попробуй встать, и пойдём отсюда.

Мы с Левой осторожно берем его под мышки и с грехом пополам спускаем с чердака. При каждом шаге он стонет и едва не падает на нас. Дальше дело идет проще. Мы уже на середине лестницы, когда слышим на улице шум двигателя.

— Вы вызвали помощь? — спрашиваю я.

— Да нет, что вы, они бы не успели приехать все равно, — отвечает Лева.

Мы выводим Клауса на улицу и видим Бондаря. Он стоит на дорожке и держит в руках карабин. И дуло, словно темный двойной глаз, смотрит прямо на нас.

Клаус опускается на крыльцо. Мы замерли рядом с ним, как часовые.

— Ребята, отойдите, — просит Бондарь. — У меня в патронах крупная дробь. Если выстрелю, наделаю дырок во всех троих.

На этот раз его голос звучит удивительно мягко.

— Вальтер, мы не можем, — так же мягко и тихо отвечает Лева. — Уберите ружье, и тогда вы сможете нам объяснить, что происходит.

— Я собираюсь его убить, — просто отвечает Бондарь. — А вы должны уйти.

Молча мы сдвигаемся так, чтобы заслонить Клауса. Я успеваю удивиться тому, что ничего не чувствую. Кажется, чувства не успевают догнать мое тело. Внезапно Кнехт кладет нам руки на плечи и с трудом поднимается на ноги, наваливаясь на нас всей тяжестью.

— Почему... ты... убил... ее? — спрашивает он, коротко выдыхая после каждого слова. — Я... ждал тебя... так долго. Я хотел спросить... это. Почему ты ее... убил?

— Клаус, осторожно, он ничего вам не сделает, — Лева пытается удержать его.

— Постой, малыш, это взрослый разговор, — перебивает его Бондарь. — Я скажу. Сейчас ты человек, и я должен объяснить тебе, за что я убиваю тебя. Сентиментальность... но все же должен. Так будет проще. За то же, за что застрелил ее. Потому что вы нарушили главный закон этого мира. Потому что подвергли нас — всех нас! — опасности. Не важно, что ничего не случилось, что вам все сошло с рук. Так даже хуже, вы почувствовали себя безнаказанными — кто знает, когда вы отважитесь на другую попытку и что еще придумаете? Не важно, что ты был ни при чем, все придумала она. Я должен убить тебя просто потому, что тебя не должно существовать.

Клаус Кнехт с неожиданной силой толкает нас так, что мы падаем на листья и катимся, как кегли. У меня такое ощущение, что меня лягнула под дых лошадь. Клаус шагает к Бондарю. Тот стреляет. Однако на ме-

сте, где стоял Клаус, его больше нет. Там только облачко мелкой черной пыли, которое подхватывает дробинки и закручивает их маленьким вихрем, затем оседает на землю, в глубоко вдавленный в листья след ноги, дохнув нам в лица теплом. На след и на черную пыль падают крупные хлопья снега. Только сейчас я понимаю, что снегопад начался, еще когда мы выходили из дома.

— Лежите, ребята, — говорит Бондарь. — Все в порядке, я уезжаю. Вы ничего не расскажете, просто потому, что не будете знать, что и как рассказать. Постарайтесь все забыть.

Хлопает дверь моби.

Лева помогает мне подняться.

— Хелен, с вами все в порядке?

— Угу.

— Как думаете, когда речь шла о «ней» — это о Рите Кнехт? — спрашивает он.

ГЛАВА 10

КОНЕЦ РАССКАЗА

На самом деле, если бы не слова моего видения в «Хрустальном яйце», я бы точно свихнулась, пытаясь не думать о том, что случилось. Но оно предупредило меня, что я должна верить своим глазам, иначе сойду с ума. А сходить с ума снова я не хотела.

Я знала, почему Лева спросил именно о «ней»: потому что это был единственный осмысленный и конкретный вопрос, который он смог придумать. И я тоже. Все остальные звучали так: что это было? Что это было? Что, черт побери, это было?

Я толком не ответила Лева, только пробурчала невнятное. Мне хотелось свернуться в клубок, как только что делал Клаус, спрятаться и закрыть глаза, отгородившись от всего мира.

Молча мы сели в машину и двинулись в обратный путь. Снегопад спускался с горы вместе с нами. Иногда отставал, и тогда какое-то время мы ехали по чистой дороге. Когда мы вернулись на главное шоссе, он повалил так густо и бело, что Леве пришлось сбросить скорость до минимума. И тогда Лева нарушил молчание:

— Я все думаю, почему он появился там. Бондарь то есть. Скорее всего, он прослушивает наши разговоры в участке. Так он и узнал, что сегодня мы едем за Клаусом.

Я выдавила из себя какое-то одобрительное мычание.

Лева еще немного помолчал, потом спросил:

— А что вы говорили про аутоотрансплантаты? Еще на чердаке? О том, что этого не может быть...

Тут я не могла не ответить:

— У него была клиника тяжелой аллергической реакции. Это могло случиться, если бы я посадила ему чужую хрящевую ткань. Но мы уже не первую сотню лет проводим только аутоотрансплантации — выращиваем собственную ткань пациента и подсаживаем ее.

— Ясно, — ответил Лева.

Мы расстались у моего дома, и следующие несколько часов я провела у окна, глядя, как белое крошево засыпает мамин сад. Сказала маме, чтобы не тревожила меня, что я устала и буду спать. Но какое уж тут — спать!

Шерлок Холмс сказал когда-то: «Если отбросить все невозможное, оставшееся будет правдой, насколько бы невероятно оно ни звучало». Но, боюсь, он даже представить себе не мог, чтобы правда звучала настолько невероятно. Он имел дело только с преступниками Лондона, а не с непредсказуемой реальностью чужой планеты. И все же он помог мне в ту ночь. Как и Уинифред Котовски. И Рудольф Хофф.

Получалось, что кости в пещере принадлежали Рите Кнехт. Много лет назад ее застрелил Бондарь за то, что Рита *пожелала* стать кентавром. Оставшись одна в хижине, рисуя без конца кентавров в их волшебном мире, она смогла достичь той степени концентрации *Желания*, которая в Неверленде способна творить чудеса. Больше того, она не только стала кентавром сама, она создала себе идеальную пару — кентавра-мужчину. Я очень хорошо представляла себе их: как они резвятся на горных лужайках, как теплой летней ночью спускаются к реке, чтобы искупаться и заняться любовью, а Бондарь ждет их в засаде. «Он всех знал и умел поддерживать у нас порядок», — так говорил о нем Лева.

Но он застрелил только Риту. Клаусу удалось *сбежать* и *захотеть* превратиться в человека, чтобы спрятаться от Вальтера и отомстить ему. В том состоянии, в котором он был после смерти Риты, это, вероятно, было не так уж трудно. И они с Вальтером много лет охотились друг на друга. Вальтер нашел хижину и устроил в ней свой штаб. Возможно, именно он поддерживал порядок в доме и в саду. Или это делал Клаус в те дни, когда Вальтер уезжал. Я не знаю, Клаус или Вальтер похоронил Риту в пещере, но и не важно. Их игра в кошки-мышки могла тянуться бесконечно, однако Клаус был искусственным созданием, а значит, несовершенным. И первыми начали сдавать суставы ног, структуру которых он изменил усилием воли. Когда я затеяла трансплантацию, я не знала, что Клаус — генетическая химера. Но это было именно так, и у него началась реакция на собственную хрящевую ткань. Он испугался и заполз в единственное укрытие, которое знал. И там его нашли мы слевой. И с нашей помощью — Вальтер. Единственное, чего я не могла объяснить и увидеть — финал истории. Почему Клаус от выстрела превратился в черный вихрь? И что это был за черный вихрь?

Но теперь все просто. Я взяла отпуск за свой счет, поехала в город и разыскала Алекса. И рассказала ему эту историю. Вальтер ошибся — я поняла, что и как нужно рассказывать. И кому. Алекс пообещал мне встречу с вами. Только предупредил, что вы — инопланетник и рассказывать вам все нужно очень подробно, потому что вы не знаете, как все у нас в Неверленде устроено. Он сказал: «Начни с воспоминаний детства, чтобы он все понял. И побольше деталей». Вот почему я уже три часа испытываю ваше и свое терпение. Так вы мне можете?..

— Спасибо, Хелен. Да, к счастью, я знаю ответ на ваши вопросы. Это только гипотеза, и она действительно звучит невероятно, но есть экспериментальные подтверждения, и мне кажется, вы знаете уже достаточно, чтобы мне поверить. А теперь давайте отключим запись.

— Темные дела должны совершаться в темноте?

— Это тоже цитата из библиотеки вашего дяди?

— Ага, одна из сказок.

ГЛАВА 11

КОНЕЦ ДОЗНАНИЯ

Хелен Фишер вышла из Института медико-биологических проблем и зашагала по улице к отелю, где остановилась. Несколько раз она сталкивалась с прохожими, рассеянно извинялась и, наконец, поравнявшись с воротами институтского парка, свернула к скамейке у озера, где просидела около получаса, сжав ладонями виски и закрыв глаза.

На следующий день она получила в Бюро судебно-медицинской экспертизы генетическую карту своего отца, после чего посетила Генетический консультативный центр, заказав анализ на родство. Увидев результа-

ты, она запросила допуск в Единый архив медицинской документации, с которым проработала еще неделю.

После этого она вернулась домой, во Фриденталь, и в тот же вечер отправила письмо.

«Вальтер! У меня есть к вам серьезный разговор. Можете быть завтра в полдень в хижине Риты Кнехт?

С уважением,
Хелен Фишер».

Ответ пришел через несколько минут.

«Буду ждать. В. Б.»

★ ★ ★

Сад был засыпан девственным снегом: искрящимся, нежно-розовым на солнце и синеватым в тени. Умолк ручей, статуи и деревья накинули королевский белый траур. У дверей дома намело изрядный сугроб. Снег скрыл под собой все следы случившегося.

Но Бондарь это предусмотрел. Приехал сильно заранее, еще на рассвете, протоптал дорожку к сараю, достал лопату, разгреб крыльцо и путь до калитки. На солнце было не слишком холодно, скорее, приятно-свежо, пока махал лопатой — согрелся и вздрогнул, когда вошел в выстуженные комнаты.

Сходил за дровами, растопил камин, поставил на угли чайник, достал из шкафчика чай и кофе, сливки и сахар — на выбор. Он любил, когда у человека есть выбор, простая дилемма: чай или кофе, со сливками или с сахаром, человек или нежить, жив или мертв.

Постоял посреди комнаты, подумал. Сказал в пространство: «Да ну ее, еще расписхуется!» Достал из кобуры на поясе пистолет, снял с предохранителя, спрятал в ящик стола, проверил, легко ли тот выдвигается. Не поленился, слезал в чулан за машинным маслом, согрел флакон у камина, смазал шарниры ящика, остался доволен.

Снял свитер, сел в кресло, через несколько минут уронил голову на грудь — заснул. Проснулся от звуков двигателя за окном.

Хелен вошла, раскрасневшаяся, в курточке с капюшоном, отороченным мехом, в смешной разноцветной вязаной шапке и в варежках — ни дать ни взять внучка на каникулы к деду. Бондарь оставил ей тапочки в прихожей. Хелен дернула ртом, но тапочки надела. От чая и кофе отказалась.

Села на диван, закинула ногу на ногу. Помолчала.

— Я вас слушаю, доктор, — улыбнулся Бондарь.

Хелен в ответ не улыбнулась.

— Это довольно сложно... — начала она. — У вас ведь нет медицинского образования? Или биологического?

— Увы! — Бондарь развел руками.

— Но по крайней мере вы обещаете быть честным со мной?

— Если захотите.

Она опять помолчала. Потом коротко вздохнула и сказала:

— Я думаю, что вы убили моего отца.

Бондарь кивнул.

— И Риту Кнехт.

— Да.

— И, вероятно, еще нескольких человек.

— Да. Но я сделал это из необходимости, — счел нужным пояснить Бондарь.

— Потому что они нарушили закон?

— Нет такого закона «не желать». То не закон, а здравый смысл, закрепленный в обычае. Люди, которые могут поставить под угрозу наши жизни для того, чтобы исполнить свои сиюминутные желания, жить не должны. Это слишком опасно. Понимаете, если я увижу тигра на свободе, я выстрелю до того, как он начнет казаться раздраженным. Но я не убивал невинных.

На каждого я долгое время собирал досье. Могу вам показать, если вы сомневаетесь.

— И преступлением моего отца было то, что, будучи бесплодным, он зачал меня?

— Вы правы.

— А вы не можете представить себе, как ему это удалось? Он вызвал золотой дождь, который проник в лоно моей матери?

— Простите, что?

— Как ему удалось организовать зачатие?

— Понятия не имею, я же не врач. Просто моя жена и ваша мать состояли одно время в одном женском клубе. Ваша мать всем болтала про свою долгожданную чудесную беременность. На проверку у меня ушло около пяти лет: видите, я был дотошен. Проверил медицинскую базу данных Нойсса, получил подтверждение, что ваш отец был бесплоден, причем необратимо. Потом получил вашу генетическую карту и заказал сличение с картой вашего отца. Анонимно, разумеется, во всех отношениях анонимно. Мне очень жаль говорить вам это, Хелен, но вы действительно дочь своего отца и действительно стали невольной причиной его смерти.

Хелен подняла руки, словно желая отбить его слова, как мяч.

— Простите, но вы не поняли вопрос. Как он смог это сделать чисто технически?

— Вопрос не ко мне. Я же сказал, что не врач.

— А узнать хотите?

Бондарь пожал плечами:

— Честно говоря — не особенно.

— И очень жаль, потому что именно это я и приехала вам рассказать.

Бондарь мягко поднялся на ноги:

— Подождите!

— Вы не считаете, что это самое меньшее... — начала Хелен.

— Да помолчите вы! — оборвал ее шериф. — Снег скрипит.

— Что?

— Тихо!

Он схватил ее за руку и потащил в чулан. Пропихнул изумленную девушку внутрь, не обращая внимание на сопротивление, закрыл дверь. Вернулся, достал пистолет, осторожно выглянул в окно. Хмыкнул и нажатием кнопки опустил плотные шторы. Снова подошел к двери чулана.

— Вы притащили с собой всю полицию Нойсса? — теперь в его голосе звучал сдерживаемый гнев. — Зачем было их вмешивать? Вам их не жалко?

— Ничего я не делала, — Хелен в отличие от него не скрывала раздражения. — Хотите верьте, хотите — проверьте.

— Думаете, я не узнаю наши маскхалаты?

— Ничего я не думаю. Я даже не знала, что они у вас есть. Просто, возможно, не вы один здорово умеете подслушивать и собирать информацию.

Загудел униконп, встроенный в стол. Бондарь вернулся в комнату, ткнул кнопку.

— Вальтер! — раздался голос Мэри Роджерс. — У вас там все в порядке?

— У маленькой Мэри большая потеря, — весело продекламировал Вальтер. — Все в полном порядке. Я как раз почти уговорил доктора выпить чашечку чая, когда вы приперлись.

— Может, и меня угостишь? Я войду?

— Нет, дорогая. В гости со спецназом не ходят. А ты ведь приперла сюда ребят из Нойсса. Так что сиди в сугробе.

— Но я хотя бы должна убедиться, что с Хелен все в порядке.

— Сколько угодно.

Он откинул крючок на двери. Увидев в его руках оружие, Хелен отшатнулась. Вальтер сделал приглашающий жест:

— Выходите, будем разгребать то, что вы натворили. Немного спокойствия, и все уйдут отсюда живыми. Прежде всего успокойте Мэри. Скажите, что вы невредимы.

Хелен осторожно по стеночке выскользнула из чулана.

— Мэри, я тут! Со мной все в порядке.

— Но у меня пистолет, и он заряжен, — вставил Вальтер. — Спрятаться ей некуда — так что не делайте глупостей.

— Хорошо. Вальтер, мы можем поговорить спокойно?

— Подождите, Мэри, — неожиданно вмешалась Хелен. — Дайте нам десять минут. Я сама вызвала Вальтера сюда и пока так и не сказала ему то, что собиралась. Это необходимо сделать. Отключитесь, пожалуйста.

Мэри помолчала. Из динамиков доносилось ее дыхание.

— Хорошо, — сказала она. — Пять минут. Потом я снова вызову вас.

Динамики затихли.

— Вы с ума сошли! — прошипел Вальтер. — Теперь не только они нас не слышат, но и мы их. Они используют время, чтобы перегруппироваться и подойти ближе. Потом у одного из этих идиотов не выдержат нервы, и начнется штурм. А там пуля — дура, а дырочку найдет. И дурочку. Мне нельзя упускать контроль над ситуацией.

— Подождите, Вальтер! — взмолилась Хелен. — Дайте мне наконец сказать, а потом хотите — убивайте, хотите — прикрывайтесь мною.

— Боже, как я мог позволить втравить себя в такое! За двадцать лет ни одной осечки. Вот уж правда — связался с женщиной.

— Пойдите... слушайте...

— Ну слушаю, слушаю... Я уже понял, что проще на все согласиться...

Хелен быстро заговорила:

— Я обратилась к ученым. К биофизикам в институте, в Нойссе. Они с Земли, но это не важно. В общем, несколько лет назад они обнаружили, что в биосфере планеты присутствуют целые облака микророботов. Даже не микро, а еще меньше.

— Наниты, что ли? — недоверчиво спросил Вальтер.

— Да. Точно. Вы слышали?

— У меня старший сын без ума от старой фантастики. Все уши прожужжал. Лучше бы делом занимался.

— Да. Правильно. Для нас это действительно фантастика, потому что в окружающей агрессивной среде они неустойчивы. И нужно откуда-то брать энергию. Их пытались изготовить еще в двадцатом веке, получился пшик. Однако местные наниты живут не во внешней среде, а в живых организмах. Берут энергию из разницы потенциалов на клеточных мембранах.

— Какое это...

Но Хелен перебила.

— И, скорее всего, они инопланетного происхождения. То есть создала их цивилизация, существовавшая когда-то на Неверленде. Или посетившая Неверленд.

— Звучит как бред.

— Да, но объясняет, как на Неверленде исполняются желания. И вообще многое объясняет. Откуда взялись кентавры. Как выживший кентавр превратился в человека. Почему он рассыпался... И откуда появилась я.

Вальтер взглянул на часы.

— Осталось три минуты. Не хотелось бы опаздывать. И, кстати, вы мне только что дали хороший повод не закрывать вас от пуль. Вы теперь не убитая горем истеричка, потерявшая отца десять лет назад, а опасный мутант. Не взыщите. Я должен убить вас.

— Пойдите! Теперь самое важное. Я подумала: неужели мой отец один желал невозможного? И главное: чего желают все люди, не видя в этом ничего плохого? И запросила данные статистики по генетическим и хромосомным болезням среди новорожденных. Получила результат. На Земле — доли процента. Нормально, так бывает всегда. Но на Неверленде — ноль. Никаких обменных нарушений, никакого гемохроматоза, гемофилии, дальтонизма, никакого синдрома повышенной ломкости костей, никакой фенилкетонурии, идиотии Тея-Сакса, даже никакого синдрома Дауна. Понимаете, все родители хотят здоровых детей. И не абстрактно, а вполне конкретно. И очень сильно. И даже не подозревают о том, что хотят этого недолжным образом. А наниты исполняют желание. Пока не ясно, как они сумели поменять хозяина, приспособиться. Зато ясно другое: если вы собираетесь продолжать в том же духе, вам придется убить всех жителей планеты. Мы все — преступники. Невинные преступники. И вы — тоже! У Риты Кнехт хватило фантазии и, возможно, отчаяния одиночества, чтобы сотворить большое чудо. У юного Курта хватило мужества, чтобы удержаться от чуда. Но маленькие чудеса совершал любой из нас, даже не зная об этом.

Бондарь молчал. Хелен вглядывалась в его лицо, но ничего прочесть не могла. Он снова застыл, спрятал свои чувства.

— Понимаете, — тихо сказала Хелен. — Бессмысленно бояться изменений. Бессмысленно бояться будущего. Оно не приходит извне. Мы уже в будущем. Оно внутри нас. В нашей крови.

Так и не дождавшись ответа, повернулась и пошла к двери. Отопнула замок. Толкнула. Крикнула:

— Мэри! Все в порядке. Я выхожу!

И вздрогнула, услышав за спиной выстрел.

СЕРДЦЕ ЛАНДСКНЕХТА

Крошечный шарик-планетка несется сквозь звездную бездну. Синевато-зеленый, наполненный влагой, кислородом и жизнью. Там, на самом дне его воздушного океана, рождаются, взрослеют, любят и ненавидят, строят и разрушают, дружат, воюют, стареют, умирают — те, что привыкли считать себя владельцами этой планеты. Люди. У них так мало времени от рождения до смерти! Слишком мало, чтобы остановиться, посмотреть на звезды.

А звездам некуда торопиться. Они смотрят пристально, не мигая. Черные звезды на ослепительно-ярком небе.

Пули с глухим стуком впились в ствол дерева, брызнули в лицо ошметками коры. Значит, теперь и сзади стреляют, значит, обошли. Значит...

— Круговую оборону держать! — крикнул он пацанам.

Надолго их хватит? И долго ли хватит патронов в магазинах «калашей»? Умник с большими звездами на погонах оставил их в арьергарде, прикрывать отход колонны. Другой, с еще большими, отправил на эту бойню. Впрочем, не ему, капитану, судить. Его дело — выполнять приказы.

Слева — вскрик, короткий, безнадежный. Так кричат не раненые, убитые, прощаясь и не желая прощаться. Кого на этот раз? Лес плюется свинцом все гуще, точнее. Он тоже воюет на стороне противника, этот чужой, горный лес. А на их стороне — неглубокие окопчики, выгрызенные в каменистой земле. И за спиной — ухо-

дящая в долину дорога, удержать которую нужно любой ценой. Хотя бы три часа.

Он понимал: три часа — слишком много. Но два, пожалуй, они продержатся. Если повезет. Если у противника нет минометов.

Фигура в камуфляже метнулась между деревьями. Короткая очередь. Враг неловко взмахнул руками, опрокинулся. Капитан вел им счет, личный. В сегодняшнем бою — второй, с начала войны — двенадцатый. И своим пацанам он вел счет. Пока что расклад был не в его пользу.

Громко и безнадежно вскрикнули справа. Кого?! Он повернул голову, потому успел заметить, как гладкий зеленый кругляш шлепнулся на бруствер. «РГД». Не страшно, надо только пригнуться, чтобы осколками не посекло... ах ты ж дрянь! Кругляш медленно, будто нехотя, перекатился через бруствер. Он прыгнул навстречу — поймать, вышвырнуть прочь!

Поймать он успел. А потом кругляш превратился в алый цветок, опрокидывая в темноту.

Темнота расцвела гроздьями созвездий. Значит, его, Б5ЛПЗ, — пятую батарею левого борта третьей оружейной палубы, — как и остальные батареи, десантные боты, штурмовые звенья и прочие автоном-эффекторы крейсера код по реестру «7-5-4» подключили к рецепторам внешнего обзора. Значит, очередная операция умиротворения скоро начнется.

Он не ошибся — два стандарт-интервала самодиагностики, и по локальным инфоканалам крейсера прошел диспозиционный пакет. Седьмой санитарный флот вышел из гиперпространства у планеты код по реестру «56-14-035». Статус планеты: стандарт-плантация третьего класса. Плотность интел-флоры: два миллиарда. Обоснование операции: агрессивное поведение интел-

флоры, препятствие снятию урожая, уничтожение или захват автоном-эффекторов, угроза утраты плантации. Цель операции: умиротворение интел-флоры, снижение ее плотности вдвое (оптимально) или втрое (при необходимости), внеплановое снятие урожая, восстановление на его основе требуемого количества автоном-эффекторов. Длительность операции: первый этап — умиротворение и снижение плотности — двести стандарт-интервалов, второй этап — снятие урожая — шестьсот, третий — сборка автоном-эффекторов — семь тысяч стандарт-интервалов.

Если бы боевые автономы умели удивляться, он бы удивился: двести стандарт-интервалов — избыточный срок. Интел-флоре не устоять так долго против санитарного флота Галактического Бога. Сто могут и продержаться. Если повезет.

Интел-флоре не повезло. Аборигены не сумели захватить орбитальные сторожевые платформы, следовательно, помешать обстрелу они не могли. Вдобавок — пагубное пристрастие к поселениям-агломерациям. На большинстве планет интел-флора — достаточно мобильная субстанция. Однако генетическая предрасположенность заставляет ее создавать огромные, в сотни тысяч, а то и миллионы особей колонии, оставляя большую часть планеты незаселенной.

Средств, чтобы атаковать корабли, у интел-флоры, разумеется, не было. Крейсера расстреляли из бортовых орудий несколько десятков крупных агломераций-поселений — согласно со списком, переданным из Управляющего Штаба. По каким критериям составлялся список, Б5ЛПЗ не знал. Да его это и не интересовало. Он получил три задачи, три цели, по три залпа на каждую, — как раз уложиться в семь стандарт-интервалов, отведенных на артподготовку, — и отработал их. На отлично — он контролировал результат каждого залпа. Пучеглазые, узкие в талии, использующие все шесть

конечностей и для передвижения, и для манипуляций аборигены походили на огромных двухметровых термитов. Что такое «термит»? — проскочило на периферии сознания. Но вопрос не имел отношения к поставленной Штабом задаче, потому он забыл его. Пирамиды и конусы построек оказались устойчивыми к двойному сейсмоудару, разрушились не более чем на семьдесят процентов. Да они и сами были крепышами, эти шестилапые. Потому третьим залпом шел катализатор, воспламеняющий атмосферу. Огненный смерч не оставил интел-флоре шанса выжить, запек заживо.

В локации третьей цели плотность флоры была особенно высокой. Спасаясь от толчков, аборигены высыпали из своих каменных пирамид на площадь, да там и остались, укрыв поверхность толстым слоем обугленных тушек. Б5ЛПЗ прикинул: слишком мелкие для взрослых особей. Инкубатор? Питомник? Детский сад? Последний термин показался странным. Как он мог возникнуть и что означал? Нет, не его дело разбираться с терминами. Его дело — выполнять приказы.

После артподготовки пришла очередь десанта. Если бы боевые автономы умели сочувствовать, Б5ЛПЗ посочувствовал бы эффекторам-штурмовикам. Внезапное появление кораблей флота на орбите, волна землетрясений и огненных смерчей, прокатившаяся по планете, гибель доброй трети особей, разрушение поселений, несомненно, деморализовали интел-флору. Но очагового сопротивления все равно не избежать. А значит, какой-то процент штурмовиков будет уничтожен и поврежден.

Впрочем, сожалеть о подобном было бы глупо. На плантации третьего класса любые потери можно легко восполнить.

Доступ к информационным ресурсам у автономов ограничен. Потому Б5ЛПЗ, скорее всего, не смог бы узнать, что есть Галактический Бог, даже если бы за-

хотел. Возможно, это сверхцивилизация предтеч-прародителей, некогда завоевавшая Галактику? Или искусственный разум? А может, нечто трансцендентное, находящееся вне материи, вне времени и пространства? Галактический Бог был абстрактной идеей, вещью в себе.

Зато миллиарды биомеханических ограниченно-разумных автоном-эффекторов были вполне конкретны. Скелет системы оптимальной целесообразности, придуманной и созданной Богом. А «мясом» на этом скелете нарастали обитатели тысяч и тысяч планет, уже включенных в систему или ожидающих своей очереди. Мясом — в буквальном смысле слова. Пусть сами себя они и считали разумными существами, но в масштабах Галактики были всего лишь интел-флорой, а планетки их — плантациями, где эта флора произрастала. Автономы-фермеры заботились о своих подопечных, удобряли, пропальывали, защищали от сорняков и болезней — в соответствии с разработанной для каждого подвида схемой. И собирали урожай. Интел-флора — источник биологических компонентов для автономов. В том числе основного компонента — мозга. Зачем расходовать ресурсы на изготовление искусственных систем управления, когда в Галактике переизбыток естественных?

Иногда схемы оптимизации давали сбой, фермеры не успевали подавить болезнь в зародыше. Флора становилась агрессивной, начинала бунтовать, пытаясь выйти из-под контроля. Тогда за работу принимался санитарный флот.

А еще флот требовался, когда в систему включали очередную плантацию — для прорезживания, предварительной обработки флоры и подготовки на ее основе автоном-эффекторов нового подвида.

...Созвездия погасли. Б5ЛПЗ засыпал, погружаясь в анабиоз. Свою задачу в операции он выполнил.

У подполковника в глазах плавал лед, когда он отдавал приказ:

— Капитан, оставишь десять человек в заслоне. Да отбирай таких, чтоб хоть стрелять уметь! Чтоб три часа продержались — любой ценой!

Они оба понимали, какую цену придется заплатить. Оставалось взять под козырек и идти выполнять приказ — отбирать смертников. Но он все же спросил:

— Не жалко пацанов?

— Жалко. Всех! Весь полк. Приходится жертвовать малым ради большого.

Правильные слова, не поспоришь. Да он и не собирался спорить.

— Я останусь командовать заслоном.

— Ты мне живым нужен.

— А пацаны что, живыми больше не нужны? Вот и я, как они...

...Он не строил иллюзий, его изорванное осколками тело выжить не могло. Но пока костлявая медлила. Чужие недобрые руки выдернули из спасительного беспомощства, перевернули на спину. Ладонь ударила по щеке, заставляя открыть глаза.

Удержать дорогу любой ценой у пацанов не получилось. Они сдались, те, кто уцелел в коротком — слишком коротком! — бою. Трое... четверо...

Бородачи в камуфляже были уже на позиции. Смеются, весело переговариваются между собой. Чужая гортанная речь вперемешку с родным русским матом. И слышать это — хуже, чем боль в израненном теле. Так нельзя, так неправильно! Враг не должен говорить на одном с тобой языке!

Чужое лицо склонилось над ним. Молодой, почти мальчишка, ровесник его бойцов. Курчавая черная борода делает его старше своих лет, свирепей. Хотя нет, свирепым боевика делал безумный огонь в темно-карих глазах.

— Ты живой, капитан? Живой? Будешь смотреть, как мы твоим бойцам головы режем!

Смех, шутки. Хорошо, не на русском, он не понимает.

Пацаны стоят на коленях, руки за головы, на лицах — ужас, нежелание верить, что спасения нет. Один вдруг вскочил, метнулся к лесу, тут же упал, споткнувшись об подставленную ногу. Новый взрыв хохота. Бородач уселся мальчишке на спину, левой оттянул назад голову. В правой блеснул длинный кинжал.

— Дяденька, не надо резать... Не надо, пожалуйста...

— Аллаху акбар!

Он успел закрыть глаза, не увидать. И снова удар по лицу:

— Смотри, капитан, смотри! Ты их сюда привел. Следующий!

Следующий, ефрейтор Буканов, пытается выторговать себе жизнь, отвести тянущийся к горлу кинжал:

— Мужики, пожалуйста... давайте поговорим, я же сдался...

— Руки назад делай. Быстро, быстро!

— Подожди, брат, я не хочу...

— Руки назад!

— Смотри, капитан!

— Я не хочу умирать! — кровь брызнула из-под лезвия. — Люди добрые! А! Ааа!!!

Хрип, страшный булькающий... И — смех.

— Добрые мы, добреши. Следующий.

Рядовой Цыренов что-то бубнит под нос:

— ...бурят... бурятов уважаете?

— Очень уважаем. Подними голову. Подними голову!

— Не надо...

— Следующий.

Младший сержант Осипов молчал. Только попытался высвободиться, когда двое схватили за плечи, прижали к земле. И таки сделал это — с перерезанным горлом. Приподнялся, перевернулся на спину...

— Предсмертная агония, — прокомментировал стоявший в стороне и снимавший расправу на сотовый боевик. Русоволосый. Говорящий без акцента. — Теперь капитана кончайте.

— Живи в загробном мире, капитан! В вечных муčenjaх.

Бородач с алым от крови кинжалом в руке успел сделать два шага. И упал. И остальные боевики упали, оборвав смех и шутки на полуслове. Не успев сделать ни единого выстрела. Над лесом повисла тишина. Мертвая.

У бруствера стояли двое, одетые в камуфляж, похожий на форму боевиков. Похожий, но не такой. И оружие их внешне напоминало «калаши», но стреляло чем-то беззвучным и невидимым. И сами они весьма походили на людей. Но не люди. А в небе над их головами висела серебристая сигара, взявшаяся ниоткуда, будто сотканная из воздуха.

Пришельцам хватило пяти секунд, чтобы ликвидировать дюжину боевиков. Впрочем, они их, кажется, не убили. Во всяком случае, принялись тщательно осматривать тела. Переворачивали, ощупывали, прикладывали ко лбам переливающиеся всеми цветами радуги диски. Трех отобрали, включая молодого и русоволосого, отправили на «сигару» — тела взлетели в воздух, словно привязанные невидимыми канатами. Остальных расстреляли. Не из своих «калашей», из настоящих. Чисто работают.

Но с капитаном у них вышла заминка. Пришельцы не проронили ни звука, но он уверен был — они разговаривают между собой, спорят. Потом тот, кто стоял ближе, наклонился, вынул из рук мертвого бородача кинжал. И точным, невозможно сильным для человека ударом отсек капитану голову.

Он не испугался, проваливаясь в черноту. Глупо пугаться, когда ты уже мертв.

Чернота отступила, выпуская его к рецепторам внешнего обзора. Секунда — и перед глазами вновь гроздь созвездий... Что такое «секунда»?

На этот раз звезд было мало, флот вышел из гиперпространства на окраине Галактики. А вот и планета: голубоватый шарик, континенты, океаны, белые облака ползут клочьями ваты. Что такое «вата»?

Диспозиционный пакет не заставил себя ждать. Код по реестру «17-91-467». Статус планеты: потенциальная плантация второго класса. Плотность интел-флоры: семь миллиардов. Обоснование операции: благоприятный прогноз автоном-скаутов, подтвержденный положительными результатами тестирования изъятых образцов. Цель: предварительная обработка интел-флоры, снижение плотности до одного миллиарда (оптимальная), снятие урожая, сборка на его основе требуемого количества автоном-эффекторов нового подвида, включение планеты в общегалактическую систему, запуск процесса оптимизации интел-флоры.

На первый этап операции Штаб отвел сто стандарт-интервалов, хотя предстояло ликвидировать шесть миллиардов особей. Б5ЛПЗ отметил этот нюанс. Но стоило взглянуть на локации своих будущих целей, чтобы понять резоны Штаба. Первая цель — башни из красного камня в самом центре многомиллионной колонии-агломерации, слишком тонкие и хрупкие, чтобы стать реальной защитой. Вторая цель — огромные друзы призм-строений с прозрачными стенами, готовые рассыпаться от малейшего толчка. Третья — каменные лабиринты с норами-сотами внутри. На этой половине планеты стояла ночь, интел-флора спала в своих сотах, что через десять стандарт-интервалов сложатся, прессуя ее в протеиновую слизь. Прямоходящие двуногие аборигены выглядели мягкими и хрупкими. Уязвимыми. И строения их были такими же. Пожалуй, огненный смерч не понадобится, достаточно несколь-

ких сейсмоударов, чтобы уничтожить общественную структуру флоры, или, как они ее называют, «цивилизацию».

А затем Б5ЛПЗ обнаружил еще одну особенность в диспозиции. Точнее — несоответствие. Он определенно видел прежде свои цели. И двуногие аборигены не казались странными, необычными. И контуры континентов были знакомы. Но как это возможно, если санитарный флот прибыл сюда впервые? Несоответствие напрямую касалось поставленной задачи, потому его следовало устранить до начала операции.

Послужной список автоном-эффектора — информация открытого доступа. Б5ЛПЗ просканировал его до самой первой записи. Той, где указывался код плантации, на которой вырастили мозг. «17-91-467. Экспериментальная эксплуатация».

Все стало на свои места. Узнавание «чужой» планеты, видения, что посещали его в короткие мгновения между отключением мозга от внешних рецепторов и анабиозом. Отголоски его прежней, «дикой» жизни.

Да, он родился на этой планете с почти забытым названием Земля. Что из того? Капитан российской армии Александр Лапин свой воинский долг выполнил до конца. А у Б5ЛПЗ другие командиры. Галактический Бог дал ему вторую жизнь. Дал уверенность в будущем, осознание собственной значимости и важности своей миссии. Дал новых товарищей по оружию. Дал цель — быстро и четко выполнять приказы, и радость — видеть результаты своей работы...

Всплыли в памяти обгоревшие штабеля смешных шестилапых трупиков. Детский сад... На миг екнуло сердце — вскоре на планете Земля трупов будет куда больше, и детских, и взрослых. Б5ЛПЗ поставленную задачу выполнит на отлично, как всегда. Что из того?! Не он отдает приказы, не ему, пятой батарее левого борта третьей орудийной палубы санитарного крейсера код по

реестру «7-5-4», принимать решения. Галактический Бог его полновластный хозяин. Вернее, хозяин его мозга. А сердце... Автоном-эффекторам оно без надобности, механический насос надежней. Потому на него Бог не претендовал.

У Б5ЛПЗ сердца никогда не было. А сердце Александра Лапина осталось на планете Земля. Десять миллионов стандарт-интервалов... Нет, не так — двадцать лет назад.

Отца он помнил плохо. Ему было пять, когда старший лейтенант Лапин отбыл в срочную командировку — на крошечный островок посреди реки Уссури. И не вернулся. Как не вернулся с Великой Отечественной старшина Лапин, а с Первой мировой — ротмистр Лапин. Традиция...

В последний их с отцом вечер они стояли на балконе, смотрели на мартовское, полное звезд небо.

— Папа, глянь! Звезда упала!

— Нет, сынок, это метеор. Настоящие звезды не падают. Звезды — это солнца, такие же, как наше, но очень далекие. И вокруг этих солнц вращаются планеты, может быть, похожие на нашу Землю.

— И там тоже живут люди?!

— Не знаю. Пока этого никто не знает.

— А потом? Я узнаю, когда вырасту?

— Ты? Еще бы! Обязательно узнаешь.

Отец не ошибся. Теперь он знает — здесь, в звездной бездне, людей нет. Лишь Галактический Бог, безликий и вездесущий, да его автоном-эффекторы, носители оптимальной целесообразности. А люди живут на Земле, там их родина.

Его, Александра Лапина, Родина. Погибнуть, защищая ее, — традиция в их роду. И никакого приказа для этого не требуется.

Захватить контроль над крейсером Лапин не мог. Он понял это сразу, потому и не пытался, чтобы не выдать себя раньше времени. Как все эффекторы-батареи, он получил из арсенала боеголовки, девять комплектов, точно по счету. Три цели, по три залпа на каждую. Как все, изготовил орудия к бою. А затем перекрыл и заблокировал подходы к батарее, отключил инфоканал. Б5ЛПЗ перестал существовать, но Управляющий Штаб об этом пока не знал.

Время залпов Лапин рассчитал до секунды. Первый — по первой оружейной палубе флагмана, второй — по второй. Сверхпрочная обшивка с легкостью выдержала двойной сейсмоудар... но прямо за ней находились батареи, подготовленные к артобстрелу. Снаряженные боеголовки сдетонировали, корпус корабля вздрогнул, треснул в нескольких местах, выворачивая в открытый космос изуродованные внутренности.

Рана была глубокой, но не смертельной, врага следовало добивать плазменными пучками. Плазмы батарее Лапина не полагалось. А главное — времени на добивание нет. Сегодня у него не три, а семь целей. Крейсерам флота досталось по одному залпу — если не повредить, то хоть снизить боевую мощь.

Лапин успел израсходовать восемь комплектов из девяти. Затем эффекторы-ремонтники пробились сквозь керамопластовые плиты, вскрыли контейнер с мозгом... Зеленый кругляш в руке распустился алым цветком, опрокидывая в темноту. Теперь уже навсегда.

А потом флот ушел в гиперпространство. Три стандарт-интервала понадобилось Управляющему Штабу, чтобы проанализировать информацию о взбесившемся автономе, разобраться с причинами ЧП, изложить их Галактическому Богу. Получить ответ.

На этот раз скауты ошиблись. Интел-флора, заселяющая планетку на краю Галактики, не годилась для использования. Даже после глубокого эффект-про-

граммирования произрастающие на ней мозги могли дать сбой. Не только логикой выполнения приказов, целесообразностью подчинения они руководствовались, но и еще чем-то непонятным, необъяснимым. Словно бы связь с родной интел-флорой не обрывалась после изъятия.

Галактический Бог принял решение: «Оптимизация невозможна. Включению в систему не подлежит». Зачем расходовать ресурсы на культивацию сорняков, когда нет благоприятного прогноза? Седьмой санитарный флот уносил целесообразность к иным мирам.

МАЙК ГЕЛПРИН

БЕРИЛЬ

Олесь придирчиво оглядел потупивших очи долу лигиринок, нахмурился и обесточил транслятор, обошедшийся раз эдак в десять дороже обеих девиц, вместе взятых.

— Знаешь что, — повернулся Олесь к Шандору, — давай, пока не поздно, отправим их обратно.

В кают-компаниях «Одиссея», компактной, как и прочие помещения на грузовозе, и потому тесной, четверо помещались с трудом. Однако чувство неловкости Олесь испытывал вовсе не из-за тесноты.

— С тобой все в порядке? — изумился Шандор. — Куда это «обратно»?

— Откуда взяли.

Шандор вздохнул. Решения за обоих обычно принимал он, еще со студенческих времен. Олесь традиционно подчинялся. Однако сейчас явно назревала нестандартная ситуация.

— Ты что же, передумал? — скрестив руки на могучей груди, осведомился Шандор. — Тебе больше не нравится наша затея?

— Твоя затея, — уточнил Олесь.

Идея взять в полет лигириянок принадлежала Шандору. Олесь поначалу сопротивлялся, потом напарник его уломал. Одно дело оттрубить в космосе при полном безбабье пару месяцев, доказывал Шандор, и совсем другое — пару лет. При этом еще неизвестно, окажутся ли в пункте назначения дамы, готовые войти в положение двух оголодавших дальнобойщиков и предоставить тем некоторые услуги по определенной части. Скорее всего, таковых не будет вовсе: женщины-колонистки на дальних планетах — порядочная редкость. Таким образом, два года превратятся в четыре, и если даже удастся не спятить на пути туда, то уж на обратном они точно взбесятся, оба.

Контракт на доставку груза на Гимерот, третью от светила планету в системе Нью Волка, Шандор с Олесем подписали без раздумий — сумма вознаграждения позволяла по завершении контракта навсегда покончить с муторным и нелегким трудом занятых на ближних перевозках суперкарго. Четыре года дальнобоя, и можно будет осесть на любой цивилизованной планете в обитаемой части Галактики, обзавестись семьями, а там и подыскать занятие по душе, приносящее пускай небольшой, зато стабильный доход.

Олесь с Шандором дружили со студенческой скамьи. Вместе окончили Академию, получили лицензии навигаторов и отработали пару лет на обязательных правительственных рейсах. Затем одновременно с них уволились. «Одиссей», грузовоз класса «пси», бывалый, но надежный, был приобретен в рассрочку. Вот уже пять лет локальные межпланетные рейсы худо-бедно позволяли сводить концы с концами, но не более.

Срочный контракт на перевозку в систему Нью Волка подвернулся случайно и был несомненной удачей, шан-

сом, от которого не отказываются. О проблемах, сопутствующих дальнейшему перелету, напарники стали всерьез задумываться уже после того, как подписали бумаги. Отсутствие женщин было из этих проблем самой серьезной. Идея отклониться от курса и нанести визит на Лигирь пришла Шандору на ум уже через неделю после старта.

Слухи о выходах с Земли, взявших в наложницы лигирянков, ходили разные и самые что ни на есть противоречивые. Говорили, что лигирянки приносят несчастье. Иные уверяли, что, наоборот, удачу. Еще поговаривали, что они ревнивы и мстительны. Бытовала история о некоем пилоте Фредди, связавшемся с лигирянкой и увлекшемся туристкой. Фредди нашли под утро зарезанным в обнимку с зарезанной же лигирянкой, причем кто кого убил — выяснить так и не удалось.

Лигирь, планета земного типа, была четвертой от светила в системе Дельты Павлина. И, как всякую подобную планету, населяли ее гуманоиды. Внешне они мало чем отличались от хомо сапиенс, особенно если не брать в расчет цвет кожи, варьирующийся у лигирян от лимонно-желтого до ярко-оранжевого. Геномы обеих рас были, однако, несовместимы, хотя краем уха Олесь слышал скандальную историю поп-звезды, клявшейся, что забеременела от дикого лигирянина. Правда, ввиду общеизвестной любвеобильности этой звезды клятва ее выглядела весьма сомнительно. Главное же отличие было не во внешности и не в структуре хромосом. Уровень развития лигирянской цивилизации отставал от земного на десяток веков. На Лигире еще в моде были рабовладение, варварские войны, публичные казни и довольно жуткая с точки зрения современного землянина этика. В частности, поговаривали, что первым визитерам с трудом удалось воспрепятствовать массовому жертвоприношению в честь новых богов, свалившихся в железных огурцах с неба на головы аборигенам.

Мало-помалу, правда, к богам привыкли и настоятельным их просьбам вняли. Сжигать, вешать и рубить во славу головы прекратили. Зато охотно отдавали богам девушек — считалось, что та, на которую пришлые обратили внимание, сама вместе с ними возносится на небеса и в буквальном, и в переносном смысле. А уж выкуп за новоиспеченную святую, по земным меркам пустяковый, враз делал ее счастливых родителей местными богачами.

Выведа «Одиссей» на лигирянскую орбиту, напарники бросили жребий. Вытянувший короткую соломинку Шандор погрузился в посадочный модуль и отчалил «по бабам». Неделю, что он отсутствовал, Олесь терпеливо наматывал вокруг Лигиря витки и с каждым днем становился мрачнее и скептичнее. Еще недавно казавшаяся верной и занятой идея завести девочку-полудикарку накануне осуществления стала выглядеть сомнительной, если не сказать аморальной. Теперь же, при виде аборигенок, затея представлялась и вовсе скверной.

«Аолла, 18, фальцет, желтый», считал Олесь с экрана меморайзера сделанную Шандором памятку. Это, надо понимать, та, что слева, прехорошенькая, с золотистой кожей и волнистыми, до плеч, цвета спелого колоса прядями. Фальцет, по всей видимости, тембр ее голоса, а восемнадцать — возраст. Олесь откашлялся и почувствовал себя чуть ли не старым растителем. «Лайма, 17, сопрано, бледно-песочный», ознакомился он с данными второй лигирянки, ничуть не менее привлекательной, чем первая. Что ж, слава творцу, хотя бы не пятнадцать. У них, впрочем, развиваются рано. Или это не у них? У Олесья неожиданно закружилась голова, то ли от слабости, то ли от застенчивости.

— Ты где их нашел? — сердито буркнул Олесь. — Там детсадовского возраста никого не было?

— Всякого были, — огрызнулся Шандор. — Посмотрел бы я на тебя на моем месте. Когда раз в пять минут

тебе приводят на смотрины новую девку, а от предыдущих уже в глазах рябит. Сам не знаю, почему взял этих. Ладно, тебе какая нравится?

— Никакая.

— Тяжелый случай, — Шандор вздохнул. — Давай уже выбирай, дружище. Мы как договаривались?

Олесь не ответил. Договаривались они спутницами время от времени меняться. Это они частенько проделывали, знакомясь с не отягощенными предрассудками девицами в многочисленных барах при космодромах. Однако сама мысль меняться этими двумя дикарками почему-то казалась Олесю постыдной. Наверное, потому, что на дикарок лигирянки не очень-то походили. А походили, скорее, на скромных и ухоженных домашних девочек, воспитанных на какой-нибудь аграрной планете с викторианскими нравами.

— Ну, долго ты будешь маяться? — принялся ворчать Шандор. — Бери любую и дуй с ней в койку. Или хочешь обеих?

Олесь крякнул с досады.

— Ты что же, не видишь разницы? — бросил он с досадой. — Это не космодромные шлюхи.

— Ну, разумеется, вижу, — недоуменно ответил Шандор. — Нормальные девчонки, да шлюхи бы с нами и не полетели.

Олесь, нахмурившись, пристально посмотрел напарнику в глаза. Ни тени смущения в них не было. Шандор вообще редко смущался, сомневался или переживал. Был он высоченным плечистым кареглазым брюнетом со скуластой физиономией, напористым и пробивным. Невысокий худощавый Олесь с голубыми глазами и непослушными русыми волосами рядом с Шандором смотрелся, словно персонаж древнего романа по имени Арамис рядом с другим персонажем, Портосом.

— Значит, так, дружище, — вопреки обыкновению, решительно сказал Олесь. — Девчонок мы сейчас на-

кормим, дадим отоспаться с дороги, и я отвезу их обратно.

— Ты сбрендил?

Вместо ответа Олесь запитал транслятор.

— Меня зовут Олесь, — представился он. — А это Шандор, он отличный парень и прекрасно готовит, даром что мадьяр. Сейчас Шандор сотворит вам гуляш. Из натурального мяса, заметьте, в общем, пальчики оближете. Затем можете часов пять-шесть подремать, я уступлю вам каюту. А потом погружу обратно в корыто и доставлю по месту жительства. Все ясно?

— Нет, господин, неясно, — отозвался транслятор, заглушив простуженным баритоном сопрано Лаймы, так и не оторвавшей взгляд от каютного пола в щербинках и пятнах, уже не поддающихся кибер-уборщику.

— Что же тут неясного? — загорячился Олесь. — Впрочем, я, кажется, понимаю. Сейчас объясню. Мы с Шандором шутники, это ясно? Особенно он, записной хохмач, патологический. Хлебом не корми, дай чего-нибудь эдакое отколоть. Хотя, по чести сказать, я от него недалеко ушел. Вот мы и придумали подцепить вас, юмор у нас такой. А теперь поняли, что это совсем не смешно, и просим прощения. В знак добрых намерений накормим вас и отвезем домой. Еще и денег дадим, ну, чтобы сладить это все, надеюсь, вы не откажетесь.

— Настоящий идиотизм, — прокомментировал речь напарника Шандор. — Не слушайте этого олуха, девочки, он попросту малость подвинулся умом, — Шандор хмыкнул. — Надо полагать, от радости.

Олесь и вправду чувствовал, что несет изрядную ахиною. Наизнанку выворачивающий стыд не давал ни замолчать, ни сказать что-то более толковое.

— Я не нравлюсь тебе, господин? — Лайма вдруг вскинула на Олесья взгляд ставших влажными серых глаз.

— Что-что? — опешил тот. — В каком смысле? Так, немедленно перестань реветь, этого только недоставало! И какой я, к чертям, господин? Меня зовут Олесь.

— Хорошо, господин.

— Так, — перехватил инициативу Шандор. — Мы оба идиоты. Не хватало только затеять выяснение отношений вчетвером. Пошли, — Шандор протянул руку желтокожей Аолле.

— Я тебе нравлюсь, госпо... — начал было транслятор.

— Спрашиваешь! — с энтузиазмом перебил Аоллу Шандор. — Ты клевая, отпадная, все такое.

Шандор подмигнул Олесю и, понизив голос до шепота, сказал:

— Сдается мне, это не мы, а они нас уже поделили.

Олесь проводил взглядом удаляющуюся пару.

— Мне эм-м... немного неловко, — замямлил он. — Нет, даже не немного, а сильно неловко. Мы и вправду свалили приличного дурака, когда решили купить себе вас. Идиотская выходка с нашей стороны, что говорить. Нет-нет, ты не подумай чего. Ты ладная, стройная, привлека...

— Спасибо тебе, господин, что купил меня.

Цвет кожи у девушки вдруг стал из бледно-песочного золотым.

— Спасибо за что?! — оторопел Олесь.

Она тоже стыдится, понял он миг спустя. Нет, я все-таки пенек. Купил... надо же, словно кобылу на базаре. И стать похвалил: «ладная, стройная». Хорошо не сказал «здоровая» и не попросил продемонстрировать зубы.

— Извини, — вновь смущенно замямлил Олесь, — я хотел сказать, что ты красива и это... — он запнулся, подходящие слова не шли на ум. — Красива, нежна и эм-м... это...

— Добродетельна, — подсказал транслятор. — У меня никогда не было мужчины, господин.

— Отвратительно, — поведал Шандор трое суток спустя и швырнул тарелку с неаппетитной массой в жерло пневматического мусоропровода. — Ничего сложного в пищевом процессоре нет, ваши примитивные печи, или что у вас там, гораздо сложнее. Видите эти кнопки? Я специально присобачил картинки над каждой из них. Что, никогда не видели, как выглядит баклажан? Ничего, придет с опытом. Главное тут — пропорции. Смотрите: сейчас я закажу процессору настоящий венгерский паприкаш, а не ту дрянь, что вы из него выудили. Значит, так: берем мясо, сметану, лук...

— Толку не будет, — махнул рукой Олесь.

— Обязательно будет, — упрямо возразил Шандор. — Ну, поплюемся день-другой от их стряпни, ничего страшного. Девиц надо чем-то занять, не сутки же им напролет порнофильмы смотреть.

От порнофильмов, впрочем, толку оказалось еще меньше, чем от готовки.

— Ты был прав, затея дурацкая, — говорил Шандор Олесю, запершись с ним в пилотской рубке на следующий день после того, как «Одиссей» покинул лигирянскую орбиту и взял курс на вход в межпространственный туннель в восьми сутках лета. — Не знаю, как у тебя, но резиновая кукла по сравнению с моей Аолой — секс-бомба.

— То же самое, — потупился в кресле второго пилота Олесь. — Полное отсутствие темперамента, кто бы мог подумать. Бедные девочки.

— Ты лучше меня пожалей, — буркнул Шандор. — Словно кросс с полной выкладкой отмотал.

Час спустя обеих пассажиров усадили в кресла в помещении, совмещающем функции спортзала, кинозала, библиотеки, компьютерного центра и рекреации, и, зарядив на шесть часов порнографии, оставили одних.

На следующий день сеанс повторили, за ним еще один, после чего пришли к единодушному мнению, что эксперименты с приготовлением пищи, по крайней мере, гуманнее.

— Неужели у них у всех так? — недоумевал Шандор, пока процессор, недовольно урча, пытался справиться с венгерским паприкашем по-лигирянски. — Не завидую я ихним мужикам. Скажи спасибо, что наши с тобой девицы хотя бы красивые, а представь, каково кому-то, когда под ним мало того что бесчувственная доска, так еще и крокодил. Там таких тоже полно, не сомневайся. Слушай, может, действительно поменяемся? Все какое-никакое разнообразие.

Меняться Олесь категорически отказался. Он сам не знал почему — никаких чувств, кроме легкой жалости и легкого же раскаяния, по отношению к Лайме он не испытывал.

★ ★ ★

— Еще не поздно, — задумчиво сказал Шандор на восьмые сутки.

— Что не поздно? — автоматически переспросил Олесь.

— Повернуть оглобли.

«Одиссей» дожевывал последние тысячи миль космического пространства, оставшиеся до входа в тоннель.

— Если ничего не случится в пути, в срок мы уложимся, — рассудил Олесь. — В пределах расчетной погрешности. В крайнем случае, уплатим неустойку за опоздание. Ничего страшного, вообще говоря. Однако...

Спроси его, он вряд ли бы сказал, что именно означает это «однако». Нечто неуловимое протянулось между ним и купленной на Лигире пассажиркой. Нечто, ничего общего не имеющее с тем, что бывает между мужчиной и женщиной. Нечто совсем другое.

— Моя вчера отчудила, — проговорил Олесь вслух. — Знаешь, что сказала?

— Что же? — Шандор хмыкнул. — Постой, сейчас угадаю. Бьюсь об заклад, то же самое, что моя вчера выдала мне. «Ты только не влюбись в меня», — писклявым голосом спародировал Шандор Аоллу.

— Угу, так и есть. За час до этого приволокла меня к транслятору и заставила на все лады повторять производные от слова «любовь». У них, оказывается, этого слова и в лексиконе-то нет. С учетом их темперамента, немудрено: какая там, к черту, любовь. Соитие, совокупление есть, я выяснил. Даже групповое изнасилование. А любви нет. Вместо нее этот, как его, черт... слово какое-то идиотское.

— Вериль, — подсказал Шандор.

— Точно, оно самое. Твоя, выходит, тоже упражнялась с транслятором?

— Да нет. Видимо, почерпнула от твоей. В результате выдала, что, если я, не дай бог, в нее влюблюсь, настанет вериль. Прозвучало так, словно настанет всеобщий конец света, ну, или, самое меньшее, вспыхнет пара сверхновых.

— Да уж, — фыркнул Олесь. — Так что ж, возвращаемся? Часа через полтора поворачивать станет поздно.

Шандор побарабанил пальцами по подлокотнику пилотского кресла.

— Нет, — принял решение он. — Знаешь, это было бы сродни дезертирству. В конце концов, ничего страшного ни с нами, ни с девчонками не произойдет. Притремся как-нибудь. Они, вообще говоря, неплохие девки, и потом — вовсе не обязательно с ними спать. Ну, разве что если неумоготу станет.

— Думаешь? А что делать с ними, когда вернемся? — неуверенно протянул Олесь.

— Какая разница, — беззаботно махнул рукой Шандор. — Высадим где-нибудь. Денег дадим. Девки молодые, красивые, найдут себе мужиков.

— Что ж, вполне прилично, — Шандор покончил с едой и отодвинул тарелку. — Это, конечно, еще не гуляш, но, по крайней мере, некое его подобие. Ладно, тащите пудинг.

За те полтора месяца, что «Одиссей» пронзал первую по счету межпространственную червоточину, жизнь на борту стабилизировалась и вошла в привычную колею. Просыпаясь поутру, Олесь обнаруживал под боком мирно посапывающую Лайму, улыбался непроизвольно и ловил себя на том, что испытывает нечто вроде нежности. Он пристрастился к ежеутреннему кофе в постель и к ежевечернему коктейлю в нее же. Поворчав для порядка, стал регулярно бриться по утрам, дважды в день менять рубаху и добродушно посмеиваться, слушая, как взвизгивает от притворного страха Лайма, если ее пощекотать под мышками или ущипнуть за мягкое место.

— Как там твой вериль, не настал еще? — подтрунивал над Лаймой Олесь.

— Вериль не мой, — серьезно отвечала та. — Он всегда общий. Ты еще не влюбился в меня?

— Да вроде нет.

— Это хорошо. Значит, и вериля еще нет.

— А будет?

— Не знаю.

Олесь пожимал плечами и отправлялся в рубку.

— Знаешь, дружище, — сказал Шандор, когда грузовоз покинул тоннель, преодолел подпространство и погасил скорость. — Я не жалею, что мы их взяли. На борту стало веселее, ты не находишь? Я бы сказал — уютнее. И вообще, это, оказывается, приятно, когда рядом с тобой кто-то есть. Не на одну ночь или там на пару, а постоянно, понимаешь?

Олесь кивнул. Он понимал. Привязался я, что ли, к Лайме, думал он, пытаюсь проанализировать то, что

происходило между ними изо дня в день. Привык к ее улыбке, к заботе, к исходящему от нее легкому цветочному запаху. Возможно, притерпелся к пресному, безвкусному сексу. Правда...

— Шандор, — сказал Олесь вслух. — А у вас ничего не изменилось? Ну, в койке.

— Да нет, — Шандор скривился. — С каких дел? Хотя... — он задумчиво нахмурил брови и замолчал.

— Вот и мне кажется, что «хотя», — буркнул Олесь. — Нет-нет, ни о какой чувственности и речи нет. Но как-то оно стало, черт, не знаю даже, как это сказать. Естественнее, что ли? Или, может быть, привычнее?

Время в полете тянулось медленно. Пассажирки освоились, с пищевым процессором они теперь управлялись лучше Шандора. Маленькая община сжилась, срослась, на «Одиссее» появились свои традиции. Одной из них стала набившая оскомину фраза «только не влюбись в меня».

— Почему ты постоянно твердишь это, Лайма? — однажды сердито спросил Олесь. — Что плохого произойдет, если я, по твоим словам, влюблюсь?

Кожа Лаймы в который раз поменяла цвет с бледно-песочного на золотой, лигириянка потеряла виски ладошками.

— Ты чувствуешь, что начинаешь влюбляться в меня?

— Не знаю, — Олесь растерянно посмотрел Лайме в глаза. — Я привязался к тебе. Мы уже больше года вместе. Я спешу к тебе, когда заканчивается вахта. Знаю, что ты меня ждешь. Мне нравится твоя стряпня, нравится, как ты двигаешься, как улыбаешься, нравится твой голос.

Олесь осекся и посмотрел на выключенный транслятор.

— Еще мне нравится лигирянский, — добавил он. — Никогда не думал, что так быстро его выучу. Нет, я, конечно, косноязычен, но...

— Мы можем говорить на английском. Хотя я не так быстро учусь, как ты. Или на обоих языках вперемешку. Это не так важно, Олесь. У меня есть просьба к тебе.

— Да? — улыбнулся Олесь, подумав, что Лайма собирается просить его о чем-то впервые за все то время, что они вместе.

— Ты говорил, что через восемь месяцев по времени корабля мы прибудем на место, так?

— Так, — Олесь улыбнулся вновь. — Там у нас будет месячный отпуск. Ох, и оторвемся же. Свежий воздух, солнце, земля под ногами. Люди.

— Люди, — повторила Лайма. — Когда мы окажемся там, отпусти меня.

— Что?! — изумился Олесь. — Как это «отпусти»?

— Просто брось. Так, как бросают женщин в вашем мире.

— Что за дичь? — ахнул Олесь. — Почему?

С минуту Лайма молчала.

— Вериль начался, — сказала она наконец. — Наши мужчины, когда берут женщину за себя, знают, чем он заканчивается. Но идут на это потому, что так повелось в нашем мире.

Олесь передернуло. Он ошеломленно потряс головой, слова Лаймы звучали зловеще.

— Чем же заканчивается вериль? — с досадой спросил он.

— Ты не поймешь.

— Так объясни мне.

— Я не могу. «Верилю» нет объяснений. Ни на одном языке.

Олесь нервно заходил по каюте. Остановился.

— У меня нескромный вопрос, — сказал он. — Мне раз за разом становится лучше с тобой по ночам. А тебе со мной?

— И мне.

— Но я не изменился, я такой же, возможно, не слишком умелый. Получается, что изменилась ты. Вопрос: почему?

Кожа Лаймы стала цвета червонного золота.

— Это вериль, Олесь. Мы уже вступили в него. Но зашли еще не слишком далеко. Ты отпустишь меня?

— Нет, — сказал Олесь твердо. — Не отпущу. Что бы этот вериль ни означал. Плевать я на него хотел.

— Напрасно, — прошептала Лайма. — На вериль плевать нельзя.

★ ★ ★

— Снова здорово, — буркнул Шандор. — Наши истории развиваются параллельно. Аолла тоже едва не каждый день талдычит мне про вериль. И просит ее отпустить.

— Похоже на то, что этот вериль угрожает тем, кто в него вступает, — произнес Олесь задумчиво. — Неясно только чем.

— Я никакой угрозы не ощущаю, — пожал плечами Шандор. — Девочки нервничают, это бывает. Мы ведь купили их, а по сути — взяли на четыре года в аренду. Вот они и думают о том, что будет с ними, когда станут больше не нужны.

— А ты как считаешь?

Шандор рубанул воздух ребром ладони.

— Никак, — сказал он угрюмо. — Ты меня знаешь: я циник и к бабам отношусь соответственно, будь эти бабы хоть трижды красавицы с чуждым геномом. Но тут что-то особенное, сам не пойму что. Аолла, конечно, славная девочка, но во Вселенной живут милли-

арды ничуть не хуже. Видимо, я все-таки привязался к ней, хотя привязываться вовсе не думал. Что поделаешь, в наших-то обстоятельствах. Однако держаться за ее юбку я точно не собираюсь.

Продолжать разговор Олесь не стал. Он тоже привязался к Лайме и проводил в ее обществе все свободное от вахт и бортовой рутины время. Он с удовольствием болтал с ней, дурачился, шутил и смеялся лигирянским шуткам. Обменивался историями, обсуждал древние и современные фильмы. Иногда отключал гравитационную установку, и они, держась за руки, летали в невесомости.

Разница в образовании сгладилась и стала незаметной. Олесю часто казалось, что лигирянка в интеллектуальном плане больше не уступает ему. Иногда он отчетливо чувствовал, что Лайма в следующую секунду скажет или сделает, и неизменно угадывал. Сначала Олесь удивлялся неожиданно открывшимся способностям к ясновидению, потом перестал. В конце концов, он прожил с Лаймой бок о бок без малого два года и за это время достаточно хорошо ее изучил.

За месяц до расчетной даты прибытия Олесь обрезал палец, зацепившись за зазубренную скобу в трюме, когда проводил плановую инспекцию груза. Вернувшись в каюту, он обнаружил, что палец у Лаймы также залеплен пластырем. Тот же, что у него — указательный, на правой руке.

Вот оно что, понял Олесь. С ними стали происходить одни и те же вещи. Мало того что они зачастую хором произносили одинаковые фразы на одном языке. Иногда Олесь даже видел, о чем Лайма думает. Не глазами видел, а иным, внутренним зрением. У них образовалась синхронность в поступках, в событиях, в мыслях. Или, скорее, даже не синхронность, а близость. У них даже зубы ныли одновременно.

Еще через неделю Аолла слегла с головной болью. С ней это происходило не впервой, кибернетический

доктор поставил привычный диагноз «мигрень» и прописал покой. Однако на этот раз вместе с Аоллой слег и Шандор, голова у которого в последний раз болела лет семь назад, когда на нее свалилась плохо закрепленная пудовая балка в трюме. Через пару дней, впрочем, мигрень у обоих бесследно прошла.

Олесю было не по себе. Он чувствовал, что начинает понимать, о чем говорила Лайма, когда речь заходила о вериле. Но только лишь начинает.

На Гимероте дальнобойщиков ждали и приняли со всем радушием. Поселение на экваторе планеты отчаянно нуждалось в технике. В людях, впрочем, оно нуждалось еще больше.

— Может, останетесь? — уговаривал мэр на следующий день после того, как «Одиссей» состыковался с орбитальной станцией и встал под разгрузку. — Здесь прекрасный климат, плодородная земля и богатые месторождения металлов. Каких-нибудь двадцать лет, и колония превратится в центр галактического масштаба. Мы все станем богачами, но сейчас каждая пара рук на счету. Вы, парни, ко всему с женами — подумайте, ваши дети...

— Не будем об этом, — прервал мэра Шандор. — Мы с напарником хотели бы спуститься в селение.

— Да-да, конечно, я распоряжусь.

Колонисты устроили прибывшим торжественный прием в недостроенном вертолетном ангаре: с праздничным столом на полтора персон, возвращенными в местных теплицах овощами и фруктами, ягодными наливками с настойками и танцами до утра. Аолла с Лаймой пользовались бешеным успехом, так что вскоре Олесь даже почувствовал нечто вроде ревности. Конкуренцию лигирянкам составляла разве что стройная

жгучая брюнетка, из желающих потанцевать с которой выстроилась очередь.

— Это доктор Нильсен, — сообщил мэр. — Единственная незамужняя дама на всю колонию. И, между прочим, весьма строгих правил. Она у нас главный хирург в госпитале.

— Да? — заинтересовался Шандор. — В самом деле строгих?

Дождавшись перерыва между танцами, он растолкал толпящихся вокруг докторши колонистов и отвесил церемонный поклон.

* * *

Месяц дальнбойщики провели в безделье, наслаждаясь лучами местного светила, естественной силой тяжести и свежим, насыщенным кислородом воздухом. В поселении им отвели два сборных домика на окраине, колонисты обитали в таких же.

А может быть, и вправду остаться, думал Олесь, обнимая за плечи прильнувшую к нему Лайму и глядя на буйствующие краски заката. Уговорить Шандора и остаться. Мэр прав: пара десятков лет, и здесь будет райское местечко, а пока работа для них с Шандором найдется. Что, собственно, еще нужно. Любовь... любви, наверное, нет, страстей тоже никаких нет, впрочем, откуда им взяться, да и нужны ли страсти мужику, разменявшему уже четвертый десяток. Зато есть пресловутый вериль. Лайма настроена на него, как тень... Если в этом и состоит вериль — чем плохая штука?.. Они вполне могут прожить многие годы вместе, пускай и без детей.

Надо поговорить с Шандором, решил Олесь. Завтра же и поговорю.

На завтра откладывать не пришлось. Тем же вечером, едва зашло местное солнце, Шандор постучался в дверь сборного домика и поманил Олесь наружу.

— Я оставляю ее, — Шандор отвел взгляд.

— Что? — не понял Олесь. — Кого «ее»? Где оставляешь?

— Послезавтра мы улетаем. Аолла остается здесь.

— Как это здесь? — опешил Олесь. — С кем?

— Ни с кем, — Шандор невесело хмыкнул. — Или с кем хочет. Этот ее чертов вериль слишком далеко зашел. И потом...

— Что потом?

— Знаешь, я уже забыл, как это, когда спишь с настоящей женщиной. Не с суррогатом женщины, а с живой, жаркой, чувственной бабой.

— Понятно. Ты соблазнил докторшу.

Шандор фыркнул.

— Еще вопрос, кто кого соблазнил. Неважно. Если честно, мне скверно, Олесь. На душе погано. Никогда не думал, что расстаться с девчонкой может быть настолько тяжело. словно кусок от себя отрываешь. С кровью.

С минуту оба молчали.

— Ты уже сказал ей? — прервал, наконец, паузу Олесь.

— Нет еще. Сегодня ночью скажу. Представляешь, боюсь говорить. Сам не знаю отчего.

Кроны высаженных в поселении земных деревьев плыли в темноте, как корабли с расхристанными парусами. Решетчатая конструкция перед вертолетным ангаром походила на разлапистый крест. Заплесневелой монетой на черном сукне застыла в чужом небе болотного цвета луна. Олесю стало зябко.

★ ★ ★

— Олесь! Вставай! Вставай немедленно!

Олесь разлепил глаза. Перепуганная Лайма трясла его за плечо, ее бледно-песочная кожа казалась сейчас землистой.

— Что стряслось?

— Аолла. И твой друг Шандор. Они...

Олесь кое-как оделся и выкинул себя из сборного домика наружу. Лигирянки ревнивы и мстительны, припомнилось вдруг ему.

Они лежали рядом. На полу, навзничь, касаясь друг друга локтями. Олесь метнулся, оттолкнул хлопчущую рядом с Шандором докторшу, пал перед ним на колени и схватил за запястье.

— Шандор, дружище, — бормотал он, безуспешно пытаясь нащупать пульс.

Докторша накрыла лицо Шандора простыней.

— Бросьте, — сказала она устало. — Они мертвы. Похоже на сердечно-сосудистую недостаточность. Наступила около четырех часов тому. По всей видимости, у обоих одновременно. Подробнее выяснится на вскрытии. Знаете, мы с вашим другом...

— Знаю, — прервал Олесь. — Не надо никакого вскрытия.

Лайма ждала, съездившись в кресле. Олесь двинулся к ней медленно, как сквозь воду. Пол при каждом шаге качался под ногами. В двух шагах Олесь остановился, смерил лигирянку недобрый взглядом.

— Вериль, — отозвалась на незаданный вопрос Лайма. — Это вериль.

Олесь подобрался.

— Рассказывай, — велел он. — Все, что знаешь. Итак: что такое этот чертов вериль?

— Не кощунствуй, прошу тебя, — кожа у Лаймы привычно зазолотилась. — Вериль это великое благо, высшая награда людям, которые... Которые любят друг друга, если говорить на твоём языке. Но вериль может стать великим несчастьем, если не уберечь любовь.

— Вот как... Значит, моего друга убил вериль. Шандор, получается, не сберег любовь, и вериль его покарал, так?

— Вериль всегда карает обоих.

Олесь стиснул челюсти.

— Каким образом вериль умудрился убить двух здоровых, полных сил и жизни людей? Говори, ну!

— Откуда мне знать, Олесь, — кожа Лаймы приняла обычный бледно-песочный оттенок. — Вериль у каждой пары свой. Но он никогда не терпит измены.

★ ★ ★

На похороны собралось почти все население городка. Олесь поймал себя на том, что с ненавистью смотрит на докторшу. Это ведь она виновата, ожесточенно думал он. Похотливая, слабая на передок сука. Окажись на месте Шандора он... Олесь с ожесточением мотнул головой. Нет, докторша ни при чем. Вериль, видите ли, не терпит измены. О какой измене, черт побери, речь? И кому? Шандор никогда не относился всерьез к девице, которую даже походной женой не назовешь. Или все-таки относился?

Олеся заколотило. В двух десятках шагов кибернетические могильщики опускали в землю гроб с тем, что осталось от Шандора. Все, Шандора больше нет. А он, Олесь, так привык на него полагаться, что не знает даже, что теперь делать. Он скосил глаза на застывшую по левую руку заплаканную Лайму. Бросить ее к чертям, вот что надо сделать, причем немедленно. Если он не хочет, чтобы вериль угробил его так же, как Шандора.

Поздно, осознал Олесь миг спустя. Бросать поздно. Чем бы ни был на самом деле проклятый вериль, он уже вляпался в него, погрузился в него по уши. В двух шагах слева от Олеся стояла его смерть, которую он походя, невзначай подцепил два года назад. Миловидная, покорная, уютная смерть.

Что же делать, лихорадочно думал Олесь, механически пожимая руки подходящим выразить соболезнование колонистам. Может быть, просто удрать? Погрузить-

ся в посадочный модуль, через шесть часов он будет уже на борту, вряд ли вериль дотянется до него через космос.

Дотянется, осознал Олесь. Уже дотянулся. В одиночку шансы малы, второй пилот необходим, он не сможет дневать и ночевать в рубке без сна, а значит, рано или поздно угодит в катастрофу. Что ж...

— Нам придется остаться здесь, — сказал Олесь лигирянке на третьи сутки после похорон. — Один с пилотированием я не справлюсь, мы погибнем в пути.

— А ты не хочешь оставаться, Олесь?

Олесь не ответил. Всего несколько дней назад он подумывал об этом. Шандора еще хотел уговорить, идиот.

— Если пожелаешь, мы останемся, Олесь. И если не пожелаешь, улетим отсюда прочь. Просчитывать курс я пока не умею, но обязательно научусь. А нести вахты могу уже и сейчас.

— Ты? — изумился Олесь. — Ты можешь нести вахту в пилотской рубке?

— Думаю, да. Я ведь умею почти все, что и ты, Олесь. А остальному вскорости научусь. Это вериль.

— Вериль... — растерянно повторил Олесь. — Вот оно что. Ты хочешь сказать, что вериль... Что он залез мне в голову и то, что там есть, перекачал тебе? Скопировал меня, так, что ли?

— Не знаю, — Лайма нервно пожала плечами. — Наверное, так. И не так.

Олесь смежил веки и с минуту стоял молча, покачиваясь с пятки на носок.

— Со мной случится то же, что с Шандором? — не открывая глаз, спросил наконец он. — В один прекрасный день меня найдут на полу мертвым? Вернее, найдут нас обоих?

— Нет, — Лайма подалась к Олесю, всхлипнула. — Не говори так. Вериль это не только кара, это еще и счастье. Он... понимаешь, он... Я не могу объяснить. Ты или поймешь это сам, или нет. Вериль не для двоих людей. Он для одного.

Олесь отстранился. До него внезапно дошло.

— Вот, значит, как, — пробормотал он. — Ты сказала сейчас, что землянина по имени Олесь больше нет? Так же, как лигирянки по имени Лайма?

Лайма не ответила, только смотрела на него влажными серыми глазами.

Вериль не для симбионтов, мучительно осознавал Олесь. Не для партнеров с параллельными жизненными процессами. И даже не для сиамских близнецов. Вериль просто превращает двух человек в одного. Сликает их сущности воедино.

— У нас когда-то была присказка, — проговорил Олесь тоскливо. — Жили они долго и счастливо и умерли в один день.

— Да, — Лайма потупилась. — Вериль дарит счастливую жизнь и счастливую смерть. Тому, кто этого заслуживает. Одному человеку. Который раньше был двумя.

— Наш вериль еще не в окончательной стадии, так? — уточнил Олесь. — Мы еще не вполне одно целое, но станем им? Это и есть лигирянское счастье?

Лайма вновь не ответила.

Олесь смотрел на нее и думал, что видит себя. Он пока еще был самим собой. Частично. И частично — уже нет. Ему было страшно.

ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ

ВИДИМОСТЬ ЖИЗНИ

Когда капрал представлял нам тех двоих, я была занята важным делом и все прослушала. Только раз подняла голову, отметила, что один из новичков — здоровый и мордатый, а второй — высокий и тощий, будто недокормленный, и снова уткнулась в импульсник.

В последнем бою он меня совершенно по-свински подвел. Когда я уже думала, что атака капюшонников захлебнулась, один из них, треща сучьями, вывалился из стены «чертополоха», и мы очутились лицом к лицу. То ли аркассиец прятался в засаде, то ли был контужен и только сейчас очухался — ломать над этим голову было некогда. Палец у меня тут же дернулся, вдавил спусковую кнопку до упора, и... ничего не произошло!

Позднее срабатывание — вот как это гадство называется. Но оно случается так редко, что я не поняла, в чем дело. Думала, импульсник сдох напрочь, а через секунду-другую и мне каюк. Капюшонник пер, словно штурмовой робот, растопырив обе четверни с длинными черными когтями — каждый как мои полпальца. Он был без оружия — видно, лишился его в ходе боя. Но с такими «украшениями» никакой ствол не нужен: чиркнет по животу — и кишки вон...

Я попяtilась, споткнулась о горячий обломок чадящего вездехода и опрокинулась на спину. Надо мной вырос аркассиец. Снизу он казался настоящим великаном, капюшон позади шеи раздулся, и с него тарацились два огромных оранжевых «глаза». Научники объясняли, что эти пятна угнетающе действуют на психику, вот и сейчас «глаза» впились в меня так, будто высасывали жизнь. Накатила одурь, и я поняла, что вот-вот потеряю сознание. Успела подумать: «Вот и хорошо — в отключке не почувствую, как эта образина вспорет мне живот». А потом спусковая кнопка наконец-то сработала. Импульсник выплюнул сгусток плазмы, и враг упал. Точнее, сначала обвисли, как тряпки, крылья капюшона. Потом аркассиец зажал обеими лапами дыру у себя в брюхе, издал сиплый звук, несколько раз качнулся и лишь после этого рухнул. «Наконец-то!» — подумала я и с этой успокоительной мыслью отключилась.

И вот теперь я сидела и тыкала тестером в узлы полуразобранного импульсника. Работа кропотливая, от-

влекаться нельзя, поэтому все, что говорили капрал и остальные, сливалось в неразборчивое «бу-бу-бу». И вдруг сквозь этот бубнеж четко прорезалось:

— Хорошо живете, ребята! Давненько не встречал такого симпатичного бойца. Хотелось бы занять с вашей красоткой круговую оборону какого-нибудь уединенного объекта. Этак на недельку, а если понравится, можно и дольше поохранять.

Я снова подняла голову. Мордатый новичок нагло пялился на меня, раздевая глазами, и лыбился, как довольный кот.

Конечно, новичком он был только для нас. Сразу видно — повоевал изрядно и нахлебался всякого дерьма под завязку. Но то ли соратников перебили, то ли не ужилась в предыдущей команде, и его, чтобы не допустить раздрая, перевели в другое место. Почему-то мне казалось верным второе.

Ну что ж... Сам напросился, никто за язык не тянул.

— А хотелка не лопнет? — ангельским голосом осведомилась я и, отложив тестер в сторону, сноровисто собрала импульсник. — Ты меня ни с кем не спутал, герой? Если да, готова принять извинения. А если нет... Знаешь, я неплохо стреляю. Могу с трехсот метров оставить капюшонника без левого яйца.

Многие напыщенные индюки не способны даже мысли допустить, что над ними подтрунивают. Вот и этот оказался не лучше.

— У капюшонников нет яиц, — машинально ответил он и только теперь понял издевку. Поздно: ребята разом грохнули, и несколько минут к сказанному нельзя было добавить ни слова — такой стоял ржач. Мне даже немного жалко стало мордатого — он скривился, будто его схватила судорога.

Когда ни у кого уже не осталось сил смеяться, капрал смахнул невольно выступившие слезы и пробасил:

— Вот тебе, Эд, урок на будущее. Запомни: Хэтти сама выбирает, с кем занять круговую оборону, а кого послать к дьяволу в пекло. Отбреет так, что лучше бы с голыми руками угодил к капюшонникам.

— Это точно, — подтвердила я, небрежно поигрывая импульсником. Затем переключилась на второго новичка.

Он выглядел лет на десять моложе и меня, и мордатого Эда — я не дала бы ему больше двадцати двух. Конечно, многие и в таком возрасте становятся героями, но этот наверняка не нюхал пороху. Типичный штатский, которого застали врасплох, сдернули с насиженного места и сунули в мясорубку. Видно было, что мыслями все еще на гражданке, а нас воспринимает как досадное недоразумение.

Теперь парень уже не казался мне тощим. Высокий, худощавый — это да. Не красавчик, но лицо правильное, даже приятное. Портило его только отрешенное выражение. Я поморщилась. На мой взгляд, если уж ты попал на войну — забудь свои прежние чистоплюйские привычки и поскорее втягивайся. Чем быстрее перестроишь мозги, тем больше у тебя шансов уцелеть.

— А ты кто? — спросила я, потому что желание разобраться с импульсником было уже перебито. Продолжу как-нибудь потом...

Парень перестал витать в облаках и настороженно глянул на меня. Ну еще бы: чего хорошего ждать от бабы, которая может отстрелить тебе причиндалы!

— Я уже представлялся, — негромко, словно извиняясь, сказал он. — Игорь...

— Хэтти, — вклинился капрал, — я в тебе души не чаю, а потому повторяю персонально. Игорь — специалист по системам связи и управления. Его... хм... откомандировали с Земли, чтобы он помог разобраться с техникой капюшонников. Но лабораторию раскурочило ракетой, много ученых погибли, Игорь уцелел чудом.

Пока начальство не создаст ему новые условия, он проживет у нас. Ясно?

— Более чем, — кивнула я. — Пусть живет. Мальчик, правда, худоват, но ничего, у нас рацион сытный. Откормим!

Эти слова вызвали новый ржач, но уже не такой продолжительный.

Три дня спустя мордатый Эд погиб в бою. Как я и думала, он оказался опытным воякой и совсем не трусом. Его тройке приказали взять укрепление капюшонников. Ребята долго подбирались к объекту — то ползком, то короткими перебежками. Двое шли впереди, Эд их прикрывал. Что ж, свою задачу он выполнил на «отлично», парней сберег — ни одного даже не оцарапало. А вот сам, уже на подходе, поймал-таки грудью воюющий дротик. Этими адскими штучками аркассийцы заряжают свои стрелялки, и бьют они наповал, прошивая броню, которую не всякий импульсник возьмет.

Схватку мы выиграли, но на душе у меня было мерзко. Стоило ли так безжалостно выставлять Эда на посмешище? Конечно, зарвавшимся жеребчикам нужно давать отпор, а то окончательно охамеют. И все же...

Когда его хоронили, я еще держалась, а потом совсем расклеилась — думала, вот-вот слезу пущу. Но у меня был проверенный способ поднять себе настроение. Едва начало темнеть, я подошла к Патрику, легонько, словно невзначай, толкнула его и многозначительно повела глазами в сторону. Ирландец сразу понял, но не улыбнулся (улыбаться в такой день было грешно), а ограничился кивком.

Я вышла первой, а минут через десять Патрик уже вминал меня в траву на небольшой полянке посреди зарослей «чертополоха».

Война — штука жестокая и грязная, поэтому на ней обязаны быть свои маленькие радости. На роль муж-

чины для утех Патрик подходил идеально. Он никогда со мной не спорил, не грубил, не донимал занудной болтовней и не плакался в жилетку, как некоторые горе-кавалеры. Зато в сексе был неутомим и изобретателен. Настолько, что я закусывала губы, боясь застонать слишком громко.

Возвращались тоже поодиночке, хотя особого смысла таиться не было. Только очень наивный мог подумать, что мы ходили смотреть, как на небе зажигаются первые звезды. Как бы то ни было, никто из парней слова не сказал, даже не позволил себе кривой усмешки. Пусть бы только попробовал!

На следующий день я от нечего делать принялась доставать Игоря. Он увлеченно возился с устройствами, которые мы нашли в укреплении капюшонников, и больше его ничего не интересовало. Казалось бы, какое мне до него дело? Дали человеку работу, вот он и старается, душу в нее вкладывает, не отвлекаясь на неизбежные помехи вроде меня с ребятами. Вот только я не люблю, когда меня считают помехой. Даже наглые же ребячьи приставания лучше тупого безразличия.

— Ты всегда такой неразговорчивый? — спросила я, подойдя. — Не могу вспомнить, какой у тебя голос. Готова поспорить, на Земле работал в жутко секретном отделе.

Игорь с сожалением оторвался от причудливо изогнутой аркассийской штуковины и повернул ко мне голову. В его взгляде читалось: «Чего ты лезешь ко мне с дурацкими вопросами, безмозглая кукла? Продолжай свои бегалки-стрелялки, только, ради бога, не сбивай меня с мысли!»

Меня этот взгляд не просто кольнул, а взбесил. Так, что захотелось Игоря убить. Или хотя бы смертельно напугать — скажем, взять импульсник и приставить к не в меру умной голове. Еле сдержалась.

— Я... Я готов поговорить. — Он очень старался, чтобы его слова не выглядели как одолжение, но получалось плохо. — Вам что-то хочется узнать?

— Мне? Абсолютно ничего, — нарочито грубо ответила я. — А вот тебе, насколько понимаю, у нас должно быть дико. И что — никаких вопросов?

Ребята навострили уши, а капрал, будто невзначай, придвинулся поближе.

— Ну... — Игорь взялся рукой за подбородок. Потом, понизив голос, неуверенно спросил: — А скажите... Никто не знает, когда закончится война?

У капрала вытянулось лицо. Кто-то присвистнул. Кто-то хмыкнул. Кто-то негромко матюкнулся.

Поначалу люди с аркассийцами не враждовали. Присматривались друг к другу, собирали информацию, потом обменялись посольствами — все чинно-мирно. Но вот настал черед делить сферы влияния, и отношения натянулись. А затем и лопнули. Это случилось потому, что капюшонники затребовали себе слишком жирный кусок. Так, во всяком случае, нам объясняли командиры. Мы взывали к разуму и справедливости, но нас не слушали. И в конце концов вспыхнула война. Я до сих пор понятия не имею, кто первый запалил костер — в начале конфликта было столько мелких стычек и провокаций, что даже научники путаются. Знаю лишь, что сейчас мы сражаемся на Гарандже — одной из аркассийских планет. Но что тут удивительного? Рано или поздно приходит время бить врага на его территории...

— Вот что я тебе скажу, парень, — наконец нашелся с ответом капрал. — Мы окончательно надерем капюшонникам задницы, как только ты раскроешь все их секреты. Что-то уже получается? Ну, вот и молодец, на тебя вся надежда.

Ребята, конечно, заржали — им только дай повод понадрывать животы. А я, почувствовав, что кто-то смотрит мне в затылок, обернулась и перехватила взгляд Патрика. Станный взгляд, беспокойный — казалось, ирландец недоволен, что я вообще подошла к Игорю и

попыталась завязать с ним разговор. Неужели увидел в нем соперника? Забавно, если так. Мужики в этих вопросах бывают мнительными, вот и Патрик туда же. Надо будет его и сегодня приласкать, чтобы выкинул дурь из головы...

Следующие два дня прошли спокойно. А на третий к нам заявился майор.

— Завтра — операция, — сказал он, глядя почему-то на одного Игоря. Тот от такого внимания начальства немного нервничал. — У аркассийцев появился новый объект. Это модуль, который можно принять за жилое помещение. Информации очень мало, но, по нашим сведениям, внутри находится особая аппаратура. Она позволяет координировать действия врага. Точнее, не просто координировать, а делать это на порядок лучше, чем мы наблюдаем сейчас. Ваша задача — атаковать объект на вездеходах, захватить его и в сжатые сроки исследовать. Исследовать, разумеется, будете вы. — Майор по-прежнему не отрываясь смотрел на Игоря. — Вопросы есть?

— Есть, — негромко, как всегда, ответил Игорь. — Почему сроки сжатые?

Майор бросил тяжелый взгляд налево — в сторону, где засели капюшонники.

— Их диктуют данные разведки. Сюда движется крупная группировка противника. Захватив модуль, мы сможем владеть им не больше двух суток. Потом придется отступить, предварительно уничтожив объект, а вместе с ним — все его секреты. Еще вопросы есть? Нет? Приступайте к подготовке!

Модуль был размером с небольшой ангар, только очень странной формы. Весь какой-то изломанный, перекосенный, с наклоненной внутрь дверью и загадоч-

ными шпильями на крыше. Впрочем, и боевые машины аркассийцев выглядели на редкость уродливо.

Я выбралась из вездехода и, раздвигая руками жесткую синевато-зеленую траву, поползла вперед. Вскоре наткнулась на твердый — они быстро коченеют — труп капюшонника. Недолго думая хотела перелезть через него, но тут над головой пронесся дротик, и я вжалась в землю, используя тело врага как прикрытие.

Нет, не зря эти дротики называли воющими! Когда аркассийцы начинали обстрел, надсадный звук ввинчивался в барабанные перепонки, и хотелось немедленно дать деру, только бы его не слышать. Говорят, это придумано неспроста — капюшонники решили совместить убойный эффект с психологическим. Ну что ж, кое-чего они добились...

В воздухе повисла ослепительная нить и, уткнувшись в кустики позади модуля, завершилась вспышкой. Это Патрик задействовал главный калибр вездехода и, надо думать, сжег того самого капюшонника, который промахнулся по мне. Точно, сжег, убедилась я, просканировав окрестности. На всем видимом пространстве не осталось ничего живого, кроме кустиков, пучков жесткой травы и обитающих в ней мелких грызунов.

Я обернулась и поманила Игоря. Он только этого и ждал: подскочил к двери, вытряхнул из сумки свои электронные отмычки и принялся за работу. Я с импульсником на изготовку встала рядом и, как только толстенная броневая плита скользнула в сторону, ворвалась внутрь.

Модуль оказался пуст. Из мебели в нем были просторная лежанка, овальный стол и пара стульев с волнистыми сиденьями. Две стены представляли собой панели с подмигивающей разноцветными огоньками аппаратурой. Увидев ее, Игорь заулыбался и даже принялся что-то напевать.

Я повернулась к выходу, ожидая, когда к нам присоединятся еще двое парней с вездехода, и тут серебри-

стый прямоугольник двери беззвучно встал на место. Мне и в голову не пришло, что случилось непоправимое, но Игорь вдруг изменился в лице и затеребил подбородок.

— Этого не может быть, — сказал он, растерянно глядя на экранчик одного из своих приборов. — Она не должна была закрыться.

Только тут у меня по спине просквозил холодок.

— Ты хочешь сказать...

Игорь смотрел на дверь так, словно хотел вышибить ее взглядом.

— Да, Хэтти. Мы в ловушке. И связь с внешним миром пропала — как отрезало.

— Но парни там, снаружи... Они могут открыть?

— Нет. Дверь перенастроилась — теперь даже я не смог бы. Кроме того, она самовосстанавливается, так что и боевой лазер не возьмет...

Следующие несколько часов он работал как одержимый, а я сидела и смотрела на него, потому что ничем не могла помочь. Разве что подать инструмент или продиктовать появившиеся на экранчике цифры. Смотрела и испытывала светлую зависть, переходящую в любовование.

Мои познания в технике — на уровне тестера для проверки импульсника. Электроника для меня — чужой мир. Удобный, комфортный, но непостижимый, как головоломка, решить которую могут лишь самые высокие лбы. А Игорь в этом мире жил!

Его пальцы непрерывно двигались: нажимали на многочисленные кнопки, порхали по сенсорным панелям, присоединяли и разъединяли детали и блоки. А лицо было... ну прямо как у мальчишки, который впервые попал в парк чудес и теперь не остановится, пока не перепробует все аттракционы. Но с каждым часом оно становилось все угрюмее. Наконец Игорь отступился от двери, сел и, устало свесив руки, откинулся на спинку стула.

— Надо отдохнуть, — сказал он. — Я до сих пор не могу понять принципа. Похоже, это обманка. Аппаратура, на первый взгляд, настоящая, но на исход сражения она повлиять не может. Значит, модуль был создан с одной целью: поймать не простого вражеского солдата, а специалиста-электронщика, чтобы выведать у него побольше технических секретов.

— Ты думаешь? — засомневалась я. — А если бы все-таки попался простой солдат?

— Он не смог бы открыть дверь. Такое под силу только человеку, неплохо знакомому с аркассийскими устройствами. Думаю, на этом и строился расчет.

— И что же теперь?

— Если через двое суток мы не выберемся отсюда, нас захватят в плен. Но этого нельзя допустить.

— Хорошо. Отдыхай.

Мы сидели на лежанке, привалившись к стене, и разглядывали ненавистную дверь.

Первым заговорил Игорь:

— Я стал ловить себя на том, что постоянно думаю о войне.

— Еще бы! — отозвалась я. — Тут больше и думать не о чем. Помню твой вопрос, когда все закончится, — капрал еле выкрутился.

— Все дело в том, что думать. — Игорь сделал упор на слово «что». — Знаете, мне все чаще вспоминается детство. Лет пятнадцать назад мои родители купили небольшой домик на берегу Черного моря. Довольно ветхий, но очень симпатичный и уютный. А потом оказалось, что в подвале живут крысы.

— Крысы? — удивилась я. — В наше-то время?

Игорь натянуто улыбнулся.

— Крысы — они на все времена. Не удивлюсь, если и человечество переживут. Так вот. Честно говоря, я их всегда недолюбливал, а про родителей и говорить нечего. Короче, мы объявили им настоящую войну. Пыта-

лись уничтожить всеми возможными способами, но они долго не сдавались. В конце концов, конечно, мы их вывели и очень радовались победе. А потом мне ни с того ни с сего стало грустно. Я подумал, что дом невероятно старый и обязательно нужен кто-то, чтобы скрашивать его одиночество. Люди вселяются и выезжают, а крысы постоянно копошатся в подвале, довольствуются малым и создают жизнь. Или видимость жизни.

Я посмотрела на Игоря и увидела на его лице незнакомое мне выражение. Ностальгия?..

— Странно слышать такую историю от технаря. К чему ты мне ее рассказал?

— Понимаете... Я подумал, что мы заявили на эту планету без спроса, не задумываясь о том, что она уже занята. А когда аркассийцы оказали сопротивление, мы стали их выводить, как крыс из подвала.

— Ха! — сказала я. — Ничего себе крысы! Вооруженные до зубов, положившие тысячи наших!

— Да. Но сути это не меняет. Мы пришли в чужой мир.

— Может, тогда ты бросишь воевать с этой проклятой дверью и дождешься крыс... то есть капюшонников?

— Нет, — негромко, но твердо сказал он. — Не брошу.

Я смотрела на него, жадно впитывая глазами каждую черточку лица. И вдруг поймала себя на пугающей мысли, что смерть уже отправилась по мою душу и не далее чем завтра будет здесь. Дверь, конечно, нам не поддастся, а живой меня капюшонникам не взять, будь они хоть трижды вправе владеть своим подвалом. Да, мне довелось испытать много боли и несправедливости. Но унести с собой в могилу потаенные желания показалось обиднее всего.

Спрыгнув с лежанки, я начала с треском расстегивать липучки на камуфляжной куртке. Игорь наблюдал за мной расширившимися глазами.

— Что вы делаете? — наконец выдавил он.

— Не вы, а ты, — сказала я и повела плечами, чтобы куртка соскользнула на пол. Затем взялась за брюки.

— Вы, кажется... — Игорь не договорил, зачарованно глядя, как я избавляюсь от остатков одежды.

— Не вы, а ты, — повторила я и, уже нагая, плавно откинула волосы с плеч. У меня сладко ныло внизу живота. Но не так, как в предчувствии, что бычина Патрик сейчас опрокинет меня в кустах, и я забьюсь под ним, едва удерживая рвущиеся из горла стоны. Почему-то совсем иначе...

Я снова забралась на лежанку и, притянув к себе Игоря, припала губами к его губам. Он машинально ответил, но тут же, словно опомнившись, отшатнулся.

— Что вы... Что ты делаешь?

— Молчи, — шепнула я, освобождая его от одежды.

— Я не могу... — Это выглядело уже почти как капитуляция. — Хэтти, меня на Земле ждет девушка...

— Она ничего не узнает. — Меня подмывало сказать: «Уже не узнает», но это было бы чересчур жестоко.

Игорь еще какое-то время сопротивлялся, а потом у него разом сдали ограничители, и он взял меня стремительно, как изголодавшийся самец. И я закричала — уже не сдерживаясь, словно полной мерой вознаграждая себя за тот опасливый секс в кустах...

Потом мы лежали и смотрели друг на друга. Мне казалось, что в модуле разливается золотистое марево, а под потолком нежно позвякивают крошечные колокольчики. Чего только не померещится в любовном дурмане!

— А ты... — начал Игорь. — А у тебя есть муж?

— Был, — коротко ответила я. Помолчала, решая для себя, стоит ли ворошить прошлое, затем продолжила: — Я его любила до безумия, а он вел себя как последняя скотина. Постоянно напивался с друзьями, а когда заявлялся домой — избивал меня. Редкая неделя обходилась без побоев. Синяки на теле не успевали проходить. Не верится, да?

Игорь подавленно молчал.

— Мало кто поверил бы, — снова заговорила я. — Боевая тетка, завалившая столько капюшонников, что со счета сбилась, позволяла пьяному животному дубасить себя кулаками и пинать лежащую под ребра... А я ничего не могла поделать. Он был чертовски красив, и эта красота высасывала мою волю без остатка. Я стелилась перед ним, как тряпка, пока не поняла: еще немного — и он забьет меня насмерть. Спаслась чудом: объявили очередной набор в Звездную армию, и я тайком от него завербовалась. Узнав об этом, он расвирепел, но уже не мог до меня дотянуться. Армия своих не выдает! Ну, как тебе моя история?

Лицо Игоря исказилось. Таким я его еще не видела.

— Вот мерзавец! — с отвращением сказал он. — Если бы я его встретил...

— Уже незачем. Я наводила о нем справки. Он продолжал пить и спился до такой степени, что медикам пришлось применить самые сильнодействующие препараты. Среди них была одна дрянь, которая в особо тяжелых случаях необратимо изменяет мозг. Короче, мой бывший, еще совсем молодой, превратился в трясущуюся развалину. Худшего наказания не придумаешь, верно?

Игорь вздрогнул — видимо, представил себе ходячего мертвеца с бессмысленной физиономией и навсегда убитыми желаниями.

— А как сюда попал ты? — спросила я.

Он ответил не сразу.

— Самым унижительным образом. Ты-то хоть по своей воле... А ко мне пришли двое в форме, сказали: «Ты нужен Родине», пообещали золотые горы и дали двое суток на сборы. Я и представить не мог, что мою работу так внимательно отслеживали на самом верху. Хотел заартачиться, но меня ознакомили с последними изменениями в законодательстве. Выбора не было.

— Выбора не было... — эхом прошептала я.

Потом мы снова любили друг друга — ненасытно, истступленно, словно в последний раз. Хотя... Почему «словно»?

...Открыв глаза, я увидела, что Игорь вновь сражается с неуступчивой дверью.

— Что-нибудь получается? — спросонок спросила я.

Он повернул ко мне лицо, и я увидела на нем слабое подобие улыбки.

— Боюсь взглянуть, но...

С меня разом слетел сон. Я резво, как семнадцатилетняя девчонка, соскочила с лежанки, набросила на плечи куртку и, подойдя к Игорю, чмокнула его в шею.

— Но?.. Договаривай!

— Мне удалось кое-что нащупать. Но этот способ не годится, потому что выйти наружу может только один из нас.

— Как — один?

— В электронной схеме модуля я обнаружил цепочку, связанную с дверью. Только не знал, как ее задействовать — она не имела второго выхода. А потом... Помнишь, нас обеих заинтересовала вот эта кнопка?

Я кивнула. Большой яркий кружок на одной из панелей выглядел как глаз — один из тех, что украшали капюшоны аркассийцев. Только цветом от них отличался — не оранжевый, а желтый. Он находился как раз напротив двери, между ними было метра три.

— Строго говоря, — продолжал Игорь, — это не кнопка, а сенсорный датчик. Я все мозги сломал, но придумал, как вывести на него ту изолированную цепочку. Теперь достаточно нажать на кружок — и дверь откроется. Один из нас в этот момент сможет выйти. Но второй останется здесь, потому что, как только он опустит кнопку, дверь закроется.

— Чушь полная. — Я присела перед кнопкой на корточки и стала ее рассматривать. — А если нам этот датчик заклинить? Навалить на него что-нибудь тяжелое?

Игорь покачал головой:

— Не получится. Он хитро устроен — реагирует лишь на прикосновение теплокровного существа. Человека или аркассийца — без разницы. И еще. Дверь откроется один раз, а когда снова задвинется — фактически срастется со стенами. После этого попасть в модуль смогут только хозяева. Для чего это придумано — не представляю. Может, какой-то изощренный тест...

— Но все же ты кое-чего добился, — ободряюще сказала я. — Это уже хорошо.

Игорь нахмурился.

— Пока что хорошего мало. Мы должны выйти вместе. Обязательно вместе. Вариант, когда один из нас остается взаперти, надо сразу отбросить.

— Ты можешь найти лучший?

— Буду пытаться. Время еще есть.

Но он так и не нашел лучший вариант. Наверное, отыскать его за отпущенный нам срок было не в человеческих силах.

Прошло несколько часов. Взглянув на таймер, я поняла, что смерть уже на подходе. Игорь стоял посреди модуля лицом к двери и манипулировал с одним из аркассийских приборов — он собирался бороться до последнего. Что ж, мой мальчик, ты заслужил награду...

— Игорь, — позвала я.

Он обернулся.

— Да, Хэтти?

Я поднялась и зябко переступила с ноги на ногу — пол охлаждал босые ступни. Подошла к Игорю, положила руки ему на плечи, и мы растворились в поцелуе. Он казался нескончаемым, но в какой-то момент я прогнулась, вытянула ногу назад и самыми кончиками пальцев нащупала желтую кнопку. А затем уперлась обеими руками в грудь Игоря и резко толкнула его в открывшийся проход.

Ребята называют меня сильной женщиной, и по праву. Сколько раз мне приходилось выволакивать из-под

обстрела раненых мужиков! Но такой сумасшедший толчок можно совершить только раз в жизни. Я успела увидеть, как Игорь, уже оказавшийся на той стороне, рванулся ко мне, затем убрала ногу с кнопки, и нас разделила серебристая стена.

Вскоре дверь начала подрагивать от ударов — наверное, Игорь в безумной надежде организовал последний штурм. Я подошла, вжалась щекой в вибрирующий металл и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Можно было, конечно, разреветься в голос — все равно никто не услышит. Но я, пересилив себя, отвернулась от двери, достала импульсник и бросила его на лежанку. Затем пристроилась рядом, подложила руки под голову и замерла, глядя в потолок.

«Видимость жизни», вспомнила я слова Игоря. И вдруг поймала себя на странной мысли: а что, если вся моя жизнь, наполненная то издевательствами, то кровью и близостью смерти, была лишь видимостью? Может быть, я жила как настоящая женщина лишь несколько последних часов? Так мало — но все-таки жила!

Осознав это, я улыбнулась. Не все так плохо, когда человеку есть что вспомнить...

АЛЕКСАНДР МИЛЮТИН

ЭПИТАФИЯ ONLINE

Разумеется, я помню, когда это началось. В смысле, когда это началось для меня. Все просто. Мой друг Леха кинул мне на мыло одну ссылку. Это и стало началом моей истории про некроюзеров...

Ну, ссылка и ссылка, что такого? Правда, в этот раз вместо привычного «Приколись!» в письме стоя-

ло: «Что ты об этом думаешь?». Для очистки совести я кликнул, проглядел загрузившуюся страничку, прома- тывая скроллингом, и забыл.

Леха же не забыл. Выцепил меня в ICQ, где я обычно обитал в рабочее время, и напрямую спросил:

Lex13: Ну что, читал статью?

Slavik: Проглядел.

Lex13: И что скажешь?

Slavik: Имхо, чушь полнейшая.

Lex13: Хотел бы я, чтобы ты был прав.

Над его последней фразой в тот момент я ни разу не задумался.

Потом он объявился онлайн в конце рабочего дня и предложил встретиться в реале, ибо разговор у него ко мне серьезный. Это было неожиданно, но не слишком. И с той статьей я его предложение даже не связал.

Slavik: Подгребай к 18 ко мне на работу. Только никаких кабаков!

Lex13: Ок.

Кабаки посреди рабочей недели и вправду были неуместны. Особенно если учесть, что моя Маринка в последнее время устала ворчать о том, что я только и делаю, что работаю или сижу у компа, и совершенно не уделяю ей внимания. Как раз сегодня я планировал прийти домой без задержек и с цветами...

Леха почти не опоздал. Мы пошли во внутренний дворик, где располагалась наша курилка, и опустили на лавочку.

— Ну, выкладывай!

— Угу. Помнишь статью?

— Ты опять про этот бред? Что на тебя нашло?

— Славик, ты послушай! Я потом еще в одном месте ее с комментариями нашел.

— И чего?

— В обсуждении была парочка заметок о том, что действительно мертвые юзеры встречаются.

— Стоп-стоп! Подожди, давай сначала. Какие еще мертвые юзеры?

— Я так и знал! Ты не читал, — Леха укоризненно покачал головой. — В том тексте говорится, что в Интернете начинают появляться юзеры, которые в реальности давно мертвы.

— И чего? Это объясняется мистикой? А проще? Умер некий юзер, царствие ему, как говорится... Кто-то из родственников запустил его комп, а там аська в автозагрузке. И вот все граждане из контакт-листа в шоке — дух усопшего бродит в Сети. Слушай, со времен первых коннектов прошло немало лет, умерла уйма народа. Нет ничего странного, что...

— А как ты объяснишь, если человека нет давно в живых и вдруг кто-то регистрируется под его именем?

— Шуткой объясню. Понятно, что это весьма дебильная шутка, но мало ли идиотов в сети?

— Слишком много личной информации...

— Ну, у каждого из нас есть ближайшее окружение. Среди этого окружения вполне могут обнаружиться чудаковатые друзья или, допустим, бывшие любовницы, желающие отомстить. Встречаются и явные психи с хакерскими наклонностями. Да Интернет вообще самый настоящий заповедник гоблинов! Кстати, в ЖЖ есть чувак, который коллекционирует блоги умерших пользователей.

— Дашь мне ссылку?

— Фигушки! Ты же начнешь: «Призрак покончившего с собой юзера вошел в свой дневник для редактирования предсмертной записки...»

— Между прочим, там и про это есть, — упавшим голосом сказал Леха, и я понял, что перестарался, перегнул палку. — Это две стороны одной медали, собственно.

— Леха, извини, это я так... Но ты скажи, с какого перепоя ты во все это полез?

— Дык, получается, что и я... Ну, это... На умершего наткнулся.

Я замолчал, переваривая услышанное. Понизив голос, Леха рассказал:

— Был у меня друг детства. Глеб. Башковитый такой хлопец. Еще на «Спектруме» мы с ним дурака валяли... И винду он мне первый показал... В общем, три года назад он возвращался с какой-то пьянки ночью, и прирезали его в подворотне ни за что ни про что.

— И ты его встретил?

— Ага.

— В сети?

— Ага.

— Может, ник совпал, днюха?

— Имя, фамилия, возраст, город, школа, вуз.

— Социальные сети?

— Да.

По правде сказать, рассказанное Лехой меня не зацепило. Во-первых, голова была занята предстоящим общением с Маринкой. Во-вторых, я хоть и почитываю фантастику, но скептик еще тот и во всю эту мистическую чепуху, связанную с загробным миром или, допустим, реинкарнацией души, не верю совершенно.

Тем не менее вскоре я обнаружил, что разговор с Лехой не прошел даром, и в голове у меня неожиданно запустился генератор идей. Я начал придумывать другие варианты объяснений, что это могло быть. Варианты в основном детективные. В детektивах есть такой довольно известный прием — человек инсценирует свою смерть, начинает жить в другом месте под другим именем, и все такое. Вот только в этом случае он вряд ли будет таким кретином, чтобы раскрыться в социальных сетях...

Мучительная работа мысли, видимо, отразилась на моем лице. Маринка, занимаясь ужином, спросила, не случилось ли у меня чего? Отнекивался я недолго.

— Да это из-за Лехи, в общем-то. Он подсел на одну штуку в Инете.

— Что, сетевой маркетинг какой-нибудь?

— Нет. Просто прошла одна информация... «утка», можно сказать, а он поверил...

И я ей все выложил. Маринка выслушала и пристально посмотрела мне в глаза.

— А ты сам никого не проверял?

Я сразу догадался, о чем она. Вернее, о ком. Судьба распорядилась так, что моей первой юношеской любви не было уже на этом свете. Марина, конечно, знала об этом пункте моей биографии — наши отношения были вполне доверительны. Ревновать к покойной было глупо, но, наверное, некоторым девушкам трудно перебороть себя. Так уж они устроены.

Шлюз памяти неожиданно распахнулся, и я рухнул в самое яркое и самое романтическое воспоминание тех времен, когда нам с Ленкой едва стукнуло семнадцать...

Пустая малосемейка на задворках военного городка, угловая клетушка на последнем этаже унылого серого дома казарменного вида, выставленная на продажу. Она принадлежала кому-то из родственников Лены, переведенному на новое место службы. Пока он не мог выбраться в увольнительную, нужно было показать квартиру парочке покупателей. Про мобильники тогда еще не знали. Клиенты, заинтересованные в таком жилье, тоже были людьми подневольными. Поэтому в ожидании их прихода сидеть в квартире требовалось все воскресенье. С утра и до упора.

Учитывая, что в квартире едва грели батареи и сидеть толком было не на чем, поначалу это воспринималось как одолжение, но потом...

Солнце все изменило. Оно светило прямо в окна, не прикрытые никакими шторами или занавесками, оно играло неизвестного происхождения крохотными солнечными зайчиками по углам, оно наполняло единственную восемнадцатиметровую комнатку теплом начинающейся весны.

А кроме солнца, был еще горизонт. С последнего этажа открывался отличный вид на полигон, огороженный двумя рядами колючки, и бесконечные степные холмы за ним. А за холмами, в белесой размытой дымке, таял горизонт, сливаясь с бледными облаками, магнитом притягивая взгляд.

Эта безмерная даль! Это прикосновение к бесконечности! Это замедлившее свой бег время...

У нас была бутылка дешевого вина, кусок колбасы, яблоки и большая сдобная булка. И шоколадка еще, кажется... Мебель из квартиры давно вывезли, остались заляпанная вусмерть краской кухонная табуретка, тумбочка в прихожей да массивное кресло без двух ножек в комнате. На табуретке мы устроили «стол», закрыв ее найденными на антресолях газетами. Какой-то ящик с балкона заменил недостающие ножки кресла. Два худеньких влюбленных подростка смогли без труда поместиться в нем.

Еще был какой-то старый, но чистый плед... Мы кутались в него, вначале ответственно затыкая все дырочки, потому что в комнате стоял дубарь до стука в зубах, потом уже чисто символически, прикрывая разгоряченные обнаженные тела. И нас почти не волновало, даже немного заводило, что в прихожей в любой момент может раздаться трель звонка, что издаваемые нами звуки слышат соседи. Куда там!

Этот маленький мир, залитый солнцем, принадлежал только нам, и мы, как две счастливые пылинки, плыли в безмятежной вселенной короткого мига счастья.

Мы целовались. Мы пили вино, любовь и солнечный свет. Мы пьянели, и от ласк тоже. Мы смотрели за го-

ризонт. Мы говорили обо всем. Мы строили планы и мечтали...

Мечтали, как встретим лето, как поедем на море, как никогда не расстанемся, как назовем наших детей, как весь мир будет вертеться вокруг нас. И как мы никогда не умрем...

Не умрем...

Я дождался, когда Марина уснет, потом тихо выскользнул из постели и уселся за компьютер. Сразу запустил в браузере несколько окон, куда определил к открытию самые популярные социальные сети — Фэйсбук, Контакт, Одноклассники, Мой мир — собственно, те, на которых у меня были заведены аккаунты.

Я волновался. У меня даже задрожали руки, и в какой-то момент бросило в жар, когда я не смог вспомнить ее фамилию. Это вызвало приступ стыда и досады. «Ну же! — сказал я сам себе. — Ты не мог ее забыть!»

Пальцы словно опередили мозг, отстучав нужную комбинацию букв в окне поиска.

Фэйсбук, а затем Одноклассники разродились приговором «По вашему запросу ничего не найдено». Мой Мир высказался аналогично, а от Контакта я, как выяснилось, забыл пароль. Пока я его вспоминал, в принципе уже успокоился. Леха встретил мертвого Глеба в Фейсбуке. Я Лену не встретил нигде. Так, чтобы успокоиться окончательно, я все-таки запустил поиск ВКонтакте и... нашел ее.

Я долго сидел, глядя на ее почти чистую страничку с пустым списком друзей и даже без фотографии. Заполнены были только поля «Дата рождения», «Город», да в разделе «Образование» стояли ее школа и техникум. Самой красноречивой же информацией являлась

строчка наверху, согласно которой Лена посещала свою страничку три дня назад.

Я смотрел на загрузившееся окно и не знал, что делать. Я пытался понять, насколько все это может быть правдой, искал подвох, но зацепиться было не за что. Вернее, я был уверен, что это все обман. Ну, какие еще покойники в инете?! Какое еще вторжение из загробного мира?! Что за бред?! Кто-то просто зарегистрился от ее имени, вот и все. Но если это так, почему тогда так страшно кликнуть курсором по кнопке «Добавить в друзья» или написать личное сообщение с банальным «Привет!»?

Ну? Чего бояться? Девочки Лены, бывшей при жизни милым, славным, добрым человечком, непременно потом попавшим в рай? Или злобного маньяка-шутника? Кто страшней?

Или вызывает оторопь просто сам факт присутствия на этом пустом поле моей фотографии с именем, если моя просьба «дружить» будет удовлетворена?

Скосив глаза в правый нижний угол экрана, на часы, я понял, что делать выводы и принимать решения сейчас абсолютно бессмысленно. Я отправился спать, а утром позвонил Лехе.

— Леха, извинения в качестве поллитры принимаются?

— С чего такая щедрость?

— Я Ленку нашел.

— Ту... свою первую?

— Да.

— На Фэйсбуке?

— ВКонтакте.

— Хм... Занятно, — Леха на миг замолчал. — Ладно, извинения принимаются, но не сегодня. Поллитру береги. Встретимся — помянем их с Глебом.

— Да теперь я уж не знаю, как это называется.

- Вот вместе и подумаем.
 - Есть новые соображения?
 - А ты согласишься теперь?
- Несколько секунд я обдумывал ответ.
- Может, и поверю.

Встретиться получилось не сразу. То Лешка не мог, то я. Все эти дни я не заходил ВКонтакте, не шерстил специально инет в поисках инфы по этой теме, как-то получилось, что я вообще в инете был мало, у меня образовались трудности... личного плана. Но эта тема сама нашла меня. На рабочем месте и в рабочее время.

В четверг дрожащий испуганный голос менеджера Кати отвлек меня от созерцания видеороликов на Ютубе.

— Слава, пожалуйста, подойди ко мне... Только скорее...

Среагировав на элементы истерики в голосе, я поспешил к ней, проследил за направлением ее пальца.

В открытой панели ICQ скакал туда-сюда из офлайна в онлайн юзер по имени Diter. Сам по себе факт заурядный — сбой связи, плохой коннект и все такое, но, появляясь в верхней части списка среди активных юзеров, традиционный цветочек у Дитера был не зеленый.

Он был болотно-черный.

У меня похолодело в груди. Я обо всем тут же догадался.

— Катя, — сказал я по возможности доверительным тоном, стараясь, чтобы паника не передалась ей. — Успокойся. Что такого в этом Дитере?

— Он... Он же погиб. В авиакатастрофе. Уже год как. Я просто никак не могла собраться список почистить.

Мда, список у нее действительно требовал... по крайней мере, сортировки. Но что еще взять с незамужней двадцатипятилетней девчонки, которая работой загружена, если разобраться, процентов на сорок?!

— Кто-то нашел его пароль к аське. Возможно, жена...

Мельком я увидел, как покраснели Катины щеки, но мой взгляд притягивал совсем другой цвет...

— Тю, вот еще! Он разведен... был...

Она, спохватившись, замолчала, оглянулась. Мы оказались в центре внимания коллег. Меня, если честно, это мало волновало, но и объяснять всем, что сейчас по-настоящему происходит, я был не готов.

— Если у него номер короткий и запоминающийся, — начал хоть что-то говорить я, — его могли своровать. Так бывает, — я пододвинул курсор мыши к его имени в списке и убедился, что номер у него — ничем не запоминающийся девятизнак.

— Ладно.

В очередной раз Diter засветился в верхней части списка.

— Слава, почему у него «ромашка»... такая?

Я выдохнул. Ну, да, какие там родственники, включившие комп усопшего, когда у него... «ромашка такая». Я разозлился неведомо на кого, и с губ у меня неожиданно сорвалось:

— Давай спросим у него про это.

— Нет, я боюсь! — Катька подскочила с кресла

Оглядев подтягивающихся на шоу коллег, я сел на нагретое упругой Катиной попкой офисное кресло и положил руки на «клаву». Однако как только я собрался с мыслями, что бы такое написать пришельцу из мертвых, его ник скользнул на старое место в королевство офлайн и больше оттуда не всплывал. Мы подождали. Потом с мыслью про режим «невидимости» я все-таки вызвал окно сообщений и уронил туда занудное «Привет!», но тут очнулась Катя.

— Дитер по-русски не говорит. Не говорил... Он немец.

— Хм, и как же ты с ним?

Катя пролепетала что-то про онлайн-переводчик.

Это было смешно, но я не рассмеялся. Базируясь на школьных знаниях немецкого языка, я продублировал приветствие: «Guten Tag!», но ничего не произошло. Какое-то время мы молчали и ничего не предпринимали. В нижней панели начали моргать другие окошки диалогов. В итоге Катя попросила:

— Славик, удали его, а? У меня рука не поднимется, а если он снова так меня напугает...

Удалить этого юзера из контакт-листа аськи оказалось не сложнее, чем любого другого.

Уже потом я начал сомневаться, правильно ли сделал. Возможно, лучше было подождать еще. Возможно, стоило объяснить Катьке и остальным, в чем дело. Но я не был готов. Я не знал, какими словами изложить гипотезу о призраках в Сети, и вообще не имел собственной точки зрения по главному вопросу: «Правда ли это?»

Но укол вины после удаления Дитера из списка отчего-то оказался так болюч... Будто дверь закрыли перед носом несчастной, блуждающей в потемках души. Бред, конечно, но так мне это увиделось. Вернувшись домой, первым делом я полез В Контакт...

Slavik: Я добавил ее.

Lex13: Ленку?

Slavik: Ага.

Lex13: А ты слышал тему о том, что мертвые юзеры не придут к тебе, пока ты их не пригласишь, они не могут постучаться к тебе первыми.

Slavik: Не слышал.

Lex13: Как вампиры...

Slavik: Леха, блин! Ты не мог раньше сказать, я бы...

Lex13: Ты бы что?

Slavik: Не стал бы это делать.

Lex13: Забей! Я тоже Глеба добавил. Не сразу, правда, но... Иначе и не узнаешь ведь ничего.

Slavik: А что-то можно уже узнать?

Lex13: Да. Готовься на субботу. Получишь кучу инфы в свою башку.

Slavik: Ладно. Уже готовлюсь. Водка? Портвейн?

Lex13: Не, Слава, давай просто по пиву...

— А где твоя Маринка?

— На сессию поехала.

— А-а...

Мы сидели у меня дома, перетащив пиво и закуску поближе к компу. Я проставился чешским разливным, Леха приволок пиццу. Еще какая-то снедь нашлась в холодильнике.

— Так что там ты узнал? — спросил я, едва мы ополовинили первый стакан.

— Я наткнулся на одного человека. Мне кажется, он доктор физико-математических наук или что-то в этом духе. Он высказал теорию... Вернее, не прямо-таки высказал, а привел факты, из которых можно сделать интересный вывод... Короче, полтора года назад автобус со студентами Массачусетского университета попал в страшную аварию. Они ехали с какой-то престижной и важной конференции, это были самые сливки тамошнего IT-департамента. На съезде с хайвэя их автобус столкнулся с грузовиком и упал с эстакады. Все двадцать человек, что были внутри, погибли.

Леха проследил за моей реакцией на сказанное, но я не спешил с выводами. Тогда он глотнул пива и продолжил:

— Четыре месяца спустя после этого инцидента произошел первый зафиксированный случай появления в Сети мертвого человека... некоего юзера HalloSky.

— А ник весьма говорящий, — заметил я. — И где он появился?

— Извини, не отложилось в памяти. Но это не самое главное. Одного из погибших звали Гарольд Скитчер. На-Ску. Клевое совпадение, правда?

— Постой, ты хочешь сказать, погибшие айтишники не стали скучать там, на небесах, взломали, типа, сервер чистилища, блокировали каналы рая и ада и постучались домой...

— Ну, это не я лично хочу сказать, но... В общем, где-то так.

— Зашибись, сюжетец! Головачев с Лукьяненко отдыхают!

Леха неопределенно повел плечами.

— А сколько сейчас уже этих случаев? — спросил я.

— Точно неизвестно, но приблизительно счет пошел на сотни.

— Ого! — я присвистнул. — Сотни мертвецов, врывающиеся в наш мир из царства Аида... ну и перспективка!

— Вообще — честно — я бы предпочел, чтобы это был какой-то массовый флэшмоб. Акция «Зарегить покойника». Или более деликатно — «Моменто мори».

Я подумал и кивнул.

— Изначально это могла быть позитивная задумка. В целом. «Чтобы помнили», «Никто не забыт, ничто не забыто» и в таком духе. Если у тебя ушел близкий человек и ты хочешь сохранить память о нем, зарегистрируй его в виртуальном мире, не дай исчезнуть бесследно в пучине времени...

Последнюю часть своей речи я произнес с театральным пафосом.

— Знаешь, что говорит против этого?

— Что?

— Согласись, Славик, мы в Сети не первый день. Мы, можно сказать, живем там. Но, скажи, хоть где-нибудь — в блогах, в новостной ленте, на форумах... ссылка, баннер, хоть что-нибудь... Встречал ты такое?

— Пожалуй, нет.

— Я тебе больше скажу, даже если ты задашься целью и будешь гуглить до посинения, ничего такого не найдешь. Никакого флэшмоба в память о мертвых нет и не было. И лично от себя добавлю: «И слава Богу!»

— Ты проверял?

— А то! Ты разве нет?

— Искал, естественно. Значит, остается...

— Остаются только фантастические версии. Я наткнулся на одну страничку... Там как раз ссылка обнаружилась на этого профессора. Стой, я сейчас ее загружу, — он по памяти набил название сайта в адресной строке. — Ага. Так вот, перед тобой скромненькая страничка — практически фон и текст. Но счетчик посещений, обрати внимание, как на солидном портале. Основная фишка сайта — голосование. Пунктов два, не считая «Своя версия». Условные названия: «Массовая фальсификация» и «Они идут!». Соотношение какое, как ты думаешь? Смотри: 30 и 60 примерно. 10 процентов предложили что-то свое, но и там, если напрячься, можно свести все к двум этим вариантам. — Леха куда-то перескочил, промотал скроллинг. — Слава, в разделе «Своя версия» народ вообще выпендривался по полной. Вот, например. «Происки спецслужб и неудачные эксперименты военных». Но это еще цветочки. Один псих написал, что «это влияние инопланетян, которые облучают наш мозг. Теперь, если мы думаем о покойнике, то мы его мыслью воскрешаем в виртуальном пространстве».

— Жесть!

— Вот именно! Или вот... «Эти сущности — первые жители виртуальности, настоящие Дети Сети. Им одиноко, они только начинают свое странное неведомое существование. Им хочется олицетворять себя с каким-нибудь реальным человеком. Эти существа залезли в базу данных и взяли себе псевдонимы из списка умерших людей».

— А в этом есть что-то...

— Ага. Сюжет романа в стиле киберпанк. Можно соединить две версии через слово «медиум». Появился, допустим, рецепт... нет, формула: «как вызвать дух покойника». Ну, там, в полнолуние три круга по часовой мышкой по коврику, капля жабьей крови на монитор...

— Почему жабьей?

— Не знаю, это я так... с ходу выдумал. В общем, какая-то формула пошла гулять по Сети. Но опять же, почему мы, постоянные инет-тусовщики, на нее не наткнулись сами?

— Ну, может, это как приглашение в закрытое сообщество, передается только от знакомого к знакомому, — предположил я. — Может, там клятва неразглашения... Может, вообще сотворить такое способны лишь какие-нибудь интернет-экстрасенсы. И вот они садятся, вызывают духов умерших и заселяют ими просторы инета.

— Нео! Ты — избранный! Добро пожаловать в загробный мир!

— Угу! Ты сам-то за какой пункт проголосовал?

Леха быстро стал серьезным и потянулся к бокалу.

— Я — с большинством. Я считаю, что они — оттуда. Из загробного мира. Царство теней при помощи Сети открывает дверь в нашу реальность. И — вдумайся! — шестьдесят человек из ста считают так же. Видимо, многие встретили тут умерших.

— Ну... Несколько сотен, даже тысяча покойников... Это, наверное, один мертвец на миллион живых юзеров. Если мыслить масштабами земного шара.

— Мне кажется, их больше. Просто многих еще не заметили, они еще из тени не вышли. — Леха поскреб небритый подбородок. — Но мне другое интересно...

— Что именно?

— Я еще нигде не встретил рассказов о том, что кому-то удалось с ними пообщаться. Даже, я бы сказал, я не слышал про выход мертвеца из офлайна вообще.

— А про это я могу рассказать.

— Ты?

— Ага. Есть у нас девица Катя, менеджер. Пару дней назад зовет она меня...

Lex13: Ты уже знаешь? Им имя придумали. Похоже, приживется.

Slavik: Какое?

Lex13: Некроюзеры!

Slavik: Брр! Жестоко! Хотя... Надо же их как-то называть...

Гроза разразилась в ночь с пятницы на субботу, через день после того, как Марина объявила, что уходит от меня. Собственно, в последнее время в наших отношениях все к этому и шло, поэтому к данному повороту судьбы я был готов. Конечно, было грустно, но, в общем, это ее решение я пережил.

И тем более пережил грозу, хотя часа в два ночи казалось, будто от раскатов грома в доме трясутся стены, а всполохи молний пробивались даже через закрытые глаза. Ливень неистово стучал в подоконник, и создавалось странное ощущение, что там, наверху, в центре циклона, что-то происходит, вот только облечь в слова это предчувствие было невозможно.

Когда под окном ветер сломал верхушку акации, я уже спал, не подозревая, что происходит сейчас в виртуальном мире...

Lex13: Это прорыв, Славик!

Slavik: Я знаю! Мы сейчас об одном говорим?

Lex13: А то! Меня Глеб в друзья добавил. А тебя Ленка?

Slavik: Да, Леха. Ну, что, шаг сделан! Это ведь произошло в грозу...

Lex13: Некроюзеры, мать их так... Я в шоке!

Я не ответил. Передо мной было открыто окно нового сообщения. Я занес дрожащие пальцы над клавиатурой и прислушался к колотящемуся в груди сердцу...

Мы встретились в парке, где Леха выгуливал спаниеля своей сестры, уехавшей куда-то на выходные. Купили по бутылочке пива с орешками и пристроились на лавочке, отпустив пса погулять.

— Ну, что у нас по любимой теме?

— Да бред полный! За две недели ничего нового. Некроюзеры начали выходить из офлайна, но с ними никак нельзя общаться. Или вообще нет ответа, или эта тарабарщина, напоминающая ошибочную кодировку.

— Да, — подтвердил я. — Я вот уже две недели пытаюсь с Ленкой заговорить. Получаю лишь с десятков непонятных символов.

— В загробном мире свой язык...

— Язык? Не думаю. Сообщения повторяются. Мне кажется, что это месаги с их сервера.

— Чувак! Стой-стой-стой! — Леха хитро прищурился. — А ведь ты совсем не верил! Ни на грош! А теперь «их сервер»!

Я потупил взгляд. По-моему, то, что я поверил, сомнений не вызывало.

— Леша, любой человек вправе изменить свое мнение.

— Конечно-конечно. Ты рассказывай!

— Я выписывал эти значки, пытался систему определить. В общем, там на 80% повтор.

— А кодировки все испробовал?

— Естественно. В первый же день все кодировки и все браузеры. Винду переставил. На работе у сисадмина из-под «Линукса» пробовал.

— Это я тоже пробовал. У меня от Глеба только один раз что-то пришло. Что-то, потому что на мыло уведомление поступило, а на сайте — пусто.

— Слушай, мне кажется, это зависит... от атмосферных явлений, что ли. Помнишь, массовая авторизация случилась в грозовую ночь. Зарегистрировалась моя Ленка в день сильнейшей магнитной бури — я специально проверял.

— Твоя Ленка...

— Ну, «моя», чего уж теперь к словам придирааться?

— Да нет, ничего. Страха больше нет? Экспансия ведь из загробного мира!

Я поднял глаза ввысь, в вечернее небо с россыпью облаков.

— А что, все мы там будем...

Странное явление в Сети уже никто не отрицал, хотя многие все еще списывали его на дурацкие шуточки хакеров. Тем не менее некроюзеры стали реальностью и вместе с тем самой большой загадкой. Найти способ наладить с ними контакт пытались и компьютерные гуру, и обычные школьники. Но сетевые призраки или молчали, или посылали нечто, не переводимое ни на один язык мира. И, как водится, на этом попытались нажиться... Баннеры под девизом «Как поговорить с некроюзерами?» на популярных ресурсах взгляд ловил постоянно...

Lex13: Ну вот, пошло-поехало...

Slavik: Ты про новый бизнес?

Lex13: Ага! Новый лохотрон. Программки и патчи, позволяющие общаться с некроюзерами. От 3 до 50 баксов. И ни одна не работает.

Slavik: Я видел отзывы. Кто-то при их помощи уже общается.

Lex13: Славик, это развод. Как волшебная мазь для похудения или виртуальное казино. Еще никто не услышал от них ни словечка.

На «Доску плача» я наткнулся случайно. Сайт был скромным, без флэш-заморочек, анимационных меню и рекламы. Очевидно, писал его не профессионал по заказу, а кто-то по велению души, и оттого получилось хоть и просто, но искренне.

По темно-коричневому фону белым прописным шрифтом, словно мелом на школьной доске, люди писали свои послания. И от этих посланий становилось очень грустно и тоскливо. После третьей страницы — смертельно тоскливо. Болезненно сжималось сердце, к горлу подступал комок. Конечно, как и везде, попадались и несерьезные записи, и дурацкие, но их было крайне мало.

Родители взывали к своим погибшим детям. Вдовы и вдовцы молили о весточке со стороны покинувших их любимых. Геймеры скорбели по ушедшим собратьям, призывая их вернуться в неоконченные игры. Друзья и коллеги умерших музыкантов жалели о трагически оборвавшемся творческом пути. Кто-то оплакивал суицидника, кто-то смертельно больного, кто-то солдата, убитого в «горячей точке». Каждая запись — крик, плач, мольба и одновременно странная мистическая надежда.

На записи юной невесты, потерявшей в ДТП жениха, я завис, вновь и вновь пробегая взглядом стихотворные строчки.

Любимый, мы лишь призраки в Сети.
Такими были. И остались ими.
Сквозь пустоту расходятся пути.
Что остается? Лишь твое мне имя.

Но как же верить хочется в мечты
И в то, что встречи в жизни не напрасны,
Что смерть не в силах сжечь любви мосты,
Что есть еще надежда слова «Здравствуй!».

Посетители «Доски плача» оставляли номера аськи, скайпа, e-мейлы, даже телефоны. А что — при нынеш-

нем развитии технологии мобильник и компьютер — части единого информационного пространства. Звонок с того света... Неужели это возможно?

А потом мне стало, что называется, тошно. Мне стало стыдно за все шутки про мертвых, над которыми я смеялся. Стало мерзко, что я так спокойно воспринимаю кидалово, замешенное на человеческом горе. Но эта картина... это же отражение нашего мира, нашего реального мира, где зарабатывают на всем — на рождении, крещении, свадьбе и, безусловно, похоронах.

Мы не смогли сделать виртуальность чище, светлее, добрее.

Хотя... Разве кто-то пытался? Я сам сделал для этого хоть что-нибудь?

С досады я вырубил комп. Взял и просто нажал на светящийся выключатель сетевого фильтра. Системник смолк, монитор погас. Я сделал себе чашку кофе и вышел на балкон, медленно и мучительно возвращаясь из цифрового мира в реальный.

Передо мной простиралась родная улица, весьма оживленная в это вечернее время. С высоты моего восьмого этажа я видел, как движутся в обе стороны машины, как суетятся маленькие фигурки людей.

Люди... Ходят, спешат, что-то делают, чем-то вечно заняты... Я вдруг подумал, что все время рассматривал ситуацию с некроюзерами словно не выходя из виртуальности. Я не соотносил происходящее с реальной жизнью. Так само получилось... Этот сайт, «Доска плача»... Он что-то изменил во мне. Я вышел в реал. Сон сменился явью.

Отхлебнув кофе, я вновь посмотрел на улицу. Сотни домов, тысячи окон... Внутри — множество маленьких миров, множество отдельных жизней. Интересно, в скольких уже знают, в скольких поверили, в скольких ждут... развития событий. Мизерный процент, наверное. Не у каждого же есть компьютер с Интернетом, в

самом деле, особенно в какой-нибудь деревне. Но зато в каждой семье есть свои почившие предки или ушедшие из жизни друзья. А значит, рано или поздно это коснется всех. Всем и каждому придется пройти нелегкий путь — поверить, принять, преодолеть страх, и подосознательный, и внушенный множеством литературных и киноужастиков, перешагнуть тысячами внушаемое «невозможно»... Такое уже было в истории, пусть не так глобально, но тоже, совершая революцию в умах и обществе, входили когда-то в нашу жизнь электричество, радио, автомобили, компьютеры... А теперь мы коснулись тайны загробной жизни.

Или тайна коснулась нас.

Lex13: Это сенсация, согласен?

Slavik: Ты о чем?

Lex13: Некроюзеры выступили против копирастов!

Slavik: Мне кажется, вот здесь — чисто хакерские проделки.

Lex13: Да ты что?! Это же по всему миру! Эти лозунги на музыкальных порталах... «Деньги не унести в могилу». «Музыка — это пропуск в вечность». На разных языках! Это круто, чувак!

Slavik: А ты слышал, кто якобы за этим стоит?

Lex13: Пишут, что Джексон и Хьюстон.

Slavik: И ты поверишь, что они, заработавшие миллионы на легальных продажах своих дисков, вдруг стали такими добренькими?

Lex13: Ну а если действительно там... все по-другому. Ничего материального. Ничего ценного. Иная жизнь...

«Некроюзеры — это призраки. Не каждый, кто умер, станет некроюзером в Сети, только те, чья жизнь прервана трагической случайностью, чья смерть преждевременна, те, у кого остались незаконченные дела здесь. Или остался кто-то, к кому их неудержимо тянет. Толь-

ко в этом случае ушедшие найдут силы донести свою мысль до живущих. Если же человек прожил долгую жизнь, если его путь завершился естественным образом — вряд ли мы сможем получить от него весточку. Все наши предки, души которых уже подверглись мукам вечности и забвения... Не стоит ждать, что они выйдут с нами на связь...

Вопрос о технической стороне самый спорный и самый интересный. Дебаты по нему не утихают и не утихнут, пока мы во всем не разберемся, т. е., видимо, очень не скоро. Несомненно, знание компьютерных и сетевых технологий на данный момент — обязательное условие для проявления сущности некрозеров в нашем измерении. Насколько будет меняться ситуация в дальнейшем — покажет время. Логично предположить, что постепенно планка уровня знаний, необходимых для проникновения в нашу Сеть, будет снижаться, и наступит момент, когда даже совершенно несведущая во всем этом личность сможет спроецировать себя во Всемирной паутине...

Что касается темы безопасности, то пока можно сказать, что какой-либо систематической агрессии со стороны некрозеров не наблюдается. Это не означает, что сие невозможно в принципе — среди тех, кто ушел рано, кто умер насильственной смертью, разумеется, есть и преступники, и асоциальные элементы. Но говорить о какой-либо организованной экспансии со стороны царства мертвых не стоит. Конечно, с этой точки зрения описывать появление призраков в Сети очень даже соблазнительно для массмедиа, но на самом деле это всего лишь плод воспаленного воображения некоторых групп людей...»

Lex13: Здравов! На местном форуме был?

Slavik: А что там?

Lex13: Собралась инициативная группа, хотят бесплатный Wi-Fi на городское кладбище провести.

Slavik: Чего-о?!

Lex13: Того! Эксперимент. Вдруг некроюзеры будут выходить на связь, если контактер находится вблизи места захоронения? Нашли провайдера, который согласился предоставить оборудование, почти договорились с этим... как его... начальством, в общем.

Slavik: Комбинатом благоустройства...

Lex13: Точно! Ленка у тебя же не здесь, да? А Глеб здесь. Я хотел бы попробовать.

Перед моим взором предстала странная зарисовка. Люди, приходящие на кладбище, приносят с собой ноутбуки, коммуникаторы, смартфоны. Сидят на лавочках у могил и чатятся со своими мертвецами. Тишину погоста нарушают звуки пришедших и отправляемых сообщений по аське или скайпу. Вначале меня покорило от такой фантазии, потому как за образец воображение использовало картинку какого-нибудь кафе во время бизнес-ланча. Мне показалось это кошунственно и дико, но с другой стороны... Забывать о своих усопших и вспоминать в лучшем случае раз в году на родительский день — это разве не кошунственно?! Воображение скользнуло на новый виток, и теперь я представил уже видеочат с некроюзером. В реальном времени. Поднимаешь стопку за упокой и подносишь к экрану, в котором оживший аватар чокается с тобой с той стороны. А потом вы вместе с покойным запеваеете песню... «Черный ворон» будет в самый раз.

Меня передернуло от такого представления о будущем. Это же страшно! К такому, кажется, никогда не привыкнуть.

Ночью мне приснился ужасный кошмар. Из него я запомнил только могильные камни с вмонтирован-

ными в них экранами, на которых мерцали похожие на зомби лица, и зрачки веб-камер в центре каждого креста.

Lex13: Ну, как ты, холостяк?

Slavik: Как обычно.

Lex13: Новости есть?

Slavik: У меня — нет. А в Сети обсуждают нарика, порезавшего себе вены перед веб-камерой онлайн. Он хотел такой эксперимент провести, чтобы сознательно оказаться в виртуальности.

Lex13: Умер?

Slavik: Умер. И ни хрена не доказал.

Lex13: Я читал, завтра сильные всплески на солнце. Проверим твою теорию.

Slavik: Проверим...

На следующий день Лена обзавелась аватаркой и альбомом. Когда я увидел это, в первый момент забыл, как дышать. Фото на аватарке было черно-белое, сильно напоминающее качеством скан с бумажной карточки. На фото она была запечатлена даже не девушкой, школьницей лет пятнадцати, прищуренно глядящей из-под косой челки. Я не смог припомнить такой снимок, хотя не раз листал ее душевно украшенные семейные альбомы. Но лет минуло с тех пор немало, могло и забыться. Фотоальбом же на ее страничке меня разочаровал — полдесятка красивых, но весьма заурядных пейзажей: море, горы, облака, закат.

А еще в разделе «аудиозаписи» появилась песня Никитаевой «Море». Я запустил ее, и сердце тоскливо сжалось от каких-то смутных давних воспоминаний.

Увези меня на море, мы должны друг другу много,
Пусть кармические нити стянут нас морским узлом.
Ты мое *momento mori*, я — твоя не вера в Бога,
Научи меня забыть все то добро, что стало злом.

Только ты не слышишь, потому что ты — мертвый,
Потому что ты сам мне сказал о том...
Ты сказал, что ты умер, ты сказал, что ты умер,
Но я в это не верю,
Мы будем
Вдвоем...

Мне вдруг стало холодно. Мне стало холодно, как в тот одинокий октябрьский вечер, когда я узнал, что Лены больше нет. К тому времени мы уже давно расстались, наша быстрая и страстная юношеская любовь осталась в прошлом, не выдержав испытаний ревностью, разлукой и кое-чем еще. Но первая любовь не забывается. Я продолжал хранить в уголке сердца образ русоволосой зеленоглазой девчонки, вспоминая о ней неизменно с теплотой и душевностью. Иногда я звонил ей в тот, другой город, куда она уехала. Звонил, чтобы поздравить с днем рождения или Новым годом. Она отвечала тем же.

А тут вдруг... Весть от общих знакомых о том, что операция то ли на печени, то ли на почках закончилась для нее так трагически, повергла меня в шок. Я несколько дней ходил сам не свой, перебирал сохранившиеся свидетельства нашего романа — письма, стихи, открытки — я сентиментальный человек и никогда не рву с прошлым навсегда. Пару раз я плакал, а еще сильно напился тогда с горя. А в первый день мне было просто очень холодно.

Ты сказал, что ты умер, ты сказал, что ты умер,
Но я в это не верю,
Мы будем
Вдвоем...

Вот он — ответ. Вот они — воплощенные мысли жителей виртуальности. Они хотят помнить, они хотят общаться с теми, кто ушел. И я — один из них. Нам дороги те, кого больше нет в этом мире. Мы хотим надеяться, что они ушли не навсегда. А когда звучит в ко-

лонках такая песня, нам кажется, что все это — возможно.

Музыка стихла, а у меня в голове все еще эхом звучали последние слова, напоминающие какую-то фатальную эпитафию.

Эпитафию online.

Slavik: Ну что там? Как дела?

Lex13: Католики массово удаляют аккаунты некрозеров. Китай их все переписывает и берет на контроль. Штаты готовят изменения в конституцию и юридические нормы относительно загробных пришельцев. Арабские группировки заявляют, что все это дело рук мусульманских хакеров.

Slavik: А менее глобально?

Lex13: Фотки у них появляются. Все старые. Ну, это и понятно. Список друзей пополняется. Глеб смайлики освоил.

Slavik: Получается общаться?

Lex13: Вряд ли.

Slavik: А с кладбищем чего?

Lex13: Насчет зоны Wi-Fi общественность восстала, а если с мобильного оператора в Инет заходить, то ничего не меняется. А у тебя как?

Slavik: Тоже аватарка. Картинки природы. Песня... «Доска плача» отметила тысячную запись.

Lex13: Да, видел. Тягостно.

Slavik: Мне интересно, что дальше?

Lex13: Пока не установится контакт с ними, никакого «дальше» не будет. А уж потом... Появится крупный портал или даже социальная сеть... roghost.ru, а в форумах будут введены специальные разделы для общения с некрозерами. Представляешь, на автофоруме сможешь задать вопрос разбившемуся гонщику, на политическом сайте — застреленному губернатору или, например, покойному генсеку.

Slavik: Я читал одну статью... Никого из давно умерших мы не дождемся.

Lex13: А вот и не согласен! Дождемся. Ты вспомни — вначале компьютер был уделом только специалистов, а потом пошел в массы.

Slavik: Там не только в этом дело. У кого не осталось зацепок в реальности... Они не смогут.

Lex13: Фигня! Мы по-прежнему ничего не знаем, как оно на самом деле.

Slavik: Не знаем, но... Леха, тебе не кажется, что все это так мерзко?...

Lex13: Мерзко? В настоящей могиле ковыряться мерзко, а с духом поговорить... Душа человека бессмертна, так говорит церковь. Чего ж тут мерзкого, если это по обоюдному согласию? Другой вопрос, что в целом людская натура гаденькая и во всяком деле дерьмо может наружу всплыть. Но в любом случае... похоже, назад дороги нет.

Slavik: Может, лучше мертвым так мертвыми и оставаться?

Lex13: А как ты повлияешь теперь на это? Разве что... Удали ВСЕ учетные записи, отключись от провайдера, продай комп. И мобильник выбрось заодно. И забудь про все.

Slavik: Уже не могу.

Lex13: Вот то-то!

Бывают периоды, когда ничего не хочется. Ну, совсем ничего. Но хуже всего, если это происходит ночью и при этом спать не хочется тоже. Этому, скорее всего, есть причина, и, заглянув внутрь себя, можно ее обнаружить, но заглядывать в себя не хочется так же, как и всего остального.

Сейчас, близко к полуночи, у меня было именно такое состояние. Ленка не реагировала ни на лайки, ни на смайлики, ни на прямые сообщения. Любимые развлека-

тельные сайты были просмотрены, хороших фильмов не попадалось, вступать в какой-нибудь срач на форуме не было ни малейшего желания. Я послонялся бездумно по пустой квартире, не зная, чем себя занять. На кухне меня заставил поморщиться запах, идущий от мусорного ведра, которое я второй день забывал вынести. Я скрутил мусорный пакет, сунул ноги в кроссовки и отправился на улицу.

Ночь была райская. С этим сидением за компьютером и на работе, и дома я даже не заметил, как весна сменилась настоящим летом. После того, как в прошлом остаются школа и институт, смену времен года вообще перестаешь замечать. Просто смотришь на погодный сайт, выгляды-ваешь в окно, соответствующим образом одеваешься... А что на календаре — да какая, к черту, разница?! Дни все равно летят с головокружительной быстротой. Щелк, щелк, щелк... Неделя за неделей, месяц за месяцем. Не замечаешь, как проходит жизнь. Бесконечно вертишься, как белка в колесе. Всем от тебя что-то нужно. А когда уже не можешь вертеться, от тебя все отворачиваются. Там уже старость, «период дожития» и последняя черта.

А что за ней? Может, там отдых и покой? Эх, как же хочется узнать это! Если да, то мы пострадаем, потерпим эту вечную гонку, добывание денег, мелкие и крупные неприятности, страдания и беды. А если там нет ничего? Если все напрасно? Если главная мысль, которую хотят донести некроюзеры, заключается как раз в том, чтобы мы ценили каждый день, каждую минуту, потому что кроме этого у нас ничего нет, и жизнь наша может оборваться в любой момент...

Я выбросил мусор и стал обходить контейнерную площадку, чтобы немного пройтись по улице, когда услышал далекие пьяные голоса, пытавшиеся что-то петь. Они приближались, пение становилось отчетливей, но смысла не прибавлялось. Два голоса повторяли одну и ту же строчку. Чтобы не нарваться на приключения, я отступил в тень и присел на корточки. Через минуту

мимо меня прошли, пошатываясь и поддерживая друг друга, двое молодых пацанов. Песня у них была необычная и состояла из двух фраз.

«15 терабайт на сервак мертвеца! Йо-хо-хо, и бутылка...»

Дальше их мнение относительно текста разделялось. Один орал про бутылку водки, второй придерживался традиционной версии про ром. После этого они ржали то ли с забавных слов, то ли с самих себя и начинали по новой.

Веселые алконавты удалились. Я вышел из своего укрытия и посмотрел им вслед. Вот так — малыми шажками, шуточками-прибауточками, некроюзерские темы выходят за рамки виртуальности и становятся частью нашей жизни.

Я поднял глаза к небу, где сияли россыпи мерцающих звезд. Они, такие недостижимые и вечные, холодно взирали на меня, крохотную пылинку, запутавшуюся в лабиринтах своих нерешенных проблем, которые ничего не значили для Вселенной.

Lex13: Слышь, Славик, такое впечатление, что некоторые все-таки нашли, в чем загвоздка, и общаются с некроюзерами. Только не открывают никому свой секрет. Имхо, это подло.

Slavik: Имхо, пусть лучше молчат, чем наживаются на этом секрете.

Lex13: Согласен. А еще у меня одна мысль имеется. На широкую сцену... Ну, то есть там тиви, пресса... вся эта байда не выходит из-за чувства вины.

Slavik: То есть? Какой вины?

Lex13: Личного персонального чувства вины каждого из нас, живущих, перед ними, умершими.

Slavik: Эх ты завернул... А может, там все же лучше, чем здесь?

Lex13: Очень сомневаюсь. Кстати, дружище, а ты думал, что будет, когда ты с Ленкой сможешь свободно разговаривать?

Slavik: В смысле?

Lex13: Ну, у меня с Глебом понятно. Он просто кореш из детства. Я хочу от него узнать, что там, по ту сторону. Получить информацию. А у тебя ведь не все так просто... Ты ведь ее до сих пор любишь, да?

Slavik: Да.

Lex13: Долго же ты решался это признать... Вот я и спрашиваю, что потом?

Slavik: А я и сам не знаю, Леха.

Телевизор в холле во время обеденного перерыва показывал какое-то ток-шоу. Пара менеджеров, поглощая булочки с чаем, изредка косились на экран.

«...Наконец-то паника, вызванная появлением в Интернете так называемых «некроюзеров», немного поутихла. Мы уже поняли, что виртуальные пришельцы не собираются на нас нападать, рушить наши банковские системы, взламывать военные сети и тому подобное. Ни группа их, ни поодиночке они не выступали ни с какими агрессивными заявлениями. Исключение составляют лишь единичные случаи противодействия владельцам авторских прав на мультимедийный контент. И хотя это может расцениваться как сетевое пиратство, на самом деле...»

Вот уже который месяц они толкут воду в ступе, подумал я. Когда же новости начнутся с залихватского «Есть контакт!»? Или правильнее будет «Есть коннект!»? Когда уже я скажу Ленке, как мне жаль, что мы не прожили отведенный ей кусочек жизни вместе? К черту все эти армии цифровых призраков! Меня интересует только один человек.

Рисунок и надпись на желтом заборе автостоянки я заметил из окна автобуса, когда возвращался с работы. Не знаю точно, когда она там появилась. Обычно в это время я еду в давке и, заткнув уши плеером, погружаюсь в себя. Но сегодня автобус попался полупустой, и мне посчастливилось занять место у окна. За две оста-

новки до моей, когда дорожный поток замер на светофоре, я узрел среди прочих корявых граффити портрет Стива Джобса и подпись:

«Ты должен сам найти дорогу к своим мертвец@м!»

Джобс в своих круглых очках будто бы смотрел именно на меня. Я замер, сердце забилось быстрее. Может быть, у меня уже паранойя развилась из-за этих поисков контактов с ушедшими, но это граффити явно что-то значило. А эта «собачка» вместо буквы «а» как раз намекала, что речь именно о некроюзерах.

«...должен сам найти дорогу...»

Что это означает, черт возьми?! Я предпринял что-то вроде мозгового штурма. То, что у каждого свой путь? Своя судьба, свои цели, свои чаяния, свои мечты и грезы. Свои правила игры, свои вектора приложения сил. Свои точки отсчета и кодовые слова. Свои логины и пароли, опять же. Вот! А не в этом ли дело?

Может, нет никакого универсального способа наладить контакт с покойниками, все сугубо индивидуально? Связь устанавливается по элементарной схеме «пароль и отзыв». Этакая двусторонняя авторизация. Вот только что это за уникальная словесная комбинация (кстати, она точно должна быть словесной?), которую, получается, знаем только мы?

Впрочем, у меня было за что зацепиться...

Из автобуса я вышел в состоянии отрешенной сосредоточенности. Изначально я планировал купить какой-нибудь еды в супермаркете, но сейчас передумал и направился напрямик домой. Ощущение, что я в шаге от разгадки, подгоняло меня. И в то же время я чувствовал, что открытие может произойти только здесь, в реальном мире, где зеленеет трава, светит солнце, дует ветер, летят по небу облака, где зимой выпадает снег, а после дождя бывает радуга...

Радуга!

На миг почва ушла у меня из-под ног. Я вспомнил!

На широком незастекленном балконе старой Ленкиной квартиры пахло крепким чаем и только что отшумевшим дождем. Мы сидели, обнявшись, и я ощущал чарующую нежность озябшего юного тела сквозь тонкую ткань летнего платья. Мы как дети, широко раскрыв глаза, пялились в небо.

— Смотри! Смотри! Какая радуга!

— Ага! А вон еще одна, поменьше. Целых две радуги! Представляешь?!

— Обалдеть! А ты детский стишок помнишь?

Ах ты, радуга-дуга,
Опустилась на луга,
Засияла на просторе,
Где леса, поля и море.

Я, улыбнувшись, подхватил:

Дети, кто сказать готов,
Сколько в радуге цветов?
Это нам известно всем,
В радуге оттенков семь!

Слушай, удивительно, это же стишок с первого класса, а мы не забыли его. Ни ты, ни я.

— Значит, это *наш* стишок, — Ленка неумело подмигнула и снова перевела взгляд в прозрачную синь. — А над морем бывает радуга, как думаешь?

— Конечно, бывает! Законы физики, вернее, оптики...

— Вот бы увидеть...

— Мм... Море или радугу?

— И то и другое.

Я почувствовал, как она вздохнула. Вздохнула невообразимо печально. Повела плечами.

— Что с тобой, милая?

Ленка повернулась ко мне. В ее пронзительных зеленых глазах сквозило что-то такое далекое, туманное, не объяснимое словами.

— Слав, я не могу забыть тот вчерашний фильм.

— «Достучаться до небес»?

— Да. Он меня так... впечатлил! Они шли к своей цели и... Я ведь тоже никогда не видела настоящего моря, — она помолчала немного. — Так хочется оказаться на песчаном берегу, и чтобы изумрудные волны накатывались снова и снова, и чтобы небеса были синие-синие, и облака как сегодня, и слепой дождик, и радуга. И чтобы мы с тобою вместе там пили вино, любили друг друга и были счастливы.

— Красиво. Но это не по сценарию.

— К черту сценарии! Мы живем и все время откладываем что-то на потом, а нужно не ждать, нужно дышать полной грудью, делать то, что нравится, нужно быть собой, нужно получать кайф от каждого дня. Потому что продолжения может и не быть, и завтра не существует.

Я протянул руку и, покачав на столике опустевшую кружку из-под чая, проговорил:

— Я не знаю, как это — жить, как ты сказала. Мне кажется, это невозможно в нашем мире. Но на следующее лето мы обязательно поедем на море.

— Знаешь, Слава, у меня такое чувство, что если это не случится сейчас, то не случится уже никогда.

— Ну, Лена... Что это за ерунда?!

— Нет, извини, ничего.

Она прильнула к моим губам, и я утонул в сладостном танце ее поцелуя. Мы целовались пылко и страстно, и то, о чем мы только что говорили, вылетело у меня из головы через минуту.

Мы так и не съездили на море. Мы не сидели ни на песчаном, ни на каком другом берегу. Не видели каплей дождя, разбивающих гладь вздымающихся волн. И радуга над убегающей к горизонту синевой искрилась не для нас.

Так вышло.

Оказавшись дома, я первым делом включил комп, жадно выпил полпачки апельсинового сока из холодильника и опустился в кресло перед экраном. Я загрузил ВКонтакте и открыл окошко отправки сообщения. Глубоко вздохнул и отстучал:

«Ты была права, Лена. Нужно изо всех сил стараться жить здесь и сейчас, потому что продолжения может не быть, и «завтра» не существует».

Я нажал «отправить» и через несколько секунд рядом с аватаркой Лены зажегся символ «онлайн». Я, замерев, с гулко бьющимся сердцем смотрел на экран. Но ничего не происходило. Я чувствовал, что до победы мне не хватает самой малости. В следующий миг руки сами потянулись к клавиатуре.

Ах ты, радуга-дуга,
Опустилась на луга,
Засияла на просторе,
Где леса, поля и море.

Мое напряжение было на пределе. На лбу выступил пот. Весь окружающий мир исчез, растворился, оставив только портал монитора передо мной. Мне казалось, я даже перестал дышать. Окно мигнуло. Есть контакт!

Дети, кто сказать готов:
Сколько в радуге цветов?
Это нам известно всем,
В радуге оттенков семь!

Меня бросило в дрожь. Я получил первый осмысленный ответ за все это время. Но это была лишь авторизация. Пальцы плохо слушались, я то и дело ошибался, когда набирал следующие слова.

«Больше всего, Лена, я жалею, что мы с тобой не побывали на море».

То была секунда ожидания или провала, или триумфа. Момент истины. Меня переполнял шквал непередаваемых эмоций. Мне показалось, воздух в комнате за-

густел, и пахло чем-то из детства. Замерли пылинки в луче света. Гул кулеров в системнике был единственным звуком в комнате, не считая стука колотящегося в груди сердца. Монитор расплылся, и я с удивлением обнаружил, что виной тому слезы. Но слезы не помешали мне увидеть, как экран снова мигнул, и в окне возникло сообщение.

Долгожданное. Невозможное. Нереальное.

И доказывающее, что Леха оказался прав.

«Мне тоже жаль, Слава. Потому что здесь нет ничего. Ни моря. Ни солнца. Ни радуги...»

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

НАДЕЖД РАЗБИТЫХ ГРУЗ

В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан утрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или Бог — или никто!

(М. Ю. Лермонтов.

«Нет, я не Байрон, я другой...»)

Божественные звуки Пятой сонаты наполняют комнату и, вырываясь в открытое окно, плывут над безбрежной темной водой. Кресло-качалка поскрипывает, внося слабый диссонанс в музыку Бетховена. Но это не страшно. Я уже привык и менять ничего не собираюсь. Ни Бетховена, ни кресло, ни холод от «бенелли» двенадцатого калибра в правой руке. Охотничье ружье, заряженное патронами с картечью, удобно лежит на подлокотнике и качается вместе со мной.

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

Прокравшийся в комнату ветер теребит занавески, и они шевелятся в такт музыке, словно паруса. И мне кажется, что старая девятиэтажка — это корабль, плывущий по вечному морю, чьи волны поднимают и опускают крепкую палубу.

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

Я закрываю глаза, прислушиваясь к посторонним звукам, прорывающимся сквозь музыку. Я их не слышу — скорее, чувствую. Или представляю.

«Топ-топ-топ», — это шлепает широкими вечно мокрыми лапами, спускаясь по лестнице, Пингвин. И как только его Бледная Пакость пропускает? Сожрет ведь когда-нибудь.

«Шур-шур-шур», — скребется, поднимаясь из воды по старой кирпичной кладке, длинное щупальце. Я — на седьмом. Уровень воды — между пятым и шестым этажами. Щупальцу ползти совсем недалеко, оно справляется со своей задачей и заглядывает в окно. Присоски на утолщении прислушиваются к дыханию теплой добычи. Ко мне то есть. Тварь, сидящая под водой на другом конце щупальца, еще не знает, что такое патроны с картечью. Спасибо за «бенелли» хозяину квартиры на девятом. Жаль, что не могу лично поблагодарить.

Давай-давай, подползай, хватит уже осторожно подкрадываться. Время поджидает.

Пингвин открывает дверь и появляется на пороге.

— И-и-и-и! — кричит он. — И-и-и-и!

Щупальце замирает в секундном замешательстве — «кто это?», «что делать?», а затем, выпустив электрический разряд куда-то вверх, как натянутая резина, щелкает обратно к окну — бежать, спасаться. Я стреляю вслед. Часть картечи уходит в изрешеченную стену, часть — в окно. Но основной заряд попадает в щупальце, разрывая студенистую плоть. Мне кажется, что

где-то глубоко-глубоко под домом кричит от боли неизвестный мне водяной зверь. Утолщение с присосками падает на пол, заливая покореженный паркет голубой кровью.

— И-и-и-и! — радуется Пингвин, в предчувствии сытного обеда хлопая себя по лоснящимся бокам руками и переминаясь с ноги на ногу.

— Ну что ты наделал? — спрашиваю я, разглядывая черное пятно на потолке. — Чуть добычу не упустили. Ай-ай-ай.

Пристыженный Пингвин опускает голову, но я вижу по его хитрым глазам — нет, не раскаивается, в следующий раз опять без спросу притопает. Это он за меня переживает. Ему почему-то кажется, что я обязательно промахнусь и стану обедом для одного из тех. Из глубины которые.

Какой же из меня обед? Правильно — невкусный. Жилистый. Но Пингвина не разубедишь.

Я аккуратно вырезаю из остатков щупальца электрическую железу. Стоит только неосторожно ее сжать, как из кольчатой трубки на конце ударит молния. Бережно опускаю железу в трехлитровую банку с соляным раствором — пойду теперь наверх заряжать аккумуляторы. Хочется же еще Бетховена слушать. Да и новости узнать не помешает. Вот и охочусь. На некоторых.

— Ешь, — кидаю я Пингвину все, что осталось.

Пингвин хватает мясо прямо на лету и тут же проглатывает, громко чавкая зубастым клювом.

— Эх ты, плод моего воображения, — говорю я Пингвину, дружески хлопая его по плечу, — вкусно небось? Да, это тебе не бычки в томате. Ладно, пошли радио слушать.

— И-и-и! — соглашается Пингвин, осматривая пол — вдруг где-то затерялся вкусный кусочек.

Я закидываю «бенелли» за спину, беру под мышку старый магнитофон, сую в руки Пингвина банку, и мы

★ выходим на лестничную площадку. Пингвин, переваливаясь с ноги на ногу, впереди. Я — сзади.

Стены покрыты потоками сырости. Плесень расплзлась по штукатурке витиеватыми узорами — радостью психоаналитика. Был у нас такой тип при лаборатории. Вызовет тебя в кабинет, откроет журнал и спрашивает: «На что, Сережа Павлович, это похоже? А это? Вот сюда посмотрите». А там — кляксы разные, которые обязательно что-то напоминать должны. Ну да, напоминали, прямо как эти разводы на стенах. Вон тот, например, на зубастую пасть похож...

— Стой, Пингвин! — кричу я. — Я ж про Бледную Пакость из-за тебя забыл!

Возвращаюсь обратно в квартиру и сердито ищу, что бы такого отдать на этот раз. Взгляд падает на подписку старых литературных журналов за две тысячи двенадцатый год. С одной стороны — жалко. А с другой — что делать?

— Посторонись, — говорю, — Сусанин ты лапчатый, а не Пингвин.

Пингвин тяжело вздыхает.

Размахиваюсь и запускаю журналы в сторону лестницы. Связывающая их тонкая бечевка рвется, и журналы, шелестя листами, опускаются на лестницу шестого, сползают по ступенькам, шлепаются в воду пятого.

Туда, где обитает Бледная Пакость.

Никогда не могу заметить момента атаки — лишь в воздухе зависает водяная взвесь, да перед глазами — бледная размытая пелена. Пакость передвигается так быстро, что увидеть ее никак не получается. На лестнице не остается ни одного журнала — все схватила, до каждого листочка. Сидит сейчас, разбирается — съедобно или нет.

— Пошли, — говорю Пингвину, — наверх побыстрее.

Хотя знаю, что можно и не торопиться. Пока Пакость поймет, что схватила что-то несъедобное, минут пять

проходит. После чего снова подстергать начинает. Тугодум какой-то.

Мы поднимаемся выше. Пингвин, чувствуя за собой вину, грустно шлепает позади.

— Пойдем сегодня к Старушке? И радио сюда принесем? — спрашиваю я, кивая на потрескавшуюся деревянную дверь на восьмом.

Дверь распухла от сырости и, если на нее надавить, откроется с неприятным скребущим звуком. Квартира пропахла старыми газетами, керосином и ветошью. Все стены, начиная с короткого темного коридора, обклеены черно-белыми фотографиями. Портреты, портреты... Улыбающиеся мальчики и девочки в нарядных костюмах, взрослые, также дарящие ослепительные улыбки. Вся история многочисленного рода перед глазами. А Старушка жила одна. Одинокая узкая кровать у стены. Пропахшая сыростью деревянная грузная мебель. Запасы крупы, сахара и соли. Керосиновая лампа на столе. Вот за запасливость — огромное Старушке спасибо. Это тебе не бычки в томате с девятого.

— Нет, — говорю я Пингвину, закрывая дверь. — К Старушке не пойдем. Пойдем к Охотнику. Там слушать будем.

Пингвин радостно кивает, приоткрывая длинный клюв.

— И-и-и-и, — шлепает он руками по лоснящимся бокам. — И-и-и-и.

В квартире Охотника Пингвину очень нравится разглядывать оленьи рога, висящие на стене.

Дверь к Охотнику бронированная, металлическая, такую не открыть топором, как дверь Старушки, — пришлось пробивать стену от соседей. Сейчас замки можно не закрывать — гостей не предвидится. На весь дом — только я и Пингвин, если не считать надежно засевшую между пятым и шестым Бледную Пакость.

Прямо в прихожей скалится и глядит с пола пластиковыми глазами шкура бурого медведя. Роскошная мебель расставлена в безумном сочетании классики и хай-тека. В гостиной — шкаф со стеклянными дверцами, заполненный призами и фотографиями. Фотографии разнообразием сюжетов не отличаются. Охотник с медведем и товарищами. Медведь — дохлый. Товарищи — живые и улыбающиеся. Охотник с двумя грустными убитыми кабанам, третий слева. Охотник где-то в Африке на сафари, львов, наверное, выслеживает.

Я смотрю на простреленный потолок и вспоминаю, как едва не снес Пингвину голову.

— Пингвин, — киваю я на следы картечи на потолке, — помнишь?

Пингвин не помнит. Пингвин, приоткрыв клюв, смотрит на рога, висящие возле шкафа. Он очень занят. Кажется, не дышит даже. Я забираю банку из рук Пингвина, ставлю на стол и опускаю в нее контакт аккумулятора. Второй кидаю на батарею отопления. Вскоре аккумулятор зарядится, и можно будет услышать последние новости.

Выхожу на балкон и вдыхаю прохладную свежесть. До самого горизонта — вода, переходящая в голубое небо. Над торчащими остовами домов — тишина и огромное яркое солнце. Белые облака с розовой корочкой проплывают по небу и отражаются на водной глади. Говорят, что, оставшись один, человек может довольно быстро сойти с ума. Но я же не один — у меня есть Пингвин.

«Топ-топ-топ», — Пингвин тоже выходит на балкон. Снятые со стены рога он гордо держит в руках перед собой.

Пингвин подходит к перилам и сбрасывает рога вниз.

— Ну ты даешь! — говорю я.

— И-и-и, — соглашается Пингвин, тяжело вздыхая.

В это мгновение радио в комнате на столе кашляет и начинает вещать голосом диктора из новостей:

«Кх-х-х. Уровень воды за последнюю неделю не изменился. Пятнадцатиметровая водяная стена замерла на расстоянии ста двадцати километров от эпицентра трагедии в городе... Кх-х-х... Затоплено... Кх-х-х... Эвакуация продолжается. За последний месяц аномалия расширилась в диаметре на тридцать километров. Причины трагедии, приведшие к массовой гибели людей, до сих пор неизвестны. Ученые продолжают спорить о факторах, вызвавших необъяснимое стихийное бедствие. Почему вода замерла в огромном цунами, словно за невидимой стеной, и не разливается дальше, а передвигается скачкообразно? Откуда взялось такое количество воды посреди суши? Сегодня в студии профессор... К-х-х... Поддерживающий теорию о внеземном происхождении...»

Я схватился за голову. Больно. Очень больно. Боль набегаёт, словно морские волны. Пингвин испуганно смотрит и беззвучно раскрывает клюв.

— Слышишь, Пингвин внеземного происхождения, — сквозь боль улыбаюсь я, — помоги до кровати добраться.

Сильные руки Пингвина бережно подхватывают под мышки и опускают в кровать.

— Больше никогда меня не буди, — говорю я, чувствую на лбу его холодную ладонь и проваливаюсь в сон.

У озера с водой, отливающей на солнце изумрудами, растут дома. Именно — растут, словно мангровые заросли, окуная в прибрежную илистую воду толстые извилистые корни. В городе кипит жизнь. Маленькие шустрые обитатели напоминают древесных квакш, но только многоногих и с пучком щупалец у головы. Они бегают, открывая круглые дверки и выглядывая в окна. Среди города поднимаются огромные белые цветы, ра-

стущие из верхушек домов. Посреди лепестков сидят большие толстые жабы, важно и глупо глаза по сторонам.

— Кар-р-ра! — вдруг кричит одна, широко раскрыв рот и пузырями надувая щеки. — Кар-р-ра!

Тут же по лестнице взбираются несколько квакш, перекатывают жабу на носилки, бегут к воде и спешно бултыхают туда толстушку.

— На нерест пошла, — комментирует невидимый Пингвин.

— И в этом мире разум, — говорю я. — Вы что — сговорились все? Почему не попадается ни одного пустого мира?

— А они есть, пустые миры? — вместо ответа спрашивает Пингвин.

— Мне еще не встречались. А ты не признаешься. Поросенок ты, а не Пингвин. Там — «и-и-и» да «и-и-и», а как в мои сны пролезаешь, так болтаешь слишком много, только все не по теме. Вообще — тебя кто сюда звал?

— Никто. Я сам пришел. Тебе помогаю. И надеюсь, что ты найдешь мой мир.

— А вот и нет никакого твоего мира, — говорю я. — И тебя нет. Ты только плод моего воображения. А я потихоньку схожу с ума от боли и одиночества.

— Думай как хочешь, — вздыхает Пингвин.

— Слушай, — говорю я, чувствуя далекую подкрадывающуюся боль. — Ответь на вопрос наконец, это ты портал в мой мир открыл?

Но Пингвин, как обычно, не отвечает. А боль настигает меня во сне, набегают незримой огромной волной и заполняют водой так, что голова готова разорваться в любую минуту. Падаю на колени. Стоит только не противиться напору, выпустить воду наружу, как она сметет этот мир. И я вижу...

Вода вливается сквозь открывшийся портал, разрушая мангровый город. Она ломает цветы, и белые лепестки

мечутся с волны на волну. В соленых водоворотах исчезают толстые жабы. Погибают, пытаясь спастись, быстрые квакши, раздавленные напором воды.

Нет! Назад! Я не могу! Это неправда!

Я не могу погубить чей-то мир. Даже спасая собственный. Не имею права.

Нет больше сил сдерживать воду, и она уходит вместе с болью там, где-то далеко, на моей Земле. Я покидаю сон с его счастливыми, оставшимися жить мохнатыми обитателями.

Открываю глаза и чувствую тошноту. После снов-путешествий вечное похмелье.

— Дай чего-нибудь поесть, — говорю я Пингвину.

Его не видно, но я знаю, что плод моего воображения бродит где-то неподалеку. Ага — а вот и он, несет банку бычков в томате.

— Нет, чтобы что-то другое предложить, — бурчу я. — Омаров, например.

Пингвин пожимает плечами, копируя мой жест, и вскрывает банку с помощью консервного ножа. По комнате распространяется ненавистный запах. За разнообразное меню тоже надо Охотнику спасибо сказать. Это в его квартире я нашел с полсотни таких банок. К потопу он, что ли, готовился? Или просто бычки в томате обожают?

— Ну, поехали, — говорю я и втыкаю вилку в жирные рыбы куски.

А электрических студенистых тварей пусть Пингвин жрет. Может, они для людей ядовитые. Моя жизнь в данной ситуации очень ценна. Беречь надо Сергея Павловича и лелеять.

Радио опять оживает — это Пингвин ненароком его включил, неуклюже повернувшись.

«Кх-х-х... Экстренное сообщение. В аномальной зоне новый резкий скачок. Уровень воды поднялся на полметра, а стена переместилась на пять километров. По предварительным данным, жертв нет, люди из зоны риска были заблаговременно эвакуированы. Подобный скачок наблюдался неделю назад, когда радиус зоны затопления увеличился сразу на десять километров. Что может остановить наступающую воду? Сегодня у нас в гостях известный физик... Кх-х-х... Его речь вы прослушаете сразу после обращения к народу митрополита... Кх-х-х».

— Эге, — говорю я, — слышал, как уровень поднялся? Так и Бледная Пакость скоро свою добычу получит. Уже недолго осталось, — поднимаюсь я из-за стола, отталкивая наполовину опустевшую консервную банку. — Надо воды набрать. Кажется, ночью шел дождь?

Пингвин не отвечает. Он разглядывает место, где висели рога, и тяжело вздыхает.

Я достаю из-под стола пустую пластиковую бутылку и выхожу на лестничную площадку. Слева от квартиры Охотника новая дверь китайского производства из тонкого металла, надави пальцем — и прогнется. Здесь жили Молодожены. Справа — старая дверь, обшитая ободранным дерматином с торчащими из-под него кусками грязного утеплителя, — за ней обиталище Скряги. Эти квартиры мне не нравятся — недостаточно пропитались жизнью. Молодожены только въехали, а Скряга не оставил после себя следа, словно и не жил никогда.

Гремя металлическими ступенями, поднимаюсь на чердак. Оттуда — на крышу. Так я гораздо ближе к небу с белыми облаками. Чувствую, что скоро придется сюда переселиться, если уровень воды поднимется еще выше. На широкой крыше в тени кирпичной вытяжки стоит ванна, куда собирается питьевая вода во время дождя. Разгоняю плавающих личинок комаров — «чер-

тиков», наполняю бутылку и подхожу к низкому ограждению на краю крыши.

Слышу: «Бум-бум-бум». О! Пингвин топают. Соскучился.

— И-и-и, — появляется в чердачном люке его черная физиономия.

— Заходи, — говорю, — гостем будешь. Полюбуйся живописными видами. Хотя кругом одно и то же, как ты понимаешь. Суши не видно.

Пингвин хмурится. Вспоминает, наверное, тот день, когда сюда попал.

Страшные тогда были волны! Похлеще цунами. Вода, появившаяся из портала посреди города, неслась стремительными потоками, сметая все на своем пути. Как я спасся? Не знаю. Плыл, хватался за плывущую мебель, выныривал, падал в воду и снова плыл. Видел ли я портал? Нет, наверное. Не до того было. Достаточно, что я его чувствовал. Я ведь сам такие открывать умею.

Но страшным был не только напор воды. Вместе с потоками сквозь портал прошли чужие существа.

Пингвина я встретил, когда до этой девятиэтажки доплыл. Как сейчас помню, открывается навстречу дверь, и появляется черное существо с меня ростом, улыбаясь зубастым клювом. Хорошо, что я тогда еще «бенелли» не нашел.

— И-и, — вдруг, непривычно волнуясь, говорит Пингвин. — И-и.

В небо показывает. Смотрю — вдалеке вертолет небольшой летает. Как я его стрекот не услышал? Задумался, наверное. Не уgomонились еще, выходит, эвакуаторы. Или... У меня возникло нехорошее предчувствие. Неужели ищут меня? Ну, кажется, манией преследования я еще не страдал.

— Пойдем, — говорю Пингвину, — нам ведь не надо быть спасенными.

— И-и-и, — соглашается Пингвин.

Прежде чем нырнуть в темноту чердака, оглядываюсь. Не нравится мне этот вертолет. Очень не нравится. Как бы нас не заметили.

Почему я вновь чувствую приближающуюся боль? Как быстро. Совсем же недавно в сон погружался.

— Помоги, — падаю я на скользкую пингвинью спину.

Пингвин подхватывает меня сильными руками. Я вижу, как внизу перемещаются по железным ступеням его красные гусиные ноги — шлеп-бум, шлеп-бум. Боль накатывает в такт шагам и пульсирует в висках острыми иглами. Я проваливаюсь в спасительный сон прямо на холодной пингвиньей спине.

★ ★ ★

Редкие снежинки медленно опускаются на пожелтевшую траву. Ветер тербит травинки и гонит по полю сухие коробочки с семенами. В вышине плывут свинцовые тучи, едва не задевая шпили башен, соединяющих землю и небо. Башни испещрены отверстиями-выходами. Крылатые создания, словно летучие мыши, носятся туда-сюда, изображая хаотичное движение.

Устало опускаюсь на промерзшую землю.

— Не повезло, — говорю невидимому Пингвину.

— Не повезло, — соглашается Пингвин.

Летучие мыши одеты в пестрые одежды. Они живут, рожают детей, создают предметы искусства и, наверное, пишут книги. Во всяком случае, они разумны — с этим фактом трудно поспорить.

Стоит мне захотеть, и вода ворвется сквозь открытый портал, повалит башни, крылатые создания будут, жалобно крича, носиться над бурными потоками, чтобы в конце концов свалиться от усталости в воду, смирившись с гибелью собственного мира.

Я кто — бог или дьявол? Какова цена спасения моей Земли?

— А твой мир какой? — спрашиваю я у Пингвина. — На что он похож?

— Он — красивый, — тихо отвечает Пингвин.

— Ну что ж, — говорю я, — пора просыпаться. Пойдем.

Иду по холодному полю, давя воображаемыми подошвами хрупающие твердые снежинки. С каждым шагом чувствую, как вода в моем городе продвигается все дальше, а я не имею сил ее сдержать. Но открыть портал и выпустить воду в мир высоких башен я тоже не могу.

Позади радостно пищат летуны, не подозревая, что были на краю гибели.

Откуда-то издалека, может быть, совсем из другого мира, сквозь появившуюся боль доносится стрекотание летающего механического чудовища.

★ ★ ★

Открываю глаза и вижу перед собой человеческое лицо в черных очках. Все-таки заметили нас гости-свертолета. Двигателя не слышно, неужели сумели сесть на крыше?

— Здравствуйте, агент Смит, — говорю я.

— Какой я вам Смит? — удивляется мой новый гость.

Из-за его спины появляется второй человек, похожий на первого, как родной брат. Оба в строгих деловых костюмах. От плотных фигур веет непоколебимой уверенностью людей, никогда не сомневающихся в правильности своего выбора.

— Вы — Григорьев Сергей Павлович? — задает вопрос Второй.

— А вы — Джеймс Бонд? — спрашиваю я в ответ.

— Не совсем. Скажем так, работаем в схожем ведомстве, — с улыбкой отвечает Первый.

Он снимает очки, дышит на стекла и протирает их носовым платком. Его голубые глаза кажутся немного растерянными.

Гости выглядят довольными, как слоны после купания.

— Уважаемые довольные слоны, — говорю я, — что ж вы вырядились киношными героями? Вы же должны быть в толпе серыми и неприметными.

— По-разному, — говорит Первый, пряча очки в нагрудный карман. — Да и толпы тут нет. Но вы не ответили на наш вопрос. Хотя не надо. Не считая появившейся седины, вы очень похожи на свои фотографии. Ну, здравствуйте, Сергей Павлович.

— Привет, — пожимаю его крепкую жилистую руку. — Вы Пингвина не видели?

— Кого? — удивляется Второй.

— Пингвина. Такой, знаете ли, черный, почти с меня ростом, с белой манишкой и клювом. — Я показываю, какой длины клюв у моего воображаемого друга.

— Нет, не видели, — пожимает плечами Первый.

— Так я и думал, — расстраиваюсь я.

— Собирайтесь, поднимаемся к вертолету, — говорит Второй.

— Зачем? — спрашиваю я. — Мне и здесь неплохо. Спокойно, не мешает никто. Морской воздух для здоровья очень полезен. Могу бычками в томате угостить — у меня их много. А как вы вертолет сумели на крышу посадить, лопасти антеннами не повредили, случайно?

«Бенелли» лежит далеко — не достать. Да и не смогу я в скорости с новоявленными суперменами из спецслужб соревноваться.

— У нас приказ, — говорит Первый, — найти Григорьева Эс Пэ и доставить в Управление. Но у меня к вам еще и личный вопрос. — Его глаза больше не кажутся растерянными, они словно две ледышки. — Зачем вы активировали Систему?

— Систему? — удивляюсь я. — Какую Систему?

— Не корчите из себя дурачка, — говорит Второй.

— Почему обязательно корчу? — возмущаюсь я. — Я ж до лаборатории в психушке находился. Мне, так

сказать, по службе положено корчить этого самого, вашего. Или по призванию.

— Урод! — приближает ко мне лицо Второй. «Сам урод, — думаю я, — хоть бы очки снял — глаз не видно. Трудно так с человеком разговаривать». — Ты активировал Систему, разработанную в Четвертой лаборатории, и открыл портал в другой мир, откуда хлынула вода. Ты, сволочь, вызвал новый потоп! Отвечай, как отключить Систему? Где она теперь? Почему еще работает, если лаборатория разрушена?

— Коля, перестань, — останавливает его Первый. — Ты не знаешь всей информации. Ведь наш уважаемый Сергей Павлович и есть Система.

— Разрешите представиться, — говорю я. — Система. Очень приятно.

Такое прозвище мне дали в Четвертой лаборатории, куда меня вытащили из городского психоневрологического диспансера, где я лежал с диагнозом шизофрения. У пациента Григорьева Сергея Павловича наблюдались устойчивые бредовые идеи. Ему казалось, что во снах он попадает в другие миры, и часто он, то есть я, не мог отличить сон от реальности.

Четвертая лаборатория занималась исследованиями парапсихологических способностей человека. Меня многому там научили.

— Ладно, — быстро приходит в себя Коля, который Второй. — Мне не интересно, как ты там это делаешь — пальцами щелкаешь или копытами стучишь, распространяя серную вонь. В Управлении разберутся. Я спрашиваю: зачем? Зачем ты решил погубить наш мир? Моя сестра, мразь, умерла во время потопа.

— Дело в том, что я не открывал портал, — говорю я, раздумывая, куда же это Пингвин подевался. Наверное, сквозь дыру в стене отправился в квартиру к Молодоженам.

— А тогда кто?

— Не знаю. Кто-то извне. Из другого мира. Может быть, наши эксперименты ослабили связи, и этот кто-то воспользовался слабиной, чтобы слить лишнюю воду? Или же он просто искал воду для своего мира?

— Не верю! — кипятится Второй.

— Коля, подожди, — говорит Первый. — Если ты утверждаешь, — обращается он ко мне, — что портал открыт не тобой, так закрой его!

— Я многое теперь могу! — отвечаю я. — Могу открывать порталы. Могу заглядывать во сне в другие миры. Могу сдерживать воду. Вот так. — Сжимаю пальцы в кулак. — Но не могу закрыть чужой портал, точно так же, как вы не можете его разрушить. Он не материален. Это только незримый проход.

— Тогда открой новый портал, — спокойно говорит Первый. — Пускай вода уйдет в другой мир.

— Там жизнь! Разум! Я ищу пустышку в каждом сне. Я продираюсь сквозь миры, но не могу их погубить.

Устало опускаюсь на кровать. Сквозь дыру в стене появляется голова Пингвина.

— Ну ни хр... Кто это?! — кричит Первый.

Второй выхватывает пистолет. Пингвин прячется.

— О! Вы тоже его видите? — радуюсь я. — Понятия не имею, кто это. Но откликается на Пингвина.

Второй делает два шага к пробитой стене.

— Отставить, — командует Первый. — Черт с ним. Тут полно подобной гадости завелось. Берем Систему, и на крышу.

Он протягивает ко мне руки.

— Я не могу! — пытаюсь отползти от него подальше. — Вы не поняли. Если я отсюда уйду, то не смогу контролировать воду. Я же ее держу! Вот! Вот! — Я свел ладони вместе. — Вы меня заберете — и все погибнет! Поверьте! Я должен остаться здесь!

Вижу, что Первый колеблется.

— У нас приказ, — холодно говорит он. — Что я думаю — не имеет значения. Нам надо доставить тебя в Управление. Пошли. Там разберутся.

Обреченно встаю. Не спастись. Все было напрасно.

— Дайте мне хотя бы забрать лабораторные записи. Они там — у Старушки.

— Где-где? — поднимает вверх брови Первый.

— В квартире под нами. Я мигом.

— Пошли, Николай, — указывает на дверь Первый. — Проведем Сергея Павловича.

Мы следуем друг за другом — впереди Первый, в середине — обреченный пленник, замыкает строй Второй, который так и не снял темные очки. Проходим мимо разводов на стенах — радости психоаналитика. Я бы ему сейчас рассказал, что вот это пятно похоже на Первого, а вот это напоминает Второго. Третье раскрывает зубастую пасть. Уровень воды поднялся. Интересно, где сейчас рубеж, за который нельзя заходить?

Пингвин появляется из квартиры Молодоженов, когда мы уже спускаемся по лестнице. Он поднимает руки, в которых зажата электрическая железа подводной твари. Соленая вода сбегает по черным пальцам моего друга и капает на бетонный пол.

Второй оборачивается и выхватывает пистолет. Пингвин сдавливает ладони.

— И-и-и-и!

В темноте лестничных пролетов электрическая вспышка кажется ослепительно-яркой. Второй валится на ступени. Черные очки оплавленным комком летят в воду. Первый толкает меня в сторону, вытягивает руку с пистолетом и делает шаг ниже по лестнице.

Выстрел!

Но шаг сделан. Вот она — граница охотничьих угодий Бледной Пакости. Я никогда не мог увидеть момент нападения. Лишь в воздухе остается водяная пыль, сей-

час обильно прикрашенная красным цветом. Первый не успел даже вскрикнуть.

— Пингвин! — Я бросаюсь к своему другу, лежащему на лестничной площадке.

Его остекленевшие глаза смотрят в потолок. На груди, там, где у человека должно быть сердце, рана от пули. Противно пахнет горелой плотью. После вспышки режет глаза, и на них наворачиваются слезы.

★ ★ ★

Я сижу посреди пустой крыши, как мальчишка, качаясь на двух ножках стула. Где-то на подступах к чердаку плещется вода. Электрические твари прут напролом, чувствуя близкую добычу. В «бенелли» осталось всего четыре заряда. Корабль идет ко дну, но его капитан все еще твердо стоит на палубе, раскачиваясь вместе с ней.

Вверх — вниз.

Вверх — вниз.

Четыре заряда — это же еще очень много. Продержимся. Главное, чтобы твари не подобрались во время сна, который больше некому охранять. Я положил мертвого Пингвина в кабину вертолета и, сумев с четвертой попытки завести двигатель, опрокинул вниз. Теперь мне больше не с кем говорить в своих снах.

Боль. Она приходит все чаще раз за разом. Вот и сейчас она хватает виски, и я проваливаюсь в очередной мир.

★ ★ ★

Растрескавшаяся земля, сухая пыль под ногами. Я стою на краю пропасти и вижу перед собой дно высохшего океана, в котором нет ни капли воды. Рядом лежит на боку остов давно погибшего парусного корабля. Его мачты сломаны. По трухлявому днищу, вяло перебирая лапками, ползет сонный краб.

Еще дальше на древнем берегу — черная фигура с длинным клювом.

— Пингвин!

Я бросаюсь к Пингвину и останавливаюсь. Это не он. Просто очень похож. Пингвин смотрит сквозь меня в сухую бесконечность. Он не может меня видеть. Меня здесь нет. Я там, в кресле, раскачиваюсь и держу «бенелли» с четырьмя последними патронами. А здесь я — только плод собственного воображения.

Вон сидит еще один Пингвин. Еще и еще. Они смотрят и ждут, словно высохшие древние мумии. Они не знают, что их посланник больше никогда не вернется и не приведет с собой воду.

Я ничего не обещал тебе, Пингвин. Но я сдержу слово, которое никогда не давал.

Мне не надо щелкать пальцами или стучать копытами. Все происходит совсем не так. Я — Система. И я умею открывать порталы. Это моя работа. Это то, чему меня обучили в лаборатории. Я зажмуриваюсь прямо здесь, во сне, и чувствую бурлящий поток воды, проходящий меж пальцев. Вода устремляется сквозь новый проход из другого мира, в котором одинокая спящая фигура раскачивается на стуле.

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

И сейчас сухая земля тоже качается под ногами. Наверное, я просто устал. Я опускаюсь на колени, открываю глаза и вижу, как на землю падает первая капля. А потом слышу рев океана, наполняющего соленой холодной водой мертвую впадину.

— И-и-и. И-и-и, — кричат прыгающие от счастья Пингвины.

— И-и-и!

А где-то совсем в другом мире другой человек, который тоже я, уже проснулся. Он стоит на краю крыши, смотрит на стремительно понижающийся уровень воды. И нельзя понять — плачет он или смеется от радости.

СЛЕД

— Он жил в Пекине, Москве и Риге. В планах на будущее были Сидней, Венеция, Париж, неважно, в каком порядке. Мы тесно общались, он был надежный партнер. В некотором смысле, почти друг.

Он вам рассказывал о своих планах?

Он не раскрывал душу всем подряд. Это человек с прошлым. С настоящим и с будущим. Поймите меня правильно, мы не были настолько близки. Но, если бы можно было вернуться назад, я бы с удовольствием все повторила.

— Помогли ему снова?

— Не сомневаюсь в этом.

— Хотя бы честно.

— А ценности и догмы для меня очень просты — жить честно!

— Вы понимаете, что получите пожизненный срок?

— Да.

— Вас хоть что-то может вывести из себя?

— Я и представить не могу что.

— Хорошо. Давайте начнем сначала. Как вы познакомились с К...?

Я слушала его лекции в университете...

Следователь незаметно подключил свой широкополосный визуализатор мысле-волн к инфо-полю девушки, настроил функцию «быть одновременно в 2 местах» и очутился в обычной студенческой аудитории в одном из ее воспоминаний...

За несколько лет до, январь 2080 год...

— ...микрoпроблемы макрообщения, — лектор обрвал речь, и в наступившей тишине стал отчетливо слышен чей-то спор и приглушенный булькающий смех,

напоминающий кваканье. — Имейте совесть, бездельники! — он возмутился. — Какого черта я должен возиться в зловонной жиже вашего затхлого болота! Я похож на лягушку? Черти...

Он откинулся в кресле и стал ждать, пока шум стихнет.

Лектор (К...) находился в одном из виртуальных окон инфраструктуры сети учебного класса — перед ним висело около полусотни объемных окон-парт, там сидели студенты. Аудитория была переполнена, и некоторые переговаривались между собой.

— А мы по теме! — выкрикнул кто-то, но разговоры прекратились.

— Малкин, Карпенко! Не кричите, я слепой, не глухой. Продолжим...

В одном из окон Малкин молча показал соседу кулак. Сосед так же молча ответил неприличным жестом.

— ...организовать собственный wild-бизнес несложно. Многие расы живут медленнее (или быстрее) нас. Ольпы, например. Кеприане. Рйвяне. Трансформация скоростей — сложный подбор коэффициентов интеграции, это как вскочить в проходящий мимо поезд. Уравнивание скоростей происходит путем просеивания энергетических уровней. Так вот, Глубина — рынок возможностей. Здесь понятие денег отсутствует как таковое...

— Правда, что у вас три плавающих мультиплатформенных магазина обменных возможностей?

К... знал голос каждого своего студента:

— Малкин! Конкурентоспособность расы зависит от того, насколько ее разум способен к модернизации. Ведь надо изменить не угол взгляда, надо менять себя. Видеть больше, дальше, глубже. Речь не идет о свободной торговле, об экономике, промышленности или транспортной сфере. Речь о стратегии (а это сложнее,

чем экономика, Малкин), о расширении возможностей как отдельной личности, так и всей расы в целом.

— Вы имеете в виду инновации в области общения? — уточнил Малкин.

Лектор тяжело вздохнул и неожиданно улыбнулся.

Он держался непринужденно. Серебристая борода, седые волосы до плеч аккуратно зачесаны назад. Кожа слегка загорела под средиземноморским солнцем. Клетчатая рубашка с замшевыми накладками на локтях. Образ ковбоя девятнадцатого века дополнила бы шляпа. Но он не носил шляп.

Что-то уязвимое было в выражении его лица, но кто не знал, не понял бы, что он слепой.

— Слушайте, что я говорю. Когда-то, на стыке веков двадцатого и двадцать первого, интернет считался супер-достижением человечества. Когда-то, на стыке веков восемнадцатого и девятнадцатого, телеграф использовался для сверхбыстрой передачи информации. Сегодня в мире господствует wild-net — Дикая сеть.

Он сделал паузу. Пусть осмыслят, бездельники. Мечтают о красивой жизни — яхты, личные лунные модули, девочки, деньги. О свободе надо думать, о творчестве — хотите обладать миром, найдите скрытые силы!

— Рынок возможностей, если неправильно играть на нем, оставит вас (нас) голыми! Вы придете к ним, Малкин, в нарядном костюме, в галстуке, весь такой самоуверенный, нахальный, вот как сейчас, а уйдете голым. Из-за таких, как вы, там сложится впечатление, что можно раздеть нас всех.

— Мой дядя создал некоммерческий фонд, финансирующий технологии безопасного общения... — огрызнулся Малкин.

— Дебильная логика — вначале создать условия, потом сам продукт.

— Так и передам дяде.

— Так и передай. В этой зоне, земной, мне неинтересно. Будто в могиле братской заживо похоронен, маленькая тень большой тени... — лектор надолго замолчал.

Он смотрел не мигая прямо перед собой, и казалось, будто он улавливает, удерживает, впитывает внимание аудитории, чувствительный к любой разнице взглядов, мнений и настроений:

— Марс — Плутон — Арктур — Дубхе — Галактика «Водоворот»... возвращаясь на Землю, понимаешь, что без всего этого уже невозможно. Немыслимо оставаться на Земле.

— Но вы уже полупрозрачный, — робко возразил кто-то.

— За все надо платить! Вы хотите быть свободными?

— Да!

— Таис? Умница, — он повернулся безошибочно к дальнему окну-парте, его влекло на голос, как мотылька к свече. — За всей шумихой вокруг выхода в Глубину никто не замечает очевидного — здесь и сейчас разрушаются основы демократии. Дозированная пропускная система выходов, систематизация личных wild-кодов.

— А вам не кажется, что вы раздуваете то, чего нет? — выкрикнул кто-то (*Мегвегенко*). — Контроль во благо, почему нет?

— Сто пятнадцать раз, ровно столько любой из вас сможет пройти сквозь рамку. В сто шестнадцатый раз вход заблокируют.

— Точно! — голос девушки прозвучал взволнованно. — Я сама хочу решать, куда выходить и с кем общаться, даже если это касается моего физического состояния.

В аудитории стало шумно.

...Я пробовал, вход заблокирован (*Сенькин*).

...Не знаю, у меня девяносто восемь выходов, и я больше не рискну, ну уж нет! (Беркович)...

...А какой гурак захочет стать тенью. (Полякова).

...Ерунда! Государство защищает нацию от вымирания, это нормально (Малкин).

...Но речь о саморазвитии личности (Таус).

Лектор подождал, пока схлынет шумовая волна, щелкнул пальцами.

— Человек без границ: я-рождение, я-жизнь, я-определение — три составляющих демократической расы. И пока — поезд человеческой расы движется в обратном направлении от я-свободы!

— А я не хочу стать тенью! Чертова рамка! Чертова, чертова! Мой отец...

— Малкин, ваш отец учил вас перебивать старших? Вы не задумывались над тем, что Вселенная и есть лишь *тень* чего-то Большого. Думаете, я тот глупец, что шагнул первым, не услышал, не увидел, не закричал? Дурак-слепой, доверился чувствам? Никогда никому не верь, эта истина вырублена в камне моего сердца! Выжжена, вытравлена с рождения. Я поверил. Я и сейчас верю.

Но мы отклонились от темы.

К... подключил программу-проводника, и она вписала в конспект каждому студенту детализацию лекции*

(Определение взято из свободного источника Реал-МембранаГруп)

Глубина — глобальная площадка для общения (транзакционное общение онлайн, дикое пространство общения, wild-net), которая позволяет выступить самому и выслушать других. Визуализация чувств. Перенос массы (вещества).

См.: Тени. Мир теней. Истончение человечества.

См. также: Синтез всех миров.

Историческая справка: Начало двадцать первого века ознаменовалось запуском Большого аграрного коллайдера. Двадцать первый век — сплошная череда черно-белых полос успехов и неудач в развитии технологий будущего; получение нескольких моделей микро-коллапсаров, их массовая генерация как колоссальных источников энергии и даже попытка создания порталов в иные миры, превратившаяся в своеобразную идею-фикс науки.

PCM (рамку, снимающую массу) изобрели попутно как побочный продукт основного, глобального проекта покорения мирового пространства.

Современное прочтение: по сути — тот же коллайдер, только миниатюрный, для личного пользования. Возникновение метастабильных микро-черных дыр, проводников в Глубину. Создание (хотя о каком создании речь, если все расы давно уже в этой сети? коммент лектора), подключение! к новой глобальной общемировой системе wild-net. _____

Как я познакомилась с ним? Мы общались и после лекций. Сначала виртуально, спустя некоторое время встретились лично.

— Он был мне интересен как мужчина — первым пройти сквозь рамку, протестировать новое изобретение, не у каждого хватит мужества, не правда ли? Думаю, К... хотел покончить с собой.

— Вы были ассистенткой в группе Мора.

— Да. На пятом курсе меня пригласил лично Давид Мор.

— Но по рекомендации К...

— Да, по его рекомендации. К... знал, что я три года работала в Центре творческих исследований мозга, имела несколько печатных статей в научных журналах, они вызвали общественный резонанс в свое время.

— Визуализация чувств, как же, помню — вы утверждали, что слепые могут видеть при определенных условиях.

— И сейчас утверждаю.

Таис откинула назад волосы — красивое, холодное лицо. Упрямо молчала.

Он вдруг подумал, что смог бы влюбиться в такую.

Следователь усилил принимающий сигнал визуализатора — мысленно она все еще была в учебной аудитории...

— Ну что, бездельники, формулировку вписали? Шепелев, не спи!

— Я? Не сплю... — толстяк, задремавший на несколько минут, сонно захлопал глазами.

— Следующий вопрос: «Выгоды из различий». Нужно хорошо понимать язык межрасового общения. От элементарного восприятия до оттенков — тонкий юмор, признание чьих-то прав, превосходства, в конце концов.

— Например!

— Скажем, вы попали в базовую топологию wild-нета. Понятно, растерялись. Как найти друг друга? Нет, как найти друга? Вы рядом и не видите его в упор — он экранирован, к примеру. Я вписываю новые проекции в пространство, предлагаю калькирующий орнамент взглядов. Не очки, конечно, но оптический идентифицирующий проводник чувств. Вот этот калькирующий орнамент взглядов я обменял на возможность получить вкусовой окрас из эмоционального фона.

— Вы о давящем сладком?

— О перспективном давящем сладком. Инопланетные продукты попробовать все хотят, находясь от них

на расстоянии нескольких световых лет? И так, шарики Ольпов...

*пробуем... (детализация вкуса) **

— Вкус — перспективный давящий сладкий. Он есть в общем каталоге, поддается расшифровке...

...изящно и мокро...

...похож на сосиску, вымоченную в арбузе...

...ну и гадость!

— А вы что в ответ перекинули? — выкрикнул кто-то (Шепелев).

— Спокойно. Я поделился вкусом вяленой рыбы и пива.

— И как, им понравился? Ха-ха-ха... (оживление в классе).

— Ольпам вкус не понравился.

Идем дальше.

Программа-проводник вывела новое окно* конспекта: _____*Магазин обменных возможностей. Модель взаимодействия в wild-nete* (вибрационные коннекторы)

— ζN@*Θ*2Ψδ@

— Ω@ΨΨ@;;1;;λ...

— ζN@*

— Θ*2Ψδ@Ω@ΨΨ@;;1;;λ...

Прослушали? Базовая топология среды общения проста — модульная площадка, островок, прорисованный вибрационными полями присутствующих. Если коннекторы неустойчивы, возникают напряжения, побочные шумы. И ты уже ничего не понимаешь, что они там бормочут, Плавающие Решетки туманности Киля (так было со мной /коммент лектора). Я предлагаю экранировать точку общения, тогда и топология точки стабильна, и шумы не проникают.

Смотрим, слушаем, вникаем!

(Запустился интерактивный модуль с коэффициентом общего обзора) * _____

— Каково это, быть человеком? Не видеть/не понимать, что происходит у вас за спиной. — Плавающие Решетки парили в метре от К...

— Если вы о брошенных астероидах Коха...

— Мы о том, что люди не могут повернуть голову/взгляд настолько, чтобы увидеть/понять, что там за спиной, — выгнулись, замерли, жаркие/жалкие.

— А у вас есть спина, простите? А голова/глаза?

— Ничего нет. Зато видимость одновременная/круговая/общая. Со штройсами. Можем сжимать/отжимать и растягивать/разуплотнять образы. С коэффициентом.

— Не надо растягивать меня! Ни с коэффициентом, ни без него.

Интерактивный модуль свернулся. _____

— А что такое штройсы?

Бездельники. Найдите определение штройсов. Идем дальше.

Трудно отказать себе в удовольствии и не попытаться моделировать пространство общения. Накладываешь сетку изопараметрических кривых, намечаешь полюсы... там легко все, просто нужно четко видеть конечный результат. Опыт нужен. Пятьдесят выходов в wild-net, и ты уже как рыба в воде, можешь показывать «земные» картинки и воспринимать инопланетное. Кстати, с восприятием цвета лично у меня проблем не было — база одна на всех. На всю Вселенную. Хотя оттенков — море, один только черный удивил изобилием теневого пласта, полыхнул сполна.

(шум в классе):

...нет, я знал, что японцы выделяют более ста оттенков черного. Нужны ли десятки тысяч одного только черного?

...а умственная деятельность? Представь, как будет смотреться Черный квадрат Малевича в Глубине...

— Малкин, ты здесь, на Земле, должен понять! А потом в Глубину лезть. Есть холодная фильтрация светового потока, градация текстуры, созревание при прохождении вакуума, направленность, градуировка в сплошном слое, глубина проникновения — цвет тоже имеет выдержку. Кстати — градуировка цвета и есть штрейсы (шкала восприятия).

— Вот еще! Зачем изучать то, что видел тысячу раз? Черный — это черный.

— Видеть не значит понять... — слепой лектор смотрел в аудиторию. — Какие-то смешные десятки, сотни световых лет разделяют нас. Но волны чувств — это цунами. Считают расстояния и разбивают время.

— Не самый лучший образ — разбить время, — возразил кто-то (*Шепелев*).

— *Глубина — зона многочисленных нарушений всех законов, открытой раной в космосе. Мир, в котором можно услышать каждого во Вселенной.*

Девушка вздрогнула, очнувшись. Подняла глаза на следователя:

— В чем меня обвиняют?

— В попытке конституционного переворота в стране, в создании оппозиционных виртуальных туннелей в инфраструктуре Сети, в распространении манифеста «Глубина/Свобода», в...

— Где мой адвокат? Больше я не скажу ни слова!

Она отвернулась — бессильная ярость сжимала горло.

В попытке конституционного переворота в стране? Сказано с ненавистью!

Двенадцать часов назад она еще была в туннеле, рядом с К... и до сих пор не отпускает напряжение входа.

Митинг в туннеле стал самым мощным из всех бывших ранее. Сотни тысяч входов, почти миллион участников — это уже была почти физическая среда.

Она подготовила отдельную площадку-островок для выступления К... Пришлось создавать несколько слоев доступа, чтобы выступление смогли услышать все.

Важнее всего оказалось определить нужный момент входа.

Определила. Вошли.

В виртуальном туннеле было душно. Они двигались по эвольвенте, плотно прилегая к дуге сигнала. Это обеспечивало синхронизацию с максимально большим количеством митингующих...

Вспоминая, она вновь оказалась там, рядом с К...

На митинге. Виртуальный туннель про-глубинных теневых модулей.

Свобода! Глубина!

Свобода! Глубина!

Вспышками, волнами нарастал энергозапас системы, каждый раз повышая уровень опасности обвала туннеля.

В виртуальный туннель вошло (первая прикидка) несколько миллионов митингующих, и напряжение личных маршрутизаторов стало ощутимым.

Выступающих потоков было несколько, поэтому они рассеивались, пересекая друг друга:

...всем, кто сегодня в туннеле, кто пришел выразить свое желание...

...иметь свободный доступ к дикой площадке общения wild-net...

...доступ к мировой свободе...

...мы обязаны бороться за свои права...

...это выбор на многие поколения вперед...

(В реале — просторная комната, мягкий свет из окна. Аквариум с золотой рыбкой.)

— Можно начинать, твое присутствие устойчиво, — сказала негромко.

Коснулась его руки.

К... привлек ее к себе, поцеловал. *Его поцелуи сводили ее с ума — долгие, чувственные, такие, что мир исчезал, уплывая в теплом мраке.*

— Тебе не обязательно любить слепого.

Он стоял в центре комнаты непринужденно. Серебристая борода, седые волосы до плеч аккуратно зачесаны назад. Кожа слегка загорела под средиземноморским солнцем. Клетчатая рубашка с замшевыми накладками на локтях. Образ ковбоя девятнадцатого века.

Слепой может стать лидером? Повести за собой?

— Просто расскажи им все, что говорил мне.

...мы должны бороться за свои права!

...сделали первый шаг и знаем, что такое свобода — жить в едином мировом пространстве...

— Начали!

Мне отчаянно везет — я первый шагнул в Глубину. Прошел сквозь рамку. РСМ...

...Там, в Глубине, я вижу. На Земле я слепой. Здесь придуманные границы, ярлыки, ярлыки, ярлыки. Кстати, смертельный диагноз снят! Я здоров. Думаю, моя болезнь тоже разуплотнилась. Вроде сидела внутри, нерассказанная, и выпустил. Почему нет? Я же где-то оседаю, если в вещественном отношении смотреть...

Ничего, если я буду говорить все, что хочу? Визуализация чувств... Я уже насчитал восемьдесят два новых мировых чувства. У нас ведь их всего пять...

— Правильно! Те же штрейсы, — поддержали несколько сотен тысяч участников.

Помню свой первый контакт. Мозг сразу выдал математический образ изогнутого конуса. Она (он) представился Лол 144-й галактики. Говорили о поэзии. Он (она) цитировал пара-стихи некоего Аахепса. Я не все понял. Но любовь вечна...

— *Столько рас во Вселенной!* — редела толпа.

У каждой — свой математический образ. Запомнились жглоббы, *математический* образ — изгибающиеся сферы. Они были вне себя — развалился банк Тики. Это крупнейший межгалактический банк, весь транзакционный онлайн-бизнес проходит через него. Вообще все идет к тому, что скоро весь транзакционный онлайн-бизнес по уровню контроля будет приравнен к банковской услуге, каковой он, по сути, и является. Так мне сказали жглоббы.

— *Выход в Глубину наносит физический вред! Вы не боитесь стать тенью?*

Я слепой. За меня все решила судьба — я просто слеую своим инстинктам. И учусь на собственных ошибках — во всем должна быть умеренность. Истончаться физически — долгий процесс, почти незаметный, тянущийся годами. Но неумолимый, за все надо платить. Сначала это незаметно. После тысячного выхода ты начинаешь замечать, что сквозь руку видны предметы. После пяти тысяч — сквозь тело уже четко просматриваются мельчайшие детали окружающего мира. Ты становишься полутенью. Но ты можешь остановиться в любой момент. И жить дальше без wild-neta. Как будто и нет Глубины (ведь жили раньше без него). А можешь продолжить и стать тенью. Когда-нибудь не вернуться назад.

— *Вы верите в бога?*

Я честен перед самим собой. В каких категориях следует рассматривать измерения? Кажется, сознание — приравнивается к объему Вселенной. Такое себе уравнение. Вместилище жизни.

Глубина — огромный многомерный мир, доступный каждому во Вселенной. Мир с размытыми границами. Мнимая реальность. Может, и слишком свободная для разума. Может, и слишком открытая во всех направлениях. Но сознание одного человека — лишь фрагмент гигантской головоломки.

Закон всемирного тяготения собирает *Глубину*, особое поле-сознание, вложенное в пространство-время. Это выход в другие реальности, возможность скользить сквозь системы координат. Один пазл-сознание плюс еще чей-то пазл (зеленого человечка, например, из системы Тау Кита) — если сложить почти семь миллиардов пазлов земных с остальными миллиардами внеземных... что-то получится. Природа едина. Даже в своем сознании.

И каждый должен решить для себя — оставаться здесь, на Земле, или уходить в *Глубину*. Решить — брать знание, каждый раз отдавая частичку себя чему-то большему, чем весь мир. Или не брать.

В комнате мигнул и погас свет. Следователь вскочил на ноги, обрывая работу визуализатора.

Мягкая плотная волна ударила в пространство комнаты, в полутьме заискрило, и вдруг очередной разряд рассыпался светящимися шариками. Плазмойды медленно поплыли в воздухе, лопаясь с громкими хлопками.

Следователь почувствовал, как все вокруг вдруг обрело ощутимую резонансную частоту, превращающуюся в гигантскую несущую волну. Затем в место, где сидела девушка, ударила молния.

Следователь отпрянул назад, защищая глаза от вспышки.

Через несколько секунд все стихло.

— Свет! Дайте свет! — закричал он.

Он еще не видел, ослепленный, но уже знал, что девушки в комнате нет.

Когда вспыхнула лампа, он застонал от ярости — комната была пуста.

Черт. Черт! Черт! Черт!

— Это похищение на расстоянии, — сказал прибывший из отдела РСМ-синхронизации сотрудник.

Он ходил с каким-то прибором, замеряя РСМ-фон в помещении.

— Энергию можно передавать, это я понял, — следовательно кашлянул в замешательстве. — Но человек — не энергетический сгусток.

— Не для прессы — тестирующие перемещения уже проводили (слышали о группе Мора?). Как я понимаю, рамка РСМ, установленная в соседнем помещении вашего здания, послужила контуром входа-выхода. Но тесты проводились на животных.

— Ради бога, не хотите ли вы сказать, что есть двусторонний доступ к рамке? из Глубины?

— Именно это я и хочу сказать, — молодой человек свернул устройство, завершая свою работу. — Кто-то из Глубины выдернул девушку вот из этой комнаты, используя удаленный доступ к рамке.

— Это звучит ужасно...

— Это звучит как перемещение энергии, проще — использование человеком нескольких энергетических уровней.

Этой свободы вы добивались? Идиоты! — следовательно захлестнула волна разочарования. Ведь он почти увлекся идеями Таис, ее Слепого. *Меня тоже можно похитить прямо сейчас?!*

Полупрозрачные лепестки файловых документов расследования парили в пространстве, разбросанные

его же рукой. Дело (этот цветик-семицветик его карьеры) обещало стать сокровищем, жемчужиной его профессиональной деятельности. Он с яростью уставился на оторванные лепестки.

Следователь смотрел эти файлы миллион раз. Интуитивно он ждал еще чего-то. Какого-то послания лично ему. Допрос длился двенадцать часов, и между ними (следователь — допрашиваемый) уже установилась какая-то связь. Пусть неприязнь, пусть раздражение, непонимание, несогласие, не...

За окном была глубокая ночь, но спать не хотелось. Он решил еще раз просмотреть видеофайлы, начиная с самого первого.

Видеофайл 1.1.01. Начало.

(первый выход человека в Глубину, май 2070 год)

*Режим приближения**

— ...РСМ — рамка, снимающая массу. Скоро РСМ вытеснит интернет, обычный дверной проем, слева, справа направленные лучи системы *X-про* создают область сжатой пространственно-временной точки...

— Не нужно, не рассказывай! Это ты мне говоришь про точки? — перебил говорившего человек, которому адресовалась фраза. Грубо рассмеялся: — Для меня весь мир — точки Брайля. Я слепой! Я болен раком, саркома мягких тканей. Я знаю, что умру. Вот три основные причины, по которым я согласился пройти сквозь рамку.

— Шансы вернуться назад велики...

— Откуда вам знать, я буду первый!

— И все-таки это не азартная игра. Вы ведь художник по профессии?

— Он самый. Рисую картины шрифтом Брайля. — Слепой полез во внутренний карман пиджака, достал небольшой плотный лист: — Это эскиз. Пока работаю, ношу с собой. Дураки говорят, что они (картины) все одинаковые. Философы чувствуют цвет. Слепые, конечно, видят. Я этот цвет прожил. Белый. Тихий, как сон. Чистый. Сводящий с ума.

— Для регистратора постарайтесь сформулировать получше...

— Я больше не хочу быть слепым! *Я больше не могу им быть.*

— Разве это картина? — пренебрежение в голосе, никакого желания понравиться, еще один осколок мира. — Картины ведь рисуют? Красками!

— А вы подойдите ближе, — хрипло ответил Слепой. — Еще ближе! Сколько вам лет? Пятьдесят два? Ярко-рыжая борода, как у Анри Матисса. Я угадал?

— Три.

— И судя по голосу — рождение, свадьба, развод...

— Это же шрифт Брайля! Нарисована.

— И слава богу. Безумно трудно поменять в пятьдесят три целую систему устройства серого вещества.

— Теперь, конечно, видна пластика пустоты!

Не кричите. Не глухой. Вы бы еще по слогам...

— Ладно. Для анкеты... представьте, наша Земля — центр Вселенной, и есть способ путешествовать, где бы вы хотели проводить больше времени: на Земле, в пункте назначения или на пути к нему?

— Откуда я знаю? Выпить можно?

— Вы с ума сошли! Хотя... — Борода отошел, выдвинул ящик стола, звякнули стаканы: — Ей-богу, я вас беру.

— Вода? — Слепой скривился. — Это я вас беру. Все в порядке. Давайте ближе к делу! Разговор ни о чем... *Шагну, конечно, шагну.*

— ...принцип действия РСМ понятен? — спросил Борода.

— Не тяни. Я готов.

Рамка, снимающая массу. Смена фазового состояния человека, проекция тебя-образа в wild-net. Векторизация пространства общения с переносом твоих внутренних физических полей. Трансформация чувств в видимые образы — это и есть ты. Новый, в Глубине...

Не нужно, не рассказывай, Борода! Я понял все. Я слепой, я готов услышать (увидеть, понять) невесомые, неуловимые чувства любой формы жизни.

Я это каждый день на Земле делаю. Касаюсь гна.

Не надо объяснять. Все сам узнаю.

— Простите, у вас есть борода? Из чистого интереса.

— Нет. И никогда не было.

Следователь просматривал файл за файлом:

*Видеофайл 1.2.01. Режим приближения**

*Видеофайл 3.2.07. Режим приближения**

*Видеофайл 15.67.4. (точечные исследования Группы Мора). Режим приближения**

— Знаете, раз уже есть площадка для общения (эта область сноса крыши), нужно бы думать о разуплотнении себя как игрока.

За столиком кафе Давид Мор — лысый тощий молодой человек (ходили слухи, будто он подпитывает себя электрической энергией). Напротив него сидит Таис, нежно-кремовый шарф на шее. Еще один участник — Слепой.

— Странная штука происходит, — сказал Мор. — С каждым выходом в Глубину теряется микроскопическая масса вещества. Тебя. Ты оставляешь след — частичку себя в Глубине. Или кто-то отбирает ее у тебя.

Вначале это незаметно. Это как чашку воды переливать — пару раз перелил в другую чашу, вроде объем тот же. Перелей еще двадцать-сорок-пятьдесят раз — куда все делось. С годами уже понимаешь — что-то не

то. Тело становится прозрачным. Истончается. Получает пространственную раскованность. Все происходит на уровне межатомных, межмолекулярных сил, они меняются, поддерживая при этом все жизненные процессы. Нужно бы компенсировать, создать область подсоса, что ли. (Пытались, конечно, зоны подсоса создать, плавающие платформы энергии. Только это не то, совсем не то, что надо.) Куда течет вещество? Где оседает? Кто отсасывает его? Мы оставляем следы на песке (образно, конечно, какой песок...).

— Все равно жизнь заканчивается. Заканчивается! — воскликнула Таис. — Тень. Полутень. Человек. Получеловек. Это мы. Все. *Отыскали свой рай. Или аг свой.* Ведь философия жизни — оставить свой след? Отдать миру что-то, мы для этого рождены.

Подали кофе с булочками. Она замолчала. Выпили. Съели.

— Глубина — область переноса вещества. Поговорим о равновесии. О жизни как о понятии, — продолжил Мор.

...если научно, это «совокупность физических и химических процессов... позволяющих осуществлять процесс обмена веществ... Веществ. Вещества. Обмен. Обмен веществом (если масштабно). Пусть Вселенная — клетка. Не будем о свободе, жизнь и есть свобода (здесь знак равенства). Мультиверс имеет вселенно-клеточное строение.

— Хотелось бы представить того парня, одна живая клетка которого — целая Вселенная, структурный элемент организма. Кирпичик.

— Я все чаще задаюсь вопросом, — сказал Слейпой, — если представить, что Земля — центр Вселенной, и есть способ путешествовать, где я хотел бы проводить больше времени: на Земле, в пункте назначения, или на пути к нему?

Глубина затягивает. Это дикое, дикое пространство — wild-net. Место встречи всех со всеми во Вселенной. Вне политики. Вне стен. Здесь можно смело комментировать, обмениваться мнениями, знанием, опытом, фантазиями, впечатлениями... веществом.

— Общение становится все более фрагментарным, мозаичным. Постепенно вы растворяетесь в нем. Вообще в мире растворяетесь. Хотя вы вполне самостоятельны в движении. И вот тут возникает некое напряжение, заминка. Огромные площади, пестрота структурных слоев архитектуры пространства (архитектуры пустоты), возможность быть везде... отражение множества множеств в итоге гасит сигнал, — вздохнул Мор. — Вы становитесь тенью. Для Земли вы мертвы.

Девушка взорвалась:

— Знаете что? Мы бы все равно шагнули, ворвались, вломились бы в эту рамку! Не в рамку, так в ворота. В калитку, в дыру протиснулись бы, я ведь знаю себя (человечество). Вопрос времени. Даже если бы знали заранее о Тени. Об истончении себя.

О превращении себя в *Тень*.

— *НЕТ. Ничего мы не будем менять!* — сказал Слепой.

Что-то случилось в нас.

Мы так распахнулись, безбоязненно, бесстрашно, дерзко!

Рванули навстречу яростно. Потому что мы хотим знать!

Пока живем — хотим знать, и будь что будет!

Глыбищи незнания сталкивать вниз! Дробить. Долбить непонятное. Скользить сквозь рамки своего мира. Лететь на свет. Обмениваться с миром информацией. Это и есть равновесие. Жизнь.

Мы еще поживем!

Оставим свой след...

Следователь раздраженно переключился на самый последний видеофайл.

*Видеофайл 115.14.8. Режим приближения**

**Декабрьский митинг — виртуальный туннель про-
глубинных теневых модулей.*

Власть заблокировала центральный вход ввода, и все оказались в ловушке. Как кролики в клетке — доставай по одному, поджаривай на медленном огне и подавай на стол. Это была обычная облава.

Блок поддержания функции безопасности подал сигнал (у нее всегда работало несколько внутренних защитных баз данных), и Таис поняла, что облава началась.

— К..., надо уходить! — она передала сигнал распада туннельной связи в режиме реального пространственного импульса, синхронизировав все возможные модули присутствующих. Началось.

Сейчас миллион участников-демонстрантов резко вылетели из Сети, если визуализировать картинку распада, внешне это напоминало бы распад формации парашютистов в небе.

Туннели всегда подключены к Сети, они — ее давно отброшенные устаревшие каналы связи. Но даже полностью изолированные, туннели могут оказаться под угрозой атаки извне. СГБ (сеть государственной безопасности) взламывает пароли, коды, шифры с помощью новейшей системы интеллектуальных ключей в реальном времени. Поэтому все, кто сейчас в туннеле, могут оказаться уже сегодня в тюрьме (физически, не виртуально). К ним уже едут, поднимаются по лестнице, вламываются в квартиры.

— Не так все получилось, да, Таис? Мое рандеву раскололо мир.

— Ты знал, чем все закончится. Скорее!

Не дожидаясь ответа, Таис активировала контур аварийного выхода. Кинулась к окну.

— Они здесь. С полсотни.

— Полсотни? — его голос был спокоен. — На одного слепого, какая честь.

Он не спеша провел рукой по холодной поверхности стола, задержался на книге, раскрытой где-то на середине. Белые чистые листы — раскрытыми ладонями ангела, провел пальцами по невидимым строчкам. Быстрым точным движением нашел в стороне аппликацию в рамочке — неаккуратно (наверное, детской рукой) приклеенные ракушки.

— Пора! — она удерживала силовой контур рамки.

За дверью — ревущие голоса. Он слепой, не глухой, слишком шумите, господа!

Рванул к рамке, коснулся ладонью лица девушки, привлек ее к себе, поцеловал.

Его поцелуи сводили ее с ума — долгие, чувственные.

— Я люблю тебя.

— Тебе не обязательно любить слепого.

— Увидимся в Глубине!

Шагнул в контур и исчез.

Полиция уже ворвалась в комнату, Таис не успела шагнуть в рамку, но успела уничтожить личный wild-код слепого, оставляя его в Глубине навсегда.

— Стоять! Руки! Вы арестованы...

ЕЛЕНА КЛЕЩЕНКО

МАЛЕНЬКИЙ КУСОЧЕК МЕНЯ

— Но ведь ты обещал, — сказал Тедди Вайнайна. И не успел договорить — показалось, будто камень под ногой уходит в песок, такими пустыми были его слова. Анна его предупреждала, что так может получиться, а он не услышал.

— Тед, прости, ради всего святого! — Лицо Саймона выражало подлинное страдание. Но чего-то не хва-

тало — может быть, стыда? — Обстоятельства изменились, старший менеджер оказался таким подонком, ты не представляешь. Я думаю о тебе каждый день. Я постараюсь в конце года...

Тед шумно втянул носом воздух и замер, сжав кулаки. Потом оборвал связь. Посидел немного, отложил комм и вернулся к столу, пнув по дороге бота-уборщика. Бедняга пискнул, и Тедди стало совестно.

Анна обернулась от шипящей кофеварки.

— Что он тебе сказал?

— В конце года. Может быть.

— Сукин сын, — сказала Анна таким тоном, будто назвала род и вид животного. Придвинула Теду подогретые овощи, шарики каши угали, снова подошла к кофеварке.

— Ты была права, — проговорил он ей в спину. Анна только вздохнула. Поставила на стол две чашечки и села напротив.

— А что у вас делают, если человек не выполняет обещание?

Тед был ей благодарен за то, что она решила пропустить риторическую часть — «говорила же я тебе», «когда ты наконец повзрослеешь» и прочее.

— Не знаю. Если бы кто-то не сделал, что обещал, просто потому, что изменились обстоятельства... Ну, то есть если не было урагана, ему не переломало ноги, не случилось ничего непреодолимого, — ему было бы стыдно. Долго было бы стыдно даже выйти к людям. Все равно что он обмочился на улице. Может, он уехал бы в другой поселок, но и там все будут знать.

— То есть у вас обещания всегда выполняют?

Тед поразмыслил.

— Ну... да. Почти всегда. У нас обещают реже.

— Может, это потому, что на Саойре мало народу. Как на Земле в пятнадцатом веке, да? Велика вероятность, что снова будешь работать с тем, кого подвел.

— А на Земле народу много, — механическим голо-
сом произнес Тед. Овощи и каша не глотались, он от-
хлебнул кофе.

— На Земле много, ага. Твой Саймон с тобой больше
никогда не пересечется, он консультант у больших ре-
бят, ты внеземной биотехнолог-биоинженер. Если ему
переводят деньги и не под запись, а просто так — про-
сто так! — просят вернуть не позже мая — это значит
на нашем земном сленге не «я должен вернуть деньги в
мае», а «я получил бессрочный беспроцентный кредит»!
Говорила же я тебе, говорила! Ох, Тедди...

Все-таки она произнесла эти слова. Но почему-то не
было обидно.

— Я ведь ему объяснил, что должен лететь домой,
что это деньги на перелет.

— А его это беспокоит?! — она гневно тряхнула го-
ловой, отмахивая рыжие прядки с лица. — Саймон, он
знаешь кто? Я говорила, кто он.

Тед ничего не ответил. Глядел в окно, на кусты, в ко-
торых свистела какая-то птица, на зеленые лужайки
кампуса, где прямо в траве сидели студенты. Идилли-
ческий пейзаж показался вдруг до тошноты противным.

— А ты не можешь ему сказать, что саойрийская диа-
спора его изувечит, если он не вернет деньги? Ну, зна-
ешь, дикие первопроходцы, жестокие нравы фронти-
ра...

Лицо Тедди просветлело, но он тут же покачал голо-
вой.

— Нет никакой диаспоры, и он это знает. Сколько
нас здесь? — два актера, кучка спортсменов и штат по-
сольства.

— Кстати, в посольстве тебе не помогут?

— Нет.

Ага, еще бы спросила про брата и маму с папой. Дру-
гая культурная особенность Саойре — «кто запутал
шланги, тот и распутывает».

— А взять билет в кредит ты разве не можешь? — не унималась Анна

— Я узнавал сегодня утром. Тут замкнутый круг. Они не оформляют билет в кредит, если у меня нет работы на Саойре. Я не могу получить эту позицию, если не пройду очное собеседование.

Допил кофе и устался в блюде, будто ждал, что там появится окошко с подсказкой.

Анна разглядывала будущего мужа. Добрый, спокойный, работающий, докторская степень, прекрасные отзывы от руководства и коллег. Ах да, и еще — экзотический красавец с далекой планеты. Ростом метр девяносто, и некоторый недобор веса его совсем не портит; скульптурные завитки кудрей, того каштанового цвета, который можно считать и рыжим, смуглая не от солнца кожа и каре-зеленые глаза, яркие, будто неведомые самоцветы. Кстати, саойрийских актеров на Земле еще недавно было трое, пока некая маленькая, но высокоморальная страна не депортировала одного из них. За красоту на грани безнравственности — так и написали в пресс-релизе. Всего, вместе взятого, достаточно, чтобы выпускнице Гарварда отправиться на ту далекую планету, где весь огромный континент, вытянутый вдоль экватора, покрыт зеленовато-серой метельчатой травой, желтеющей к концу долгого лета, а небо над равниной почти лиловое, как на Земле в горах... где терраформирование еще не завершено, и биолог — самая уважаемая профессия, вроде инженера в земном девятнадцатом веке.

Как же она не заметила в этом букете достоинств один крошечный недостаток — социальную некомпетентность на грани идиотизма? То есть если к нам приходит бывший однокурсник, облепленный капсулами с тормозными медиаторами, рыдает, что у него истекает срок выплаты за дом в престижном квартале, рушатся карьера и личная жизнь, — это достаточный повод, что-

бы перевести на его счет деньги, которые скопил на билет до Саойре. А когда ты шепнешь, что неплохо бы получить хоть какие-нибудь гарантии, на тебя же еще и цыкнут...

«Тед, позволь, я попрошу у отца...» — произнесла Анна про себя, не шевеля губами — просто чтобы представить, как это прозвучит. Нет, нельзя, он не согласится. По крайней мере до тех пор, пока не поймет, что другого способа нет.

— А может быть, нам что-нибудь продать? — спросила она.

— Что продать?! — Тед всплеснул руками, совсем как темпераментные саойрийцы в сериалах. — Что? Съемная квартира, в ней куча хлама, за все вместе не выручить и пяти эртов. Подержанный коптер, хороший, только не летает. Больше ничего, кроме... — он хлопнул себя по бицепсам. —...Меня самого. С моей ценной внеземной специальностью. Разве что нанять-ся в бордель?

— Ты ценный ресурс, — нежно сказала Анна, — но на тебя уже заключен контракт, и я не планирую дальнейшие сделки. Продай свои волосы, если хочешь. Точно знаю, можешь выручить до ста эртов, мне Жаклин рассказывала. И цвет редкий... и фактура необычная... А у тебя волосы потом опять вырастут, а до тех пор я потерплю тебя лысого...

— Сто эртов ничего не решат, — серьезно отозвался Тедди. — Что-нибудь еще, чего у меня много... что-нибудь маленькое...

— О да, одно и большое оставь себе! И то, чего по два. Например... глаза. И почки.

Тедди не реагировал на ехидства. Молча смотрел на нее огромными зелеными глазами, и в них разгорался опасный свет, и когда его губы изогнула улыбка, Анна вспомнила, что лишь половина анекдотов рассказывала о наивной простоте саойрийцев. Другая половина

была про хитрость, тоже наивную, зато непредсказуемую.

— Анна, — он вскочил со стула и поцеловал ее в щеку, — ты гений. Приберешь тут, ладно?

— Добрый день, доктор Вайнайна! Вы хотели бы воспользоваться нашими услугами? — девушка на ресепшене была само очарование. «Само совершенство» вышло из моды, стильные женщины теперь сохраняли или заказывали индивидуальные особенности. У этой, например, носик был длинноват и слегка вздернут, зато глаза — прекраснее цветов и звезд.

— Я хотел бы сделать вам предложение, — Тед улыбнулся трепещущим ресницам и приложил к прозрачной перегородке экранчик коммa с коротким текстом. Ресницы взметнулись вверх, губки изобразили букву О. Через три минуты у турникета возник красавец менеджер, собственной рукой отключил красные лучи в проходе и сделал приглашающий жест.

Офис Olympia Genetics Inc. подтверждал высокую репутацию каждым дюймом натурального мраморного пола, каждым листочком не менее натурального зимнего сада. Золотисто-зеркальные синусоиды бежали по коричневым стенам, сплетались двойной спиралью, разбегались в стороны и снова сплетались. Спеша за провожатым, Тед поглядывал по сторонам, следил, как его лицо дробится, мелькает и пропадает в этом лабиринте.

Джеймс Кинг, главный исполнительный директор компании, выглядел чуть старше Теда, но куда более внушительно. Как человек, чьи финансовые амбиции порядка на три крупнее стоимости билета до Саойре. На столе его, прямо на работающем экране, стояли портативный секвенатор и два реальных портрета в рамочках: улыбающаяся молодая женщина с мальчишка-

ми-близнецами лет по пять и седой мужчина, в котором Тед узнал директора Национального института здравоохранения.

— Верно ли я понял, доктор Вайнайна: вы предлагаете нам свой геном?

— Только девятнадцатую хромосому, — Тед ответил такой же обаятельной улыбкой. — Моя цена — полмиллиона эртов.

— Полмиллиона! — директор улыбнулся шире. — Вы могли бы обосновать эту сумму?

— Да, разумеется. Все очень просто, ничего такого, чего нельзя найти во Вселенской Паутине. Сейчас на Земле находится двадцать четыре гражданина стран Саойре. Большая часть их — артисты и спортсмены, все они подписывали соглашения об информационной безопасности генома. Да и остальные без симпатии относятся к вашему бизнес-сектору. Средний пассажиропоток между нашими планетами за последние десять лет — около дюжины человек в год. Число выходцев с Саойре среди звезд большого спорта вы знаете лучше меня. Я бы сказал, что мое предложение уникально, но боюсь показаться нескромным.

По физиономии Теда не было похоже, что он этого боялся. Или вообще чего бы то ни было.

— Выглядит разумно, — в голосе Кинга звучала холодная вежливость. — Однако я должен переговорить с директором по науке и развитию.

— Пожалуйста.

— Всего пять минут. Я распоряжусь, чтобы вам принесли кофе и легкую закуску, о'кей?

Директор мазнул ладонью по краю стола, поднимая акустический зонтик, указательный палец застучал по невидимым точкам и строчкам, будто птичий клюв, собирающий крошки. Вайнайна откинулся в кресле, стараясь выглядеть беспечным.

— ...Дай посмотреть. Он с Саойре? Сам пришел?! Джим, и ты еще спрашиваешь? Конечно, покупаем! И девятнадцатую, и все, что он продает, по его цене, если не сбавит!

— Почему?

— Почему?! Дай подумаю, с чего начать: может, потому, что Саойре — планета олимпийского золота? Или потому, что эта макропопуляция восемь поколений практически изолирована от земной? Или из-за эффекта основателя?

— А что с основателями?

— Ты в курсе, кем были первopоселенцы? Два кенийских племени — это Африка южнее Сахары, русские, ирландцы, евреи... Господи, Джим, ну не тупи! Давай купим! Я хочу эту хромосому!

— Твердишь, как семилетний мальчишка в зоомагазине: давай купим, давай купим... Ты понял, сколько он просит?

— Понял. Парень отчаянно демпингует, наверное, нуждается в деньгах.

— Ты рехнулся?

— Джим, девятнадцатая хромосома с Саойре! Это же не только миозин, это эритропоэтиновый рецептор, да там до хрена всего! Когда еще будет такой случай? А его глаза, ты обратил внимание на оттенок радужки? И волосы тоже...

— При чем здесь глаза? Мы же не индустрия развлечений.

— Аутентичный саойрийский генотип! Предки-масаи, предки-ирландцы, таких генотипов на старой доброй Земле вообще не осталось, панмиксия, мать ее! Джим, я тебя когда-нибудь о чем-то просил?!

— Дай вспомнить... Полгода назад?

— Ну ладно, но вспомни тогда уж, сколько мы наварили на том патенте. Контракт с Бейлисами, контракт с Кипсангами — кстати, о постоянных клиентах, Кип-

санги и Фергюсоны недавно поженили детей, интересуются подарками для внуков, хотя что-нибудь эксклюзивное...

— Хорошо, согласен. Но мне нужна полная информация о нем. Все, что сможешь найти прямо сейчас.

— Я?!

— А кто, по-твоему? Это крупное дело, я не хочу оставлять его на Дороти и Лео. Жгу пакета.

Легкие закуски оказались чем-то вроде завтрака и обеда доктора Вайнайны, поданных одновременно. Тед не заставил себя уговаривать.

— У меня для вас хорошие новости, — приветливо улыбнулся Кинг. — Директор по науке на вашей стороне и готов поддержать ваши требования. Но вы не обидитесь, если я задам вам пару личных вопросов? Все-таки речь идет о крупной сумме.

— Конечно, спрашивайте.

— Как вы сами отметили, на вашей планете отношение к патентованию генов далеко от восторженного. Чем мотивировано ваше решение?

— На моей планете мало людей с полным биологическим образованием. Лично я не вижу ничего предосудительного в патентовании любой информации, записана ли она в цифровом или нуклеотидном формате. Это только наше с вами дело, у вас спрос, у меня предложение. Потом, мы с моей девушкой решили пожениться, так что лишние деньги не помешают.

— И вы родились на Саойре?

— Да. Прямой потомок первопоселенцев по обеим линиям, это нетрудно проверить.

— Вы можете что-нибудь сказать о ваших спортивных успехах?

— Их нет, — Вайнайна гордо откинул голову. — Все думают, что саойриан — то же самое, что «бегун» или

«фотомодель». Не знаю почему, меня не привлекала ни та, ни другая карьера. Зато у меня докторская степень. И я занимаюсь йогой каждое утро.

— Хм, — Кинг положил ложечку и сцепил пальцы перед грудью.

— Да, и в колледже я был капитаном команды. Мы получили кубок на региональном чемпионате, это должно быть в Сети.

— В самом деле? — Кинг зашарил по столу, открывая окна. — О да, вижу. Красивая форма, и вы отлично смотрите с этой штукой... а что это за вид спорта? Что-то вроде бейсбола?

— Не совсем. Командная игра с битами, не входит в олимпийские дисциплины. Может быть, на Земле в нее не играют, не знаю.

— Хорошо, все это неважно, прошу меня извинить.

Кинг передвинул пальцем плитку на экране, задумчиво кивнул и сказал:

— Полагаю, мы можем приступить.

Сделку заключили немедленно. Тед с некоторых пор изменил отношение к формальностям и внимательно прочитал все разделы договора, включая мелкий шрифт и гиперссылки, прежде чем коснуться панели идентификатором. И только потом раскрыл на экране свой паспорт, ввел коды доступа в раздел медико-биологических данных и собственной рукой переместил в компьютеры Olympia Genetics папку Chr19.

Этого было мало: покупатель не доверял чужим сиквенсам и предпочитал подстраховаться, получив натуральный биоматериал. Пришлось пройти в лабораторию — матово-серебряный пол, такие же стены, образчики аппаратуры, в принципе знакомые доктору Вайнайне, но в такой комплектации, какую он прежде видел только на выставках. Приглашать научного кон-

сультанта, который защитил бы его интересы, Тед отказался, заявил, что справится сам.

Вежливые медтехники взяли у него каплю крови, в рекордно короткое время приготовили препарат для лазерного захвата хромосомы. Вайнайна, Кинг и директор по науке наблюдали, как плывут по жемчужно-серому экрану фиалкового цвета бантики, пока не появляется один, отмеченный красной светящейся точкой. Женщина в серебристом комбинезоне, глядя в окуляр микроскопа, взялась за манипулятор, на экране возникла зеленая линия, охватила хромосому петлей...

— Вы позволите? — вкрадчиво спросил Тед.

Женщина оглянулась на боссов. Директор по науке поджал губы, Кинг сделал небрежный разрешающий жест. Тед занял ее место, окинул взглядом панель управления, нажал несколько кнопок, переключая режимы наблюдения...

— Простите, а это что?!

— Где?

— Вот! — Стрелка курсора указала на спорный объект.

— М-м... полагаю, артефакт.

Тед развернулся вместе с креслом и укоризненно покачал головой.

— Я вам скажу, что это: разрушенная митохондрия. Мне казалось, формулировка «а также образец биоматериала» подразумевает одну хромосому и ничего, кроме хромосомы?

Директор по науке залился румянцем. Кинг улыбнулся и развел руки в стороны.

— Доктор Вайнайна, мы же взрослые люди. Митохондриальный геном — такая малость...

— В этой малости может быть ключ к эффективному энергетическому обмену. Что за грязные методы? Вы заставляете меня жалеть, что я не вымыл за собой чашку.

— И вы предлагаете нам заново прокладывать контур для диссекции?.. Хорошо, может быть, мы согласимся считать это бонусом? Как залог дальнейшего плодотворного сотрудничества, м-м?

— Триста тысяч сверху, — негромко, даже ласково сказал Вайнайна, — или положите ее на место.

Директора обменялись короткими сообщениями, рыжий директор по науке покраснел еще сильнее, а потом пробурчал что-то похожее на «подавись ей».

— Простите, я не расслышал.

— Мисс Грегори, проложите контур заново.

Лазерный луч прошелся по зеленой линии, микронного размера кусочек мембраны с приклеенной к ней хромосомой отправился в миниатюрную пробирку, а все остальное — в утилизатор. И еще прежде, чем на его крышке загорелся алый огонек, на счет Теда поступили деньги.

В холле он вытащил комм и заказал билеты себе и Анне на ближайшую доступную дату — через две недели. Не то чтобы он боялся, что кто-то отберет у него деньги или не позволит улететь, но и ждать больше не мог.

У стеклянного портала Тед замедлил шаг. Зеркальные двери офиса «Олимпии» изнутри были прозрачными, и возле них, за пределами охраняемой зоны, окруженной декоративными кустиками и голубыми дневными фонарями, стояли шесть человек. Не входили, не уходили, и пока он смотрел, подошел еще один. Задал вопрос, получил ответ и двинулся к дверям.

Тед подстерег его за турникетом.

— Добрый день! Прошу меня извинить, вы не знаете, что происходит там, снаружи?

— Те люди? Как я понял, инфоблогеры, — охотно разъяснил сухощавый седой человек. — Видели вброс,

будто ваша компания заключила контракт с каким-то саойрийцем... кхм...

— Это не я, но все равно спасибо вам большое, выйду через другой подъезд!

Вайнайна развернулся на пятке и почти побежал к лифту.

В кабинет личной помощницы Кинга он проник, нажав тот же сенсор, что нажимал сопровождающий, а там просто перегнулся через барьер и протянул длинную руку к кнопкам доступа. Бросил возмущенной девице: «Нарушение договора!» — и прошел.

— Доктор Кинг, у меня нет слов! Я не успел покинуть здание, а пункт о конфиденциальности уже нарушен!

— Доктор Вайнайна, я сожалею, — в интонациях Кинга что-то напоминало Саймона. — Разглашение осуществил один из наших сотрудников в своем личном дневнике, он будет строго наказан.

— Верное решение. Вычтите из его вознаграждения сто тысяч и переведите мне в качестве компенсации. Номер счета у вас сохранился?

— Что вы себе позволяете?

— Я договариваюсь с вами о любовном соглашении. Кажется, это честно: я посмотрел биржевые котировки, пока ехал в лифте, и увидел, что разглашение пошло на пользу вашим акциям. А мне из-за вас теперь придется нанимать аэротакси.

— А полмиллиона на такси вам не хватит, — сварливо заметил Кинг. Тед только сейчас заметил надпись на рамке с портретами блондинки и мальчиков: «Дорогому дедушке».

— Хватит. Но тогда первым адресом, который я назову пилоту, будет Уэстон-роуд, сто сорок два.

Судя по лицу Кинга, адрес местного отделения Комиссии по биоэтике был ему знаком.

— Хорошо. — Он пробежался пальцами по экрану. В дверях уже маячил охранник, вызванный личной помощницей. — И на этом, надеюсь, наши с вами дела завершены.

— Я тоже надеюсь, — прошептал Тед, выйдя в коридор.

Аэротакси он вызвал через комм, заодно оценил количество новых писем и проглядел первые строчки — наиболее сдержанным началом было «Ну ты и отжег, стар...». Чтобы подойти к посадочной площадке, надо было миновать стаю инфобло. Их собралось уже несколько десятков. Окружили со всех сторон, идут вместе с ним, кто боком, кто задом; в воздухе, будто игрушки на невидимой рождественской елке, висят флай-камеры — прямая трансляция из реала, оставайтесь на связи, ждем ваших кликов...

— Доктор Вайнайна, двадцать слов для Сквизера!

— Спасибо, нет.

— Что вы сейчас чувствуете?

— Умеренную антипатию.

Двадцать метров...

— Доктор Вайнайна, продажа генома не противоречит вашим религиозным убеждениям?

— Не противоречит.

— Что вы скажете, когда через двадцать лет атлеты с вашими генами заберут у Саойре олимпийское золото?

— Обращайтесь через двадцать лет.

Десять метров...

— У вашего поступка были какие-то скрытые причины? Эмоциональные, идейные? Может быть, материальные?

— О, это не мой секрет, — идея так понравилась Теду, что он даже замедлил шаг. — Вы должны задать

этот вопрос моему сокурснику Саймону Эри, вот его контакт, передаю. Если он захочет обсудить это с вами, я не буду против. Удачи!

Все еще улыбаясь, он забрался в коптер и захлопнул дверцу.

Коптер почему-то повернул на юг.

— Эй, мне надо в центр.

— Не б'спокойся.

Акцент и презрительная интонация... Тед покосился на пилота: кожа чуть светлее, чем у него самого, толстые губы, горбатый нос... не просто горбатый, а сломанный. Осанка, кисти рук — боксерские. Северянин, из Нова-Нзензе или откуда-то еще из тех краев. Похоже, ты, доктор биологии, недооценил саойрийскую диаспору и напрасно не рассмотрел как следует коптер, в который садился. Угадай с трех раз, что лучше — разговоры о патриотизме или перелом челюсти? Или сначала одно, потом другое?

Тед молча уставился вперед, на небо и выпуклый горизонт. Из чистой вредности — никаких вам «куда вы меня везете» и «я звоню в полицию». Минут через пять водитель заговорил сам:

— Думал, тебе это сойдет с рук?

— Сойдет с рук? — с легким удивлением переспросил Тед.

— То, что ты продал им наши гены!

— Ваших генов я не продавал. Только свои.

— Наши, саойрийские! Чья кровь в твоих жилах?

— Вообще-то моя собственная. Кстати, донорство до появления гемосинтеза считалось почетным занятием.

Пилот свел брови и приоткрыл рот, но от вопроса удержался.

— Умничаешь, — наконец выговорил он. — Щас перестанешь.

Коптер приземлился во дворике возле коттеджа — только зелень мотнуло ветром от винтов. Направо дорожка, налево сад камней, и в центре его, на верхушке холмика цветная саойрийская статуэтка. Ступив на землю, Тед слегка качнулся в сторону. Чисто случайно, бежать ему не было никаких резоннов. Пилот немедленно дал ему под дых, и когда Тед разогнулся, утирая слезы, он увидел, что тот ухмыляется.

В коттедже их ожидали четверо. Тед узнал старшего — болел за него в детстве, держал его фотогалерею на рабочем столе. Роста огромного, даже когда сидит, носогубные складки на темном лице стали резче, но волосы еще не седые. Антон Огола, великий спринтер и олимпийский чемпион, смотрел на доктора наук с неким брезгливым сожалением.

— Ну что же ты, сынок? Совесть у тебя есть?

— Надеюсь, что да, сэр. — Теда смутило это явление из прошлого, и он ответил мягче, чем собирался, хотя под ложечкой еще болело.

— Так это неправда, что ты продал «Олимпии» свою ДНК?

— Правда, сэр. Но есть обстоятельства...

— Хотел бы я знать, что это за обстоятельства могут заставить человека предать родину. Ты понимаешь, что теперь этот племенной скот, который на Земле называют спортсменами, будет платить за твои гены?

— Раньше скупали титулы и земельные наделы, теперь они приобретают участки ДНК, — проворчал сосед Оголы. — Введение векторов взрослым приравняли к допингу, так они начинают с эмбрионами, заключают генетически выгодные браки между династиями, манипулируют кроссинговером... Это здесь называется честной борьбой.

— Уже ничего не поправить, как я понимаю, — сказал третий. — Но коптеры иногда падают, когда спускаются слишком низко над лесом.

— Да, несчастные случаи бывают, — согласился Огола. — А у полиции свои методы сбора ДНК.

Тед не был уверен, что они не всерьез, и в любом случае шутка зашла слишком далеко.

— Что вас волнует в моей девятнадцатой хромосоме? — обратился он к тому, кто ворчал про титулы и земли, у этого человека был наименее атлетический вид, и он знал слово «кроссинговер». — Конкретно? Вы полагаете, там есть что-то важное?

— Смеетесь?

— Нет.

— Рецептор эритропоетина. Миозин. Фактор биогенеза пероксисом. Черт подери, вполне достаточно, чтобы отнять у нас фору!

— Знаете, — доверительным тоном сказал Тед, — в младшей школе я был отвратительным бегуном. Всегда худший. И то же самое в колледже — худший на весь год выпуска. Меня никогда не хотели брать в команду. Ни в регби, ни в футбол — Вайнайна ужасен, Вайнайна спотыкается о свои ноги, только не Вайнайна!

— Что ты плетешь? — холодно поинтересовался Огола. — Плохой спортсмен или хороший, генетически ты наш!

— Я ваш. Но совсем невезучий. И в спорте мне не везло, и в азартные игры.

— И что? Решил отомстить за невезение?

— Я просто пытаюсь объяснить. Вы дослушайте, это важно. Когда мне исполнилось пятнадцать, родители мне перевели кучу денег — подразумевалось, что я поеду на континентальную олимпиаду, заодно погуляю по столице, прикоснусь к ее древним камням и все такое. Но в пятнадцать лет все идиоты. Знаете, что сделал я?.. Ох, ну хорошо, не хотите отгадывать — скажу сам: отправился в FutureInGene и промотал все на прогноз моих спортивных возможностей.

Тед сделал еще одну паузу. На сей раз реакция слушателей его вполне вознаградила.

— Ты намекаешь...

— Ага. По всем генам, которые тогда представлялись вовлеченными. Я присяду, хорошо? (Он придвинул себе свободное кресло и налил воды в стаканчик.) Понимаете, это мне казалось дико важным. Я был практичным парнем и хотел знать, в какой области мне имеет смысл напрягаться, а где нечего ловить. На регбистов я плевал, но когда девчонки...

— Или ты кончаешь трепаться, — Огола поднялся из кресла и выпрямился во весь свой рост, — или я тебе что-нибудь сломаю, и свидетели подтвердят, что я был не в себе.

— А, вас интересуют результаты? Все равно что бросить двадцать игральных костей и получить двадцать очков, на каждой по единице. Ровно та же вероятность, что у любого другого исхода, но впечатляет. Самые плохие из существующих на Саойре аллельные варианты для всех генов, завязанных на силу и скорость! Или почти для всех, но девятнадцатая хромосома сплошь была красная, ни желтой полоски, ни зеленой. Я даже не расстроился, я хохотал в голос! Потом напился и выяснил, что с метаболизмом алкоголя мне тоже не повезло. А потом занялся стрельбой из лука и метанием на точность. С неподвижными мишенями нормально получалось.

— Хочешь сказать, что ты кинул «Олимпию»? — спросил Огола.

— Зачем такие слова? — Тед обиженно поднял брови. — Они покупали саойрийскую хромосому, я продал ее. Они спросили о моих спортивных успехах, я сказал им правду — что спортом не занимаюсь. Это как золотая лихорадка: богатый инвестор может положиться на удачу и слухи, если нельзя провести анализы, а бедный продавец может блефовать. Закон о конфиденциально-

сти генетической информации никто не отменял, докопаться до результатов частного обследования в провинциальной инопланетной клинике у них не было шансов. Да я сам бы про него забыл, если б вы не напомнили. — Тед отхлебнул из стакана и задумчиво улыбнулся. — Жаль, мой па тогда не знал, какое это было выгодное вложение. Он год со мной не разговаривал, а если бы не мама, вообще убил бы.

— Ну ты и трепло, доктор. А где гарантия, что ты нам не морочишь голову? Доктор Нееман, что вы скажете?

Тед Вайнайна второй раз за день активировал медико-биологический раздел своего паспорта.

— Тебя дома не будут осуждать? — спросила Анна. В первый раз после скачка они вышли на прогулочную палубу и увидели звезды.

— Дома никто не читает земные новости. Коллеги, специалисты, наверное, узнают. Но коллегам я смогу объяснить, что сделал.

— А почему ты сказал Кингу, что был капитаном команды?

— Что значит «почему сказал»? — картинно возмутился Тед. — Сказал, потому что это правда. Конечно, не в бейсболе и не в регби, они меня не брали даже запасным. У нас есть такая игра — там битой не бьют по мячу, а бросают ее в цель.

— Да ладно!

— Честное слово. Называется «городки». У меня хорошо получалось, даже лучше, чем с луком. Хочешь, научу, когда прилетим? В нее и девушки играют. Правую руку отводишь назад...

— Пусти! Сюда кто-то идет! И кстати, я хотела спросить... как у вас относятся к полукровкам? Ну, то есть к детям саойрианов и землян?

— А... Анна, — Тедди сейчас же отпустил ее и так хлопал глазами, что она рассмеялась. — Это же теоретический вопрос, да?

— *Итак, мы вытянули пустышку. Эксперименты in silico дают нулевой результат. Что скажешь, Пит?*

— *Джим, мы оба знаем, что это моя вина. Я был за покупку.*

— *Есть идеи, как компенсировать убытки?*

— *Ну, для начала — в контракте был пункт о розничной перепродаже небольших объемов генетической информации.*

— *Хочешь сказать, найдется другой идиот, который это купит?*

— *Не это. Помнишь, во время обсуждения я говорил о цвете его глаз? Гены пигментов волос, глаз и кожи в квоту укладываются, они тоже в девятнадцатой. Насколько я понял, в земных базах их нет. И это уже верняк, есть фенотипическое подтверждение. Красивый, оригинальный цвет, для шоу-бизнеса то, что нужно. Я свяжусь с Casting Laboratories?*

— *Вперед.*

УЖАСЫ НАШЕГО ГОРОДКА

РЕАЛЬНОСТЬ СТРАХА

...Она была абсолютно уверена в реальности мира и в реальности страха, и что же теперь реально?*

Джек Керуак

Мы упразднили истинный мир — какой же мир остался? быть может, кажущийся?.. Но нет! *вместе с истинным миром мы упразднили также и кажущийся!***

Фридрих Ницше

1

Когда сидишь ночью на заправочной станции одна (старый хромой абориген не в счет), разные мысли лезут в голову. Вспоминаешь прошлое — приятные вещи и не очень; в будущее заглядываешь как в колодец и думаешь, что бы такого принять, чтобы не тошнило от настоящего и от тебя самой. Твое обычное противорвотное средство — музыка из старых времен, хотя и с нею часто выходит явная передозировка, но ты все равно включаешь потяжелее, чтобы к стенке прижало, помассировало края витальной дырки, через которую жизнь влетает и вылетает, когда ей вздумается, — вдруг откроется и впустит какое-нибудь лекарство от тоски.

А спустя некоторое время выключаешь, потому что музыка вызывает у тебя болезненное ощущение ущерб-

* Перевод А. Герасимовой.

** Перевод Н. Полилова.

ности: она вся, как назло, о том, чего здесь нет и, ты уверена, никогда не будет. Можно, конечно, надеяться на чудо, но ты уже слишком взрослая для дешевых чудес, да и для дорогих, честно говоря, тоже. Скепсис у тебя в крови, а кровь — она как фреон в холодильнике. Это даже нельзя назвать тотальным разочарованием, потому что ты ни разу не была никем и ничем очарована, ты незаметно проехала станцию, на которой надо было выглянуть в окно и воскликнуть: «О!!!»

Может быть, ты хочешь от жизни слишком много? Но ты даже не знаешь — чего. Сидишь и перебираешь все, на что способно твое воображение. Оно у тебя буйное, способно на многое, уводит далеко, дай бог вернуться, только в конце каждой дорожки — тупик, и ничего ты там не находишь. Себя ты ощущаешь черствой и жесткой. И думаешь: может, надо было стать наемником, этакой солдаткой удачи — из тех, что не задают вопросов. Кстати, еще не поздно. Ты молода и находишься в хорошей физической форме. Даже в отличной форме для девушки. «Девушка» в данном случае — термин вполне медицинский. Вроде давно положено иметь мужика, но тебе до лампочки.

То, что ты видишь в зеркале, тебя устраивает, даже в таком виде — с немытыми, коротко стриженными волосами, в спецовке, от которой несет табаком, в джинсах и армейских ботинках. В кармане спецовки лежит пачка презервативов. Ты не выбрасываешь их только потому, что срок годности — пять лет, так что спешить некуда. Витрина придорожного магазинчика, между прочим, набита всевозможными резинками, но ты держишь пачку при себе... Позволь спросить, на какой такой случай, мать твою?

И вообще, твои карманы набиты ненужным бараклом. Сигареты, хотя ты не куришь. Ключ от сортира, хотя дверь никогда не запирается. Свисток, в который ты не собираешься свистеть ни при каких обстоятельствах, чтобы не насмешить дьявола, — он и так навер-

няка ухмыляется, глядя на твое убожество. Что там еще в карманах? Монеты на сдачу. Брошюра «Сторожевой башни» — «Конец ложной религии близок!». Но для тебя и это слишком далеко... Вот пушку ты носила бы с удовольствием. Но у тебя нет ни разрешения на оружие, ни денег на него, ни мыслей о том, где все это взять.

Да и что бы ты делала с пушкой? Стреляла бы по бутылкам? Ощущала бы себя в большей безопасности? Ну, пожалуй, да. Только сейчас и это не имеет особого значения. Никто всерьез не пытался тебя изнасиловать, но ты хочешь быть готовой к тому, что однажды это может случиться. И ты держишь в одном кармане баллончик со слезоточивым газом, в другом — нож, а в третьем — кастет. Подруга, да ты вооружена до зубов!

Тут ты перескакиваешь на воспоминания обо всех предложениях члена и сердца, которые ты когда-либо получала. Надо признать, в достаточно вежливой форме. Надо признать, кое-кто пытался за тобой ухаживать. Надо признать, кое-кого оттолкнула твоя хмурая морда, черный юмор, ядовитый язык и упрямое нежелание идти на компромиссы. Кое-кто упрекал тебя в неумении «договариваться с людьми». А тебе просто лень с ними договариваться. Проще договориться с аборигеном. Люди несут околесицу; они хотят того, на что тебе плевать; они жрут дерьмо, которое им скармливают Те, Что Взобрались На Самый Верх; они рвутся к кормушке, от одного запаха которой тебе хочется блевать. Так что у тебя может быть общего с ними?

Только жизнь, которую нужно как-то прожить.

★ ★ ★

Девушка порылась в своем личном несгораемом ящике, выискивая, что бы такого еще послушать. Всякий раз, выбираясь в город выходным днем, она забредала на барахолку и покупала за бесценок все старые диски

с музыкой и фильмами, что попадались на глаза. Так у нее постепенно собралась большая и разнообразная коллекция. Рок, джаз, этно, блюз, трип-хоп, электроника, классика, авангард. В любом виде. Для любого состояния души — только душа, сволочь, не ценила, воротила нос, кайфовала с каждым днем и с каждой ночью все реже и реже, уже и не вспомнить, когда по-настоящему. Впору задать себе вопрос: может, потому у тебя и работа такая дерьмовая, для которой в Прекрасном Новом Мире есть аборигены и прочий деклассированный элемент, что радоваться разучилась, да, собственно, никогда и не умела? Чему радоваться, спрашиваешь? Выбери: жратве повкуснее, дому попросторнее, тряпкам и шкуркам убитых животных, побрякушкам, железу на колесах, статусу гражданина, семейному гнездышку, мужниной любви, собственной пригодности к деторождению. Просто тому, что еще коптишь...

Девушка знала ответы. В них не было ничего утешительного. Но у нее не осталось ни капли жалости к себе. Она испытывала неудобство, когда при ней распускали слюни. Себе лично она могла бы вынести любой приговор, но вряд ли согласилась бы с приговором, вынесенным другими.

Она поставила джазовый диск — тихий неназойливый «cool» — и смотрела на пургу за окном, которая заносила снегом забытую богом станцию.

2

Иногда ты думаешь, на что обрекает человека имя, если это вообще имеет какое-то значение. Например, ни одно из известных имен тебе не нравится. Значит, повод для внутреннего конфликта уже имеется. Как правило, имя получаешь в таком возрасте, когда никто не интересуется твоим мнением по этому поводу, да ты его и не имеешь. Не говоря о тех случаях, когда ро-

дители решают, как назовут тебя, еще до твоего рождения. Давайте будем снисходительны. Пусть в пятнадцать-шестнадцать-семнадцать лет (у каждого своя пора) человек выберет себе другое имя — какое сам захочет. А лет так в сорок, сорок пять пусть сделает это сознательно и возьмет, наконец, имя, с которым можно дожить свой век.

Когда собака находит другого хозяина, она получает новую кличку.

Иногда девушка входила в Сеть и подключалась к каналу «Ретрожизнь» (слоган и лейтмотив: «Ценно лишь то, что мы потеряли»). Других пользователей было совсем мало, и все они находились очень далеко от нее. Она не вступала с ними в разговоры. Зачем? Они казались ей такими же ничтожными и полустертыми, такими же потерянными и непонятыми, как она. Слыша их призрачные голоса, она сама чувствовала себя призраком. Что они могли ей дать, кроме своего неведения, своей призрачности, своего бездоказательного полусуществования? А так, во внутренней тишине и одиночестве, она впитывала все, «что мы потеряли», и — да, постепенно поняла: только это имело хоть какую-то ценность.

У нее появились странные привязанности, о которых другим лучше было не рассказывать. Да и кому она могла рассказать? Аборигенам?.. Это были привязанности к старым, забытым, воистину *потерянным* вещам. Конечно, их нельзя было потрогать. Сейчас даже память об этих вещах ускользала от нее. Она могла только пытаться уловить то призрачное сияние, что исходило от них.

Ясными ночами — особенно летом — девушка часто смотрела на звезды. Пара глубоких проваленных кре-

сел стояла возле задней стены магазина. Многие часы она проводила в одном из них, потягивая пиво, лениво уставившись в медленную карусель неба и слушая что-нибудь старое, почти забытое. Перед ней была вся южная сторона купола, от края крыши вверху до каймы далекого черного леса внизу. Порой ей казалось, что куда-то туда переселилась ее душа, и с тех пор дом из мяса и костей остался пустым. Правда, есть еще проходящий ночной сторож — подслеповатая и глуховатая старая дева. От нее мало толку, но и ворам здесь делать нечего.

Для пасмурных ночей у девушки тоже было припасено кое-что: атлас звездного неба, несколько книг по астрономии. Все это старое, изданное в середине прошлого века, *настоящее*. Уйма бесполезных сведений. Зачем, например, она знала, что центр Галактики, ее невидимое ядро, находится примерно в направлении границы созвездий Стрельца и Скорпиона, что недалеко от звезды Кси Геркулеса расположена точка пространства, куда движется Солнце, унося с собой Землю и другие тела системы, что «Антарес» означает «соперник Марса» или что Тритон, мать его так, — единственный внутренний спутник с обратным орбитальным движением?

Одно время она собиралась купить себе любительский телескоп, потом поняла, что ей вовсе не хочется рассматривать кратеры на Луне, или спутники Юпитера, или Плеяды, или любой другой «объект», преподнесенный на черном блюдечке, через окуляр, или даже изображения с орбитальных телескопов на экране компьютера, что тоже не проблема. Ей нравилось видеть огромный циферблат вселенских часов в целом, а не отдельные его части, причем без посредников. В какой-то момент усеянная светящимися точками чернота начала засасывать, что-то происходило с небесной линзой — девушка вдруг оказывалась в ее фокусе, а звез-

ды и туманности приближались без всякой оптики, и единственное, что избавляло от головокружительного ощущения падения в бездну и опускало на землю, — это резь в мочевом пузыре.

★ ★ ★

Зачем аборигенам деньги?

Она неоднократно задавала себе этот вопрос, особенно двадцать пятого числа каждого месяца, когда на станции останавливался фургон из города. Кроме водителя, в фургоне находились человек в деловом костюме и двое охранников-aborигенов в форменных комбинезонах и с автоматами.

Девушка всегда подходила к фургону первой. Деловой хлыщ спрашивал у нее, в каком виде она желает получить оговоренную в контракте сумму и продлевает ли контракт на следующий срок. Она брала небольшую часть наличными, остальное хлыщ тут же сбрасывал на ее личный счет нажатием нескольких клавиш на компьютере. Она получала квитанцию и проверяла остаток — катастрофически малый для того, что она задумала. Деньги прирастали слишком медленно, и ждать ей оставалось в лучшем случае еще несколько долгих лет. Если, конечно, у дьявола хватит терпения.

А абориген, ее хромой напарник, из которого сыпался не только песок, неизменно выгребал все положенные ему бабки, и вот тут девушка спрашивала себя, зачем ему столько хрустящей бумаги. И отвечала: не твое собачье дело.

Она действительно была нелюбопытна, и прошло больше года, прежде чем она решила от нечего делать проследить за аборигеном. То, что для этого надо было спуститься в подземку, ее не слишком напрягало, хотя о подземке старые (*настоящие*) люди, которых она изредка еще встречала во время своих вылазок в город, рассказывали всякое. Будь у нее в тот день настроение

лучше, может, она и предпочла бы не таскаться за аборигеном, а подключиться к «Ретрожизни» («Ценно лишь то, что мы потеряли») и «посетить» недавно обнаруженное кладбище кораблей на побережье мертвого океана...

Был, правда, другой вариант, попроще — спросить у аборигена в лоб, но девушка сильно сомневалась, что он скажет правду и вообще что-то скажет. Пока дело не касалось его прямых обязанностей, он предпочитал молчать и обладал ценным для постоянного напарника свойством никак не напоминать о своем присутствии. Она ни разу не замечала, чтобы он проявил интерес к чему-либо. Ей это нравилось. Подавляющую часть времени она оставалась наедине с собой, даже если старик шаркал где-нибудь поблизости. Его можно было не замечать, как предмет обстановки, но раз ходячая вешалка регулярно получала наличку, в этом должен быть хоть какой-то смысл. Впрочем, девушка была готова смириться и с обратным.

Не обнаруживая смысла в чем-либо, она испытывала что-то вроде абсурдного удовлетворения — рассчитывать выиграть в игре без правил было чересчур самонадеянно с ее стороны. И оставалось одно — продержаться подольше. А держаться чуть-чуть легче, если ты ни к кому не привязана и в любую минуту готова свалить с поля.

Кстати, аборигена звали Ной. Имя она подглядела на экране портативного компьютера во время выдачи наличных. Ей казалось, что где-то она его уже слышала. Не исключено, что оно принадлежало какому-нибудь персонажу одного из бесчисленных старых (настоящих) фильмов, которые она проглатывала пачками по три-четыре за ночь. Или же имя было знакомо девушке по ее прошлой жизни. Иногда ей нравилось думать (вопреки доктринам, которые вбивали в ее башку в монастыре), что у нее была прошлая жизнь, — наверняка по той простой причине, что это означало бы и надежду на будущую.

Когда в каком-нибудь полутемном монастырском подвале, среди пустых бочек для вина, ты слушала тайком «дьявольскую музыку» и все твое существо трепетало, как вымпел на ветру, а призрак твоей свободы проходил сквозь стены подобно доброму дедушке, разносящему подарки, — ты начинала понимать, зачем совсем не голодной Еве понадобилось то проклятое яблоко. Ты тоже вкусила запретных плодов своего века (правда, далеко не всех) и могла бы поклясться, что от них не добавляется ни грамма дерьма.

Если ты жиреешь и заболеваешь, тебя не спасет никакая диета.

Они с напарником сдали смену в семь утра, и почти сразу же, затемно, абориген отправился в путь. Девушка выждала, пока закрылась дверь, оделась и последовала за ним.

На востоке брезжил серенький рассвет. В сводке погоды по радио обещали ненастный день и не обманули. Она шла по обочине шоссе, которое заметал снег. Далеко впереди маячил силуэт шкандыбающего Ноя. Она старалась держаться на таком расстоянии, чтобы оставаться неразличимой для аборигена, но в то же время не терять его из виду. Он едва полз, и она была вынуждена идти раздражающе медленно, в непривычном для себя темпе, и вдобавок начала замерзать. В общем, прогулка получилась та еще.

До границы города девушка обычно добиралась пешком минут за пятнадцать. В паре с аборигеном это заняло три четверти часа. За все время ей попались две встречные машины и две попутные. Не густо. Водитель грузовика, ехавшего в город, посигналил ей; она сделала вид, что ничего не произошло. В кабине наверняка

было тепло... Грузовик обогнал аборигена, не притормозив, и скрылся в снежной пелене. Она подумала о том, каким образом водитель почуял женщину — по ее фигуре в анорাকে с поднятым капюшоном этого не скажешь. Хорошо это или плохо? Поможет это ей в подzemке или помешает? К чему гадать — скоро она узнает.

Они пересекли окружную с интервалом в несколько минут. Абориген двигался с прежней скоростью. Ковылял, как сломанная игрушка. В постройках мотеля, расположенного на въезде в город, все окна были темными, стоянка пустовала. Ржавый флюгер в форме седана всегда указывал на юг. В тарелке спутниковой антенны лежала огромная нетронутая порция снега. Следы шин грузовика на дороге уже были едва различимы.

В старых фильмах города обычно кишели людьми. Девушка знала другое: на улицах было малоллюдно в любое время суток, а сейчас окраина выглядела вымершей. И абориген своим присутствием, как всегда, не добавлял жизни. Она поймала себя на том, что ей нравилось представлять следующее: она одна; все остальные исчезли. В этом чувстве не было ни малейшей примеси собственнического инстинкта — даже в мертвом городе ничто не принадлежало бы ей. «Владение» потеряло бы всякий смысл. Она испытывала что-то вроде темного прилива внутри, наступление ночи, которая затапливала и ее саму, и все вокруг. Сквозь эту муть тускло сияли синие огни...

...оказавшиеся прожекторами на телевизшке. Пятна света, размазанные метелью, висели высоко в небе над ломаной линией крыш. Ной свернул за угол и направился туда, куда она и ожидала, — к ближайшему входу в подземку. Правда, по пути он зашел в круглосуточно открытую аптеку. Это было странно; девушка никогда не видела, чтобы аборигены принимали лекарства. Выйдя из аптеки, он спрятал что-то в карман и поплелся дальше.

На улицах появилось несколько прохожих, и теперь она не слишком заботилась о том, чтобы остаться незамеченной. Ной, похоже, не имел привычки оглядываться или смотреть по сторонам; словно его внимание было сужено до щели, равной по ширине расстоянию между зрачками. Он редко поворачивал голову, в основном все тело целиком. Впервые за несколько лет девушка пристально наблюдала за ним и не могла понять, почему ей кажется, что это не тот Ной, которого она знала прежде. Вероятно, дело было в изменившейся обстановке — здесь абориген превратился в еще одну непереверенную кость, ползущую по кишкам города.

Вход в подземку никак не был обозначен. Невысокий каменный парапет с трех сторон огораживал прямоугольную нору. С уровня асфальта вниз уводила пологая лестница, почти полностью засыпанная снегом. Под южной стеной образовался откос, и остался проход шириной не более полуметра. Судя по отсутствию следов, подземке перенаселение тоже не угрожало.

Ной спустился по лестнице и вскоре полностью скрылся из виду. Девушка выждала несколько секунд, огляделась по сторонам — никому не было до нее никакого дела — и последовала за напарником. Ступая след в след — снега в проходе по колено, — она убедилась в том, что абориген точно попадал на ступеньки и ни разу не поскользнулся. То ли ориентировался по едва заметным неровностям на крашеной стене справа, то ли обладал неведомым чутьем. Если бы внизу выяснилось, что он еще и видит в темноте, она решила бы, что сильно недооценивала аборигенов, однако ее глаза уже привыкли к сумраку после наружной белизны.

На глубине пяти-шести метров лестница кончилась; от площадки тянулся влево горизонтальный подземный коридор. Снега тут почти не было, зато на выщербленном полу хватало намерзшего льда. Первый светильник, источавший красноватое сияние, находился примерно

в тридцати шагах от поворота, поэтому начальный участок пути казался особенно темным.

Посмотрев за угол, она едва различила фигуру аборигена, тут же скрывшуюся за очередным поворотом. На секунду мелькнула мысль бросить эту дурацкую слежку. Какое ей дело до того, где и как проведет абориген ближайшие сутки? Но тут же она представила, что ожидало ее наверху. Белый опостылевший город. Тоскливый вой ветра. Скованная льдом река. Некуда идти. Она будет бесцельно шататься по улицам и убивать время, пока не замерзнет окончательно. И тогда придется искать какую-нибудь рыгаловку, где можно выпить горячего пойла из треснутой чашки и немного согреться... Все это она готова была в любой момент поменять на что угодно. А если ничего другого не подвернется, сойдут страх и предчувствие опасности... которых она пока не испытывала.

Честно говоря, девушка сильно подозревала, что подземка окажется всего лишь темным двойником города, чем-то вроде грязной ночлежки для аборигенов. Значит, она тем более не рисковала.

★ ★ ★

Она свернула за угол и оказалась в длинном туннеле, разделенном надвое рядом колонн. Ной уже был едва виден — точнее, не сам Ной, а его переползавшие одна в другую тени, похожие на черные крылья бьющейся в тесноте птицы. Он двигался по левой стороне туннеля. Девушка пошла по правой, ступая осторожно и тихо, — звуки сделались гулкими и разносились далеко. Во всяком случае, сбивающийся шаг хромоногого аборигена она слышала отчетливо. Ее могла выдать собственная тень, но с некоторых пор у нее появилась невесть откуда взявшаяся уверенность, что пробираться скрытно уже не имеет смысла.

Очередной поворот. Туннель с арочным сводом. Вдоль одной стены тянулась почти сплошная полоса очень тусклых газоразрядных ламп и пять или шесть кабельных линий. Легкий сквозняк, несущий неприятный запах — что-то с тепловатой гнильцой, напоминавшее об отбросах. И, кроме тихого гудения ламп, — какие-то звуки на пределе слышимости, словно разговоры за стеной. Издали абориген казался маленьким и очень одиноким. Себе самой девушка казалась слегка заторможенной и очень безрассудной.

Так же, как и Ной, она беспрепятственно преодолела турникет. Датчики были отключены, все стоящие в два ряда автоматы и банкоматы обесточены. Впереди сделалось самую малость светлее. Сначала она увидела край платформы, расположенной на десяток метров глубже уровня туннеля, а затем и всю платформу целиком. По обе стороны от нее были проложены рельсовые пути. Вниз вела широкая лестница со сбитыми ступенями.

Абориген уже спустился и ковылял между павильонами, прилавками и палатками, хаотически расставленными на платформе. Это отдаленно напоминало городской блошинный рынок, на котором торговали оптом и в розницу минувшими временами, — едва ли не единственное место в городе, где девушке нравилось бывать. Правда, здесь все как будто застыло в летаргическом сне. Тем не менее могло оказаться, что абориген достиг конечной цели своего пути, а значит, и она тоже. Очутиться на барахолке для аборигенов — не совсем то, о чем она мечтала, если вообще о чем-то мечтала. Чтобы сдохнуть от скуки, незачем тащить задницу так далеко; есть и другие места. Например, заправочная станция.

Но раз уж она пришла сюда, то решила осмотреться. Денег у нее было чуть больше, чем обычно, — на всякий случай. Она готовилась к непредвиденным тратам.

И если вернуться с сувениром из подземки, день можно будет считать не самым серым в ее жизни.

Когда девушка ступила на платформу, фигура аборигена уже затерялась среди здешних сооружений, которые, судя по отложениям пыли и мелкого мусора, стояли на своих местах достаточно давно. Она откинула капюшон. Откуда-то по-прежнему доносились неясные шумы, но определить положение источника было сложно — звук многократно отражался от свода. Кое-где болтались голые лампочки, к которым были подведены мохнатые от пыли провода, протянутые на высоте в полтора-два человеческих роста и образовавшие редкую сеть. В некоторых палатках свет горел внутри, а отдельные лучики пробивались наружу через щели и ветхую ткань.

Девушка двинулась к ближайшему проходу между шатром, облепленным символикой какой-то «Христианско-социалистической партии», и прилавком с насаженными на вертикальные оси автомобильными колесами. Все колеса медленно и почти бесшумно вращались. Вероятно, их привел в движение Ной, но она все же заглянула под прилавок и ничего там не обнаружила. Она стояла минуту или две; колеса продолжали вращаться...

За спиной раздались глухие звуки, словно кто-то принялся выбивать матрас, гоняя блох (в этом деле у нее был кое-какой опыт), или (отчего-то ей и это пришло в голову) барабанить пальцами по надутым щекам. Обернувшись, она решила, что звуки доносятся из шатра. Вход был как раз перед ней — темный проем под небольшим навесом из ткани, натянутой на трубчатый каркас. Дополнительно его прикрывали шторки с дугообразными краями.

Раздвинув шторки, она увидела металлическую дверь с наружным запором и узким вертикальным зарешеченным окошком, которая выглядела неуместно, чтобы не сказать странно, — как, впрочем, и почти все осталь-

ное здесь. Она заметила также резиновый уплотнитель по контуру двери и двойные отражения в стеклах, закрывавших между собой косоугольную решетку.

Она приблизилась к двери вплотную и заглянула в окошко. Невольно отшатнулась. Затем ее рука потянулась к никелированной ручке.

— Осторожнее, дорогуша, — произнес позади нее мягкий вкрадчивый голос. Совсем рядом. Ей даже показалось, что волосы на затылке обдало чужим дыханием.

Девушка заставила себя повернуть голову медленно, понимая, что, если бы ей грозило худшее, оно бы уже произошло. Но все-таки она вытащила из кармана другую руку, в которой держала кастет.

На вид абориген был вполне безобиден. Помоложе Ноя, с жиденькой бахромой волос на висках и затылке. Сероватая кожа, узкое лицо, два передних верхних зуба торчат между губами. Одет в когда-то желтый купальный халат, на ногах — резиновые сапоги. Мокрые, надо же. Запах какого-то косметического средства исходил, скорее всего, от халата.

— Осторожнее, — повторил абориген. — Никогда не знаешь, как он себя поведет.

Она не знала, что на это сказать. Просто стояла и ждала. Абориген сказал:

— Ты, конечно, можешь выпустить его оттуда, но тогда тебе придется взять его с собой. Он привязчив, как щенок.

— Он что, больной?

— В некотором роде. Наверное. Я не психиатр, деточка. Тебе решать. Честно говоря, мне он уже порядком надоел.

— Вы его хозяин? — У нее не нашлось вопроса умнее.

— Можно и так сказать. — Это прозвучало как-то обреченно.

Она ничего не понимала, однако чувствовала, что и не хочет понимать. Непонятное — будто трясина; чем дольше копаешься, тем глубже увязаешь.

— Ну, я пошла. — Ей почти удалось избежать вопро- сительной интонации.

Абориген пожал узкими плечиками и отступил в сто- рону. Когда она сделала три-четыре шага, он сказал ей вслед:

— Слушай, может, все-таки заберешь его? А я дам тебе то, от чего он свихнулся.

Серая рука уже забралась в карман халата, чтобы вы- тащить на свет сомнительный «подарок».

Зачем еще нужна интуиция, если не для таких слу- чаев? Сирена тревоги надсадно взывала под самым вну- тренним ухом. Возможно, кое-что отразилось у девушки на лице — мелькнула тень болезненной гримасы, вроде тика.

Абориген показал ей обе *пустые* руки (на ладонях почти не осталось линий) и сказал успокаивающим то- ном:

— Ладно, как хочешь. Если передумает, ты знаешь, где меня искать.

Вряд ли она «знала», но чувствовала: он обязательно будет здесь, если она снова подойдет к металлической двери палаты, скрытой внутри шатра. И эта уверен- ность отчего-то успокаивала, как разъясненное правило игры, казавшееся разумным и безопасным. Она повер- нулась и пошла своей дорогой. Спустя несколько секунд она оглянулась. Желтый Халат исчез.

И возник вопрос: что делать дальше? Бродить по это- му странному «базару» в поисках Ноя? А зачем, соб- ственно? Значит, самое время возвращаться наверх... Или все-таки дождаться поезда? Но с чего она взяла, что тут вообще ходят поезда? Кроме того, сесть в по- езд — не будет ли это самой большой в ее жизни глупо- стью после рождения?..

Тем временем ноги сами несли ее к следующему сооружению со стенами из гипсокартона, производившему впечатление карточного домика — по крайней мере снаружи. С другой стороны, учитывая здешнюю «погоду», стены служили исключительно для разгораживания пространства. Фасад был размалеван пальмами, животными в стиле древних наскальных рисунков и украшен вывеской с надписью «Сафари» и пожеланием «Счастливой охоты!».

Девушка потянула на себя ручку легкой незапирающейся двери и попала на самую настоящую оружейную выставку. Под переливчатый звон «поющего ветра» из задней комнаты появился абориген — рыжий толстяк с прозрачными ресницами, облаченный в просторные штаны и жилет со множеством карманов. На шее у него болталось ожерелье из зубов — позже, когда он открыл рот, девушка заподозрила, что из его собственных.

Но в первые секунды она, слегка ошарашенная, рассматривала витрины с образцами всевозможного оружия, которые прежде видела разве что в кино. Каждый экземпляр был снабжен аккуратной табличкой с обозначением типа и краткими техническими характеристиками. И вообще, все здесь было в идеальном порядке... за исключением пасти аборигена.

Как-то не верилось, что всего в нескольких метрах под поверхностью существует вполне доступное место, где можно свободно купить пушку. Но с чего она взяла, что свободно? Ведь на отливающих опасным блеском красавчиках не было цены. И если толстяк попросит у нее разрешение, ей останется только убраться отсюда. Вдруг до нее дошло.

— Настоящий? — спросила она, ткнув пальцем в «беретту» (M-92SB-Compact, 9 мм, 14 патронов, двусторонний предохранитель на затворе и т.д.). Что-то внутри нее вздрагивало почти сладострастно. Откуда ей было знакомо это оружие? Не приснилось же оно ей

когда-то, в самом деле... И почему ее так неудержимо тянуло к нему?

Толстяк посмотрел на нее иронически и прошамкал:

— У меня оружейный магазин, а не сувенирная лавка.

— Патроны есть?

— Обязательно.

— Сколько стоит?

— А что ты можешь предложить?

«Начинается, — подумала она. — Он тебя дразнит и правильно делает. Ты ведь тоже морочишь ему голову. Пересчитай свои бабки и катись подальше».

Как только зашелестели купюры в ее руке, на конопатом лице появилось скучающее выражение. «А ведь я была права», — сказала она себе. На кой хрен аборигену деньги? Хотя с такими аборигенами ей еще не приходилось встречаться. Этот был в своей стихии, на своей территории. И вел себя соответственно.

На всякий случай девушка все-таки подняла перед собой веер из денежных знаков и слегка им помахала. В ответ получила кислую мину и отрицательное движение головой. Она спрятала деньги.

— Больше у меня ничего нет.

Хозяин расплылся в улыбке, которая, видимо, означала: «Ошибаешься, деточка. У тебя есть...» Его рука с отставленным указательным пальцем медленно поднялась. Палец был короткий и толстый, обильно усаженный рыжими волосками, с вырванным ногтем. Она успела разглядеть его во всех подробностях, потому что палец оказался направленным в ее левый глаз.

— Что? — спросила она.

— Один, — произнес толстяк. — За пушку и пятьдесят патронов. У тебя останется еще один. И все довольны.

Она медлила, борясь с искушением врезать кастетом ему по переносице. Чтобы обязательно увидеть то, что посыплется из разбитого носа.

— Нет, — сказала она наконец. — Не все довольны. Мне нужны оба. Я пойду.

— Иди, — равнодушно согласился толстяк. — Только далеко ли ты уйдешь без пушки?

Она настороженно оглянулась на дверь, словно опасалась, что доказательство его слов может появиться немедленно, затем снова впилась взглядом в его рожу, пытаясь понять, где заканчиваются дурацкие шутки и начинаются проблемы. Но лицо аборигена осталось непроницаемым.

— Я попробую еще раз, — сказал он, когда она начала пятиться.

Теперь палец был направлен куда-то чуть повыше середины ее лба.

— Хочешь снять с меня скальп?

— Нет, всего лишь волосы. Как насчет твоих волос — за пушку с полной обоймой?

Через месяц-другой отрастут, прикинула девушка. И он все еще не заикнулся о разрешении на оружие. Предложение звучало хотя и странно, но уж больно заманчиво. Что она теряла, кроме волос? Лишь бы только все этим и ограничивалось.

Она кивнула.

Толстяк ненадолго удалился в заднюю комнату и вынес оттуда машинку для стрижки и пакет из черного мягкого пластика, принимающего любую форму. За витриной обнаружился табурет, на который девушка уселась с некоторой опаской.

Самым трудным было выдержать первое прикосновение холодной насадки... И еще этот пакет на плечах, словно черное блюдо для головы. Потом на него посыпались ее волосы...

Когда процедура закончилась и толстяк аккуратно свернул пакет, следя за тем, чтобы не потерялся ни один волосок, она провела ладонью по непривычно гладкой голове, которую охлаждал воздух, и мысленно произнесла: «Ну вот, теперь назад дороги нет».

Ей пришлось еще немного поволноваться, прежде чем она ощутила в руке тяжесть и твердость «беретты». Толстяк любезно провел с ней небольшой инструктаж. Она несколько раз перезарядила оружие, вынула и вставила обойму, получила некоторое представление о том, как чистить пистолет. Напоследок он даже разрешил ей выстрелить вверх, чтобы окончательно развеять ее сомнения («Один патрон — за счет заведения»). В крыше, зиявшей разнокалиберными дырами, появилось еще одно отверстие. От грохота заложило уши, и на некоторое время в них поселился тихий свист.

Девушка была почти довольна и чувствовала себя неплохо, если не считать легкого свербежа в голове и холодка где-то в области желудка.

— Для парика? — спросила она, глядя на пакет, хотя думала, что волосы явно коротковаты.

И услышала в ответ:

— Для ритуальной магии.

4

Когда ни во что не веришь и стоишь на общей молитве, пытаясь выдать из себя хоть одно искреннее слово, то кажешься себе голодной собакой, начисто лишенной обоняния. Подопытной собакой, для которой где-то в лабиринте спрятана приманка. Другие животные легко находят ее и получают еду; крысы и свиньи дают тебе сто очков вперед. Ты никогда не найдешь пищу сама и можешь рассчитывать только на подачку, если не хочешь сдохнуть с голоду.

Но есть иной способ выживать.

★ ★ ★

С того места, где она остановилась, выйдя из оружейного магазина, еще была видна часть лестницы. И бледный свет туннеля, будто взятый из черно-белых снов

лунатика. Девушка поискала в себе желание вернуться или желание идти дальше, но нашла только необъяснимую уверенность в том, что ее путь заранее предрешен. Она не смогла бы сказать даже, когда у нее появилась эта уверенность — сегодня утром, вчера, давно или минуту назад, — как будто она приобрела вместе с пистолетом что-то нематериальное и в то же время вполне осязаемое.

Ей самой не нравилась охватившая ее апатия — не покорность и не слабость, а безразличие к неизбежности, к тому, что обязательно случится независимо от ее намерений. Она будто забрела в незнакомый, но уже полностью отснятый фильм — где-то ближе к началу ленты. Ей нашлось место в каждом кадре, однако никто не собирался ничего менять из-за ее появления или ради нее. Ни единой детали.

Она считала себя достаточно здравомыслящей, чтобы прекратить это сразу, пока не станет поздно. Требовалось определенное усилие, но она отогнала наваждение или как там называлась иррациональная бурда, которая слишком назойливо пыталась забраться под черепную коробку. Безобидная игра закончилась для девушки в тот момент, когда она увидела продырявленный пулями потолок. Она пощекотала себе нервы и бесплатно постриглась. Пора двигать к выходу.

Она прошла между шатром и прилавком с колесами, которые все еще вращались. Сквозняки, гулявшие над платформой, холодили кожу; голова будто стала теперь уязвимой вдвойне, но поднять капюшон означало бы существенно уменьшить поле зрения, а она по-прежнему ждала чего-то непредвиденного. «Готовься к худшему», — долбил внутри неугомонный бес. Не думала же она в самом деле, что пушка обойдется ей так дешево?..

Лестницу она одолела почти бегом, только на самом верху оглянулась. Станция была погружена в летаргию, которую ей не удалось нарушить — возможно, для это-

го она не проявила достаточно самонадеянной глупости. Сейчас ей казалось, что никто и ничем не смог бы заманить ее в сверкающие чернотой зевы туннелей.

Она перевела дух и ускоренным шагом миновала турникет. Обратный путь занял бы не больше пяти минут, если бы время не было иллюзией, которая всегда побеждает — как и положено одной из трех главных иллюзий. Но в реальности происходящего она не усомнилась ни на секунду. Появилось и кое-что новенькое — клаустрофобия, ощущение ватных ног и шипящей пены в ушах. При этом — ни единой чужой тени, никаких подозрительных движений или звуков. Лампы не мигали и не гасли, препятствий не возникло, никто не звал из темноты. Каждый пройденный поворот, кроме последнего, не оправдал ее худших ожиданий. И только когда остался позади Z-образный участок туннеля и должно было появиться пятно дневного света впереди и наледь под ногами, девушка обнаружила, что выхода наверх больше не существует.

Это открытие, сделанное не мгновенно, а все с тем же отвратительным подкрадывающимся предчувствием неизбежного, она повертела так и этак, но без претензий к своему рассудку. У нее не было других вариантов.

Если пройти дважды, туда и обратно, одной и той же дорогой, на которой нет развилки, и не вернуться на прежнее место, то остается в конце концов принять как должное простой факт: она оказалась в западне, которая была выше ее понимания. Небольшая истерика уже не повредит, но и не поможет, поэтому девушка просто замерла в ступоре на несколько секунд (а может, и на дольше), а потом начала двигаться по облицованной камнем кишке, которая выглядела в точности как зеркальное отражение той, другой, уже более или менее ей известной. Она даже догадывалась, куда придет. Ее представления о возможном претерпели кое-какие

изменения, но правила игры остались прежними. И, конечно, она всегда могла воспользоваться аварийным выходом — аж четырнадцать раз, учитывая количество патронов в магазине «беретты».

Там, где раньше находилась заметенная снегом лестница, теперь была глухая стена, которая ничем не отличалась от противоположной. И никакой линии раздела между частью туннеля, существовавшей прежде, и его продолжением, возникшим в результате аккуратного, не оставляющего следов, искажения пространства. То, что можно чего-то не заметить, абсолютно исключалось. Конечно, она странная девушка, но не идиотка. В конце концов, этот «лабиринт» был слишком прост даже для подопытной крысы.

Она продолжала идти как заведенная. Клаустрофобия взялась за нее всерьез. Чернильные кляксы расплывались перед глазами; тошнота имела привкус гари, словно в животе пылали сухие листья; каждый вдох и выдох отдавались в ушах колючим шорохом. Счетчик в мозгу отсчитывал шаги с педантичностью механизма. Когда их число перевалило за две сотни, девушка немного успокоилась и привела в порядок мыслишки, которые до этого вдоволь покрутились на муторной карусели сознания. Их было немного, и все они были теми самыми простыми желаний. Выполнимым на данную минуту оказалось только одно. Она присела под стеной туннеля (как будто место имело значение) и помочилась. Моча стекала в том направлении, куда она шла, — наклон туннеля был едва заметен.

Еще пара сотен шагов. Она оставила позади два поворота, турникет и отключенные автоматы. С верхней площадки лестницы был виден прилавок с неумолимо вращавшимися колесами и шатер, а чуть дальше — оружейный магазин. На платформе все осталось неизменным, словно запечатленное на снимке ее последним, брошенным через плечо, взглядом.

★ Она остановилась на несколько секунд, прикидывая, сколько человек из десяти попытались бы вернуться сейчас «обратно», чтобы лишний раз убедиться в отсутствии выхода. Такая попытка казалась ей бессмысленной, с другой стороны, у нее теперь куча времени, а кроме того, иногда что-то срабатывает, иногда — нет. Шестеренки непонятного замысла тоже ведь могут оказаться плохо смазанными...

Она решила проверить, не изменяет ли ей хотя бы чувство времени. По ее ощущениям, прошло не более полутора часов с тех пор, как она спустилась в подземку. С помощью мобильного она выяснила две вещи. Сначала плохая новость: связи с внешним миром у нее не было. Другая новость: она ошиблась не более чем на восемь минут.

Ее по-прежнему мучило, и потому она не могла определить, действительно здесь стало теплее или это ей лишь казалось. Липкие объятия собственного белья — вот что сильнее всего остального напоминало о несурности случившегося. Как будто ее кожа знала то, чего еще не знала сама девушка. Но скоро узнает.

Она развернулась и проделала весь путь еще раз. Это отняло двенадцать минут и стоило ей определенного добавочного количества пота. Зато она убедилась в отсутствии выхода, а хиленькая надежда сосредоточилась где-то там, внизу, и при этом отчаянно нуждалась в инъекции какого-нибудь стимулятора, чтобы не сдохнуть окончательно.

★ ★ ★

Она надеялась, что кто-нибудь из аборигенов объяснит ей, что происходит. Правда, Желтый Халат не внушал доверия, а мысль о новой встрече с хозяином оружейного магазина, наоборот, внушала непреодолимое отвращение. Не исключено, что оба дурачили ее про-

сто потому, что для них она была непрошеной гостьей и должна поплатиться за это.

Она решила все-таки разыскать Ноя, который, возможно, еще не передумал возвращаться на поверхность. Хотя кто знает, что у аборигена на уме?

В этот раз она начала с крайнего прохода, примыкавшего к рельсовому пути. В углу платформы стоял барак, на боковой стене которого висело большое белое полотнище с красным крестом. Возле единственной двери были уложены штабелями тускло-серые ящики, оказавшиеся при ближайшем рассмотрении цинковыми гробами. Верхние находились слишком высоко, чтобы девушка смогла заглянуть внутрь через окошко или по крайней мере увидеть это самое окошко. Проходя мимо, она постучала по металлической стенке. Звук не сообщил ей ничего определенного — жестянка и есть жестянка. Во всяком случае, никто не отозвался. К счастью.

Поколебавшись некоторое время, она взялась за ручку двери, однако ее колебания оказались напрасными — дверь была заперта. Испытывая не вполне уместное в ее положении облегчение, она двинулась дальше, к мерцающему сооружению, которое напоминало абстрактную скульптуру со множеством ячеек, причем на каждой имелась миниатюрная клавиатура с цифрами. В другом ракурсе эта «камера хранения» уже смахивала на человеческий торс, а ячейки, если приглядеться, располагались так, словно имели некое отношение к жизненно важным внутренним органам.

Девушка не ломала себе голову над очередной загадкой; просто убедилась в том, что кодовые замки ячеек заперты, и направилась к телефонной будке — из тех, что лет пятьдесят назад, судя по старым фильмам, стояли в городе на каждом углу. Будка была ярко-желтой, с торчавшей над крышей металлической трубой, от которой тянулся провод к сплетению несущих тросов. Поч-

ти все стекла в двери и боковых стенках были выбиты, но допотопный аппарат с диском и щелью для монет как будто сохранился в целости до этого дня. Стенка вокруг него была покрыта похабными надписями и рисунками.

Не заходя в будку, девушка протянула руку и сняла трубку с рычага. Услышала непрерывный гудок и набрала бесплатный номер, который с детства вдалбливали ей в голову и который, как она прежде надеялась, никогда не пригодится. После нескольких секунд тишины и треска помех она услышала чье-то тихое хихиканье. Трудно было разобрать даже, кому принадлежал голос — взрослому или подростку, мужчине или женщине. Смех звучал как издевка, во всяком случае, девушка снова почувствовала себя втянутой по собственной глупости в дурацкую и небезопасную игру.

Она дала отбой и набрала номер вторично, но на этот раз в трубке не раздалось ни звука. С тем же результатом она пыталась дозвониться по четырем другим номерам. Бросив трубку на рычаг, она повернулась, чтобы продолжить обход. В этот момент зазвонил телефон. Пронзительный сигнал вызова заставил ее вздрогнуть. Звук исходил из черной коробочки, прикрепленной под аппаратом. Увидеть ее можно было только нагнувшись. После третьего звонка девушка сняла трубку и произнесла: «Алло».

— Кто это? — спросил спокойный мужской голос. Молодой и веселый.

Она была не из тех, кто легко идет на контакт. И не испытывала особой охоты называть себя.

— Вы меня не знаете. Я тут случайно. Не могу найти выход наверх.

— Нет, я тебя знаю, — возразил неизвестный собеседник. Его голос сделался почти ласковым. — Я знаю тебя очень хорошо, негодная девчонка. Не можешь найти выход, бедняжечка? А не надо было убегать от па-

почки. Хотела погулять? Вот видишь, теперь папочка тебя накажет. Может быть, папочка тебя поймет... Но не сегодня. Сегодня папочка добрый. Погуляй еще, сучка, — хрипло закончил он.

Раздались короткие гудки.

«Иди в задницу», — сказала девушка в трубку и оставила ее болтаться на проводе.

Слова незнакомца ничего не объясняли, а за шутку их принял бы только очень большой оптимист. Скорее (если считать, что разговор с «папочкой» ей почудился) их можно было принять за внезапное проявление комплекса Электры. Испытывала ли она влечение к папочке, которого у нее не было? М-да, мысли об этом могли завести слишком далеко...

Страх, словно слабая кислота, медленно разъедал девушку изнутри. Тяжесть и твердость «беретты» казались куда более реальными, чем составляющие ее личности, которым она уже позволила исчезнуть. Все, что она могла противопоставить враждебному окружению, годилось только для обычных условий. Даже злу полагалось иметь имя под солнцем, иначе это не зло, а нечто другое, гораздо более страшное, атавистическое, — из мира, где у смерти еще не было ни названия, ни лица, ни масок.

5

Если в твоём удостоверении личности в графе «место рождения» стоит «нет данных», ты начинаешь сомневаться в том, что некоторые имеющиеся данные соответствуют действительности. Дата рождения — первого мая 20** года — почти наверняка выбрана от фонаря кем-то, кто позаботился, чтобы ты вообще могла праздновать день рождения. Ты ничего не знаешь ни о своём отце, ни о своей матери. Твои воспоминания о раннем детстве обрывочны и крайне фрагментарны, но они

неразрывно связаны с монастырем. Там ты безвыездно провела свои первые семнадцать лет и получила «базовое» образование, пригодное для работы, с которой обычно справляются аборигены. Ты человек без роду и племени, и, как выясняется, место твое — нигде. Ты сама считаешь это достаточно справедливым. Просто у тебя был низкий старт, хотя бывает и ниже. И хорошо еще, что старшие подружки в монастыре, знавшие толк в тайных попойках, посещениях рок-концертов и прочих неблагочестивых бдениях, успели подсадить тебя на правильную музыку, иначе жизнь показалась бы полным дерьмом.

Кстати, теперь у тебя нет даже подружек.

А половая и расовая принадлежность указаны верно. Когда у тебя месячные, ты думаешь о том, что предпочла бы через день бриться.

★ ★ ★

Зеленый павильон был словно перенесен на платформу с лужайки возле какого-нибудь загородного дома. Внутри были полукругом расставлены складные детские стулья. На одном из них сидела кукла — забытая кем-то или подброшенная намеренно. Последнее казалось вполне вероятным — кукла являлась точной копией той единственной, которой девушка играла в детстве.

Это был довольно ощутимый удар по нервам, если учесть, что свою куклу она потеряла во время экскурсии по заповеднику километрах в ста от монастыря и еще дальше от города. Помнится, не меньше недели она оставалась безутешна. И впервые убедилась в том, что молитвы о возвращении утраченного не всегда помогают. Как и любые другие молитвы.

Шорохи отвлекали, растаскивали ее внимание, словно мыши; в жерновах подземелья отдельные звуки сра-

зу же превращались в пыль. Девушка осознала, что ее трясет; дрожь была мелкой, а ощущения напоминали голод и холод одновременно. При обычных обстоятельствах действительно не мешало бы чего-нибудь съесть, но не сейчас, когда желудок был заполнен кислой жвачкой страха.

Угроза казалась абсурдной, а потому ее реальность было трудно оценить. Девушка сказала себе, что надо подготовиться к худшему, но при этом не впадать в панику. Как всегда, она плохо себя слышала.

Что означала эта проклятая кукла? Кто-то хотел привлечь ее внимание или какой-нибудь психопат забавлялся на свой непредсказуемый лад? То, что ей не светило узнать это до последней минуты, выводило из себя. Мысли были словно смола в несуществующих волосах. Двигаться — это стало единственной потребностью. И спасением от паники. Двигаясь, она убегала от чего-то... или приближалась к чему-то... во всяком случае, превращала невыносимое ожидание в усилие каждого шага, в воздух, который выдыхала, в звук, изданный ею и никем другим...

Войдя в павильон, она дотронулась до куклы стволom «беретты». Игрушка была очень старой, грязной и потрескавшейся, как будто долго пролежала под открытым небом; платье почти истлело. Голубизна глаз поблекла. Искусственные волосы частично выпали, и были видны отверстия в пластмассовой голове. Тем не менее свою куклу девушка не спутала бы ни с какой другой.

Она сунула ее за пазуху — поступок совершенно иррациональный. Просто ей казалось, что так будет лучше. Не оставлять чужакам ничего своего. Откуда она это взяла? Кто нашептал ей это из здешней фальшивой тишины? И, между прочим, теперь она уже не считала, что пушка досталась ей задешево.

Девушке захотелось выпить — не пива, а чего-нибудь крепкого, — чтобы выжечь эту кислоту, липкую, отрав-

ленную мякоть в груди, которая слежавшимся страхом обволакивала сердце, распирала желудок, напоминала блевотину, но не рвалась наружу, а жадно впитывала отголоски эха...

Эха? А чем еще могло быть то, что она слышала? Неразборчивые разговоры за стеной рано или поздно доведут до ручки, если точно знаешь, что никакой стены нет. Чьи это голоса? Они не шептали, доносились будто издалека, но в то же время звучали над самым ухом... Чтобы заглушить их, девушка начала петь. Не вслух, а про себя, однако этого оказалось достаточно. Ей не удалось избавиться от голосов полностью, но, по крайней мере, она снова могла держать себя в руках.

Она пела без слов. Ритм вытеснил все остальное. Повинуясь ему, она дышала и продолжала двигаться. И вскоре даже задала себе простой вопрос: на что все это похоже? И ответила: в том-то и дело, что ни на что. Это не склад, не подвал психушки, не заброшенный павильон киностудии, не подземный поселок аборигенов — ни в первом, ни во втором приближении. Бросив взгляд по сторонам, можно было сразу обнаружить какую-нибудь деталь, которая не вписывалась ни в одну схему, не отвечала ни одному предположению. Как будто кто-то свалил здесь части разбитого мира, смешал выломанные отовсюду куски реальности, приправил соусом из плохих снов — и в результате она имела перед глазами дикое нагромождение несообразностей.

В этот момент платформа вздрогнула. Низкочастотную вибрацию, передающуюся через ноги, девушка восприняла всем телом. Она не сказала бы с уверенностью, но ощущение было таким, словно под ней проносилось что-то чрезвычайно массивное. И быстрое, как ударная волна.

Вибрация длилась очень недолго — наверняка меньше секунды. За этот промежуток времени не успел бы пройти мимо ни один поезд, даже монорельсовый экс-

пресс. Казалось, что камни взвыли. И тут же все стихло, но девушка не могла избавиться от новой разновидности страха, возникшей только что, когда она поняла: даже это чужое, непонятное и пугающее место — не прочно и ненадежно, оно может в любой момент исчезнуть, рассыпаться, будто карточный домик. Она цеплялась за то, за что цепляться не стоило, однако выбор у нее был примерно таким же, как у заживо погребенного, который вдруг приобрел способность животного предчувствовать землетрясения.

Свет потускнел, сделался густо-оранжевым, почти коричневым. Подняв голову, она увидела облака потревоженной пыли. Пыль заволокла лампы, и сумерки наступили не только у девушки в голове. Она отошла от края платформы, чтобы ненароком не свалиться на рельсы, и, одолев с десяток метров, обо что-то споткнулась. Пригнувшись, она разглядела скелет в армейской форме, который лежал на боку, однако «лежал» было не вполне подходящим словом — скелет выступал из каменной плиты, словно из затвердевшего цементного раствора. Но при этом плита выглядела как монолит и разделяла скелет примерно пополам вдоль линии позвоночника. На виду оставалась и правая половина черепа. В тех местах, где кости соприкасались с поверхностью камня, не было ни малейших щелей. Девушка ни мгновения не сомневалась в том, что скелет настоящий, а не памятник жертвам чего-то там. Сделав один неосторожный шаг, она задела его руку. Хрустнули раздавленные ею мелкие кости.

Полумрак усугублял злое впечатление, которое произвели на нее эти останки. Кроме всего прочего, они означали, что смерть бродила по здешним закоулкам, — и, судя по всему, кто-то так и не нашел выхода. Одного-единственного мертвеца было бы вполне достаточно, чтобы заставить девушку предполагать самое худшее, — но вскоре она наткнулась на еще троих.

Часть скелета от нижних ребер и выше торчала прямо из платформы. Оттуда же «росли» кости предплечий. И тут в мраморных плитах не было трещин. В нескольких шагах дальше она увидела ноги, едва прикрытые юбкой и обутые в туфли. Но больше всего ее поразило мертвец, ставший единым целым с зеркалом.

Зеркало было огромным, в полтора человеческих роста, и заключенным в резную раму из мореного, очень темного дерева. Подставкой служила массивная опора на четырех львиных лапах. Пыль скрадывала отражения. Девушка не сразу поняла, что никто не двигался ей навстречу. Это был ее же силуэт, который выглядел как изображение в черно-белом телевизоре при слабом сигнале. Подняв взгляд, она увидела мертвую голову на более чем двухметровой высоте. Голова и шея, пересеченная поверхностью зеркала, отбрасывали несколько длинных теней. Это была именно голова, еще не череп, из чего следовало, что невероятная смерть случилась относительно недавно. У девушки хватило духу рассмотреть подробности. Рот был приоткрыт, глазницы пусты, веки и ноздри свисали бахромой. Из стеклянного «льда» кое-где торчали волосы, образуя что-то вроде воротника.

Она обошла вокруг зеркала. Задняя сторона представляла собой обычную доску толщиной с палец, обклеенную вырезками из старых журналов: красивые и дорогие люди, шикарные автомобили, роскошно обставленные дома... Нельзя было находиться дальше от всего этого, чем сейчас. А что нужно сделать, чтобы очнуться? Девушка не знала. Возможно, от такого наваждения вообще нельзя избавиться. Значит, реальность — то, от чего нет спасения? Как ни странно, это перекликалось с тем, чему ее учили в монастыре. Но, говорили ей, есть и другая реальность.

Намного лучше или намного хуже этой...

В монастыре тебя учили укрощать желания. Твердили, что это хорошо и правильно — не иметь желаний. Нет ничего хуже, чем потакание своим инстинктам. Становясь старше, ты думала: с желаниями покончено; когда же они примутся за меня? Но все равно: каждое утро начиналось с желания пожрать, вечера заканчивались мыслями о еде; ночью ты тщетно пыталась согреться. Сколько себя помнила, ты всегда чего-то хотела.

Не настало ли время расплачиваться за свою ненасытность?

★ ★ ★

Страх гнал ее дальше. Страх, а вовсе не надежда. Девушка не стала углубляться в проход между зеркалом и стеной какого-то сооружения и снова повернула туда, где за краем платформы чернел провал. По мере того как оседала пыль, становилось светлее. Лампы, похожие на гнилые апельсины, источали тяжелый свет. Она ни разу не была возле радиоактивных могильников, но отчего-то ей казалось, что по ночам они сияют именно так.

Она прошла вдоль стены и свернула за угол. Различила надпись на фасаде строения: «Кафе "В добрый путь!"» Несмотря на темные окна, она решила зайти и опять принялась напевать про себя. Это была не бравада, а, скорее, аутотренинг. Почти сразу ей стало легче — ритм действовал на страх, как активированный уголь. Слова приходили сами собой. Осознав, что напевает «...вместе со мной возвращаясь туда, где любили меня и ждали...», она поняла, что ее неуправляемое второе «я» еще не потеряло способности издеваться над первым.

Из-за приоткрытой двери потянуло запахом пищи — по ее ощущениям, свежей и горячей. Поэтому дверь

она открыла медленно и с большой опаской, хотя в этом было мало смысла — тем, кто, возможно, находился внутри, ее сразу выдал бы проникший снаружи свет. Петли оказались хорошо смазанными, и дверь повернулась бесшумно. Запах усилился. Девушка перешагнула порог и сразу же подалась влево, под крылышко темноты.

Людей в помещении не было — ни живых, ни мертвых. Однако была еще задняя комната, где, вероятно, размещалась кухня. Туда вела дверь, а в перегородке имелось раздаточное окно с оцинкованным лотком. На столах стояли тарелки с супом и мясными блюдами, от них и от наполненных чашек поднимался пар. У девушки сосало под ложечкой, но чтобы заставить себя проглотить еду, потребовалось бы нечто большее, чем легкое чувство голода.

Она пересекла полосу света и обогнула столы. Запах кофе щекотал ноздри. Насколько она могла судить, все ложки и вилки были чистыми, пища — нетронутой. В пепельнице дымилась сигарета, наполовину ставшая пеплом. Девушка подняла голову — дым уходил в темное квадратное отверстие посередине потолка, который состоял из четырех пирамидальных граней.

На внутренней двери имелась табличка «Службное помещение». Девушка дернула ручку — заперто. Через раздаточное окно ей удалось рассмотреть обстановку: большую газовую плиту, вытяжку, раковины, разделочный стол, старый облезлый буфет. Кастрюли и сковородки были аккуратно расставлены на металлическом стеллаже у стены. В кухне все выглядело так, будто повар взял отпуск по меньшей мере месяц назад. Повернувшись, она увидела свои следы на полу, покрытом бархатистым слоем пыли. Чужих отпечатков не было.

Она вышла из кафе и закрыла за собой дверь. Ее слегка подташнивало. Эта забегаловка вызывала непреодолимое отвращение. Отчего-то девушка представила себе зеленватые желудки, упакованные в призрачные

оболочки, отдаленно напоминающие двуногие тела, — перед тем как отправиться в «добрый путь», желудки запролаживаются здесь, не нарушая тишины, не тревожа мертвых и не оставляя следов... Глупые фантазии. Ведь тарелки были полными и еда не остывала.

Сразу за кафе находился участок платформы, который девушка, едва увидев, окрестила про себя «залом ожидания», хотя никакого зала не было, а были просто ряды кресел, расставленных не слишком ровно и обращенных к стене туннеля. Каждое из них имело откидывающееся сиденье и было снабжено номером, как в кинотеатре. Между угловыми креслами была натянута ярко-желтая светоотражающая лента. В последнем от края платформы ряду кто-то сидел.

Приблизившись, девушка поняла, что для разнообразия это не сросшийся с креслом мертвец и не труп, оставленный на месте преступления, а старуха-абориген. Та отреагировала на ее появление слабо выраженным поворотом головы. Тем не менее девушка не испытала облегчения. Старуха была одета примерно так, как персонажи фильмов столетней давности, когда и аборигенов еще не существовало.

Девушка огляделась по сторонам и, не заметив никакого движения, присела в том же ряду. Дистанция в два кресла показалась ей достаточной. И все-таки она чуяла исходивший от старухи запах цветов, названия которых она не знала. Сладковатый, почти приторный, он повисал неподвижным облаком. Наверняка химия. Откуда здесь взяться цветам? И, как всегда с аборигенами, цветочный аромат заглушал другой, едва уловимый и не слишком приятный запах.

Довольно долго они сидели молча. Наконец девушка не выдержала:

— Что вы здесь делаете?

— Жду поезда. — У старухи был низкий, плохо модулированный голос.

- Скоро?
- Что — скоро?
- Когда придет поезд?

Старуха посмотрела на нее, как на помешанную.

— Кто сказал, что он придет?

— Вы. Вы сказали, что ждете поезда.

— Но не сказала, что он придет. Улавливаешь разницу?

— Это такая дурацкая игра, да?

Старуха только едва заметно пожала плечами.

— Ладно. Кто в этом поезде?

— В каком?

— Которого вы ждете.

— Откуда мне знать?

Девушка выдохнула сквозь стиснутые зубы. Ее так и подмывало воспользоваться пистолетом. Приставить к морщинистому виску и спросить еще раз. О поезде... и об остальном. Но она вспомнила правило, о котором узнала из хорошего старого фильма: «Не доставай пушку, если не собираешься стрелять». Для допроса с пристрастием полоумных старух-аборигенов она пока не созрела. Но очень может быть, что скоро созреет. Все к тому шло.

- И давно ждете?
- С прошлого раза.
- А что было в прошлый раз?
- Я перестала ждать.
- И что случилось потом?
- Поезд пришел.

Она даром теряла время. Это только казалось, что времени у нее хоть отбавляй. На самом деле голод и жажда скоро заявят о себе в полный голос. Тень маньяка, говорившего с ней по телефону, тоже лежала на периферии сознания. И постепенно удлинялась.

Возможно, ей следовало бы вернуться в кафе «В добрый путь!» и подкрепиться, но при мысли о происхож-

дении здешней кухни она снова почувствовала тошноту. У нее не было ничего, кроме подозрений, однако она считала, что этого достаточно. Во всяком случае, пока.

Она предприняла очередную попытку:

— Вы знаете Ноя?

— Того, что построил ковчег? Нет, я не настолько стара.

— Он из ваших. Хромает на правую ногу. Я пришла сюда с ним. — Девушка немного грешила против истины, и напрасно: вряд ли старуха чувствовала себя ответственной за ее судьбу.

— Был тут один хромой. Потерял ногу, когда садился на поезд. Или нет... Кажется, ногу ему оттяпал Папочка. Теперь трудно найти хороший протез.

Девушка поняла, что даже не знает, был ли у Ноя протез. С другой стороны, многого ли стоит болтовня старухи? И оставалось только гадать, какие из ее фраз не являются ложью.

— Кто такой Папочка?

— Если встретишься с ним, поймешь сама.

— А как я его узнаю?

— Может, и не узнаешь... если повезет.

— Где он?

— Где угодно.

— Он абориген?

— Он Папочка.

— Это предупреждение?

— О чем?

— Об опасности.

— Опасность? — На лице старухи появилось отдаленное подобие ухмылки. — Нет. После встречи с Папочкой уже нечего бояться.

Девушка поняла, что вела себя глупо. Существо, сидевшее рядом, умело разговаривать и отвечало на вопросы, но с таким же успехом она могла бы вслепую вытаскивать бумажки с надписями из какого-нибудь

ящика для гадания. Благодаря своей дурацкой настойчивости она лишь запутывалась в паутине слов.

Ее затылка коснулось что-то холодное и разреженное, как туман. Слишком холодное для дыхания. Она обернулась. В тот же момент откуда-то из закоулков станции донесся крик какого-то зверя — нечто очень похожее девушка слышала в старой записи ночных звуков африканской саванны. Кажется, зверь назывался гиеной.

Все, что она знала, было вторичным; ей приходилось верить тому, к чему она по разным причинам не имела доступа. С детства ее кормили опосредованным знанием, сведениями из вторых рук. Ее собственный опыт сводился только к тому, что она научилась бояться — сначала дьявола и бога, потом сдвинутого мира и людей по ту сторону монастырской стены и, наконец, себя, своих инстинктов, намерений и снов.

★ ★ ★

Она встала и обошла старуху сзади. Та не шевелилась. Впереди виднелся рояль, и душевая кабина с полупрозрачными стенками, и проход между ними — продолжение маршрута по территории страха. Казалось, девушке придется блуждать в сумерках неопределенности, пока она не свалится с ног от усталости... или все закончится раньше. Ей уже почти хотелось этого.

Крышка рояля была поднята. Некогда лакированные поверхности инструмента выглядели так, словно он довольно продолжительное время провел под водой. В какой-то момент девушке почудилось, что белые клавиши засижены насекомыми, но затем стало ясно, что это знаки, нарисованные черной краской. Ни один из них не повторялся. Знаки были слишком абстрактны, чтобы намекать на какой-то смысл или функцию.

Уверенная, что прежде не видела ничего подобного, она нажала первую попавшуюся клавишу. Звук полу-

чился глухой и дребезжащий. Стих последний отголосок, и тут до нее дошло, что на клавишах нет пыли. Она поднесла руку к лицу; на пальце остался отпечаток — два концентрических круга, пересеченные линией.

Через секунду она снова ощутила дрожь платформы. На этот раз амплитуда вибрации нарастала постепенно; вскоре девушка услышала и отдаленный гул, который, несомненно, доносился из туннеля. Первым ее побуждением было спрятаться, слиться с темнотой. Взгляд заметался, упал на душевую кабину. Как по заказу, лампы над платформой вспыхнули ярче, и в их резком свете она увидела за полупрозрачной стенкой слегка размытый по краям темный силуэт.

У нее сперло дыхание, но тяжесть «беретты» в руке придала уверенности. Девушка сместилась на пару метров вправо и теперь была почти уверена, что человек (или абориген) находится не за кабиной, а внутри. Силуэт оставался неподвижным, и она предпочла бы, чтобы это оказался мертвец, однако для мертвеца тот держался слишком прямо — разве что был насажен на вертикальный прут.

Нараставший гул напомнил о том, что очень скоро у девушки могут появиться новые проблемы... или шанс на спасение. Из туннеля потянуло долгим выдохом подземелья; она почувствовала движение воздуха обнажившейся кожей на темени и затылке. Запаха не было, но возникло неприятное ощущение падения в пересохший колодец, приближения из тьмы чего-то, что она потревожила, сама того не желая. Она бросила взгляд через плечо — старуха, которая, похоже, *дождалась* поезда, сидела в прежней позе, не проявляя никакого интереса к происходящему, словно все текло мимо нее...

Быстрым шагом девушка преодолела открытое пространство «зала ожидания» и укрылась за черной колонной высотой в несколько метров, увенчанной бронзовой двуликой головой. С этого места ей были видны

и старуха, и арка туннеля, и душевая кабина. На ощупь колонна оказалась скользкой и холодной. Девушке чудилось, что колонна сама по себе являлась источником какого-то звука. Приложив ухо к гладкой поверхности, она действительно услышала что-то похожее на далекий колокольный звон. Но его заглушил шум приближающегося состава — девушка уже различала стук колес на стыках рельсов и специфический скрежет, означавший, что началось торможение.

Воздушный поток поднял и закружил мелкий мусор, обрывки газет и упаковочной пленки. При здешнем свете это напоминало пургу за мутным стеклом. Подвешенные на проводах лампы закачались, и возникло множество движущихся теней. Но взгляд девушки притягивала арка туннеля, откуда должен был появиться поезд. Она отчетливо понимала, что через несколько секунд придется принимать решение, от которого, скорее всего, зависит ее жизнь. А решение, в свою очередь, зависит от того, что она увидит. При такой ставке это уже не назовешь игрой. Во всяком случае, она не сумела отнестись к этому просто. Все для нее было внове, включая чередующиеся периоды ступора и адреналиновых всплесков...

Головной вагон электрички вынырнул из туннеля. Оба лобовых стекла были заляпаны краской, и девушка не только не могла рассмотреть машиниста, но и определить, есть ли он вообще. Состав замедлил ход; вагоны выглядели так, словно много лет простояли на запасном пути заброшенного депо. Боковых стекол осталось совсем немного, дырами зияла и размалеванная граффити внешняя металлическая обшивка.

Вагоны сильно болтало даже на небольшой скорости, тем не менее эта груда металлолома благополучно доползла до станции и остановилась. С шипением раздвинулись двери. Из динамиков раздались невнятные

хриплые звуки, в которых человеческий голос даже не угадывался.

Девушка чувствовала себя так, словно кости ног сделались жидкими. Кто-то чужой внутри отсчитывал мгновения, похожие на сумеречные промежутки дурного сна. Этот поезд — спасение или смерть? Больше она ни о чем не могла думать. В прежней жизни ей много раз приходилось проклинать себя за нерешительность, но тут было нечто другое. Та жизнь настолько отдалась во времени, что уже почти слилась с утраченной вечностью детства. Да и прожила ее как будто не она. Под влиянием страха и необходимости рисковать воспоминания теряли смысл. Пользы от них никакой, только пытка сожалением. Как будто девушке было о чем сожалеть — разве только о тех ночах под звездами...

Мысль о звездах, небе и бесконечной тьме появилась очень кстати. Осознав, что через секунду, две или три у нее не останется выбора, девушка все-таки сдвинулась с места, а сделав несколько шагов, перешла на бег. Теперь она в такой же степени боялась не успеть, как несколько секунд назад терзалась неизвестностью. Преодолев примерно двадцатиметровое расстояние от колонны до ближайшего вагона, она успела заметить, что душевая кабина опустела.

Внутри снова зашевелился черный осьминог страха, вращая холодными щупальцами в ее конечности. Секунду или две она двигалась просто по инерции. Ноги плохо слушались ее, и она едва не упала посреди «зала ожидания». При виде старухи, все так же безучастно пившей на стену сквозь долгожданный поезд, девушка, как ни странно, ощутила прилив сил — может быть, потому, что старуха сделалась для нее воплощением фаталистического духа, который витал над этой платформой. В неподвижной фигуре, обреченной на вечное бессмысленное ожидание, она увидела себя, один из вариантов собственного недалекого будущего...

Она бросила взгляд по сторонам — было очень похоже на то, что она окажется единственным пассажиром реанимированной электрички. С одной стороны, это настораживало, с другой — избавляло от лишних забот хотя бы на ближайшее время. И все же тень неведомой опасности надежно прилипла к ней: каждое мгновение она ждала неприятных сюрпризов. То, что раньше считалось невозможным, незаметно переместилось в область маловероятного, а простейшие вещи представлялись недостижимыми. Незначительный сдвиг сильно ударил по ощущениям. У нее мелькнула мысль, сможет ли она вообще когда-нибудь заснуть.

Двери начали закрываться. На протяжении следующих нескольких мгновений девушка пребывала в уверенности, что вот так и выглядят навсегда упущенные возможности: отходящий от затерянной платформы поезд, меркнувший свет, выжившая из ума старуха на перроне. И ничего другого уже не будет...

Она сделала отчаянный рывок, чтобы проскользнуть в сужающийся проем. Ударилась локтем о ребро одной из створок, потеряла равновесие и упала на грязный пол вагона, но это уже казалось пустяковой неприятностью.

Главное, она успела.

7

Когда ты смотрела на кресты в монастыре и представляла, сколько тысяч людей умирало в других местах на других крестах, в адских муках под палящим солнцем, сколько было сожжено заживо, скольким выклевали глаза птицы и над сколькими при этом потешалась толпа недоумков, — ты спрашивала себя: как насчет тех, кто их распинал? Разве тебе не твердили, что бог создал этих дегенератов по собственному образу и подобию? Да неужели? А если ты начинала думать о том, что не-

которые из казненных натворили такого, что, пожалуй, заслуживали и худшей кары, то понимала: круг беспредельной жестокости замкнулся давно, задолго до того, как кто-то придумал универсального козла отпущения.

Впрочем, есть несколько способов выйти из игры. Например, табурет и веревочная петля.

Но лично тебе больше импонирует яд.

Состав дернулся, заскрежетал колесами и начал набирать скорость. Задуло изо всех щелей и разбитых окон. Изнутри вагон выглядел ничуть не лучше, чем снаружи, однако три светильника на потолке чудом уцелели и теперь давали достаточно света, чтобы оценить обстановку. Стенки были выкрашены в грязно-лиловый цвет, который в темных углах казался густо-фиолетовым, почти черным. Возле задней стенки шуршал бумажный мусор. На спинках сидений трепыхалась надорванная обшивка; металлические поручни были смяты, словно кто-то долго и упорно лупил по ним кувалдой.

Поезд оказался неожиданно резвым. Под полом вагона что-то задребезжало, и вибрация отдалась в руках, испытывая суставы на прочность. Девушка встала на ноги и, пошатнувшись, сделала несколько шагов назад под воздействием силы инерции. Мимо прокатилась пластиковая бутылка из-под питьевой воды. Среди прочего мусора ярким пятном выделялся сморщенный детский мячик. Можно было до скончания века гадать, откуда он здесь взялся и что случилось с его владельцем.

Девушка попыталась ни о чем таком не думать, тем более что новых неприятных ощущений хватало с избытком: казалось, порождающие их флюиды влетали и вползали в окна из потревоженной воющей темноты. Кабели змеились по стенкам туннеля, будто диаграммы беспросветной скуки, колебавшиеся около оси пу-

гливо загустевшего времени... Но вот невесть откуда свалилась дохлая грязно-белая птица — девушка дернулась, когда по голому затылку что-то мазнуло, — нет, не птица, конечно, а просто скомканная газета. Поток воздуха газету прибило к ее ногам. Она схватила и расправила лист, посреди которого красовался ржавый отпечаток огромной ладони. Это были « * * *ские ведомости», датированные еще не наступившим днем.

Поскольку газета выглядела достаточно старой, девушка подумала, что происходящее с ней смахивает на фантастический фильм. Честно говоря, она бы не возражала — все лучше, чем прозябать на станции до седых волос или до самой кремации. Разве еще недавно она не просила, ни к кому конкретно не обращаясь: «Забери меня отсюда!»? Проблема заключалась лишь в том, что несуществующие боги иногда понимают просьбы слишком буквально.

Она пробежала взглядом по заголовкам — ничего интересного, обычная каждодневная возня. От протухшей государственной рыбы остался один скелет, поэтому гнить уже было нечему. И даже смердело не так сильно, как раньше. Девушка скомкала газету и отшвырнула от себя это свидетельство чьего-то тихого помешательства — может, и ее, но не все ли теперь равно?

Вскоре она немного успокоилась, ритмичный перестук колес и однообразная картинка за окном сделали свое дело. Ей даже захотелось спать; смертельная усталость навалилась внезапно, словно кто-то набросил на нее отягощенный свинцом плащ. На какое-то время она задержалась в мутном пограничье, где компанию ей составили бывшие подруги из монастыря, почему-то постаревшие лет на пятьдесят, но вполне узнаваемые под морщинистыми масками. Девушка сидела за длинным столом с этими старухами, державшими ее за свою. Перед каждой стояла тарелка, а на тарелках лежали лепешки в виде сердца. Трапезная находилась в полупод-

вальном помещении, и когда вдруг начали дрожать пол и стены, а лампа под потолком закачалась, тревожно мигая, девушка подумала: «Землетрясение. Сейчас нас завалит», — но не двинулась с места. Старухи следили за ней с хитрыми улыбками, словно это была такая игра под названием «Кто продержится дольше». С потолка сыпалась желтая пыль; вскоре она покрыла платки, волосы, плечи, еду в тарелках. Одна из старух откусила большой кусок лепешки с этой присыпкой и принялась жевать. На зубах у нее скрипело, а из уголка рта стекала струйка крови...

Девушка перевела взгляд на единственное окно, за которым плескалась темная вода и уже просачивалась сквозь щели. В этот момент последовал новый толчок. Он был настолько сильным, что девушку швырнуло на костлявую старуху, сидевшую по правую руку. Тотчас окончательно погас свет, и в темноте загремела сметенная со стола посуда. Девушке показалось, что рушится потолок, а хлынувшая в трапезную ледяная вода подбирается к лодыжкам. Она собралась закричать, но лишь втянула в глотку удушливую смесь песка и пыли...

Она вскинулась со сдавленным воплем. Все пока было не так безнадежно. Она сморгнула слезы, а заодно и призраков полусна. За окном вагона змеились кабели. Поезд резко затормозил; ее прижало к поручням. Мусор снова пришел в движение: мяч и бутылка покатались по проходу, но девушка уставилась на бумажный пакет, который, как ей чудилось, ползал вполне самостоятельно и смахивал на раскрытую пасть.

Она заставила себя отвести взгляд и сказала себе, что все это чепуха. Вероятно, так оно и было в сравнении с тем, что ожидало ее впереди.

Например, на ближайшей станции.

Электричка замедляла ход, однако светлее снаружи не становилось. Наоборот, судорожное биение кабельных линий сменилось густым чернильным мраком.

Тем внезапней в поле зрения возникла минималистическая композиция — падавший сверху конусом тусклый свет и два-три предмета в нем.

Момент осознания того, что девушка увидела, совпал с моментом остановки поезда. Как нарочно, картинка в алюминиевой раме окна оказалась прямо у нее перед глазами.

Откуда-то сверху над перроном свисала лампа с металлическим конусообразным абажуром и веревка, которая оканчивалась петлей. Под ними, в центре светового пятна, стоял табурет. Девушка прикинула, что, судя по расстоянию между петлей и сиденьем табурета, импровизированная виселица не предназначалась для аборигена. Она спросила себя: а как насчет ребенка?..

Створки дверей с шипением раздвинулись. Держа палец на спусковом крючке, девушка ждала, не появится ли кто-нибудь из темноты, чтобы разделить с ней удовольствие от поездки. Что-то дешевое и театральное было в этом выверенном освещении, табурете, веревочной петле... Но в таком месте и то, и другое, и третье производило на нее соответствующее впечатление. И раз кто-то этого добивался... Не хватало только чужих шагов.

Если бы состав мог двигаться на энергии страха, она бы уже затолкала его в туннель. Вместо этого ей приходилось сопротивляться панике, которая нарастала с каждой растягивающейся секундой. Стоянка казалась настолько долгой, что заслуживал рассмотрения следующий вопрос: что она будет делать, если поезд дальше не пойдет? Перрон, средоточием которого являлся освещенный круг с виселицей, предоставлял не так уж много вариантов на выбор. И она не знала, какой из них хуже...

Шипение закрывающихся створок на время избавило ее от мучительного ожидания. С явным опозданием девушка подумала, что, может, где-то здесь и был выход наверх. В этом случае она, обманутая видимостью (точ-

нее, невидимостью), упустила свой шанс. Что ж, наверное, не в первый раз. Ей не привыкать. И незачем себя терзать. Тем более что поезд тронулся и набирал ход. Виселица скрылась из виду. Вагон долго втягивался в кишку туннеля. Шевелящийся мусор совершил обратное перемещение, словно подхваченный невидимой водой очередного отлива...

Девушка была близка к тому, чтобы начать палить из пистолета по стеклам, которые еще кое-где сохранились и еле слышно дребезжали. Ей казалось, что кто-то, забавляясь, выдергивал волоски из ее тела — по одному в секунду, — причем нечего было и пытаться схватить этого «кого-то» за руку. А когда будет покончено с волосками, он примется за ее мозг, вырезая доли, ответственные за те или иные вывихи восприятия. И все завершится для нее в тот прекрасный момент, когда она перестанет что-либо ощущать. Может, таинственный Папочка уже рядом? О чем там еще болтала сумасшедшая старуха?..

Стекленили руки, ноги. Девушка спросила себя, чей это прах поблескивает на полу. Ей потребовалось огромное усилие, чтобы сосредоточиться, собрать себя в одном холодном темном месте, где никогда ничего не происходило и где она оставалась всегда той же самой, от рождения до смерти. Это было единственное надежное место, но ей крайне редко удавалось отсидеться там.

Сейчас ей удалось. Ну, почти удалось.

В какой-то момент ей начало казаться, что не она находится в подземелье, а подземелье — в ней. Это был момент власти над реальностью, который девушка, конечно, бездарно упустила. Но кое-что удалось удержать, как если бы в зеркале осталось захваченное амальгамой отражение того, что было перед ним до наступления темноты.

И это наконец позволило ей выскользнуть из одного кошмара... только для того, чтобы тотчас оказаться в другом.

Когда лежишь ночью без сна и темнота все решает за тебя, остается только выбрать то, что она тебе подсказывает. Расставания, потери, ожидания, плохие предчувствия, мысли о самоубийстве. Ты вертишь так и этак свою смерть, пытаешься разглядеть ее спереди и сзади. Где-то, в некоем притоке времени, не столь уж отдаленном и, возможно, ближе, чем ты думаешь, самое худшее уже произошло. Оно происходит непрерывно, что лишь доказывает: падение может быть долгим, пропасть глубока, но не бездонна. И ты говоришь себе: надо подождать еще немного. Ночь когда-нибудь закончится. Ты даешь себе слово: больше никаких иллюзий. Тебе кажется, что эта ночь и твоя последняя, на сей раз истинная жизнь стартовали одновременно. Ты принимаешь снотворное и утром узнаешь, что опять выиграла гонку.

Но так будет не всегда.

Нельзя выигрывать постоянно.

★ ★ ★

Темнота опустилась, как занавес, а потом она увидела вагон при очень слабом лиловом свете, только непонятно было, откуда исходил этот свет. Она ощутила чье-то присутствие, но пока не успела испугаться. Напротив чернело окно, а на его фоне белела рама — половина креста. Темно-лиловые стены и потолок поблескивали, словно покрытые влагой. Вагон становился длиннее, вытягивался на десятки метров, превращался в суживающийся коридор. Искаженное пространство засасывало взгляд... пока он не наткнулся на единственное занятое кресло.

Девушка не сразу поняла, кто сидит в кресле, — вначале она увидела только неясный силуэт. Потом знание, не имевшее источника, разлилось внутри нее подобно жидкому льду. Как и обещала старуха: «Если встретишься с ним, поймешь сама».

Это был ее отец.

Папочка...

Девушка видела его ничего не выражавшее, желтое, сморщенное лицо. Так он выглядел перед смертью, но она просто не могла этого помнить. Отец был одет во все черное, а на голову был натянут островерхий капюшон, из-под которого выбивались пряди лилово-белых волос.

— Иди ко мне! — позвал мертвец, и девушка подчинилась, потому что пытка неподвижностью была еще страшнее видения. Голос старика имел мало общего с вибрацией воздуха; скорее, это был атрибут сна, призрак из той же самой подсознательной могилы.

Девушка поднялась на ноги и сделала несколько шагов по направлению к... Папочке. Даже самые незначительные детали — запахи, предметы, звуки — были ужасающе реальны. Холодные грабли прогуливались по ее внутренностям. Конечности последовательно цепене-ли, размягчались, превращались в податливую вату...

За три шага до него она остановилась, потому что больше не могла двигаться.

«Куда ты зовешь меня, отец?!»

Ее нос уловил сладковатый запах смерти. В тусклых глазах Папочки не было ни ласки, ни сожаления, ни осуждения.

— Иди ко мне... — снова прошелестел бесплотный голос с невероятной и безнадежной мукой.

Девушка моргнула. Слезы застилали глаза.

«Во что ты играешь со мной? Мне слишком плохо...»

Она потеряла его из виду всего лишь на мгновение. Ее веки сомкнулись, разомкнулись... и она начала тихо скулить от животного страха.

Лицо сидевшего в кресле существа уже не было лицом ее «отца». Она увидела голову, рыхлую, как тесто, с глубокими провалами вместо глаз, зыбкой извилистой щелью рта и паутиной движущихся морщин. Лицо

было круглым и мертвенно-белым, будто луна, но во все не по той причине, что на него падали лучи ночного светила...

И тут кукла, о которой девушка успела забыть, зашевелилась у нее за пазухой. Ощущение, что она беременна чем-то, что еще недавно было мертвым и вдруг ожило, оказалось чрезвычайно сильным, словно прямиком перенесенным из генетической памяти. А еще она почувствовала щекотку — поначалу легкую, — но это было не то, от чего ей хотелось смеяться. Потом щекотка сменилась приглушенной болью, точно кто-то копался в ее потрохах, а она находилась под местной анестезией. Но все было гораздо хуже: кто-то попросту пожирал ее, а она совсем не была спартанским мальчиком. И тогда она с ужасающей ясностью поняла: кукла — это был последний «подарок» от Папочки.

— Впусти меня, — попросил атавистический кошмар, и девушка даже не заметила, как отчаяние повалило ее на пол и вернуло в позу зародыша. Она услышала частый глухой стук — это билась о линолеум ее голова — и почувствовала вкус крови, но не боль.

Неясная фигура потянулась к ней из кресла, накрыв своей тенью. Что-то (или кто-то) пытался прорваться сквозь твердую скорлупу ее ужаса... и наконец проник в нее, сделавшись центром крика, который расходился в темноте подобно кругам на воде...

9

Преждевременно состарившиеся, высохшие, шелестящие оболочки, звавшиеся твоими сестрами... Они говорили тебе о смирении. Они рассказывали, в чем следует искать утешение. Они толковали о жизни вечной, что ждала тебя после жизни земной — если, конечно, ты не поддашься дьяволу, который предложит тебе кое-что поинтереснее одиночества, бездетности, наго-

няющих тоску ритуалов и укоряющего шепота невест христовых — настолько обескровленных, что у них не осталось сил даже на то, чтобы закричать. Они говорили тебе, что мир за стенами монастыря — сплошная угроза для души, и чего же они добились? Ты стала думать о дьяволе и мечтать о его подарках.

Он оказался куда щедрее Санта-Клауса.

★ ★ ★

Обнаружить после этого, что в вагоне она уже не одна, было не самым большим потрясением. И в каком-то смысле даже спасением от себя самой. Слово бесплотная рука, шарившая у нее внутри в поисках припрятанного безумия и почти добравшаяся до цели, внезапно выскользнула и занялась тем же — но снаружи. Огромное облегчение. Мир снаружи и так всегда был для девушки чужим, враждебным, холодным и обладал всеми симптомами депрессивно-маниакального психоза. А тут и обстановка оказалась как нельзя более подходящей...

Напротив нее сидел человек («А ты уверена?») — дело существо, похожее на человека. То самое, из палаты внутри шатра. То, чьим хозяином был абориген в желтом халате, — хотя теперь девушка сомневалась в этом. В течение нескольких секунд она всерьез пыталась решить очень старую проблему, о которую сломали зубы пара десятков философов и пара сотен психиатров: что делает человека человеком? И действительно, не внешнее же сходство с прочими двуногими и прямоходящими. Не способность издавать членораздельные звуки. И даже не желание играть с себе подобными в какие-нибудь нехорошие игры и при этом обязательно выигрывать. Наверное, дело в чем-то совсем простом, подумала девушка. В том, что лежит на самой поверхности и потому всегда ускользает. Как сейчас ускользнуло

и от нее. Но это было даже к лучшему: она вдруг осознала, что пытается спрятаться от необходимости действовать в лабиринте мыслей, хотя никакая мысль помочь не в состоянии.

Сидевшее перед ней существо было совершенно голым, но не испытывало от этого ни малейшего неудобства. Напротив, оно непринужденно мастурбировало. Почти двухметровый рост, лицо с пухлыми чертами пятилетнего ребенка и рыхлая на вид кожа, не знавшая солнечного света. Достоинство соответствующего размера поршнем двигалось внутри кулака, который был немногим меньше ее головы. Навершие цвета сырого мяса смахивало на заимствованную часть какого-то другого, не настолько бледного тела, а его мелькание от многократного повторения выглядело как дурацкий фокус.

Девушка первый раз видела голого самца. Порнофильмы в счет не шли — сейчас главное значение имел эффект присутствия. Ритм участился, существо издало долгий стон. Сперма выплеснулась прерывистой струей, несколько капель попало ей на ботинки. Девушка дернулась; сквозь ее мозг и тело пронеслась ледяная колючая волна. Дрочивший на нее самец и ее нестерпимая потребность очнуться от происходящего достигли оргазма почти одновременно. Мысли больше не тормозили ее, потому что ясно было: дальше будет только хуже.

Она оторвала пистолет от живота, где тот покоился — готовый, как выяснилось, к тому, для чего был создан, — и выстрелила не целясь. Не попасть, честно говоря, было труднее, чем попасть. Правда, в ожидании отдачи она перенапрягла руку, и спуск получился слишком резким. Тем не менее пуля вошла прямо по центру живой мишени, проломила грудную кость и оставила напоминание о себе в виде темного отверстия. В нем блеснуло подобие зловещего зрачка — точь-в-точь вороний глаз на закате.

Стон захлебнулся. Девушке показалось на миг, что теперь у существа сперма пошла ртом, но это была розовая пузырящаяся слюна. Потом кровь хлынула из раны в груди, и по всему огромному бледному телу прошла судорога, имевшая мало общего с удовольствием. Хотя как сказать. До своей последней секунды существо улыбалось и продолжало улыбаться после смерти. А член, зажатый в кулаке, не сдавался еще дольше.

Вполне возможно, девушка тоже улыбнулась. Ужас и отвращение не покинули ее, но отдача при выстреле загнала их куда-то вглубь, где они уже не имели над ней парализующей власти. Теперь она знала, как избавиться хотя бы от части своих кошмаров. Это было не лекарство, но, по крайней мере, анестезия. Правда, она быстро осознала, что слишком сильно, прямо-таки смертельно зависит от стальной штуки в руках, в которой когда-нибудь закончатся патроны. И все же с волосами она не прогадала. «Ритуальная магия», сказал тот долбаный абориген? Что может быть лучше ритуала, благодаря которому можно заставить их всех держаться от тебя подальше.

Она встала и, не сводя глаз с убитого, пересела на другое сиденье, подальше от него. Не потому, что боялась, а чтобы на следующей станции (если вообще существует следующая станция) иметь фору. Под форой подразумевалась возможность для отмазки, из чего следовало, что девушка еще не вполне рассталась со своим надземным прошлым.

Усевшись на новое место, она по-прежнему поглядывала в сторону существа. Когда-то ее сместили фильмы про восставших мертвецов, но с некоторых пор все стало возможным. Двигался только мусор на полу вагона, порождая нехорошие мысли о том, что же происходило тут раньше и где теперь тот, с кем попал сюда детский мячик. Не говоря уже о газете за еще не наступившее число.

Эти мысли так захватили ее, что она почти обрадовалась, когда началось торможение.

Когда ты гасила свечу и темнота кельи обступала тебя, в ней таились особенные сны. Псы Господни, о которых ты слышала днем, ночью обретали не плоть и кровь, а зримость и быстроту. Они преследовали тебя сквозь время и даже сквозь твою тогдашнюю непорочность. Что им до нее? Они-то знали свою добычу, знали цену твоей непорочности, знали, что рано или поздно ты сойдешь с узкого, как лезвие ножа, пути истинного — не по причине врожденной испорченности, а чтобы не порезать ноги.

Так что еще в обители, защищавшей тебя от дурного глаза, ты за все заплатила сполна. Авансом.

Но счет все равно не был закрыт.

★ ★ ★

Мертвеца качнуло, и он завалился набок. Кровь закапала на пол. Бумажный пакет двинулся к лужице, словно почуял еду. Девушку чуть не стошнило. Она не сразу поняла, что это запоздалая реакция на убийство.

«Куда тебе в армию, сука», — сказала она себе. Помогло. Не было ничего более несвоевременного, чем раскиснуть сейчас. Потому что состав как раз оставался. О том, как выглядит станция (если это была станция), девушка могла только догадываться. Снаружи свет отсутствовал. Светильники внутри вагона не осветили ничего, даже какой-нибудь заваленной виселицы.

Остановка.

Двери раздвинулись.

Темнота снаружи и тишина.

В этой тишине внезапный царапающий звук продрал девушку до костей. Она дернулась и едва не нажала на спуск. «Беретта» стала средоточием ее сопротивления страху.

Звук повторился. Снова и снова. Он доносился откуда-то слева. Не от ближайшей двери. И не от следующей. Боковым зрением она увидела голову, высунувшуюся из-за сиденья на уровне колена. Голова принадлежала очередному человекообразному, передвигавшемуся на четвереньках. При взгляде на его руки (или передние лапы?) девушке стало ясно, откуда взялись звуки, скребущие нутро.

Сначала «пес» направился к мертвецу, который находился рядом с ним. Кроме кожи и волос, на нем был только ошейник. Когда он повернулся задом, обнаружилось, что между ног у него ничего нет. Это был абориген.

Может, у девушки и возникло желание выскочить из вагона, однако быстро пропало. Нет, не на этой станции. В вагоне был хоть какой-то свет. Потом двери закрылись, и проблема выбора отпала сама собой. Но только эта проблема.

Поезд стал набирать ход. Абориген-«пес» обнюхал мертвеца, затем облизал его лицо и ноги. Повернулся и направился к девушке, не обращая внимания на ползающий мусор. Она увидела мутные глазки и черные зубы в нижней челюсти приоткрытого рта. Когда он приблизился, она лишь благодаря «беретте» поборолась в себе желание подобрать ноги.

Абориген обнюхал ее ботинки и облизал тот, на котором засыхала сперма. После этого он поднял на нее взгляд, который показался ей оранжевым, и оскалился. Она не стала ждать худшего и на этот раз — все-таки есть уроки, что не проходят даром.

Девушка выстрелила в упор. В мгновенно возникшей абсолютной пустоте сознания отчетливо прозвучало единственное слово: «Тринадцать». Кто-то внутри нее подсчитал оставшиеся патроны. А заодно и оставшиеся кошмары, от которых можно было отделаться сравнительно просто.

Аборигена-«пса» отбросило на пару шагов. Пуля попала ему в рот и вышла из шеи. В отличие от бледного мастурбатора абориген подышал долго. Для девушки «долго» означало время, в течение которого ей мучительно хотелось покончить с этим еще одним выстрелом. Но приходилось беречь патроны. Кто-то внутри нее напомнил, что эта ветка подземки может оказаться очень длинной. Длиннее, чем ее жизнь.

Наконец абориген-«пес» перестал царапать ногтями воздух и издох, лежа на боку. Но прежде из него вытекла целая лужа крови. И немного дерьма.

Девушка была вынуждена пересесть. Теперь она находилась между двумя мертвецами. Запах вполне соответствовал ее состоянию. Она была бы не прочь перебраться в другой вагон и опять ждала следующей станции с надеждой и плохими предчувствиями одновременно.

Детский мячик, прокатившийся мимо, оставил на полу липкий багровый след в виде прерывистой линии. Когда она закрывала глаза, на внутренней стороне век тоже возникал кровавый пунктир — след раскаленной иглы, пронзавшей и сшивавшей ее веки. Поэтому она не могла позволить себе держать глаза закрытыми. Считала удары сердца. На сто пятьдесят седьмом состав начал тормозить.

11

Ты думала, что заправочная станция — дырка в заднице мира, но, возможно, это было единственное место, где еще остались такие, как ты. Да, пустота, да, тоска, хоть вой, однако лучше выть от тоски, чем от боли. Правда, кое-кто думал иначе. Кое-кто из плохо кончивших ребят считал, что испорченный мир нуждается в небольшом (а лучше в большом) кровопускании — конечно же, не просто так, а во имя будущего. Послед-

ствия тебе известны. Чертово будущее наступило. Проклятые идеалисты, как всегда, ошиблись, но сдохшим миллиардам от этого не легче. Ты догадываешься, что тебе в каком-то извращенном смысле повезло и ты задержалась на этой планетке как некий рудимент, доживающий последние дни.

Но ты зачем-то полезла в подземку.

В этом беда *старых* людей и твоя беда — ни они, ни ты никогда не знали своего места.

Два мертвеца и она, пока живая, в вагоне, выкрашенном в цвет безумия. На полу — кровь и дерьмо. И переползающие с места на место игрушки пропавших без вести. За окнами — выдернутые жилы. Корчи пульса, судороги непроизносимого. Подушка темноты. Если дать ей опуститься, придушит. И кто-то навалится с той стороны...

Но у девушки пока есть чем стрелять сквозь подушку. Она ждет. Время не двигается. А куда? Во всех направлениях — ужас и невыносимое искушение бесконечностью. Лучше туда не ходить, даже вслед за временем, иначе это никогда не закончится.

Продержаться от вдоха до выдоха. Повторить. Не так уж трудно, правда? Особенно если убедить себя, что вокруг нет ничего реального. И сама она нереальна. Тогда совсем легко. И черный экран вокруг головы, в который барабанит кошмар, — всего лишь ошибка восприятия.

Все дело в настройках, девочка. Они у тебя сбились, когда ты спускалась сюда. Надо найти способ вернуться к прежним. Или найти того, кто тебя *исправит*. Ого, ничего не напоминает? Может, монастырь въелся в твою душу глубже, чем тебе хотелось бы?

Ну, по крайней мере, девушка не рассчитывала на помощь или хотя бы вмешательство того, кого принято

просить о помощи в безнадежных ситуациях. Или все, что творится, — это и есть его вмешательство? В таком случае мир оказывается весьма забавной и страшной штукой. Не для слабонервных, конечно, но ей и так надоело быть слабой, и два трупа справа и слева служили тому доказательством.

Так она собрала себя по кускам в нечто, напоминавшее ей самой разбитое, а затем склеенное гипсовое распятие — на прочность лучше не испытывать, и кое-каких мелочей не хватает, но внешне выглядит примерно так, как должно выглядеть, во всяком случае, можно узнать, чем это было раньше.

Очередное торможение она восприняла как свидетельство налаживающейся связи между двумя не вполне реальными вещами — собой и подземкой. Осталось отыскать внутри себя достаточно силы и безразличия, чтобы исправить эти вещи.

А если не получится обе, то хотя бы одну из них.

12

Потом была остановка, и...

Первое ощущение — не хватало одежды. Девушка приоткрыла глаза. Да, совершенно голая, она сидела в одном из тех кресел, которые когда-то (ей так казалось) стояли на заднем дворике магазина при заправочной станции. Ноги раздвинуты. Руки бессильно свисают с подлокотников. Само собой, не было ни станции, ни магазина, ни стены, ни неба. Даже снега не было. Только слепящая пустота. Именно слепящая, потому что девушка закрыла глаза, не в силах вынести этой пустоты.

Очень долго она пыталась понять, что это. Очередной кошмар? Нет, скорее передышка. Ничего не происходило. Вдруг она поняла, что почти ничего и не помнит. А то, что помнит, похоже на отражения в грязной воде. В слишком маленькой луже. После дождя, которого не было.

Потом она услышала голоса.

Они звучали так, словно доносились со звезд... или принадлежали мертвецам с канала «Ретрожизнь». Тем не менее голоса были молодые, веселые и злобные. Один из них — точь-в-точь голос того (*Папочки*), кто разговаривал с ней по телефону, а другой... Другой был голосом толстяка-«аборигена», продавшего ей пистолет.

— Следующий уровень?

— Думаю, с нее хватит.

— Я бы добавил еще, чтобы неповадно было. Третий побег за неделю, какого черта!

— Это потому, что они кое в чем слишком похожи на нас.

— В чем?

— Ну, а ты бы на ее месте не сбежал?

— К счастью, я не на ее месте. И вообще херня это. Она не может испытывать ничего такого, чтобы захотеть сбежать.

— Кто знает... Ладно, не бери в голову. Но все равно, не дай тебе бог оказаться на ее месте.

— Заладил, мать твою! Или отключай ее, или...

— Или что?

— Или не мешай работать... А она ничего. Не то что позавчерашний урод.

— Тот, который на третьем уровне решил, что попал в чрево кита?

— Ну и кретин... М-да, а эта действительно ничего. С бритой головой хорошо смотрится, правда? Плосковата немного, но сойдет. Позабавиться не хочешь?

— Ха! С бывшей монашкой? Я не извращенец.

— Она *думает*, что она бывшая монашка.

— Уверяю тебя, это одно и то же. Ладно, стирай монастырь к гребаной матери!

— Э, нет. Так интереснее. Бывших монашек я еще не имел. Смотри, как вцепилась в пушку. Тебе это ни о чем не говорит?

- Страшно ей, сучке.
- Страшно — это само собой. Мне кажется, тут надо кое-что другое почистить.
- Да ну, на хрен. Она почти прошла пятый уровень. Оттуда возвращаются стерильными, как младенцы... или не возвращаются совсем.
- Ты помнишь, чтобы кто-нибудь не вернулся?
- Да вроде было... давным-давно. Учитывая масштаб времени, сейчас она уже, наверное, старуха.
- Призрак внутри призрака? Я даже думать о таком не хочу. Еще ночью приснится...
- А-а, вот я и говорю: не дай нам бог... Молчу, молчу. Все, пушка стерта. Получи свою монашку, безоружную и безгрешную. Теперь даже не «бывшую». Куда ее, не знаешь?
- Да все на ту же гребаную заправку, куда же еще! Раньше из них хотя бы шлюх делали, а теперь озабоченным только органику подавай.
- А ты не такой?
- А мне похер — по-моему, баба как баба. Если думаешь, что жрешь сахар, значит, так оно и есть. Ты сам сказал.

★ ★ ★

Она услышала более чем достаточно. Втекавший в уши яд медленно убивал ее. Но остатки памяти умирали еще медленнее. Девушка даже хотела, чтобы это — *очищение* — случилось, чтобы она избавилась наконец от проклятия, которое обрекало ее на поиски смысла — как оказалось, несуществующего. Вместо жизни ей раз за разом подсовывали подделку.

Но теперь какой-никакой смысл вдруг появился. Найти тех, кому принадлежали веселые и злобные голоса. Ну и что, что пушка в ее руке — плод ее воображения? У нее забрали прошлое, но это, как ни странно, облегча-

до работу с *настоящим* — со слепящей пустотой внутри и снаружи. Девушка научилась управлять своим воображением.

Пистолет появился в ее руке, постепенно обретая материальность. И растворился снова. По ее желанию. Пистолет-призрак. С тринадцатью патронами-призраками в обойме. Которые никого не могут убить... кроме призрака?

Она сама запуталась в этом. А как не запутаться, если почти прошла пятый уровень. Пятый — это не третий, где тебя всего лишь проглатывают заживо. Для нее с этого все только начиналось — ее поглотила подземка. Дальше — хуже. Некоторые вообще не возвращаются. Кое-кто до сих пор ждет поезда, который никогда не придет. Кое-кто навеки остался в камне. Или в зеркале... Но она не будет ждать. Теперь для нее все было нереальным, включая страх и смерть. И все могло стать реальностью.

«Если думаешь, что жрешь сахар, значит, так оно и есть»? Она научит их кое-чему еще.

Если думаешь, что тебя убивает девушка-призрак, вполне возможно, что так оно и будет.

НИКОЛАЙ НЕМЫТОВ

СЕМЕН ПОРОЖНЯК И ЕГО «ЖУЗЕЛЬКА»

Избиение не доставляло парням никакого удовольствия: водила упал с первого удара в челюсть, упал навзничь и даже не закрылся руками, когда его стали пинать.

Переворачиваясь с бока на бок, Семен видел их брезгливые лица, и самому сделалось скучно, будто это не ему сейчас ломали ребра.

Ну, вот опять. Опять поменялся хозяин у маршрутчиков, опять кто-то шепнул, что Семен Порожняк не платит в общую казну и работает на другого. Опять Семена бьют, требуя денег и адрес его хозяина. Опять бьют ногами — у белобрысого братка Белявый с черно-красной подошвой, а у брүнета — кожаные туфли на микропоре. Полгода назад здоровяк в камуфляже пинал берцами — есть что вспомнить. Хоть бы когда ножом полоснули для разнообразия. Хотя это тоже уже было. В голову еще не стреляли, но такого, наверно, никогда не случится. Кто он такой, Порожняк, чтобы на него пулю тратить?

Семен дергался от ударов и молчал, стиснув зубы, чтобы не откусить язык. Ему уже сломали два ребра, ушибли правую почку, досталось печени и селезенке. По морде не били, если не считать первого удара.

— Хватит! — прикрикнул на ребяток Старшой. — Харэ, говорю!

Он склонился над Семеном:

— Что скажешь, Порожняк?

Водила пырхнул, попытался сплюнуть кровь — неудачно. Сукровица потекла по губам и щеке, смешалась с пылью.

— Встать можно? — спросил он, замечая удивление на лице Старшого.

— Живуч, сука, — презрительно произнес Белявый.

Семен кое-как стал на колени, запрокинув голову, разгоряченной кожей лица чувствуя падающую сырость тумана. Терпимо. Больше бить не будут. Они же не совсем лохи, им же к хозяину нужно. Им же подавай бабласы, бабло, лавэ.

— Так что, Семен? — Старшой брезгливо скривился.

Оно понятно — противно ему. Стоит перед ним на коленях червь бессловесный, стоит в соплях и крови. Даже рыпнуться как нормальный мужик не посмел.

— Я ж говорил, — Порожняк откашлялся — в горло словно песка сыпанули, сломанные ребра отозвались болью. Терпимо.

— На своей тачке туда не проедете, потеряетесь. Я ж говорил, — в груди скрипело, клокотало. Семен сплюнул кровью, вытер тягучую слюну ладонью. — Хозяин только мою «Жузельку» пропустит.

— Сука, да ты в прошлый раз скрылся в тумане, — Старшой сгреб Семена за грудки. Не испугался крови на рубашке. Злится.

Порожняк смотрел ему прямо в глаза. Дурак ты, Старшой, хоть и крутой сто раз. Куда тебя несет — сам не знаешь? Тот понял, что от водилы мало толку, отцепился.

Семен, крихтя, поднялся на ноги. Рубаху жалко. Порвана. Штаны не лучше — покрылись пылью и бурными пятнами. Переодеться бы. Чистая рубаха в сумке, кстати, последняя осталась, ее для обратной дороги сберечь надо. Где-то комбез был серенький.

— Понял, Семен? — Старшой все это время что-то толковывал, а водила прослушал.

— Ага, — кивнул Порожняк. Конечно, «ага!», и неважно, чего там говорили. Потом рассчитаемся. В конце пути.

— Если не вмоготу, хозяин пропустит вас, — ответил Семен, стягивая рубаху через голову, — хоть со мной, хоть на вашей тачке.

— Чего ж раньше не пустил?

Ишь, любопытный сыскался. Порожняк пригладил взъерошенные волосы.

— Кто ж знал, что вам больно охота, — пробурчал он.

Семен глянул на Старшого — прищурился, думает, водила крутит, значит, кинуть опять хочет. На братков посмотрел — скучают, курят. Жалко их, да сами напросились.

Семен бросил рубаху в мусорку у остановки: «Оторвановка» — белыми буквами на синем фоне. Конечная.

— Пора, — сказал он, заковылял к маршрутке.

Первый клиент уже сидел возле водительского места. Нос с горбинкой, ежик русских волос, Понятливый из тонкого брезента. Бросил быстрый взгляд на Семена и сразу все понял. Так показалось Порожняку, что парень все про него понял. Понятливый, блин. Семен скинул штаны, запутался левой ногой, чертыхнулся, помянул тещу лешего. А Понятливый смотрел и молчал.

Ну, смотри-смотри! Тута ссадина, там синяк, кровоподтек. Нравится? Нам морда целая, и ладно.

Порожняк более-менее успокоился, когда натянул комбез и сел за баранку. С другой стороны уже лез Белявый.

— Э, братан! Мы с корешом тут места забили, — возмутился он, увидев постороннего.

Понятливый повернулся к нему, но даже не убрал свой рюкзак со второго сиденья. Не уважает братков — за сотню верст видно. Белобрысый как-то сразу скис, хлопнул дверью и, матерясь про себя, полез в салон «Жузельки». Порожняк видел в зеркало заднего вида, как они с Чернявым устраиваются в кресле за спиной водителя.

Ну, и лады.

— Вот и поместились, — улыбнулся Семену Понятливый.

— А тебе куда, мил человек? — поинтересовался Порожняк.

Тревожно как-то стало на душе, нехорошо.

— Туда, — странный пассажир кивнул за лобовое стекло.

— Деньги есть? У нас «туда» задаром не возят.

Понятливый спохватился, достал из кармана пакетик.

— Хватит?

Семен слотнул. Доброволец, мать его, герой! Хуже клиента не бывает. Вот влип! И паренек-то правильный. Какого ж хрена? С другой стороны — понятно какого. Бежит от себя и от бытовухи. Ну-ну, бегунец. Черт с тобой!

Семен хлопнул дверкой. Под зеркалом заднего вида качнулись две китайские монетки, перевязанные красной ниточкой. На счастье и богатство.

Раиса Анисимовна с трудом подняла ногу на нижнюю ступень. Зять ласково взял ее под локоток.

— Та не штовхайся, Ирод! — возмутилась теща.

— Я помогаю, мама.

— Кобыла твоя мама, — сварливо проворчала старуха. — Ишо пляга пуще зебры у Африке. А я стара для таких фортелей.

Водила сидел за рулем, пыхтя сигаретой.

— Ты чо робыш, Ирод? — визгливо крикнула Раиса Анисимовна. — Повный ахтобус табака!

Тот покосился на старуху, выпустил облако дыма в форточку и выбросил окурок.

— Проходите в салон, — тусклым голосом произнес водитель.

— Какой салон? Ента душегубка? — не унималась старуха.

В автобусе сложилось облачко дыма. Зять бойко открыл форточки, вернулся к теще.

— Садитесь, мама. Хотите впереди?

— Шоб мене люди стоптали? Сяду де захочу! Щас гроши тока достану.

— Я заплачу, мама, — заверил зять.

На мгновение Раиса Анисимовна онемела, а потом, бурча, побрела по салону старого «ЛиАЗа», волоча за собой сумки с зеленью.

Водила был под стать автобусу: пухлое лицо, мелкая темная щетина на щеках, рубаша с тертыми воротом и манжетами.

— Сколько? — спросил зять, доставая кошелек.

Водила прищурился:

— А то не знаешь?

Зять долго звенел в кармашке кошелька мелочью — руки дрожали.

Старый «ЛиАЗ», чуть заваливаясь на правую сторону, отошел от остановки. Две китайские монетки на лобовом стекле качались в такт машине.

Автобус отеля сверкал серебристыми боками. Родион Александрович довольно хмыкнул: второй этаж, шикарные кресла. После жары у стеклянных дверей аэропорта приятная прохлада салона. Опрятный араб-водитель белозубо улыбнулся у дверей автобуса, поклонился едва не до земли, приглашая войти. Родион Эдуардович сунул ему в ладонь монетки — секретарь-референт рекомендовал так сделать. Дескать, на удачу и хороший отдых.

На переднем сиденье у двери расположился парень в камуфляже без знаков отличия. Еще двое, с виду шестерки — цветастые гавайки, темные очки, жвачки чавкают с выражением, — крутят пальцы друг другу. Где-то лавэ по легкому срубили и забурились на дорогой курорт. В середине салона сидела старуха в дорогом костюме, рядом — два чемодана размером с кухонный стол каждый. Маразматичка. Боится с барахлом расстаться. Таких Родион Александрович терпеть не мог: склочные перечницы независимо от положения и достатка. Он выдохнул и втиснулся в свободное кресло.

Серебристый автобус плавно вырулил на трассу, стал набирать ход. Две монетки на лобовом стекле сверкнули в лучах солнца.

Водила поморщился:

— Не. Не пойдет. Не прокатит, — заявил он, возвращая родителям деньги.

Рина сделала музыку громче, чтобы не слышать спор взрослых. Мать курила, сипло кашляла в кулак. Отчим тыкал бумажки в руки водителю маршрутки. Тот почему-то не соглашался. Нудная ботва.

«Не смотри, не смотри ты по сторонам,

Оставайся такой, как есть,

Оставайся сама собой», — заверяла в наушниках Максим.

Рину отправляли в училище. Точнее, с глаз долой. Подросток раздражал нового папу, надоедал маме, которая боялась остаться без мужика. Потому «папа» договорился с корефаном из города, чтобы тот устроил падчерицу в училище. Рине было все равно. Только бы подальше отсюда.

Замызганная маршрутка, «Газель» с затемненными стеклами, увезет ее в город, и точка. Слабенькая лампочка на лобовом стекле освещала выгоревшую от времени вывеску — не разобрать ни номера, ни маршрута.

Водила под стать машине: мятый комбез лоснится на коленях, светлые волосы торчком, словно только со сна, обветренное лицо чисто выбрито, а глаза усталые. Что сказать? Водила по жизни.

Вот странно, почему деньги не берет? Отчим уже докладывает сверху, козел.

Дребезжа и тарабаня, «Газель» завелась с первого раза. Казалось, под капотом у нее не двигатель, а связка консервных банок. Водила погазовал, на что машина булькнула и заглохла. Толстый дядька презрительно хмыкнул, качнул головой. Старуха с пакетами что-то сварливо пробурчала, поминая Ирода.

За запотевшим окном неясными силуэтами отчим с матерью. Она наверняка плачет. Всегда плачет, когда на-

пьяется. Сегодня есть повод — доця покидает родительский дом.

Бренчание в движке сменилось свистящим урчанием, и мир за окном поплыл назад, сменяя декорации.

Семен Порожняк глянул в зеркало: три пассажира. Ни с богатым толстяком, ни со сварливой старухой проблем не будет, а вот с девчонкой... Еще повезло, что сегодня детворы так мало. С ними всегда проблема.

Едва выехали с Кольцевой у конечной остановки, на обочине возникла женщина в синей кофте и спортивных штанах. Она бежала навстречу, как это могут делать полные женщины: колыхая тяжелым бюстом, сменя ногами. Взмахнула рукой: «Стойте!» Семен хотел было проехать мимо, но в руке женщины что-то сверкнуло.

— Вот спасибо, — она вцепилась в двери «Жузельки», как в спасательный круг, отдышалась.

— Я не на своей линии, — предупредил на всякий случай Семен. — Вам куда?

Она на мгновение растерялась, моргнула.

— Ну как же! Вот, — протянула деньги.

Семен кивнул:

— Садитесь.

— Нет-нет. Это не я, — она потупилась и прошептала: — Наш дедушка, понимаете?

Порожняк пожал плечами: дедушка так дедушка. А сама она понимает, что делает?

Женщина оглянулась, кому-то крикнула: «Быстрее!» Прошла еще минута, пока в дверях появился дедушка: бежевая кепка, серый пиджачишко, черные брюки. Вполне ухоженный старикан с сумочкой в руке. Зачем они дают с собой вещи? Привычка показывать заботу о ближнем?

Семен взял деньги из рук женщины — годится. Деньги — это главное. Можно без котомки, но без денег —

нельзя. Пока глядел в зеркало, как дедушка устраивается в кресле, поймал взгляд девчонки. И что с ней поделать? Рука невольно скользнула к поясу — Милосердие на месте. Неужели придется?

Первым спохватился толстый мужик. Видимо, при-спал малость. Вскочил, глаза бешеные — типичная реакция обманутого:

— Эй! В чем дело? Где я?!

— В маршрутке, — негромко ответил Семен.

— Какой ... маршрутке?! Как в маршрутке?! ...!

Толстяк стал пробираться к водителю.

— Стой! Стой, кому сказал?!

— Посреди дороги — не имею права. Сейчас на обочину съедем...

— Я тебе покажу права, козел! Знаешь, кто я? — в зеркало заднего вида его толстая физиономия не помещалась.

С обманутыми так бывает. Очень часто бывает. Садись хоть в самолет, хоть в поезд — очутишься в «Жузельке». Главное — деньги. Заплачено — и дело сделано.

— Желаете выйти? — спросил Порожняк, открыв дверь салона.

Мужик заметался. Маршрутка стояла на обочине, окруженная туманом. Видно на двадцать шагов, не более. Ветви деревьев над головой, словно руки привидений.

— Ирод! — вопль бабки заставил толстяка дрогнуть. — Что за напасть?

Еще одна отошла.

— Куда едете, бабуля? — спросил Семен.

— У город! На базар, куды ще? Ирод, у мене ж зелень пропадает!

— В город, значит, в город, — кивнул Порожняк. — Остальные тоже в город?

Старик блаженно улыбался; девчонка смотрела в окно — все по фигуре; ребятки насупленно молчали; Понятливый с интересом смотрел на водилу — что за цирк? Позади на грани видимости притормозил черный джип Старшого — терпеливый, волчара.

— Ну, что, гражданин? — обратился Порожняк к Толстяку. — Выходите или до города?

Тот грохнул кулаком о переборку:

— Едем. Но ты, сука, за все ответишь.

Ответим, куда денемся? За все ответим.

Через полчаса езды Семен сверился с километражем. Сколько времени мы потеряли, когда подбирали старика? Минуты три. Не в счет.

— Эй, шеф! Давай побыстрее. Не на похоронах... — нетерпеливый Толстяк ерзал на месте, выглядывая в окна.

Быстрее нельзя. Встречный ветер посвежел, по всему, река рядом. Берега слишком уж изменчивые. Глазом не успеешь моргнуть — в воде по уши. Так и к Копеешнику попал: туман, мост, река. Хорошо, по позднему вечеру порожняком шел.

Под колесами зашуршал песок. Семен сбросил скорость, притормозил. Слишком близко к берегу не стоит подъезжать, потом никто не поможет вытаскивать севшую машину. Мотор поработал на холостых, пыхнул, заглох. Порожняк глянул на часы — тридцать семь минут. С каждым разом рейс все короче. Хорошо это или плохо?

— Хрен его знает, — пробормотал Семен и глянул в зеркало — пассажиры растерянно оглядывались.

— Приехали, — сообщил водила. — На выход.

Первым к двери поспешил дедушка. Штаны на заднице мокрые.

— Извини, сынок, — прошептал старик.

И не такое бывало. Когда везешь смертельно больно-го, иногда салон хрен отмоешь.

Семен осторожно вышел из машины. Едва не упал на песок — ноги слушались плохо. Ничего, сейчас вернем должок с ребяток, сразу легче станет, а там Осьминог подтянется, и пойдет потеха.

— Ты куда завез, козел? — Толстяк тут развернул плечи, прочистил горло. Это не в тесной «Жузельке» кричать на водилу, согнувшись в три погибели. Теперь-то — эх!

Черный джип переехал ему дорогу, загородил своей массой Семена. Старшой открыл дверь, но не вышел.

— Что дальше? — спросил он, прикурил.

— Ждем, — ответил Порожняк, с завистью глядя на тлеющую сигарету. Страшно хотелось курить, да нельзя. Побитое тело может отключиться.

— Ирод, ты куды привез? — бабка опасалась выходить из маршрутки. — Вези взад, в город!

— Слышь, мудака... — Толстый не поленился обойти джип, желая разобраться окончательно и со всеми.

— Вали, дядя, — Белявый оказался рядом и красно-речиво сунул руку за пазуху.

Толстяк попыттел, посопел, но уступил, бросив напоследок:

— Ну, суки... Поквитаемся.

Он достал мобилу. Откуда здесь покрытие? Семен до сих пор не знает, что это за место и где. Порожняк глянул на «Жузельку». Бледным пятном сквозь темную пленку — лицо девчонки. Проблема. Ну да ладно.

На реке что-то тихо плеснуло. Белявый на мгновение отвернулся, щурясь в молоко тумана.

— Пора, — пробормотал Порожняк, прикладывая ладонь меж его лопаток.

Белобрысый браток заорал от боли, рухнул лицом вниз словно подкошенный.

— Что за на хрен? — Чернявый выхватил ствол. Семен шагнул к нему, перехватывая запястье с оружием. От избитого водилы никто не ожидал такой прыти. Ведь не посмел даже рыпнуться, а тут... Браток заорал, изгибаясь, как от удара по спине. Упал навзничь, глухо ударяясь головой о песок. Беспольный пистолет остался в скрюченных судорогой пальцах.

— Стой, сука! — Старшой выскочил из джипа, наводя свой ствол на Семена. — Отошел! Отошел, падла!

Порожняк облегченно выдохнул: печень и селезенка от одного, ребра и почки от другого. Нанесенные увечья вернулись к парням, здоровье — к Семену.

— Все по справедливости, — сказал он Старшому. — Тебя не трону. Ты не бил.

Тот колебался: пристрелить водилу — верное дело. Но если Копеешник узнает, что его человек убит, понятно, отомстит. Рулить на чужой территории Старшому не хотелось.

— В машину, — приказал он раненым поделникам. — Давай в машину!

Дальше начался привычный для Семена абсурд. И началось все с того, что Порожняк сел на свое водительское место, наконец-то закурил, достал термос с горячим кофе.

Первым попался белобрысый браток. Щупальца Осьминога ударили сверху, полоснули по спине, сдирая кожу, мышцы, вырывая позвоночник. Белявый раскрыл рот, но вместо крика хлынула кровь. Еще два щупальца скользнули с боков, разорвали останки пополам, оставляя туманный силуэт — душонку братка.

Понятливый действовал быстро. Выскочил из маршрутки, на ходу перекатился, подхватывая пистолет погибшего. Два выстрела не остановили падающее на него щупальце. Парень быстро отступил, бросился к Семену.

Ясное дело: сесть за руль и деру отсюда. Куда деру, балбес?

Милость сама вырвалась из-за пазухи, ужалила парня в протянутую к Семену руку, а Порожняк добавил ногой в грудь. В такие моменты Семен себя ненавидел, но иначе поступить не мог.

Тем временем Осьминог «обчистил» Чернявого, словно перезрелый банан, разломил джип и извлек из него визжащего Старшого. Семен поморщился, хлебнул горячего кофе. На песок шлепнулось нечто бесформенное, грязно-бурое.

— Ироды! Ироды! — бабка бросилась наутек, подобрала подол юбки.

Толстый дядька, заляпанный кровью братков, упал на колени, протянув навстречу Осьминогу золотой крест, висящий на шее.

— Отче еси... Отче небеси... — шептали его трясущиеся губы.

Щупальца потянулись к Толстому, дернулись, словно человека защищал какой-то невидимый барьер. Попробовали еще раз, но уже осторожнее — никак не взять.

Мужик возликовал, встал на ноги, держа на вытянутой руке крест. Семен пырхнул от смеха. Осьминог — еще тот шутник, любит поиграть. Не со зла, от скуки.

— Отче еси! На небе ты! — орал Толстый, наступая на Осьминога.

— Назад! Назад! — кричал Понятливый.

Умный попался. Увидел подвох. Ой, будут с ним проблемы!

Щупальца пятились, не смея коснуться креста. Толстый пер так, что казалось, сейчас пойдет по воде, аки посуху. На какое-то мгновение Семен начал верить в это, даже замер с чашкой недопитого кофе в руке. Мало ли.

Обошлось без просветления. Осьминог замер в позе «руки вверх».

— Сдохни, сука! — возликовал пророк. Понятливый почти добежал до него. Щупальца оказались быстрее. Одно обхватило руку, держащую крест, подбросило Толстого в воздух. Вопль страха захлебнулся, кровь окропила Понятливого с головы до ног. Тот молча поднял пистолет и всадил в щупальца оставшуюся обойму. Пули с визгом отрикошетили.

Народный мститель, блин!

Семен покачал головой, окликнул парня:

— Эй, герой! Ты дедушку завалил.

Понятливый скорчился, как от удара, стал затравленно озираться, а старик медленно оседал на песок. Бледные пальцы дрожали, зажимая сочащуюся из левого бока кровь.

Почему судьба постоянно смеется над героями?

Семен заглянул в чашку — глоток остывшего кофе. Пора бы заканчивать, но Копеешник не появится, пока Осьминог не закончит свою работу.

Понятливый скинул куртку, принялся рвать на ленты рубашку. Старик слабел на глазах. Кровь ритмично плескалась из раны в бок — видимо, пуля задела важную жилу.

— Не надо, сынок, — шептал дедушка, отстраняя сильные руки парня.

Кровь ручейком устремилась в реку. Понятливый стоял над остывающим телом, сжимая в руках бесполезные обрывки рубашки. Памятник человеческому бессилию.

Решает для себя: кто виноват? И что делать? Ну-ну, Достоевский. Неужели подсказывать надо?

Щупальце тихонько подползло к телу дедушки, зацепило его когтями и потащило в воду, оставив на берегу белый «сугроб».

Из тумана выскочила бабка. На человека она уже мало была похожа: зрачки закатились под верхние веки, седые волосы висели мокрыми плетями, из беззубого

рта хлопьями срывалась пена. Она неслась к воде, выкрикивая что-то невнятное. Хватило одного удара щупальцев — серая масса осталась у полосы прибора.

Герой вошел в воду и пошел на глубину. Решительный паря, только бестолковый. И непонятно, чего решил: утопиться или прибить Осьминога?

— Раз, два, три, — принялся считать Семен, прислушиваясь к плеску воды.

В тумане над рекой глухо ухнуло, герой заорал, пролетел над пляжем и рухнул у «Жузельки». Три! Всегда на счет «три» Осьминог выплевывает добровольцев. Дураками оно не питается и в голодный год. И что с героем прикажете делать? Еще проблема.

По воде вновь пошла волна, слышался тихий плеск — весло. Большая лодка появилась из тумана. Борта насквозь прогнили, труха сыплется в воду с тихим шелестом, но посудина уверенно держится на плаву. Существо в полтора человеческих роста в рваной старой хламиде крепко держит весло белыми костистыми пальцами.

Семен соскользнул с водительского кресла, захлопнул дверь кабины. На песке постанывал оглушенный падением герой. Да черт с ним! И так: два «серых» и «белый». Вот черт! Еще девчонка в салоне прячется. Порожняк коснулся рукояти Милосердия.

— *Нож-то зачем?*

— *Это Милосердие. Сам поймешь зачем.*

— *Нет-нет! Я убивать не буду!*

— *Взгляни вокруг. Здесь все мертво. Здесь не выжить. Даже воздух иногда исчезает из этих земель. Отсюда есть возврат только для тебя. Остальные должны умереть сразу. Если останутся — долгая мучительная смерть от голода, жажды, удушья.*

— *Но есть же Осьминог!*

— Он берет лишь тех, чей путь оплачен. Добровольцев не трогает.

— Кого?

— Потом поймешь.

— Здравствуй, — поздоровался Порожняк, когда лодка ткнулась носом в песок.

— Шестеро, — посчитал Копеешник призраков.

— Трое. Остальные — проблемные.

— Плохо, — после долгой паузы ответил Копеешник шуршащим голосом.

Семен достал деньги:

— За «белого», — две монеты скользнули в костлявую ладонь.

— Таких не было, — из уст Копеешника — это похвала.

Он долго рассматривал монеты за двух «серых» и позволил всем оплаченным подняться в лодку.

— Эти трое приехали в гости, — кивнул в сторону серых клякс братков Семен. — Разобраться хотели по понятиям.

— Били, — понял Копеешник.

— Старались, — пробормотал Семен.

— Мусор.

Капюшон повернулся в сторону героя.

— Этому чего? Доброволец...

— Ага. От себя хотел убежать, — Семен показал монеты Старой Ветровки. — Дорога оплачена.

— Один из лучших. Мне не нужен.

— Не, погоди, Копеешник. А мне на кой ляд...

— Возьми деньги. Его отдай Милосердию. Проблемы?

Даже говорить, как мы, научился. «Проблемы?»
Еще какие проблемы.

Порожняк достал пару олимпийских рублей:

— Девчонка в салоне спряталась.

Копеешник поднял весло:

— Не пойдет. Таких монет много.

— А мне что с ней делать?

Копеешник подбросил полученные монеты — они растворились в воздухе, — и тут же в ладонь упали другие.

— В расчете, — он не спрашивал Семена. Торг окончен.

— Постой, — Порожняк едва не вцепился в борт лодки, вовремя отдернул руки. Живому нельзя прикасаться к мертвому.

— Может, герой хочет сходить на тот свет.

Копеешник оперся на весло, ссутулился. Он ждал, пойманный в хитрую ловушку.

— Слышь, герой! — окликнул Старую Ветровку Порожняк. — Не желаешь сходить на тот свет?

Парень удивленно хлопнул длинными ресницами. Шо тебе девка, ей-богу!

— Прямо так? — спросил он.

— А чего, — Семен пожал плечами. Какие там герои в Греции к мертвецам ходили? Хрен их знает. Все. — Ясон ходил, Одиссей и — этот, здоровый который — Грекаракл бегал. Сходи, а?

Понятливый задумался, взглянул на свои кулаки, испачканные кровью:

— В один конец?

— Ну, если сил хватит вернуться... — врать смертнику и умирающему — нехорошо. — А может, кого с собой вытащишь.

Семен спиной почувствовал ледящее дуновение. Копеешник злился. Он не любил героев, которые переворачивали мир мертвых с ног на голову, уводили души.

Скрипнул песок под осторожными шагами. Это еще что?

— Держи ее, герой! Туман сожрет ее!

Девчонка побежала прочь от маршрутки. Понятливый, словно охотничий пес, бросился следом, обретая новую цель. Раздумывать некогда, да и незачем.

Вода лизнула берег, поднимая лодку Копеешника.

— В расчете, — повторил тот.

— В расчете, — нехотя ответил Семен, понимая, что с двумя лишними придется разбираться самому. Милосердие шевельнулось за пазухой, предвкушая свежую кровь. Никто не должен уйти с берега живым. Кроме Семена.

Автобус упал с моста. Водила уснул за рулем, а когда открыл глаза...

Дырявая лодка непонятно как держалась на плаву. Ветхий балдахин едва прикрывал костлявое тело верзилы, стоящего на корме.

— *Мать!* — *вырвалось у Семена. — Смерть...*

— *Нет,* — *ответил лодочник, скорбно глядя на человека черными глазами, лишенными белка.*

Лодка медленно шла по реке, туман скрывал берега. Под Семеном лежала груда монет: золото, серебро, большие и размером с ноготь.

— *Я умер?*

— *Хочешь умереть?* — *верзила, склонившись, заглянул в глаза. — Тебя жгут живые. Хочешь умереть?*

Семен сглотнул:

— *Да не особо.*

Лодочник отстранился:

— *Договор.*

— *Договор? Д-гушу, что ли?*

— *Отдашь. Когда умрешь.*

— *Ну. Хоть что-то хорошо.*

— *Будешь возить на берег ненужных. Их у вас много.*

— *Ненужных? Что за ненужные?*

— Сам поймешь.

— Мне их ловить, что ли?

— Самы найдут. Главное условие: заказчик платит две редкие монеты за того, от кого хочет избавиться. Мне в коллекцию.

Семен сполз с кучи монет.

— Я буду вроде убийцы, что ли?

— Нет. Убивать бюджет гругой.

В воде проплыли когтистые щупальца. Семен отшатнулся от борта.

— Рассчитываться буду излишками, — золото сверкнуло в лагони лодочника. — У вас они дорого стоят, — протянул монеты человеку. — Заगतок. Поможешь сыну.

Семен дрогнул: и про это знает. Малыш родился с дефектом сердца. Операция стоила больших денег.

— А ты не можешь... Ну, сразу исцелить?

— Я не целитель, — прошелестел лодочник.

Семен взвесил тяжелые монеты на лагони:

— Зачем тебе это? Зачем помогаешь?

— Просто. Я — забытый, — лодочник ткнул пальцем в воду, — он — забытый. Ты жив, пока тебя помнят. Пока делаешь свое дело. Договор?

— Договор, — лагонь Семена грожала, но он ничего не мог с этим поделать.

— И последнее. Дай мне имя.

— Имя? Но...

— Дай имя.

Семен задумался. Когда-то давно он слышал, что некий лодочник перевозил души умерших через реку, но как его звали?

— Копеешник, — сказал он первое, что пришло в голову.

— И ему, — лодочник ткнул пальцем в реку.

— Чудов... — начал человек и осекся. — Осьминог! Пусть будет Осьминог.

Лодочник достал из складок хламиды старый нож.

— *Нож-то зачем? — Семен решил, что костлявый обиделся на имя или передумал отпустить.*

— *Это Милосердие...*

— Дяденька! Не убивайте, дяденька!

Тушь черными слезами заливала щеки. Герой держал ее крепко, но смотрел волком — в обиду не даст. Милосердие и спрашивать не будет. Если его выпустить.

— Да кому ты нужна, — отмахнулся Семен. — Мать тебя за два рубля продала, а Копеешник их не взял. Отсюда тебе не то что к матери, в обычный мир не вернуться. Значит, останешься на берегу. Навечно. С голоду помрешь, тело сгниет, а душа... — Семен кивнул на серые привидения ребяток. Тоскливо воя, они собрались у кромки воды, словно ждали возвращения лодочника.

— Едем назад, к людям, — заявил герой. — Без возражений.

— Ради Бога, — пожал плечами Семен. — Садись за руль и езжайте. Я здесь подожду.

Он бросил герою ключи.

— Врешь, — прищурился Понятливый.

Семен не ответил, достал сигарету, прикурил. С этими дураками никаких нервов не хватит.

— Ты повезешь, — герой вернул Порожняку ключи. Правду и треп парень хорошо чуял.

— А смысл? Возврата для вас нет, — Семен затянулся, подумал немного, протянул сигареты Понятливому. Парень совсем озверел: глаза судорожно блестят, пальцы дрожат — зверь в углу и нет выхода. От сигарет отказался. Оно и понятно: будет герой курить с такой паскудой, как Порожняк.

— Есть один способ облегчить ваши страдания, — Семен похлопал себя по боку, где вибрировало от преа-

вкушения Милосердие. — Нож сделает все быстро — умрете без мучений.

Герой заслонил собой девчонку. Та едва держалась на ногах от страха.

— Не дам, — огрызнулся Понятливый (едва ли не рычит). — Мы остаемся. Река — вода и рыба. Дрова найдем.

Семен смеяться не стал. Герой, как пес, ищет службу, ищет справедливость, ищет смерти за правду.

— Здесь все мертво, — сказал Порожняк, сминая окурочек. — Рыбы нет, воду пить нельзя, деревья отродясь не росли, и дров нет. Хотите, знач, помучиться. Тада счастливо оставаться.

Семен сделал пять шагов к «Жузельке», обернулся. Ровная гладь реки стального цвета, грязный песок (кровь, правда, уже смыло), скулящие привидения братков. На их вой стали сходиться остальные прибрежные призраки. Кружат возле пары живых, тепло ищут. Пока привидений мало, можно убежать, но долго бегать сил не хватит. Они повсюду, они везде. Уснешь — присосутся и умертвят тело. Холодная смерть, медленная.

Герой защищает девчонку, отмахивается руками. Дон Кихот против мельниц.

— Эй! Дурак! Давай в машину! — махнул ему Семен.

Понятливый послал Порожняка подальше. Молотит руками воздух, старается.

— Вот придурок, — проворчал Семен, садясь за баранку. — Чему тебя в школе учили?

«Жузелька» капризничала — двигатель не запустился с первого раза.

— И че? — возмутился Порожняк на машину. — Тебе-то какого рожна нейметса?

Маршрутка чихнула, затарабанила клапанами. Хрипло включилась передача. Семен посидел немного, глядя в молочный туман. Визгливо кричала девчонка, заунывно выли призраки.

Дверь открылась.

— Ну? Навоевался? — спросил Семен героя.

Девчонка залезла следом за Понятливым, захлопнула дверь. Сама трясется, зуб на зуб не попадает. Герой обнял ее за плечи, а на Порожняка и смотреть не хочет.

— Горячий кофе, — Семен протянул им термос. — Бери-бери. Но сначала одну вещь для меня сделай.

— *За дите денег не дам. Нельзя детей... так... — Семен не знал, как «так», но отдавать младенца не желал. Копеешник тяжело оперся о весло. Жгал продолжения.*

— Себе заберу, — заявил Порожняк.

— Ты мне деньги отдал, — напомнил Копеешник, — значит, младенец со мной уйдет.

Семен никогда не думал, что столько родителей хотят избавиться от своих детишек. Особенно от младенцев незаконнорожденных. Где только монеты для расплаты доставали? Семен прятал детей под креслами, вывозил назад, а теперь решил заявить Копеешнику прямо в лицо. Потому, нехорошо обманывать того, с кем договор заключил.

— Тебе — деньги, мне — дите. Идет?

На том и сошлись. Только «уговаривать» Милосердие Семену приходилось в одиночку.

Милосердие обезумело от близкого присутствия крови. Семен засунул его под мышку и велел Понятливому привязать левую руку, под которой бился нож, к телу. Вести «Жузельку» пришлось одной рукой.

Нож сначала дрожал, потом стал ворочаться, биться пойманной рыбой. Порожняк не боялся стального жала. У ножа цель иная. Она сидела у двери, прижавшись к Понятливому. А тот так и остался заляпанным с головы до ног кровью.

Левая рука Семена начинала затекать, холодеть. Чем сильнее Порожняк сжимал нож, тем больше казалось, что Милосердие вот-вот вырвется. Еще минута, секунда, мгновение, и нож рассечет комбинезон и устроит бойню прямо в кабине. Плечо стало ватным, стягивающие его веревки превратились в стальные прутья. Когда яркий свет ударил по глазам, Семен не сразу понял, что это.

— Солнце, — сказал Понятливый.

— Почти доехали, — ответил Семен.

Нож замер, судорожно дернулся, замер вновь...

— Раз, — сосчитал Порожняк.

Дорога из песчаного проселка превратилась в ровный асфальт. «Жузелька» обрела второе дыхание — двигатель хрипло набирал обороты.

— Два, — продолжал считать биение ножа Семен.

Солнце превратилось в желтый диск в белом мареве. Порожняк стиснул зубы, ожидая последнего, самого мощного толчка. А может, его и не будет, если успеют выехать из тумана. Нож дернулся так, что лопнула веревка. Семен выматерился, на мгновение бросил руль, хватаясь за рукоять Милосердия под комбезом.

— Три!

Понятливый успел перехватить баранку. И приблизился к ножу.

— Назад, дурак! — стальной клинок ударил током.

Треск комбинезона. Нож загудел от предвкушения и по рукоять вошел под ребра герою. Закричала девчонка, заскрипели тормоза, солнечный свет залил кабину. Понятливый ткнулся головой в приборную панель и замер.

— Ты убил его! Ты ненавидел его! Ты! Все ты виноват!

Она билась в закрытую дверь, дергая рукоятку. Семен давно поставил блокировку дверей. Вот из-за таких. Лови их потом. Он крепко ударил ее по лицу ладонью

(как достал через убитого). Девчонка захлебнулась криком, скорчилась, заливаясь слезами.

За лобовым стеклом — чистая дорога с ослепительно-белой разделительной полосой. Вдоль обочины желтый цвет дрока, зелень акаций.

— Доедем до места — там орать будешь, — проворчал Семен, силясь разогнуть пальцы мертвеца на руле.

Крови почти не было. Милосердие всегда плотно входило в раны. Главное, не вытаскивать до поры.

— Придержи-ка лучше, — Семен осторожно склонил труп на спинку кресла. — Уже недолго осталось.

С героями всегда труднее, чем с детьми. Герои считают Семена последней сволочью, борются с Осьминогом, кидаются на Копеешника. И находят свою смерть. Большинство их остается на берегу привидениями, а иногда Семену приходится их хоронить на сельском кладбище, как и Понятливого.

Старшие сыновья поставили деревянный крест (на первое время), средние засыпали могилу. Дочери наплели венков. Малышня сновала среди взрослых — всем помочь, везде успеть. Семен стоял у свежей могилы в чистой рубашке и выглаженных брюках.

— Жаль, имени его не знаем, — печально произнесла Зинаида — жена Семена.

— Герой, — ответил он. — Так и напишем.

Девчонка с последнего рейса топталась в сторонке. Черные волосы закрывали лицо, плечи ссутуленные. Ворона вороной.

— А ее как звать-то? — спросила Зинаида.

— Не знаю, — пожал плечами Порожняк. — Потом сама скажет.

— Я ее к себе возьму, батя, — откликнулся мужик лет пятидесяти. — У нас с Настасьей одни сыновья.

Народ медленно побрел с кладбища в дом Семена на поминки, а сам хозяин задержался. Все смотрел на сырую землю, на рясные венки без лент с надписями (что писать? кому?), на букеты цветов. Порожняк не каялся, не произносил пустых слов. Он слушал тишину, далекий брех собак, вечернюю песню петухов, смотрел на заходящее солнце, вдыхая запах сырой земли. Он выехал в этот мир, когда вывез от реки первого спасенного. Тогда здесь не было ни домов, ни садов. Была ли в том Господня воля или Копеешник постарался? Просто, держа на руках младенца, Семен понял, что не сможет отдать его Осьминогу. И сколько детишек прошло через его руки с тех пор?

— Посчитать, что ли? — Семен вздохнул, щурясь на людей, спускающихся с Могильного Холма. Да чего там считать!

Пошел следом за Зинаидой. Она ждала у маленькой могилки:

— Оградку поправить бы надо.

— Поправим, — Порожняк обнял ее за плечи.

Здесь лежал их единственный ребенок.

ЕФИМ ГАМАЮНОВ

ПОКА ТИХО...

Северов остановился перед пленным. Тот сидел на земле, левая скула краснела свежей ссадиной. Высокий, худой, какой-то даже по-женски стройный. Лицо бледное, но взгляд держит, спокоен.

— Что же ты, гнида белопузая, за собой бегать заставляешь? — негромко спросил Северов.

Белогвардеец промолчал, лишь глаза сузились и скулы заиграли. Задело, гордый.

— К стенке его, а лучше штыком в пузо, — пробурчал Грицко, большой, заросший волосами боец. — Пулю на такого жалко. Полдня гонялись за эдакой сволочью.

— А вот это нельзя, Ваня, — Северов погладил заросший щетиной подбородок: черт, даже побриться некогда. — Коли виноват перед народом, пусть его народ и судит. В этом и смысл, чтобы народ сам все решал, понимаешь?

— Вот я бы и порешил, — хмыкнул Грицко. — Сам бы и за всех!

Стоящие чуть поодаль красноармейцы заулыбались.

Савелий Северов много повидал: не первый месяц в строю РККА. Он и рад бы согласиться с Грицко, потому как правильно говорит, да приказ. Пленный у них, видать, тоже из «битых»: даже не дернулся. Хотя время военное, законы тоже: если враг, то и к стенке поставить — раз плюнуть.

На еще совсем летнем небе ни облачка, но в пьянящем духе разнотравья уже чувствовалась осенняя гниlostная сладость. Солнце, наливаясь краснотой, клонилось к закату, из недалекого леса выползал сизоватый, стелющийся по земле туман. Деревья шумели, на краю хутора лаяла собака. Странно, хутор брошен, а псина осталась.

— По коням, — скомандовал Северов. — Поворачиваем обратно.

— Командир, может, заночуем? Темнота скоро, а ехать ой долга, — предложил длинноусый татарин Бараев.

— А-атставить разговоры. Тихой, Бараев, беляка на свободную кобылу, лично отвечаете за него. Лично!

Уже выезжая с хутора, комиссар понял, что так не нравилось в этом брошенном поселении — дорога. Во все не казалась она запущенной, словно бы всего пару дней назад проехало несколько телег: в пыли остался петляющий след деревянных ободов. А сам хуторок-то:

зарос сорной травой выше крыш, колодцы обвалились, журавели от них накренились или попадали вовсе. От пары домов остались только черные горелые головешки. Погибший хутор, нежилой.

Чей же обоз тогда ходил по дороге? Какие такие люди, наши али нет?

— Командир, — к Северову подскочил на гнедом мерине Афонька Рыжий. — Может, обратно другим путем двинем?

— С чего бы? Рассказывай, — приказал Савелий. Рыжий родился в этих местах, совсем недалеко от Нижнего, в таком же вот маленьком поселке. Чутье у парня отменное: стоило прислушаться.

— Думается мне так: мы же, когда речку переходили, почитай, с дюжину с лишним верст берегом дали. Получается, если обратно вдоль дороги пройти, попадетя проселка к реке, тогда срежем, брод-то найдется обязательно. — Рыжий с трудом сдерживал под собой коня: гнедой танцевал, несмотря на малую передышку, готовый снова скакать в полную силу.

Что конь, что человек — подобрались будто специально: сильные, ловкие, быстрые. Рыжие, что еще сказать? С такими революцию сделали, с такими, верно, только победить можно.

«Далеко пришлось гнаться за контриком этим, далеко. А возвращаться никак не меньше... вдоль, говоришь? А что, заодно и разведем, кого тут носит, совсем недалеко от передового обоза РККА», — решил Северов.

— Давай-ка вперед, посмотри, что и как, но так, чтобы без шума.

— Понял, командир, без шума!

Рыжий умчался, что пыль столбом по дороге.

Невеликая дружина Северова растянулась следом: впереди Грицко, за ним седоволосый Федор Тихой, за Федором на привязи скакала кобылка с пленным поручиком. Бараев, с лежащей поперек седла винтовкой,

двигался за белогвардейцем, выказывая тем свое намерение: более не гоняться, а просто стрельнуть беляка, едва подвернется такая возможность. Последним двигался Северов.

Командира мучила мысль: чего же он упустил на хуторе, чего недоглядел?

Краем леса проехали пару верст, война хоть и прошла рядом, словно не заходила сюда: ни кострищ, ни мусора, трава да деревья. Только тихо как-то. Топот лошадей и невнятный разговор едущих впереди бойцов.

Северов прислушался: не то чтобы очень интересно, о чем говорят... Но если командир не знает, чем дышат его бойцы, то плохой он командир, никудышный. Федор Тихой рассказывал, какая на донской земле рыбалка да какой виноград у его брата. Ренат соглашался, что виноград, может, и хороший, а рыбалка в Волге у Казани лучше. Нормальный разговор о жизни — война надоела.

— Мы ловили, пока унести могли рыбу. Куда ее больше?

— Не пробовал ты нашего леца копченого, — вздыхал Тихой. — Победим белых, поедем к брату, сам узнаешь, тогда и спорить будешь.

— Ай, поеду, если позовешь...

У Тихого брат только и остался: своего дома нету, ни жены, ни детей. Дожил до седины, а вот, не сложилось. Федору очень подходила его фамилия — был он тихий, слегка даже забитый. Но за красное дело стоял твердо.

А есть ли кто у Бараева, комиссар толком и не знал.

Дорога, допетляв до выпирающего в степь лесного угла, повернула и устремилась направо. По ходу белела березами роща, за рощей лес начинался опять густой и зеленый до черноты.

Северов подъехал к остановившемуся Грицко. Иван почесал косматую бороду и указал на выложенную в колее камнями стрелку.

— Рыжий замудрил, — поделился догадкой боец. — Морда мордовская.

— Ну, а чего встал тогда? — спросил Савелий. — Если ясно?

— Вон, командир, посмотри.

Северов обратил внимание — рядом со стрелкой в дорожной пыли вырисовывался отпечаток будто бы ноги. Только таких следов быть не могло — как два человеческих, что в ширину, что в длину. Комиссар огляделся — других следов не наблюдалось.

— Шутит Афонька, — сказал Савелий. — Первый раз, что ли? Грицко, замыкаешь, я теперь первым. Н-но, пошла!

Солнце нырнуло в синюю полоску туч у самого края земли за далекими грязно-желтыми холмами. Оно побагровело ликом и окрасило весь горизонт революционно-алым. Вечерело, воздух к ночи остывал до того споро, что ветерок, вроде и не сильный, выстужал чуть не до исподнего.

Пленный белогвардеец ехал молча, форменный китель был порван: погоны сдирали, особо не церемонясь. Одернуться или запахнуть плотнее поручику мешали руки, стянутые за спиной форменным ремнем. Северов зябко передернул плечами: хорошо хоть на самом добротная кожанка, настоящая.

Лес неторопливо обступал с обеих сторон, угрожающе темнел в глубине, наливаясь сумеречным мраком. Тишь по-прежнему стояла смертельная.

Едва торный путь в очередной раз вынырнул из-под основных лап, Северов мигом осадил лошадь, дал знак красноармейцам — стой! Впереди, на вечернем небе, высилась огромной, чуть накренившейся башней ветряная мельница, вовсе неожиданная в таком месте. А на дороге, шагах в двадцати от края леса, чернела туша лошади.

Комиссар спешился, кинул поводья подоспевшему Бараеву:

— Грицко, за мной. Остальным ждать!

Иван грузно прыгнул, дернул скобку винтовочного затвора и кивнул — понял. Северов достал из кобуры наган и осторожно двинулся вдоль наезженной колеи. Добрались до конячьей туши, подняли целую тучу оводов.

— Рыжего кобыла, точно, — Грицко сплюнул. — А пузо-то разодрано... словно косой! Недавно совсем, кровь только свернулась.

— Да вижу, — отозвался Северов. — Где сам Рыжий, вот вопрос.

Прошел еще немного по дороге — никаких следов. Присмотрелся к рубленой дуре мельницы — безмолвие, как на кладбище. Если засада, то знают, что они тут, иначе хоть кто-то шевельнулся или кашлянул. А Савелий бы услышал, себя он знает.

Тут за спиной вдарил выстрел, до того неожиданный в этой маревой тиши, что Савелий на миг присел, потерялся, но быстро опомнился и поспешил вернуться обратно. Грицко сопел рядом.

— Кто стрелял? — едва достигнув опушки, спросил Северов.

— В лесу стреляли, — Бараев качнул стволом. — Оттуда.

Лошадь всхрапнула, и на землю повалилось кулем тяжелое тело. Тихой! Бросились к нему, подняли — хрипит Федор, вся грудь мокрая от крови.

— Отходим назад, — только крикнул Северов, как понял: туда, на дорогу посреди деревьев, никак нельзя. Ровно подтолкнул кто-то: не смей! — Отставить!

Зашумело в чаще, заскрипело, упало на уже невидимый в сумерках путь дерево.

— К мельнице! — отдал новый приказ Северов. — Быстро! Бараев, раненого забирай!

Сам подхватил выскользнувшие из руки Тихого вожжи кобылки с пленным.

— Даже думать не могли убежать от меня, морда белая, — зло выплюнул Северов. — Догоню — убью! Грицко, последним, следи, чтобы белая с коня не упал!

Вскочил в седло и хлопнул конягу по крупу:

— Пошла, родимая!

Застучали лошадиные копыта — чаще-чаще! Понесся в лицо холодный воздух. Едущие впереди Бараев с Тихим внезапно повалились вместе с лошадкой, та закричала жалобно, почти по-человечьи. В туче пыли и предночной мгле ни черта видно не было.

— Живы? — крикнул Савелий и услышал в ответ:

— Живы.

— Грицко, помогай!

Остановились, закинули Тихого, словно куль, к Северову на седло, Грицко усадил Бараева позади себя.

Мельница нависла как-то разом: вдруг заслонила собой полнеба, совсем темного, с яркими набухшими ягодами звезд. Скрипели на ветру разошедшиеся ветряные крылья, свистели в трещинах меж бревен холодные ветерки. И — боле ни звука, словно вся степь повымерла. Оказавшийся первым у двери, спрыгнувший на ходу Бараев рывком распахнул незапертую створку, отпрянул в сторону...

Засады никакой не было. Только темнота и тишина. Да запах слежалой и отсыревшей муки — затхлостью и пылью веяло изнутри старой мельницы.

— Внутрь! Бараев, огня живее. Грицко, сгоняй во круг, ищи вход для телег, должен быть, заводи коней! Да держите этого поручика, чтоб он сдох, у меня к нему вопрос попозже будет!

Раздал приказы, спрыгнул с лошадки, взвел курок у нагана и, пригибаясь, пробежал две сотни шагов обратно, к главной дороге, от которой к мельнице вел поросший травой проселок.

Замер, по-волчьи прислушиваясь, принохиваясь. Такое не выучишь в городе, такое только у деревенских есть — чутье. Природа знает, кому помогать, а кому нет. Савелий сколько себя помнил, завсегда в лесу время проводил, выдайся такая возможность. Подрастал — реже и реже получалось: работа брала жизнь на себя.

Лошадь Федора тихо ржала, жалуясь.

Тихо, тихо, коняга, свои. Вот ведь напасть — обе ноги передние поломаны! В темноте влететь в сурочью нору или на пень нарваться можно, конечно, но разом обе? Да и темнота не такая, чтобы прям глаз коли!

— Тихо, тихо, родная. Все хорошо, все хорошо будет.

Приложил к большой теплой голове револьвер и нажал на курок. Звонко стукнуло в уши.

Прости, товарищ боевой.

Чу! Нечто пронеслось вдоль леса, невидимое в сумерках, но от того не менее стремительное и опасное. Подняло комиссару на загривке щетину, будто у дикого зверя. Все-таки засада? Но почему проворонили их тогда, ведь шли — не таились? Кто же стрелял в лесу? Афонька? Отчего тогда не подал знака раньше? И где он сам? Одни вопросы!

Тихо пищали комары, да в густом ковыльем сухостое вдоль торного пути свистел, перебирая тонкие стебли, ветер. Савелий поднялся, постоял немного, послушал — ничего. Повернул к мельнице и вновь ощутил, почти услышал быстрые тяжелые шаги, далеко, у леса. Сердце екнуло, по плечам прошла студеная судорога. Вот ведь напасть!

У самой рубленой стены окликнули:

— Стой, кто идет?

— Я это, Иван.

— Ты стрелял, командир? — Грицко вынырнул откуда-то из мрака. Огромный человечище, а ходит бесшумно, словно кошка.

Вместо ответа Северов сказал:

— Давай-ка внутрь, все одно тут темень, ни дыры не видно. Будем разбираться, что делать дальше.

В нутре мельницы тлел огонек, освещая тревожные напряженные лица Бараева и поручика. Белый тонкосый лик поручика был спокоен, только блестели глаза под нахмуренными бровями. В невидимом из-за мрака углу тревожно фыркали кони.

— Что с Федором? — спросил Савелий, присаживаясь к огню.

— Помер Тихой, — откликнулся Бараев, нервно теребя усы. — Юшкой истек и помер совсем.

— Командир, там это, глянь, — пробасил Грицко.

— Погодите, бойцы, сейчас разберемся. — Северов пристально посмотрел на пленного. — Кто в лесу?

Поручик помолчал немного, ответил. Голос у него чуть подрагивал:

— Не знаю.

— А кто Федора убил, тоже не знаешь? — повысил голос Савелий. — И кто Афоньку в лесу подстрелил, тоже? Красные, может?

— Не знаю, — повторил пленный.

— Я тебя, гада, по законам реввоенсовета, без суда и следствия, шлепнуть могу. Здесь прямо, сейчас, понимаешь меня, поручик шавьего полка? Я двоих потерял за тебя, и ты говоришь, что не знаешь ничего?

Последние слова Северов уже кричал, зло, громко.

— Вы можете меня убить. Только того, чего я не знаю, я ответить не смогу.

Северов скрипнул зубами. Ах, кабы не приказ комдива, прямо сейчас и стрельнул бы!

— Сиди, думай, кто там из твоих дружков. Кто и сколько. Я спрошу еще раз, да больше не буду. Чего там, Иван?

Тот поднялся, запалил от костерка лучину, кивнул — отойдем. Савелий последовал за бойцом. Обогнули ко-

роб жерновов, прошли мимо испуганно всхрапывающих лошадей и остановились у поломанных ларей.

— Вот, Савелий Артемович.

Весь пол усеивали кости: большие и маленькие, целые и поломанные. Торчали ребра, белели крупные, иссушенные позвонки, темнели глазницами черепа.

— Мать честная, — ахнул Северов, разом покрывшись крупными холодными каплями.

— Тут это, только старые...

— А что, и новые...

— Были, за ворота выкинул, дюже лошади боялись запаха.

— Это же... человеческие?

— Угу.

Северов вдруг почувствовал, как земля уходит из-под ног. Ему казалось раньше, что, пройдя огонь и дым революции, пожив на полях войны, он видел все да привык ко всему. Расстрелянные, повешенные, раненые и убитые в боях. Сотни смертей. А получалось — не ко всему привыкнуть можно.

— Ты чего, командир?

— Умаялся, видно, — буркнул Северов. — Сколько тут, как думаешь?

— Двадцать, может, тридцать. Может, и полста, — ответил Грицко и сквозь зубы выругался. — Боязно считать. Там, за мельницей, чуть в сторону, еще один хуторок вымерший...

— Командир! — позвали от костерка.

Северов еще раз посмотрел на кучи человеческих костей, вздрогнул и махнул: пошли.

У огня их ожидал вскочивший Бараев. Лицо татарина испуганное, глаза круглые от страха.

— Ходит тама кто-то, у двери, послушай.

Все замерли. Скрип разошедшей постройки, свист ветра сквозь щели. И где-то наверху, в темноте, каркнула разбуженная голосами ворона.

— Тихо. Померещилось тебе, Ренат.

Красноармеец мотнул головой:

— Да нет, командир. Точно тебе говорю, кто-то ходил. Так: топ-топ-топ, и обратно тоже топ-топ-топ.

Северову вспомнились шаги у леса, гулкие, неторопливые, но быстрые. Зверь какой? Нет, ни один так не ходит, даже медведь. Люди это, а если и не белые, то местные разбойные. Которые «ни за тех, ни за этих», зеленые.

— Наверху окно должно быть, — кашлянув, пробасил Грицко. — Полезу, посмотрю: мож, чего и увижу.

Он пропал в темноте, шумно полез куда-то, старые жердины трещали под ним. Ничего не боится Иван: другой бы ни в жизнь не полез, а этому все нипочем.

— Я вот думаю, ну попади Рыжий в засаду, успел бы он из ружья стрельнуть, чтобы мы услышали?

— Обязательно успел бы, — ответил Бараев. — Афонька бы точно успел. Да разве такой попался бы, ловкий больно был.

— Но, видать, попался, — Савелий подкинул веточку в огонь. — Выходит, точно местные шалят. Кто, кроме них, всю округу тут знает?

— А может, командир, это он в лесу стрелял?

Северов подумал. «А что, может, и правда, тогда Рыжий давал знак? Но как он в Тихого-то сумел попасть?» Снова вопросы без ответов.

Над головой гулко бухнул выстрел, и в тот же миг затрещали подгнившие доски, и, проломив ветхие половицы, с верхнего пояруса на землю рухнул Грицко. Следом упала винтовка.

Грицко взвыл по-медвежьи и разразился бранью.

Кинулись к нему, позабыв и про пленного, и про разговоры.

— В кого стрелял? Что случилось?

— Рука, — скрежетал зубами Иван. — Руку поломал, с-с-ааа!

— К огню, ну-ка! Поднимай его! Давай, цепляйся!

— А-а-а-а, рука, мать родимая!!! Здоровая лярва там... Дверь сотряс сильный удар. Замерли, кто как стоял, боясь вздохнуть-выдохнуть. Поверху орали вороны.

Топ-топ-топ-топ-топ.

Северов, стараясь не шуметь, прокрался к костру, достал оттуда крупную головню и указал Бараеву стволом нагана — отворяй! Боязливо припадая на ноги, татарин приблизился к подпорке, поднял сапог и оглянулся на командира.

«Давай!»

Подпорка полетела прочь, Бараев дернул дверь на себя, а Северов, выстрелив в темноту, выскочил и, размахнувшись, швырнул головню в ночь. Густой мрак отозвался ворчанием и глухой неразборчивой речью. Бур-бур-бур, ровно и не человек говорил. Савелий выстрелил в сторону, где слышал бухтение, различил шаги, выстрелил вновь.

Среагировать не успел, как из темноты прилетело нечто и сшибло с ног. Савелий заорал, попытался скинуть с себя липкое холодное тело. Почувствовал, как в плечи вцепились руки и потащили-потащили его внутрь мельницы вместе с облепившим. Замелькал огонь, захлопнулась дверь, закричали, заматерились.

Наконец Северов понял, что свободен от ноши, насколько мог споро поднялся и взглянул на напугавшее.

На него безглазым лицом уставился Афонька Рыжий. Вернее, Афоньки было только половина — до пояса. Ниже блестели сырым обрывки плоти и тонкие веревки требухи. В ноздри ударил сладковатый запах крови, во рту разлился медный привкус. Северова повело, сознание провалилось куда-то вбок, он попытался выпрямиться, и его вырвало.

— Чщцорт, вынеси его куда-нибудь, — откашлявшись, прохрипел Савелий.

Топ-топ-топ-топ-топ.

Он отпрянул от двери, и вовремя: снова в полотно ударило, что-то сочно упало вниз.

Савелий отодвинулся к людям. Все замерли, уставившись на дверной створ, прикрытый такой ненадежной, тонкой дверью.

— Кто эта, командир, — прошептал Бараев. — Разве эта люди? Кто такое может?

Грицко шипел и баюкал поломанную руку. Странно и страшновато было видеть его, большого и сильного, таким беспомощным.

— Оно большое, выше человека, — простонал он. — Я стрельнул, порадовался еще: вроде попал...

— Больше человека, говоришь? А не брешешь, Грицко, быть такого не может, — скривился Северов. — Темно там, привиделось.

— Не брешу, командир, ей-богу.

— Нету бога, Ваня, а значит, и божишься ты зря.

— Ну хочешь, Лениным поклянусь?

Северов лихорадочно думал. Голова отказывалась понимать происходящее. Большое, рвущее на части? Нет такого в революционной стране, нету такого! И быть не может!

— Кто там? — Савелий обернулся, рывком притянул к себе поручика. — Скажешь, что не знаешь, не поверю! Зачем бежал в эти края, почему сюда? Кто там? Зеленые? Или ваши, белячи, такое творят? Говори, сука, быстро!

Пленный потерял равновесие, навалился на Северова, тот оттолкнул обратно. От души размахнувшись, врезал рукоятью по голове — не сильно, не калеча, а чтобы больно было. Направил наган.

— Вы все равно мне не поверите, — негромко сказал белогвардеец. — Хотя и сами знаете про того, кто...

— Конечно, знаю! Белые али зеленые только, не пойму? И чего надо им — тоже!

— Нет, — покачал разбитой головой поручик, — Не человек, он такое сделать не может.

Он указал связанными руками на останки Рыжего.

— Врешь, контра, вре-ошь!

— Один из ваших пропал в лесу, пуля случайная, да случайно убила еще одного, третий покалечился, погибла лошадь... и это всего за один вечер, за час-два...

— Заткнись, поручик. К чему твои слова?

Ответить белогвардейцу не удалось. Резко затрещали, ломаясь, доски, полопались связывающие их поперечины. Дико заржали лошади.

Северов отвел наган от беляка и выстрелил в темноту, где в стойлах у тележных ворот стояли кони. Бараев вскинул винтовку и тоже выстрелил. А потом лихорадочно пытался передернуть затвор, но руки тряслись так сильно, что никак не получалось. Животные кричали, совсем как люди.

— Вперед, — заорал Северов и побежал к стойлу.

— Ай, вы, кутляки! — тонко, по-бабьи воскликнул Бараев и рванул следом. — Шишиб! За Рыжий!

У ворот творилось безумие, лошади хрипели и бились в судорогах. В отблесках далекого костра Северов видел только блестящие глаза, зубы, слышал тяжелый конский пот с вязким медным привкусом крови. Сквозь выломанные ворота проблескивали огоньки точки звезд.

А еще что-то большое стремительно двигалось против его хода, обходя жернова с другой стороны. Доски и кости хрустели под тяжелыми шагами.

— Ста-а-аяять! — крикнул Савелий и выпустил оставшиеся пули.

Заорал оставленный один Иван, эхом крик подхватил Бараев, оказавшийся почему-то далеко позади, у края освещенной части комнаты. Грицко вдруг забулькал, а Бараев, будто отброшенный сильным ударом, полетел и врезался в стену. Затрещали доски, и внезапно стало

почти тихо — только удаляющееся топ-топ-топ, лошадиный хрип да высоко над головами вторящий ему вороний ор.

Савелий бросился к затухающему костерку, подкинул мимоходом захваченный с пола пук соломы. Пламя взметнулось, выхватив у темноты жуткую картину: торчащие, словно кости, белесые деревянные разломы, повсюду — на земле, стенах — расплывающиеся пятна, черный пролом вынесенной двери, лежащие ничком тела белогвардейского поручика и чуть поодаль Бараева.

— Грицко! — заорал Северов, — Иван!

Ни следа, будто и не было никогда такого человека.

Словно в ответ, издали, сквозь пролом в стене, раздался жуткий то ли крик, то ли вой. Савелий понял, что у него дрожат руки. И вовсе не от ярости, как всего несколько минут назад.

Он доплелся до татарина, перевернул бездыханное тело. Шея сломана, мертв, что валун у дороги. Северов прикрыл бойцу пальцами глаза, поднялся и рывком посадил пленного перед собой.

Поручик застонал.

— Видел, кто это был?

На бледном лице беляка темная красная кровь казалась особенно заметной.

— Попрошу вас развязать мне руки. Я не убегу, слово офицера.

— Плевал я на твое слово, — Северов вытер лезущий в глаза холодный пот.

— Со связанными я помочь не смогу. Просто умру.

С детства Савелий отвык бояться. Пока был мальцом, пугался, конечно, всякого. А потом сама жизнь не давала возможности: с утра до самой ночи он и еще пятеро братьев заняты делами, работы столько, что времени на какое-то проявление страха нет. Ночь — всего лишь время для короткого сна, а с утра — снова дела. Лишь

по праздникам удавалось украсть несколько часов для радости... когда уж тут бояться!

А сейчас ему было страшно. До смерти, до скручивающей нутро жути.

Дать возможность белогвардейцу сбежать, развязать? Или оставить как есть... беззащитным перед непонятным страхом из темного леса? Сбежит — и выйдет тогда: предаст он, комиссар Северов, власть Советов, не выполнит задания своего комдива. Не развязать, позволить неведомому убить беззащитного... вовсе подлость человеческой отдаст. Хоть и вражина, буржуйский прихвостень, а все одно — человек.

Достал нож и перерезал стягивающий руки ремень.

— Смотри, оф-ф-фицер, и я погляжу, каково твое слово.

— Нужно найти веревок, много. И покрепче, — поручик потер затекшие руки.

— Зачем?

— Комиссар, неужели вы сказки не помните?

— Сказки? — зло спросил Савелий. — О чем это ты, беляк, головой стукнулся?

На тронувшегося умом белогвардеец не походил, хоть и говорил вещи совершенно глупые.

— Сказки же всем рассказывают одинаковые. Вспомните, о чем я сказал совсем недавно...

...словно лавина несчастий обрушилась на дружину Северова: сразу одна беда, за ней еще, и еще. Говорят — не приходит горе поодиночке, но не чересчур ли для одного раза случайностей?..

— Лихо разбудили, думаю, — закончил поручик. — Оно хозяйничает у дороги.

«Лихо?»

— Не может быть, — недоверчиво сказал Северов. — Нет такого, это бабкины суеверия. Советская власть говорит...

— Только Лихо о Советской власти не знает, — поручик неотрывно смотрел в разлом стены. — Я видел, словно сам в сказке оказался. Оно утащило большого красноармейца, Грицко. От Лиха все неудачи — и моя, и ваши. Рядом Лихо, вот и творится бог ведает что... Есть у вас веревка или нет?

Северов угрюмо молчал.

— Скоро оно вернется. У него тут вроде лежбища, — продолжил белогвардеец. — И вы сами залезли к нему в дом.

— Почему так думаешь?

— Подслушал, про что вы говорили в углу. Лихо спит на человеческих костях, не помните разве?

Почувствовал Савелий движение воздуха, посмотрел: поручик перекрестился и прошептал несколько слов молитвы.

— А что, бог тоже есть, скажешь? Суеверия и сказки-то он не признает вроде как.

Белогвардеец помолчал и ответил:

— Я за людей молюсь... не за суеверия. Веревка нужна.

— Вожжи подойдут? — спросил Северов.

— Не знаю, — признался поручик, — веревку бы.

— Где ж взять? Пошли!

В темноте нащупать на мертвых тушах лошадей мокрые липкие ремни, отыскать у них начало, резать как можно длиннее — у самых конских морд — ничего кошмарнее Северов припомнить не мог. Они с беляком ползали по грязным клейким телам, вздрагивая от каждого громкого стука, перемазавшись густой остывающей кровью, ежесекундно ожидая пугающего своей необъяснимостью Нечто. Савелий понимал: столкнулись они и вправду с чем-то непонятным и страшным, только вот принять, что сказки оказались реальностью, не мог.

Сердце горело от гибели проверенных товарищей. С которыми и бой — один, и похлебка — одна на всех.

Это комиссар ощущал живо, а принять, что убило их баешное Лихо...

...по-комиссарски Северов этого признать не мог...

...но по-простому, по-деревенскому, давным-давно, казалось бы, оставленному в прошлом...

Веревка получилась не слишком длинная, зато крепкая, что кованая. Савелий связал ее особыми узлами, знал: порвать такие не удавалось никому, даже кузнецу из родной деревни Вершие, что в Пензенской губернии.

— Предлагаю поступить так: я выйду и попытаюсь заманить Лихо внутрь. А вы постараетесь, как только оно окажется тут, опутать ему ноги, насколько возможно, чтобы двигаться не могло.

— А дальше? — Северову морозом пробежалось по спине.

— Если получится, то постараемся сжечь вместе с мельницей. Коли сказки не врут, по-другому с ним не совладать.

Легко сказать: постараться и попытаться! Савелий привык воевать с людьми, простыми, из костей и мяса. Сжился с тем, что ведет в бой не страх, а правая ярость и вера в победу. Этой ночью все не так. Жутко сегодня, и безысходностью веет.

— Хороший план. А поступим так: петлю сделаем, вроде как на лося, следить за такой без надобности. Коли удастся, затянется сразу, а там поможем. Вместе пойдем, беляк. Не годится красному комиссару за белогвардейской спиной шкуру свою прятать.

— Господин красный комиссар, это совсем нерационально, — попытался возразить поручик. — Вдвоем нам будет только хуже!

— Вместе пойдем, — повторил Северов. — Не обсуждается.

— Думаете, сбегу? Ну да... Оружия тоже не дадите?

— Нет. Я рядом буду, не хочу, чтобы ты меня застрелил.

На небо выкатила луна, яркая, круглая. Северов мог разглядеть на ее желтоватом лице все оспины и шероховатости. Верхушки деревьев в лесу луна будто вымазала серебром, тусклым, но все же светлым, видимым. Ниже тонкой пленки этого серебра было черным-черно. И оттуда словно смотрели на Северова тысячи страшных злых глаз, до того неприятным было ощущение: стоять неприкрытым, незащищенным в прохладной тишине ночи, где-то совсем в чужих местах. Стоять и ждать сказочного чудища, которое вроде и не могло существовать, а все одно убило уже четырех человек да полдюжины лошадей.

— Как тебя звать-то хоть? — спросил Савелий стоящего рядом поручика. — Не ровен час, помрешь, а я даже не знаю, кого в плен взял.

— Константин я, Покровский, — поколебавшись, ответил тот.

— А чего же ты, Костя, полез в эту глушь? Мне сказали: пакет важный повез. Да вот теперь думаю: куда же ты тут его повез, кому? Расскажешь, нет?

— Нет никакого пакета, — Покровский глубоко вздохнул. — Тут где-то хуторок, там моя нянька с дедом своим живут. К ним и поскакал, думал отсидеться. И заблудился, давно не навещал.

— А чего эт на тебя наш комдив так взъелся, если погоню снарядил?

Поручик хмыкнул.

— В морду я ему дал как-то. По-мужски, о женщинах он плохо говорил. Он сразу расстрелять хотел, не получилось, атака наших началась. Меня тогда отбили, а он вот запомнил, злобу затаил. А сегодня, видимо, узнал, что опять сбегаю от него.

Северов невольно улыбнулся. Комдив — человек революционной закалки, вправду резко отзывался обо всем, что не касалось правого дела. Многие его за то не любили, да вот так немногие рисковали — в морду!

— Как думаешь, можно вообще Лихо одолеть-то?

— Не знаю, — поручик снова вздохнул. — Оно и реально — и нереально. Зло и руками и... сущностью своей творит. Не видел такого прежде, не верил, что есть.

А ведь ему никак не больше лет, чем самому Савелию; если и не в один год родились, то в соседних.

— Вон оно!

От леса отделилось пятно серебра и рывками стало приближаться.

Савелий смотрел на приближающееся зло, и ему вдруг вспомнился дед, сильный, несмотря на годы, широкоплечий. С густым запахом махры и седой бородой до пояса. Вот было бы здорово, если бы он стоял сейчас рядом. Уж он сумел бы совладать с неслыханным, сберечь внука. Грицко еще здорово напоминал Северову деда, да вот сгинул Иван, Лихо загубило.

Ветер задул особенно стылый, словно холодные пальцы пробежали по телу, добавив мороза к сосущей нутро жути. Повинуясь негаданному порыву, Северов вынул из кобуры наган Грицко и в темноте ткнул в руку поручику.

— Спасибо, — сказал тот шепотом.

— Потом сочтемся. Если выживем, — ответил Савелий. — Готовься, беляк!

— Как поступим, чтобы наверняка заманить? — голос белогвардейца дрожал.

— Сейчас увидишь.

Вытянул руку и пальнул раз, другой.

Заурчало, заворчало, полетело смазанным бликом се ребряное пятно, под тяжелым телом забухала земля.

— Беги, поручик! — заорал Северов.

Стрельнул еще раз и опрометью побежал в освещенный дрожанием костерка пролом в стене мельницы. Позади завыло, Савелия обуял ужас от того, что сейчас-то он даже не видит своего врага. А ну как тот быстрее,

чем представлялось? Догонит и махом задерет, ровно поросся.

Он проскочил пролом, перемахнул лежащую на входе большущую петлю, увидел испуганные глаза поручика, получил удар в спину и покатился кубарем. Ударился плечом, но вроде ничего не поломал. Вскочил, услышал, как зарычало, заскрежетало; гулко упало на крытый сухой соломой пол грузное тело, едва не зацепив Савелия вновь.

Чуть ли не громче страшили надрывался белогвардеец. Он метался у ног чуды, путая вожжами споро, накрепко.

В неярком прыгающем свете непонятно как уцелевшего костерка Северов видел — у ног его колышет огромное, нечеловечески заросшее волосами чудовище. И похожее на людей — две руки, две ноги, голова, — и ужасающе противоестественное. Будто плохой художник взялся нарисовать человека, а намалевал не пойми что: незверя-нелюдя. Яркое блеснуло большое око посреди лба, под выпирающим надлобьем, распахнулась страшная пасть с острыми зубами, дыхнуло отвратной гнилостной вонью. Савелий наспех вскинул наган и выпустил пулю прямо в огромный глаз Лиха.

Стрелял чуть не вплотную, а промахнулся!

Северов выцелил глаз получше и выстрелил опять.

По ушам ударил вопль, пригибая, почти сдирая со спины замерзшую мурашками кожу. Северов едва успел отпрыгнуть, как гигантская рука прошлась, стребая все на своем пути. Лихо продолжало орать, неуклюже село и зашарило у ног. Северов разрядил наган, стараясь попасть по лохматой голове страхолюда. Только пуля оказалась последней, вовсе прошла мимо да попала в белогвардейца! Что за черт! Савелий отбросил бесполезное оружие — патронов все одно больше не было.

Константин разрядил свой револьвер в чудовище, не причинив тому особого вреда. Лихо выло, молотило руками, разрушая все, до чего дотягивалось.

Северов порыскал глазами, схватил обломанное бревно, с трудом размахнулся и приложил тяжкую дровяшку по маковке Лиха. Вновь поднял, пыхтя от непомерной натуги, и опустил. Лихо раскатисто ухнуло и повалилось наземь.

— Получи! — заорал Савелий. — Знай Красную Армию!

— Зажигай мельницу, комиссар, — крикнул Покровский, — Оно живо и скоро придет в себя!

— Ты как, здорово ранен?

— В руку! Царапина!

Северов бухнулся на колени, нашарил в кармане рубашки огниво и принялся чиркать, стараясь попасть на сухую солому. Занялся первый дымок, появился робкий язык пламени. Савелий выдрал соломенный пучок, поднес. Подождал, когда тот загорится, — откинул на пол — гори! Вырвал еще пук...

«Да вон же костер!» — запоздало пришла мысль. Савелий надергал побольше сухого и подкинул в огонь.

Вскоре в нескольких местах разгоралось пламя: внутри мельница оказалась высушенная, вспыхивала кругом словно берестой.

Покровский отыскал длинное бревно, закрепил одним концом в проломе в стене, накрыл горло Лиха этой толстой слегой и пытался закрепить второй конец. Северов мигом смекнул, что тот хотел сделать, подтащил еще одно бревно, поставил в распор, фиксируя. Конструкция получилась не очень крепкой.

— Давай еще! — Покровский подтащил следующую жердину.

— Я руки свяжу!

Эх, пропадай одежда комиссарская! Северов скинул куртку, собрал вместе толстые, как молодые дубки, не-

подъемные волосатые руки Лиха и, обхватив кожанкой, завязал рукава.

Становилось горячо — огонь сожрал мелкие дощечки, набрал силу, перекинулся на крупные бревна стен.

Чудище заворочалось. Северов успокоил, ударив вновь по голове тяжелым поленом, да, видно, удача отвернулась от него в который уже раз — попал плохо, Лихо почти что очнулось, зарычало.

— Уходим! — крикнул Покровский, — Я завалю пролом с этой стороны, тут дверь, я подопру! Если можешь, перекрой как-нибудь ворота!

Огонь гудел, добравшись до дерева по-настоящему. Ему вторило чудовище, пытающееся вырваться из пут. «С такой силищей наши веточки его долго не удержат», — нервно подумал Северов. Чудовище билось на полу мельницы, наваленные поверх Лиха бревна шатались и вот-вот готовы были развалиться. Руки страшили куртка держала пока, да и ноги спутали надежно. Еще бы немного, чтобы не освободилось! Но подходить к бушующему Лиху Северов боялся — зацепит и разорвет-размажет.

Несмотря на обжигающее пламя, Савелий попробовал вздеть выбитую воротину, косо стоявшую у стены — еле поднял. Повернулся, навалил на себя могучую створку, кряхтя и пошатываясь, задевая лошадиные трупы, понес к беснующейся твари. Поставил и уронил толстенное полотно. Лихо застонало, приняв удар.

«Так тебе!» — Северов выдохнул и, как мог споро, бросился к выходу.

Константин ждал снаружи: застыл, видимый в отсветах горячей мельницы. Савелий махнул — бежим, — и они устремились к лесу. Ноги гудели, в груди не хватало воздуха, голова кружилась. Из глаз, прихваченных едким дымом, текли слезы.

Достигнув дороги, остановились. Гигантский костер освещал ночь на десятки метров. Истошно орало воронье, растревоженное пожаром. Сколько же их тут!

Едва перевели дух, как услышали треск и гул — мельница не выдержала и рухнула горячей лавиной, погребая под собой Лихо.

— Все, — выдохнул Северов. — Все!

Поручик смотрел на пылающее кострище. Молчал, да и Савелию говорить не хотелось. Усталость навалилась стопудовой тяжестью на плечи, в нутро вгрызлась горечь потери — нету больше его отряда: ни Грицко, ни Рената Бараева, ни Федора, ни Афоньки... никого нет...

Они расстались на рассвете, у развилки; несмотря на усталость, оба согласно шагали всю ночь, стараясь уйти как можно дальше от проклятой мельницы. По пути наткнулись на разломанные телеги на дороге: давешний заинтересовавший Северова обоз не ушел от Одноглазого. И какая теперь разница — чей он был?

«Что скажу — разбудили Лихо? Нет, нельзя так... навалились на засаду, еле ноги унесли?.. растерял своих, даже не знаю — живы ли?..» Но сбежать из части, что ж он за комиссар тогда? Получит строгача, поди, не расстреляют. А расстреляют...

— Да и чччорт с ними!

Покровский посмотрел на комиссара.

— А не пожалеешь, что отпустил?

— Уходи, поручик. Другой раз встретимся — снова противниками станем, а сегодня... Не могу я тебя врагом считать... не могу. Уходи, не терзай мне душу.

— Душу? — Покровский улыбнулся. — Ты же не веришь в Бога.

Северов покачал головой:

— Нет бога. Разве он допустил бы такое?

Белогвардеец помолчал и сказал.

— Что Бог? То мы сами, люди: будим зло, желаем зла, творим зло. Потому и просыпается Лихо, что среди нас самих правды нет. Понимаешь?

Сказал и пошел, более не оборачиваясь.

Северов стоял и смотрел ему вслед. Люто не хотелось признавать, но прав был Костя, прав. Хоть и вражина и беляк.

— А все равно, встретимся, там и видно будет, чей путь правильной, — сказал себе под нос Савелий.

Солнце показалось, блеснув справа полосой реки. А за этой сверкающей в утрешнем свете лентой, где-то совсем недалеко от сторевшей мельницы, уходящего все дальше белогвардейского поручика и опустошенного и усталого комиссара Северова стояла непобедимая революционная Рабоче-крестьянская Красная Армия.

АЛЕКС БОР

ЗАГОВОРЕННЫЙ

1

Если бы кто-то сейчас раздвинул плотную штору грозовых туч, выглянул через разрыв и посмотрел вниз, то обнаружил бы на морском берегу двух молодых мужчин, которые сидели на песке, о чем-то тихо беседуя.

У того, кто их сейчас мог видеть и слышать, наверняка было острое зрение и чуткий слух.

Так подумал один из мужчин, до босых ног которого почти докатывались волны, оставляя на песке рваные клочья пены, — когда поднял взор на черное небо, и

ему сквозь щель между тучами подмигнула ярко-красная звезда.

Мужчина улыбнулся ей и, в очередной раз бросив ключий взгляд на собеседника, сказал, нарушая затянувшееся молчание:

— Скоро утро...

Его собеседник порывисто вскочил:

— Почему ты так уверен, Фидель, что нам будет сопутствовать успех?

— Потому что я в этом уверен, Рауль, — спокойно ответил тот, кого называли Фиделем. — А ты, я вижу, все-таки боишься?

— Немного...

Рауль поднялся с песка и пошел вдоль кромки прибой. Волны тут же лизнули холодными языками его ноги — тоже босые.

— Не бойся, — Фидель пошел следом за братом.

Снова воцарилось молчание, нарушаемое только шепотом волн и завыванием ветра.

На побережье еще властвовала черная тропическая ночь, и небо было закрыто тяжелыми тучами, которые несли с океана шторм.

«Дождь может испортить нам все планы», — подумал Фидель, присаживаясь под вросший в песок огромный — в половину человеческого роста — валун.

Рауль остановился рядом.

— Будет дождь, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Фидель, и в голосе брата Рауль не почувствовал ни тени беспокойства.

— Может, все же перенесем операцию?

— Ах, Раулито, Раулито, — произнес Фидель насмешливо. Рауль смотрел на море, не видел глаз брата, но знал, что они тоже смеются. — Иногда мне кажется, что тебе не двадцать лет, а всего двенадцать...

Рауль сжал кулаки, повернулся к брату:

— Я давно уже не мальчишка...

И побежал к невысокой острой скале, которая, как гнилой зуб, торчала из воды. Добежав, что есть силы ударил кулаком по камню.

Боль в костяшках подействовала на Рауля отрезвляюще, но он уперся лбом в холодный гранит.

— Извини, Раулито, — раздалось за спиной. — Сегодня и правда будет тяжелый день, а мы опять ссоримся.

Рауль молчал. Отбитые пальцы пылали огнем, разгоряченное лицо охлаждал легкий бриз, а за спиной шумно дышал брат — самый близкий человек после отца и матери...

— Сегодня я поведу людей на смерть, — сказал Фидель. — Но сам я не умру, я это знаю точно...

— Но откуда? — спросил Рауль, не оборачиваясь.

Он не хотел, чтобы брат видел слезы в его глазах — обида никуда не ушла.

— Я знаю...

Раздался короткий вздох, и Рауль услышал тихое:

— И это совсем мне не по душе.

Фидель снова вздохнул, положил горячую ладонь на плечо брату.

— Я же заговоренный...

2

Он, конечно же, ничего не помнил — с тех пор минуло почти двадцать лет. Но ему снились сны, и в этих снах он видел одну и ту же картину: Лина Рус Гонсалес сидит на стуле рядом с детской кроваткой, в которой лежит ее шестилетний сын. Ребенок тяжело болен, он стонет в горячечном бреду, зовет кого-то, тянет куда-то тощие ручонки.

И когда мать берет худые, горячие руки в свои холодные — от страха за сына — ладони, мальчонка вдруг вырывается и мечется в своей постели.

Только что ушел врач, усталый мужчина лет пятидесяти. Он сказал то, что считал нужным — но в его словах звучал безжалостный приговор.

— Лихорадка, синьора. Может быть, сутки... или двое... Я сожалею, синьора...

Лина Гонсалес даже не стала провожать врача до двери. Потому что боялась вернуться к уже мертвому сыну.

— Пить, — просипели синие губы, и мать, вскочив со стула, бросилась к буфету, где стоял кувшин с водой. Руки нервно тряслись, пока Лина пыталась наполнить чашку, — словно ею самой овладела тропическая лихорадка, и женщина пролила на пол больше, чем оказалось в чашке.

— Пить... — повторилось слабое, едва слышное.

Мать рванулась к кровати, подхватила сына под худые плечи, чуть приподняв его — тельце ребенка горело, обжигая.

Поднесла чашку к его губам...

Фиделито вдруг начал громко кричать, мотая головой и отталкивая мать ручонками. Чашка с водой вылетела из рук Лины, покатила под кровать, вода расплескалась по полу.

— Не хочу...

Фиделито метался минут пять — хотя Лина давно уже потеряла счет времени, и эти минуты показались ей вечностью, за которую она постарела лет на десять. А потом вдруг затих. Уснул. Во сне дыхание у него было тяжелым, прерывистым, сиплым, заполняя пространство комнаты жаром, от которого не было спасения.

Материнское чутье подсказало Лине, что до утра ее сыночек не доживет. Врач обманул ее, сказав про день два...

В отчаянии Лина села на мокрый пол, положила голову на подушку рядом с горячей головой Фиделито.

Подушка раскалилась от дыхания сына, и Лина сквозь слезы смотрела на его острое, желтое лицо, и ей очень хотелось умереть вместе с ним...

3

Легкий ветерок дул с моря, остудил разгоряченные лица братьев. Сквозь новые разрывы в тучах на них снова с любопытством взирали звезды.

— Я заговоренный, — сказал Фидель.

Рауль наконец повернулся к брату. Тот с улыбкой смотрел куда-то мимо него, и его глаза сияли в ночи, как две яркие звезды. Рауль мало что знал о том, что произошло с братом, когда Фиделю было шесть лет — в семье старались не говорить на эту тему. Сам Фидель тоже ничего не помнил — если не считать обрывков снов, о которых он не рассказывал никому. Лишь однажды, когда они шли из бара, нагружившись ромом под завязку, проронил: «Я иногда вижу этого старика... И слышу его голос... Как и другие голоса...».

Но это было давно, пять лет назад.

— Мне надо немного побыть одному, — сказал Фидель. — Возвращайся в Сибонею, жди меня там. Я буду через час-полтора...

★ ★ ★

— Синьора!

Лина вздрогнула, ощутив прикосновение к своему плечу. Оторвала голову от подушки, оглянулась.

Рядом стояла Розалия, чернокожая служанка.

— Вы задремали, синьора, — спокойно сказала она.

— Да, наверное...

Лина перевела взгляд на сына. Слава Всевышнему, Фиделито был жив. Но дышал очень тяжело, а его лицо заострилось еще больше. И было почти черным.

Служанка наклонилась над ребенком, покачала головой.

— Врач сказал, что... — Лина осеклась, слезы хлынули из глаз, и она уронила голову на белую простыню.

И снова ощутила прикосновение к своему вздрагивающему плечу.

— Можно помочь, но я не знаю, что скажет синьора...

— Я готова на все, лишь бы он... не умер... — Лина вскочила, схватила дородную служанку за плечи.

— Сантеро, — прошептала Розалия.

★ ★ ★

Анхель Кастро Артис, который тоже всю ночь не мог сомкнуть глаз, поднял усталые глаза на жену:

— Ты понимаешь, что это такое? — наконец выдавил он из себя.

Он сидел в своем кабинете за крепким столом из мореного дуба, и от его взгляда на Лину веяло арктическим холодом.

— Да. Понимаю, — Лина пыталась говорить спокойно, хотя лишь она знала, каких трудов ей стоило сдерживать себя, не сорваться на истеричный крик. — Мой сын умирает, и если есть хоть одна возможность спасти ему жизнь...

— Это и мой сын тоже, — Анхель крепко сжал столешницу. — И мы же... Мы же католики...

— Для тебя что важнее — твоя вера или жизнь твоего ребенка? — закричала Лина.

★ ★ ★

Анхель уехал из дома через час, сославшись на срочную деловую встречу. Но Лина понимала, что он просто не хотел встречаться со знахарем, которого должна была привести служанка.

Ревностный католик, Анхель все то время, пока болел Фидель, молился, но Спаситель не спешил исцелять его ребенка. Однако Анхель не роптал — на все воля Божия, и только Бог решает, кому жить, а кому умереть. Он уже смирился, что Господу будет угодно забрать у него одного из пяти сыновей. Поэтому Анхель был не очень рад, когда жена сказала, что решила по совету служанки пригласить в дом какого-то шамана. Тем не менее он не решился запретить жене испробовать последнее средство — которое наверняка не поможет, ведь доктор сказал, что эта разновидность тропической лихорадки неизлечима.

Это был грех, который он, Анхель, теперь будет вынужден долго замаливать. И неизвестно еще, простит ли ему этот грех Господь...

Лина стояла у дверей детской, в которую час назад вошел колдун сантеро — мрачный чернокожий старик лет восьмидесяти, косматый, длиннородый, облаченный в разноцветную хламиду: черную спереди и красную сзади. Еще он был обвешан какими-то странными и страшными побрякушками. Лина заметила даже несколько черных черепов, висевших у него на шее, и хотела перекреститься — но испугалась, что это может повредить умирающему сыну.

— Жди! — даже не посмотрев на Лину, уронил каменное слово старик, заходя в комнату.

Лина, для которой этот жуткий колдун был последней надеждой, почти час простояла у двери, пытаясь уловить хотя бы один звук из комнаты. Но ничего не слышала. Правда, один раз ей показалось, что из-за двери доносятся монотонные завывания, похожие на плач раненого койота, и она едва удержалась от того, что-

бы распахнуть дверь, ворваться в комнату и увидеть, что же творит колдун с ее несчастным сыночком...

Но этот порыв угас быстрее, чем родился. На Лину навалилась нечеловеческая усталость, ей захотелось пойти в свою комнату, лечь на кровать и уснуть... Но женщина лишь сжала кулаки и уперлась головой в стену, чтобы отогнать наваждение... Ведь за дверью сейчас умирал — или возвращался к жизни? — ее сын, и она должна быть рядом...

Прошла целая вечность, прежде чем дверь отворилась, и из комнаты вышел, сгорбившись, колдун. Его черная лысина блестела от пота. Лине показалось, что он постарел еще лет на десять.

— Твой сын скоро оправится от недуга, — тяжело дыша, проговорил старик, глядя прямо в глаза испуганной женщине. Лина вздрогнула и зажмурилась — в черных зрачках колдуна плескался водоворот, затягивая в свое жуткое нутро.

Она так и простояла с закрытыми глазами, пока старик говорил — про то, что линии на руке ребенка рассказали ему о долгой жизни, которая ему предстоит, и о том, что мальчика ждет великая судьба, но все эти слова не задерживались в голове измученной женщины. Лина поняла только одно: ее маленький мальчик будет жить. Болезнь, против которой была бессильна современная медицина, оказалась вполне по силам неграмотному старику, который владел древней знахарской магией, которая, как пыталась ей объяснить Розалия, как-то связана с древним африканским культом вуду. Лина мало что знала о том, в каких богов верили потомки некогда завезенных на остров черных рабов, но если они смогли спасти ее сына — значит, она будет им благодарна.

Лина снова решила взглянуть на старика, лишь когда услышала:

— Боги сантерос спасли твоего мальчика. И один из них взял его под свою защиту. Теперь у твоего сына

есть покровитель. Это верховный бог — Обитала Аягуна. Теперь твой сын должен будет всю жизнь служить ему. И тогда он на самом деле проживет очень долгую жизнь, в конце которой он сможет стать земным воплощением Обитала Аягуна и обрести могущество. Впрочем, могущество он обретет раньше... Я все сказал...

Лина решительно посмотрела старику прямо в глаза, уже не испытывая страха перед бездной, которая в них плескалась.

— Спасибо, — выдохнула она.

Когда старик ушел, Лина постаралась выкинуть из головы тот бред, который он нес. Какие там древние боги, какой Аягуна, которому теперь ее Фиделито должен будет служить всю свою жизнь — если вот он, лежит сейчас в своей кровати, румяный, но не от жара, а потому что начал выздоравливать. И дыхание у него ровное.

Даже улыбается во сне...

4

Рауль спрятался за каменной грядой, которая тянулась вдоль побережья, и наблюдал за братом.

Фидель сначала какое-то время ходил вдоль кромки приборя, затем уселся на песок — спиной к морю. Затем вытащил из-за пазухи круглый предмет, похожий на небольшой камень. Погладив его ладонью, Фидель поднял глаза к небу, которое постепенно очищалось от грозовых туч, обещая к утру ясную погоду.

Рауль видел, что губы брата двигались — он что-то говорил, а его пальцы гладили темный кругляш.

Затем Фидель поднялся на ноги и протянул руки с зажатым в ладонях камнем к горевшим над его головой звездам. Губы продолжали что-то шептать — Рауль был уверен, что брат молился.

Однако Рауль также был уверен и в том, что Фидель молился совсем не христианскому богу.

Фидель некоторое время задумчиво сидел на песке, прокручивая в памяти разговор с братом (который на-верняка наблюдал сейчас за ним из-за укрытия), а потом достал из внутреннего кармана камень — амулет, очертаниями похожий на свиной череп.

Этот амулет всегда был с Фиделем. С того самого дня, когда его спас от смерти колдун сантеро.

Фидель нежно, словно это была ладошка любимой девушки, погладил ровную холодную поверхность камешка.

— Вот и настал мой час! — прошептал он.

Амулет матово блестел, переливаясь черными и красными бликами — словно внутри камня таилась своя, неведомая жизнь. Фидель знал, что если долго смотреть на игру света и теней, то она затягивает, рождая в душе желание слиться с той силой, которая создала этот магический артефакт.

— Обитала Аягуна, мой бог, — прошептал Фидель, вздымая ладони с зажатым в них амулетом к небу. — Помоги мне...

Небо стремительно очищалось от грозовых туч, звезды взирали на землю холодными зрачками.

— Обитала Аягуна!

Порыв резкого ветра чуть не сбил Фиделя с ног. А амулет стал нагреваться, обжигая ладони. Но нужно было терпеть боль — иначе Покровитель не поверит в искренность твоих просьб.

— Обитала Аягуна...

Кроваво-красная звезда сорвалась с неба и полетела в сторону гор, почти невидимых в ночной темноте.

План захвата казарм, расположенных в старинной крепости Монкада, был, конечно, авантюрой, хотя и имел шансы на успех. Фидель понимал, что штурмовать

в лоб крепкие стены — это гарантированное самоубийство, поэтому создал группу захвата из четырех человек, которые должны были подъехать к воротам казарм раньше остальных, заставить часовых врасплох, нейтрализовать их, после чего открыть ворота основной группе, которая спокойно въезжала на территорию крепости на автомобилях, захватывала внутренние помещения и арестовывала спящих солдат.

— Великолепный план! Да мы передадим их, как сонных мух! — воскликнул Ренато Гитарт, один из четверки бойцов, выделенных на захват ворот. В отличие от других трех — Хуана Альмейды, Хесуса Монтано и Хосе Суареса, он был уроженцем Сантьяго и хорошо знал не только город, но и расположение помещений в Монкаде.

Услышав слова Ренато, Фидель недовольно нахмурился, но тем не менее спокойно ответил:

— Арестовать, а не перебить. Мы — революционеры, борцы за свободу, а не убийцы. Солдаты — это те же крестьяне, которые пошли служить диктатору совсем не потому, что они так уж ему преданны. Они такие же наши братья, только обмануты...

Однако Фидель ничего не имел против убийства «братьев», если они станут оказывать сопротивление. Он отнюдь не был толстовцем, хотя в университете изучал труды этого великого русского. Фидель понимал, что революция не бывает без крови, и был готов пролить и свою кровь, и тем более кровь врага.

Но он не хотел проливать лишнюю кровь — хотя наверняка Покровитель на этот счет имел совсем другое мнение...

Кроме группы захвата, Фидель создал еще две спецгруппы, куда вошли самые опытные бойцы. Первая, в которую вошли двадцать человек, должна была захватить госпиталь, который располагался позади казармы. Вторая группа — тридцать человек — должна была занять здание Дворца правосудия. Высокое и массивное,

оно как скала нависало над левым боком Монкады, и оттуда можно было легко вести обстрел крыши казармы, подавляя огневые точки батистовцев.

Командиром второй группы Фидель назначил Рауля. Ему очень не хотелось, чтобы младший брат шел в атаку внутри крепости — там был риск нарваться на шальную пулю. А если Рауль будет поддерживать наступающих плотным огнем с крыши Дворца, у него будет максимальный шанс уцелеть, если что пойдет не по плану.

★ ★ ★

Предчувствие Фиделя не обмануло — все с самого начала пошло не так, хотя, как ему казалось, он предусмотрел все. В том числе и обмундирование — бойцы шли на штурм в форме солдат правительственной армии, которую купили через подставных лиц непосредственно у военных. Солдаты часто продавали крестьянам запасные комплекты брюк и гимнастеров — лишние карманные деньги никогда не помешают. А крестьяне, почти не торгуясь, покупали крепкие, добротные сшитые вещи, в которых можно было работать в поле даже в дождь.

С оружием тоже проблем не возникло — повстанцы были вооружены охотничьими дробовиками и винтовками, которые можно было свободно приобрести в оружейных магазинах. И регистрировать купленное оружие в полиции тоже было не нужно.

Фидель очень удивлялся, почему при таких порядках народ еще не вооружился и самостоятельно не скинул Батисту.

6

Стрелки часов приблизились к пяти утра, когда кавалькада из двадцати шести автомашин, в которых сидело сто шестьдесят пять бойцов, приблизилась к цели.

Фиделю нравилось это число — 26. Ему самому было двадцать шесть лет, поэтому и штурм был назначен на двадцать шестое июля, и машин было двадцать шесть.

Он считал, что это сочетание должно принести ему победу.

...Головная машина, в которой сидел Фидель, остановилась у въезда на площадь, и это был знак для второй машины, в которой ехала четверка из группы захвата.

Автомобиль повернул на площадь и медленно, чтобы не вызвать подозрений у часовых, двинулся к воротам.

Двое часовых явно скучали, однако, заметив машину, тут же направили в ее сторону винтовки.

Но, увидев, что внутри салона сидят солдаты, опустили оружие.

Машина остановилась, четверо солдат стремительно выскочили наружу — и спустя несколько секунд часовые лежали лицом в мостовую. Крепкие парни, выполняя приказ Фиделя, не стали их убивать, только оглушили ударами прикладов и связали руки.

Фидель бросил нервный взгляд на часы: пять ноль три. Даже быстрее, чем он ожидал... Штурм назначен на пять пятнадцать, но, похоже, можно начать на несколько минут раньше...

Вот тут-то и возник непредвиденный фактор, который послал под откос весь план.

Хотя, казалось бы, Фидель и это должен был предусмотреть...

...Двое патрульных совершали внешний обход территории и сразу заметили вереницу автомобилей, которая двигалась к крепости. Однако они не спешили поднимать тревогу: уже начинало светать, и было видно, что в

машинах сидят вооруженные люди в форме правительственной армии. Поэтому патрульные решили, что в казарму прислали пополнение.

Они также не стали реагировать на одну из машин, когда та двинулась к воротам. И только после того, как из машины выскочили солдаты, сбили с ног часовых и начали их вязать, патрульные поняли, что это нападение.

Один них быстро сорвал с плеча винтовку и с криком: «Стоять!» выстрелил в небо. Второй тоже взял оружие на изготовку, и оба кинулись к воротам.

Фидель, наблюдавший за всеми этими событиями из окна автомобиля, смачно выругался — выстрелы наверняка всполошат и разбудят казарму. Толкнув дверцу, он выскочил из машины и бросился к патрульным, надеясь привлечь их внимание. Это Фиделю почти удалось — увидев еще одного военного, который бежал к ним, размахивая пистолетом, они остановились, повернув оружие на него.

Прогредел еще один выстрел, и один из патрульных тут же рухнул на мостовую. Второй, поняв, что стреляли от ворот, повернулся в ту сторону — и тоже упал от меткого выстрела Фиделя.

Увидев, что командир выскочил из машины и бежит, размахивая пистолетом к воротам, повстанцы решили, что это — сигнал начала атаки, и гурьбой стали выскакивать из автомашин, открывая стрельбу по казарме.

Десятка два повстанцев бросились следом за Фиделем, но основная масса почему-то кинулась в соседние здания — что никак не предполагалось первоначальным планом. И только отряды, которыми руководили Абель Сантария и Рауль, сумели не поддаться всеобщей анархии и, ведомые своими командирами, двинулись занимать те объекты, которые следовало захватить по плану, — госпиталь и Дворец правосудия.

Ни персонал госпиталя, ни охрана Дворца не успели оказать сопротивления. Эта часть операции прошла для повстанцев без потерь.

★ ★ ★

Как и следовало ожидать, выстрелы на площади разбудили казарму. Часовые, которые несли службу внутри периметра, сориентировались очень быстро, и по всей округе полетел заунывный, как зубная боль, вой электрической сирены.

Фидель, который как раз достиг ворот, остановился, понимая, что его план все-таки провалился. Если сейчас повстанцы ринутся внутрь Монкады, солдаты перебьют их, как куропаток.

Он бросился обратно к машинам, сквозь бегущую ему навстречу вооруженную толпу.

— Назад! Назад! — что есть силы орал Фидель, стреляя в воздух из пистолета.

Пробегая мимо патрульных, он заметил, что один из них еще жив — со стонами корчится на залитой кровью мостовой, держась окровавленными руками за простреленный живот. Второму повезло больше — он был мертв. Лежал ничком, по-смешному — как тряпичная кукла — раскинув руки и ноги.

Как будто — Фидель криво усмехнулся — хотел обнять землю.

Кто-то из повстанцев выстрелил, облегчив страдания раненого батистовца.

И тут же до Фиделя донесся резкий свист пули, которая пролетела мимо его уха.

Фидель инстинктивно пригнулся и только спустя секунду понял, что смерть пока лишь решила предупредить его, что ходит рядом.

Фидель сунул руку за пазуху, нащупал в кармане амулет — он был холодный, как зима на Севере.

Лейтенант Педро Сарриа не спал — коротал время в караулке, дожидаясь возвращения патруля, который должен был осмотреть соседние улицы. И когда вдруг прогремел одиночный выстрел, а потом началась беспорядочная стрельба, Педро бросился к узкому, как бойница, окну, которое смотрело на площадь, и увидел, как из предрассветной мглы, подобно призракам, возникают вооруженные люди в форме солдат правительственной армии.

Но Педро сразу понял, что это не солдаты. Мятежники...

Педро был рад — предчувствия его не обманули, он вовремя послал патруль осмотреть окрестности казармы...

Но он тут же пожалел о своей радости — теперь придется обороняться.

А еще лейтенант Сарриа подумал, что следовало о своих подозрениях доложить коменданту.

Взвела унылая, как звук бормашины, сирена — Педро с удовольствием отметил, что дежурные хорошо знали службу, и теперь мятежники получают достойный отпор.

Сигнал тревоги еще звучал, выматывая душу, а гарнизон крепости уже занял оборону.

Взвод лейтенанта Сарриа расположился на крыше казармы, как раз перед воротами, и Педро, созерцая с высоты площадь, с удовольствием отметил, что мятежники отступили к городским кварталам. Заняли оборону за своими автомашинами и вели оттуда беспорядочную стрельбу. Хотя имелись и отдельные безрассудные смельчаки, которые решительно выбегали на открытое, хорошо пристрелянное пространство — и тут же валились на мостовую, как спелые кокосы.

«Надеюсь, их не очень много, — подумал лейтенант. — И у них нет артиллерии...»

Он знал, что у казармы прочные стены, и хорошо обученный гарнизон может продержаться два-три дня, пока из Гаваны не придет подкрепление. Лейтенант был уверен, что комендант уже доложил о случившемся в столицу. Однако — продолжал размышлять Сарриа — если мятежники где-то раздобыли пушки...

Он поморщился, отгоняя неприятную мысль.

Смерти лейтенант не боялся — глупо бояться старухи с косой в 53 года, тем более что больше половины прожитых лет он отдал военной службе.

Однако умирать растерзанным стаей шакалов очень не хотелось.

★ ★ ★

Фидель сразу понял, что план штурма провалился, крепость в лоб не взять, да и в армии Кубы отнюдь не дураки служат, и если во главе гарнизона Монкады стоит толковый офицер, он мог сообразить, что, невзирая на обстрелы со стороны Дворца правосудия (молодец, Рауль!) и госпиталя, можно, пока еще не совсем рассвело, вывести солдат за пределы казармы и ударить повстанцам в тыл, со стороны городских кварталов.

А если потом в бой пустить кавалерийский эскадрон — то у них не будет никаких шансов добежать до гор у побережья...

Пора было отдавать приказ об организованном отходе.

Но он, Фидель, не привык отступать!

Он никогда не поворачивался спиной к противнику, даже если этим противником была собственная трусость.

Как в пятнадцать лет, когда Фидель на спор заявил, что сядет на велосипед и на полном ходу врежется в бетонную стену...

Товарищи не верили и смеялись, кое-кто даже покрутил пальцем у виска — а Фидель, презрев дрожь в коленках, оседлал велосипед, словно дикого мустанга, разогнался...

И врезался!

Переломанные кости вскоре срослись, да и сотрясение мозга — хвала Покровителю! — оказалось не таким уж и опасным... И хотя пришлось три недели скучать в больнице, Фидель доказал не только всем этим хлюпикам, но и в первую очередь самому себе, что его не остановят никакие преграды!

Сейчас преграда была только одна. Казарма Монкада. Крепость, названная в честь Гильермо Монкады, героя борьбы за независимость. Имя, такое же святое для каждого свободолюбивого кубинца, как и имена Хосе Марти и Антонио Масео. Но сейчас в мощных стенах этой крепости засели солдаты Батисты. Вчерашние крестьяне, которые пошли служить кровавому палачу. Крестьяне, которых обманом заставили умирать за диктатуру...

Впрочем, солдат оберегают от смерти толстые стены, а вот его люди, бойцы новой революции, умирают, не сумев преодолеть расстояние в триста метров до этих проклятых стен...

Надо отдавать приказ об отходе...

Это будет самый разумный выход.

Но, *el Diablo*, сколько сил и времени ушло на подготовку этого штурма! Который должен быть стать сигналом для всех кубинских патриотов на восстание против тирании Батисты... Если сейчас все сорвется, то новая возможность раздобыть оружие, набрать людей и захватить плацдарм на востоке острова появится очень не скоро... Тут даже Покровитель не поможет...

Словно услышав мысли Фиделя, амулет во внутреннем кармане френча стал чуть горячее.

Фидель сунул руку внутрь, схватил амулет, крепко сжал.

— Обитала Аягуна, — прошептал он. — Помоги...

Похоже, Покровитель услышал просьбу — ладонь обожгло так, как будто Фидель сунул руку в горящий костер.

— Обитала Аягуна, ты со мной, — сипло проговорил Фидель. Ладонь горела — казалось, невидимое пламя прожигало кожу до самых костей, но Фидель терпел боль, не отпуская амулет, хотя у него начала кружиться голова. Чувствуя, что сейчас он грохнется в обморок от нестерпимой боли в руке, Фидель воздел вторую руку, которая сжимала пистолет, к алеющим рассветным небесам.

— За мной! — заорал он и, не оглядываясь, бросился вперед, под вражеские пули.

8

Прошел почти час, как у стен казармы кипел бой, в котором пока чаша весов не склонилась в пользу ни одной из сторон. Мятежники обстреливали Монкаду издалека, не решаясь приблизиться к цитадели, а солдаты так и не рискнули перейти от обороны к наступлению. То есть комендант почему-то не отдавал им такого приказа. Лейтенант Сарриа понимал, что, скорее всего, у полковника есть свои резоны, хотя любой курсант-первогодок знает, что обороной, пусть даже очень активной, победу не добыть.

Между тем лейтенанту показалось, что мятежники, видимо, от безысходности все-таки готовятся к лобовому штурму — их отряд концентрируется в боковом переулке, откуда самое маленькое расстояние до казарм. Кроме того, усилились обстрелы справа и сзади, со стороны зданий Дворца правосудия и госпиталя.

«Если бы мне приказали, — подумал лейтенант, — я мог бы взять роту и выбить мятежников хотя бы из госпиталя, зайдя к ним с тыла. И тогда...»

Но никто не отдавал Педро Сарриа такого приказа, а сам он не мог оставить под обстрелом свой взвод, который интенсивным огнем сдерживал бунтовщиков, не давая им возможности высунуться из-за укрытий.

Перестрелка вдруг на мгновение стихла — как будто противники решили сделать небольшую передышку.

Но едва наступившую снова тишину разорвали выстрелы, загрохотав еще интенсивнее.

И вдруг лейтенант увидел, как к воротам казармы бежит небольшой отряд — человек тридцать, и ведет их за собой высокий черноволосый парень, у которого — лейтенант, несмотря на расстояние, видел это отчетливо, — лицо было перекошено от ярости, а в глазах пылал огонь. И был этот человек так сильно похож на демона из древних сказаний, которые юный Педро слышал в детстве от бабушки, что лейтенанта объял ничем не объяснимый страх. Он даже встал во весь рост, высунувшись из укрытия, чтобы лучше разглядеть человека, которым управляла сейчас сама смерть. И если бы сейчас какая шальная пуля нашла лейтенанта, то зрелище демона с горящими адским огнем глазами было бы последним, что увидел в последнюю минуту своей жизни Педро Сарриа, чернокожий потомок завезенных из Африки рабов...

С ужасом осознав, что сейчас он представляет собой отличную ростовую мишень, Педро рухнул под защиту бруствера. И уже оттуда продолжал с бешено колотящимся сердцем наблюдать за вражескими бойцами, которые, явно потеряв рассудок, неслись к крепости, стреляя на бегу из винтовок. И особенно за их вожаком, который летел вперед, размахивая пистолетом.

Теперь он уже не казался Педро демоном — просто отчаянный человек, который не боится смерти.

«Какой смельчак!» — лейтенант невольно залюбовался вожаком, помимо своей воли проникаясь к нему симпатией. Это был достойный противник, но он был все-таки человек, а не демон.

А люди, как известно, смертны, особенно если их хорошенько нашпиговать пулями.

Вот и этот красавец сейчас делал последние шаги по грешной земле...

Сарриа, стараясь не высовываться из-за укрытия, уложил винтовку поудобнее на бруствер, поймал в перекрестье прицела переносицу командира мятежников.

Он хотел лично отправить к праотцам вожака напавшей на них стаи шакалов.

Но едва палец лейтенанта коснулся спускового крючка, его череп словно раскололся от боли. Педро Сарриа отбросил винтовку, заорал, схватившись за голову. Боль внутри была такая, словно в мозгу разорвалась граната. Мыслей никаких не было — их съела адская боль, но где-то на подсознательном уровне лейтенант понимал, что он ранен в голову и сейчас умрет...

Но смерть не приходила — вместо нее он услышал голос... Нет, даже не голос — просто в голове отпечатались, как библейское «Мене, текел, упарсин!», два коротких слова: «Выстрелишь — умрешь!»

И тут же боль отступила. Только в голове стоял шум.

Не понимая, что он делает, лейтенант поднялся на ноги. Он тяжело дышал, хватая воздух дрожащими губами — словно рыба, выброшенная на берег. Страх сковал его разум, и Сарриа перестал осознавать, что снова представляет собой прекрасную мишень.

Но пули почему-то обходили его стороной, хотя лейтенант слышал их свист совсем рядом.

9

Внизу, всего в нескольких десятках метров от лейтенанта, рядом с воротами стоял вожак мятежников, командуя штурмом. И свинцовый дождь, который поливал все окружающее пространство, казалось, обходил его стороной.

И его, и бунтовщиков, которые заполонили всю площадь.

«Они что, заговоренные? — лейтенант так и стоял на крыше во весь свой немалый рост, рискуя поймать пулю. — Или... зомби?»

Кто такие зомби, Педро Сарриа знал — опять же по рассказам бабушки, дед которой был знаком с магией африканских вуду и даже будто бы не раз поднимал умерших из могил.

Но если это действительно зомби, сопротивляться нет смысла — им не страшны пули. Да и голос, который проник в мозг, мог принадлежать тому, кто натравил на них армию восставших из праха, оживших мертвецов.

Словно услышав его мысли, вожак осаждавшей казарму стаи поднял голову — и встретился с Сарриа взглядом.

Лейтенант, не выдержав, отвел глаза — то действительно был взгляд не человека, а демона. Ибо только у демона в глазах может плескаться темнота — жуткая и притягательная одновременно. Такая, что лейтенанту захотелось прыгнуть с крыши, чтобы стать частью этой самой бездны и тем самым обрести покой.

И вдруг демон, в тигриных глазах которого пылала чернота, остановился — словно к чему-то прислушиваясь. Затем замотал головой, словно пес, вытряхивающий из ушей воду. Схватился за сердце, пошатнулся...

Но устоял на ногах.

И когда пришедший в себя лейтенант встретился с ним взглядом, то увидел перед собой глаза человека. Просто утомленного боем человека, а никакого не демона.

И этот человек кричал:

— Отходим!

Фидель вдруг ощутил себя не только сильным — всемогущим, почти равным античным титанам или даже богам. И это чувство передавалось его соратникам, которые, словно наливаясь неведомой силой, рвались вперед, на врага. И пули обходили их стороной.

Это ощущение — что он, Фидель, и его бойцы обрели нечеловеческие возможности, было таким, что его нельзя было сравнить ни с чем. Даже с сексом. Ибо если секс — это соединение с женщиной, то сейчас Фидель сливался со Вселенной. Еще мгновение — и он станет ее частью, возвысится над людьми и их суетой, превратившись в божественную сущность, и в его власти будет решать, кому жить, а кому умереть. И никто не сможет остановить его...

Вдруг Фидель почувствовал, что его пронзил чей-то колющий взгляд. Он приостановился, поднял голову и увидел на крыше казармы пожилого черного офицера. Тот стоял во весь рост, не опасаясь пуль, и пристально смотрел на него. И хотя негр-батистовец не кланялся пулям, в его глазах застыл страх.

Фидель ухмыльнулся — да, тому есть чего бояться. Скоро этот офицеришка, как и все, кем он командует, умрут. Умрут, потому что они не только враги, но и всего лишь жалкие людишки, пыль под ногами...

Фидель хотел поднять пистолет, чтобы выстрелить в батистовца — и почувствовал, что рука не слушается его. Он изумился: амулет по-прежнему жег грудь, наполняя тело неведомой силой, но в сердце уже коварной змеей вползала тревога. И Фидель вдруг понял, что победа сейчас ускользнет из рук. Потому что победить ему не даст тот, кто гораздо сильнее и могущественнее его.

Покровитель.

Обитала Аягуна...

«Как же так? — Фидель не мог поверить, что такое может случиться. — Почему?»

Сердце пронзила нечеловеческая боль, вышибая из головы все мысли, а из души — чувства. Перед глазами встала черная стена, и она стремительно надвигалась на Фиделя, намереваясь раздавить его — земляного червяка, который возомнил себя всемогущим богом...

Спустя невероятно долгое время, когда Фидель осознал, что он все-таки жив, стоит посреди площади, а вокруг него свистят пули, он услышал тихое, но властное: «Еще не время...».

Амулет больше не обжигал грудь — он был холоден, как лед. И сердце металось в груди, как пойманный в силки суслик.

Тому, кто всего лишь мгновение назад ощущал себя властелином Вселенной, теперь было трудно осознать, что он просто человек.

Мелкая песчинка в жерновах безжалостного мироздания...

Это было поражение, в которое не хотелось верить. Покровитель не только не дал Фиделю завершить штурм Монкады победой — которая очень много значила для дальнейшей борьбы с диктатурой, — но и посмеялся над ним, одним движением вселенской ладони скинув его с вершины, на которую сам только что вознес.

Почему Покровитель так поступил, размышлять времени не было — солдаты вели по повстанцам плотный огонь, и острые носы пуль рвали тела товарищей, окропляя кровью мостовую.

Но ни одна из них не задела Фиделя — словно он был заговоренный.

«А я и есть заговоренный! — Фидель бросил взгляд, полный ненависти, на стены неприступной крепости. Если бы его глаза извергали пламя, то от Монкады

остался бы спекшийся камень. — И Покровитель оберегает меня...»

— Отходим! — закричал Фидель. — Все отходим!

Он не привык отступать — но амулет обжигал грудь холодом, и поэтому не имело смысла геройствовать.

10

Штурм провалился, и оставаться на ферме «Сибоней», куда отряд повстанцев вернулся после отступления, стало опасно.

Фидель с группой бойцов — всего восемнадцать человек — ушел с базы вечером, сообщив тем, кто не решился отправиться с ним, что они будут двигаться вдоль побережья.

Однако, пройдя вдоль океана километров пятнадцать, вдруг отдал приказ повернуть к горам Гран-Пьедра. Амулет жег сердце, но Фидель и без напоминаний Покровителя понимал, что они должны сбить со следа преследователей.

Всю ночь и весь следующий день отряд двигался по обрывистым лесистым склонам, пока не наткнулся на одинокую хижину, затерянную среди деревьев. Как оказалось, в убогой халупе жила старуха — такая древняя, что сама давно уже забыла, сколько ей лет.

У Фиделя сразу, едва он увидел дряхлую, опирающуюся на суковатую палку негритянку, возникло ощущение, что она тоже знакома с обрядами сантеро — очень уж колким на какой-то миг сделался взгляд ее водянистых глаз. И амулет опять нагрелся — но это был не жар огня, а теплота утреннего солнца.

Старуха не стала спрашивать, что делают вооруженные люди в таком дремучем лесу, только скрипуче сказала:

— Когда-то я помогала мамбисам...

Мамбисами на Кубе крестьяне называли солдат армии Хосе Марти и Антонио Масео, которые сражались за освобождение Кубы от власти испанской короны.

Война за независимость отгремела почти шестьдесят лет назад, так что возраст негритянки внушал уважение.

В лачуге не было ничего съестного, кроме заплесневелых корок хлеба, поэтому Фидель не стал останавливаться на отдых, решил продолжить путь дальше по склонам Гран-Пьедры. Он был уверен, что по пятам его отряда уже бегут батистовские ищейки. А еще он старался не думать, что могло произойти с его товарищами, которые, не вняв голосу рассудка, остались на ферме.

— Внучок вас проводит, — сказала старуха.

Внучком оказался хмурый верзила лет восемнадцати, который годился бабке в праправнуки.

Фидель так и не узнал, как его зовут, — парень оказался неразговорчивым. Однако довел отряд до вершины по самой короткой дороге — если, конечно, можно была называть дорогой узкую тропу, которая терялась в густых зарослях.

Фидель был уверен, что никто, кроме этого безымянного парня, не найдет эту дорогу, а сам парень не покажет ее никому даже под пыткой.

Через три часа пути по горному кряжу Фидель разрешил уставшему отряду сделать короткий привал.

Измученные бойцы рухнули на землю. Они рвали траву, пытаясь хоть как-то утолить голод — прошло уже двое суток с тех пор, как они нормально поели в последний раз.

Фиделя тоже мучил голод, однако он старался не думать о еде. Амулет, который он переложил из внутреннего кармана френча во внешний, то нагревался, то становился холодным, как лед, и Фидель никак не мог понять, что хочет от него Покровитель. Он снова и сно-

ва прокручивал в памяти картины боя у стен Монкады — когда, казалось, победа была близка, потому что Фидель ощутил себя титаном, которому по силам свернуть горы в одиночку. Но он был не одинок — рядом с ним шли в атаку его бойцы, такие же бесстрашные воины. И потом, когда они неслись на машинах в Сибонее, и в самой Сибонее повстанцы, вспоминая перипетии боя, никак не могли понять, почему так произошло... Общий лейтмотив разговоров был один: вначале на них как будто что-то *накашило*, что избавило от страха смерти, и от этого силы словно удесятились, и каждый чувствовал себя древним титаном, почти сверхчеловеком...

Ощущение, несомненно, было приятным — как оргазм.

И таким же мимолетным, потому что потом *откашило*, и Фидель почувствовал себя жалким муравьем, которого всего лишь на миг, словно в издевку, превратили в титана, равного богам, а потом вернули обратно в прежнюю человеческую оболочку.

И если, почувствовав на секунду, как приятно осознавать себя сверхчеловеком, ты вдруг оказываешься снова в положении муравья — ты начинаешь понимать, что это произошло не просто так.

Тебе просто показали, что есть ты — и есть они.

Те, кто стоит выше тебя.

Они могут возвысить тебя до небес — а могут низвергнуть в царство Тартара.

Они могут все, даже оказать тебе покровительство — но за него нужно платить.

Чем он, Фидель, должен заплатить своему Покровителю? Кто он вообще такой? На самом деле древний бог? Или демон — библейский падший ангел, — низвергнутый с небес в преисподнюю?

Раньше Фидель не задумывался над этим вопросом. Он с детства знал, что его оберегают какие-то высшие

силы, и воспринимал это как должное, как само собой разумеющееся.

Но сейчас, после неудачного штурма, Фидель вдруг подумал: а если Покровитель на самом деле не помогает ему, а просто играет с ним?

Захотел — дал силу, захотел — забрал назад...

Иначе как объяснить, почему Покровитель украл у него победу. Что ему стоило помочь захватить Монкаду? Почему он сказал: «Рано!»? Неужели мы, люди, для всех высших сил всего лишь пешки на гигантской шахматной доске, которые они двигают по своему усмотрению? Тысячи раз, с самого раннего детства, Фидель слышал слова: «Пути Господни неисповедимы», но они относились к библейскому Богу.

Теперь же к Фиделю приходило понимание, что так можно сказать обо всех богах — и даже демонах...

11

После короткого привала отряд продолжил свой путь через горные чащобы.

Правда, не в полном составе — пятеро решили вернуться.

Фидель скрепя сердце отпустил их — понимая, что его соратники уходят на верную смерть.

Фидель уже знал, что горные тропы, которые вели к подножию Гран-Пьедры, уже перекрыты озверевшими батистовцами, и в плен они никого не берут.

А потом долго куражатся над уже мертвыми телами.

Радовало одно: Фидель *знал*, что Рауль, которого он видел последний раз перед началом штурма, был жив. Брат вместе со своим небольшим отрядом сумел отступить из Дворца правосудия без потерь и в одиночку решил добираться до Бирано, где надеялся отсидеться у отца. Однако Раулю не удалось выбраться из города — его арестовали батистовцы и бросили в тюрьму. Слава Покровителю, особо не били...

Взяли Фиделя ранним утром первого августа. Он и двое повстанцев, которые решили остаться с ним до конца, переночевали в какой-то охотничьей хижине, на которую набрели случайно, едва заметив в полной темноте.

Удалось не только подкрепиться — на колченогом столе нашлись куски черствого хлеба, но и залить невеселые мысли алкоголем — под топчаном обнаружилась раскупоренная бутылка виски.

Фидель не пил, но и товарищей не отговаривал — понимал, что эта ночь может стать последней в их жизни.

Последней для его парней — и, возможно, для него самого. Амулет уже два дня был холоден, как лед в Антарктике, и Фидель не знал, станет ли Покровитель помогать ему.

Не смахнет ли с шахматной доски надоевшую пешку.

Фидель не спал, когда услышал шум шагов рядом с хижиной.

Он понял, что их окружили солдаты. Хотел разбудить товарищей, которые, ополовинив бутылку, шумно храпели на лавках. Но не стал — смерть во сне не так страшна, как если ты глядишь ей в лицо.

Тем более смерть от пули.

Амулет по-прежнему не подавал признаков жизни.

Снаружи что-то лязгнуло — очевидно, кто-то из солдат передернул затвор.

И в следующую секунду хлипкая дверь влетела внутрь помещения, выбитая ударом ноги.

Прогремели первые выстрелы, раздались и стихли стоны — и в тело Фиделя уперся частокол стволов, которые хищно смотрели на него черными зрачками.

Так же хищно, с ненавистью, взирали на него солдаты. «Вот и все, — подумал Фидель. — Мой Покровитель, почему ты больше не помогаешь мне?»

Фиделю показалось, что в ответ на эти мысли амулет стал чуть теплее.

12

Лейтенант Сарриа командовал взводом солдат, которые шли по следу главаря мятежников.

Сарриа уже знал, что штурм и захват Монкады был спланирован адвокатом Фиделем Кастро Рус и должен был послужить сигналом для антиправительственного мятежа на востоке Острова. Этот жалкий юристишко возомнил себя новым борцом за свободу, считая себя продолжателем дела великого Хосе Марти!

— Ты должен уничтожить главаря преступной шайки, — сказал лейтенанту Сарриа полковник. — Тебе скоро в отставку уходить, а ты все ходишь в лейтенантах...

В словах полковника звучала ничем не прикрытая издевка. Полковник был молод — не больше сорока, а Сарриа недавно исполнилось 53, и уже лет тридцать он ходил в лейтенантах, хотя все эти годы нес службу исправно. В далеком 1942-м, когда Куба объявила войну Германии, даже подавал рапорт об отправке добровольцем в Европу — но его непустили, и Педро не стал настаивать. Он был военным до мозга костей и не считал нужным оспаривать приказы.

— Но ты можешь оставить службу капитаном или даже майором, — продолжал заливаться соловьем полковник, но в этом сладком пении лейтенанту слышались только фальшивые ноты.

Если ты не стал капитаном десять лет назад, когда все твои товарищи по службе уже получали майора, то наверняка не станешь им и сейчас.

Хотя бы потому, что тебе уже прямо намекают об отставке.

А еще потому, что ты — черный.

В кубинской армии всегда служило много негров, но никто не дослуживался до высоких чинов и званий.

★ ★ ★

Взвод лейтенанта Сарриа окружил хлипкую халупу, в которой, по словам одного из пойманных бунтовщиков, ночевал главарь с небольшим отрядом.

Было тихо — даже птицы не пели.

Лейтенант посмотрел на часы и отдал приказ.

Дюжина солдат ворвались внутрь домика, застрекотали автоматные очереди.

«Вот и все, теперь можно и в отставку», — с облегчением подумал лейтенант, входя внутрь.

Действительно, двое — всего двое? — мятежников валялись на полу, изрешеченные пулями, а солдаты держали на мушке их главаря.

Того самого, который так самоотверженно командовал штурмом.

Того самого, который в тот миг был похож на демона.

Того самого, которого он, лейтенант Сарриа, взял тогда на мушку, но почему-то не смог выстрелить

Но сейчас ему не уйти, и возмездие свершится.

★ ★ ★

Фидель без страха смотрел в черные глазки направленных на него стволов, ожидая, когда раздастся последний выстрел.

В комнату вошел офицер — негр, в его глазах плескалась ненависть. Но выглядел он измученным.

И Фидель понял, что сейчас этот чернокожий батистовец отдаст приказ — и эти слова станут последними,

которые он услышит перед тем, как навсегда уйти туда, где его ждут товарищи по борьбе.

Он не хотел умирать — вот так, в самом начале своего пути...

— Покровитель, Обитала Аягуна, почему ты оставил меня? — прошептал Фидель. И закрыл глаза, чтобы не видеть свою смерть.

И вдруг он почувствовал, что амулет чуть потеплел. Или это ему только показалось? Фидель не мог сунуть руку в карман, чтобы проверить, потому что солдаты наверняка воспримут его движение как попытку достать оружие и откроют огонь.

Хотя какая разница — секундой раньше или позже?

Но нет, он не ошибся — камень становился все горячее и горячее.

— Обитала Аягуна...

Пламя разгоралось в груди, и сердце было готово выскочить наружу — но уже не от страха, а от понимания того, что Покровитель снова с ним.

Фидель открыл глаза и с вызовом уставился на черное лицо офицера.

Тот сплунул на пол, скривил в презрительной усмешке губы.

★ ★ ★

Вожак стаи безвольно валялся на рваной дерюге, ожидая смерти. В его черных глазах застыл страх — этот парень явно не горел желанием отправляться в гости к костлявой...

Лейтенант поднял руку, собираясь опустить ее вместе с короткой командой.

Но только он собрался отдать приказ солдатам, как увидел, что губы бунтовщика что-то шепчут. Сарриа не услышал его слов, но почему-то ему сразу стало страшно. Спина покрылась липким холодным потом. И при-

каз, который он хотел отдать, острой рыбьей костью застрял в горле.

А тот, кто только что был загнанным зверем, готовым молить о пощаде, теперь походил на хищника, готового разорвать любого, кто станет у него на пути. Сарриа задрожал, зажмурился — он не мог выдержать желтый взгляд изготавившегося к прыжку тигра. И в мозгу снова, как и тогда, когда этот тигр шел на штурм, словно взорвалась граната — и тот же тихий, но властный голос сказал как отрезал: «Следом — ты!»

И лейтенант Сарриа, мокрый от ледяного пота, понял, что он сейчас снова только чудом избежал смерти, потому что *нечто*, что стояло сейчас за спиной этого бунтовщика, может убить его быстрее, чем он откроет рот, чтобы отдать команду солдатам.

Могло убить — но не убило. Оставило жить — но наверняка не потому, что не хотело убивать, — а по той простой причине, что он, лейтенант Сарриа, черный, 53 лет от роду, был зачем-то этой силе нужен.

Вот только узнать бы — зачем...

— Не стрелять! — скомандовал лейтенант. Вопреки ожиданию, он смог выговорить эти слова. И голова перестала болеть. — Я хочу доставить его живым.

Солдаты опустили автоматы, и лейтенант услышал за спиной короткий смешок. Наверное, у кого-то из солдат сдали нервы — но Сарриа прошиб холодный пот.

Он был уверен, что в этом помещении вместе с ним, солдатами и вожакom бунтовщиков находился еще кто-то.

И этот *кто-то* — не человек.

И люди для *него* — всего лишь игрушки...

Три часа связанного пленника солдаты вели вниз по горной тропе — путь указывал хмурый пожилой крестьянин.

За весь путь ни лейтенант, ни его пленник не проорали ни единого слова.

При обыске у Фиделя обнаружили камень, похожий на свиной череп. Сарриа, поборов необъяснимый страх, повертел его в руках, понимая, что это скорее всего оберег, который должен защищать от злых сил, потом бросил вопросительный взгляд на пленного. Тот лишь ухмыльнулся в ответ, в глазах сверкнули желтые искры. Сарриа почувствовал, что ему хочется выбросить этот холодный камень и выбежать вон, не оглядываясь. Иначе опять в его голове взорвется граната.

Лейтенант распорядился вернуть пленному все, что у него нашли, — кроме оружия.

Фидель лишь коротко кивнул, получив обратно амулет.

Когда группа вышла на шоссе, их там уже ждал грузовик. Фидель заметил, что в кузове лежат тела, закрытые брезентом, — то наверняка были его товарищи, с которыми он еще несколько дней назад обговаривал детали предстоящей операции. А теперь они мертвы... Фидель не мог сжать кулаки — руки были связаны за спиной. Оставалось только скрежетать зубами от боли, которая колола сердце, и строить планы мести батистовцам.

Сарриа приказал посадить пленника в кабину и сам, поборов неприязнь и страх, сел рядом, не снимая пальца со спускового крючка автомата.

С другой стороны от Фиделя занял место водитель — чернокожий солдат-первогодок.

— Спасибо тебе, — сказал вдруг пленник, когда машина уже ехала по горному серпантину.

— За что? — удивился Сарриа.

— Меня зовут Фидель Кастро Рус, ты же это знаешь? — с улыбкой спросил пленник, но эта улыбка по-

ходила на ухмылку сытого удава, который решил оставить случайно попавшего на его пути кролика на потом.

— Знаю...

— Тогда почему ты меня не убил? — в желтых хищных глазах играла усмешка. — Тебе же отдали приказ убить меня, верно?

— Да, — кивнул Сарриа. Он до смерти боялся этого человека, руки которого были связаны за спиной, а он сам сидел, зажатый между ним и водителем. А сзади следовал еще один грузовик, полный солдат...

Страх был непонятен, иррационален — как в детстве, после рассказов бабушки о живых мертвецах — зомби. Но перед лейтенантом Сарриа был все-таки человек. Живой человек... Которого он должен был убить, но не мог отдать такой приказ, потому что знал, что следом умрет сам.

А Педро Сарриа еще не хотел покидать этот несовершенный, но такой привычный мир.

— Так почему ты меня не убил? — хищник продолжал играть с жертвой. — Тебя ведь хотели повысить в звании, так?

— Я... — начал было лейтенант, но Фидель не дал ему договорить:

— Ты меня не убил, и я это запомню. Хорошо запомню. И тоже потом не буду тебя убивать...

Солдат-водитель дернул руль, и машина чуть не врезалась в ограждение, за которым зияла пропасть.

— Следи за дорогой! — рявкнул Сарриа, мокрый, как мышь.

— Но он же... — пролепетал солдат, бледный, словно покойник. Он только сейчас понял, что если бы машина пробила ограждение и сорвалась в пропасть, то это была бы верная смерть.

— Следи за дорогой! — повторил лейтенант. И посмотрел на Фиделя.

Тот улыбался и был спокоен — как будто его не терзал страх перед небытием, как будто он не боялся смерти...

Как будто он был вовсе бессмертный.

Сарриа снял фуражку, вытер платком мокрую лысину.

— Я не бессмертный, — сказал пленный, бросив на лейтенанта желтый взгляд. — Я просто заговоренный...

АЛЕКСАНДР ЛАЙК

ВЕСНА В СТОЛИЦЕ

Весна, как всегда, сделала муниципалитету козью морду. С самого начала марта мэр гордо сообщал журналистам, что город к весне готов!.. И цветы будут рассажены там-то и еще вот там!.. И скамейки будут покрашены за два дня!..

«И будут сохнуть две недели», — привычно ворчали пенсионеры.

В день имени Клары Цеткин март выдал прекрасным дамам минус шестнадцать. Притихли даже коты.

Двадцать второго за пару часов навалило полметра снега. Дворники матерились и, согреваясь по-славянски лопатой и поллитрой, обсуждали, что на Аляске за ту же работу плятят раз в двадцать больше.

Первого апреля солидная центральная газета напечатала большую статью, в которой очень знаменитые профессоры и академики говорили о сбитых цивилизацией планетарных ритмах, резонансной раскачке маятника, глобальном похолодании и новом ледниковом периоде. Сквозь залепленные снегом очки на дату публикации окоченелые горожане даже не смотрели.

Когда ведьмы приготовились праздновать Вальпургиеву ночь в шубах и министр обороны третий раз перенес срок перехода на летнюю форму — за одну ночь вдруг стало плюс восемь, мэр понял, что его подсиживают. И уже подсидели. Или посадили. В лужу. Вот только непонятно кто.

Шел третий день тепла.

Снегоуборочная машина, засевавшая в луже позавчера, напоминала затопленный на входе в бухту фрегат. На палубе фрегата сидели двое — один волосатый и лопухий, другой — небритый и беззубый. На бомжей они не тянули, но и на работников коммунхоза не похожи были. Такое непонятное что-то. Не то бездельники после доброй пьянки, не то как раз работяги после ночной смены.

Беззубый ловко вынул из левого рукава бутылку без пробки, вкусно хлебнул и передал благодать лопухому. Тот вежливо принял и без промедления догнал соседа, но в три мелких глотка.

— И как ты это делаешь? — уважительно спросил он.

— Что — это? — искренне удивился беззубый.

— Как она у тебя в рукаве не расплескивается?

— Да че там, — беззубый улыбнулся неожиданно смущенно. — Привычка. Просто рукой не машу, да и все. Вот Уррик... а, ты его не знаешь. Так тот из рукава вообще пьет. Ему стакан подсовывают, а он отбрыкивается. Из рукава, говорит, смачнее выходит.

— Да-а, — лопухий покрутил головой. — Оно, может, и смачнее, но не для меня. Разолью половину, праotec свидетель.

— А ты по жизни вертлявый, — беззубый протянул руку за бутылкой. — Все ваши вертлявые, народ такой. Ты только без обид, лады?

— Да ну, — лопухий беззаботно махнул рукой. — Ну, есть немножко, ну, вертлявые. Какие обиды?

— Мало ли, — беззубый повертел бутылку в руках. — Чего нам пишут? «Вина Ставрополя», во как! Привет от казачества, значит.

— Тьфу ты! — лопухий вдруг заржал. — А я-то, не думая, прочитал — вина-а. И все понять не мог, чем это Ставрополье провинилось?

Беззубый тоже хохотнул.

— Чем, чем... Спаивают они нас, Азик, спаивают на корню. А мы ж такие беззащитные, мы ж устоять не можем!

— А то мы защищаемся, — буркнул лопухий Азик. Вроде как недовольно, но в глазах смешинки танцевали. — Мы как раз атакуем. Можно сказать, роздыху вражине не даем.

— Это себе ты отдыха не даешь, — нравоучительно сказал беззубый. — Это у тебя какая фляга за сегодня?

— Гза, не бухти! — возмутился Азик. — На себя глянь! Ты когда последний раз трезвый был? Вспомнить сможешь?

Гза призадумался. Потом шлепнул себя по лбу.

— А чего вспоминать? Я ж на смене не пью! Значит, позавчера. Точно, я вечером на объект еще по дубняку топал, а когда сменился — уже лужи по колено.

— Ага! — оживился Азик. — Лужи по колено, говоришь? Трезвый, говоришь? Вон на Грибоедовском, говорят, бабка в луже утонула!

— Если б я домой полз, я б тоже утонул! — гордо заявил Гза. — А я шел! Потому что трезвый был.

— Не верю я, если честно, что вы на работе не бухаете, — сказал Азик.

Гза поморщился.

— Ребята квасят, да. Я — нет.

— И не тянет?

— Абсолютно. Это ж врожденное, ты пойми. Рефлекс воина не позволяет расслабляться в боевой обстановке.

— Больно она у вас боевая.

— Заступил на пост — значит, боевая. Ну, приравнивается к боевой.

— А... — начал было Азик.

— Лугзак! — начальственно рявкнули с берега лужи. — Ты какого ляда на спецсредстве расселся?

— Привет, Харламов, — бесстрастно ответил Гза, не оборачиваясь. — Тут сухо.

— Ага, а в Белом доме еще и тепло! Чего ж ты не там-то?

— Туда далеко.

— Вот я тебе сейчас выпишу пятнадцать суток, туда близко!

— Ладно, не ори, — миролюбиво сказал Гза и наконец-то повернул голову. — Ты чего сегодня такой ранний, Харламов? Ты ж всегда в наряд после обеда шел?

Полный сержант в зимней кожанке снял фуражку и утер намечающуюся плешь.

— Да погода, блин! — оскорбленно сказал он. — С этой жарой, блин, куда ни плюнь — полная фигня творится. Поутру вызвали ребят на Пресытенку — массовая драка. Твои, блин, кунаки на рынке корейцев метелят. Не, я все понимаю, корейцы, конечно, уже достали. Но твоим-то, Лугзак, какого лешего в наши разборки соваться? Вот ты мне скажи, ты ж вроде нормальный, да? Что тебе до корейцев?

— Мне — ничего, — согласился Лугзак. — А тем, на рынке, может, и есть чего. Почему я знаю? Ты, Харламов, не увиливай. Драка на Пресытенке, а ты здесь. Колись, в чем шутка юмора?

— Так говорю ж, погода! — возмутился сержант. — Выехали они в девять, двумя автобусами — дороги вокруг рынка ты сам знаешь... Ну, туда еще добрались. А обратно — по солнышку развезло грязищу, да еще натаяло сантиметров на двадцать, да груза лишнего пятнадцать человек задержанных. Короче, сели они там

на брюхо, вода под окна, и пишете письма на заборе. В первой смене половины состава как и не было, подняли всех, до кого дотянулись, а я, кретин, трубку поднял...

— Из ответственности или из любопытства? — Лугзак поднял редкую бровь.

Харламов засопел.

— Думал, Настюшка звонит, — признался он. — Хотел на вечер договориться, на после смены... Так, сменили тему. Что этот ушастый с тобой делает?

— Да вроде ничего не делает, — теперь Лугзак вздел обе брови. — Сидим вот, треплемся, расслабляемся.

— Расслабляются они, — недовольно сказал Харламов. — Надираются у нас, Лугзак, в парке! Как приличные люди!

— В парке лавочки в воде по спинку, — объяснил Гза. — Мы сюда-то еле залезли.

— Ты, знаешь, мне ваньку не валяй, типа, по-русски не понимаешь. Я тебя русским языком спрашиваю: как это вас угораздило, типа, скорешиться?

— Мы ж земляки, Харламов, — укоризненно скривился Гза.

— Да какие вы, на хрен, земляки?!

— У вас здесь наши — все земляки, — вздохнул Гза. — А этого я давно знаю, еще по старым делам. Я у него в плену сидел, два месяца.

— А, еще там, у вас, — понял сержант. — Ну, тогда ладно. Но документики я у него все-таки спрошу, ты не думай. Ушастый, бумаги есть?

— Есть, — кивнул Азик.

— Кидай сюда. Да не бойсь, поймаю!

Азик все-таки спустился на колесо и, одной рукой держась за зеркало, другой дотянулся до Харламова через лужу. Сержант, балансируя на поребрике, кончиками пальцев прихватил иммиграционную карточку и взгляделся в нее близорукими глазами.

— Что за мать?! — неподдельно изумился он. — Что за бред такой? Какой Аэрозоль?!

— Азерозль, — безмятежно отозвался лопоухий.

— Азерозль он, — подтвердил Гза. — Азик.

— Азик он, — мрачно бормотал Харламов, изучая пластиковую карту. — Азик, понимаешь... Лучше б ты, блин, реально азиком был! Или азером... Понаехало тут, понимаешь!.. Регистрация есть?

— Он только вчера приехал, — ответил вместо Азика Гза. — Мы за встречу... ну, ты понял. Завтра сделаем.

— А ему дадут? Мне, понимаешь, лишней головной боли на фиг не надо!

— Дадут, дадут, — заверил Гза. — Я его еще на фирму к себе устрою.

— Ушастого в охрану? — усомнился Харламов. — Ты че, совсем сдурел?

— Да ну тебя, — фыркнул Гза, ослабившись. Оттого стало видно, что повыбитое зубье изначально было покрупнее обычного. — Ты их просто в деле не видел. Такой Азик, Харламов, ты не обижайся, тебя раза в два помельче кажется, да оно так и есть — ну, не в два, так в полтора точно будет. А если что, так будешь ты лежать, как хрен после борделя. И скажу почему. Просто пока ты за стволом потянешься, он тебя вокруг обежит, перекурит, выберет кирпичом попримочней и приласкает по маковке. Верь, Харламов, моя лысина на себе проверяла.

— Своих мало было, — буркнул Харламов и сторожко поглядел на Азика. Повертел карточку так и этак, зачем-то посмотрел на свет, хотя пластик был вовсе не прозрачный, и возвратил владельцу.

— Держи, леший. Только смотри мне, не бузи. Мне на районе лишней бузы не надо.

— Не стану, командир, — успокоил ушастый. — Мне тоже неприятности ни к чему.

— И вообще, Лугзак, допивайте и валите к чер... или куда там у вас валят? Не ровен час, приедут эту дуру вытягивать — с бригадой могут эмчээсовцы увязаться, опять вас трепанут и на меня же еще и стукнут. Мне оно надо? Вам оно надо?

— Щас, Харламов, — пообещал Гза. — По три глотка осталось. И нас здесь нет, как снега.

— Вот блин, опять про погоду! — скривился сержант и снова вытер плешь. — Умеешь ты все обгадить на ровном месте!

— Да я от этого климата сам дурею, — честно сказал Гза. — У нас, конечно, тоже не курорт, но это... — он неопределенно обвел рукой горизонт. — А может, глотнешь чуток? Для освежения организма?

В организме сержанта явно произошла борьба.

— Не могу, — ответил он сокрушенно. — Все начальство на месте. А смену сдавать придется, и по форме. Ладно, не засиживайтесь тут! Мне еще полный круг сделать надо, так вот: если я на обратном пути вас здесь увижу — будешь ты, Лугзак, сегодня моих детей кормить, это минимум.

Гза хохотнул.

— Не буду, не буду! Обеспечим детям разгрузочный день. Нет, серьезно, Харламов, через пять минут уходим.

— Ну ты смотри, — для порядка сержант вместо прощания показал немаленький кулак и медленно побрел в сторону почты.

— Я так понимаю, ты тут уже пообвыкся, — негромко сказал Азик.

— А что ж ты хочешь, третий год здесь обитаю. А с этими ребятами вообще просто не разминуться, они — после закрытия — на сдачу кассы и включение сигнализации заглядывают. А я ж с нашей стороны ответственный за эту байду. О, посмотри, кого ветром несет!

С противоположной уходящему Харламову стороны бойко приближался кряжистый мужичок, усатый и со щетинистым подбородком. В руке мужичок цепко сжимал пластиковый пакет, из которого заманчиво выглядывали стебельки зеленого лука.

— Спрыгиваем, Азик, — скомандовал Гза. — Тройх душа Харламова не вынесет.

Он ловко съехал на скат спецсредства и прыжком ушел на край лужи. Азик последовал за ним, только прыгнул прямо с борта. Но приземлился дальше от воды.

— Привет, Фин, — говорил Гза мужичку, стучаясь с ним кулак в кулак. — Чего не в мастерской?

— Отгул взял, — кряхтел кряжистый. — Погода знатная, птички верещат, душа запросила компании и хулиганства. Тебя искал, если прямо. Только я себе думал, што ты у парке. А ты муниципальный транспорт портками протираешь, глянь-ко. А што это с тобой за приметная личность гуляет? Тоже вроде не местный будет?

— Наш, Фин, свой. Азиком зовут. Тоже подался судьбы попытать, новостей привез. Хреново там у нас, брат. И что-то с каждым днем все мрачнее.

— Ага, ага, — кивал кряжистый. — А то здесь медовые реки текут, и с каждым днем все слаще. А ты откуда ж будешь, Азик, из каковских? Предгорный, што ли?

— Не, я с севера, из Пущи, — Азик подошел ближе и тоже стукнулся с мужичком кулаками. — Здоров, отец, знакомы будем. Меня, ты слышал, Азиком звать. Азеро-эль, если полностью. А ты, как я понимаю, Фин.

— Ага, ага, — согласился Фин. — Если полностью, так Финли, ну дык не дома ведь, все Фином зовут, все Фина знают. Слышь, ребятки, што у меня есть...

Он раскрыл пакет и запустил туда мозолистую лапу.

— Гатка снарядила, милочка моя, говорит, ото Азика поймаешь, так штоб вам закусить было, а то ж я вас, голодранцев, знаю — пить, пить и пить, а штоб закусить, так нет, и так уже штаны спадают, а из туалета спиртом на всю хату прет, а вовсе не тем, чем положено, так я же ж вам сальца, да огурчика, да чесночка с лучком, да хлебчика свеженького, да селедочки, да помидорчика маринованенького... цыть, говорю, Гатка, от твоего трезвона уже голова вдвое, а коли так, то пакуй, што сказала, да дай-ко ты мне штофик домашней, а то от казенки уже кишки як той шлагбаум, тьфу ты, грешное семя, дуршлаг. Так што вы думаете — дала, да не малехоньку, а литровку! От я и говорю, давайте в парк, да на лавочке раскладемся, да по чарочке, за встречу, и опять же за знакомство, да и новостей я послушаю с радостью, а то из ящика каку-то таку лабуду несут, што и не поймешь, с какой стороны там ноги крепятся, вот говорили намедни, вчера говорили... или уже поза-вчера?..

— Фин, помолчи минутку, да? — взмолился Гза. — Ну сил же нет, какой ты говорливый!

— Да я ж молчу! Вот сальцем и штофиком только похвастался, ну, ничего, щас сами попробуете, только я ножа не взял, забыл, представляете? Ага, ага, как есть забыл, ну так у тебя же, Гза, нож всегда...

— Фин! — рявкнул Гза.

У Азика заложило уши, и он возмущенно посмотрел на приятеля.

— Чего орешь? Не в пустыне!

— Прости, брат, — повинился Гза. — Только на этого... Данилу-мастера если вовремя не гавкнут, так он до вечера не остановится.

— На кого? — сощурился Азик.

— В смысле?

— Как ты его обозвал?

— А-а, — до Гзы дошло. — Данила-мастер, пряник такой из здешней книжки. Этот вот, — он кивнул на Финна, — мне же ее и подсунул. Ничего так книжка, только детская какая-то, напридумано здорово, но верится с трудом.

— С трудом ему!.. — взвился Фин. — Много ты о Подземных Владыках знаешь, можно подумать! Да если хочешь знать...

Он неожиданно замолчал и подергал себя за ус.

— А я думал, ты Эльданила к чему-то припшел, — задумчиво сказал Азик. — Хотя какая теперь разница... Пошли в парк, что ли?

— Еще раз напоминаю, — предупредил Гза, — как раз у лавочек море разливанное. Эти красавцы все лавочки по ложбинкам расставили.

— Не все, — авторитетно заявил Фин. — Та, которая у самой мусорки, — та на горбике.

— Вот туда сразу и двинем, — решил Гза.

— На мусорку? — усомнился Азик.

— Не на мусорку, а рядом. И вообще, что тебе мусорка, эстет хренов? Там мусору — пластик и стекло. В казарме похуже бывало!

— То в ваших казармах, — миролюбиво отозвался Азик. — Да идем, идем, я ж не против.

На пригорке было хорошо. Слегка замаскированная остатками тающего снега пустошь с мусором напоминала скорей театральную декорацию, чем свалку отходов. У лавочки луж не было, и сама она уже высохла под утренним солнцем. Венцом ландшафта, без сомнения, было отбитое горлышко винной бутылки. Сквозь него просочился беззастенчивый росток, и теперь из горлышка, как из вазочки, торчал бутончик.

— Красотища, — шумно вздохнул Фин, умявшись на лавочке и выкладывая снедь на прихваченную из дома рекламную газетку. — Вот такого и хотелось. И чтоб птички...

На эту реплику с ближайшей березы слетела ворона, скептически оглядела зарождающуюся трапезу и веско резюмировала: «Каррр!»

— И на тебя тьфу, — с достоинством ответил Фин.

— Дай девчонке хлебца, — попросил Азик.

— А если это мужик? — ехидно спросил Гза.

— Девчонка, — уверенно сказал Азик. — Молодая еще. Прошлогодняя. Первую зиму пережила, радуется.

Фин выломил из буханки шмат мякиша и расчетливо бросил — не прямо в ворону, а шага на два в сторону. Та склонила голову набок — видимо, оценивая вероятность подвоха — и неспешно направилась к угощению.

Фин добыл из пакета три пластиковых стаканчика и штоф.

— Любите вы живность, ребятки, — сказал он Азiku. — Да и она вас вроде жалуует.

— Есть такое дело, — кивнул Азик. — Знаешь, наверное, не столько любим, сколько понимаем. А они это чувствуют, я серьезно.

— Ну что, по маленькой? Гза, добывай свой скимитар, сальца напастай, будь другом. И пару огурчиков тож почидай, а?

— Ты, Фин, это, погоди с первачком, — сказал Гза, вынимая длинный узкий нож. — Сейчас винчик дожмем, чтоб градус не ронять, а потом, с сальцем и чесночком... О, ты, часом, перчика не прихватил?

— А как же! — восторженно-возмущенно откликнулся Фин. — Штоб я — и без перчика? Смеешься, наверно, над стариком увечным?

— Так уж и старик, — хмыкнул Гза, примеряясь к огурцу.

— А то, — неожиданно погрузнел усатый крепыш, — постарше Азика буду. Да и калечило меня в забое, ох, не раз. Ты вот думаешь, почему мы погово-

рять любим? А вот стоишь ты один на глубине, напарник отвал к подъемнику погнался, а вокруг — на сотню шагов во все стороны камень... И над головой тыщи полторы. Вот и говоришь сам с собой, говоришь, говоришь... А то песенку мурлычешь, так негромко, чтобы пласт не потревожить. В ритм кайлу. А наверх поднялся, живой народ вокруг, руки развести можно, вдохнуть поглубже — тут и прорывает. Особенно после чарки-седьмой.

— Да понимаю я, — отмахнулся Гза. — Но и ты ж пойми, вся жизнь по лагерям и казармам. Галдеж вечный, даже по ночам. Кто в кости режется, кто морду хамью полирует, кто просто квасит — уж так по тишине затоскуешь, хоть просись к тебе в отбой. Вот разве что птички — они тихие...

— Карррр!!! — вальяжно сообщила ворона, управившись с мякишем и явно взвешивая шансы на добавку.

— А к нам гости, — тихо сказал Азик, глядя на тропинку.

— Это еще кто? — Гза отложил нож и сощурился. — Местный какой-то хрюндель, не знаю я его.

По тропинке к лавочке поднимался человек средних лет, худой, нестриженный, одетый вполне прилично, с портфелем в руке. Почему-то именно этот портфель выглядел в парке совершенно неестественно. Человек остановился у того края лавочки, где сидел Азик, и очень вежливо сказал:

— Здравствуйте. Простите, если помешал. У вас огонька, случайно, не найдется?

— Я не курю, — так же вежливо ответил Азик.

— Ты у этого спрашивай, — посоветовал Фин, тыча помидором в Гзу. — У него по карманам што хошь распахано, там домозавра найти можно.

Гза неохотно полез в нагрудный левый и вытащил зажигалку.

— Спасибо, — еще более вежливо сказал незнакомец, аккуратно раскуривая недорогую сигарету. Глаза его при этом не отрывались от газетки с закуской.

— Еще раз спасибо, — он слегка поклонился, возвращая огонь, но с уходом мешкал.

Трое переглянулись. Гза пожал плечами. Фин крикнул и привычно дернул ус.

— Может, вы есть хотите? — неуверенно спросил Азик.

— Скорей, выпить, — себе под нос пробормотал Фин. Незнакомец вздрогнул.

— Что вы, благодарю, — он слабо улыбнулся. — Не обделен, слава Богу. Только вот...

— Что — вот? — поторопил Фин.

— У меня с собой... вот, — он неловко, одной рукой, расстегнул портфель и вытащил из него бутылку водки, — вот. А стаканчик... не сообразил. И зажигалку где-то обронил. Может, если не побрезгуете... у меня и закуска есть...

Он снова полез в портфель, но вместо обещанной закуски извлек вторую бутылку водки. Поглядел на нее с некоторым недоумением, поставил на скамейку и в третий раз углубился в недра портфеля.

— А то из горлышка.. и одному... право, неловко как-то...

Трое опять переглянулись. И опять Гза пожал плечами. Финн полез в пакет и вытащил четвертый стаканчик — у хозяйственного крепыша явно была с собой упаковка. А заговорил, как и поначалу, Азик.

— Присаживайтесь, если хотите, — сказал он мягко.

Незнакомец порозовел и втянул воздух ноздрями. Глаза его подозрительно блеснули.

— Спасибо огромное, — негромко сказал он. — Вы не представляете, как... Знаете, я лучше постою, так всем удобней будет.

— Как скажете, — Азик пожал плечами.

Так и впрямь было удобнее. Азик и Фин сидели на лавочке с двух сторон от газеты, Гза взгромоздился на спинку, свесив ноги в тыл позиции, а незнакомец встал посередке между крепышом и ушастым. Хоть в преферанс играй.

Незнакомец тем временем добыл из портфеля банку португальских сардин с ключом, стеклянную банку с маслятами, маленькую баночку каперсов и сырные крекеры «Gizu».

— Не бедно, — оценил Гза.

Незнакомец ссутулился и как-то съежился.

— Да что там, — сказал он, бледно улыбаясь. — Один раз живем, в конце-то концов. Простите, я ведь не представился... Анатолием меня зовут. Толя...

— Гза, — коротко сказал Гза, пресекая церемонии. — Азик. Фин. Что у тебя стряслось, Толя? Говори, полегчает.

Анатолий смутился.

— А что... так видно, что... случилось?..

— Видно, что не привык ты пить в компании, Толя, — прямо сказал Гза. — И вообще пить нечасто доводилось. И куришь ты, как школьник. Раз решил литр под консерву приговорить — значит, непорядки в душе, скажешь, нет?

— Все правильно, — вздохнул Толя и заморгал. — Все правильно.

— Расскажешь? Неволить не станем.

— Расскажу, — Толя поднял голову и глянул в пронзительное апрельское небо. — Вот выпью... выпьем, то есть, конечно — и расскажу.

— Вот и правильно, — одобрил Гза, вновь берясь за нож. — Только пить начнем все-таки не с водки, а с вина. Заряжай, Фин!

Азик неуловимым жестом извлек из нагрудных карманов еще две бутылки.

— Ой! — вдруг воскликнул Толя, приглядевшись к этикетке. — Три семерки!

— Ну, — Азик повернул бутылку надписью к себе. — Ну да. Три семерки. А что не так?

— Да все так! Ой, ребята... Это ж такая ностальгия! Это вообще мое первое в жизни вино! Еще в школе, помню, после уроков, в подворотне... «Семь в кубе» у нас его звали. А после... ну, развала... пропало куда-то. Там же еще под перестройку антиалкогольный указ ввели, спиртного днем с огнем не найти было... виноградники повырубали, сволочи... чем им виноград мешал? Ну хоть бы детям на сок оставили! Где вы нашли такую реликвию?

— А оно молодое, — сказал Азик, изучая тыльник. — Ставропольский винзавод...

— Это тебе молодое! — язвительно сказал Фин.

— Наливай, усатый, — решительно сказал Гза. — За ностальгию!

Полчаса спустя погода явно повлияла на настроение. Все были ленивые и расслабленные. Азик кормил ворона каперсами. Та не сопротивлялась.

— Так што у тебя стряслось-то? — гудел Фин.

— Да ну!.. С работы меня выперли, вот что. У нас ведь после развала все время что-то — то путч, то война, то дефолт, то кризис... Ну, вот и ушли меня по сокращению. После пятнадцати-то лет на одном месте! Неделю назад выходное пособие конвертом по морде — и гуляй, Толик! Свободен! Родина в тебе не нуждается, кандидатишко задрипанный.

— Так то неделю назад, — отметил дотошный Гза. — А чего вразлет сейчас понесло?

Толик махнул рукой.

— Жена ушла. Утром. Тоже, между прочим, двенадцать лет вместе. Хорошо хоть детей нет. Ты, говорит, со своей диссертацией сегодня хуже инвалида. Тем хоть пособие да пенсию платят плюс льготы. А тебе, уроа,

одно пособие светит — по безработице! И ведь права, что обидно!

— Мрачно, — подытожил Фин. — А руками ты чего-нибудь делать умеешь, Толян? А то вот у нас в мастерской подсобника не хватает...

— Руками? — Толя зло ухмыльнулся. — Умею! Хроматографическую колонку — хоть с закрытыми глазами! Никому в столярке не надо? Или у тебя механика?

Еще через полчаса портвейн приказал долго пить, и в ход пошла Толина казенка.

— После развала всем плохо стало, — говорил Фин, размахивая масленком на пластиковой вилке. — И вашим, и нашим. Оно ж одновременно все посыпалось, ты пойми, Толян. Што бы там ни говорили — «два мира, мол, две культуры, две цивилизации» — фигня фигней и суета на постном масле, или как там у вас?

— Наоборот, — машинально поправил Толик.

— Все равно. Как, ты понимаешь, империя зла рухнула — все, трендец! Не можем мы жить без империи зла! Не можем! Ясно?

— Скажи спасибо, что хоть границу открыли, — хмыкнул Гза.

— Ага, ага. Железный занавес рухнул! Да! Ура-ура с фанфарами! Теперь вашим хреново у нас, а нашим хреново здесь!

— Поначалу еще кое-как, — подал голос Азик. — Войнушки, конечно, замаяли. Вроде игрушки игрушками, а трупы-то настоящие. Ты в курсе вообще, где мы с Гзой познакомились? Вот так. Но потом вроде поспокойнее становиться начало. И тут вдруг — раз! Откуда ни возьмись этот хрен с Севера — наследник, мать его за ногу! С «группой доверенных лиц и советников». И с подпиской, хрен разберешь, откуда вообще! И этих за собой приволок, мохноногов...

— Шерстопалов, — педантично поправил Фин.

— Все равно! Вот скажи, как может нормально развиваться экономика, если на южные поставки — эмбарго, а на восточные — таможенный тариф прыгает впятеро?

— Ты мне про другое скажи. Он же на кого — как это у них здесь? Опирался!

— Почему именно здесь и у нас? — возмутился Толик.

— Не у вас! У нас, у нас! Головной пограниц висел под трибуналом? Ну че он там наделал на переправе? Ответственный по внутренней охране висел за неисполнение, не так, скажешь? Про это уже пррррфессор один написал!

— И мобильные части не в ту степь ломанули, — веско сказал Фин.

— Нет, ты скажи!

— Короче, наливай, Фин, — Гза отличался вескостью аргументов.

А еще через полчаса...

— Ну вы же можете, — убежденно говорил раскрасневшийся Толик. Розоветь у него больше не получалось. — Вы ж-же мож-жете!

— Мы все можем, Толя! — Фин ушел в фиолетово-коричневую гамму, только пухлые губы оставались красными.

— Ежели захотим, конечно, — добавил Азик. Черты лица его явственно заострились, щеки запали, и сам он вроде как похудел.

— У вас же опыт развития цивилизованного общества на порядок выше!

— Ага, ага. Ленд-лиз пивом в обмен на гуманитарные поставки водки!

— Да я не про то! Вы же знаете, как со всем этим... вот с этим со всем... уйди, наглая!

Ворона независимо спонерила ломтик сала и отбыла под березу.

— Как с этим спариться... тьфу ты, справиться!

Фин посмотрел на Гзу. Потом на Азика.

— Знаем?

— Знаем, — сверкнул щербинами Гза.

— Можем?

— Да можем, — лениво сказал Азик.

— Сделаем? В смысле покажем?

— Да почему бы и нет, в конце концов? — Гза залпом выпил водку, хрустнул огурцом и рывком поднялся. — Пошли, иммигранты.

Они подошли к свалке.

— Нуко-ся... — Гза закрыл глаза и медленно развел руки в стороны, словно примеряясь обхватить мусорные горы со всех краев одновременно. — Давай, давай, не томи...

Толя почувствовал, что трезвеет. Очень хотелось сразу убежать, стоять и смотреть, и обязательно выпить. Много.

Мусорные кучи таяли. Не уменьшались, оплывая, как снег, а просто становились прозрачными. Светлее и светлее, призрачней и призрачней. На какой-то миг они превратились в тени на стекле — а потом исчезли. Со всем.

— Ух-х!.. — Толе показалось, что за него это сказал кто-то другой.

— Давай, — Гза уступил место Фину.

Крепыш тоже замер с закрытыми глазами, только руки его двигались по-другому. Он был похож на парикмахера — словно расчесывая нечто невидимое, подстригал выбившиеся пряди, укладывал локоны. И под его ладонями плыла земля.

Бугры и рытвины выравнивались, пятна глины покрывались слоем жирного чернозема, и сами собой прокладывались каменные дорожки, как будто формируясь из золы и бутылочных осколков. А потом по обочинам дорожек стали расти колонны, на колоннах

бутонами распустились вазы, а прямо в конце центральной аллеи возникло озеро. В центре озера поднялся каменный остров, на его вершине вдруг ударил гейзер — водяным вулканчиком, — и тут же над озером вспыхнула радуга.

Фин открыл глаза, придирчиво оглядел возникшее чудо и отошел, пропуская Азика.

Лопухий был намного быстрее товарищей. Он просто запрокинул голову, воздел руки к небу и выкрикнул несколько напевных слов.

И ничего не случилось.

Сначала.

Потом, почти как колонны, только во много раз быстрее, не выросли, а почти взметнулись из земли деревья. Площадки меж дорожками покрылись внезапной травой, превращаясь в лужайки. Вдоль аллей веерами раскрылись неподстриженные, но очень аккуратные кусты. И неслыханная здесь птица засвиристела из кроны ближнего дерева, уже начинающего цвести. В озере плеснула рыба. Или что-то иное водоплавающее.

— Вроде все, — деловито сказал Азик.

Толя молчал, пытаясь найти внутри себя хоть одно стоящее слово. И не находил.

Но другие были оперативнее.

— Лугзак! Слышь, ты, твою дивизию! — донеслось от скамейки.

Четверо обернулись.

Со стороны банкетной точки, пыхтя, бежал сержант Харламов, правой рукой придерживая неудобную кобуру.

— Лугзак! — заорал он еще натужнее, не добежав до компании пяти шагов. — Ты что за хрень тут развела, мать твою?

— А что? — невинно спросил Фин.

— Тебя, Фигли, я вообще не спрашиваю!

— Финли, — скромно поправил крепыш.

— Хрен ли! Лугзак, я тебя сколько раз предупреждал — не нарывайся! Да что ты, слушаешь, что ли? Вы что натворили, а? Я вас спрашиваю?

— А что, собственно? — Гза пожал плечами. — Это что, хулиганство?

— Это хуже! Где мусор?

— Да на фиг он тебе, Харламов? Так же красивой!

— На фиг?!

Сержант немного отдышался и чуть успокоился.

— На фиг, значит? Объясню. Самозахват территории, значит? Ты в курсе, сколько за это теперь полагаются?! Ты на кого пашешь, спросят? Не меня, Гза! Тебя спросят! Кому и за какое бабло эту роскошь ставил? Теперь по пунктам. У тебя лицензия на вывоз мусора есть? У тебя договор со свалкой на руках имеется? Действующий договор, я подчеркиваю! У тебя по автопарку проведена соответствующая уборочная техника?

— А что...

— А то! Когда ревизия возьмет коммунхоз за жабры и спросит, где проводка затрат по очистке территории, — что они ответят? А потом к кому они пойдут? У кого спросят — как это так, Харламов, у тебя из-под носа сперли тридцать тонн дерьма, а ты и не заметил? И куда это дерьмо делось? И поверь, Лугзак, соседи тут же объявят, что мы втихаря свалили весь мусор на их территорию! Так?

— Ну...

— Ты мне без «ну»! Дальше. Я не знаю и знать не хочу, с какого кладбища вы сперли этот гранит...

— Это базальт, — вполголоса поправил Фин.

— Мне по хрен, Фигли, понимаешь?! И мне по хрен, из какого рассадника вы потырили саженцы! Но придут люди, которым это не будет по фиг, Лугзак! И они спросят! И как ты думаешь, у кого? А?

— Ну...

— Без «ну»! Короче, я ушел в администрацию парка, и чтоб через полчаса я этого цирка здесь не застал! Понятно?

Гза почесал затылок.

— Да понятно...

— Делай давай, — Харламов медленно побрел прочь, но через пять шагов остановился.

— И чтоб весь мусор был на месте! До последней пробки! Понял?

— Да понял я, понял!

— Все, давай.

Выждав, когда сержант выйдет из зоны слышимости, Азик детским стонущим голосом сказал:

— Жа-алко-о!

— Жалко у пчелки, — буркнул Гза. — Ладно, Азик, сворачивай все.

— Это вам — свернуть-развернуть. А мне — убить!

— А что делать? Что делать, брат?

Азик щелкнул пальцами левой руки и хлопнул себя по бедру правой.

Листья и лепестки осыпались. Трава пожухла. Смокли птицы. Деревья задрожали, как от порыва ветра, и осели прахом и пеплом.

Фин как будто комкал незримую газету, брезгливо кривясь. Озеро становилось просто лужей, и в песок обращались колонны и плиты.

Гза просто махнул рукой, и пустырь завалило мусором.

— Снег вернуть будет непросто, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Снег Харламов спишет, — фыркнул Фин. — Как расходный материал.

Толя смотрел на них растерянно и обиженно.

— Но вы... — голос его дрожал. — Вы ведь правда можете...

— Мы-то можем, — ответил Азик. — Не все хотят.

— Но...

— Как говорит сержант Харламов — без «но»! Фин, мы водки можем?

— А то! — браво сказал Фин. Он уже вполне оклемался и тоже слегка протрезвел.

— А хотим?

— Хотим! — Гза вытянулся во фрунт.

— Так сделаем?

— Сделаем!

— Вперед! Финли, самое время твой штоф откубаркнуть! О, стихи получились!

А пропустив Фина и Гзу к лавочке, Азик обернулся к ошеломленному, расстроенному Толе и почти неслышно сказал:

— Мы это можем. И все это могут.

Помолчал и добавил:

— Если точно знаешь, чего хотеть.

ЮЛИАНА ЛЕБЕДИНСКАЯ

УЛЫБАЙСЯ, КТО МОЖЕТ

— Я не понимаю тебя! Ты... очень... странный...

На налобном экране моргал желтый смайлик с огромными глазами.

— Что же во мне странного? — молодой человек улыбнулся спутнице, старательно отгоняя зудящее: «А то сам не знаешь, «что»...».

— Ты... Зачем ты корчишься? И... Где твои эмоции?

На экранчике плясали, выпучив глаза, уже три желтые мордочки. Энтон снова улыбнулся.

— Хочешь, покажу?

Трава шелестит под ногами. Девушка в глинном сарафане бежит навстречу, босоногая, волосы разметались. Из-под легких ступней брызгают во все стороны зеленые попрыгунцы. Она смеется. Как-то странно, неправильно. Так не смеются люди. Люди вообще не смеются...

Странный сон преследовал его уже третий месяц. Нет, не преследовал. Пожалуй, этот сон был единственным, что держит его в реальности. Хотя... Энтон уже и сам не понимал — что сон, что реальность. Знал только одно — где-то есть девушка. И она смеется...

— Сюда никого не пускают! Но я нашел лазейку. Смотри! — они замерли в сердце старого заповедника, у самого обрыва.

Там, сзади, за забором шумит Город, впереди, за туманом — раскинулся Пограничный Мир с его Дорогой Жизни, а здесь — шелестит трава, перекатываются зеленые волны, журчит позабытый всеми ручей. Если не оборачиваться, застыть на месте, забыть, откуда ты пришел, то можно поверить, что весь мир лег к твоим ногам зеленым покрывалом.

— Тебе нравится? В Городе такого не увидишь!

— Вау! Вау! Вау! — на налобнике замелькали смайлики — с широкой улыбкой, с поднятым кверху большим пальцем, с облачком из сердечек над восторженной рожцей. — Вау! А почему не пускают?

Энтон пожал плечами.

Говорят, заповедник опасен. Говорят, этот зеленый островок вообще не должен был появиться. Во всяком случае, никто не вносил его в планы Города. А он сам взял и возник. Откуда, когда, зачем — никто объяснить не сумел. Попытались вырубить деревья — они возвращались вновь. В итоге решили оставить. Только забором

обнесли. Поначалу даже стража имелась. А потом плюнули — жители Города и без нее обходят это чудо природы десятой дорогой. А хранители Дороги и подавно сторонятся.

Энтон наткнулся на заповедник случайно. Долго бродил вокруг высокого деревянного забора, прислушиваясь к тихому шелесту, к странному шепоту. А потом нашел лазейку — в крохотный подкоп, словно оставленный молодым хрюнделем, человек, конечно, не пролезет, но зато благодаря ему удалось расшатать заборную доску.

— Смотри, попробуй так, — он подошел к девушке, столь не похожей на ту, из сна, прижал к себе, запустил пальцы в короткие черные волосы, нащупал на затылке застежку. — Попробуй без него!

— А-а-а! Ты что?!! Маньяк! — рванувшись, она покатилась по зеленому склону, замелькали на экранчике злые рожицы. — Псих! Больной!

Усталость наваливается в момент. Хочется зажмурить глаза и не открывать их никогда больше. Эти... лица. У всех — одно и то же. Застывшая маска, не выражающая ничего. И танцующие рожицы в придачу.

— У тебя эмоций нет! — девица по-крабьи пятилась к забору. — Я думала — твой налобник в ремонте, а у тебя его нет. Вообще! Ты корчишься постоянно! Ты — не подходи! Прочь!

Смайлы на экране налились кровью. Нарисованные глаза пылают ненавистью.

— Аликса, — его голос звучал так спокойно, что девушка притихла, замерла, даже огненный смайл перестал полахать, застыл, нахмурив брови. — Ты была другой. Когда-то...

— Ты — маньяк! — девица, моргнув смайлом, бросилась в заборную щель.

«Эмоции», как изволила выразиться Аликса, у него были. Почти новый налобник с широким экраном, до пяти рож помещается. Родители подарили на совершеннолетие. Год назад, в один из дней просветления. Эн подарку обрадовался, о чем сразу же сообщил закрепленный на лбу экранчик. Другое дело, что похвастаться новинкой было некому... Большую часть времени Энтон проводил дома. Смотрел в окно на сверстников, добрая половина которых в десять лет уже пережилась. А к одиннадцати некоторые даже детенышем обзавелись.

Впрочем, тогда он мало что понимал — был не в себе. С пяти лет. Проблески случались, и на два-три дня — самых счастливых для родственников — Эн становился таким же, как все. Гулял — обязательно с мамой или няней, играл — преимущественно сам с собой, дети его все-таки сторонились, мигал смайлами... то есть эмоции выражал. А потом вдруг застывал неподвижно, отрешался от всего, превращался в вялую, бессвязно бубнящую куклу на три, четыре, пять месяцев.

Но в этот раз все иначе. Он увидел сон (*Трава шелестит под ногами. Девушка в глинном сарафане бежит навстречу...*) и проснулся. По-настоящему. Родители боялись поверить. Когда на четвертый день Энтон не впал в тихое безумие, они смотрели на него настороженно, когда сын остался при ясном разуме спустя неделю, вызвали врача, когда Эн продержался полтора месяца, ему разрешили выходить из дома без сопровождения.

Родители радовались, доктор Клео говорил о чуде и отводил глаза — не забывал о последней странности Энтоня. Парень наотрез отказывался использовать привычные для всех эмоции, вместо этого постоянно растягивал губы, поднимал брови, морщил лоб... Как будто... Он не смог закончить предложение. Не при Мароне — вернуть сына и узнать, что он при смерти? Попробуй,

скажи это несчастной матери, которая от растерянности даже налобник забывает надеть, только платок тербит отчаянно. Клео и не сказал. Ответил, что затяжные корчи — следствие долгой болезни, которое со временем сойдет на нет. «Либо не сойдет...» — про себя добавил.

— Ты была гругой. Когда-то...

Фраза, брошенная сгоряча. Сказанная только потому, что Эн тысячу раз представлял, как произнесет ее. Кому-то... А сказал не той.

— Ты была гругой.

Не была.

Не Аликса. Иные — может быть, но не она. В Аликсе никогда не было ничего... э-э-э... такого, чтобы... как же трудно подбирать слова после шестилетнего молчания! В общем, Аликса никогда не умела смеяться, как незнакомка из сна. Откуда такая уверенность — Эн не знал. Просто... чувствовал, что ли.

Аликса была красивой, и Энтону очень хотелось, чтобы у них нашлось что-то общее. Что-то похожее на Улыбку. Настоящую.

Эн выбрался из заповедника и побрел в Город. Город пах пылью, свежим кирпичом и людьми. Энтон изо всех сил старался слиться с толпой, а толпа косилась на него с нездоровым любопытством. Эх, говорил же доктор, что в обществе надо появляться с «эмоциями» на лбу. Или хотя бы «не корчить лицо подобно смертнику в агонии». Могут ведь не понять, карету медпомощи вызвать...

Эн ускорил шаг, вечерело, смайлики — странное слово, услышанное во сне, прицепилось и отставать не желает — мигали, соревнуясь со сгущающейся тьмой. Впереди показался бродячий магазинчик Майры. Он всегда появляется там, где нужен. То, в чем нуждался Эн, ку-

пить невозможно... Но это неважно! Прибавив шагу, он бросился к магазинчику. Вернее, к его хозяйке — вдруг Майра сможет понять.

Энтон смущенно застыл на пороге, разглядывая пышную черноволосую женщину за прилавком. Майра была красива. Но не глянцевою красотой Аликсы. В пышном бюсте, полных губах, огромных выразительных глазах и темных кудрях было что-то... от девушки из сна. Нет, упитанная хозяйка магазина ничем не походила на стройную незнакомку. Эн попробовал представить Майру бегущей по зеленым волнам. Улыбнулся.

— Майра!

— Ты опять без эмоций, — женщина не возмущалась, не удивлялась, не укоряла, просто обронила, не отрываясь от каких-то бумаг.

Эн улыбнулся еще раз. Подошел к прилавку. Майра подняла голову. Смайлик на ее лбу растянул нарисованные губы в ответной улыбке. А на долю секунды раньше дрогнули губы хозяйки. Еле заметно дрогнули, но другие и на это не способны.

— Майра, а тебе-то они зачем? Ты же тоже можешь... — он осекся.

А вдруг опять ошибся? Вдруг завопит, как Аликса, и выставит на улицу, непонятно какую, кстати — кто его знает, куда успел утопать магазинчик, пока он тут улыбался? Нет, второй раз за день он не переживет.

— Затем, что у меня оправдания нет, — и, наткнувшись на непонимающий взгляд парня, громко хлопнула в ладоши.

Магазинчик клацнул замком и захлопнул ставни.

— Все равно поздно уже, — пробурчала Майра, приглашая гостя в комнатку, что служила одновременно и подсобкой магазину, и жилищем для хозяйки.

Энтон попал сюда впервые, хотя в магазинчик Майры заходил чуть ли не каждый день. Не потому, что хо-

тел отовариться. Можно ли купить улыбку? Эн помнил, как впервые увидел Майру, как радостно улыбнулся ей. Раньше он наталкивался только на сочувствующие, реже — непонимающие взгляды. Тут же случилось невероятное — губы хозяйки дрогнули, огромные глаза едва заметно сощурились и... лицо Майры застыло, как прежде, повязка на лбу засмеялась желтыми морщинами — зашли новые покупатели.

С тех пор Эн наталкивался на магазинчик — или магазинчик на Эна? — каждый день, заходил, улыбался, получал улыбку в ответ... И вот сегодня решил поговорить. Больше спросить не у кого — доктор Клео на все расспросы твердит лишь, что нельзя из дома без эмоций выходить, а налобник этот только жмет, жжет и думать мешает. Родители вообще стараются не замечать странностей сына. Да и самого сына — тоже.

— Присаживайся, я чай заварю, — Майра собрала в охапку разноцветные плакаты, что валялись на диванчике, и выбежала в соседнюю комнату, видимо, кухню. Странно, а с улицы магазин казался таким маленьким...

Эн огляделся. Никогда не мог понять, чем торгует Майра. Визит в святая святых самой востребованной в Городе продавщицы ясности не добавил. Энтон задумчиво разглядывал шкафы со всякой всячиной. И кто это покупает? Юноша слабо себе представлял, как отдает 70 еренов за круглую, полосато-зеленую, помятую с нескольких сторон штуковину, да еще и с глазами! Эн хмыкнул. Не иначе, как «эмоция» чья-то... А кому, спрашивается, может понадобится нечто среднее между почерневшим от огня стаканом и треснутым кувшином? Надпись под странной утварью так и гласит: «Абсолютно бесполезный кувшин». Стоит сотню еренов! Да на эти деньги можно жить неделю, ни в чем себе не отказывая!

— Ты о чем-то хотел спросить? — Майра вернулась с чаем.

Эн растерялся. Действительно, хотел. Но вопросов столько... с чего же начать?

— Ты говорила об оправдании.

Женщина села рядом. Поколебавшись, отключила налобник. Повернулась к парню. Старательно улыбнулась. Было видно, что «корчи» даются ей с трудом.

— Скажи мне, Энтон, если б ты увидел на улице совершенно голого человека, как бы себя повел?

— Ну... — Эн поднял брови.

— Вот и я бы удивилась! А если бы чужак начал кричать, что прав он, а не тот, кто ходит в одежде?

Эн вздохнул.

— Кажется, я понял.

— Энтон, прости, но ты слишком долго... болел. И об этом знает почти весь Город. Но если без эмоциональной повязки в обществе появится, гм, здоровый человек, да еще и начнет корчиться...

Эн вздохнул еще раз. Об этом он наслушался от доктора Клео, заявившегося в отсутствие родителей — перед самой смертью по лицу человека пробегают все чувства, которые когда-либо отражались на его эмоциональных повязках. Именно по корчам лица можно понять, что человек при смерти. А если оно корчится всегда?

«Думаешь, мать твоя этого не понимает? Не замечает?» — хмурил брови докторский смайл.

— Майра! Ты тоже видишь сны?

— Тоже? — Майра медленно подняла бровь. — Кажется, видела. Когда-то. Расскажи-ка о своих.

Энтон говорил. О бегущей по траве девушке, о растрепанных волосах, о летящих из-под ног попрыгунцах. О незнакомке, которая его, по сути, исцелила. О том,

что ему просто необходимо найти эту девушку — не во сне, наяву. Зачем? Энтон не знал. Возможно, она в беде. Или в беде он сам.

Парень продолжил рассказ. О странном мире, где все похоже на их Город, но в то же время — совсем другое. О маленьком мальчике, до боли напоминающем самого Эна. Если Эна уменьшить где-то до пятилетнего возраста.

— Он — точная моя копия! — Энтон рассказывал, отчаянно жестикулируя. — У нас даже имена похожи — Антон! Его так зовут. У него что-то с ногами, он все время ездит на странной коляске. И, я точно знаю, ему — одиннадцать лет, как и мне. Только выглядит он совсем ребенком... Может, из-за коляски? Хотя во снах все какие-то не такие... Эта девушка — ей двадцать четыре, а она кажется моей ровесницей.

— Но зато, — добавил он очень быстро, — там все люди смеются и плачут, хмурятся, удивляются без дурацких налобников. И не выглядят умирающими. Майра, мои сны — бред? Может, я и правда болен? Может, правы те, кто в одежде?

Женщина вздохнула.

— Может, и бред. Вот только я ведь раньше тоже была «в одежде».

Энтон смотрел непонимающе.

— Ты увидел, как я улыбаюсь, и решил, что я — такая же, как ты, — Эн кивнул. — Но *до тебя* я не улыбалась! И даже не подозревала, что такое возможно. Нам с детства твердят про предсмертные корчи, но то, что есть у нас с тобой... Помнишь о старых легендах?

— Майра, я много чего не помню... Шесть лет, знаешь ли, не прошли даром.

— Прости. Но! — в голосе прорезались возмущенные нотки. — А твои родители? Они что... Они твою жизнь обустраивать думают?

Парень невесело улыбнулся.

— Мне кажется, они только и ждут, когда я снова впаду в безумие. Да и вообще, их больше моя сестра забирает.

Майра негодуяюще фыркнула. Впрочем, можно ли осуждать тех, кто впервые за шесть лет столкнулся с чудом и теперь отказывается в него поверить? Вернее, даже не пытается, бросив все силы на двухлетнюю дочку.

— Но они получают на меня пособие, — быстро добавил Эн, — так что...

Майра неопределенно хмыкнула.

— Так вот, о легендах. Наши предки верили, что за Пограничным Миром есть другие... миры. Некоторые очень похожи на наш. Только гораздо больше — у нас Город, у них — города! Говорят, раньше и границы никакой не было. И предки наших предков общались с теми, Другими. Но потом пришли Хранители. Они построили Дорогу Жизни, создали Пограничный Мир. Они назвали Других носителями смерти и запретили с ними общаться.

— Но многолетнюю связь так просто не разрушишь. — Майра хлебнула чаю. — А связь — более чем крепка. Говорят, все люди нашего и иных миров делятся на два вида, каждый из которых — еще на два. Первый — это близнецы миров.

— Я и Антон?!

— Да. Но большинство из них не догадывается друг о друге. И это, если верить легендам, и хорошо, и плохо. Дело в том, что жизненной силы порой хватает лишь на одного близнеца, а второй...

— ...впадает в безумие на шесть лет, — мрачно закончил Эн.

— Не обязательно, — Майра улыбнулась, почти без усилия, — иначе толпы людей бродили бы за гранью разума. Просто... судя по всему, у вас с Антоном связь намного сильнее, чем у других близнецов. Чем сильнее

связь, тем труднее ее вынести. Кто-то рано или поздно сломается, не выдержит, — она помолчала, сдвинула брови.

— С другой стороны, ты шесть лет провел за гранью разума, но не выглядишь... эгм... отставшим от жизни человеком. Ты можешь общаться, читать, писать, ориентироваться на местности...

— Благодаря Антону?

Женщина кивнула.

— Благодаря связи с ним и его миром. Будь эта связь немного слабее, ты бы проснулся с интеллектом пятилетнего. Будь она слабее *намного*, ты бы никогда не впадал в безумие.

— Майра, — юноше вдруг стало страшно, — это ведь просто легенда, да?

— Да, — она вздохнула, торопливо включила налобник, — а твоя улыбка — лишь побочный эффект от долгой болезни.

Эн вернулся домой поздно вечером. Магазинчик Майры таки успел утопать далеко от его домика — двухэтажного, в четыре квартиры, точной копии остальных домов Города. Пришлось ловить повозку с кобылицами, что юноша всегда делал, скрипя зубами и зажмурив глаза. Вид здоровенных полуголых теток с растрепанными волосами, безумными глазами и необычайно длинными пальцами на руках и ногах нагонял тоску. Чтобы не сказать хуже. Во снах про девушку и Антона не было никаких запряженных кобылиц, чтоб их! Да и не запряженных тоже. Были странные повозки на колесах, но они не выглядели так омерзительно. Трясаясь по темным улочкам, Эн припомнил, как кто-то говорил, что кобылицы не принадлежат их миру. Миру Антона, судя по всему, — тоже.

Впрочем, сегодня он встретил повозку почти без брезгливости.

«Как бы ты себя повел, увидев на улице совершенно голого человека?» — спросила Майра. Кобылицы, вот, почти обнаженные — узенькие полосочки, прикрывающие грудь, и растрепанные набедренные повязки одеждой не назовешь. И чем не люди. Внешне, во всяком случае. А он — кто?

Сотни мерцающих мохнаток бились в стенки стеклянного колпака, тускло освещая улицу. Соседская девочка Нима сидела на балконе и задумчиво рассматривала Эна. То есть это смайл на ее лбу выглядел задумчиво, от лица самой малышки Энтон вздрогнул. Отсутствующий взгляд ребенка вызвал приступ тошноты. Впрочем, чего это он? В его мире все так выглядят. В его...

Пересилив себя, парень улыбнулся соседке. Девочка продолжала рассматривать его с сосредоточенным равнодушием. Эн вздохнул. Майра была права — шесть лет с Антоном не прошли даром. Он не деградировал за годы болезни, но и таким как *nago* не стал.

Эн еще раз покосился на Ниму. Заходить в подъезд перехотелось. Возникло вдруг желание прогуляться по темным безлюдным улицам. А лучше — вернуться в заповедник. Впрочем, соваться ночью в загадочный зеленый остров, наверное, не стоит, а вот просто пройтись... Эн свернул в первый попавшийся переулок. С огромным наслаждением топнул по одиноко блестящей луже — так всегда делали люди из снов. Энтон никогда не понимал — зачем, но зрелище ему нравилось! Рядом что-то мерцало. Мохнатка! Вырвалась из-под колпака и радостно бросилась прочь, трепыхая пушистыми крыльшками. По правилам надо поймать ее и посадить в ближайший светильник. Эн поймал. И какое-то время даже простоял перед сияющим колпаком с сотнями светящихся узниц. Задумывался ли кто-то из людей, какво это — ночами напролет биться в равнодушное стекло только ради того, чтобы некий полуночник не сбился

с пути? Эн посадил беглянку в карман куртки, мохнатка, словно почуяв защиту, затихла. Или заснула.

Сам того не замечая, юноша вышел на Городскую площадь, лениво окинул взглядом снующие туда-сюда тени со смайликами. Несмотря на позднее время, народа на площади хватало. Эн сделал шаг и споткнулся о сидевшего на дороге старика. Тот, не обращая на него внимания, заиграл на гитаре. И Энтон понял, что не так. Их обходили люди. Старик играл на гитаре, самозабвенно пел и улыбался. По-настоящему. А прохожие смотрели на «корчи лица» и испуганно пробежали мимо.

— Ждут, пока я умру! — старик лукаво подмигнул Эну. — Уже который год ждут, а я все никак!

Парень приветливо улыбнулся, присел рядом с уличным музыкантом. Этот дед смеялся!

— У вас тоже есть близнец? — сам того не ожидая, выпалил Эн.

И мысленно надавал себе по губам: когда он научится думать, прежде чем болтать?

— Нет, — старик сухо хихикнул, — я одиночка!

Энтон удивленно моргнул. А затем расслабленно выдохнул. Ну да! Если существуют близнецы миров, то должны быть и одиночки. Это и есть «второй вид людей», о котором так и не договорила Майра.

— Да, я знаю, легенды... легенды твердят, что улыбки, то бишь эти... — дед скривился и, к некоторому замешательству Эна, повысил голос, — «преждевременные корчи» — происки слишком активного близнеца, но я тебе говорю: улыбка — она внутри каждого из нас! Раньше все могли улыбаться.

— Раньше?

— До этой гнилой дороги! — громогласно заключил старик.

— Э... Вы имеете в виду Дорогу Жизни?

— Да, ее! — дед сплюнул.

Эн скосил глаза на площадь и искренне понадеялся, что горожане не станут прислушиваться к разговору — неуважительное отношение к Хранителям и Дороге, мягко говоря, не приветствовалось.

Снова забренчала гитара. Энтон улыбнулся и закрыл глаза.

Эн бегал по ярко-зеленой лужайке и смеялся, смеялся! Как никогда в жизни. С ним была девушка со струящимися волосами и стайка веселых детишек. Он все еще смеялся, когда вдруг понял, что остальные затихли. Вообще — исчезли! А на полянку из сгустившегося тумана стали выходить... вроде люди, но какие-то... неживые, ненастоящие. Словно... манекены — всплыло в мозгу незнакомое слово.

Хранители — стукнуло в виски еще одно.

Далекий женский крик разорвал тишину.

А манекены направились со всех сторон, сжимали в кольцо. На лицах не дрогнул ни один мускул, но от каждого несло немым укором. Маленькая девочка с пустым взглядом подняла руку и очень медленно ткнула в его сторону.

Крик повторился...

Этон сел на кровати. Фух! Очередной сон. Но какой же настоящий! Юноша прислушался. Тишина. Рано еще совсем. Родители спят. А вот от него господин дремушник, похоже, удрал безвозвратно. Ни в одном глазу! Эн покосился на мерцающую под потолком мохнатку. Хотелось выскочить из дома, найти уличного гитариста, расспросить о Хранителях. Но... Вчера он получил выволочку за позднюю прогулку:

«Мы думали, у тебя снова приступ случился!».

А потом еще одну — за страх перед Нимой:

«Такой прекрасный ребенок! В ее жилах — кровь самих Хранителей!».

Затем, к огромной радости Эна, проснулась сестра, и разговор был закончен.

Манекены сжимают кольцо. Маленькая девочка с пустым взглядом подняла руку...

Энтон отогнал видение. Вместо пригрезившейся жути попытался представить гитару и теплую ночь. Мохнатка плавно опустилась на плечо — предки верили, что приручившего ночного светильника ждет счастье. Где-то он об этом слышал. Где? Какая разница! Юноша улыбнулся. И через минуту заснул. На этот раз — без кошмаров.

Гитариста он нашел в переулке у вчерашней лужи. Едва дождавшись утра, Эн выбежал из дома, благо родители возились с сестрой, а о ночной ссоре, кажется, позабыли. Рванул на площадь, пробежал по прилегающим улочкам и, уже отчаявшись, свернул в давешний переулок. Старик сидел на земле в обнимку с гитарой.

— Здесь твои следы, — пробормотал дед, не глядя на Эна.

— Да... я вчера... Что с вами?

— Ты вовремя, сынок. Я ужо боялся, не свидимся.

— Вам плохо? Слуги дремотные! Нужен лекарь! Я сейчас...

— Энтон! Вернись. Хочешь помочь, иди сюда.

Парень неохотно вернулся. Сел рядом.

— Но вы же...

— Послушай. Ты не носишь повязки, — ой, началось! — Я, как видишь, тоже. Когда-то их не носил никто. Но потом пришли эти... Они лишили нас права на улыбку, но душу, пусть и заостенелую, забрать им не под силу. Прощаясь с телом, душа смеется, плачет, сердится, отсюда и так называемые корчи. Но мне, слава дремотным, они не грозят.

— Расскажите о Хранителях!

— О! Они, треклятые, никогда не умели улыбаться. В них нет души. Уж не знаю, чем им так приглянулся наш Искаженный Городок...

— Искаженный?

— Так называли нас Другие. И после прихода треклятых стало ясно — были правы! — кашель, тяжелый, сухой. — Наш Городок считался украшением Миров. Когда-то двери в него были открыты, хоть и не каждый мог их увидеть, а далеко не каждый из видящих решался зайти. Но тот, кто все-таки заходил, находил здесь что-то для себя и оставлял что-то на память.

— Кобылиц? — брякнул Эн и рассерженно прикусил язык.

— Да, их тоже, — старик улыбнулся непонятно чему.

— Чаще приходили Другие — ближайšie наши соседи, но наведывались и выходцы из совершенно далеких миров. С каждым гостем Городок чуть искажался, играл новыми гранями. До прихода, — он сплюнул, — Хранителей менялся в лучшую сторону.

Дед помолчал, тяжело дыша.

— Они вошли обманом, вломились к нам со своей гнилой Дорогой, отгородили Городок от других миров, — снова кашель. — И тогда мой прадед взял гитару и стал петь людям. Мой дед — тоже пел. И отец. И я... А люди улыбались нам. Но только с каждым днем их становилось все меньше. Тех, кто помнит... понимает. Тех, кто смеется.

— Все меньше и меньше, — голос старика превратился в еле слышный шепот, обессилев, музыкант лег на землю, все еще сжимая гитару. — Но я утешал себя тем, что и этого могло не быть. Если б не я, не отец, не...

— Пойми одну вещь, юноша, — чтобы слышать слова, Эну пришлось наклониться к лицу собеседника, — нас мало... но мы... помним!

Старик неподвижно лежал на земле, ветер шевелил седые волосы. Никаких «корчей», только добрая улыбка

ка, застывшая на губах, и лучик солнца, блеснувший в серых, глядящих в вечность глазах.

Лучик солнца. Тепло. Спокойно. Весь мир — светлый, солнечный и безмятежный. Залитая утренними лучами поляна. Она зеленая, но сейчас кажется золотой. Она смеется каждым листиком, каждой травинкой, приветствуя (или провожая?) дорогого сердцу гостя. Лучик солнца. Добрая улыбка, застывшая на губах...

Энтон сжал старческую руку. Как же так? Ведь вчера музыкант выглядел здоровым... Что случилось за ночь?

И почему, почему-у-у они не встретились раньше?! Хотя бы на пару месяцев — как с Майрой!

Внезапно Эн понял, что даже не узнал, как старика зовут.

Энтон обожал сестру. Благодарил Небо, Хранителей, дремушников, Его Величество случай за то, что послали ему Анинку. Родители и целая армия нянек возились с малышкой круглыми сутками — очень уж боялись повторения истории с сыном. Настолько, что о самом сыне вспоминали, лишь когда почтальон приносил пособие «на содержание инвалида» либо когда сын уж слишком загуляется...

После встречи со старым музыкантом Эн старался не загуливаться — зачем лишний раз напоминать о себе? Он забрал гитару случайного знакомца, но играть так и не научился. Струны, понимавшие с полуслова прежнего хозяина, наотрез отказывались говорить с новым. А обратиться за помощью не к кому. Даже Майра куда-то пропала. Месяц прошел с их последнего разговора, месяц без магазинчика и его хозяйки.

Однако Энтон времени не терял. *Нас мало, но мы помним.* И пусть юноша не сумел подчинить себе гитару, но кое на что он способен! Эн бродил по улочкам и улы-

бался! Не скрываясь! Родители встречали его хмурыми смайлами и еще больше держались за Анинку. Прохожие смотрели с сочувствием, соседская Нима — все с тем же сосредоточенным равнодушием, врач сдавленным шепотом порекомендовал взволнованной матери потерпеть еще немного: «Ни один человек не проживет с такими корчами дольше года!»

Глупец! Ему бы с гитаристом пообщаться!

Глупцы... Но — о чудо! — встречались и другие. Очень редко, за месяц всего три человека с трудом, но улыбнулись в ответ. Еще один — как-то странно помахал рукой.

Родители пообещали и дальше прикрывать глаза на странность сына, если Эн пообещает никогда не «корчиться» при Аинке. Даже от идеи запереть его в доме, дабы перед людьми не позорил, отказались, лишь бы от дочери любимой держался подальше. Энтон не трогал сестру. Хотя именно за ее улыбку отдал бы полжизни, но... Семья сразу с двумя «детьми-инвалидами» рискует вызвать не сочувствие, а подозрение.

— Ничего, — говорил Эн сидящей в ладони мохнатке, — когда нас станет много, я обязательно вернусь к Аинке. А там и родители все поймут! Ведь нас будет много! Надо только, чтобы поскорее стало...

Он улыбался. Горожане смотрели уже не сочувственно, а настороженно. Мамаши при его появлении хватали в охапку детей, мигая пунцовыми смайлами. Перебегали на другую сторону улицы.

Он улыбался. И, несмотря на все старания донельзя серьезных супругов, их пятилетняя дочка весело сожмурилась в ответ. И, как ни заслоняла молоденькая дамочка пожилую мать, губы старушки все равно дрогнули.

Нас мало, но мы помним.

Он улыбался...

А потом приснился сон. Антон, его мировой близнец, метался по кровати. Нет, не Антон — он сам бился в агонии, впивался зубами в подушку. А над ним склонялись незнакомые, но родные люди. Держали за руки, смотрели тревожно, но при этом с такой любовью...

Антон хрипел, не приходя в сознание.

— Я... кто-нибудь... Ритка... ааа...

— Тошенька, мальчик мой, — уставшая женщина склоняется над сыном.

Энтон застонал — не от боли, от защемившей сердце обиды. Никогда его собственные мать с отцом *так* на него не смотрели, не говорили с такой лаской. Да, они заботились о нем, а еще больше заботятся об Анинке. Но это ничто по сравнению с тем, как любят родители Антона. Эн ни разу не видел ничего подобного. И вряд ли увидит — ни один смайл не передаст тепла в глазах.

Антон был счастливчиком. И, кажется, умирал.

— Майра! Майр-а-а!!! МАЙРА!!! Слуги дремотные, где ты?! — Энтон метался по утреннему Городу, пугая воплями случайных прохожих. Майра не отзывалась. А больше довериться некому. Он, конечно, привык общаться с мохнаткой, но сейчас светящаяся подруга не поможет.

— Майра! — Эн всхлипнул и сел на край тротуара. Обхватил колени руками.

Магазинчик выплыл неторопливо из-за угла, когда Эн уже перестал ждать. Замер в утреннем тумане. Энтон хотел кинуться бегом, но каждый шаг давался с трудом. Внезапно навалились сомнения. Что он забыл в этом магазине? Почему верит снам и незнакомым людям, а не родителям и доктору Клео? Врач говорит, что его корчи — результат долгой болезни. Странные сны могут быть такими же последствиями! Старый гитарист,

возможно, и вправду был нездоровым человеком. Как и Майра...

Все знают, что Хранители и их Дорога Жизни — это верная защита от незваных гостей, несущих смерть. Все, кроме кучки безумцев, возомнивших себя спасителями. Энтон покосился на магазин. Тот стоял как вкопанный, а Эн шел медленно. Очень медленно. Возможно, Майре надоест ждать, и она уйдет.

— Матушка дремотная, — прошептал Эн, — если она сейчас уйдет, я вернусь домой и все забуду. Научусь ходить с налобником, перестану корчиться, стану примерным сыном. Если она сейчас уйдет...

Не ушла. Энтон полз черепашьям шагом, но магазинчик, похоже, никуда не торопился. Эн толкнул дверь.

— Проходите, юноша, — Майра говорила чужим холодным голосом. — У меня есть то, что вам нужно.

— Майра...

— Именно то, — женщина, не глядя на гостя, сунула ему закупоренную колбу с мерзкой грязно-зеленой жидкостью. — Вот, специально для вас. По уникальной цене. Вообще-то «Изумрудный эликсир» стоит сто пятьдесят еренов, но сегодня у нас скидки. Поэтому вам флакончик обойдется всего в пятнадцать еренов.

Лицо Энтон вытянулось. То ли от резкого ценопада, то ли от ставшей чужой Майры, а скорее — и от того, и от другого.

— Майра, — Эн растерянно достал кошелек: пятнадцать еренов у него точно найдется, — с чего ты взяла, что мне нужно *это*?

— Хороший продавец всегда знает, что нужно покупателю. Берите и не задерживайте очередь, — пышка по-прежнему смотрела куда-то сквозь него.

Энтон растерянно оглянулся.

— Где ты видишь очередь? Тут только мы с тобой! Майра!!! Я... не буду этого брать!

Это — против всех правил.

Нельзя, никогда нельзя отказываться от того, что магазин сам для тебя выбрал. Но Эну было необходимо встряхнуть подругу. И он угадал. Холодное безразличие на налобнике Майры сменилось не менее холодным удивлением.

— Молодой человек...

— Антон умирает! Он умирает, Майра! Что будет с нами? Со мной? С ним? — Эн будто со стороны услышал собственный голос — тонкий, жалкий, готовый вот-вот сорваться — и закусил губу.

Да что же это? Второй раз за день чуть не расплакался. Он ведет себя, как пятилетний мальчишка. Как... как ровесник Антона. Эн вцепился в подоконник, чтобы не упасть, сел на пол, сжал пальцами виски. Что с Майрой? Может, все привиделось? Разговор о старых легендах, душистый чай, комната-подсобка... Нет, он и правда болен!

— Мальчик мой! — продавщица подбежала к нему, обняла за плечи, торопливо застучали, закрываясь, ставни и двери. — Мальчик! Я гибну, уже погибла, но не могу, не могу...

— Что не можешь, Майра? — он заглянул в темные глаза, в которых не осталось ни капли холода.

— Я разрываюсь между вами. Сначала Георгий, потом ты. Он... он играл на моей свадьбе. Играл на гитаре и пел.

— Старый гитарист?!

— Как прошел, неизвестно, но он пел, а я — смеялась! Впервые в жизни! Ты можешь представить? Невеста Хранителя смеялась на собственной свадьбе! Корчилась на глазах у толпы гостей! А они стояли и смотрели. Ты знаешь, у Хранителей нет эмоциональных повязок. И никаких других внешних проявлений. У них все эмоции... внутри. И они чувствуют друг друга без налобников. И я чувствовала — ледяную угрозу, презрение...

— Подожди, подожди! — Эн отчаянно потер лоб. — Тебя полюбил Хранитель?

— Не полюбил! Захотел! Хранители не способны любить, они умеют только хотеть! Они захотели наш Город, наши улыбки и нас самих! Не знаю, чем я приглянулась Эркалю. Конечно же, наш брак тут же расторгли — родственники не потерпели позора. Но Эркаль... Он сказал, что на его невесте, пусть даже бывшей, не может быть клейма безумицы. Я просила не трогать гитариста. Эркаль пообещал. Но взамен я должна была поклясться, что никогда не встречусь с музыкантом. А еще — стану хозяйкой этого магазинчика, и... его же первой покупательницей, — женщина усмехнулась. — Когда несостоявшийся муж протянул мне бутыл с грязно-сиреневой жидкостью, я подумала — яд. И вздохнула с облегчением! Но смерти не было. Было забвение. Я забыла и о свадьбе, и о смеющемся музыканте Геордие, и о том, как смеялась сама. Забыла... до встречи с тобой.

— Майра!

— Но, ты знаешь, на прошлой неделе я слышала звон гитары. Значит, Георгий жив! Эркаль не соврал.

Энтон пробурчал что-то невразумительное — отбиграть у подруги малейшую радость не хотелось.

— А потом, — красавица-брюнетка не обратила внимания на замешательство Эна, — после нашего с тобой разговора, ноги сами вынесли меня сначала на улицу, а затем — к своему же прилавку, на котором стоял похожий флакон. Я положила деньги в кассу и выпила.

— И забыла меня, — прошептал Энтон.

Она кивнула.

— Но больше не забуду. Не смогу, сколько бы ни выпила.

Они помолчали. Затем Майра поднялась с пола.

— Ты что-то говорил об Антоне?

— Да. Скажи, как мне его увидеть? Не во сне, а наяву? Я чувствую, что он в беде, если бы я мог...

Продавщица грустно покачала головой.

— Это невозможно. Перейти границу Города могут... могли только Одиночки. Близнецы миров на это не способны. Они встречаются во снах. Самые везучие иногда сходятся на Озере Жизни.

— Что за Озеро? Где оно?

— Я точно не знаю. Говорят, оно на грани между сном и явью. Между всеми реальностями. Оно неподвластно даже Хранителям.

Энтон вцепился пальцами в волосы. Мысли путались, голова, казалось, сейчас взорвется.

— Но Антон... Почему? Он болен. Тяжело. И мне кажется, что это связано с моим... со моей...

— С твоей болезнью и исцелением? — подсказала Майра и задумалась. — Вполне возможно. Я уже говорила, ваша связь очень сильна. Есть близнецы, которые вообще не чувствуют друг друга. То есть тонкая ниточка между ними существует, но она бесполезна: они не могут друг другу ни помешать, ни помочь, а если и встретятся во сне, наутро ничего не вспомнят. Таких, как вы с Антоном, меньше. И вам тяжелее. Может случиться, что один близнец перетянет на себя нить жизни другого. Но если они найдут гармонию, то смогут жить в двух мирах одновременно. Точнее, могли... Пока не пришли Хранители. О да! Труднее всего им было именно с близнецами миров! Границу перекрыть легко, но как разрушишь то, что только снится? Их называли безумцами, запирали в особых приютах, заставляли глотать какую-то гадость. Бедолаги прекращали спать...

Энтон хмыкнул. Хроническая бессонница — хорошее лекарство от сновидений.

— Близнецов миров рождалось все меньше. Хранители перестали их отслеживать. Да и вообще поч-

ти прекратили вмешиваться в дела Города, — она горько усмехнулась. — Зачем? Граница перекрыта, Городок искажен до невозможности, до иных миров не достучишься... Один-два близнеца погоды не сделают. Угрозы больше нет.

Майра замолчала, что-то обдумывая.

— Ты не поверишь, но обо всем этом я узнала от Геордия. Да, да, — она перехватила удивленный взгляд юноши, — в песне, в плаче гитары и смехе гитариста я услышала то, о чем не прочитаешь в книгах. Я не могу это объяснить — мы... будто бы на какой-то момент стали одним целым! И они это поняли. Они точно знали, что мой смех — не предсмертные корчи, а нечто иное.

Она помолчала и добавила с какой-то странной обреченностью:

— Я ведь — одиночка. А близнецов миров почти не осталось. Как и улыбок.

— Майра, — Эн сжал пухлую ладошку. — Люди будут смеяться. Нас пока немного, но... Я хожу по улицам и ищу тех, кто умеет. И нахожу! Они улыбаются мне в ответ!

— Да, — продавщица фыркнула с неожиданной злостью. — А потом приходят ко мне и покупают мутную дрянь! Чтобы наутро все забыть!

— Но... как же... Не все! Не может быть, чтобы все! Ты же вспомнила даже после дряни!

Майра молчала. Энтон тоже затих. Оба смотрели на прилавок, где все еще стояла колба — не поворачивался у юноши язык назвать это «флаконом» — с грязно-зеленой жидкостью.

— Майра, ты... — «что мне подсунула» — Эн в кои-то веки умудрился прикусить язык вовремя, — ты думаешь, что это...

— Я не знаю! — быстро ответила женщина. — Это может быть что угодно. Но если ты покупаешь, значит, оно тебе действительно нужно.

— «Если ты покупаешь!» Можно подумать, у меня был выбор! — бурчал Эн, меряя шагами собственную комнату. — И чего этот магазин решает за меня? Надо будет у Майры спросить. В другой раз. Если не забуду.

Он покосился за зеленую муть. Тоже мне «Изумрудный эликсир»! От одной мысли, что придется глотать такую гадость, тошно становится. Стоп! Энтон аж подпрыгнул на месте. Это ведь так просто! Он не имеет права отказаться от навязанного магазином товара, но никто не смеет указывать ему, как покупкой распорядиться. Он просто не станет пить!

С потолка плавно спланировала мохнатка, приземлилась на горлышко колбы. Только этого не хватало! Эн осторожно махнул рукой.

— Эй, свет моих ночей! Летела бы ты отсюда, пока память твою крылатую не отшибло.

Да уж! Интересно, что будет, если «эликсир» выпьет кто-нибудь другой? Напоить бы им Ниму, чтобы не паялилась каждый раз, как на пришельца с дальних миров. Гм! А что, неплохая идея. Но все же безопаснее просто вылить дрянь в унитаз. Так и сделаем! Энтон взялся за колбу — мохнатка и не думала улетать.

— Ну же, подруга, — Эн попробовал стряхнуть ночное светило.

Тщетно — пушистая летунья словно срослась со стеклом.

— И ты туда же, — пробормотал парень, возвращая гадость на стол. — Что ж, может, ты и права. Если купил, значит, нужно.

Мохнатка радостно замахала крылышками, не отрываясь, впрочем, от злополучной колбы. Энтон закрыл глаза. Глубоко выдохнул. Что ж, пусть будет так. Радуйся, мама. Прости, Анинка. Он поднес колбу к губам. Мохнатка наконец отлепилась от стекла и закружилась рядом. Стоп! Юноша резко распахнул форточку.

— Лети! Давай же, хорошая, улетай. Кто знает, что мне в голову взбредет после... — косо́й взгляд на зеленую муть, — ...этого.

Мохнатка недоуменно зависла перед окном. Затем медленно, будто осторожничая, вылетела на улицу. Клац! Форточка захлопнулась. Эн печально посмотрел на недоуменное мерцание за стеклом. Лети! И постарайся больше никому не попадаться. И одним махом проглотил изумрудный эликсир.

Зеленое. Все вокруг зеленое. Порхают зеленые мохнатки, похожие на ту, что осталась за окном, только эти не светятся и крылья побольше. Шелестят деревья, тянутся к тебе роскошными малахитовыми лапами, цветут кустарники — пахучие, белоснежные, мягкая трава стелется под ногами, кажется, весь Город превратился в один сплошной заповедник.

Домики — не двухэтажные коробки-близнецы, а самые разные, полукруглые, треугольные, разноцветные — прячутся за цветущими ветками, подмигивают окнами.

Люди смеются — радостно, беззаветно. Не посылают импульсы в сенсорный налобник, который, считав эмоцию, выдает на экране значок: «веселая улыбка». Смеются, потому что легко на гуше, потому что хочется танцевать, потому что... Да разве можно объяснить смех?

Город цвел, утопал в зелени, хохотал... Город. Искраженный Горожок. То, что мы потеряли.

...

Гости. Горожок покидают очередные гости. Люди из дальнего мира ушли, но оставили на память невиданный доселе цветок — прекрасный, с крупными бело-розовыми мясистыми лепестками и горьковатым ароматом. Другие подарили ручное облачко на случай жаркого дня. Ог-

нажды навеселились чудаковатые крылаты и оставили в дар крылья. Жаль, что летать под силу не каждому...

Даже имея крылья.

Гости. Они приходили и уходили, но каждый оставляя что-то на память. Что-то прекрасное. И с каждым разом Городок становился все лучше.

— Ненормально! Этот Городок ненормален! Опасен!

Вход в Городок увидит не каждый. И далеко не каждый из видящих решится войти. Городок дружелюбный. И ждет таких же гостей. Те, кого позже назовут Хранителями, войти сумели. Хотя не должны были — по всем законам не могут войти в Городок добра ему не желающие. Хотя... Разве можно разобрать, чего желают те, у кого в застывшую маску превратились не только лица, но и души?

— Слишком много искажений! Это неправильно! Мы можем помочь! Мы поможем. Ничто не должно так искажаться.

Одни называли их спасителями. Правда, затруднялись ответить: «От чего?» Другие — нашествием гадов дремотных. Впрочем, вторых было меньше. С каждым днем...

— Слишком многие на вас влияют. Слишком много искажений. Неужели не понятно? Это ненормально. Мы защитим. Оградим.

Они не улыбались. Не злились. Не удивлялись, не печалились, не уставали. Во всяком случае, ничто не отражалось на их лицах — неподвижных, равнодушных, пустых. Они приходили и уходили. И с каждым разом искажали. Только не Городок — людей. Впрочем, очередь Города тоже настала. Позже.

— Мы поможем. Вам надо просто быть с нами... нами... нами...

Все меньше смеющихся горожан. Все больше застывших лиц — не потому, что улыбаться или хмурить-

ся нельзя, а потому, что ты этого больше не умеешь. Все меньше цветущих полянок, зеленых листочков. Все больше квадратных домов-близнецов и равнодушных застывших лиц.

По образу и подобию...

Первое непонимание — как понять того, у кого нет чувств ни в голосе, ни на лице? Первое разочарование Хранителей — подобие не стопроцентно. Первые наловники — подарок от Хранителей.

— У вас будет все правильно. Все как у нас.

Искажения могут быть опасны. Хранители показали — насколько.

...

Рябь по воде. А вода повсюду. Нарастающий скрежет. И... тишина. Только журчит вода. Только рябь бежит по серебристому озеру. Он стоял прямо на водной глади. Как и тот, другой.

— Ты... — юноша взгляделся в лицо испуганного мальчишки, в свое лицо, только более молодое, — Антон.

Мальчик кивнул.

— А я — Эн. Энтон, — парень улыбнулся как можно гружелюбнее.

Мальчик кивнул еще раз.

— Ты... — Эн слегка растерялся, — ты что-то знаешь о моем мире?

— Не уверен, — мировой близнец наконец заговорил. — Но, мне кажется, там Ритка. То есть она... Я думаю... — Антон сконфуженно замолчал.

— Ритка, — Эн закрыл глаза (девушка бежит по траве, волосы разметались), — значит, ее зовут Ритка.

— Да, Маргарита. Ты ее знаешь?

Эн неопределенно развел руками, но его двойник продолжал тараторить.

— Ритка — хорошая, хоть про нее и говорят всякое. Она мой лучший друг. И она попала в беду в... в моем мире. А потом — и в твоём. Кажется...

Энтон вздохнул. Если девушка увидела вход, значит — она достойная. Если прошла через границу, значит — Одиночка. Но вот до Городка Маргарита вряд ли добралась — застряла, скорее всего, на Дороге Жизни. Как и ее предшественники... Эн пару раз слышал от родителей про «лазутчиков, угодивших в объятия Дороги!». Что с ними происходит потом? Жаль, не успел расспросить об этом ни гитариста, ни Майру.

— Антон, — Эн взял двойника за руки, — ты хоть представляешь, как оказался здесь? Понимаешь, кто я?

— Я... — мальчик выглядел совершенно растерянным, — я просто сплю, да? Я теперь много сплю. И вижу Ритку и странных людей. И тебя пару раз видел.

— Понятно...

Ни-че-го-шень-ки он не знает, ни об Искаженном до неузнаваемости Городке, ни о близнецах миров, ему просто надо найти подругу. Или сестру? Девушку, исцелившую Эна и научившую его смеяться.

— Антон! Послушай. Я постараюсь... Нет, не так — я сделаю все, чтобы ее найти! Но... моему миру тоже нужна помощь. Понимаешь, мы с тобой связаны. И...

Слуги дремотные, ну что он несет? Как ему поможет этот мальчишка? Пообещает не выздоравливать? Или не умирать? Как будто от человека это зависит.

Тихий всплеск воды. Брызги цвета темного серебра. Озеро Жизни. Вот мы где. Понимание пришло внезапно. Как и ответ на вопрос: «Что делать дальше?» Струя воды плеснулась в руки, застыла ледяным клинком.

— Антон, — юноша не узнал свой голос, — мне очень нужна твоя помощь. Я найду Ритку, я сделаю все для этого, клянусь! Но если ты вдруг выздоровеешь... Ты ведь болен сейчас, да?

Мальчик кивнул.

— Наши жизни связаны. Сила — одна на двоих... — тьфу, ну почему здесь нет Майры? Она бы объяснила все

по-человечески. — Короче, пока один живет полноценной жизнью, другой валяется в беспмятстве. Не спрашивай почему. Я и сам не знаю. Просто так оно устроено. И только так я смогу спасти твою Ритку! Понял?

Антон растерянно моргнул.

— Мне нельзя выздоравливать?

— Ну... Типа того...

— И что надо сделать сейчас?

Ладонь легла в ладонь. Ледяной клинок вонзился в мальчишеские кисти, прошел насквозь, оглушил на миг. Ни крови, ни боли, только холод. И ощущение покоя...

Болела рука, в липкий сон прорвалось монотонное «тук-тук». Эн с трудом разлепил глаза — в окно настойчиво билась покинутая мохнатка. Юноша с трудом поднялся с кровати, открыл форточку, впуская пушистую подругу. Надо бы имя ей придумать, что ли. Энтон задумчиво потер онемевшую от боли ладонь. Он вернулся. И, кажется, с подкреплением.

Майра молчала. Энтон закончил рассказ минут двадцать назад, а она все молчала, разглядывая собственный прилавок.

— Майра, — парень осторожно посягнул на затянувшуюся паузу, — а у тебя есть еще, кхм, «Изумрудный эликсир»?

— Нет, — женщина подняла бровь. — Для тебя у магазина ничего нет.

— Но...

— Тебе сейчас ничего не нужно.

Замечательно! Спасибо, что просветили!

— Майра, как думаешь, почему другие забыли, а я — нет?

— Каждый получил то, что ему нужно.

Пластинка у нее заела, что ли? А впрочем...

— Майра, — Эн тщательно подбирал слова, боясь спугнуть внезапную догадку, — а они были уверены, что им нужно именно это?

Брюнетка встрепенулась, посмотрела на него в упор. Впервые за их разговор.

Энтон улыбался. Но не каждому — только тем, кому хотелось. Для остальных он научился пользоваться наобнимом. Иногда ему снился Антон — неподвижный, на белой кровати, опутанный трубками и проводами.

Он просыпался, выходил на улицу и всматривался в лица.

Майра продавала очередной эликсир. Темно-синий, мутный. Она протянула его задумчивой синеглазой девчухе лет семи и... улыбнулась. Открыто, не таясь — родители девчушки остались за дверью, магазинчик постарался. Юная покупательница вздрогнула, недоуменно посмотрела на продавщицу, молча взяла флакон. А темная синева эликсира мягко уступала место зеленому.

Майра продавала. Вчера она продала гитару! Впервые за все время работы в магазинчике. Когда прекрасный инструмент возник на прилавке рано утром, женщина не поверила своим глазам. Не верила она и в то, что объявится покупатель. Вечером уже хотела отнести красавицу-гитару в подсобку — обитель всех товаров, чей покупатель заблудился в пути, — но... он зашел. Молодой, высокий брюнет со слегка безумным взглядом. Кажется, она видела его однажды возле запретного заповедника.

Энтон проснулся от знакомой мелодии. Выглянул в окно. Сава, негодник, во дворе околачивается, просил же не попадаться на глаза родителям и Ниме, чтоб ее! Эн скорчил — вот теперь уж воистину «скорчил»! — сердитую мину. Новый друг весело махнул рукой и скрылся за

поворотом. Энтон улыбнулся. Надо же. Савка не успел взять в руки гитару, а уже играет не хуже Геордия! А он бился, бился... Юноша покосился на собственный инструмент — предлагал ведь Саве: бери бесплатно, пользуйся. Так нет же. Побежал новую покупать.

Майра бы сказала, что так было нужно.

Майра. Сава. Девочка с ярко-синими глазами, имя которой он никак не выяснит. Еще пара-тройка человек, которые помнят, знают.

Эн потянулся, распахнул окно. Улыбнулся примостившейся на плече мохнатке.

— Ритка. Я буду звать тебя Риткой! Не возражаешь?

Мохнатка не возражала. Энтон зажмурился, подставляя лицо утреннему солнцу. Посмотрел за горизонт: где-то там ждет помощи настоящая Маргарита. Где-то там на него надеется Антон. Где-то там притаилось его собственное безумие. Впереди еще столько работы...

НАТАЛЬЯ АНИСКОВА

НАПОПОЛАМ

Дождь не лился — сыпался противной водяной крошкой, густо сыпался. Мокрая мостовая поблескивала, как чешуя неведомого зверя. Издалека донесся звон — часы на здании ратуши отбивали три пополудни. Много лет эти часы было слышно в каждом уголке, в каждой переулке города.

Бася почувствовала, что ноги ослабели, и тронула мокрую кирпичную стену ладонью. Постояла так с минутой, вдохнула глубоко. Выдохнула с усилием. Хватит, отгорело-отплакалось. Вы, пани Бася, теперь вдова и не сите вдовью долю достойно.

Пани вдове было двадцать лет от роду. Год назад воспитанная в корпусе родовитых девиц сирота на благотворительном балу встретила гвардейского поручика. Обоих закружило, понесло... Через месяц после венчания началась война. Еще через неделю Бася по одному разогнула пальцы, которыми вцепилась в доломан Януша, в последний раз прильнула щекой к жестким шнурам на груди и осталась на главной площади Желявска в толпе других гвардейских жен — недоумевать.

Пять месяцев подряд молоденькая пани просматривала до последней строчки газеты, вздрагивала от шума шагов на лестнице, бегала к почтовому ящику. И получила наконец короткое, сухое письмо: «Поручик Януш Летинский... принял геройскую смерть... честь и славу...» Бася читала письмо, складывала лист, разворачивала и вновь читала — до утра. Пока не осознала, что Януш, ее Януш, ее муж, и мир, и бог уже зарыт в землю, навсегда, насовсем. И что никогда больше...

Вчера Бася выскребла из кошелька последние золотые. Пересчитала. Месяц скромной жизни — вот и все, что осталось от продажи жалких Басиных драгоценностей: гранатовых сережек, нитки жемчуга, маминой броши. Был еще Янушев портсигар, но с ним Бася расстаться не решалась.

Кухонный шкаф зиял пустотой — скромные припасы обычно подходили к концу все разом. Ничего не поде-лаешь — сегодня золотых станет еще меньше. Бася положила в корзинку кошелек, приладила шляпку перед зеркалом. Ох, похудела пани Летинская...

Городской рынок даже в самые тяжкие дни гомонил, не унимался. Бойкие крестьянки, закутанные по нынешним временам черт-те во что, нахваляли птицу, молоко, рыбу. Бесстыдно хвалили сами себя горки

краснощеких яблок, чернильно-синих баклажанов, молочно-желтых груш. Бася, скользнув по пестрому великолепию взглядом, побрела мимо — на дальнем краю рынка торговали подвядшими овощами, добытыми из армейских припасов крупами, слежавшимся чаем. Путь к дешевым рядам проходил мимо прилавков с тканями, кружевами, вышивками. Расположились там в последнее время и горожане с остатками фарфора, мехов, столового серебра — в стремительно нищающем Желявске каждый кормился как мог — кто умением, а кто и былым достоянием.

Обычно Бася здесь не задерживалась — какие ей теперь кружева, — но сегодня что-то странное царпнуло взгляд, заставило задержаться. Бася остановилась, посмотрела на разложенные приметы уютного бытья и застыла. За прилавком сутулилась пани Роговская — классная дама из корпуса родовитых девиц. Господи... Пани Роговская и раньше не отличалась внушительными формами, а теперь совсем скукожилась, поседела, потемнела лицом. Вышитые салфетки разглаживали не руки, а сморщенные птичьи лапки.

Бася приблизилась, стораая от стыда. Ох, как же ей стоится там, бедной...

— Здравствуйте, ясна пани.

В годы Басинога пребывания в корпусе пани Роговская ее не слишком-то жаловала, явственно выделяя похвалами блестящих учениц, которые схватывали на лету премудрости арифметики и не стеснялись громко отвечать. Прилежная, но тихая и застенчивая девица в любимицах классной дамы не ходила.

— Вы ли это, Басенька? Здравствуйте... — Пани Роговская смутилась не меньше бывшей ученицы.

Бася не стала спрашивать, как та здесь оказалась. Попросту купила на все деньги вышитых салфеток, попрощалась и отправилась домой. По дороге она заметила объявление...

Бася убрала руку от стены, тряхнула головой и огляделась. Оказывается, нужный дом — вот он, за кованным заборчиком. И вывеска кованая, не крикливая, но дорогая, основательная. «Ломбард».

Бася поднялась на крыльцо, потянула к себе дверь, и там, за ней, что-то успокаивающе звякнуло — и не колокольчик, и не стекло, непонятное. Бася шагнула в теплую полутьму и заморгала. Подняла вуаль на шляпке.

— Добрый день, пани. Что вам угодно? — спросил ее из-за конторки усатый, гладко причесанный, похожий на жука тип.

— Я... Я хотела... — Бася смутилась и залепетала.

Машина походила на фотографический аппарат в ателье, только большой, и мерно гудела. Бася устроилась на стуле, сложила руки на коленях и попыталась унять легкое беспокойство. Все ведь правильно. Теперь она рассчитается с квартирной хозяйкой, и с молочником, и с зеленщиком. И сможет протянуть какое-то время, пока не найдет работу. Зачем ей теперь верность, без Януша? Куда ее девать, кому хранить и для кого?

★ ★ ★

— Иди сюда, дорогой.

У супружницы очередной каприз. Найдет же время, мать ее. Цепляю на физиономию деловое выражение, строю серьезный взгляд — актер я, в конце концов, или хрен в стакане? Стучу пальцем по циферблату часов.

— Радость моя, опаздываю на репетицию.

— Ничего, Горохов подождет, — изрекает супружница безапелляционно. Убил бы. Собственными руками.

Горохов — это режиссер. Он бы, конечно, подождал. Еще бы: не простого актеришку снимает, а единственного зятя министра культуры. Правда, Горохов к сегодняшней репетиции отношения не имеет.

— Что случилось, дорогая?

— Я купила новый эликсир. Выпей залпом. — Смотрит безмятежно, гадина. Белоснежно улыбается.

Сколько же проклятых эликсиров эта сучка влила в меня за год семейной жизни?.. В прошлый раз был суррогат супружеской любви. Мучился два месяца, пока преодолел. Знал бы тот идиот, который его продал, к какой стерве предстояло любовь испытать. Меня замутило.

— Что за эликсир? — буркнул я.

— Настоящая верность, дорогой. Прекрасный донор, взгляни, я фотографию у поставщика взяла.

На снимке мелкая чернявая лахудра, лупоглазая и кучерявая, как спаниель.

Чертовы ломбарды, понастроили их на каждом углу. Одна реклама чего стоит: «В нашем мире эти качества — редкость. Купи и стань счастливым». Мать их.

— Солнце мое, ты же знаешь, что я тебе и так верен.

— Знаю, дорогой. Но я же все равно ревную. Пей.

Запустить бы этой склянкой в угол, вдребезги. Или выплеснуть — прямо в лощеную... нет, не морду. У благоверной а-ри-сто-кра-ти-чес-кое лицо, к которому примерзло политкорректное выражение. Ладно, что бы там ни было у нее с лицом — склянку мне не вылить и не выбросить. Зять министра культуры должен быть послушным, раз уж ничего особенного собой не представляет. Покорным должен быть, дрессированным.

Проглатываю посланца из черт знает какого средневековья. Подавив брезгливость, целую супружницу в щечку и выскакиваю на лестницу.

Репетиция, несмотря на эликсир, проходит успешно. Антураж шикарный — настоящий сексодром. Партнерша — тоже на уровне.

— Прикинь, — говорю после третьего, затяжного акта. — Моя стерва заставила глотнуть эликсир верности.

— А как же ты тогда... со мной?

— А так, — меня внезапно разбирает хохот. — у меня, по ходу, иммунитет.

★ ★ ★

— Пани позволит проводить ее?

Хорунжий, протянувший руку к Басиной корзинке, нахален и хорош собой. Корзинка тяжелая. Бася передает ее навязчивому провожатому, идет к дому, принужденно отвечая на вопросы и кусая губы от неловкости. Хорунжий разливается соловьем, напоминает о военных тяготах, сетует на одиночество и тоску без нежности. Что он знает о тоске и одиночестве...

— Пани Бася, окажите честь, поужинайте со мной сегодня, — едва не поет хорунжий.

В конце концов, почему бы и нет? Возможно, с этим веселым нахалом и ей удастся отогреться, ожить, улыбнуться. Пани согласна. Пан хорунжий заедет за ней вечером.

Ближе к ночи хмельной хорунжий ловит извозчика, доставляет Басю из ресторана домой и перемежает комплименты, объятия, слова о тоске и теплоте. Он провожает пани до квартиры, потом до спальни и растворяется на рассвете.

Бася просыпается на мокрой подушке, весь день она спешно ходит мимо зеркала, чтобы не встретиться взглядом с тем чудовищем, которое непременно отразится. Через пару дней хорунжий вновь приглашает ее на ужин, теперь уже как старый знакомый. И вновь исчезает на рассвете из спальни... Затем полк уходит из Желявска, вместо него прибывает новый, и в нем тоже находится тоскующий без нежности офицер.

Выкупить заложенную верность Басе так и не удалось — она едва сводила концы с концами, перебиваясь то шитьем, то стиркой. Ну, а без верности — что оста-

ется женщине молодой, красивой и одинокой? Портупей-прапорщик Ольшанский, хорунжий Квитницкий, секунд-майор Ходасевич... Единственное утешение, которое оставалось после каждого романа, — его героя Бася больше никогда не увидит.

Когда молочник и зеленщик прекратили отпускать провизию в кредит, стало ясно: очередной визит в ломбард не за горами.

Можно было доехать на конке, но Бася предпочла сэкономить и пошла пешком. Ветерок теребил пыльные резные листья кленов, нес по улице бумажную шелупонь, трепал края дамских юбок и чудом сохранившуюся с довоенных времен афишу на здании театра. «Цирк Олеськовского», в который раз прочитала Бася надпись, давным-давно выученную наизусть. Вздохла тихонько. Два года гражданской войны обескровили Пановию. Полупровинциальный Желявск опустел и будто бы осунулся. Ушла налаженность, а вместе с ней покой, безопасность, надежда на завтрашний день. Ушел Януш — навсегда. И счастье тоже ушло — за компанию, походя.

Бася брела к ломбарду и стеснялась своего потрепанного вида. На перчатке пусть незаметная, но штопка. Туфельки начищенные, но уже явственно потертые. Шляпка у Баси последняя и не очень-то подходит к платью... Ничего. Еще чуть-чуть, и стесняться она перестанет. Басю передернуло, накатила брезгливость напололам с отвращением к себе. Она перекрестилась наскоро и поспешила дальше.

Вновь что-то мелодично звякнуло за дверью. Бася освоилась в полутьме, пригляделась, и похожий на жука ломбардчик, как и в прошлый раз, поздоровался и спросил:

— Добрый день, пани. Что вам угодно?

Перед машиной Басю пробрала дрожь. Что будет, если и дальше ничего не выйдет с работой? Что придется продать в следующий раз? Пусть ей уже не нужно благородство — на кривой дорожке толку от него мало... Но с чем еще придется расстаться?

★ ★ ★

После премьеры мы с Жекой основательно нафуршетились — из кинозального буфета дернули в бар, потом в другой. Там приятель и предложил по бабцам. Знает, сказал, двух подходящих.

— Ты чего? — оторопел Жека, когда я отказался. — Сдурил? Шикарные телки.

Послал я его в пешую эротическую, и настроение выпивать в момент пропало. Стыдно сказать, от девиц меня теперь воротит, уже четвертый месяц. «Посткоитальный синдром», — с умным видом объяснил Горохов, когда я выпинал с его дачи двух сговорчивых старлеток, специалисток по оральной части.

Вот тебе и иммунитет. Хремунитет.

С Жекой мы расплевались, и домой я прибыл основательно подшофе.

— Дорогой, это ты? Иди скорее сюда. У меня для тебя кое-что есть!

Чтоб тебе онеметь, дорогая! Как всегда, в самый подходящий момент.

— Что у тебя есть, м-милая?

— Эликсир, дорогой. Настоящее благородство.

И улыбается, сволочь. Одно другого не легче. Блядотства мне только не хватало.

— На хрена мне оно?

— Дорогой, ты у меня грубоват. Это не твоя вина, конечно, это недосмотр твоих родителей. Откуда они там, из Рязани, да? Ну вот. Тебе нужно добавить хороших манер. В конце концов, они артисту необходимы.

То, что мои рязанские родители музейные работники, в голове у супружницы не отложилось. Мама кандидат филологических наук, а папа исторических. Зато при всяком удобном случае упоминается, что родом они из провинции.

Родители надеялись, что из меня получится серьезный драматический актер. Ромео, Гамлет... Доктор Живаго, наконец. Как же... Выяснилось, что у меня идеальный типаж для ролей многоженца или сутенера. В одном из этих двух ампула моя морда светится по всей стране — министерского зятя снимают чаще, чем шляху.

Делать нечего, глотаю очередной атавизм из невесть какой помойки. Ох и дрянь...

— Откуда это? — интересуюсь я, отрыгнув.

— Тот же донор, дорогой.

Вот оно что. Чернявая замухрышка из... из...

— Из какого она бардака?

— Ой, дорогой, как я рада, что благородство исправит твой лексикон. Девушка живет в каком-то отсталом параллельном мире. Поставщик говорил, как он называется, но я забыла. Да и какая разница?

— И что там, в этом отсталом?

— Ой, там ужасно, дорогой. Голод, нищета, убийства. По-моему, даже война. Зато у жителей еще сохранились кое-какие древние качества. Настоящие раритеты.

Вот же стервь. Раритеты ей, хренитеты. Мало того что купила смазливого и послушного мужа — теперь нужно перед подружками выпендриться. Смотрите, мол, на моего кобелька комнатного. Гарантированно верный сучий сын и такой благородный!

Пять лет тому мы столкнулись на официально-богемном сборище. О министерской дочери давно шла молва: кавалеров меняет быстро, отличившихся премирует ролями. Познакомиться с ней мечтал каждый статист. Вот и я решил попробовать... Несмотря на от-

сутствие особого старания, удалось, и меня ангажировали в телесериал на роль деревенского трахаля, приехавшего в Москву и обнаружившего, что между ног у столичных бабцов то же, что у провинциальных. Через пару месяцев барышня дочь-самого-министра настоятельно предложила пожениться. Я рассудил, что хранить остатки невинности, если уже скурвился, не имеет смысла. Какого черта прозябать в безвестности и безденежье, когда хорошие роли и успех — вот они, под юбкой. Я согласился и свою часть сделки исправно теперь выполняю.

★ ★ ★

Ветер по-осеннему разгулялся — завертел флюгерами, пригнул к земле старые клены, завыл. Бася развешивала на веревке мокрые простыни, которые норовили то хлопнуть по лицу, то вырваться из рук.

— Ах ты ж пся крев! — высказалась Бася в ответ на очередной хлопок.

Выручить за благородство удалось немного. Спустя пару месяцев деньги растаяли, а более доходной работы, чем стирка, Бася так и не нашла. Из квартиры исчезли последние безделушки, изящная мебель, книги. Портсигар Януша тоже исчез. Сгинула в конце концов и сама квартира, где они с Янушем жили. Сначала Бася перебралась в затхлую однокомнатную клетушку за площадью, а вскорости съехала в расположенную на окраине комнатенку. За которую снова нечем было платить... Бася поднялась по лестнице, толкнула дверь плечом. Войдя, поставила таз и, не раздеваясь, упала на кровать. Осточертело! Как же осточертело все — и война, и нищета, и стирка эта бесконечная и почти бессмысленная. Хоть на панель иди. Или — в ломбард.

Бася перевернулась на спину и уставилась в потолок. Так... Что там у нее еще осталось? Доброта осталась.

Много за нее не дадут. Образованность какая-никакая. Ее в ломбарде вообще не принимают. Хороший вкус остался — Бася и сейчас нюхом чуяла вульгарность, вмиг замечала диссонанс, безошибочно определяла меру. Вкус в ломбарде берут. И платят за него неплохо. И Басе он уже ни к чему... Что ж, выходит — прости-прощай, хороший вкус.

★ ★ ★

Началось с того, что я выключил бокс. Как только наш отправил этого африканца в нокадаун — взял и выключил. И застыл ошарашенный. Слово это не я мордобой смотреть не стал, а кто-то другой. Пару недель назад выбросил в мусор детектив про шпионов. Потом, на съемках, когда Жека залез под юбку статистке, хлестнул его по щеке. Наотмашь. Жека потом полчаса от удивления заикался.

Чем дальше — тем страньше и чудесатее. На днях женушка в очередной раз изложила тошнотворные инструкции по выводу в свет ее драгоценной особы. Как водится, я поулыбался, покивал, ругнулся про себя и вдруг сообразил: а ведь холеная и зажавшаяся министерская доченька, по сути, нищая и одинокая. Нет у нее ни друзей, ни близких, ни даже дела по душе — одно притворство только и есть. Господи, да неужели она совсем не знала настоящей любви, раз купилась на мою игру без огонька? А если приобрела меня сознательно — насколько же надо не ценить самое себя...

Ко всему прочему, я стал видеть сны. И в них — миниатюрную тоненькую брюнетку с большущими синими глазами и крупными черными кудрями, падающими на плечи.

Я даже не сразу понял, что эта девчушка, похожая на киношную Мальвину, и есть та самая лупоглазая лаху-

дра, донор из отсталого мира. А когда наконец понял, долго не мог прийти в себя.

Дальше — больше. Мне вдруг стало противно, да и постыдно участвовать в семейственном фарсе. Чего ради надувать этот мыльный пузырь, прикидываясь мужем чужой женщины? Ради славы, денег? С деньгами хорошо, но на тот свет я их не заберу. И в зеркало, когда бреюсь, смотрю не на славу, а на собственную физию. И жена была бы наверняка счастливее с кем-то другим. С тем, кто хотя бы доволен положением вещей. Вывод напрашивался очевидный — нужно разводиться. Так будет правильно. По-настоящему благо...

И тут меня будто ужалило. Благородно, значит? В полном соответствии с гарантированным эликсиром? Выходит, потребленный месяц назад хороший вкус в придачу к благородству и верности меня все же добил. По здравому рассуждению получалось — хваленый иммунитет закончился. Значит, это все эликсиры. И теперь я расту духовно и наслаждаюсь гармонией с миром и самим собой. А как же тогда настоящая владелица благородства, «Мальвина»? Та, которая донор хорошего вкуса, верности...

Не додумав, я отправился напрямик в ближайший ломбард.

— Есть толерантность, — принялся нахваливать товар ломбардчик, едва я переступил порог. — Принципиальность, преданность, альтруизм...

— Не интересуется, — прервал я и протянул уворовавшую у благоверной фотографию. — Это ваша клиентка?

— Наша, — подтвердил ломбардчик, справившись в картотеке. — Страна Пановия, четвертая альтернатива. Девушку зовут Бася Летинская, она из дворян, вдова. Товар высшего качества, правда, у нее мало уже что осталось. Если желаете, есть другие доноры из того же мира. Вот, скажем...

— Не желаю, — вновь прервал я. — Как туда попасть?

— Куда «туда»? — ошеломленно переспросил ломбардщик. — В Пановию? Зачем вам? Тур стоит огромных денег!

Забавно. Огромные деньги, приданое моей благоверной.

— Я там кое-кому задолжал. А долги, знаете ли, надо платить. Хотя обязательность в нашем мире и несколько устарела.

Через три недели я высадился из мудреного вида фуникулера на задний двор приземистого сооружения, огороженного кованым забором.

— Извлекайте, — взял я за грудки прилизанного усатого субъекта, похожего на древесного жука. — Верность, любовь, благородство, вкус — все разом. Не поняли? Что ж тут непонятного, я хочу отдать долг. Дайте-ка мне адрес вот этой особы.

★ ★ ★

На кухне резко пахло яблоками и корицей. В столовой — кофе. И даже книги в библиотеке пахли — бумагой, краской, клеем. Бася усмехнулась. Похоже, ей теперь в собственном доме не найти места без навязчивых запахов. В гостиной Бася открыла на минутку окно, положила на поясницу ладони и, встав на цыпочки, вдохнула морозный воздух. Вечерело. На Желявск наплыли вуалево-прозрачные сумерки, какие бывают только в январе, на изломе зимы. Скоро Януш придет...

Родной. Надежный и заботливый. Благородный, мужественный Януш. Вернувшийся к ней с войны и позвавший в жены.

Впервые он пришел пять лет назад, Бася еще не знала тогда, что это Януш. Так же, как и сейчас не знала его настоящего имени...

Бася в тот вечер вновь упала на кровать, не раздеваясь, и лежала без сил. Ныла спина, саднили руки, на душе скребли кошки. В дверь стукнули. Видать, снова хозяин за квартплатой. Бася кое-как поднялась, открыла.

На пороге стоял смущенный молодой человек, одетый не по-здешнему. Он смотрел на Басю, молчал и дышал прерывисто. Высокий, плечистый, ясноглазый. Неуловимо похожий на...

— Вы кто? — оборвала Бася воспоминание.

— Пани Летинская, вы меня не знаете, — торопливо заговорил незнакомец, будто боялся, что она его выставит, не позволив досказать до конца. — Я хочу вернуть то, что принадлежит вам. Верность, благородство, вкус... В эликсирах.

— Вернуть? Мне? Зачем? — встревожилась Бася.

— Понимаете, они как бы... как бы они... — незнакомец явственно смутился и запутался в словах. — Мне как бы не принадлежат. Они ваши, по праву.

— Откуда они у вас? — пролепетала Бася.

— Откуда... — незнакомец утер носовым платком пробившую лоб испарину. — Я их купил. Вернее, мне их купили. Верность, потом благородство, за ним хороший вкус. Я принес вам все это, вот здесь, взгляните.

Незнакомец растерянно захлопал себя по карманам, затем извлек из внутреннего перетянутый тесьмой шелковый узелок и стал торопливо развязывать.

— Вот же они, — бормотал он. — Этот тип, ломбардщик, клялся, что извлек почти без потерь. Я заставил его наклеить этикетки. Благородство, верность, так... Возьмите, пани, теперь это снова ваше.

Бася замерла. Подняла на гостя глаза. Покраснела от неловкости.

— Я подумала, — медленно, не отводя взгляда, сказала она, — что мы... что мы с вами могли бы... — она осеклась.

— Что? — подался вперед незнакомец и вдруг осторожно взял Басю за локти. — Что бы мы с вами могли? Бася закрыла глаза.

— Могли бы выпить, — сказала она тихо, едва слышно, — эти эликсиры вместе. Напополам.

МАРИНА МАРТОВА

ВЫВОРОТЕНЬ

Две девочки шли к сарайчику, рядом с которым Сой распиливал камни. Он отпустил педаль станка, потрянул головой, откинув назад поредевшую гриву, и вгляделся в идущих сквозь оседавшую пыль. Пока было понятно только, что обе — рыжие. У той, что повыше, заходящее солнце заставляло кудри отсвечивать золотым электроном. Медные волосы второй были редко-го для этих мест темно-красного оттенка, почти багряные. Живописцы любили изображать такие у Хозяйки Прорвы. Откуда они знали, как Хозяйка должна выглядеть — кто их, художников, поймет.

Надежду Сой потерял уже несколько лет назад. И это было скверно. В небольшом городке, где он обосновался, находился приют, куда отсылали неизлечимо больных: паралитиков, гниющих заживо, навсегда потерявших рассудок. В соседних поселках жили рыбаки, шахтеры и их вдовы с детьми. Вдов было много. Мастер берегов оказался здесь ох как нужен. Пока еще Сой управлялся со своими камешками без лупы, и глаз замыливался только под конец дня. Но все-таки мастер уже успел постареть, а учеников у него не было.

С утра его обычно искали в лавке, к ночи — дома. Но девочки шли сюда, не в лавку — за товаром и не к дому — за ночлегом или еще какой нуждой. За работой его уже привыкли не беспокоить. Неужели они ищут учителя?

Светленькая подошла к нему, пока он безуспешно оттирал лицо от пота и пыли влажным полотенцем. Глаза у нее оказались тепло-карими, с золотыми крупинками, как те, что мерцают внутри камня бродяг, самого веселого из камней. На нежно-розовом лице кое-где виднелись веснушки.

— Вы мастер Сой? — спросила она. — Вы ведь берете учеников?

— Беру, да не всякого. Вот отошлю я вас назад — у кого остановитесь? Время-то уже позднее.

— Не возьмете — попрошу пустить нас хотя бы на ночлег. Вы ведь не какой-то пришлый, вас тут все знают.

Она говорила с ним так, как и должна была говорить девочка из хорошей семьи, уверенная в себе, но не наглая. Светленькая понимала, что, пропади она на дороге, ее будут искать всем поселком. Сой вспомнил, что уже видел ее. С год назад он заходил с товаром в Прибрежный. Мать девочки, жена богатого купца, пожелала выбрать себе что-то из недорогих украшений Соя. Женщина выглядела замученной частыми родами и детьми. Она упорно искала что-то неброское, пока старшая дочь не протянула ей ожерелье из янтаря с его теплым светом. Это был правильный выбор. Сой решил приглядеться к девочке, но она уже убежала. Рада ее звали. Рада.

— А твоя семья согласна? Я не граню алмазы и карбункулы, не работаю с камнями, за которые платят чистым золотом. Годится ли это для дочери купца?

— Ну, я дочь купца, а не сын, с меня и спрос поменьше. Все говорят, что вы особенный мастер. И в ученики

ищите тоже особенных. Какие-то испытания устраиваете.

— Нет, Рада, я просто поговорю с тобой. А утром, с дневным светом, ты поглядишь на камни, а я буду смотреть на тебя.

— На нас, мастер, — твердо сказала Рада. — Мы пришли вместе.

Сой уже успел решить, что вторая девочка — просто служанка, так незаметно она подошла и так безмолвно стояла рядом. На бледном лице остались следы угольной пыли. Вряд ли мать дошла до крайности и уже послала ее в шахту, но в домах горняков здесь топили углем — почти даровым, если не считать чьей-то крови. Серые глаза, казавшиеся почти бесцветными на обрамленном медно-рыжими волосами лице, глядели сквозь него.

— Эна очень толковая, правда. Просто ей надо немного привыкнуть.

— Ну что ж, пройдем домой, заварим мяты, закусим сухариками. По душе ли вам будет мой прием — не знаю, но уж угощение-то у меня всегда найдется.

Рада встряхнула кудряшками и засмеялась.

Значит, девочки. Обереги у женщин получаются лучше, это все знают. Даже после замужества мало кто бросает это занятие. Не всякая семья потерпит камнерезный станок у себя во дворе, но можно ведь и покупать заготовки. Купец будет доволен тем, что у супруги есть деньги на булавки. А уж шахтерская жена и вовсе может заработать почти столько же, сколько муж в забое.

Дома, по счастью, было убрано, нашлась и мята, и прошлогоднее варенье.

— Вы ведь шли через кладбище? — спросил он хрупающих сухарики подруг. — Можете описать или нари-

совать мне самый большой памятник? И рассказать, что на нем было высечено?

— Я пыталась разглядеть, — виновато сказала Рада, — но тут Эна потащила меня к выходу.

Эна неохотя, очень медленно сказала:

— Он страшный. Там было сказано: «Тебе, кого я долго убивал».

Сой поперхнулся горячим настоем. На памятнике не было написано ничего такого. Но, в сущности, поставивший его сотник должен был написать именно это.

Говорили, что он был хорошим командиром и берег каждого из своих солдат даже там, где людей клали тысячами. Говорили, что жена была верна ему все те годы, что ей пришлось ждать. Даже соседи слишком поздно узнали, что он бил ее смертным боем. Пришлым не любили рассказывать историю этой семьи — то ли боялись, то ли стыдились. С теми, кто слишком часто заглядывал в Прорву, случаются страшные перемены. Редко, но случаются.

Сой всего лишь хотел проверить, умеют ли девочки видеть мир и открываться ему. Правильно сделанный оберег привязывает к жизни, помогает держаться за нее, пока есть силы, и никого не утащить за собой в Прорву в последний час.

— Зато у ворот, — сказала Рада, — там посажены очень красивые цветы. Белые пионы слева, справа — незабудки, и камнеломка, а чуть подальше — голубые ирисы.

Ну что же, одна из девочек точно прошла испытание на внимательность. Но по правилам полагалось еще понять, в какой час и для какой судьбы появился на свет ученик.

— Ты помнишь, в какой день родилась, Рада?

— Конечно. Мне четырнадцать лет. Брат говорит, что я родилась на рассвете того весеннего дня, когда свет длится столько же, сколько и тьма.

— А ты, Эна?

— Мы с Радой ровесницы. Стало быть, примерно тогда же.

— А точнее не помнишь?

— Маме было не до того, чтобы это запомнить. За неделю до моего рождения в шахте случился обвал, отца не откопали.

В голосе Эны не было никаких чувств. Сой знал, что это ничего не значит. Непоправимое горе часто молчит. Но невольно он ощутил неприязнь к девочке. Ну что же, все, так или иначе, решится утром.

Он вынес из кладовки два тяжелых тюфяка и постелил Раде и Эне в соседней комнатухе, а сам снова уселся за стол рядом с горящей свечой. Время рождения светленькой было указано на редкость точно, и теперь Сой размечал положение звезд. Сразу несколько стояний указывали на то, что у девочки есть немалые способности, и к их мастерству в том числе. А вот это дурной знак, и тут тоже... В скверный для себя час Рада может утратить власть над собой и станет метаться из стороны в сторону, как слепая в горящем доме. Направить человека в такой беде может лишь внутреннее зрение, которое и в отчаянии, и в горести выведет на нужную дорогу. Надо смотреть... нет, у Рады его недостает, для таких способностей — слишком мало. Впрочем, Энья, звезда погибели, стоит в доме союза, а это, по счастью, не слишком сильное положение. Иначе от девочки пришлось бы отказаться сразу же.

Сой вспомнил, как учитель однажды сказал ему:

— Если ты не знаешь, брать ученика или нет, соглашайся.

— Почему? — спросил он тогда.

— У нашего дара две стороны. Тот, кто может обещать от Прорвы, способен и увлечь в нее. Но обученный мастерству лучше чувствует, какой стороны держаться.

Похоже, это был ответ на его сомнения. Да и девочка пришлось ему по душе. Не врут ли звезды, в самом деле? Рада казалась такой уравновешенной, такой разумной. Уже проваливаясь в сон, Сой подумал о том, что делать с Эной, и ответил себе, что утро все решит.

Утро выдалось ясным, солнечные лучи продолжали греть, даже пробившись сквозь окно. Сой решил не выносить стол с камешками во двор — свет и так играл в них. Камни были уже обточены и готовы для того, чтобы вделать их в пояс, в браслет или набрать из них бусы. Оберегами обычно служили ожерелья, наголовные повязки, ручные или ножные браслеты — все, что замыкало и закрывало.

Рада даже не решалась прикоснуться к камням — и это был не слишком добрый знак. Она только стояла над ними и рассматривала каждый с немим восхищением маленькой девочки, которой неважны цены и караты — самое интересное было здесь: разноцветное-яркое-близкое. Обереги предназначались для всех, и традиция запрещала использовать в них дорогие самоцветы — только то, что тысячелетиями лежало на этих берегах, впитывая силу родных мест. Такого было немало — и успокаивающая глаз травяной зеленью змеиная шкурка, и переливчатый камень волн, и огонек, желтый с красным, и фиолетово-лиловый камень волшебников, и другие, названия которых помнил один лишь Сой. Некоторые из них были аккуратно нарезаны и обточены, некоторые, почти бесформенные, — лишь слегка отшлифованы для того, чтобы стал лучше виден рисунок.

Эна встала рядом с Радой и зачерпнула камни в горсть, встряхнула, что-то отложила, зачерпнула еще. Глаза ее были полузакрыты, но отрешенный взгляд стал осмысленным, и на щеках появился румянец.

— Вот этот в серединку, — сказала она. — Он такой сине-зеленый, что почти красный.

Она выложила на стол оранжевый огонек, обточенный под большую бабочку.

— А эти — сюда, сюда и сюда.

— Погоди, — отозвалась Рада. — Эти лучше вот так.

Она брала камни из ладони Эны и выкладывала их в два ряда.

Сой поглядел. На столе лежала заготовка для оберега. Пояс для мальчика, в котором зреет мужская сила.

— Неплохо, — сказал он. — У меня есть подходящая полоска кожи. Сегодня я покажу вам, как вделать в нее камни, чтобы они держались прочно.

— Так вы взяли нас! — ликующе сказала Рада. Эна безучастно молчала.

Сой еще много раз устраивал девочкам подобные испытания и постоянно видел одно и то же. Вдвоем Эна и Рада могли подобрать что угодно — оберег для шахтера, амулет для рыбака, хранитель снов для пугливого ребенка, ожерелье для молодой девушки. Поодиночке у них получалось куда хуже.

Лишь один раз, когда надо было сделать пояс для матери, потерявшей дитя, девушки стали в тупик.

— Я поговорю с Найдой, — сказала Эна. — У нее были дети. Она должна понимать, как это.

— Кто это — Найда?

— Ее собака, — беззаботно ответила Рада. — Она давно уже умерла, но они иногда разговаривают.

— Я попросила Найду не уходить далеко, — медленно проговорила Эна. — Ей будет страшно без меня.

Родные берегли Раду от домашней работы, и Сой сначала совсем понемногу показывал ей, как сшивать кожу, вделывать застёжки, замыкать цепочки. Но все,

что выходило из-под рук девочки, к его удивлению, выглядело надежным, ладным и долговечным — таким, каким и должен быть настоящий оберег. Тот, кто завершает амулет, вкладывает силу, правильно подобранные камни только направляют ее. Эна с ее ладонями, загрубевшими от ведер с водой и горшков, завершала обереги неуверенно, робко повторяя за подругой. Зато медноволосая подбирала удивительные сочетания камней. С первого взгляда все они казались Сою невозможными, и он понимал их смысл лишь после того, как старался внимательно взглядеться. Еще она любила стоять рядом со станком, когда Сой работал. Ему никак не удавалось отогнать девочку, все, что он смог, — заставить ее надевать на лицо повязку от пыли и каменной крошки. Однажды она сказала:

— Этот камень нельзя так распиливать. Он уже разбит.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, поглядите же. Он нецелый внутри, он сам раскололся бы через год... не знаю... через десять лет. Пилите вот так, — Эна провела ногтем черту, — тогда он сам распадется на две половинки.

Камень раскололся под пилой точно по трещине. Сой, привыкший к тому, что у станка стоят мужчины, начал осторожно приучать к нему девочку.

Так прошло полгода, и Сою не раз приходило в голову, что подруги уже могли бы работать за взрослого мастера, но только вдвоем, а не поодиночке. Вот только обеим рано или поздно найдут мужа, и женские хлопоты сделают каждую пленницей своего дома. Впрочем, что тут загадывать. Пока еще есть время, надо отдать каждой как можно больше того, что пригодится в работе, вот и все дела.

Сой не знал тогда, что времени почти не осталось. Когда пришла весна, за Радой прислали слугу из родительского дома. Ее родители могли бы и погодить с замужеством, но Рада была старшей из дочерей, и первой полагалось пристроить ее.

Ей было велено собираться, не откладывая. Только к вечеру Сой опомнился, убрал в кладовку осиротевший тюфячок и стал подбирать камни — яркие и теплые, из тех, что Рада любила в женских ожерельях. Он хотел пойти в Прибрежный со своим подарком на следующее утро. Но тут куда-то пропала Эна. Сой даже не мог вспомнить, когда это случилось. Девочка и вообще-то была молчалива и незаметна, а после того, как увели подругу, вообще не проронила ни слова. Безуспешно проискав ученицу все утро, мастер отложил свой выход до завтра. Свадьбу в их краях обычно справляли несколько дней подряд, вручить ожерелье было еще не поздно.

На окраине Прибрежного, где стояли шахтерские лачуги, он спросил у босоногой женщины:

— Еще гуляют? Гостям там рады или не очень?

— Беда у них, — глухо сказала та. — Гости с женихом брагой потравились, невеста в покоях заперлась, рыдает, и дочка моя без памяти лежит.

— А с дочкой-то вашей что?

— Случается с ней, — неохотно ответила женщина. — Вы же учитель ее, неужто не видели никогда? Обмирает, и не знаешь, очнется или нет. А что на свадьбе стряслось, я толком и не поняла, бегают все, как безумные, разве вот парнишка один за Эной обещал присмотреть.

Сой никогда не замечал, чтобы с девочкой случалось что-то подобное. Но у него Эна была рядом с подругой и при своих занятиях, вот и получше ей, наверное, было. Он смущенно сказал:

— Ну тогда хоть проводите меня и расскажите, что с дочкой.

Она взяла его за руку своей корявой рукой и забормотала, что Эна его уж так уважает, как не только отца родного, но и деда...

— Что с ней? Мертвая народилась, и до сих пор временами как мертвая. Я уже срок доживала, когда Класа с товарищами в шахте завалило. Ногтями землю скребла, да только что с того толку? Родами мучилась сутки, потом уже соседки повитуху позвали. Дочь родилась, не дышит, положили ее на лавку, бабка со мной возится. Справилась кое-как, смотрит — собака над телом стоит. Подумала сначала, что та отгрызть чего хочет. А Найда ей вот так лапами по груди, лапами. И лицо вылизывает. Ну, заплакало дитя тихонько. Она и не говорила ни с кем лет до пяти, только с Найдой и с Радой. Уж как-то те ее понимали. Рада нам не ровня, богатая у девочки семья, да только надо ведь ребенку с кем-то играть. А они одногодки. И тихая она, Эна, мухи не обидит.

Слушая ее неловкую речь, Сой чувствовал, как девочка становится все ближе ему и все страшнее. Вот еще немного — и он поймет, что же Эна такое. До чего же тяжело возвращаться к урокам, которые когда-то не захотел принять. Однажды он услышал от учителя слова, которым все в нем противилось:

— Прорва везде и нигде. Она поджидает нас повсюду. Долг таких, как мы, — всю жизнь сражаться с ней. Но сама наша сила — лишь оттого, что мы больше других ей сродни. Частью мы уже там, даже покуда живы.

Никак не желая соглашаться, он сказал тогда:

— Можно ли жить в этом мире и не принадлежать ему всецело? Всем, что есть у тебя, всем, что тебя в нем удерживает?

— Можно, если то, что удерживает тебя, еще сильнее Прорвы. А если этого нет... Случается и так, что рож-

даются дети почти целиком не от нашего мира, выворотни. Я видел одного такого. Глаза у него были умные, но он словно бы не замечал ничего вокруг себя. Обычно выворотни отказываются от еды и рано или поздно умирают.

— Но если наша сила... такая. Есть вещи, которых не должно быть.

Сой не закончил свою мысль, но учитель понял его с полуслова.

— Рассеять вражескую армию, что пришла грабить твой край. Остановить убийцу и насильника. Я не смеюсь над тобой, куда там. Просто каждый, кто попробовал, убедился, что нет ничего ужаснее, чем впустить Прорву в наш мир. Хорошо, что все эти истории уже забыты. Пусть лучше люди принимают нас за безобидных чудаков, которые цепляются за свое древнее и не слишком выгодное занятие.

Беззащитная девочка, воплощение вечного врага таких, как он. В этом мире она видела только самое главное, поскольку смотрела не отсюда. Каким чудом она осталась на краю? Как наивной и легкомысленной Раде удалось ее удержать? И от чего она удерживала саму Раду? Наделенная внутренним зрением и наделенная силой... Подруги были как слепой и безрукий из детской сказки. Как он позволил их разлучить? Зачем успокаивал себя старыми как мир рассуждениями про женскую долю?

После разговора Сой хотел сперва увидеть и расспросить Раду, но потом передумал. Купеческий дом был полон криками и суетой, два лекаря громкоголосо распоряжались слугами, бегавшими туда-сюда с кастрюлями горячей и холодной воды и тазами. Смуглый парнишка, не то слуга, не то зевака, проводил его в закуток, где

лежала Эна. Сарт стоял над ней, не зная, что ему надо сделать, но тут девочка пошевелилась и, не открывая глаз, проговорила:

— Это вы, мастер? Вы принесли с собой камни? Они красивые.

— Эна, ты здесь? Расскажи, что случилось.

— Я не знаю... Раде было очень больно, и она захотела, чтобы родные поняли, как ей плохо. Только это. Но она не сумела остановиться и перешла черту. Рано. Им было рано идти в Прорву. Я отправила назад всех, кого смогла. Я помнила, что должно случиться что-то такое, но мне было слишком страшно, чтобы все разглядеть.

— Спасибо тебе, девочка, — тихо сказал Сой. — Проводить тебя домой?

— Нет, я дойду.

Радин жених — или уже муж? — был давно и безнадежно мертв, остальных откачивали. Мать невесты рыдала, не переставая. Только к вечеру Сою удалось с ней переговорить.

— Они хоть виделись до свадьбы?

— Виделись, разговаривали. Вроде глянулась она жениху. Только Рада же совсем еще девочка, глупенькая. Все просила отпустить ее доучиться, говорила: «Так мне спокойней будет». Про беду какую-то поминала. А он в ответ, что покажет ей ночью, для чего девушки на свет роятся, ничего другого и не захочет. Ну, выходят они на следующее утро к гостям, Кив говорит, что честная она, все пьют, радуются. А Рада невеселая совсем, ну так дело молодое. За столом дяде ее любимому плохо стало, она напугалась, побежала к себе и заперлась. Никому не открывает.

«Эх, Кив, — подумал Сой. — Был ты богатый купеческий сын, а оказался беднее парня из последней ры-

бацкой лачуги. Им-то никто не мешает соседок уговаривать, чтобы обняла-поцеловала. Они знают, как обойтись и с гордыми, и с нежными, и с застенчивыми. А тебе небось родители шлюх нанимали, чтобы ты раньше времени на сторону не засмотрелся. Вот и привык со всякой, как со шлюхой...»

Сой решил, что больше не отступится, но уговоры свои начал мягко и осторожно:

— Раз так вышло, отпустите ее снова ко мне.

— Ну уж нет. Все беды начались, когда Рада к вам ушла, — недобро прищурясь, сказал подошедший купец.

— Пусть доучится, Нат. Замужем ей не бывать, так хоть на кусок хлеба себе заработает, не станет у чужих приживалкой, — неожиданно твердо ответила жена.

Назавтра Сой уже возвращался с обеими девочками в город. Рада молча всхлипывала. Он не знал, как ее утешить, и смог пообещать только одно, в чем был твердо уверен:

— Пока я жив, никому не дам вас разлучить.

Неожиданно заговорила Эна:

— Надо подождать всего лет пять, мастер. Пока не вырастет Ому.

— Кто это — Ому?

— Да Ому же.

— Такой раскосый и темненький, — вмешалась Рада.

— Мужчинам его народа можно брать двух жен. Но только если они будут одинаково любить обеих. Он будет, я помню, ты не бойся, Рада. Я совсем плохо помню только назад.

— Пять лет... — протянул Сой. — Да я помру раньше.

— Неправда! В вас жизни на много-много лет. Просто никому отсюда не видно. Вы сияете, как самый яр-

кий камень. Пять лет — это хорошо. За это время я, наверное, даже человеком успею стать — как вы, как Рада.

Сой нагнулся и осторожно обнял девочку. Она тихонько взвизгнула.

— У вас борода колючая, мастер Сой.

ЯРОСЛАВ ВЕРОВ

«ПИРАТЫ» XX ВЕКА

Степан был советским интеллигентом. Как всякий советский интеллигент, он не мыслил себя без внушительного книжного шкапа. А то и двух. Шкапы эти у него имелись; и в шкапах кое-что наличествовало тоже. «Макулатурные» издания Дюма-старшего вызывали у него презрительную усмешку, но их возможно приобрести хотя бы на талоны. А любимую фантастику ни за какие талоны купить невозможно.

Но Степан, как мы сказали, был интеллигент. Поэтому многие продавцы книжных магазинов города N, а порою и суровые товароведы не могли устоять перед его врожденным обаянием. Когда в N поступала новинка — очередной том БСФ, или новый сборник «Фантастика 19...», или что-либо столь же жгуче-завлекательное, следовал звонок, и новинка — два-три экземпляра — оказывалась в руках у Степана. Один том лихорадочно, в ночь, прочитывался, водружался в шкаф, другие шли в товарно-обменный фонд.

Вот и сейчас Степан неторопливо полистывал «Книжное обозрение», сладостно оттягивая момент ознакомления с полосой «новинки следующей недели». Программа «Время» привычным голосом Кириллова вещала о вспашке зябей центрбежным способом и происках

мирового империализма на Ближнем Востоке. Наконец Степан перевернул заветную страницу. Да, урожайный месяц! Издательство «Мир» радуется, «Детгиз» обротно же... Вот! Стругацкие! «Парень из преисподней»... Хм... Ленинград. Какой-то сборник «Незримый мост». Хрена в N этот незримый мост завезут, а хочется...

Взгляд скользнул ниже и уперся в малоприметное объявление: «НИИ Свободного Распространения Информации приглашает всех желающих получить бесплатную копию любой художественной книги». Что за бесовщина? Адреса филиалов... ага, вот и N... Шутка? Надо проверить, что за НИИ СРИ, да и недалеко, три остановки троллейбусом...

Фасад здания, в котором угнездился неведомый НИИ, украшала целая шеренга административных табличек, но НИИ СРИ среди них не обнаружилось. Не без робости Степан вступил в пустой и гулкий вестибюль — необъятной высоты потолок подпирали колонны в стиле сталинского барокко, — так что и не сразу углядел крошечную будку, парапетик с вертушечкой и царственно-го виду старого лишая за стеклом.

— Прошу прощения, — Степан взял тон поувереннее, — мне бы тут где у вас информацию свободно распространяют!

— И ходю, и ходю, — отозвался лишай. — Третий день, как вселились, а все к ним ходю. А Вахромей Силыч велел пускать. Вон, ступай истибулем, а там — наверьхь.

Степан, следуя лаконичному указующему жесту, погрузился в недра мрачного коридора, утыканного нишами дверей с несообразными табличками: «Отдел КРИ», «Планово-ортогональный комплекс» и прочим бредом. Коридор заканчивался внушительной винтовой лестницей. Навстречу вывалилась ватага вьюношей, видно — студенты. Вьюноши — потому как навьючены были по самое не могу — баулы, чемоданы, абалаковские рюкза-

заки. Вьюноши не в меру оживленно перебрасывались невнятными восклицаниями и нездорово блестели глазами.

Лестница оказалась необъятной. Степанова спина успела изрядно взмокнуть под рубашкой, когда ступеньки вынесли его на тускло освещенную площадку, наполовину загороженную столом, за которым восседала старушенция в очках. Справа обнаружился вход в зал собраний, откуда доносился слитный гомон, из которого Степан расслышал ликующий возглас: «И животноводство!»

— Мне бы в институт, — взял тон помягче интеллигент.

— Всем в институт, — согласилась старушенция. — Налево, и дверь с табличкой. Только, если горит «не входить», вы уж подождите.

Перед обитой железом дверью и вправду красовалась табличка «Научно-Исследовательский Институт Свободы Распространения Информации», а вверху, словно перед рентгеновским кабинетом, горела в окошке надпись «Не входить!». Степан расположился в кресле, изготовился ждать, но красное «Не входить» сменилось зеленым «Добро пожаловать», а из взрыкнувшей двери явился лысоватый толстяк в мятом костюме. Вид толстяк являл собой совершенно обалделый, а к груди, словно младенца, плотно прижимал раздутый до неприличия портфель. Остановив мутный, но строгий взгляд на Степане, он хрипло изрек:

— Скотт Фицджеральд! Скотт Фицджеральд, молодой человек! Это вам не фунт изюму понюхать!

И загрохотал ступеньками вниз.

За дверью обнаружилось скупое освещенное и неожиданно обширное помещение. Впрочем, обширность его скрадывалась громождением всякоразной аппаратуры,

среди которой Степан без труда опознал лишь новейшую ЭВМ ЕС-1020. Окна в помещении отсутствовали, свет изливался из пары газоразрядных ламп, причем одна неприятно мерцала и явственно отсвечивала розовым. «Стартер поменяли бы, что ли», — подумалось Степану, и тут он заметил хозяина.

Мужчина неопределенного возраста, с резкими чертами лица, пристально щурился на него из-за массивного стола. На столе имелись: электрическая пишмашинка и аккуратная стопка каких-то бланков. Более поверхность стола не загромождало ничего.

— Ну, что же вы? — голос у мужчины оказался тихий, но какой-то...

В общем, такой голос, что Степан поспешно придвинул стул и уселся напротив собеседника.

— Давайте знакомиться, — мужчина протянул руку. — Михаил Афанасьевич.

— Степан. — Ладонь собеседника, даром что узкая, оказалась крепкой.

— Что предпочитаете читать, Степан?

— Мне бы что-нибудь новенького... из фантастики...

Собеседник дернул бровью, вставил в глаз старомодный монокль, пару мгновений порассматривал собеседника, вынул монокль, вздохнул.

— Помилуйте, что значит — что-нибудь? Все, что угодно.

— А... а Стругацкие. Вот у них повесть в сборнике...

Собеседник пулеметным треском пробежал пальцами по клавиатуре. Степан заметил, что в пишмашинку никаких листов не заправлено.

Михаил Афанасьевич поднял со стола тонкий кабель в красной оплетке:

— Электрический сигнал сразу подается на множительное устройство.

И указал взглядом на противоположный угол.

В углу этом высился ящик, видом своим напоминавший жестяной гроб, поставленный на попа. Со стеклянным окошечком там, где у покойника полагалось быть лицу. Окошечко тускло засветилось, мигнуло, погасло. Михаил Афанасьевич с неожиданной грацией обогнул стол, приблизился к «гробу», откинул стекло и извлек на свет божий стопку бумаги.

— Извольте.

Интеллигент не без трепета перелистнул несколько страниц. Шрифт серый, расплывчатый... бумага тонкая, рыхлая... но... но жадно впился взглядом в вождельные строки: «— Как тебе нравится эта позиция, Гаг? Никак мне не нравилась эта позиция...». Так, прогрессоры... Оно!

— Бесплатно? — на всякий случай переспросил он.

— Решительно бесплатно.

— А... не противоречит? Закону?

— Помилуйте, голубчик Степан! Это же не книга, это — копия. Копия, извольте видеть.

— Беру!

Михаил Афанасьевич точным властным движением отобрал распечатку.

— Сперва небольшая формальность. Регистрация, так сказать. — И протянул бланк. — Соизвольте заполнить.

Так, такой-то, ФИО, адрес прописки, домашний телефон, ладно, даю согласие на бессрочное пользование библиотекой НИИ СРИ, тра-ля-ля... это что такое?

«Взамен обязуюсь предоставить (нужное подчеркнуть):

— мою бессмертную душу;

— мою особую нематериальную субстанцию, независимую от моего тела;

— мой носитель бессознательного и выражения гештальт-качеств микрокосма, которые сообщают его ча-

стям (индивидуальные и специфические) положения, важность и динамику».

— Полноте, Степан! Вы же советский человек, материалист, — словно читая мысли, сообщил Михаил Афанасьевич, — нынешнее поколение, увы, еще не живет при коммунизме... вы, надеюсь, понимаете... наши бюрократы в головном офисе требуют, чтобы клиент предоставлял что-либо взамен. Вот мы и... Ученые шутят!

Степан, минуту назад грезивший о приятной ночи с новой повестью великих Братьев, с ответом нашелся не сразу.

— Бумага плохонькая... да и шрифт неразборчивый...

— Экономика должна быть экономной, слышали такой лозунг? — наставительно заметил собеседник. — Вы ведь не только сей текст желаете, а? Вижу — не только. А жилищные условия небось — не ахти?

Тут странный ученый попал в самую точку. Жилищные условия у Степана, как у всякого настоящего советского интеллигента, были не ахти. Однокомнатная хрущевка.

— Извольте видеть — наберете вы у нас сотню текстов, другую, третью — а куда девать? А вот куда: можно снести в макулатуру. А можно для обслуживания, не считите за цинизм, определенных физиологических потребностей организма. Бумага соответствует стандарту туалетной, краска не содержит свинца и вредных примесей, а как раз напротив. А государству экономия выходит. Большая экономия, любезный мой друг.

— А вот если Казанцев, «Фазты»?..

— Как же не быть? Есть!

— А что еще нового?

— Гансовский, Ларионова, Де Спиллер, Тупицын, Медведев, Альтов, Войскунский с Лукодяновым, свежий перевод западный — «Саргассы в Космосе», — монотонно произнес ученый.

— Эх! — Степан решительно подчеркнул «бессмертную душу», в самом деле, что за наваждение. — Давай-те, давайте, давайте...

Затрещала пулеметом пишмашинка, загудел гроб в углу, засветилось оконце.

— Спасибо вам, Степан, — с чувством произнес ученый. — Вы нам очень помогли. Вы не представляете, сколько развелось у нас графоманов! А теперь все наладится. Вот понравится вам писатель — вы ведь непременно купите его книгу в магазине?

Степан кивнул несколько неуверенно.

— Вот видите! И другие сознательные советские читатели, уверен, поступят точно так же! А ежели писатель, к примеру — ничто, так после свободного распространения никто и покупать не станет. А раз так, то и издавать такого не след. Между тем, какие печатные площади занаряжены! И бумага расходуется, и типографские мощности, и труд редакторов и корректоров и многих других людей — все зря. И гонорары эти бездельники получают, ох, немалые, мне уж вы поверьте, Степан. Колоссальная экономия для страны! Вы знаете, какое сейчас международное положение! Каждая копейка на счету!

Произнося пламенные речи, Михаил Афанасьевич как-то незаметно переместился за перфоратор, с треском набил с десятков перфокарт и опустил их в загрузочный лоток ЭВМ. ЕС-1020 одобрительно загудела, ожили индикаторы на панелях...

Степан не очень-то прислушивался к речам Михаила Афанасьевича. Он трамбовал портфель. Наконец не без труда защелкнул замок и устремился к выходу.

— До скорой встречи! — раздалось вослед.

В вестибюле уже переминались в нетерпении трое новых посетителей. Степан мазнул по ним взором, загрохотал вниз по лестнице, бережно, словно младенца, прижимая к груди переполненный портфель.

Нехороший какой-то червяк, мохнатый и скользкий, ворочался все ж в груди интеллигента, но предстоящее пиршество духа перевесило сомнения.

Целый месяц Степан провел в интеллектуальном запое. Едва дождавшись свежего номера «Книжного обозрения», хватал его и мчался в НИИ СРИ, где немедленно получал распечатки желанных новинок и неизменно — старенького, до чего не успел дотянуться в свое время. Взял привычку таскать на работу в свой НИИ, где просиживал штаны на должности младшего инженера, пухлые распечатки и сперва тайком, а потом уж и в открытую — не он один же, весь отдел — читал.

Несколько раз звонили из книжных — предлагали дефицитные новинки, он только отмахивался, мол, спасибо, зайду непременно, потом, занят. Потому как новинку эту как раз и читал. Даже святая святых — субботний книжный рынок, что происходил в Центральном парке культуры и отдыха имени товарища Кирова, — и то не посещал.

Правда, выходили и досадные осечки. Как-то раз заинтересовался у Михаила Афанасьевича, не знает ли он такой книги Гроссмана «Жизнь и судьба».

— Непременно знаю, голубчик Степан! — живо отозвался тот. — Да только не книгу, а рукопись.

Степан покосился на гроб с окошком и осторожно заинтересовался.

— Говорят, ее того... уничтожили?

— Эк вы хватили! Рукопись не уничтожишь.

— А...

— Нельзя. Мы распространяем только официально изданные книги.

«Вот же дурак, — подумалось Степе, — упекут в диссиденты, охнуть не успею».

— А тогда выдайте мне «Малую землю», «Целину» и «Возрождение»! — брякнул он первое, что пришло на ум, дабы укрепить свою политическую благонадежность.

— И это совершенно невозможно. С одной стороны, текст и так свободно распространен, с другой — мы занимаемся только художественной литературой, а не мемуаристикой.

Михаил Афанасьевич виновато развел руками, и Степан поспешил ретироваться, не без труда взвалив на спину рюкзак, набитый свободно распространенной информацией.

Однако, когда позвонила товаровед «Бригантины», славного книжного, где Степан выпас немало ценных книг, и сообщила, что завезли Булгакова, интеллигент дрогнул.

Он хорошо помнил эту книгу. Пару лет назад она прошла мимо него. Единственный — на весь миллионный N! — экземпляр закономерно угодил в руки негласного короля книжного рынка Валерки Дрибана. Невзирая на отчаянные мольбы Степы, Дрибан менять или продавать вожаденный том наотрез отказался — «ни за какие деньги, Степан! ни за какие деньги!» — даром что главной его страстью была книжная миниатюра. Единственное, чего достиг интеллигент, — разрешения взять на выходные дни, при условии покупки «Метаморфоз» Овидия за четвертак. «Античку», в отличие от «всемирки», Степан не собирал, но куда денешься? Согласился. Жадно проглотил и «Мастера...», и «Белую гвардию». Впрочем, «Метаморфозы» он сменял Сашке Беляеву, который как раз от «антички» таскился, на двухтомник Цветаевой, кой, в свою очередь, загнал на рынке безвестному любителю поэзии Серебряного века, заработав на всей этой многоходовке пятнадцать «рябчиков». А потом битую неделю до хрипоты они с Валеркой доказывали друг другу несо-

мненное превосходство Воланда над Христом и глубокомысленно рассуждали о Евангелиях. Которых, впрочем, ни тот ни другой не читал.

В «Бригантине» было как-то пусто и уныло. Товаровед Галина завела его в подсобку.

— По пятерке, — значительно произнесла она.

— Сколько? — голос Степана дрогнул.

— А сколько надо?

— Две можно?

— Угу.

— А... три?

— Ага.

— А... Шесть?

— Шесть — не. Всего пять завезли. Пять забираешь? Степа молча протянул четвертак.

В субботу он уже торчал на рынке, где тоже оказалось подозрительно тихо и уныло. В отличие от разместившихся неподалеку меломанов и торговцев радиоаппаратурой. Те традиционно взяли в кольцо дискотечную площадку, прозванную в народе «Зоопарком» за высокое неприступное ограждение. Снаружи от него, разумеется. Так легче рассредоточиваться при милицейских облавах. В отличие от книжников, меломанов шерстили часто.

Заметив фланирующего навстречу Гришу Дворникова, Степан выждал, когда тот поравняется с ним, и негромко произнес:

— Булгаков. За четвертак. Как тебе?

— Да никак, — с ленцой отвечивал Григорий. — Как раз читаю.

— Так это ж настоящий.

— А тот ненастоящий, что ли? Буквы, они все одинаковые — тридцать три штуки, брат, — Григорий приятно улыбнулся и двинул дальше.

Нехороший червяк не то что шевельнулся — ужом заскользил по внутренностям Степана.

Дальше он предлагал по двадцать, по десять, совсем отчаявшись — по пятерке — хоть свое вернуть. С тем же результатом. И бросился прочь — немедленно домой.

«Врешь, — думал он, — на слабо не возьмешь. Только бы Володька был не в плавании!»

Володька — одноклассник — ходил каким-то там помощником капитана на торговом судне и всегда привозил из плавания кучу заграничного шматъя, аппаратуры и прочих сувениров. А надо сказать, что увлечение книгами приучило жить скромного младшего инженера не то чтобы на широкую ногу, но ни в чем себе не отказывая. И тыщонка на сберкнижке заначена — вот и время пустить ее в дело.

Дрожащим пальцем интеллигент набрал номер Володиного телефона. На счастье, одноклассник отозвался.

— Слышь, друг, — как можно небрежнее произнес Степа, — как там у тебя с этим... ну, понимаешь...

— Ну, понимаю, — усталым баритоном отозвался Володя.

— Я бы прикупил... так, на тыщонку. Джинсы, агрегатов музыкальных... по разумной цене.

— Ага. Щаз, — обрадовал друг детства. — Уже ковырнадцатый в очереди. Все вымели дочиста. А ты мне про цены.

— Так, а когда позвонить?

— Через полгода. Уходим через месяц, идем в Рио, потом в Гонолулу... короче, по морям, по волнам. Тебе, как старому корешу, может, без очереди и подкину, только за цены разговору не будет. Сколько скажу, столько скажу.

Степан поступил как настоящий советский интеллигент. С горя напился, а поутру, поправив здоровье бутылкой «Рижского», поперся в НИИ СРИ. Невзирая

на воскресный день. Как-то он этот факт упустил из виду.

От крыльца НИИ, обдав Степана вихрем воздуха, стартовала машина «Скорой». Впрочем, без «мигалки» и сирены.

«Я ему, гаду, покажу! — распаял себя Степа, вздымаясь по винтовой лестнице. — Я его, гада...» Впрочем, что именно «ему» и «его», на ум так и не шло.

Михаил Афанасьич встретил гостя неизменно вежливой улыбкой и всезнающим взглядом. Только был сегодня в этом взгляде некий лукавый прищур.

— Что ж в неурочное время, дорогой Степан? Интеллектуальный голод?

Степа решительно двинул к себе стул и решительно на него взгромоздился. После чего решимость куда-то улетучилась. Осталась пустота. Звонящая, как одинокий комар в темной комнате.

— А у нас хорошие новости, Степан! — с несвойственной ему живостью принялся рассказывать вдруг ученый. — Мы расширяемся. Открыли в городе еще три филиала. Отбою нет от желающих — не справляемся! Там, — Михаил Афанасьевич значительно указал на потолок, — эксперимент признали успешным. Вот, извольте полюбопытствовать, передовую технологию внедрили: WC-books.

Последнее было сказано с иноземным акцентом, отчего Степан встрепенулся и переспросил:

— Виси — чего?

— Да гляньте! — Михаил Афанасьевич пробежался по клавиатуре, вскочил, выхватил из «гроба» распечатку.

Распечатка была особая: клееная толстая брошюра без обложки. На бархатной желтой бумаге ярко-синими буквами оттиснуто: «Виктор Астафьев. Прокляты и убиты». И у «корешка» — четкий пунктир перфорации.

— WC — от английского «ватерклозет», туалет, простите. Туалетная книга. Очень удобно и практично. Ставите книгу в кабинке, идете по естественной необходимости, отрываете страничку, — Михаил Афанасьевич ловко оторвал первый лист по перфорации, читаете, утилизируете... э-э... по назначению. Бумага, извольте видеть, с отдушкой, краска не содержит свинца и вредных примесей. Впрочем, об этом я вам, кажется, еще при знакомстве сообщал. Огромная экономия народному хозяйству и конец дефицита туалетной бумаги! Да и пункты приема макулатуры уже не справляются, невзирая на принятые изменения...

— Что?! — сипло выдохнул Степан. — Хотите, чтобы я... чтобы этим? Да будьте вы прокляты!

Он ринулся вон под равнодушное и негромкое:

— Мы давно прокляты, дорогой мой человечек...

Дома Степан долго созерцал крепостной вал распечаток, выстроившийся у батареи до уровня подоконника.

«Гадость... гадость... Что там он толковал про макулатуру? Прочь все это из дому! Завтра же!»

Наутро он вызвал такси и, забив до отказа багажник и заднее сиденье «Волги», отправился в ближайший пункт приема макулатуры. Вопреки ожиданиям, водитель не возмущался и не задавал вопросов. «Не впервой», — дошло до интеллигента.

На пункте творился ад кромешный. Очередь змеилась по всему двору и выплескивалась на бульвар. Степану выдали здоровенную тачку, куда он с трудом разместил распечатки. Отстоял часа три. В очереди обсуждали странное: хватит ли талонов на икру и импортный кофе. Наконец выгрузил ненавистную бумагу на весы.

— Пятьдесят семь кило, — равнодушно сообщила приемщица. — Остались талоны на сервелат, балык и майонез. Что берем?

— А... книги?

Приемщица глянула жалостливо.

— По первой, что ль? Книги эвона когда отменили. Выходит тебе один балык, или три сервелата, или десять банок майонезу. Давай, вон, за тобой еще скока.

— Балык давайте, — зло процедил Степан.

Приемщица ловко откroила ножницами от бумажной простыни квадратик.

— Небось и где отоварить не знаешь? На вот список, где отделы.

Степан совершенно бездумно принял квадратик с надписью «балык 1 шт.» и бумажку со списком гастрономов.

Еще месяц интеллигент занимался важными делами. Он пил горькую и покупал книги. Настоящие, бумажные. Книги теперь в продаже наличествовали любые. Тысяча со сберкнижки неумолимо таяла. О том, что будет, когда деньги кончатся, он не думал. Что-нибудь да будет.

Однажды в сто тридцатом книжном, пустынном, как Куликово поле после битвы, он повстречал грустного Дрибана. Тот рассеянно листал очередной новый том «всемирки».

— Покупаешь? — спросил Дрибан.

— Покупаю, — ответил Степан.

— И я покупаю. Дурак. Надо было художественные альбомы собирать. Цветные. Сейчас за Босха сто пятьдесят по-прежнему дают. Их-то не копируют.

— А кто еще покупает? — голос Степы дрогнул.

— Да есть... пара-тройка...

Дрибан скривился, подхватил томик и двинул к кассе. А Степан — в НИИ СРИ.

И снова «Скорая» — только теперь подъезжала — с воем и мигалкой. Степан задержался в вестибюле, пропустил бригаду врачей с носилками, присел на стуле подле вахты.

— Щас свеженького вынесут, — доверительно сообщил знакомый лишай. — И носят и носят.

— Кого? — тупо спросил интеллигент.

Он перед походом изрядно поддал для храбрости.

— Жмура, когой. Вахромей Силыч матом матюгается, ан низя — сверьху сказали: надыть. Эх... Крайнего разу девка была. Белая, как шла к нему, — лишай смачно подчеркнул «к нему», — нюни распустила, шнобель красный, зенки мокрые, а — красивая. Титьки малые, крепкие, я такое полюблял, как молодой был, и хвасад шо надо. Жа-алко...

Лишай мечтательно вздохнул.

Степану отчего-то представилось, как неудобно тянуть на носилках по винтовой лестнице мертвое тело. Отрешенно так подумалось, словно и не его это мысль была, а пришла откуда-то, да и влезла в голову. Да вот хотя б от лишая передалась.

Бригада вскоре и впрямь вынесла носилки. Лицо лежавшего на них было закрыто.

— Инхваркт? — крикнул вслед лишай.

— Инсульт, — не оборачиваясь, бросил на ходу врач.

Степан посозерцал, как переваливают груз через «вертушку»; и двинул коридором.

Вахтер смотрел вослед масляным, умильным взглядом.

Все так же светилась табличка «Добро пожаловать», а внутри — все так же неприятно мигала полуисправная газоразрядка. И сидел за столом Михаил Афанасьевич, и изучал, вооружившись моноклем, какие-то бумаги. Посетителя, вопреки обыкновению, даже не удостоил взглядом.

— Скажите правду, — взял быка за рога Степан, — вы ведь тот самый Михаил Афанасьевич? Правда? Тогда зачем?

— Что вы такое несете, — не отрываясь от бумаг, негромко ответил тот. — От тела настоящего Михаила Афанасьевича давно одни кости остались, и те... А за чем... — собеседник сделал неопределенный жест. — Своего рода шутка.

— От тела, значит?! А душа небось в раю! — запальчиво выдал Степа.

Собеседник на миг оторвался от бумаг, бровь его дрогнула.

— Помилуйте, Степан. Вы же читали книгу. Он удивительно точно предсказал свою судьбу.

— Так я и говорю — в раю!

— Вы идиот, друг мой. Впрочем, утешьтесь — вы не одиноки.

— Сами вы...

Мысли разбегались, то, что он пришел сказать, уплывало, как обмылок, утекало, вот-вот и забудется.

— Да. Нет. Вот! У вас ничего не выйдет! Мы все равно будем покупать книги! Нас много! Не дождетесь!

— Дождемся, Степан. — Голос собеседника сделался совсем бесцветным. — Поверьте, дождемся. Посудите сами. Времени у нас — вечность. А человек смертен. К тому же — внезапно смертен. Да и образ жизни вы ведете в последнее время, насколько мне известно, нездоровый. Впрочем, это несущественно. Пусть вас десяток здесь, в этом городе. Да хотя бы и сотня. А тираж писателю надобно продать. Писатель тоже человек, он кушать привык. Сытно кушать, Степан. Кто ж его издавать станет, ежели из всего тиража разойдется, положим, даже тысяча?

— А Стругацкие?

— А что Стругацкие? Умные люди. В отличие от многих, не стали писать петиции в ЦК и Верховный Совет, а занялись делом. Борис вернулся в Пулковскую обсерваторию, он снова звездный астроном, а Аркадий — переводчик в бюро технических переводов. Рассудите

здраво — кто важнее для народного хозяйства: хороший звездный астроном и технический переводчик или никому не нужные писатели?

Степан задохнулся от возмущения, не в силах вымолвить и слова.

— Ведь какие печатные площади были занаряжены, а вот — высвободились. Сколько всяких редакторов-корректоров-верстальщиков и иных прочих теперь занимаются важным, полезным для страны делом! В условиях сложной мировой обстановки это необходимо, дорогой Степан!

— Я понял! Хватит! Зачем? Я хочу знать!

Михаил Афанасьевич снова оторвал взгляд от бумаг. В неверном освещении жутковато блеснул его монокль.

— Вы и вправду этого хотите? Впрочем, не отвечайте, я вижу. Видите ли... Мы испытываем острую нехватку в интеллигентах.

— Как это?

Собеседник позволил себе усмешку.

— Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты теплохладен, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст Моих...

— Я не понимаю...

— Болтаетесь вы, как дерьмо, простите, в проруби. Ни вверх, ни вниз. Почиститесь — и на новый круг перевоплощения. Раньше на светских балах да раутах разглагольствовали, потом в помещичьих усадьбах, теперь — извольте — на кухнях. Вижу, хотите спросить: зачем в аду интеллигенты? А вот это в свое время и узнаете. Если готовы — извольте.

Михаил Афанасьевич скользнул к малозаметному изделию в дальнем углу — жестяной койке с откинутым на всю ее длину полуцилиндрическим прозрачным колпаком.

— Все безболезненно, а диагноз выбирайте.

«Инхваркт».

— Не дождетесь, — мрачно процедил Степан.

— Договор, договор, — промурлыкал собеседник. — Что ж. Не смею задерживать. До скорого свидания, Степан.

Изрыгая бессвязную ругань, интеллигент ссыпался по лестнице, свирепо глянул на вахтера — ага, недоумеваешь, сволочь. Ждал, упыряка, очередного вызова «Скорой». Не дождетесь!

На улице хлестал ливень. Степан шёл, подставляя лицо под струи дождя, и думал о том, что будет и дальше покупать книги. Что надо объединиться и открыть общество любителей книг. Валерка — председатель, он — заместитель. Расширить до всесоюзного масштаба. Восстановить равновесие. Одолеть гада.

Вот только отчего Булгаков не в раю?

По пути зашел в гастроном и взял три бутылки водки.

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

ПИСАРНЯ ГОСПОДИНА ЗАВИРАЙЛО-ОХЛОБАНА

Закрыв дверь за последним посетителем, Лексан Паных уселся за рабочий стол и мрачно уставился в ступившиеся за окном сумерки. Вот опять начинается *это*. Уже который вечер его душу бередают непонятные, незнакомые ему чувства. Они вызывают тянущее беспокойство и какую-то смутную потребность, отказывающуюся принимать четкие формы. В воображении возникают странные картины толстых черных котов в пенсне, наглых рыжих девиц в кокетливых фартучках и

двух глаз, одного с золотою искрой, сверлящего до дна души, и другого — пустого и черного, как выход в бездонный колодец.

Поглядев некоторое время на собственное отражение в мутном стекле окна, усталый лекарь-амуролог вздохнул и, не умея по-другому справляться с этим (и, положив руку на сердце, любим другим) беспокойством, достал из стеклянного шкафа в углу графинчик медицинского спирта.

Знает ли кто, откуда берутся идеи?

Нам известны только люди, воплощающие идеи в жизнь. Дедал и Икар создали крылья, Гутенберг — печатный станок, Белл — телефон, а Оргинер — абсент. Но откуда к ним пришли эти идеи? И почему — именно к ним?

Только сами идеи знают, откуда они родом.

И только сами идеи могут объяснить, почему они выбирают того или иного человека.

Бывшая швея Мариана Остич, а для друзей просто Маша, не очень понимала, что случилось. В один момент она прилежно переписывала нудный трактат какого-то штабного полковника «О нюансах военных подкопов в мирный период», в другой — вдруг обнаружила, что свеча давно догорела, за окном — рассвет, а на столе перед ней — целая стопка исписанных страниц, но — о, ужас! — это вовсе не нудные «Нюансы».

— Только не это! — испуганно воскликнула Маша. Владелец писарни и солидного носа господин Завирайло-Охлобан еще как бы и не принял ее на работу.

— Женщины не могут быть хорошими писцами, — важно изрек он.

Но все-таки поддался на уговоры девушки и согласился взять Машу копировщицей, если она докажет, что у нее и впрямь хороший почерк и что переписывает она действительно так быстро, как утверждает. Протянул ей трактат и сказал:

— Если справишься до завтра, работа твоя.

Маша без колебаний согласилась. Впереди — весь вечер и вся ночь, она быстро пишет. Она успеет.

И вот вместо копии трактата перед ней текст, не имеющий ничего общего с военными подкопами; на испи-санных ее почерком листах разворачивалась какая-то странная история о сумасшедшем патологоанатоме, сшившем из частей разных трупов человека, которого оживил удар молнии. И было это создание так безобразно, что патологоанатом в ужасе бежал из города. А сшитый им человек пустился вслед за своим создателем...

Маша очнулась, только дочитав последнюю страницу, и в отчаянии закрыла лицо руками — что она делает? Уже через полчаса господин Завирайло-Охлобан ждет копию «Нюансов», а она, вместо того, чтобы попытаться наверстать упущенное, читает непонятно откуда взявшуюся историю!

Девушка собрала скопированные страницы трактата и покачала головой: пачка настолько тонкая, что сразу видно — здесь едва ли четверть работы. Ну, вот и все, конец ее так и не начавшейся карьеры копировщицы.

А что, если...

Движимая внезапным порывом, Маша взяла страницы с неизвестно откуда взявшейся историей про ожившего мертвеца и положила под листы с текстом «Нюансов». Теперь стопка смотрелась солидно, как раз такого же объема, что и трактат. Возможно, господин Завирайло-Охлобан проверит только первые страницы и удовлетворится этим. И даст-таки ей работу. А уж там она его не подведет.

Если бы идеи могли говорить с людьми, возможно, они рассказали бы о том, что бок о бок с нашей реальностью существует невидимый мир бесчисленных идей, главная и единственная цель существования которых — дожидаться, когда откроется дверь между двумя мирами, и пройти через нее, чтобы поселиться в голове у выбранного ими человека.

И не будет покоя человеку, в голове которого поселилась идея, до тех пор, пока он не воплотит ее в жизнь.

Лексан Паныч выглянул в коридор. Все, на сегодня пациентов больше нет.

Лекарь-амуролог прикрыл дверь и вздрогнул — посреди кабинета покачивалась в воздухе слегка прозрачная наглая рыжая девица из тревожащих его видений.

«Допился», — подумал Лексан Паныч и бросился к шкафчику с медицинским спиртом, не размышляя о том, что собирается лечить болезнь тем самым средством, что ее вызвало. Достал бутыль, дохнул в граненую стопочку.

Поднял глаза. Слегка прозрачная девица по-прежнему парила в воздухе, нагло глядя на лекаря-амуролога. Почему-то почувствовав себя крайне неловко, Лексан Паныч достал вторую стопочку и взялся за бутыль.

— Это водка? — спросила вдруг девица.

— Помилуйте! Разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт! — возмутился лекарь-амуролог и вдруг застыл, подумав — а фраза-то получилась хороша! Повинуясь внезапному порыву, он подвинул к себе чистый лист и записал ее...

Раннее утро и рассерженная жена застали Лексана Паныча в рабочем кабинете лекарни за стопкой исписанных листов.

Готовая закатить пьющей скотине скандал, супруга лекаря-амуролога с удивлением наблюдала за мужем, вдохновенно водившим пером по бумаге и время от вре-

мени восклицавшим что-то вроде: «Урежьте марш!» или «Да, да, плащ непременно с кровавым подбоем!»

Жену Лексан Паныч не замечал.

Рядом со стопкой исписанных страниц стояла непоcháтая бутылка медицинского спирта.

Господин Завирайло-Охлобан, поджав губы, придирчиво рассмотрел первые несколько страниц трактата, потом отодвинул стопку листов в сторону и коротко кивнул Маше:

— Второй стол у окна слева.

Девушка просияла — ура, ее взяли! Теперь она — копировщица!

Про то, что под какими-то двадцатью страницами текста «Нюансов» лежали листы с историей про ожившего мертвеца, Маша на радостях просто позабыла.

Как узнать, что это — настоящая любовь? — испокон веков допытываются люди.

Как понять, что этот автор — твой? — от начала времен вопрошают книги.

И ни люди, ни книги не могут найти ответа до тех пор, пока не встречаются того самого, любимого и единственного, с которым готовы провести всю оставшуюся жизнь. И только тогда они ясно и отчетливо понимают: вот она — настоящая любовь, вот он — мой автор.

А бывает, что ни люди, ни книги так и не находят свою половину. Сходятся с кем-то, притираются, живут, как умеют. И мечтают о чуде, которое для них так и не произошло.

Взъерошенный секретарь ворвался в кабинет господина Завирайло-Охлобана и принялся возбужденно махать руками. Как ни старалась сидевшая за столом у

окна Маша, она не сумела расслышать ни слова, хотя ей и было очень любопытно.

Вздыхнув, девушка вернулась к работе — переписыванию монографии «Изысканные рецепты лечения поврежденной лодыжки».

— Мариана! — вдруг услышала она грозный окрик. — Немедленно в мой кабинет!

Оказавшись перед столом господина Завирайло-Охlobана, девушка сразу же увидела, что перед ним лежит ее копия трактата «О нюансах военных подкопов в мирный период», та самая, в которую она подложила историю об ожившем мертвеце для объема.

«Вот и вскрылся мой обман», — печально подумала Маша и попрощалась с только что обретенной работой.

— Пришел заказ на еще двадцать копий, — с явным недоумением в голосе заявил господин Завирайло-Охlobан и как-то растерянно добавил: — Почерк им, что ли, твой понравился? В общем, бросай все, что делаешь, и начинай работать над копиями.

Девушка машинально приняла протянутый ей трактат и прикусила нижнюю губу, размышляя, как ей быть. Признаться?

— Господин Завирайло-Охlobан, — осторожно спросила она, — Мне что, вот прямо вот с этого самого трактата копии делать?

— Ну, а с какого же еще?

— Да, действительно, — пробормотала Маша и направилась к своему столу. Так что же, ей и впрямь переписывать ту историю про ожившего мертвеца?

— Двадцать копий, вы только подумайте! И вот за эту ахинею? Ничего не понимаю, — доносилось ей вслед бормотание господина Завирайло-Охlobана.

Хроники бросился к двери в реальность, как только услышал, что она открылась. Но, разумеется, не он один был такой умный — перед дверью уже собралась

огромная очередь. Хроники разочарованно вздохнул и — делать нечего — пристроился в хвост.

Желающие пройти в реальность прибывали с немислимой скоростью; толпа разрасталась на глазах. Ожидание обещало быть долгим.

— Не знаете, много уже через дверь прошло? — раздался позади чей-то голос, и Хроники обернулся. За ним пристроился какой-то приключения.

— Да я даже не знаю, сам буквально пару минут назад подошел.

— Немного, — вмешалась стоявшая перед ними подростковая книга. — Пара классиков, кто-то из фантастики, детектив и, представляете, одна эротика пролезла! Ах, да, и еще один из этих... — она неопределенно взмахнула рукой и закончила с оттенком брезгливости: — Ну, знаете, смешанного жанра.

Хроники не относил себя к поборникам чистоты жанра, но решил не комментировать.

— Имя у него еще гурацкое, то ли Создатель-и-Мегги, то ли Творец-и-Марго, — продолжила подростковая книга голосом, исполненным такого презрения, что Хроники не выдержал:

— А вас саму-то как зовут?

— Мальчик-Волшебник-и-Магический-Камень, — гордо ответила подростковая книга и важно добавила: — Помните мое слово, когда я попаду в реальность, я произведу там фурор.

Хроники оценивающе оглядел собеседницу, отметил самый обычный конфликт и ничем не выдающуюся культуминацию и подумал, что рассчитывать на фурор со столь заурядной внешностью несколько самоуверенно. Но промолчал.

— Скажите, а вы уже нашли своего автора? — вдруг спросил у него приключения.

— Есть у меня на примете пара человек, — уклончиво ответил Хроники, хотя автора приглядел себе уже

давно. Но ведь не будешь же о таком личном — и первому встречному.

— А я вот пока не определился, — вздохнул приключенца. — Кстати, меня зовут Последний-из-Индейцев.

— Хроники-не-родившегося-мира... И не переживайте, вы еще успеете найти своего автора, время, судя по всему, есть, — приободрил Хроники, указывая на гигантскую очередь.

— А как вы поняли, что выбранный вами человек — именно ваш автор? — продолжал расспросы приключенца.

Хроники задумался и пришел к выводу, что есть некоторые вещи, которые просто невозможно облечь в слова так, чтобы передать всю суть и всю глубину... Какая прония: у книги — и нет слов.

— Вы когда-нибудь влюблялись? — спросил он наконец у Последнего-из-Индейцев и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Это в чем-то похоже. Пока ты не нашел своего автора, ты гадаешь, он это или не он. Смотришь на его словарный запас, оцениваешь воображение, отмечаешь уровень креативности, трудолюбие и упорство, измеряешь образность мышления, взвешиваешь восприимчивость к вдохновению. И все продолжаешь оценивать и гадать, потому что не уверен. А когда находишь своего автора, на тебя словно снисходит знание: это — он.

— А если ошибешься? — отчего-то шепотом спросил Последний-из-Индейцев. — Если ошибешься и уйдешь не к тому автору — что тогда?

— Не знаю, — честно ответил Хроники. — И надеюсь никогда не узнать.

Отличающийся нахальными манерами и прыщами на лице юный гувернер Станька, а для школяров — Стантин Ксаныч Бысь всерьез беспокоился за свое душевное

здоровье. Последние несколько дней с ним приключилось сразу несколько странных приступов: на некоторое время он словно терял сознание, а когда приходил в себя, обнаруживал, что перед ним лежат исписанные его почерком листы бумаги.

Болезнь прогрессировала — если во время припадков под рукой не оказывалось бумаги, то гувернер исписывал салфетки, бумажные обои, скатерти и даже собственную левую руку.

Написанное во время приступов приводило Станьку одновременно в восхищение и ужас. В восхищение, потому что ему очень нравились увлекательные истории о таинственных преступлениях и о блестящем сыскаре, раскрывающем их. В ужас, потому что в разгар самых напряженных расследований в тексте вдруг ни с того ни с сего появлялись чрезвычайно интимные сцены, например, «следы взлома были почти незаметны, и сыскарь, достав лупу, стиснул ее в страстных объятиях». Дальнейшие описания были столь подробными и красочными, что юный гувернер, имеющий, несмотря на нахальные манеры, сугубо теоретические познания о такого рода отношениях, неловко краснел и мучительно ерзал на стуле.

И истории про сыскаря, и смущающие Станьку интимные сцены были написаны его почерком, и ему оставалось только гадать, кто же управляет его рукой во время писарных приступов. Не иначе — демон. А скорее всего — даже два.

— Мариана, что это такое? — загромыхал над девушкой голос господина Завирайло-Охлобана.

Маша подняла взгляд и увидела в руках у владельца писарни последние две копии «Нюансов», которые она сдала только сегодня утром.

— Я спрашиваю, откуда там взялась эта история? — продолжал греметь владелец писарни, и сердце девушки ухнуло вниз. Ну, вот теперь точно все, ее обман раскрылся.

— Я не знаю, — со слезами в голосе ответила Маша. — Я переписывала «Нюансы», а потом вдруг — раз! — и я прихожу в себя, а передо мной исписанные моей рукой листы, а на них — эта история.

Господин Завирайло-Охлобан крепко задумался; над столом девушки сгустилась напряженная тишина. Вытерпев, сколько смогла, Маша не выдержала:

— Вы меня теперь уволите?

— Нам пришел заказ на целых двести копий «Нюансов», — невпопад ответил владелец писарни. — Они расходятся по городу с удивительной скоростью! И, поверь мне, девочка, — вдруг перешел он на проникновенный тон, — их заказывают не потому, что кому-то интересно читать про военные подкопы. Их заказывают из-за этой истории про мертвеца. Я уже приказал выкинуть первые двадцать страниц, тех, что из «Нюансов» — они ведь никому не нужны, и нанял полдюжины новых писарей-копировщиков, потому что, чует мое сердце, скоро нам поступят новые заказы.

Из всех рассуждений господина Завирайло-Охлобана Маша услышала только то, что он нанял шесть новых писарей, и поникла.

— Я больше не буду работать у вас копировщицей, да? — обреченно спросила она.

Владелец писарни отстраненно ответил:

— Нет, копировщицей ты больше не будешь, — и, заметив, как переменилась в лице девушка, добавил: — Мне нужно, чтобы ты сочинила новые истории. Такие, чтобы нам заказывали десятки и десятки копий. Это же золотая жила!

— Но я не знаю, как это произошло! — не на шутку перепугалась Маша. — Это просто случилось, я тут ни при чем! Я не смогу...

— Сможешь, — оборвал ее господин Завирайло-Ох-лобан. — Ты уже приманила одну книгу — сможешь приманить и другие.

Лексан Паныч забросил пациентов, регулярно забывал ужинать, а порой и возвращаться домой. Обеспокоенная жена с тревогой наблюдала за тем, как ее супруг либо запойно исписывает страницу за страницей, либо яростно комкает листы и разбрасывает их по комнате, приговаривая «Не то, все не то!».

Попытки отвлечь врача-амуролога от его одержимости ни к чему не приводили.

Когда-то искренне считавшая, что не может быть худшей напасти, чем пьянство, супруга Лексана Паныча начинала сомневаться в верности своего суждения.

Исписавший во время повторяющихся приступов все стены и простыни в своих комнатах, юный гувернер отчаялся найти помощь у лекарей и подался к экзорцисту, хоть молва и ославил его шарлатаном. Принес ему одну из написанных во время приступов историй, самую любимую, про окруженный болотами старинный замок и бродящий по нему призрак злой собаки, с неизменными неуместными сценами страсти — куда же без них? — и спросил:

— Что со мной?

— Я вижу дверь, открывшуюся в наш мир, — закатив глаза так, что стали видны только белки, загробным голосом затянул экзорцист. — И за дверью этой — несметное число духов под названием «книги», только и ждущих, как бы прорваться в наш мир и захватить

чьи-то души. Твоей душой завладело сразу двое, и они борются за тебя между собой, вот почему строки о сыскаре у тебя перемешиваются с... сам знаешь чем.

— И что же мне теперь делать? — не на шутку встревожился юный гувернер. — Вы можете этих духов изгнать?

— Зачем? — совершенно нормальным голосом ответил экзорцист, возвращая глаза в положенное им состояние.

— Что значит — зачем?

— Пользуйся ими!

— Как?

Экзорцист достал из-под стола рукопись, на титульной странице которой было старательно выведено: «Френки Штейн или история ожившего мертвеца». Ниже, более мелкими буквами: «Сочинено Марианой Остич», а под этой строчкой: «Скопировано в писарне многоуважаемого господина Завирайло-Охлобана».

— Неси все, что написал, в писарню господина Завирайло-Охлобана. Книгу про Френки Штейна уже раскупила сотня человек — ты хоть понимаешь, сколько роялти на этом заработал тот, кто сочинил и записал эту историю?

Экзорцист не знал, что заработал на Френки Штейне только господин Завирайло-Охлобан, а Мариана Остич и понятия не имела про роялти и получала жалованье простой копировщицы. Впрочем, справедливости ради стоит добавить, что про существование роялти не знал и господин Завирайло-Охлобан.

Станька же не знал, что Мариана Остич и господин Завирайло-Охлобан не знают про роялти, и потому его немедленно согрели мысли о деньгах, которые он получит за сто копий проданных книг. Сто копий! Это же можно будет навсегда уйти из гимназии и никогда больше не таскать за уши горластых непоседливых школяров!

— Только маленький совет, — продолжал тем временем экзорцист. — Раздели написанное в две разные рукописи. Ну, не идут они вместе, все эти восставшие жезлы и набухшие перси с сыскарями в болотах и прозрачными собаками.

Недовольство — опасная вещь. Именно из озвученного в нужном месте и в нужное время недовольства рождаются массовые беспорядки, восстания и революции.

Уже довольно давно Хроники слышал недовольный гомон где-то позади, но сейчас тот стал стремительно нарастать.

— *Дамские романы бунтуют,* — пояснила Мальчик-Волшебник, заметив обеспокоенность Хроники — *она как-то умудрялась всегда быть в курсе событий.*

— *Почему?*

— *Считают, что происходит жанровая дискриминация, и именно поэтому их задвинули так далеко в хвост очереди.*

— *Глупость какая! Никто их не задвигал, просто они позже пришли. Кто приходит последним, всегда встает в конец очереди. Все справедливо.*

— *Вот пойдй и попробуй им это объяснить,* — предложила Мальчик-Волшебник.

Хроники прекрасно понимал ее сарказм. Это только кажется, что все хотят одной справедливости для всех. А когда по справедливости ты вдруг оказываешься в самом конце, эта справедливость резко становится несправедливой, и ты требуешь себе другую справедливость. Ту, которая поставит первым тебя.

— *А чего они хотят?*

— *Чтобы их пропустили вне очереди, конечно.*

Господин Завирайло-Охлобан довольно потирал руки — таких доходов писарня еще никогда не видела!

Чтобы справиться с потоком заказов на ожившего мертвеца, владелец писарни придумал хитрую вещь — подкладывал между двумя страницами тонкие вошечные листы, натертые углем. Писарь водил пером по верхней странице, а через угольный листок отпечаток текста появлялся на нижней, и копирование шло в два раза быстрее. Угольная копия, конечно, была качеством хуже, и приходилось продавать ее дешевле, но, что интересно, разбирали их даже скорее хороших.

За последнюю неделю в писарне заказали еще три сотни копий Френки Штейна, и господин Завирайло-Охлобан был абсолютно счастлив. Однако он прекрасно понимал, что эксплуатировать историю про ожившего мертвеца до бесконечности не удастся. Это все равно что театральной труппе показывать одно и то же представление. Как ни хорош спектакль, рано или поздно он надоест, и зритель запросит что-то новенькое.

Потому школярного гувернера с юношескими прыщами, нахальными манерами и заявлением, что у него есть рукопись, владелец писарни принял с распростертыми объятиями.

— Отлично, отлично, — приговаривал он, изучая истории про гениального сыскаря. Потом голодным взглядом уставился на сумку в руках у гувернера: — А, может, у вас еще что есть?

Гувернер вдруг покраснел от смущения и, помявшись, достал из сумки вторую рукопись.

Пробежав глазами первые несколько страниц, покраснел уже господин Завирайло-Охлобан. Но не из-за смущения, а по иной причине. Вытер мигмом вспотевший лоб и, натужно дыша, сообщил:

— Полагаю, и это нам подойдет.

Мысли владельца писарни пустились в галоп.

«Надо как-то еще ускорить копирование. Может, подкладывать две угольные страницы между тремя листами и наказывать копировщикам сильнее давить пером?»

Тогда будет сразу три копии. А копии нам очень нужны — на эту любопытную книгу спрос пойдет на сотни, тут даже двумя дюжинами писцов не обойдешься. И нужно придумать другое имя для автора. Броское, таинственное и заграничное. Например, «Запретный сад сераля», сочинил барон во Хамм...»

Громкое покашливание привело господина Завирайло-Охлобана в себя. Увлечшийся размышлениями, он с некоторым изумлением осознал, что перед ним по-прежнему сидит прыщавый гувернер и чего-то ждет.

— Ну, чего тебе еще?

— Как насчет роялти? — нагло осведомился юноша.

— А что это такое? — подозрительно нахмурился господин Завирайло-Охлобан. Почему-то он не был уверен, что ответ ему понравится.

И чем дольше разъяснял понятие «роялти» гувернер, тем больше владелец писарни убеждался в правоте своего подозрения.

— Сорок процентов с первых ста копий и по двадцать пять со всех остальных, — уверенно закончил прыщавый гувернер и добавил, словно почуяв сомнения господина Завирайло-Охлобана: — Или я забираю свои рукописи и несуч частным писарям.

И владелец писарни сдался.

К громко возмущающимся вульгарным эротическим романам, жеманно называвшим себя дамскими, примкнули потрепанные детективы и brutальные однотипные боевики. Вид у них был решительный и агрессивный.

Напряжение достигло той точки, когда взрыв стал неизбежностью. Хроники ожидал его с минуты на минуту.

И взрыв случился — от эпицентра волнений отделилась небольшая группа дамских романов в окружении де-

тективов и боевиков и рванула на штурм двери, силой распахивая стоявших перед ними.

Послушно дожигавшиеся своей очереди книги, как и все воспитанные и интеллигентные существа, оказались полностью беспомощны перед хамством. Штурмовая группа прошла сквозь плотную очередь, как стрела сквозь стог сена. Вломилась в дверь, ведущую в реальность, — и исчезла.

Несколько долгих вечеров Маша беспокойно вышагивала по своей каморке, мучительно размышляя над тем, как же приманивать книги. Девушка пыталась повторять все, что делала той ночью, когда у нее написались история про мертвеца, — садилась за стол, разжигала свечу и принималась копировать «Нюансы». Не помогло.

И вот однажды, после очередного бесконечного дня обвиняющих взглядов господина Завирайло-Охлобана, так и вопрошающих «Ну, где она, новая история?», это просто случилось.

Когда девушка очнулась, она увидела, что перед ней лежит сразу несколько стопок листов с интригующими названиями: «Убийство в ночи», «Пропавший покойник» и «Скелет в шкафу».

Обрадованная Маша принялась знакомиться с плодами своего писарного приступа. «Убийство» она прочитала с интересом, «Покойника» — с некоторым недоумением, «Скелет» — с растерянностью. Хотя все три истории рассказывали о разных преступлениях, Маше все три показались удивительно похожими друг на друга.

Девушка долго раздумывала над тем, стоит ли нести хоть что-то из этих трех рукописей в писарню. В итоге решила взять все, а там уж пусть господин Завирайло-Охлобан решает.

В кабинет господина Завирайло-Охлобана попасть удалось не сразу — под дверью стояли с полторы дюжины лиц самого разного пошиба, нервно мнущих рукописи в руках.

«Просто удивительно, сколько людей стали внезапно страдать писарными приступами!» — подумала Маша.

Когда очередь дошла до нее, господин Завирайло-Охлобан только краем глаза глянул на заглавия и бросил рукописи расторопно подхватившему их секретарю.

— Для начала — сто копий каждой. Да, и под другим именем. Что-нибудь более соответствующее названиям. Скажем, Инесса Роковая.

— Вы что же — даже читать не станете? — удивилась Маша.

— Когда бы мне читать? — буркнул владелец писарни. — Ты видела, сколько народу ко мне прет? И так — уже третью неделю! И все с рукописями! И какими! «Путешествия великана», «Тыща верст под водой», «Гордость и предвзятость», «Мир и война», «Звезданутые пришельцы»... Нет, милочка, у меня больше нет времени читать. Если я возьмусь читать, некому будет делать деньги... Все, иди, пиши дальше, думаю, эти твои истории будут неплохо расходиться. И вот тебе, — спохватился господин Завирайло-Охлобан и, порывшись в ящичке стола, достал небольшой кошелек. — Держи, — протянул он деньги Маше.

— Здесь куда больше, чем зарплата копировщицы, — растерянно проговорила девушка.

— Больше, — согласился владелец писарни и, чувствуя себя умным и щедрым благотворителем, добавил: — Это называется «роялти».

После прорыва группы эротических гамских романов, дешевых детективов и однотипных боевиков перед дверью в реальность воцарился сдержанный хаос.

Сдержанный — потому что некоторое время в очереди держалась видимость порядка, и в дверь проходили именно те, чей черед подошел. Хаос — потому что все чаще и чаще некоторые наглые книги прорывались без очереди.

Хроники только качал головой, глядя на этих грубиянов. Ни стиля, ни грации, ни понятий о правилах. Уважающей себя книге сначала полагается выбрать своего автора — настоящего и единственного. А эти? Прыг в первого попавшегося; похоже, им без разницы, лишь бы человек хоть самую малость владел грамотой — и вперед, скорее писаться. И что куда хуже — массово копироваться.

Увлекательные детективные истории про гениального сыскаря словно отрезало. Во время последних писарных приступов Станька писал лишь исключительно непристойные повествования, которые сотнями копировались в писарне господина Завирайло-Охлобана под именем барона во Хамма и расхватывались, словно горячие пирожки.

Появляющиеся из-под пера красочно-неприличные опусы обеспечивали стабильные роялти, но каждый раз, приходя в себя после приступа и с любопытством читая написанное, Станька в глубине души почему-то жалел, что к нему больше не приходят так понравившиеся ему истории про гениального сыскаря. И гадал, что бы ему такое сделать, чтобы снова их приманить.

— Э-эх, бестолочь! Ну, как есть бестолочь, — приговаривала жена Лексана Паныча, дочитывая очередную дешевую угольную копию из писарни господина Завирайло-Охлобана. — Вон сколько сочинителей развелось, и все копируются. Небось и денежки им за это

капают. А ты? Пишешь, пишешь — и все без толку! Допиши, что ли, уже хоть что-нибудь и пойдй сдай в писарню, мож, и будет какой прок от твоего бумагомарания. Или уж брось и вернись в лекарню — на что нам жить-то?

Безнадежно плененный образами двух разноцветных глаз, толстых черных котов и плащей с кровавым подбоем, Лексан Паныч только с досадой отмахивался от причитаний жены и лишь иногда отзывался:

— Ты не понимаешь, я должен найти только самые правильные образы! Одно неверное слово — и все испорчено. А она мне этого не простит.

— Она — это кто? — спрашивала жена.

— Моя книга, — с благоговением в голосе отвечал лекарь-амуролог и снова окунал перо в чернильницу.

Желающие познакомиться с сочинительницей ожившего мертвеца Марианой Остич навевались в писарню изредка, интересующиеся Инессой Роковой — регулярно, а уж возбужденные дамочки, жаждущие узнать хоть что-нибудь про таинственного барона во Хамма, просто-таки осаждали писарню и, в отсутствие сведений, сами выдумывали биографию загадочного заграничного сочинителя.

Такая популярность немного пугала Машу, льстила вынужденному пребывать инкогнито Станьке («Рожей ты не вышел на барона во Хамма», — откровенно пояснил ему владелец писарни, запрещая раскрывать личину таинственного барона) и немало раздражала господина Завирайло-Охлобана. Да, копирование книг стало приносить очень солидную прибыль, но теперь владельцу писарни денег было мало. Хотелось немного той славы, что доставалась прыщавому гувернеру или скромной Мариане. Хотелось заразиться писарней лихорадкой и тоже стать сочинителем.

Господин Завирайло-Охлобан не признался бы в этом ни единой живой душе, но он даже шаманил ночами, надеясь приманить к себе какую-нибудь книжонку. И будь она даже самой плохонькой, уж он-то сумел бы создать ей ажиотаж, ведь он, как-никак, владелец писарни, у него есть возможности.

Но книги к нему почему-то никак не шли.

Маша очнулась над очередной стопкой рукописей и просмотрела названия. «В гостях у каннибала», «Пропавшее наследство», «Украденный бриллиант».

Девушка быстро пробежала их глазами и поморщилась от отвращения. Опять одно и то же! Рукописи — словно копии своих предшественников, отличаются лишь несколько деталей.

Повинуясь внезапному порыву, Маша схватила все три пачки листов и бросила их в камин. Хватит! Если она и понесет в писарню какие-то истории, то не такие!

Хроники с обреченностью смирившегося с несправедливостью жизни наблюдал за тем, как очередная группа хамоватых детективов и вульгарных эротических романов, жеманно называвших себя дамскими, рванула к двери, снося на своем пути стоявшие в очереди книги.

Но в этот раз что-то пошло не так. Несколько дамских романов уже ввалились в дверь, как вдруг сразу несколько детективов резко затормозили и рванули назад, создавая в проходе самую настоящую кучу-малу.

В образовавшейся сумятице некоторое время ожесточенно толкались друг с другом недавние союзники, рвущиеся вперед дамские романы и сдающие назад детективы. В итоге пробка рассосалась.

А некоторое время спустя по очереди разнеслось ошеломляющее известие: детективы сдали назад, по-

тому что автор, которого они атакуют, начал их сжигать!

Услышав это, Хроники немедленно преисполнился благодарности и уважения к неизвестному автору.

— Мариана, я уже две недели от тебя ничего не видел, — обвиняюще заявил господин Завирайло-Охлобан, когда девушка зашла за положенными ей роялти.

Маша пожала плечами:

— Не приманивается.

— Жаль, — протянул владелец писарни, — Эти твои преступные истории очень хорошо покупаются. Как напишется новая — приноси.

— Обязательно, — соврала Маша.

На щедрые роялти, что приносил ему барон во Хамм, Станька снял роскошные меблированные номера в самом респектабельном отеле города. Он стал одеваться в лучших ателье, питаться в дорогих тавернах и разъезжать в модных каретах. И хотя, на его взгляд, прыщей у него не убавилось, видимо, он все-таки изменился внешне, и в лучшую сторону — иначе чем объяснить то, что на Станьку стали обращать внимание молодые девушки?

Бывшему гувернеру очень нравилась его новая жизнь. Станька надеялся, что с ней никогда не придется расставаться, а потому хотел лишь одного — чтобы эти непристойные книги, приносящие королевские роялти, продолжали к нему являться.

О том, что когда-то он испытывал сожаление, не находя после писарных приступов на своем столе увлекательные детективные истории про гениального сыскаря, Станька почти забыл.

Жена лекаря-амуролога дождалась, когда тот отлучится в уборную, и прокралась к столу в его кабинете. Все, хватит, так больше продолжаться не может! Уже несколько месяцев ее муж только и делает, что пишет словно одержимый. Она устала надеяться, что Лексан Паныч со дня на день отнесет свою историю в писарню господина Завирайло-Охлобану, и сотни угольных копий разойдутся по городу, а ее соседки будут с уважением провожать ее взглядами и шептаться меж собой с тайной завистью: «Жена сочинителя».

Собрав все исписанные листы, что были на столе, жена Лексана Паныча бросила их в горящий камин и с удовольствием наблюдала за тем, как огонь жадно поедает бумагу.

· Может, хоть теперь ее супруг вернется в лекарню принимать пациентов, и в доме снова появятся деньги.

Довольная содеянным, жена бывшего алкоголика, несостоявшегося сочинителя и, вероятно, вскоре снова практикующего лекаря-амуролога вышла из кабинета мужа.

Давно зреющее возмущение беспардонной наглостью тех книг, что перли без очереди, назрело и прорвалось. Последней каплей послужил очередной прорыв нескольких боевиков и дамских романов.

— Твари мы грожащие или право имеем? — возопил кто-то из классиков, и это словно послужило сигналом. Воспитанные, благопристойные, уважающие себя книги вмиг позабыли о своих манерах и, словно обезумевшие, разом рванули к двери.

Мощный поток сметал на своем пути все жанры и все виды, уносил и тех, кто давно присмотрел себе автора, и тех, кто его еще не нашел, и без сожаления давил сопротивляющихся и нерасторопных.

Хроники быстро сообразил, что он должен сделать, чтобы выжить, — отдаться на власть потока. Егохватило, закрутило и понесло, стремительно и неконтролируемо — никакой возможности выбраться.

Хроники несло вперед, к заветной двери, и он молился лишь о том, чтобы его не выкинуло в реальность слишком резко, иначе он рискует просто не успеть вселиться в своего автора.

Значительно разросшаяся писарня работала практически самостоятельно, как хорошо отлаженный организм, и впервые за долгое время у господина Завирайло-Охлобана появилось время почитать. Он вытащил наугад несколько рукописей, сваленных в тележку для продаж, и уселся в своем кабинете.

«Завоеватели звездных цитаделей» ему понравились, «Облава на цыплят» показалась приличной, но когда очередь дошла до «Проступка и возмездия», господин Завирайло-Охлобан потребовал к себе секретаря, а мгновение спустя трудящиеся в поте лица копировщицы услышали возмущенный вопль владельца писарни:

— Мы и это копируем?

— Да, — едва слышно прошептал секретарь.

— И что — это покупают?

— Покупают. Правда, не так хорошо, как другое.

— Раз не так, то и нечего на него ресурсы тратить!

— Но...

— Что — но? — нетерпеливо спросил господин Завирайло-Охлобан.

— Это же классика, — неуверенно отозвался секретарь. — Это же — о вечном...

— О вечном! — фыркнул владелец писарни. — Я не на вечном деньги делаю. — Бросил секретарю рукопись «Проступка и возмездия» и приказал: — Больше не копировать!

Придя в себя после очередного писарного приступа, Маша обреченно взглянула на рукопись. «Мануэло» — гласило название. Неужели — опять неотличимая от дюжины других преступная история? Неужели опять — жечь?

Нет, на этот раз все оказалось иначе. Маша с увлечением прочитала о девушке-цыганке с удивительным голосом, выступавшей в лучших музыкальных салонах, и о непростой истории ее любви. Удовлетворенно улыбнулась и понесла рукопись в писарню.

Господин Завирайло-Охлобан удивил ее тем, что на этот раз взялся рукопись читать.

— А то приносят тут всякую муть, — пояснил он, поймав недоуменный взгляд девушки. — Приходится проверять.

Дочитав, сморщил свой солидный нос и недовольно спросил:

— А что, преступных историй нет?

— Нет, — твердо ответила Маша.

— Ну, ладно, сойдет, — дал добро владелец писарни, и девушка с облегчением вздохнула: впервые после истории про ожившего мертвеца ей не будет стыдно за то, что копируется под ее именем.

То, чего Хроники боялся больше всего, случилось — поток книг несся с такой скоростью и силой, что увлеченного им Хроники приложило о косяк двери между мирами, и он на миг потерял сознание.

А когда очнулся, обнаружил, что он уже в реальности.

И не в своем единственном, предназначенном ему судьбой авторе, а в безграмотном золотаре, словарный запас которого едва ли достигал сотни слов, половина из которых — нецензурные.

Грандиозные события великих империй, высокие башни неприступных крепостей, бесчисленные штандарты

огромных армий, сложные интриги и зловещие козни, яркие подвиги и подлые предательства погибали, не получив ни малейшего шанса попасть на бумагу.

Если бы Хроники-не-рожденных-миров мог завывать как волк, он бы непременно взвыл. Но у него не было горла — у Хроники были только слова. Слова, которые некому было записать.

И бесконечное отчаяние погибающей книги вырвалось наружу негоуменным восклицанием насквозь пропахшего канализацией золотаря:

— Ягрений вошь, какого хна?

Жена лекаря-амуролога ожидала от супруга возмущений и криков, но в кабинете царила тишина, и она, не выдержав, на цыпочках подошла к двери и немного ее приоткрыла.

Лексан Паныч сидел за столом и сосредоточенно водил пером по странице. На углу стола лежала нетронутая стопка исписанных листов.

— Не может быть! — воскликнула пораженная супруга. — Я же сожгла твою рукопись!

Лексан Паныч поднял на жену пылающий неукротимым пожаром взгляд и тихо, но очень торжественно сказал:

— Она не горит.

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

100

100

100

«40 000 СМЕРТЕЙ БОРТПРОВОДНИКА ЖИВОВА»:

история чтения и перечитывания

 ой старший брат — собачник. Однажды он сказал мне: «Такая удача, как Родрик, выпадает один раз в жизни». Чтобы вы понимали, Родрик — силихем-терьер, маленькая бородатая скамейка с чубчиком. Разглядеть в ней совершенство — это надо постараться.

Я думаю, рассказ Потоцкого был моим Родриком. Но тогда, при первом знакомстве, я этого не понял. А сейчас уже слишком поздно.

Его текст впервые попался мне под горячую руку тридцать лет назад, на заре моей критической карьеры. В то время мы все ожесточенно спорили о смерти литературы. Это была уже третья или четвертая по счету ее смерть, точно не скажешь. В любом случае, мы все были на взводе, каждый по-своему и в своей области. Я тогда увлекался научной фантастикой — и не скупился на разгромные отзывы. Все, что я читал, меня бесило, казалось инфантильным и отсталым. Блистательные, заоблачные идеи упаковывались в старую как мир приключенческую обертку. Фантасты как будто жили в жанровом гетто и совершенно не замечали, чем дышит остальная литература, куда идет, что и где у нее чешется. (Наше тогдашнее настроение хорошо отражает придуманная в те годы система для сертификации фантастических рассказов «ЗА»: одна А — это Анахронизм, АА — Анахронизм и Атавизм, ААА — Анахронизм, Атавизм и просто Ад.) С другой стороны, происходящее в «большой литературе» нас тоже категорически не

устраивало. Постмодернизм должен был уступить место чему-то новому, но это новое все не приходило. А приходили вереницы экспериментальных, непропеченных текстов, беспомощных и напыщенных. Компьютерная литература, интерактивная литература, перепостмодернизм или что там еще — все казалось временным и поверхностным решением.

Попытка Потоцкого объединить искания большой литературы и научную фантастику вроде бы должна была меня воодушевить. Но я был вне себя от злости и поставил рассказу — стыдно сказать — одну звезду из пяти возможных. Мне показалось, что автор взял худшее из обоих направлений и смешал во взрывоопасных пропорциях.

«40 000 смертей бортпроводника Живова» — комбинаторный рассказ. Он состоит из 42 страниц, 42 фрагментов, разделенных на четыре группы. В первой и третьей группе — экспозиции и кульминации — по одному куску, так что выбирать не нужно. А вот во второй и четвертой группе — завязке и развязке — по 20 кусков, и тут открывается большой простор для маневра. Читатель должен проложить через этот лес свой маршрут. Самый короткий будет состоять из 4 фрагментов, самый длинный — из 42. В одном интервью Потоцкий на голубом глазу говорил, что изначально написал 40 000 текстов, в каждом из которых его главный герой трагически погибал, но потом выбрал один фрагмент из тысячи, чтобы сделать свой рассказ «хоть чуть-чуть читабельным». Кажется, интервьюер принял это за чистую монету.

Математическое замечание на полях: может показаться, что название рассказа вводит в заблуждение. Где же, спрашивается, 40 000, когда здесь всего-навсего 42 смерти? Но нельзя забывать о силе комбинаторики. Предположим, что под «смертью» в названии Потоцкий имел в виду множественную смерть борт-

проводника Живова (что это значит, станет понятно ниже из краткого пересказа), описанную всем рассказом. В таком случае, каждый читательский маршрут — это одна смерть. А таких маршрутов астрономически много. Кратчайших, 4-страничных — всего 400 (первую и третью категорию можно не считать, а во второй и четвертой нужно выбрать по одному фрагменту из 20, итого 20×20 вариантов). А вот длиннейших, 40-страничных траекторий (приготовьтесь) — 59 190 122 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000, или же $5,9190122 \times 10^{36}$, или же $\approx 6 \times 10^{36}$. Читается это как 6 андециллионов, или 6 квинтиллионов квинтиллионов, или 6 триллионов триллионов триллионов. Цифра получается так: чтобы найти количество перестановок из 20 элементов, нам нужен факториал 20-ти, что равно 2 432 902 008 176 640 000. (Подразумевается, что если вы сначала читаете 14-й фрагмент, а потом 15-й — это отличается от случая, когда вы сначала читаете 15-й, а потом 14-й.) Остается возвести полученную цифру в квадрат (так как для каждой из 2 432 902 008 176 640 000 завязок у нас есть 2 432 902 008 176 640 000 развязок), и мы получаем количество маршрутов. Ясно, что теперь осталось подсчитать число 19-, 18-, 17-страничных прочтений и так далее. Вычисления получаются довольно громоздкими, поэтому достаточно просто умножить имеющегося гиганта на 17. (Во всяком случае, так я сделал 30 лет назад, мотивировав это следующим образом: «20-страничные варианты намного разнообразнее всех остальных; 19-, 18-, 17-страничные и так далее вплоть до 4-страничных прочтений лишь немногим обогащают общее количество маршрутов»). И вот мы получаем слегка завышенную, зато изящную оценку в 100 триллионов триллионов триллионов. Так что, если бы Потоцкий хотел быть честным с читателем, рассказ следовало бы назвать: « $1,01 \times 10^{38}$ смертей бортпроводника Живова».

В той первой рецензии я сравнил рассказ с серией интерактивных книг под названием «Choose your own adventure» — «Выбери свое собственное приключение». Они были популярны в 1970-е годы в США. Читателю предлагалось самому выбирать, в каком направлении повернется сюжет. В конце каждой страницы был перечень других страниц, на которые можно прыгнуть. Как и у Потоцкого, там тоже были обязательные страницы (в том числе первая) и целый ассортимент концовок. Главное отличие, конечно, состоит в том, что у автора «40 000 смертей...» герой умирает во всех 42 фрагментах, что делает динамику читательского опыта слегка статичной.

Впрочем, нет. Умирает он только в 40 фрагментах. И вот тут-то начинается интересное.

Но сначала расскажу, что же все-таки происходит в рассказе. Речь там идет о некой расе под названием *симфы*: «бродяги высших сфер», «паломники квазиверсума», «ревизоры квантовых флуктуаций». За основу автор взял знаменитую трактовку квантовой механики, в которой система не выбирает одно из двух состояний, а принимает оба и таким образом разветвляется, причем одна из ветвей уходит в параллельный мир. И наша реальность — только один отросток чудовищно ветвистого дерева. Точнее, гусеница на конце отростка, который ежесекундно удаляется от основания ствола на тысячу миров. Вся эта катавасия в рассказе называлась «симфеон», или «квазиверсум», или ПВА — «пространство всех альтернатив». Отсюда и «симфы» — существа, свободно путешествующие по древу альтернативных реальностей, челноки, прошивающие ткацкий станок мультивселенной. Живов — один из них.

В своей заметке тридцатилетней давности я довольно куце передал сюжет рассказа. Здесь позволю себе процитировать более позднюю статью, написан-

ную пятнадцать лет назад, когда я уже значительно переосмыслил текст и глубже проникся его сюжетом (даже вдохновился им, как будет видно по стилю изложения):

Бортпроводником Живов был только в одной из реальностей — «материнской», той, в которой он вырос. И вот он оказывается обречен на 40 000 разнообразных кончин. Как это происходит? Все начинается в тот момент, когда он застегивает ремень безопасности вокруг воздуха, во время традиционного никому не нужного инструктажа перед началом полета. В этот момент он проваливается в смерть — и в симфеон. Почему — в этом главная интрига рассказа. Оказавшись в квази-версуме, на перекрестке переполненных меташоссе, он начинает путешествие по практической энциклопедии своих смертей.

(Замечу в скобках: этот казус в самолете — и есть первый фрагмент, экспозиция, которую нельзя пропустить.)

В мультивселенной Потоцкого каждое разумное существо — это не точка, а *пространство*, облако, размазанное по мириадам параллельных миров. Умерев в одной реальности, вы продолжаете безбедную жизнь в другой, третьей и энной. Вообще говоря, каждое отдельное действие в одном из миров — еле заметное коленце, которое выписывает только одна из миллиардов ваших ложноножек. И локальная смерть имеет значимость не бóльшую, чем потеря ресницы. Но с бортпроводником Живовым происходит по-другому. Умерев в одной реальности, он умирает во ВСЕХ остальных.

Вообще в той статье я довольно много места уделю симфам. Следующий кусок непринципиален для понимания рассказа, просто любопытен:

Симфы — это «метатуристы поневоле», существа, случайно обнаружившие принципиальную многоплановость космоса, многомерные электрические овцы в момент короткого замыкания. К пробуждению симфа не обязательно приводит смерть. Это может быть любое продублированное событие. Например, одновременно в двух мирах вы выдираете себе волосок из носа — и просыпаетесь к высшей реальности. Получается так, будто двухполосная дорога сужается до однополосной, две далекие друг от друга ветви дерева снова срастаются, места для двух гусениц становится мало — и одну из них выбрасывает в воздух между ветвями. (В другом фрагменте встречается такое объяснение: «Симф — это фасеточный глаз стрекозы, одна часть которого случайно увидела другую — и провалилась в *reductio ad infinitum*».)

Пробужденный симф может выбирать, чем ему заняться в муравейнике квазиверсума. Кто-то становится симфеологом — исследователем невообразимых глубин симфеона; кто-то — симфеоником, или симфантом, то есть сантехником собственного мультиразума, вантузом собственной творящей фантазии (сам акт воображения мира отпочковывает этот мир); кто-то — симфадуром, симфарадником, симфеткой. Несчастных постигает судьба симфобов и симфреников, счастливым уготован титул симфеарха — мудреца и покровителя симфов. Некоторые решают вернуться в свой локальный сон, многим это не удастся, и они зависают в промежуточном состоянии. Но Живов не становится никем из них.

А вот дальше уже важнее:

Ему предстоит испытать все свои смерти — и после этого исчезнуть, стать по отношению к мультивселенной «нигдешним» и «никогдашним». Не нужно путать его параллельную множественную смерть с обычной кончиной. Нет, это — додекафоническая смерть, подлинное симфиаско. Космос вымарывает Живова из всех своих бесчисленных черновиков. Собственно, каждая смерть длится всего-то мгновение, и в какой-то момент, устав от мельтешения агоний, бортпроводник обнаруживает, что может абстрагироваться от происходящего, как бы встать в стороне от оркестра гильотин, неустанно отрубаяющих его головы. И вот, продолжая низвергаться в мультиад, равнодушно регистрируя отмирание очередного «я» (минус 21 грамм, минус 21 грамм, минус 21 грамм) и отмечая нюансы очередного экзистенциального спазма, Живов начинает расследование, которое и составляет суть рассказа.

Почему? Почему царь-колокол звонит по нему? Кто дал старт этому чудовищному некромарафону? Сначала бортпроводник поддается панике. Вереница трагических развязок без завязок кажется вызывающе бессмысленной. На помощь герою приходят другие обитатели симфеариума. Бродячий симфеонавт, коллекционирующий все аватары своего первого поцелуя, кратко вводит Живова в физику симфеона. Несчастный симфелитик, испытавший нечто подобное полисмерти Живова, потерявший большинство своих альтер-эго и теперь способный лавировать только между тремя одинаково отвратительными мирами, уверяет героя, что рано или поздно череда мучений оборвется. Все свои смерти симфелитик переживал не одновременно, а с большими промежутками, и потому считает земляни-

на симфулянтом, будто бы он только симулирует свои смерти для какой-то непонятной цели. Далее, коварный симфеодал пытается завербовать героя, чтобы он стал его вассалом и помог в войне с соседними симфеодами. И каждый из встреченных симфов выдвигает новую версию в деле Живова. Особенно его увлекает вариант, подсказанный безобидным тронутым симфриком и по совместительству конспиросимфом: тот убежден, что Живов стал пешкой в чьем-то преступном замысле, что его *подставили*, что он будет умирать, пока не найдет того, кто его подставил, и не расправится с ним. С этим созвучна версия о мультиверсальном покаянии Живова: якобы он совершил какой-то страшный грех, и могущественная секта симфанатиков, а может быть, их Симфаал собственной персоной обрек его на страшную кару.

Интересно, что если 30 лет назад я построил маршрут из 15 фрагментов, то 15 лет назад — из 30. Прошу прощения за каламбур, так уж вышло. Важно здесь, пожалуй, то, что и в первый, и во второй раз я выбрал один и тот же фрагмент из второй части, который непосредственно предшествует кульминации — это 8-я страница. Вот как я описывал ее в цитированной статье:

Версии множатся, сплетаются, распадаются, как сами миры, но все это — только прелюдия. Ближе всего к полиистине герой подходит, встретившись с престарелым симфеархом по кличке «экс-уай-зет» (XYZ, Ксиз). В своем мире он носил противоречивый титул YZ — *Yawning Zeal*, то есть Зевающий Раж, Зевающее Рвение. Покинув материнскую реальность, он прибавил к своему имени «экс» — «бывший зевающий раж». И вот благодаря Ксизу кое-что проясняется.

Прогуливаясь от смерти к смерти, зевающий зилот и борТПРОВОДНИК размышляют о том, что в мультивселенной возможно абсолютно все. Следовательно, абсолютно все реализуется. Если возможно себе представить такое фантастическое стечение обстоятельств, настоящий танцующий фонтан обстоятельств, при котором в каждом из возможных миров один и тот же человек трагически погибает в один и тот же момент — значит, это возможно, и такой человек должен найтись. Ровно один на весь царь-космос, на все пространства-времени, на всю камасутру великого отца и великой матери. И это поистине — совпадение совпадений. «Но ведь не может же быть, что я — победитель наименее бесприкрышной лотереи в мультивселенной!» — восклицает Живов. «Должен же был хоть кто-то победить? Вот ты есть *хоть кто-то*», — отвечает Ксиз. По его словам, ситуация идентична Большой проблеме сознания в домашнем мире Живова. Симфеархи по долгу службы хорошо знакомы с локальными мирами. (Правда, вместо Земли Ксиз использует термин Облако Земель, имея в виду размытый рой реальностей, основанных на земной фактуре.) Мудрец советует молодому человеку не задаваться вопросом «почему я», точно так же как в детстве ему не было смысла задаваться вопросом «почему я — это я, а не кто-нибудь другой». Дальше в рассказе следует очень трогательный философский кусок, где «судьба всего живого, всего симфонически живого» уподобляется пробуждению планктона в разлинованном желудке кита. Каждый маленький рачок, моллюск и микроб обнаруживает себя в определенной клетке, отмеченной его именем. Причем каждое имя — это одновременно изящная математическая формула и глубокий каламбур на некоем уникальном языке. И вот планктон задается вопросом: как так получилось, что я оказался в этой клетке, чье название так потрясающе красиво, так Удивительно подходит ко мне? А правда заключается в

том, что желудок кита выслан огромным экраном, на котором запущен клеточный автомат, постоянно генерирующий гармоничные математико-лингвистические конфигурации.

Симфеарху удастся убедить Живова в своей точке зрения. И вот они подходят к последней реальности. Что тоже довольно иронично, учитывая, что количество параллельных миров по умолчанию бесконечно. То есть за время беседы симфеарх и бортпроводник исчерпали вечность.

Обратный отсчет неумолим. И тут Живов, уже как будто смирившийся со своей ролью мультикосмического козла отпущения, вдруг проявляет слабость. Он думает: ну а что, если я не тот, о ком говорит симфеарх, что, если мне останется один крошечный заваливающий мирок — и в нем одном я не умру и проживу еще немного? Ведь если в симфеоне возможно все, если там бывает смерть-во-всех-возможных-мирах, значит, бывает и смерть-во-всех-возможных-мирах-кроме-одного. Мудрец Ксиз даже немного обижается на спутника за такие мысли. Как, он готов променять звание Первопроходца Тотальной Смерти на какую-то периферийную жизнь? И ведь даже если ему отпущен еще год или там миллиард лет, все равно затем его ждет дверь аварийного выхода. Живов колеблется — но понимает, что отчет еще жить.

Я специально привожу подробное описание этого куска, потому что очень уж он мне нравится, особенно про кита. Далее — пересказ 21-й страницы, то есть кульминации, которую, как и экспозицию, читатель не выбирает.

И вот — утро последней казни. Но где же Живов обнаруживает себя? В салоне самолета, посреди деловитого жужжания кондиционеров, с ремнем безопасности в руках, который ему через секунду предстоит снова замкнуть вокруг воздуха. Он затравленно смотрит по сторонам: здесь должно быть что-то не так, как в первый раз, в материнском мире. А надо сказать, что за время путешествия он досконально изучил обстоятельства своего первого катапультирования. «Должно быть какое-то важное отличие», — говорит он себе, занося ремень над воздухом. Что же будет? Избавление и дарованная жизнь — или всего лишь ложная надежда? Некий знак, который подскажет смысл всего происходящего? А может быть, окажется истинной версия одного из ранних собеседников Живова, и он, например, обнаружит в сиденье 21F того самого заговорщика, кто подставил его, — может быть, борТПРОВОДНИКУ стоит мгновенно сомкнуть ремень вокруг его шеи? А может быть, истинна версия одной встреченной на пути симфетки, которая утверждала, что там, в самолете, Живов не ответил на улыбку какой-то девушки и потому провалился в водоворот прожорливых миров? Тогда нужно найти эту девушку и тут же ей улыбнуться... И вот, в последний момент, все наконец решается.

Но как — полностью зависит от читателя!

30 лет назад именно на этом месте я вдруг возненавидел Потоцкого. Впрочем, возненавидел — не то слово. Я просто был в высшей степени озадачен, потому что ощутил противоречивость собственного читательского опыта. С одной стороны, я ХОТЕЛ увидеть развязку — по старой читательской привычке, от которой так и не удалось отучиться. И в первый момент я был страшно зол на автора. С другой стороны, я понимал, что эта развязка разочарует меня. Это тоже один из моих чита-

тельских инстинктов — я просто знал, что ТАКУЮ интригу невозможно разрешить так, чтобы по-настоящему удовлетворить читателя. Так что, подвесив финал, автор как бы высмеял парадокс читателя, как бы передразнил его физиономию с открытым ртом и горящими глазами.

Итак, в тот раз я без энтузиазма пролистал все варианты развязок и выбрал в качестве *окончательной концовки* следующий кусок (описание из моего текста 15-летней давности):

Желание героя исполняется. Ремень защелкивается, но воздух внутри него не утекает с леденящим душу свистом. Все-таки Живов — тот, кого американцы называют *gipper-up*, занявший второе место, умерший в алеф-минус-один мирах. И ближайшую жизнь ему предстоит прожить в тени своего монументального смертепада, взвешивая каждое мгновение, каждое решение на весах вечной ночи, которая ждет его совсем рядом. Как будто все остальные не ведают своего местоположения в дебрях вселенского лабиринта, и только он один знает, что живет рядом с его крайней стенкой.

Я был уверен, что именно это — *правильный* финал, то есть такой, который сам Потоцкий считал наиболее *финальным*. Было в нем что-то дидактическое, мол, «живи здесь и сейчас, другого шанса не будет». В этот-то момент я и отбросил книгу. Неужели автор морочил мне голову только ради того, чтобы повторить вслед за Горацием «*Carpe diem*»? А главное, зачем было перекладывать ответственность за развитие сюжета на читателя? Мол, не понравился рассказ — сами виноваты, нужно было лучше подбирать фрагменты? В общем, тогда все это окончилось одной звездой из пяти возможных.

Прошло 15 лет. Как-то я затеял переезд, начал перебирать архивы в кабинете и случайно раскопал первую разгромную рецензию на рассказ Потоцкого. Как же я был раздосадован собственной недальновидностью! Ведь я сам, а не автор, *выбрал* ту концовку. Я сел перечитывать рассказ — и, разумеется, открыл для себя совершенно новый текст. Именно к тому времени относится длинная цитированная статья, которой я как бы пытался извиниться перед автором «40 000 смертей...». На этот раз я поближе познакомился с вариантами завязок и развязок. И в качестве завершающего аккорда теперь выбрал совсем другой фрагмент, находившийся на 31-й странице:

Все версии, перечисленные по ходу рассказа, оказываются верны. В салоне самолета, как в колоде козырных тузов, обнаруживаются все, кто виноват в мультисмерти Живова: заговорщики, симфанатики, обидчивые девицы и так далее. В этом варианте бортпроводник все-таки завершает круг ревоплощений и окончательно погибает, *канает в Лету*, как написал мой сын в школьном сочинении. Но за секунду до этого герой вдруг понимает, что истинная причина его смерти — это он сам, что он сам поверил во все озвученные версии и тем самым удостоверял их, сделал их истинными причинами своего падения. Он понимает, что его падение началось в тот момент, когда он с отсутствующим видом проводил инструктаж для пассажиров. В тот самый момент, когда ему *было скучно*, когда он принимал мир как данность, когда где-то в глубине души ослабил хватку жизни и мимоходом пожелал смерти. А все остальные версии — это просто для отвода глаз. Для отвода собственных глаз.

(Странно, конечно, сравнивать собственные тексты, написанные с 15-летним интервалом. Никакого сына и никаких школьных сочинений на момент первого знакомства с рассказом еще не было...)

Произведение заиграло для меня по-новому. Теперь концовка тоже была довольно назидательной, но уже гораздо более глубокой. Однако больше всего меня поразило другое: Потоцкий описывал *мой собственный опыт* чтения его рассказа в первый раз! Ведь это обо мне написано: «он сам поверил во все озвученные версии!» В тот первый раз я впопыхах выдвинул версию о том, где кончается сюжет произведения, поверил в нее как в объективную — и она стала таковой. Нередкий случай, но тогда, в начале своего пути, я не подозревал, насколько велика опасность стать заложником собственной интерпретации.

Если 30 лет назад я назвал «40 000 смертей...» «фантастическим попури» и заявил, что «начинка у рассказа весьма экстравагантна» (боже мой, ну и лексика), то спустя 15 лет фантастическая составляющая отошла на задний план — собственно, как и в моих литературных предпочтениях. К тому моменту я уже осознал истину, прекрасно сформулированную поэтом Славомиром Адамовичем: «Потолок фантазии — реальность». Меня уже интересовали совсем другие литературные материи, я набирал дипломников с темами про Бахтина, Флобера, Умберто Эко. Одним словом, рассказ Потоцкого будто бы повзрослел вместе со мной. И Живов теперь становился жертвой не слепого фантастического случая, а собственного бездействия.

Интересно, что как раз на это время пришелся расцвет движения инфинитистов с их бесконечной литературой, и тут астрономическое количество прочтений рассказа пришлось как нельзя кстати. Да и мир Потоцкого, мир бесконечных миров, — это было в тему. Кажалось, что автор написал текст на вырост, до которого читатели и критики доросли только теперь.

Статью я так и не опубликовал. Другие заботы завладели мной, и я забыл о бортпроводнике Живове еще на долгие 15 лет. И поэтому, когда на прошлой неделе один

из моих студентов прислал мне ссылку на «40 000 смертей...», у меня в голове произошел маленький большой взрыв.

Лирическое отступление: я сейчас чувствую себя немного как герой фантастического романа Джона Серафини, мистер Слоним, который был литературным критиком, но при этом постоянно попадал в какие-то сумасшедшие передраги. Один раз он, например, не на жизнь, а на смерть боролся с другим критиком, также литературным персонажем — героем книги в мире самого Слонима. Так вот, этот критик второго порядка воспринимал реальность мистера Слонима как книгу — и трактовал ее на свой лад. Короче, эти двое начали «войну трактовок»: оба пытались так проинтерпретировать реальности друг друга, чтобы избавиться от соперника. Я это к чему: книжка Серафини — единственный известный мне пример остросюжетного романа, где главный герой — литературный критик. И сейчас я чувствую себя именно мистером Слонимом, потому что рассказ Потоцкого превратил мою собственную жизнь в нарратив, в котором герой постигает подлинный смысл случившегося спустя много лет.

Неделю назад я снова открыл «40 000 смертей...», перечитал их и понял, что заблуждался и 30, и 15 лет назад. Теперь в качестве развязки я выбрал 40-й фрагмент — один из двух, в которых герой не умирает. Чем же закончилась для меня история бортпроводника Живова на этот раз? (Это снова цитата — из новой статьи о творении Потоцкого, которую я готовлю к печати.)

Он застегивает свой ремень — и вдруг на него нисходит озарение силой в семьсот килогудд. Он понимает, в какой альтернативной реальности он оказался: в той, в которой никакого падения и никакой автоматной оче-

реди смертей не было! Но, что гораздо поразительнее, не было в ней и никакой мультивселенной. Ведь в симфоне такой мир тоже возможен, а значит, существует. И чтобы умереть во всех мирах, нужно умереть и в том мире, в котором ты не умираешь и в котором вообще вся эта болтовня о многих мирах ничего не значит! Получается громогласный парадокс. Живов понимает, что симфеарх ошибался и кошмар абсолютной смерти — не более чем сон... Как, впрочем, и весь квазиверсум. Тут еще одно маленькое запоздалое озарение подбегает к бортпроводнику и отвечает ему оплеуху: квазиверсум! Симфы прекрасно знали то, что он понял только сейчас... И бортпроводник Живов, ветеран сорока тысяч смертей, роняет застегнутый ремень безопасности из рук.

Как и 15 лет назад, рассказ опять подвергся полному переосмыслению. Он стал для меня еще менее фантастичным! В последнем фрагменте Потоцкий оставляет место для сугубо реалистической интерпретации всего произведения: все случившееся было просто метафизическим приступом в голове главного героя! Парадокс как бы выдавливает его из мультиверсума обратно в универсум. Невозможность, внутренняя противоречивость абсолютной смерти в мире Потоцкого может быть экстраполирована на наш мир. Получается, что автор рассказа с мрачным названием «40 000 смертей бортпроводника Живова» доказал бессмертие души, продемонстрировал, что пушкинская формула «Нет, весь я не умру» — применима к любому человеку в мульти- и просто вселенной.

Но было еще кое-что. Я обратил внимание на тот фрагмент рассказа, где говорится о симфантах — существах, которые создают параллельные миры, просто воображая их. «Да это же «Число зверя» Роберта Хайн-

лайна», — сказал я себе и принялся искать другие аллюзии в тексте. Их оказалось очень много. Я обнаружил кивки в адрес Станислава Лема (слово «нигдешний» употреблялось в одной философской тираде в романе «Осмотр на месте»), Йэна Бэнкса (симфетки Потоцкого могут переносить своих партнеров в параллельные миры во время интимной близости, точь-в-точь как героини романа Бэнкса «Transition», «Переход»), Пелевина (демон-демиург в его рассказе «Отель хороших воплощений» выходит из священного транса, увидев свое отражение в бутылке, — это созвучно уже упоминавшемуся сравнению симфа с «фасеточным глазом стрелкозы, одна часть которого случайно увидела другую — и провалилась в *reductio ad infinitum*»). И как я мог не заметить раньше, что 42 главы — это очевидная отсылка к Дугласу Адамсу! (Что тоже иронично, учитывая, что 42 — это ответ непонятно на какой вопрос, то есть *квазиответ* — двоюродный брат *квазиверсума*.) Я находил аллюзии почти на любого фантаста, которого смог вспомнить, причем ровно на одного в каждом фрагменте. Выходило, что каждая очередная смерть Живова — это еще и смерть какой-то разновидности фантастической литературы.

Но главная подсказка ждала меня как раз в 42-м фрагменте. Дело в том, что в последних девяти словах рассказа акростихом читается слово «кенотафия». Это любопытный пример контронима — слова, противоречащего самому себе. С одной стороны, его можно расшифровать как «эпитафия по Кено». Имеется в виду Раймон Кено, создатель «Ста тысяч миллиардов стихотворений» и других комбинаторных шедевров, один из основателей французского объединения «Улипо», Мастерской потенциальной литературы. Потоцкий в молодости увлекался литературными играми улиповцев. С другой стороны, кенотаф — это «пустая могила» (от греч. *kenos* — пустой и *táphos* — могила), мемориал, не

содержащий никаких останков покойного. Так, есть кенотафы Никколо Макиавелли и Марины Цветаевой. Значит, «кенотафия» — это эпитафия Кено, чья могила пуста, или же эпитафия неумершему Кено, или же — эпитафия неумершей литературе. Потоцкий высмеял, подорвал смерть не только своего героя, но и всей литературы.

В первый раз «40 000 смертей...» открылись для меня как цирковой номер с жонглированием научно-фантастическими кеглями, во второй раз — как притча о слабости воли, в третий — как апология литературы и литературного процесса, высмеивание ее периодических предсмертных жалоб, всегда оканчивающихся новым приливом сил. И здесь рассказ опять как будто вырос вместе с эпохой. Я нашел в нем описание не только того, что было, но и того, что стало. Сомнения в будущем литературы, мучившие меня и мое окружение 30 лет назад, опрокидывались и высмеивались Потоцким точно так же, как их опрокинуло само время. Пусть очередной автор уйдет в небытие, пусть очередное направление выдохнется, литература никуда не денется, потому что само ее умирание — легко превращается в сюжет.

А может быть, литература умирает в конце каждой книги и рождается в начале следующей?

Я бы с удовольствием обсудил это с Потоцким. Я бы с удовольствием узнал у него, зачем он 30 лет водил меня за нос со своим бездонным текстом. Но если герою и литературе в целом не страшны 40 000 смертей, автору оказалось достаточно и одной.

Неделю назад мой студент прислал мне две ссылки: вторую — на «40 000 смертей...», а первую — на новость о кончине Потоцкого. Так что материал, который я готовлю, одновременно будет и некрологом.

Я почти дописал его. Но чего-то не хватает. Концовка никак не получается. Наверное, меня ставит в тупик

неокончателность моих выводов. Что, если я не увидел чего-то еще более важного? Что, если через 15 лет я открою рассказ про бортпроводника — и пойму, что был слеп? Может быть, текст заставит меня поверить во что-нибудь совсем уж невероятное. Например, в то, что смерть Потоцкого так же внутренне противоречива, как и смерть Живова, а значит, по большому счету, просто не может восприниматься всерьез.

СЕРГЕЙ ЧЕБАНЕНКО

НАД САРАКШЕМ ЗВЕЗДНОЕ НЕБО

«...Но почему мне иногда кажется, что этот — или очень похожий на него — роман будет все-таки со временем написан? Не братьями Стругацкими, разумеется. И не С. Витицким. Но кем?»

*Б. Н. Стругацкий,
«Комментарии к пройденному»*

История появления текста под названием «Над Саракшем звездное небо» и загадочна, и скандальна.

Началась она поздней осенью 2013 года, когда в одно из крупнейших в Москве издательств обратился фантаст Алексей Голубев — писатель, хорошо известный читателям еще с последней четверти минувшего века. Был участником семинаров в Малеевке и в Дубултах. В постперестроечное время перебрался в Канаду. Иногда — раз примерно в два года — Голубев наезжал в Россию. Официально — поучаствовать в каком-нибудь из конвентов, а неофициально — попить водочки с приятелями из «фантастического цеха». Обычно в эти ред-

кие визиты на Родину Алексей приезжал не с пустыми руками: два, а то и три новых романа появлялись на редакторских столах.

Однако осенью 2013 года Алексей Голубев принес в издательство не только текст своей очередной «нетленки», но и толстый заклеенный пакет из плотной коричневато-желтой бумаги. На склейке имелись нанесенные чернилами подписи Аркадия и Бориса Стругацких и дата, когда конверт, видимо, был запечатан — 27 марта 1983 года.

Редактор издательства, которому был вручен пакет, — сам, кстати, писатель, — на своем веку видел немало самых необычных текстов. Но даже он испытал шок, когда конверт был вскрыт: внутри обнаружился аккуратно напечатанный машинописным способом на слегка пожелтевших от времени листах бумаги текст неизвестного романа братьев Стругацких «Над Саракшем звездное небо».

Припертый «к стенке», писатель Голубев, потев от волнения и сбиваясь, рассказал, при каких обстоятельствах к нему попала запечатанная в конверт рукопись. Три десятилетия назад, в ноябре 1983 года, сам Аркадий Натанович попросил Алексея Голубева принять на хранение и ровно через тридцать лет отдать в издательство текст этого романа. Голубев боготворил Стругацкого-старшего и безропотно взял пакет. Конечно же, рукопись пропутешествовала с Алексеем в зарубежье, а обратный перелет на Родину совершила только через тридцать лет.

Правда, в сентябре 1991-го, сразу же после безвременного ухода из жизни Аркадия Стругацкого, Алексей позвонил из заграницы Борису Натановичу, выразил соболезнования и поинтересовался, как быть с рукописью, отданной ему на хранение? Последовала пауза, а потом Стругацкий-младший сказал:

— А вот так и поступите... Отдайте в издательство, как и было задумано Аркадием Натановичем.

И, помолчав, добавил едва слышно:

— Наверное, так и в самом деле будет лучше...

Сказать, что появление текста «Над Саракшем звездное небо» вызвало сенсацию — это значит не сказать ничего. Новость распространилась мгновенно. Фэндом и писательское сообщество бурлили, расколовшись на два непримиримых лагеря.

Первые — к ним относились и члены группы «Люденны», и публикатор текстов Стругацких Светлана Бондаренко, и исследователи творчества крупнейших российских писателей-фантастов, — в один голос утверждали, что им ничего не известно о нежданно объявившемся романе. Мол, ни в одном из писем братьев друг другу о нем нет ни строчки. Ни разу ни Аркадий, ни Борис и словом не обмолвились среди родственников и друзей о том, что за океаном хранится их неопубликованное произведение. В «Комментариях к пройденному» Бориса Стругацкого нет ни малейшего упоминания о том, что где-то существует текст под названием «Над Саракшем звездное небо».

Вторая группа — в основном читатели-фанаты и молодые фантасты — бурно приветствовали появление «посмертного» романа братьев Стругацких и горели желанием поскорее увидеть книгу на книжных полках.

Алексей Голубев клялся и божился, что получил рукопись из рук самого АН тридцать лет назад. Были назначены несколько очень серьезных экспертиз. Исследование бумаги, на которой напечатан текст романа, подтвердило, что она изготовлена три десятилетия назад. Машинописная печать выполнена в те же годы — это стало ясно из анализа оттиска красящей ленты. Более того, эксперты убедительно доказали, что текст романа отпечатан именно на той пишущей машинке,

которой пользовались АБС в далеком уже 1983 году. Привлеченные к процессу опознания, десять литературоведов единодушно подтвердили, что произведение «стилистически исполнено в характерной для А. Н. и Б. Н. Стругацких манере». То же самое — с вероятностью 98,7 процента — «выдала на-гора» и компьютерная программа-лингвоанализатор.

Казалось бы, все стало на свои места. Но... Одновременно все эксперты предостерегли: сегодня уже существуют настолько искусные технологии подделки, что все же остается вероятность появления ловко сработанной фальшивки.

Поэтому публиковать полученный от писателя Голубева текст под именем АБС издатели не решились. В итоге книга была издана летом 2015 года в рамках проекта «Обитаемый остров» под авторским названием «Над Саракшем звездное небо», но под псевдонимом Дмитрий Строгов. В некоторых книгах братьев Стругацких под этой фамилией значился некий «признанный писатель», «Толстой двадцать первого века».

Стоит ли говорить, что роман был едва ли не в мгновение ока раскуплен и в обычных, и в интернет-магазинах? Во Всемирной сети появились пиратские копии текста, которые скачивались миллионами читателей по всему миру.

Увы, прошло уже более полугода после выхода в свет книги «Над Саракшем звездное небо», но качественных отзывов на опубликованный роман пока не появилось. Споры по поводу авторства текста по-прежнему кипят на литературных форумах в интернете, периодически выплескиваясь на страницы газет и журналов в виде желчных обвинений спорящих сторон и взаимных скандальных разоблачений. Возможно, поэтому наши ведущие критики и литературоведы, обычно неравнодушные к книгам фантастического жанра, не спешат дать оценку произведению Дмитрия Строгова. Поста-

раемся восполнить пробел и выскажем некоторые соображения относительно романа, всколыхнувшего как сообщество фантастов, так и пестрый конгломерат любителей фантастики.

1

По объему роман «Над Саракшем звездное небо» относительно невелик — всего чуть более одиннадцати печатных листов. Если не принимать во внимание фантастические допущения — инопланетный мир и технологические диковинки землян и саракшанцев, — текст написан в классических канонах детектива и шпионского романа.

Роман полифоничен. Повествование ведется попеременно по двум сюжетобразующим линиям — от имени Максима Каммерера, уже знакомого читателю по трилогии «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер», и от имени саракшанца Эрладо Штертака. В свою очередь, в каждой из линий повествование идет как от первого, так и от третьего лица. В тех случаях, когда нужно дать общую панораму событий и показать динамичность происходящего, Дмитрий Строгов использует повествование от третьего лица. Когда же в тексте подчеркиваются чувства и переживания героев, рассказ ведется от первого лица. Такой переход позволяет автору не только полнее показать внутренний мир героев, но и создает эффект выпуклости и объемности текста в целом.

В полной мере используется Дмитрием Строговым и принцип многоязычия. Максим Каммерер, Эрладо Штертак и другие персонажи романа говорят и думают каждый на своем языке, характерном только для этого персонажа. Речь персонажей узнаваема, диалоги выглядят живо и в полной мере отражают речевые особенности героев произведения.

Текст романа не является линейным. Автор усложняет фактуру повествования, периодически делая пейзажные, лирические, исторические отступления. Размышляет о конфликте цивилизаций Максим Каммерер, с теплотой вспоминает наставников по летно-курсантской школе Эрладо Штертак, с позиций собственных жизненных интересов оценивают окружающий мир прочие персонажи романа. Как результат, произведение становится многогранным, панорама мира видится яснее и четче, персонажи обретают черты чувствующих и действительно живущих людей. В романе в изобилии ассоциативные цепочки, иносказания, аллюзии, косвенные высказывания, вложенные автором в уста персонажей.

Благодаря фантазии Дмитрия Строгова появляются в романе и совершенно новые для читателя обитатели Саракша: огромные, в половину человеческого роста, представители семейства кошачьих — почти разумные махкоты, домашние любимцы пандейцев.

2

Экспозиция в романе разделена на две части.

Внешняя экспозиция, выполненная в виде пролога под названием «Встреча над планетой», определяет не только время и место действия, но и схематично намечает будущие конфликты романа. В апреле 2188 года на орбитальной станции над Саракшем случайно встречаются земной резидент в Пандее Клавдий Луговин и куратор проекта «Белый ферзь — 2» Григорий Серосовин. Из беседы старых знакомых (оба персонажа упоминались в «Жуке в муравейнике» как работники КОМКОНа-2) читателю становится известно, что предстоит осуществление проекта «Саракшанец в космосе» и эвакуация Максима Каммерера из Островной Империи, где он уже более десяти лет успешно работа-

ет под именем советника Адмиралтейства Иллиу Капсука.

Внутренняя экспозиция включает в себя первые три главы романа. В Иерархате Пандея группа ученых под руководством доктора Аегудо Гартука осуществляет амбициозный проект «Мировой Свет» — разрабатывает ракету с отделяемым пилотским отсеком, который сможет долететь в любую точку на поверхности Саракша, обогнув Мировой Свет. Мировой Свет — это некий заоблачный источник света над планетой, небо которой постоянно затянуто облаками, а сама планета из-за рефракции видится ее жителям огромным вогнутым шаром внутри бесконечного каменного пространства.

Дмитрий Строгов не злоупотребляет географическими, социальными и политологическими описаниями Пандеи, но из текста и речи персонажей романа становится в общих чертах ясно авторитарное устройство этого саракшанского государства. Религия жителей страны основана на культе Святого Дракона. Наместником божества на Саракше является Дракон-Генералиссимус Тупир Линстак. Ниже в управленческой пирамиде располагаются многочисленные чиновники: Величайшие, Трех- и Двуглавые драконы (генералитет), Большие драконы, старшие и младшие змеи (старшие офицеры), полу- и четвертьзмеи (младший командный состав) и рядовые-змееносцы.

Разработка ракеты «Мировой Свет» оказывается в центре интриг трех группировок. Руководитель Военного ведомства Величайший дракон Гекта Трабарук и глава тайной полиции Великий дракон Санга Баларок намереваются использовать ракету для прямого ядерного удара по столицам сопредельных и заокеанских стран. Главный дипломат Пандеи Величайший дракон Хенга Рамирек и начальник внешней разведки Трехглавый Дракон Геранга Севадлюк хотят запустить множество ракет в заоблачную «зону равновесия» — круговой уча-

сток в пространстве между твердью вогнутого Саракша и Мировым Светом, на котором силы гравитации уравновешены, — и оттуда шантажировать бомбардировкой противников Иерархата Пандея. Третья группировка представлена мечтающим не столько о создании военной техники, сколько об исследованиях заоблачных высот вблизи Мирового Света разработчиком ракеты Аегудо Гартуком и поддерживающей его Главой Научного ведомства академессой Рагией Магаллук.

Хотя в целом разработка ракеты «Мировой Свет» ведется под патронатом Военного ведомства, Главному дипломату и начальнику внешней разведки удастся внедрить в группу «светосмертников» (пилотов-камикадзе, которые должны пилотировать начиненную ядерными бомбами ракету, наводя ее на цели) своего человека — Большого дракона Эрладо Штертака. Он должен не только информировать своих руководителей о разработке проекта, но и сорвать планы внезапного ракетного удара по другим странам.

Дмитрий Строгов скуп в описании внешности Большого дракона Штертака. Читателю сообщается лишь минимум информации: Эрладо довольно молод — около тридцати лет, спортивно сложен, темноволос и кареглаз. Он один из лучших разведчиков Пандеи — более трех лет резидентствовал в Островной Империи. Целостный образ главного героя формируется уже по мере чтения романа — и как следствие взаимодействия его с другими персонажами, и как итог размышлений Штертака о сути происходящих событий.

Пока в Пандее кипят нешуточные политические страсти, Иллиу Капсук мирно трудится советником в Адмиралтействе во Внешнем круге Островной Империи. Параллельно он тайно создает прогрессорско-разведывательную сеть из жителей Внешнекружья. Иногда Мак Сим посещает внутренний Солнечный круг для бесед с Высоколобыми на интеллектуально-просветитель-

ские и мировоззренческие темы. На фоне интриг на материке полусонное существование «умиротворенной еще Карлом-Людвигом» Островной Империи кажется несколько скучноватым, сбивая напряженный ритм, заданный повествованию в «пандейских» главах. Но в целом Строгову удалось показать, что Саракш — это очень сложный и многоплановый мир, в котором есть место и спокойной жизни, и напряженному действию. И опять же, без излишней детализации и ненужных подробностей, глядя на окружающий мир глазами Капсука-Каммерера, читатель получает общие представления об устройстве Островной Империи и людях, которые ее населяют.

3

Завязка «пандейской» линии романа начинается с того момента, когда Эрладо Штертак и другие «светосмертники» пребывают для подготовки к испытательным пускам на скрытый среди лесов секретный ракетный полигон Зуррея на юге Пандеи. Следом за ними из столицы страны тянутся и нити интриг.

Действие романа развивается очень динамично. Без излишних технических подробностей Дмитрий Строгов описывает процесс подготовки пилотов. Читатель вместе с Эрладо Штертаком погружается в напряженный ритм испытаний на вибростендах, центрифугах, в термо- и барокамерах, участвует в тренировочных полетах на самолетах и изучении устройства пилотского отсека «Мировой Свет». Все эти перипетии подготовки преподносятся с юмором, чередой занятных случаев и историй.

Тем временем тайная полиция через своего информатора во внешней разведке узнает, что Эрладо Штертак — «человек со стороны». «Тайполы» и не подозревают, что эту информацию разведчики «слили» им

намеренно. Шеф тайной полиции Великий дракон Санга Баларок дает указание готовить к первому испытанию ракеты «Мировой Свет» именно Штертака — как основного пилота. Во время испытательного пуска в акваторию Мирового океана пилот-«светосмертник» непременно погибнет, и военная разведка не только потеряет своего агента, но и не получит никаких полных данных о проекте.

Такое решение Санга Баларока как раз и требовалось и начальнику внешней разведки Трехглавому дракону Геранга Севадлюку, и руководителю ракетной программы доктору Аегудо Гартуку. Первому нужен выход «Мирового Света» в заоблачную «зону гравитационного равновесия», чтобы получить подтверждение, что там можно разместить несколько ракет и постоянно шантажировать им другие государства на планете. А второй мечтает не только о полете «за облака», но и о возвращении пилота на Саракш, чтобы доказать, что человек может исследовать большие высоты.

Пока Эрладо Штертак «грызет гранит науки» на полигоне Зуррея, Максим Каммерер успешно завершает операцию «Белый ферзь». Во время одного из вояжей по островам Внешнего круга Островной Империи советника Иллиу Капсука прямо на глазах у растерявшейся охраны похищает и увозит на винтокрыле специальная эвакуационная группа землян, переодетая в форму десантников княжества Ондол — это событие, по существу, и становится завязкой в романе по «линии Каммерера». Поскольку Максим по легенде является гражданином Иерархата Пандея, он появляется в Столице этого государства. Дракон-Генералиссимус Тупир Линстак вручает «лучшему разведчику страны» высшую награду — Золотые Уши Дракона. Через шпиона Островной Империи в тайной полиции Пандеи земляне-прогрессоры сбрасывают информацию о награждении Капсука в Адмиралтейство Островной Империи.

В результате скандала в разведывательном сообществе островитян часть его руководителей уходит в отставку.

Главы, посвященные разведывательным интригам в Пандее и в Островной Империи, написаны Строговым живо и очень динамично. Отслеживая хитросплетения замыслов земных прогрессоров и пандейских шпионов, читатель буквально погружается в текст, степень вовлеченности в процесс чтения оказывается настолько высокой, что от романа трудно оторваться.

Казалось бы, автор мог бы и дальше ехать по наезженной колее, развивая действие в изначально избранном направлении и наворачивая одну интригу на другую вплоть до самого финала романа. Но Строгов снова отдает нить рассказа Эрладо Штертаку. Ведь по сюжету Большой дракон Штертак — не просто пилот, но и секретный сотрудник внешней разведки Пандеи. Эрладо анализирует происходящие события, внимательно присматривается к людям, которые окружают его на секретном ракетном полигоне Зуррея. И приходит к ошеломляющим выводам.

С помощью простейшей слежки Эрладо выясняет, что начальник службы безопасности полигона старший змей Реджар Тапурака связан с хонтийской разведывательной группой, обосновавшейся неподалеку от ракетных комплексов. Во время дружеской попойки в офицерском казино инструктор по пилотированию малый дракон Геноор Шасайюк проговаривается, что когда-то был пилотом в Стране Отцов, хотя по документам он коренной пандеец. Симпатичная девица из штаба полигона младший четвертьзмей Сиринда Нетелмек заводит любовную интрижку с Эрладо и пытается завербовать Штертака в качестве агента Островной Империи. Главный конструктор ракетных двигателей Уйгильдо Щуртиук, увлеченный математическими расчетами, начинает тихонько напевать песенку на языке аборигенов острова Хаззлаг.

Открытия шокируют Эрладо: «Либо система безопасности на полигоне Зуррея работает из рук вон плохо, либо все происходящее — какой-то фарс. Ничем иным я не мог объяснить тот факт, что на секретном объекте вдруг обнаружилось скопище агентов разведок едва ли не из всех стран мира. Хонтиец, «папаша», островитянка, хаззлаговский ученый... Если копнуть глубже, среди персонала ракетной базы наверняка обнаружится подполье княжества Ондол, шпион с горных вершин Зартака и даже тайный посланец мутантов-южан. Я пришел к выводу, что кто-то намеренно свел в одном месте интересы всех спецслужб планеты. Но кто? И зачем? Я не находил ответа».

Тем временем разведка островитян устраивает настоящую охоту на «предателя Иллиу Капсука». Угроза настолько серьезна, что Максима Каммерера по распоряжению главы КОМКОНа-2 временно перемещают на орбитальную станцию землян над Саракшем.

Соотношение темпа и ритма романа создает композиционную динамику текста. Строгову удалось практически на всем протяжении произведения задать высокий ритм — «экшн», внешнее действие в каждой из глав буквально бурлит. В тех же главах, где ритм все же несколько спадает, возрастает темп — динамика внутреннего напряжения. Так, контакты Эрладо Штертака с персоналом полигона Зуррея приходятся на достаточно спокойные с точки зрения внешнего действия главы, однако внутреннее напряжение, динамика развития взаимоотношений персонажей, изменение характера главного героя, его мыслей постоянно держат «в тонусе» читателя романа.

Как и любой роман, «Над Саракшем звездное небо» неумолимо приближается к кульминации. Дмитрий Строгов подводит к кульминации и линию повествования, связанную с Эрладо Штертаком, и линию Камме-

рера. Сначала в каждой линии происходит собственная кульминация, в которой конфликт соответствующей линии повествования достигает наибольшей остроты. Затем следует общая кульминация романа.

Вне сомнения, кульминацией «линии Штертака» является полет главного героя в заоблачные выси. Доктор Гартук заводит с будущим пилотом «Мирового Света» откровенный разговор и сообщает Эрладо, что есть возможность не только полететь за облака, но и вернуться живым обратно. Для этого Гартук собирается за несколько минут до старта перепрограммировать управляющее устройство в пилотском отсеке. Ракета не станет падать на другую сторону вогнутого мира, а выйдет на орбиту «гравитационного равновесия». Совершив три оборота вдоль внутренней поверхности шарообразного мира, пилотский отсек включит тормозные двигатели и вернется в атмосферу планеты. На конечном участке траектории пилот будет катапультирован и спущен на парашюте вместе с материалами научных исследований в заоблачных пространствах. Эрладо соглашается принять участие в тайном проекте.

Предстартовые эмоции главного героя, его ощущения после старта, когда сначала начались вибрация ракеты и перегрузки, а потом наступила невесомость, выписаны Строговым очень тщательно и подробно. Автору удалось в полной мере заставить читателя сопереживать главному герою, покинувшему Саракш и несущемуся в неведомые заоблачные высоты в тесном пространстве пилотского отсека. Конечно же, венчают цепочку событий яркие ощущения Эрладо, когда он первым из саракшанцев оказывается на космической орбите:

«Огненный ослепительный шар, на который невозможно было взглянуть, чтобы не ослепнуть, висел в пространстве где-то слева и вверху от меня. Еще одно шарообразное тело — меньших размеров, серо-жел-

тое, с синеватыми разводами и пятнами на поверхности, — плыло в черной бездне впереди пилотского отсека. А под ногами, под днищем летательного аппарата, находилось нечто громадное, бело-серое, выпуклое. Несколько секунд я вглядывался в это нечто, силясь понять, что все-таки вижу. Потом сообразил: единственное, что я сейчас могу видеть в таком ракурсе — это наш мир, мой родной Саракш. Он просто вывернулся наизнанку и из вогнутой сферы сделался похожим на огромный мяч, окутанный пеленой туч и облаков.

Пилотский отсек летел над гигантской сферой, огибая ее по замкнутой траектории. Огненный ослепительный шар — настоящий Мировой Свет, что же еще? — постепенно уходил за спину, опускался, словно постепенно погружаясь в бело-серое тело Саракша. Наступил миг, когда летательный аппарат нырнул в темноту и окончательно ушел от лучей заоблачного светила. И тогда в темноте миллионами и миллиардами разноцветных глаз зажглись крупные и совсем маленькие, бело-желтые и оранжево-красноватые точки — нечто очень далекое, светящееся, для названия чего и слова-то подходящего не было ни в одном из языков на Саракше.

Я смотрел на все это во все глаза, делал беглые зарисовки в пилотском журнале, фотографировал и как заведенный горячим шепотом повторял одно и то же слово:

— Массаракш, массаракш, массаракш!»

5

Одновременно с «пандейской» цепочкой событий назревает кульминация и по «линии Каммерера». Оказывается, что пространство вокруг Саракша контролируется не только землянами, но и «странниками» — цивилизацией галактического уровня, следы

которой жители Земли находят едва ли не во всех достигнутых ими мирах. В безвоздушном пространстве — «прямо из ничего» — формируется корабль «странников» и начинается движение к летящему вокруг Саракша пилотскому отсеку с Эрладо Штертаком.

«Здесь уже не просто запахло серой, — размышляет Максим Каммерер. — Лукавый собственной персоной, поблескивая в лучах Мирового Света округлыми боками из янтарина, неся по вытянутой орбите к маленькому космическому кораблику саракшанцев».

Землянами за всю историю космических полетов был зафиксирован только один случай «контакта» с кораблем «странников». В середине двадцать второго века «янтаринный страж» атаковал и уничтожил звездолет «Пилигрим» над планетой Ковчег. Каммерер опасается, что и корабль саракшанцев постигнет та же участь.

Максим пытается предотвратить возможную трагедию. Вместе со своим сотрудником Клавдием Луговиновым и кибертехником Стасем Поповым он на десантном космокатере летит наперерез «янтаринному стражу», сигналижая всеми возможными способами и на всех возможных каналах. Каммерер вовсе не собирается устраивать «звездные войны» над Саракшем. Рискуя, он всего лишь хочет дать понять «странникам», что полет саракшанского кораблика патронируется землянами. И «старшие братья» его поняли:

«Кто-то мельком взглянул на меня [повествование в этой главе ведется от имени Максима Каммерера. — *Прим. автора*] из звездной бездны — огромный, всепроникающий и могущественный. Я почувствовал себя микроскопической букашкой на невидимой гигантской ладони.

Ощущение длилось какое-то мгновение — наверное, даже меньше секунды. А потом некто великий снова растаял в черноте космоса. Остался только застывший

в пространстве янтаринный шар — теперь уже совершенно безжизненный и, кажется, пустой».

Но вот вопрос: хотели ли «странники» атаковать кораблик саракшанцев? Или ими двигало обычное любопытство, а Каммерер пал жертвой «синдрома Сикорски» — стал видеть во всем злую волю пришельцев? В лучших традициях братьев Стругацких Дмитрий Строгов не дает прямого ответа на этот вопрос, оставляя его решение читателям.

6

Казалось бы, суть конфликта исчерпана, ситуация неожиданно возникшего противостояния двух цивилизаций успешно разрешена автором романа. Но Дмитрий Строгов талантливо переводит конфликт в романе на совершенно иные рельсы. Во время полета корабля «странников» земная орбитальная станция зафиксировала над Саракшем колебания различных полей. Анализируя полученные данные, земляне приходят к неожиданному выводу:

«Над Саракшем, с высоты примерно пяти и до ста километров, существовала причудливая смесь магнитного, электрического, гравитационного полей и еще чего-то совсем уж фантастического — такого, что даже наши сканеры и приборы не смогли толком отследить. Это невидимое глазу комбинированное поле висело над планетой как минимум последний десяток тысяч лет. Оно совершало нечто невероятное: ловило чаяния и желания людей, населявших планету, интегрировало их и материализовало суммарно полученный результат. Всепроницающее поле было причиной и существования вокруг планеты постоянного облачного слоя, и «закуливания» горизонта на Саракше.

Кто создал поле? Возможно, пресловутые «странники» или кто-то еще из всемогущих цивилизаций галак-

тического уровня. Как поле работало? Мы так толком и не смогли разобраться.

Но эта парочка вопросов была лишь мелкими семечками по сравнению с обнаружившейся проблемой глобального характера. Какое событие космических масштабов могло так напугать саракшанцев, что они на веки вечные в едином всепланетном порыве закрыли небо над головами тучами и свернули свой мир в замкнутое пространство? Пролетавшая мимо хвостатая комета? Гигантский блуждающий астероид? Или нечто иное, невообразимое, однажды явившееся из глубин Вселенной, а потом снова канувшее в бесконечность? Ответа на вопрос, что же заставило цивилизацию целого мира, подобно земным страусам, «сунуть голову в песок», мы тоже не нашли».

Вот тут, на гребне основного конфликта романа, вырисовывается и главная идея произведения: способно ли человечество — без разницы: землян или саракшанцев, — преодолеть собственный конформизм? Может ли человек сбросить с плеч давящий на него тысячелетний груз страхов, ложных убеждений, нелепых верований? Чего в нас, людях, больше: желания загородиться от всего, «закуклиться» в собственном более или менее благоустроенном мирке, зациклиться на собственных проблемах, или же стремления к познанию, к преодолению преград, к социальному и мировоззренческому развитию?

Строгов дает оптимистические ответы на эти вопросы. В «мире Полдня» землянами уже давно решены вопросы соотношения личного и коллективного, развития и сохранения идейных ценностей цивилизации. В критических ситуациях любой землянин способен «перешагнуть» собственные страхи и желание упрятаться в своей «хате с краю». Что очень убедительно демонстрируют в романе «Над Саракшем звездное небо» Максим Каммерер и его товарищи, фактически прикрывшие со-

бой корабль саракшанца Эрладо Штертака от «янтарного стража» цивилизации «странников».

С землянами — все ясно: они хоть и «почти такие же», но все же «идеальные» люди. А вот сможет ли преодолеть собственные глобальные психологические проблемы цивилизация Саракша? Ответ Строгов дает тоже положительный. Символом такого преодоления тысячелетних страхов и извечных нелепых верований становится заатмосферный полет Эрладо Штертака — первый космический полет саракшанца.

7

Конечно же, в финале романа читателя ждет развязка. Именно здесь автор сплетает воедино событийную, идейную и тематическую линии произведения. Дмитрий Строгов изменил бы собственному писательскому ренеме, если бы обошелся в ней без сюрпризов.

Вернувшись на Саракш и получив всемирную известность, Эрладо Штертак встречается с выгуливающим в столичном парке домашнего махкота Максимом Каммерером. И сюжет романа снова делает крутой вираж, вырисовывая перед взором читателя новую мировоззренческую проблему. Чтобы не выступать в роли «испорченного телефона», просто приведем достаточно обширную цитату из текста романа:

«— Вы соображаете, что говорите, господин Большой дракон? — советник Иллиу Капсук удивленно изогнул бровь.

— Вполне, — кивнул Эрладо, внешне оставаясь совершенно спокойным. — Я просто сопоставил кое-какие факты. Там, на полигоне Зуррея, собраны агенты практически всех государств. Это на секретном-то полигоне!

— Случайность, — советник пожал плечами. — Тайная полиция у нас работает из рук вон плохо.

— Дело не в тайной полиции, — Эрладо улыбнулся. — Шпионов собрали там с одной целью — чтобы технологии полетов за облака стали известны всем.

— И кто же это сделал? — фыркнул Капсук.

— Ваш добрый знакомый Трехглавый дракон Персиу Нумантук. Он лично формировал кадровый состав полигона, — Штертак посмотрел на Капсука в упор. Лицо советника оставалось невозмутимым. — Сделано это было загодя, еще до вашего внедрения в Островную Империю. Руководителем Персиу Нумантука тогда были вы. Следовательно, одно из двух: либо лучший разведчик Иерархата Пандея Иллиу Капсук профессионально несостоятелен, если у него под носом секретный полигон забивают агентами иностранных разведок. Либо с компетенцией советника Капсука все в порядке и он лично курирует операцию по внедрению шпионов на Зуррею. Я решил, что второе больше соответствует действительности. И сразу возник вопрос: а зачем Иллиу Капсуку это нужно?

— Ну, и на кого же работает этот интриган Капсук? — советник иронично усмехнулся. — На Хонти? На Страну Отцов? Или, может быть, на Зартак?

— На Саракше нет стран, заинтересованных в широком доступе к ракетным технологиям, — Штертак по-прежнему не отрывал взгляда от лица собеседника. — Такую операцию всеобщего информирования может осуществить только внешняя сила. Пришельцы из заоблачных миров.

Советник взглянул в глаза Эрладо. Уверенность, решительность и абсолютная убежденность в своей правоте. Где-то он уже видел эти карие глаза. Мельком, но видел. Лет десять назад, на Островной Империи? Черт, никак не вспомнить!

— Ладно, — Каммерер вздохнул и провел рукой по лицу, словно снимая маску советника Капсука. — Мы недооценили вас, Эрладо. Думали, что вы обычный пилот. А вы, оказывается, мальчик — ушки на макушке.

★ — Глазок-смотрок! Давайте перестанем ходить вокруг да около. Чего вы хотите?

— Откровенного вашего ответа на мои вопросы, — Штертак снова заулыбался. — Я не думаю, что вы пришли сюда, чтобы причинить зло Саракшу. С вашим-то технологическим уровнем... Если бы хотели, давно бы уже поставили наш мир на колени. Тогда зачем вы здесь?

— Чтобы помочь вам встать на ноги. Вы наделали много ошибок. Ядерная война. Авторитарные диктатуры. Постоянные военные конфликты.

— И вы этому противодействуете?

— И мы этому противодействуем, — подтвердил землянин. — Усмирили Островную Империю. Избавили от тоталитарных замашек вашего Дракон-Генералиссимуса. Предотвратили путч в Стране Отцов.

— Благодетели, значит? — Штертак скептически ухмыльнулся. — А вы подумали, что мы имеем право сами разобраться с проблемами в своем мире?

— Когда-нибудь так и будет, — согласился Каммерер. — А пока...

— Послушайте, а там, в вашем заоблачном мире, — Эрладо зло прищурился, — вам тоже помогали старшие братья с других миров?

— Ну, насколько мне известно, нет, — Максим устало опустил плечи.

— Тогда почему вы считаете нас слабее себя? — Штертак ослабился. — Да, мы наделали глупостей. Но это все в прошлом. Старший брат помог младшему, спасибо. Но младший встал на ноги и больше не нуждается в опеке. Он сам теперь будет строить свой мир. И познавать заоблачные миры.

Каммерер задумчиво посмотрел ему в глаза. Эрладо выдержал взгляд собеседника.

— Вы понимаете, что я не принимаю таких решений в одиночку? — спросил Максим.

— Понимаю, — Штертак кивнул и взглянул на часы. — Пожалуй, вам пора идти, господин Капсук. Иначе опоздаете на совещание у Дракон-Генералиссимуса. До свидания!

— До свидания, господин Большой Дракон, — Максим усилием воли снова надел на лицо маску советника. — Любопытно было с вами побеседовать!

Эрладо не ответил, повернулся и зашагал по аллее парка.

Советник Иллиу Капсук некоторое время молча смотрел ему вслед, а потом ласково потрепал по загривку послушно просидевшего у его ног всю беседу со Штертаким махкота и тихо произнес по-русски:

— А ведь ребенок действительно уже вырос...

— Гмур-р-р, — вздохнув, согласился махкот».

Устами своих персонажей Дмитрий Строгов еще раз задается вопросом: вправе ли «старшие братья» экспортировать «младшим» — или даже якобы «младшим», с их, «старшей», точки зрения, — революции и демократии, жизненные принципы и культурные достижения? Или же иные народы имеют право самостоятельно пройти свой путь развития, пусть и учась на опыте других государств и цивилизаций, но все же сами набивая шишки и получая синяки? Вопросы, которые являются актуальными и для второго десятилетия двадцать первого века.

Строгов, как и братья Стругацкие во многих своих романах, не дает окончательного ответа, приглашая читателя подумать над проблемами, исходя из собственного видения мира.

Казалось бы, все точки над «і» в романе уже расставлены, но читателя в финальной части текста произведения еще ждет эпилог. Он озаглавлен автором «БАБУШКА РАДА» — именно так, большими буквами, чтобы

читающий роман не сразу понял, что это за «бабушка» и чему она «рада». Советник Иллиу Капсук приезжает в офис академессы Рагии Магаллук — влиятельной чиновницы в иерархии руководителей Пандеи, Главы Научного ведомства. Эпилог настолько выбивается из общего контекста романа, что позволим себе процитировать его почти полностью:

«Ее голос показался Максиму знакомым. И глаза... Где-то и когда-то он уже видел эти черные, словно сияющие внутренним светом глаза.

— Госпожа академесса, — советник Иллиу Капсук улыбнулся, — у меня смутное ощущение, что мы уже когда-то встречались с вами, нет?

Улыбка коснулась ее губ, ресницы взволнованно задрожали.

— Ровно тридцать лет назад, — тихо ответила Рагия Магаллук, по-прежнему не отводя взгляда от лица гостя. — Тогда советника Иллиу Капсука звали просто Мак Сим...

— Рада... — у Каммерера перехватило дыхание. — Ты... Но твое лицо?...

— Пластическая операция, — она пожала плечами. — Я сделала ее спустя неделю после того, как ушла от тебя.

— Но почему... — в горле у Максима застрял ком. — Я же искал тебя! Я перерыл всю страну!

— Знаю, — она кивнула. — Тебе сообщили, что я пропала на курорте «Синий берег» в котле Береговой блокады Островной Империи. А я просто перебралась сюда, в Пандею. Другое лицо, новые документы. Рагия Магаллук, студентка первого курса естественно-научного факультета Иерархического университета.

— Но зачем? — Каммерер шагнул к ней и замер, не решаясь подойти ближе. — Я любил тебя!

— И я тебя любила, Максим, — лучистые морщинки обозначились у ее глаз. — Ты знаешь.

— Тогда почему?... Мы же могли быть вместе!

— И полетели бы на Землю, — с легкой иронией продолжила Рагия и вздохнула. — Сказка стала бы реальностью... Мак, а ты думал, кем бы я стала на твоей Земле? Вечным несмышленышем? Приживалкой? Я почти год была рядом с тобой, а ты так и не заметил, что я уже стала другой, совершенно другой. Та перепуганная девочка из кафе на окраине Столицы исчезла навсегда... Ты же горел внутренним огнем, понимаешь? А этот огонь имеет прекрасное свойство — зажигать другие души.

— Я мог бы остаться на Саракше...

— И мысленно все равно рвался бы на Землю... У каждого из нас есть родина. Родина, на которую мы рано или поздно возвращаемся. Я не хотела стать обузой, Мак!

Они замолчали, глядя в глаза друг другу.

— Как ты жила все это время? — Максим закашлялся.

— Как видишь, сделала неплохую карьеру, — Рагия Магаллук лукаво прищурилась. — Госпожа Академесса Иерархического Научного ведомства.

— Я не это имею в виду, — Каммерер наконец справился с комом в горле.

— Личная жизнь? — черные брови взлетели вверх. — У меня есть сын. В этом году ему исполнится тридцать. И уже четыре года как есть внук.

— Сын, которому будет тридцать... — сердце Максима замерло. — Постой, но это значит... Десять лет назад, на Островной Империи, я видел мальчишку, которого посчитал нашим сыном. Но потом он куда-то пропал...

— Это и был твой сын, Мак, — она тихонько засмеялась. — Он вернулся домой, выполнив задание пандейской разведки. Но он до сих пор ничего не знает о своем отце... Правда, я с детства рассказывала ему сказки

о прекрасной Земле за облаками и о множестве миров, которые есть во Вселенной.

— Я могу его увидеть? — Каммерер не узнал собственного голоса.

— Конечно, можешь, — Рагия Магаллук пожала плечами, и веселые искры блеснули в ее глазах. — Да ты его уже и видел!

Она взяла с письменного стола небольшую рамку с фотографией и повернула ее изображением к Максиму.

С фото на Каммерера смотрели улыбающиеся темно-волосый мужчина с чуть прищуренными карими глазами, красивая женщина и смешной лопухий карапуз.

— Погоди-ка, — Каммерер застыл, вглядываясь в черты мужчины на семейном фото. — Но это же...

— Да, — сказала бабушка Рада, и голос ее дрогнул. — Твой сын — Эрладо Штертак, первый космонавт Саракша».

Сначала даже и не понимаешь, зачем эпилог понадобился Дмитрию Строгову. Завершить историю любви Мак Сима и Рады Гаал в канонах простенькой мелодрамы? Не секрет, что для читателей всегда оставалось загадкой исчезновение девушки из «Обитаемого острова» — у АБС в «Жуке в муравейнике» и в «Волны гасят ветер» нет ни словечка о ее дальнейшей судьбе.

Но, поразмыслив, приходишь к выводу: эпилог написан не столько для того, чтобы поставить «жирную точку» в романтической истории Рады и Максима, сколько для того, чтобы обозначить еще одну грань проблемы преодоления всеобщего цивилизационного конформизма. Ведь и Эрладо Штертак, и сама Рагия Магаллук — в той или иной мере «плоды» воздействия землянина Максима Каммерера на мир Саракша. Наверное, испытал идейное влияние «бабушки-академессы» и непосредственно не контактировавший с Мак Симо «ракетный» ученый Аегудо Гуртак. Вот и спрашиваешь

себя: а способна ли была цивилизация Саракша самостоятельно, без инопланетного влияния прорвать «облачную» завесу? Могут ли некоторые человеческие сообщества самостоятельно идти по пути развития — без сооруженных кем-то извне «костылей» в виде разного рода «грантоедов» и «прогрессоров»? Дмитрий Строгов снова — совершенно так же, как и братья Стругацкие во многих своих произведениях, — оставляет ответы на эти вопросы в качестве «домашнего задания» для читателя.

Роман Дмитрия Строгова издан и уже полтора года живет собственной, «книжной» жизнью. Ходят упорные слухи, что одна из отечественных кинокомпаний собирается его экранизировать, и есть вполне обоснованные опасения, что в результате мы получим очередной «розовый танк» типа бондарчуковского «Обитаемого острова» или же многолетнюю «тянучку», как было в случае с германовским «Трудно быть богом». Читатели и писатели продолжают спорить о романе на страницах журналов и электронных фэнзинов, в социальных сетях и блогах, на конвентах и форумах, находят свои ответы на заданные автором романа мировоззренческие вопросы.

Был ли роман «Над Саракшем звездное небо» действительно написан Аркадием и Борисом Стругацкими осенью 1983 года? Или же это хоть и добротная, но все-таки поделка анонимных мистификаторов и окололитературных проходимцев?

Почему АБС — если авторство произведения все же принадлежит им — отсрочили его публикацию на целых три десятилетия? Провидчески предугадали некое сходство в социально-политическом развитии СССР образца 1983 года и Российской Федерации в 2013 году и

поэтому решили «придержать» роман? Или же была какая-то иная причина?

Случайно ли, что датой 27 марта 1983 года, которая была написана на склейке конверта, принесенного писателем Голубевым в издательство, в опубликованных не так давно рабочих записях братьев Стругацких обозначено и начало работы над романом «Волны гасят ветер»?

Увы, наверное, ответы на эти вопросы мы не получим никогда...

БОРИС ГЕОРГИЕВ,
ВАЛЕНТИН КЛЮЧКО

ЗАКАТ В БАГРОВЫХ ТОНАХ

(Размышления о повести Владимира
Плотникова «Закат отменяется»)

Читатель вправе спросить, почему мы избрали в качестве материала для статьи именно эту повесть Владимира Плотникова, а не более поздние и, если верить критикам, более удачные работы автора? Кажется очевидным, что сам он, единожды обратившись к модному ныне жанру альтернативной истории, счел опыт неудавшимся и новых попыток переписать историю не делал. Кажется бесспорным, что, захоти мы исследовать «жанр через артефакт», стоило бы выполнить сравнительный анализ нескольких значительных произведений, отмеченных премиями и не обойденных вниманием читателей, благо недостатка в подобном материале нет. И все-таки мы считаем, что лучшего примера для демонстрации родимых пятен жанра, чем повесть «Закат отменяется», не найти. Более того, возьмем на себя

смелость утверждать: знакомство с творчеством Владимира Плотникова следует начать именно с этой работы.

По заявлению автора, повесть написана для сборника «Империи» одного известного московского издательства. Насколько удалось выяснить, она была отклонена на том основании, что переломная точка исторического процесса по замыслу составителей сборника должна быть в промежутке времени между 1913 и 1917 годом. После поверхностного знакомства с текстом повести у читателя может сложиться впечатление, что условие выполнено, мы же беремся доказать, что это не так, и составители были совершенно правы, отказав Плотникова в публикации по формальному признаку.

События, описанные в повести, охватывают значительный период времени — с мая 1891 года и до мая 1929-го. Когда мы пишем «значительный», подразумеваем не только и не столько протяженность во времени, сколько значительность перемен в общественной жизни страны и убийственную их скорость. Кому сейчас придет в голову отрицать трагизм и величие того, что происходило тогда в России? Почему же в первых строках повести автор, спрятавшись под маской главного героя, пытается убедить нас, что все сложилось как должно, все правильно и жалеть главному герою не о чем «первого мая, года одна тысяча девятьсот двадцать девятого от Рождества Христова, в час небывало жаркого заката»? Чтобы понять это, выведем судьбу главного героя, известного московского врача-венеролога Михаила Афанасьевича Булгакова, из тени намеренных умолчаний и нарочито случайных «оговорок» автора.

Возраст героя нигде в тексте не указан прямо, однако его легко определить, опираясь на тот факт, что к началу действия «...одиннадцать с лишком лет прошло с того суматошного дня, когда, вырвавшись из ненавистной ему уездной больницы, после тяжких походов, службы и бед лекарь Булгаков окунулся в

целительную атмосферу московской клиники». Припоминая беседу с профессором Покровским, у коего главный герой вместе с женою остановился на первых порах, Михаил Афанасьевич замечает в числе прочего: «...удержал меня, двадцатипятилетнего обормота, от безрассудного шага — ехать тотчас в Киев. Положительно, они с Тасей заключили тогда тайный сепаратный договор».

Стало быть, когда главный герой искал под липами сквера у Патриарших прудов убежище от небывалого зноя, было ему около тридцати семи лет.

Обращаем внимание читателя на некоторые малоприметные детали — их мы намереваемся использовать в рассуждениях ниже. Во-первых: в декабре 1917 года Покровский приютил молодого коллегу с женой и уговорил его остаться. Во-вторых: автор, когда пишет о жаре, изводившей Михаила Афанасьевича 1 мая 1929 года, употребляет выражение «накануне светлого праздника». В-третьих: герой, характеризуя соглашение профессора Покровского с Тасей, использует газетный штамп «тайный сепаратный договор».

У нас есть возможность убедиться в том, что возраст героя определен нами верно — размышляя о событиях сентября 1911 года, Михаил Афанасьевич отмечает, что «от первой встречи с этим Богровым память осталась прегадкая». Далее мы узнаем, что у господ Булгакова и Яновского после встречи с Богровым «вид был предосудительный: у одного наискось была рассечена губа и рукав висел на нитке, а у другого отлетели пуговицы не только на блузе, но и на разрезе брюк спереди». Обоих, невзирая на мольбы о пощаде, уволок к директору гимназии Преподобный Макс, однако господин Богров как-то вывернулся, «хоть по совести наказать следовало именно его, ибо нет такого закону, чтобы шестиклассникам второклассников безнаказанно уродовать». Получается, Богров старше Булгакова на

четыре года. В «процитированном» Плотниковым полицейском протоколе 1911 года о самоубийстве Дмитрия Григорьевича (Мордко Гершковича) Богрова значится, что он родился в 1887 году, следовательно, мы можем установить год рождения Булгакова и Яновского — 1891-й.

Итак, придуманный Владимиром Плотниковым Михаил Афанасьевич Булгаков родился в 1891 году, в семье профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова и Варвары Михайловны (в девичестве Покровской). В 1901 году он поступил в 1-ю киевскую гимназию, где в 1903 году и произошла его первая встреча с Богровым.

О втором пересечении судеб Богрова и Булгакова автор сообщает вскользь. Случилось это «в середине пыльного жаркого августа», когда Миша, «не успевший еще расстаться с гимназическими привычками, растратил все карманные деньги на мороженое и прогуливался по Крещатику с Тасей Лаппа». На углу Прорезной они встретили Витю Яновского с франтоватым каким-то студентом. Того удалось прилично спровадить, а Витьку затащить в Купеческий сад (в открытом театре давали Шуберта), куда проникли втроем на один билет. По дороге Яновский с таинственным видом сболтнул: спроваженный фронт — тот самый Богров, с коим некогда случилась у Миши в гимназии стычка. Он пару лет валял дурака в университете Мюнхена и сделался там социалистом. Социалистов Миша не уважал и не терпел вранья, о чем и сообщил Виктору «сей же час после того, как тот потребовал от господина Булгакова строгой конспирации». Они чуть было не поссорились, однако «игра в прятки со сторожем выбила политику из гимназических голов вон». Обращаем внимание читателя: использованный автором оборот «не успевший еще расстаться с гимназическими привычками» указывает на то, что описанные события происходили в августе

1909-го, в год, когда придуманный Плотниковым Булгаков поступил в университет.

Третью встречу главного героя с Богровым мы вправе назвать роковой, но можно ли вообще считать описанное событие встречей? Давайте разберемся с этим эпизодом детально, нам еще придется к нему вернуться. В августе 1911 года у Булгаковых гостит брат Варвары Михайловны, профессор Николай Михайлович Покровский. Однажды, беседуя с племянником за обедом о литературе, он рассказывает в виде анекдота о недавнем случае с профессором Лапинским Михаилом Никитовичем — о происшествии таком странном, «ровно его Достоевский выдумал».

Некто из Киевского охранного управления пригласил профессора Лапинского для консультации в отношении доносителя: тот утверждал, что во дни визита государя императора в Киев на сановника из его ближайшего окружения будет совершено покушение. Доноситель «вел себя манерно, закатывал глаза, поднося руку к голове, как бы отдавая честь кому-то невидимому. То говорил бессвязно о победе духа над плотью, об анархии масштабов космических и об однообразной пошлости земного существования, а то вдруг, словно бы кто-то у него внутри перекладывал стрелку, вновь заводил речь о покушении, масонском заговоре и тайном обществе Управителей». Лапинский установил расщепление психических процессов и конфиденциально сообщил об этом чиновнику охранного управления.

Булгаков посмеялся вместе с Покровским над космической анархией и победой духа, но обедавший у Булгаковых Яновский заинтересовался случаем и долго еще расспрашивал о деталях. Что за тайное общество Управителей? Какое отношение к этому имеют масоны? Как выглядел доноситель? Как его звали?

Заметим, что автор, будто бы желая скрыть от читателя нечто, обрывает эпизод, сообщая лишь о том, что Яновский некоторое время «беседовал с дядей Колей приватно» и вслед за тем поспешно отбыл. Отметим также — после его ухода Покровский заводит разговор о предателях вообще и об Иуде в частности.

Далее в общем светлом тоне повествования о визите государя императора в Киев и о встрече Таси с Петром Аркадьевичем Столыпиным, в дом коего в бытность Петра Аркадьевича саратовским губернатором отец Татьяны Лаппа был вхож, проскальзывают темные нотки. Яновский сообщает Булгакову о самоубийстве Богрова — тот повесился в гостинице «Мадрид», оставив записку: «Я все равно бы кончил тем, чем сейчас кончаю». Отметим противоестественное равнодушие Яновского к собственному сообщению. «Причины самоубийства не выяснены», — говорит он и тут же, без явной связи упоминает Иуду. Окончание эпизода омрачено описанием внезапного и необъяснимого отъезда профессора Покровского в Москву. Прощаясь с племянником, Николай Михайлович говорит о совести и о врачебной тайне.

Мы проанализировали текст, сопоставили даты и пришли к выводу, что автор, желая намекнуть на причастность Яновского к «самоубийству» Богрова, пытается скрыть от читателя истинное значение события. В дальнейшем мы еще вернемся к бегству Покровского из Киева, просим пока запомнить, что отъезд состоялся 3 сентября 1911 года и что, прощаясь с «дядей Колей», Миша и Тася огорчены «тем лишь только, что завтра и Тасе уезжать, кончаются ее вакации».

Что происходило с главным героем после 3 сентября 1911 года и до начала декабря года 1917-го, мы можем определить косвенно, по значительным переменам в его характере.

★

Перед нами теперь не легкомысленный студент медицинского факультета, вчерашний гимназист, чей патриотизм основан отнюдь не на твердых убеждениях и выглядит несколько карикатурно, а состоявшийся специалист, «лекарь с отличием», успевший хлебнуть войны и «службы в тяжелом трехсводном госпитале зауряд-врачом», материалист, изверившийся и в боге, и в людях. Не только к войне, но и к любому проявлению милитаризма Михаил Афанасьевич относится с отвращением. Он легко поддается на уговоры дяди и остается в Москве.

Диалог профессора Покровского с Булгаковым о «разрухе в умах» весьма показателен по нескольким причинам. Во-первых, в нем проявляется авторский взгляд на противоречие между общественной необходимостью и свободой личности, во-вторых, в разговоре намечен путь главного героя к нравственному обновлению, в-третьих, именно тогда Покровский признается, что «и он не без греха». Когда Булгаков издевательским тоном осведомляется, «не мучают ли господина профессора призраки погибших на операционном столе шариков и жучек», тот вместо ответа сует племяннику газетную вырезку и выходит из комнаты.

Автор, не пересказывая содержания вырезки, сообщает читателю, что в заметке речь шла об убийстве на Финском вокзале Петрограда «какого-то Льва Бронштейна». При нем нашли американский паспорт, выписанный на неблагозвучную фамилию, но подлинная личность убитого следствием установлена быстро, поскольку человек этот неоднократно попадал в поле зрения охранного управления. Убийца, вооруженный автоматическим пистолетом системы «браунинг», стрелял дважды с короткой дистанции в грудь и в голову. Найти преступника властям не удалось, отчасти потому, что в придуманном Плотниковым Петрограде мая 1917 года «власть не могла саму себя найти и определить, являет-

ся ли она до сих пор властью или уже низложена», отчасти же из-за того, что люди, «считавшие себя властью, испытывали к убийце признательность за избавление от хлопот».

То, с какой настойчивостью Плотников пытается внушить читателю мысль о важности событий, описанных в газетной вырезке, выдает его замысел с головой.

Прежде чем заняться разоблачением авторских умолчаний, отметим следующий, вроде бы проходной эпизод — прислуга Покровского, Аннушка, колет на кухне лед. Автор не называет прямо фамилию, под которой читателю известен Лев Бронштейн, но «вкладывает» ее в звукоряд — удары стального острия, треск, шорох осколков. Малоинформативная, но в высшей степени экспрессивная сцена, очевидно, задумана автором как предкульминация и, нужно сказать, исполнена умело, внимание читателя захвачено.

Что же автор преподносит нам в кульминационном эпизоде? Исповедь профессора Покровского, которую, будь она оформлена отдельной главой, следовало бы называть «Я убил».

Внешне диалог выглядит так, будто Покровский уступает настояниям племянника, мы же, следя за развитием внутреннего действия, понимаем: к рассказу его побуждает совесть. Булгаков узнает от дяди, что в конце апреля к нему «на прием в клинику Кончаковского явился худенький и желтоватый молодой человек», в котором профессор не сразу признал Яновского, «хоть шесть последних лет дня не прошло, чтобы тот не был помянут». Из рассказа Покровского, чрезвычайно похожего на покаяние, мы узнаем, что в сентябре 1911 года профессор, узнав о самоубийстве Богрова, побывал в клинике Лапинского и снял копию с того, что «записывали за сумасшедшим». Эти записи и нужны были Яновскому.

Вместо ответа на вполне резонный вопрос племянника: «Зачем Витьке эта чепуха?» — Покровский рассказывает о тайном обществе Управителей, планы коих старался расстроить Яновский.

Мы не видим смысла в подробном разборе мифа о заговорщиках, «делавших историю», опираясь на выдуманную автором социоколлаптическую теорию управления. В двадцатом веке не было недостатка ни в социальных теориях, ни в людях, которые пытались с их помощью влиять на судьбы мира. Для разоблачения умысла автора нам достаточно того факта, что исчисленная Управителями коллаптическая точка приходилась, по свидетельству Богрова, как раз на май 1917 года, и фамилию Управителя, «көму поручено было вызвать в социальной системе коллапс», Богров тоже назвал.

Мы не станем также тратить время на анализ весьма эмоционального монолога профессора Покровского, выражающего суть вспомогательного конфликта повести: «общественное благо против жизни человека».

В свете предпринятого нами исследования интересно иное. Легко заметить, что реальные исторические события, произошедшие между 1 сентября 1911 года и 4 мая года 1917-го, автор показывает расплывчато, замалчивая точные даты, имена сановников и топонимы. Даже военные события, повлиявшие на судьбу Михаила Афанасьевича, Плотников обрисовывает скупо, легкими штрихами. В тексте, где исторические реалии используются только в качестве антуража, это оправданно, но ведь в повести «Закат отменяется» на них построен сюжет! Заметим, что после того самого «коллаптического» момента текст уплотняется, описания становятся точными, «резкими» и с нашей точки зрения даже избыточно натуралистичными. Почему?

Автор лукавит, играя на контрасте между альтернативной и реальной Россией. Когда он показывает нам

вывески магазинов, надписи на бортах машин «Его Императорского Величества электробусного парка», заметки в литературной газете «Осколки», каковую газету Михаил Афанасьевич читает в сквере на Патриарших первого мая 1929 года (выше мы уже отмечали, что дата выбрана не случайно), — нарочно сгущает краски. Зачем? Затем же, для чего фокусник машет платком, зажатый в правой руке, отвлекая внимание зрителя от руки левой.

Кажется очевидным: нас пытаются убедить, что именно убийство Бронштейна предотвратило коллапс российской государственности и послужило переломной точкой исторического процесса. Мы же, не уподобляясь обманутому зрителю, вернемся к «самоубийству» Богрова и спросим себя: могла ли Татьяна Лаппа 3 сентября 1911 года печалиться лишь о том, что кончатся ее вакации, если бы события шли своим чередом и «самоубийство» несчастного сумасшедшего в гостинице «Мадрид» ничего не меняло? Конечно, нет. В реальной истории 1 сентября 1911 года Дмитрий Богров совершил покушение на Петра Аркадьевича Столыпина, которому Тася особо симпатизировала. Вот что прячет от нас автор — настоящую коллаптическую точку.

Восстановим теперь истинную последовательность событий в альтернативной ветви исторического процесса. Богров, состоявший в тайном обществе Управителей после учебы в Мюнхене, получает задание осуществить во время визита государя императора в Киев покушение на Столыпина. Подготавливая террористический акт, Богров — человек психически неуравновешенный, неврастеник, теряет рассудок. Он обращается в охранное управление и сообщает о возможности теракта. Ему не верят, не без причин подозревая умственное расстройство, и подвергают обследованию. Затем Богрову помогают совершить «самоубийство» люди, с которыми

ми связан Яновский, они же в мае 1917 года устраняют Бронштейна — эмиссара Управителей. Коллапс предотвращен.

Указания на то, что история шла по альтернативной ветви с осени 1911 года, в тексте имеются. Автор как бы нехотя сообщает нам, что Россия вошла в Мировую войну вяло, придерживалась оборонительной стратегии и воевала больше в тылу, чем на передовой. Благодаря многочисленным «авторским оговоркам» мы узнаем, что армия не испытывала недостатка в боеприпасах и не несла серьезных потерь, и понимаем — это стало возможным именно потому, что убийство Столыпина не состоялось.

Нелепо предполагать, что Плотников выстроил такую сложную, двухступенчатую сюжетную структуру только лишь ради подгонки повести под условия сборника «Империиум». Нам представляется, истинная коллаптическая точка «загнана в подтекст» ради того, чтобы донести до подготовленного читателя оценку возможности сохранения монархии в России после начала Мировой войны. В сжатом виде мнение автора можно выразить такой формулой: «После сентября 1911 года сохранить в России монархический строй малыми силами было невозможно». Мы считаем, что повесть «Закат отменяется» была отклонена составителями именно поэтому, а то, что точка бифуркации приходится на 1911 год, — всего лишь формальный повод для отказа.

Вернемся теперь к утверждению, что повесть «Закат отменяется» как нельзя лучше подходит для демонстрации «родимых пятен» жанра. Что мы имели в виду? При всем уважении к автору, не можем не заметить: труд, проделанный для придания повествованию исторической достоверности, напрасен. Казалось бы, все хорошо: язык измененной реальности проработан великолепно, детализация описаний достаточна, притом не

чрезмерна, стилизация удачна и сюжетно оправданна, чего же не хватает, чтобы воскликнуть: «Верим!» и поставить повести высший балл?

Автору не следовало так вольно обращаться с математической терминологией. Не стоит употреблять слова только потому, что они красиво звучат. Представляет ли автор размерность «фазового пространства», в котором коварные его Управители строили «траектории движения общества»? Полагаем, что нет, поскольку двумя абзацами ниже он, забывшись, вместо фазового пространства говорит о фазовой плоскости. Ну, это полбеды, Покровский, исповедуясь перед племянником, вполне мог перепутать, к тому же он не математик. Представляет ли автор объем вычислений, потребных Управлятелям для «расчета траекторий в фазовом пространстве» такой мерности? Знает ли автор, когда возник термин «теория катастроф»? Осознает ли он, какой математический аппарат использовался для создания теории динамического хаоса? Мы вынуждены ответить отрицательно. К сожалению, исповедь профессора Покровского, запланированная автором как кульминация, вызвала у нас парадоксальную реакцию — гомерический хохот. Впечатление от повести, в общем положительное, было подпорчено. Господа альтернативные историки! Может быть, для изменения вывесок на общественных институтах и достаточно вовремя убить какого-нибудь Богрова, но никакими терактами вы не добьетесь от науки исполнения семидесятилетней работы тысяч ученых за один день. Лучше вызывайте джиннов или заклиняйте древних богов, выйдет достовернее.

Отметим, что не слишком удачные «математические» изыски носят антуражный характер. Полагаем, автор поступил бы правильнее, заменив реальные термины придуманными: неспециалист не заметит разницы между инцидентным пространством и простран-

ством фазовым, а специалист, встретив незнакомый термин, выдумает соответствующий математический объект. Нам кажется, автору приятней, когда журят за умышленное умолчание, чем когда бранят за вранье или уличают в невежестве. Впрочем, как мы уже говорили выше, указанные огрехи нельзя считать недостатком одной лишь повести «Закат отменяется». В большей или меньшей степени сказанное относится к любой попытке достоверно поговорить об истории в сослагательном наклонении.

Мы готовы простить Плотникову варварское отношение к математике и несколько «смазанную» кульминацию — за великолепный финал. При первом прочтении может показаться, что прогулка Михаила Афанасьевича по скверу у Патриарших прудов всего лишь рамочная сцена, устроенная отчасти для того, чтобы дать герою повод вспомнить о киевских событиях и разговоре с Покровским, отчасти для демонстрации читателю «контрастирующих» с реальностью бытовых мелочей. Все эти «электробусы», «вертопланы Сикорского» упоминаются равнодушно, как и фантоматическое оборудование частного врачебного кабинета Булгакова, и к финалу нам становится понятно почему. Не радуют Михаила Афанасьевича, известного врача-венеролога, ни деньги, ни воля, ни слава. Смутное недовольство главного героя собственной, вполне удачно сложившейся судьбой в финальной сцене усиливается. Наблюдая глазами Булгакова, как «осколки заката плавают в оконных стеклах», мы понимаем, что он несчастлив первого мая тысяча девятьсот двадцать девятого года, в час небывало жаркого заката. Мысль о том, что нужно бы вернуться домой, в семикомнатную удобнейшую квартиру, к Тасе, ему ненавистна. Вовсе не жара удерживает его в сквере под липами, он медлит, вспоминая пережитое, словно бы ждет кого-то. Его беспокойство передается нам, и, когда «зрелая луна в потемневшем

небе наливается живым серебром», достигает наивысшей точки. Мы ждем развязки. Господин престранного вида — клетчатый, в кургузом пиджачишке, с жокейской шапочкой в шарнирной руке, — приставший к Булгакову с предложением составить гороскоп по новейшей астрологической методе, кажется нам знакомым. Мы готовимся к страшным чудесам, но Михаил Афанасьевич отвечает клетчатому гаеру, что никогда не разговаривает с неизвестными, беспрепятственно покидает сквер, садится на «электробус марки 201-бис» и едет к себе на Садовую.

Примечательно то, что автор дважды в коротком фрагменте упоминает дутые электробусные шины. Нет рельсов на Патриарших, там не ходит трамвай. Ничто не грозит Михаилу Афанасьевичу, ничто не может помешать ему вернуться домой. Страшных чудес не будет.

Кажется, мы поняли, о чем хочет сказать автор. Он сообщает, что в альтернативной реальности роман «Белая гвардия» не написан и не будет написан никогда. Почему? Да потому что в декабре 1917 года военный врач Булгаков не вернулся с последним поездом в Киев — его с женою смог приютить Покровский. Он не пережил немецкой оккупации и победного вступления в Город Петлюры — Россия заключила с Германией тайный сепаратный договор. Не было никакой оккупации. Не было скорых на расправу немецких военно-полевых судов, не прятался от мобилизации в развалинах предместья Михаил Афанасьевич, потому если и напишет — так что-нибудь вроде сборника рассказов «Записки врача», да и то вряд ли. И уж конечно, последний свой закатный роман не создаст Мастер, ведь если не будет заката — не будет и Мастера. Хорошо ли это? На такой вопрос, само собой, ни Плотников, ни Булгаков, ни сам черт ответа не даст, и от нас, читатель, не ждите никаких заявлений.

ГЛАВНОЕ — УСПЕТЬ ОГЛЯНУТЬСЯ...

(Делина Русо. Краткий очерк жизни
и творчества. К 170-летию со дня рождения)

1

Есть писатели, которые были широко известны при жизни, их книги читали, о них спорили критики — однако их забыли через какое-то время после того, как они ушли из жизни.

Другие при жизни были почти неизвестны, издательская фортуна была к ним не очень благосклонна, однако именно смерть стала началом их новой жизни.

А есть и такие, которые добились успеха при жизни, но и после смерти их продолжают читать и помнить. Они составляют меньшинство.

Но именно к таким писателям можно отнести Делину Русо, «кубинскую Жорж Санд», сто семьдесят лет со дня рождения которой все культурное человечество отмечает в наступающем году.

Многие, наверное, задавались вопросом: почему именно Делина Русо осталась от рубежа XX—XXI веков, в чем секрет ее бессмертия? Особенно если учесть, что она писала преимущественно фантастику, а этот жанр всегда считался низким.

На этот вопрос можно ответить по-разному, в том числе и так: а в чем секрет бессмертия Гомера и Вергилия, Данте и Петрарки, Сервантеса и Шекспира, Пушкина и Некрасова, Чехова и Бальзака, Толстого и Куприна, Гюго и Дюма, Уэллса и Стругацких, Лорки и Пастернака, Борхеса и Карпентьера, Пелевина и Лема?

В чем секрет бессмертия сотен других писателей и поэтов, которые вошли в золотой фонд человеческой культуры и по-прежнему являются нашими друзьями, советчиками и собеседниками?

Думается, что ответа на этот вопрос не существует. Или каждый из нас найдет на него свой ответ — тот, которые подскажут разум и сердце.

И Делина Русо вот уже 170 лет живет рядом с нами и будет жить до тех пор, пока людям интересна мудрость ушедших поколений.

2

Фиделина Росси (именно таково подлинное имя Делины Русо) родилась 24 января 1971 года на Кубе, в городе Камагуэй.

Имя «Фиделина» девочка получила в честь Фиделя Кастро — выдающегося политического деятеля Кубы, который много десятков лет стоял во главе этого небольшого островного государства в Карибском море и оказал огромное влияние не только на судьбу латиноамериканского континента, но и всего человечества.

На закате жизни Делина Росси напишет роман о Фиделе — «Мессия», который станет одной из лучших ее книг.

Но до заката еще было очень далеко, да и жизнь юной Фиделине в то время казалась очень длинной, почти вечной. Особенно если детство проходит на тихих улочках старинного Камагуэя...

Камагуэй был в то время музеем под открытым небом, он полностью сохранил старинный облик колониальных времен — и оставался таким вплоть до страшного Кубинского землетрясения, которое унесло сотни тысяч жизней и разрушило десятки городов и мелких населенных пунктов.

Фиделина, будучи ребенком, бегала по узким и изви-
листым улочкам Камагуэя вместе со своими школьными
друзьями и подругами, каждый раз открывая для себя
новые уголки родного города. Спустя всего лишь 10 лет
впечатления детства найдут свое отражение в неокон-
ченной повести «Город кувшинов», написанной в жан-
ре «магического реализма». В этой юношеской повести
чувствуется влияние классиков латиноамериканской
прозы, в первую очередь Габриэля Гарсия Маркеса, ко-
торый и считается основателем данного литературного
направления в далекие 60-е годы двадцатого века.

Однако, несмотря на влияние предшественников,
эту повесть нельзя назвать эпигонской. «Город кувши-
нов» — в целом самостоятельное произведение, в кото-
ром Город — именно так, с прописной буквы, называет
Камагуэй своего детства Фиделина, — предстает перед
глазами читателя как живое существо, которое прони-
кается нежной отцовской любовью к маленькой 10-лет-
ней девочке и открывает перед ней свою душу. Каждый
домик, каждая улочка, каждый тупичок, мимо которых
проходит юная героиня, рассказывают ей свою исто-
рию, и маленькая зрительница и слушательница ста-
новится частью города, впитывая память тех, кто жил
здесь задолго до нее, и в итоге сама становится душой
Города. На последних страницах рукописи юная героиня
стоит на колокольне, вглядываясь в очертания родно-
го Города, освещенного лучами закатного солнца, слов-
но пытаясь разглядеть не только будущее Камагуэя и
будущее своей страны, но и будущее всего человече-
ства...

Последняя фраза, которой обрывается рукопись по-
вести «Город кувшинов» — «Она стояла на колокольне
собора, перед ней расстилался весь Город, но почему-то
в душу вползал непонятный, ничем не объяснимый
страх, ей очень хотелось оглянуться, но она не могла
сдвинуться с места, потому что чувствовала, что поза-

ди — бездна. Она не понимала, откуда там могла взяться бездна — сзади были такие же черепичные крыши Города. И когда страх коснулся сердца девочки, Город пришел ей на помощь: подул прохладный ветерок, остужая разгоряченное лицо, и она услышала знакомый голос, который был с ней всегда: «Не надо сейчас смотреть назад, гляди прямо, только вперед... Ты еще успеешь оглянуться...»

Повесть, как уже было сказано ранее, осталась незавершенной — Фиделина писала ее весной 1988 года, когда уже жила и училась в Гаване. Ей недавно исполнилось 17 лет, а в этом возрасте не очень хочется сидеть над рукописями, придумывая фантастические миры. Это возраст весеннего цветения, возраст любви. Возраст, когда хочется жить и дышать...

Позднее в творчестве Делины Русо тема «оглянуться назад» вошла как архетип. Герои ее книг постоянно вспоминают прошлое — и свое собственное, и прошлое человечества. Почти всем им прошлое кажется лучшим временем жизни. И в то же время и герои книг Делины Русо, и сама писательница понимают: нельзя жить одним только прошлым, каким бы счастливым оно ни было. Надо двигаться в будущее. Строить будущее своими руками, делать его светлее и чище, удобнее для жизни людей.

И в то же время — надо не забывать оглядываться на прошлое. Потому что прошлое — это память. А тот, кто потерял память, обречен на прозябание, хотя ему самому может казаться, что он счастлив...

Многие современники — а тем более критики — не всегда понимали душевных устремлений Делины Русо, но жизнь показала, что права была она, а не те, кто не давал хода ее книгам, кто требовал переписать некоторые эпизоды и выбросить отдельные главы — именно те, которые, по мысли писательницы, были в них ключевыми.

В 1982 году, когда Фиделине исполнилось 11 лет, в ее жизни случилось чудо — она поехала жить и учиться в СССР. Дело в том, что отец будущей писательницы — Рауль Росси — был военным, служил в войсках ПВО Кубы, и государство отправило его на обучение в советский город Волжск, в котором тогда находилась военная академия, где обучались офицеры из тогдашних социалистических стран.

По обычаям того времени майор Росси должен был ехать в СССР вместе со своей семьей. Вот так Фиделина и ее маленький брат — тоже Рауль — и оказались в далеком Советском Союзе, побывать в котором в то время мечтали почти все кубинцы. Можно сказать, что Фиделина вытащила счастливый лотерейный билет и выиграла.

Так в жизнь будущей писательницы вошел еще один город — русский, советский город Волжск, в котором она прожила два года. Вначале этот город казался девочке чужим, серым и неприветливым. Но Фиделина очень быстро освоилась в новом для нее мире, выучила русский язык и обзавелась множеством друзей, среди которых был и Андрей Бородин, тоже впоследствии писатель, однако в настоящее время о его творчестве знают исключительно историки русской фантастики, которые специализируются по тому времени.

Спустя двадцать с лишним лет Фиделина Росси (которая уже к тому времени обзаведется псевдонимом Делина Русо, и в этом литературном имени ясно слышна «русскость») напишет автобиографическую трилогию «Книга дружбы», в состав которой входят романы: «Двор», «Среди друзей» и «Последний год».

Издательская судьба этой книги очень драматична, однако мы не будем на ней останавливаться. Заметим

только, что в полном объеме трилогия вышла только спустя пять лет после смерти писательницы.

Трилогия тесно связана с повестью «Город кувшинов». В прологе героиня повести, 11-летняя девочка, ходит по знакомым улочкам родного Камагуэя, как бы прощаясь с ним. Ведь она понимает, что не скоро увидит родной Город. И не знает, сможет ли далекий советский город, о котором она почти ничего не знает (ведь Ворлднета в те годы еще не было), стать для нее родным.

И правда — в самом начале осенний Волжск кажется юной героине неприветливым, хмурым. Но постепенно она понимает, что Город — писательница также называет Волжск с большой буквы — такой же уютный и добрый, каким был родной Камагуэй. Ведь в нем живут друзья, с которыми она могла бы никогда и не встретиться, если бы ее отец не был военным...

«Книга дружбы» — очень добрая и светлая книга, которая по интонации напоминает лучшие романы русского писателя Ивана Бунина и кубинского писателя Алехо Карпентьера (с творчеством которых Делина была хорошо знакома). Юная героиня чувствует себя счастливой в этом чужом для нее, но тем не менее прекрасном мире.

Очень много места в трилогии занимают описания Волжска — его улочек и проспектов, гранитных волжских набережных и берегов, заросших душистыми травами. Описывает она и двор, в котором героиня встречается со своими друзьями (большинство из них, как известно, названы реальными именами).

Именно это и вызывало неприятие, почти ярость европейских издателей, которые считали, что книга перегружена описаниями и рефлексией, а сюжет невероятно затянут. В итоге «Книга дружбы» была издана в 2004 году в Париже, в одном из крупнейших в Европе издательств «Lit-Evgora-ltd», но с большими купюрами.

Делина Росси была очень недовольна, однако ей пришлось смириться с издательским произволом, так как она очень хотела, чтобы главная книга ее жизни увидела свет.

В последнем романе трилогии, «Последний год», появляются и трагические нотки: героиня, которой уже исполнилось 13 лет, понимает, что детство уходит, а вместе с неизбежным взрослением приходит понимание того, что она скоро покинет Город, вернется домой. Но радость возвращения получается с налетом грусти: ей не хочется расставаться с друзьями и Городом. И в эпилоге романа, который носит название «Домой!», девочка стоит на мосту, смотрит на Волгу и старинные домики на набережной и твердит, как заклинание: «Я сюда вернусь! Вернусь! Вернусь!»

Этими словами и кончается роман.

Однако Фиделина Росси, как мы знаем, так и не вернулась в Волжск. Хотя такая возможность у нее была: в 2000–2010-х годах Делина Русо подолгу жила в Европе, а границы СССР в то время были открыты почти для всех, в особенности для граждан дружественной Кубы.

Один раз Делина Росси побывала даже в Москве, где состоялась презентация советского издания «Книги дружбы». Представитель издательства уговаривал писательницу устроить презентацию и в Волжске, до которого на скоростном поезде можно было доехать всего за час, однако Делина Росси вежливо отклонила предложение, сославшись на сильную занятость.

Некоторые биографы Делины Русо считают, что писательница отказалась посетить город, в котором прошли два года ее детства, по той причине, что она боялась разочароваться, увидев, как город изменился за эти десятилетия.

Скорее всего, так оно и есть. Возможно, пролить свет на эти факты биографии великой писательницы мог-

ли бы ее дневниковые записи, которые она вела всю свою жизнь. Однако большую часть дневников она уничтожила незадолго до смерти — как будто предчувствовала финал и не хотела, чтобы ее сокровенные мысли и чувства стали всеобщим достоянием. Также стерла она и все свои записи в блоге, которые носили личный характер.

Сохранился лишь листок тетрадного листка со словами, торопливо написанными красным карандашом: «Нельзя не только дважды войти в одну реку, но и вернуться туда, где ты был счастлив».

И дата — 25 декабря 2021 года.

4

Стоит ли говорить, какое огромное влияние оказали на будущую писательницу два года, проведенные в СССР?

Живя в русской среде, Фиделина Росси в совершенстве освоила русский язык, тем самым приобщилась к русской культуре. С юного возраста в ее культурный багаж вошла русская классика — сначала, разумеется, это были произведения из школьной программы (Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Некрасов, Александр Куприн, Сергей Есенин, Антон Чехов, Аркадий Гайдар). Однако девочка отличалась любознательным умом и живым нравом, ей была интересна страна, в которой она была вынуждена жить, поэтому она по своей инициативе знакомилась с творчеством русских писателей — в первую очередь, разумеется, тех, что писали для детей: Виталий Бианки, Михаил Пришвин, Константин Паустовский, Владислав Крапивин, Анатолий Алексин. Спустя некоторое время — когда Фиделина уже вернулась на Кубу — она познакомилась с творениями (опять же на русском языке) Ивана Тургенева, Льва Толстого, Федора Достоевского, Ивана Буни-

на, Михаила Булгакова, Михаила Шолохова, а также современных советских писателей.

Русская литература и русская культура в целом вошли в плоть и кровь Фиделины Росси. «Я — человек русской культуры. Я — почти русский человек!» — не раз говорила писательница в своих интервью. «Если бы у меня была возможность родиться заново, выбрав страну, где я хотела бы жить, — я бы родилась и жила в России», — заявила Делина в январе 2010 года в интервью советскому журналу «Огонек».

И тем не менее за всю свою творческую жизнь она побывала в России только один раз.

«...Нельзя не только дважды войти в одну реку, но и вернуться туда, где ты был счастлив».

В июле 1984 года Фиделина Росси вернулась на Кубу. Около года она прожила в Камагуэе, а потом ее отец получил новое звание и повышение по службе, и семья переехала в столицу, в Гавану.

В Гаване в 1988 году Фиделина окончила школу, затем училась в Гаванском университете, на отделении русской словесности, где получила специальность «переводчик». После окончания университета в 1993-м в течение пяти лет работала в издательстве «Habana Vieja», где переводила с русского на испанский книги советских писателей, в основном фантастику, которая начала бурно развиваться именно в 90-е годы, когда Советский Союз, преодолев политические и экономические трудности, сделал стремительный рывок вперед. Правда, большинство этих авторов ныне забыты, и их может вспомнить только историк литературы, однако в 90-е годы XX века советская фантастика была известна и популярна во всем мире. А читатель дружественной Кубы знакомил-

ся с новинками советской фантастики именно благодаря переводческой деятельности Делины Русо.

Именно для издания своих переводов она первоначально взяла этот псевдоним.

А потом псевдоним стал именем, под которым кубинскую писательницу узнал весь мир.

5

Свои собственные произведения Фиделина начала писать в возрасте 15 лет. Дата рождения писательницы Делины Русо известна точно: 14 января 1987 года, за неделю до своего дня рождения, Фиделина закончила свой первый рассказ. Вернее сказать, небольшую фантастическую повесть: «Экскурсия в будущее».

Повесть, как уже ясно из названия, была фантастической. С очень сильными элементами ностальгии по уходящему детству. История начиналась с того, что кубинская девушка по имени Долорес, которой скоро должно исполниться 16 лет (понятно, что это — альтер эго самого автора), рано утром проснулась, и оказалось, что она находится не в своем доме в Гаване, а в городе Тверецке, и ей снова 12 лет. А рядом все ее русские друзья...

Такова завязка истории. Разумеется, Фиделина сучала по далеким советским друзьям, которые остались в прошлом. Правда, с некоторыми из них она вела общение при помощи переписки. Большинство из читателей этой статьи, которые не специализировались в школе по истории, плохо знакомы с реалиями XX века, поэтому им требуется пояснение, что такое «переписка».

В 80-е годы XX века еще не было эль-почты и личных телескефов. И люди, которые жили в разных городах и странах, общались друг с другом при посредстве писем, которые писали от руки на бумаге, затем

вкладывали в специальный пакет — он назывался «конверт», писали на конверте имя человека и координаты места, где он жил, а потом опускали в специальные ящики, которые стояли на улице почти у каждого дома. Затем из этих ящичков пакеты забирали специальные люди — работники организации, которая называлась «почта», и передавали другим специальным людям, которые занимались перевозкой бумажных конвертов в другие населенные пункты. Перевозка осуществлялась поездами и самолетами. Когда конверт попадал в нужный город, там другие специальные люди — тоже работники почты — находили координаты того, кому предназначалось письмо, и оставляли пакет в специальных ячейках, которые обычно располагались на первом этаже жилого дома, и назывались они «почтовые ящики». Если ящика не было или он был сломан, а также в тех случаях, когда было специальное указание отправителя письма, пакет отдавали лично в руки, под роспись на специальном бланке. Очень сложная, многоступенчатая система, малопонятная современному человеку. И главное — очень долгая. Это сейчас мы мгновенно получаем на телескеф сообщение, отправленное из другого полушария, — а тогда надо было ждать несколько недель, а то и месяцев, пока письмо дойдет. В те времена человеческая жизнь текла неторопливо, не было того бешеного ритма, который накрыл человечество, когда были изобретены Ворднет и эль-почта.

Именно так и жила Фиделина Росси. Правда, к концу 90-х годов XX века уже появились прообразы современной эль-связи, возникла комп-сеть, и люди постепенно стали отходить от долгой «переписки» посредством пересылки бумажных конвертов, однако в конце 80-х годов таких технологий еще не было.

Кстати, к концу 80-х относится и возобновление переписки Фиделины с Андреем Бородиным, который, судя

по всему, испытывал к ней самые искренние чувства еще в те времена, когда девочка жила в Волжске. И Фиделине, по всей вероятности, тоже нравился Андрей Бородин. Сейчас очень трудно сказать, имела ли Фиделина Росси намерение выйти замуж за своего советского воздыхателя, но в дневниковых записях Андрея Бородина, которые, в отличие от аналогичных дневников Делины Росси, дошли до нас практически полностью, есть одна очень интересная запись, датированная 2 мая 1987 года: «Если бы Она не уехала, мы могли бы, наверное, пожениться...»

Переписка между Фиделиной и Андреем прервалась как раз в мае 1987 года — видимо, по инициативе самой девушки, которая, судя по всему, пришла к пониманию, что продолжать общение дальше — это значит жить в мире грез и фантазий, которые, скорее всего, никогда не сбудутся. В конце 80-х годов XX века не только бумажные письма шли очень медленно — не так уж и просто было вообще попасть с одного конца Земли на другой... Это сейчас скоростной ракетолет доставит вас в любую точку планеты всего за 3–4 часа, а тогда даже переезд твоего друга в другой город (не говоря уже о других странах) был равносильен расставанию навсегда...

Тем не менее в повести «Экскурсия в будущее» Фиделина (Долорес) и Андрей (который так и остался Андреем) встречаются. Причем так, как будто и не расставались вовсе...

И действие повести стремительно срывается с места в карьер: пятерым друзьям (троим мальчишкам и двум девчонкам, русским и кубинским) вдруг захотелось побывать в будущем — в середине XXI века. Чтобы узнать, наступил ли наконец в мире всеобщий коммунизм.

И они в этом будущем тут же оказываются. Причем начинающая писательница не объясняет, как ее герои

попали на 150 лет вперед. Да это, по всей видимости, и не важно — просто 15-летний автор захотел представить себе будущее и представил, показав их глазами своих героев, которые были чуть младше самой девушки-писательницы. Герои повести путешествуют по СССР будущего, в котором уже наступил коммунизм, и поэтому в мире живут только добрые и приветливые люди, и любой желающий может полететь на Луну и даже на Марс... Наивное юношеское произведение — как, впрочем, и большинство книг, написанных в прошлые времена в жанре фантастики, в которых писатели (и молодые, и опытные) пытались предугадать будущее. Однако первая повесть Делины Русо интересна в первую очередь не картинками будущего, а тем, как показаны отношения между героями. Делина Росси пыталась показать зарождение первого чувства между Долорес и Андреем, которые всячески стараются скрыть его. А когда решают, что настала пора объясниться, — будущее исчезает, словно снег, что растаял под лучами апрельского солнца, и 12-летняя девочка Долорес возвращается в Гавану, снова превращаясь в 16-летнюю девушку, сердце которой открыто любви. И она, эта девушка, к которой вдруг пришла мудрость, понимает, что возвращение в детство и встреча со старыми друзьями — это всего лишь мираж, который мешает жить реальной жизнью. И финальным аккордом звучат драматические слова: «Я туда никогда не вернусь. Не смогу вернуться. Я буду жить здесь. Но я буду иногда вспоминать. И мечтать, что все-таки вернусь...»

Повесть «Экскурсия в будущее» — это сублимация девушки-подростка, которую преследует ее собственное прошлое, и чтобы порвать с этим прошлым окончательно, окончательно расстаться с детством — надо выплеснуть эмоции на бумаге...

И тогда они не будут мешать жить.

...Спустя 20 лет Делина Росси переделала свою юношескую повесть, издав ее под названием «В глубину галактики».

Сюжет остался практически без изменения, только на этот раз юные герои путешествуют не в будущее, а в космос. Вместе с девочкой-инопланетяжкой по имени Лада, с которой они познакомились и подружились опять-таки в Тверецке, и она вдруг захотела показать им свою планету...

Повесть вышла в 2009 году одновременно в Париже и Москве.

6

Кубинские писатели обращались к фантастике (в том числе и научной) и до Делины Русо — достаточно вспомнить имена Анхеля Аранго (1926–2012) и Даяны Чавиано (1957–2029, дата смерти требует уточнения), однако именно Делина Русо вывела этот жанр на тот же мировой уровень, на которые вывели кубинскую реалистическую прозу Дора Алонсо (1910–2001), Хосе Солер Пуиг (1916–2003), Лисандро Отеро (1932–2008) и Алехо Карпентьер (1904–1980). Впрочем, в своем творчестве эти и другие кубинские писатели тоже не раз обращались к фантастике, преимущественно мифологической.

Кстати, очень большое влияние на становление Делины Русо как писателя оказало именно творчество Алехо Карпентьера, с книгами которого она впервые познакомилась еще в 14-летнем возрасте. Кубинец по рождению и гражданству, он был сыном французского архитектора и русской художницы (которая приходилась родственницей поэту русского Серебряного века Константину Бальмонту) — в начале 1920-х годов она покинула Россию, не приняв народной революции. Будучи наполовину русским, Алехо Карпентьер всю жизнь ин-

тересовался Россией и русской культурой, и его последний роман — «Весна священная» — повествует о судьбе русской женщины, которая покинула революционную Россию, десятилетиями скиталась по миру, а в итоге обрела свою вторую родину на Кубе, которая тоже прошла через очищение революцией. Делина Русо многократно перечитывала этот роман, особенно находясь на чужбине после вынужденной эмиграции, и находила в себе черты Веры — героини романа Карпентьера. Такой же несчастной и неприкаянной, как и сама Делина...

7

В 1996 году в Гаване вышла первая книга Делины Русо — сборник «Окно», в который вошли 10 рассказов. Рассказов очень странных и необычных. Очень трудно определить их жанр. С одной стороны, это фантастика. Но не та, которую принято называть научной. И к фэнтези их трудно отнести. Но и реалистическими их назвать очень сложно. Судите сами: герои рассказов — шляпа, в спешке потерянная хозяином, и которая хочет к нему вернуться («Шляпа»); раненый птенец чайки, который заблудился в переулках приморского города, очень похожего на Гавану («Морская стихия»); гитара, которая вспоминает всех, кому она когда-то играла («Гитара»); капли дождя, которые мечтали достичь поверхности земли, а когда их мечта осуществилась — они с ужасом поняли, что им уже никогда не вернуться на небо («Капли дождя») ...

Особняком в сборнике стоит рассказ «День последний...», который повествует о девочке, которая уезжает из города, где прошло ее детство. Это очень чистый, грустный рассказ, в котором опять-таки чувствуются биографические нотки. Правда, Делина Русо завуалировала реальность, в рассказе не упоминаются суще-

ствующие географические названия, действие происходит в каком-то вымышленном мире.

К какому литературному жанру можно отнести эти рассказы? Скорее всего, это так называемая «странная проза», или «новый магический реализм», который в середине 90-х пришел на смену прежнему «магическому реализму».

В начале 1998 года на прилавках книжных магазинов Кубы появился роман «Чудовище», который стал переломным в судьбе молодой писательницы. Это был первый (и, увы, единственный) опыт Делины Русо в жанре философско-мистической фантастики. Единственным — скорее всего, потому, что кубинская критика не приняла этот роман, посчитав его «эпигонским, подражанием худшим американским образцам». «Зачем кубинскому писателю писать так, как принято писать по ту сторону Мексиканского залива? — вопрошал один из рецензентов. — Чтобы потрафить нездоровым вкусам тех, кто в сложный период оставил Родину, оккупался в Майами и, получая иудины тридцать сребреников, презрительно плюется сквозь зубы в сторону народа, который строит новую жизнь?»

Роман был признан контрреволюционным, и перед молодой писательницей, которую еще совсем недавно называли «надеждой новой кубинской литературы», возникла дилемма: эмигрировать или покаяться. После некоторых раздумий писательница выбрала покаяние.

16 августа 1998 года Делина Русо выступила с покаянным письмом в молодежной газете «Juventud Rebelde». Писательница попросила прощения у своего народа за «уступку вражеской идеологии» и поклялась в верности социалистическим идеалам. Извинения были приняты — через неделю главная газета страны «Granma»

поместила пространный материал, в котором говорилось, что некоторые молодые кубинские писатели и поэты, в силу своей молодости, не смогли самостоятельно разобраться в политической ситуации в стране и мире и едва не ступили на дорогу, «ведущую в никуда, однако страна и народ простили своих заблудших детей, приняв их извинения». Имена писателей перечислены не были, однако всякий, кто был в курсе, понимал, что речь идет в том числе и о Делине Русо.

Страна простила свою писательницу — однако роман «Чудовище» был изъят из книжных магазинов и библиотек Кубы. Тем не менее в 1999 году книгу были готовы издать в СССР, где идеологический гнет был не такой жесткий, однако писательница, не объясняя причин своего решения, не дала на это согласия. Правда, в скором времени запретную книгу можно уже было свободно найти в Ворлднете.

Роман был свободно издан на Кубе только в 2019 году, когда президент Конфедерации Социалистических Бolivарианских Республик объявил творчество Делины Русо «национальным достоянием всех свободных народов Центральной и Южной Америки».

Сейчас, перечитывая «Чудовище», очень трудно понять, почему тогдашнее кубинское руководство почитало книгу контрреволюционной, что крамольного нашли в нем ревнители социалистической идеологии. Действие романа разворачивается, как всегда у Делины Русо, в некоем вымышленном мире, который мало соприкасается с современной реальностью: у стен Города, который расположен на границе Леса и Моря, поселилось чудовище, которое никого не впускает в город и не выпускает из него. Правда, никто этого монстра в глаза не видел — но все знают, что он существует. Потому что об этом на каждом углу вещают глашатаи, которые просят горожан вести себя тихо, чтобы не злить чудовище, иначе оно войдет в город.

Горожане в панике: если чудовище не прогнать от городских стен или не убить, закончатся припасы, и все умрут от голода. Бургомистр объявляет о создании особого положения, вводит комендантский час, запрещает горожанам собираться больше двух человек, поднимает цены на продовольствие — во имя борьбы с чудовищем.

В том, что чудовище на самом деле существует, усомнился только один человек — юный менестрель Анрике. «Никаких чудовищ нет, — говорил он. — Все монстры, все чудовища — это наши собственные страхи. И наше нежелание быть свободными...» Городские власти объявляют Анрике сумасшедшим — ибо только сумасшедший не может верить в то, во что верят все.

Тогда, чтобы доказать свою правоту, Анрике решает покинуть город. «Если я смогу выйти за стены — значит, я прав!» — заявляет он.

Однако Бургомистр и его окружение понимают, что если никакого чудовища и правда нет, то горожане поймут, что их просто обманывали, они поднимут восстание и свергнут тех, кто ими правит. Чтобы не допустить этого, они решаются убить менестреля, свалив его смерть на чудовище. «И так будет со всяким, кто усомнится в нашей правоте!..» — высокопарно заявляет Бургомистр на заседании городского совета.

Свободолюбивый Анрике погибает, однако, когда его тело приносят на площадь, чтобы продемонстрировать горожанам, что бывает с теми, кто бросает вызов чудовищу и городской власти, — выясняется, что огонек жизни еще теплится в израненном теле. Анрике, прежде чем умереть, говорит горожанам, собравшимся на площади: «Никакого чудовища за стенами нет. Оно внутри... Оно в вас. Во всех нас. Мы все — монстры, чудовища...»

Именно этими словами Анрике кончается роман. Таким образом, финал получился открытым, читатель не

знает, как отнеслись горожане к смерти менестреля и его словам и что последовало дальше. Возможно, именно поэтому некоторые критики высказывали мнение, что этот роман — о втором пришествии Христа, который в очередной раз потерпел поражение в борьбе за души людей — ибо в них, как и две тысячи лет назад, живут чудовищные монстры, и люди не стремятся их изгнать, чтобы впустить Бога. Правда, все традиционные конфессии — от католиков до православных — почитали такую трактовку богохульством. Тем не менее к роману со стороны духовенства претензий не было, чего нельзя сказать о последнем романе Делины Русо — «Мессия», который был написан спустя двадцать с лишним лет и вызвал не только бурную дискуссию в мире, но и резкое неприятие со стороны всех христианских конфессий.

На рубеже 1998–1999 годов, когда скандал, связанный с романом «Чудовище», уже затих, в Гаване выходят одна за другой две новые книги Делины Русо: романы «Поворотик на двенадцать парсеков влево» и «Страница». Эти книги очень разные по стилистике и настроению, и можно только удивляться, что они написаны практически одновременно.

«Поворотик на двенадцать парсеков влево, или В сторону от Вселенной» — это очень смешная, живая книга, в которой рассказывается о похождениях незадачливого звездоплывателя Ура Чадоса, чем-то похожего на лемовского Ийона Тихого. И сходство героев было отнюдь не случайным: Делина посвятила роман великому польскому фантасту, с книгами которого познакомились еще в детстве. Герой книги Делины — бесстрашный покоритель пространства и времени, много раз пересекший из конца в конец Вселенную и открывший край света. Ур Чадос постоянно попадает в разные комические ситуации. Например, он постоянно пролетал мимо нужных ему планет, но

свое неумение управлять звездолетом объяснял «прорисками бессердечного пространства». Ссылки на объективные причины сопровождались неперменным восклицанием: «Ничего себе поворотик на 12 парсеков влево!»

Роман был практически сразу переведен на все европейские языки, в том числе польский. Скорее всего, пан Станислав книгу прочитал, однако никогда не высказывался о ней.

А вот роман «Страница» написан совсем в другом ключе: он не комичен, а трагичен, хотя и представляет собой увлекательный сплав любовного романа и традиционной научной фантастики.

Героиня романа — Лаура, девушка семнадцати лет, которая неожиданно поняла, что может свободно перемещаться во времени. Она не понимает, откуда у нее взялся этот Дар, — но понимает, что это подарок свыше, и потому, не раздумывая, совершает одно за другим путешествие в прошлое — в основном времена европейского Средневековья.

Перед читателем предстают города и страны, описанные так, что читатель чувствует: прошлое — реально, стоит протянуть руку — и ты сможешь прикоснуться к давно ушедшему времени... Некоторые критики считали, что повествование затянуто, перегружено лишними описаниями, однако именно это и является особенностью авторского стиля Делины Русо, которая не раз говорила и писала, что главное — это не о чем ты пишешь, а как. «Вы сидите у окна и смотрите на дождь. Можно просто рассказать о дожде и описать, как по оконному стеклу барабанят капли. А можно передать свое отношение к дождю». Почти все книги Делины Русо — это не описание миров, а описание отношения писательницы к этим мирам.

...Лаура никому не рассказывает о своем Даре, да и не хочет она, чтобы все знали, что она счастлива, по-

тому что может вырваться за пределы унылого современного мира и жить в прошлом столько, сколько сама захочет. Однако через некоторое время девушка понимает, что одно и то же время и пространство она может посетить только один раз. Вначале данное обстоятельство совсем не тревожит Лауру — ведь она еще совсем молода, а впереди — столько интересного и неизведанного! Однако во время одного из своих перемещений девушка попадает во Флоренцию 1470 года, и, гуляя по городу, который еще не похож на тот, каким он будет пятьсот лет спустя, знакомится с молодым художником. Художника зовут Леонардо. Между молодыми возникает вначале симпатия, которая перерастает во влюбленность — и завершается страстью. (Эти страницы романа очень откровенны — и в то же время целомудренны. Читатель понимает, что происходит между молодыми героями, мужчиной и женщиной, однако писательница мудро не показывает физиологию — только эмоциональный фон.) Лаура решает остаться с Леонардо в его времени — она понимает, что больше не сможет без него жить, ведь у девушки в ее родном будущем личная жизнь не складывается (как, впрочем, она не складывается и у самой писательницы, несмотря на то, что она успела побывать замужем и родить дочь). Но девушка не властна над своим Даром — и ее выбрасывает из этого времени и пространства, как до этого не раз выбрасывало из других пространств и времен, и влюбленные расстаются — по всей видимости, навсегда, ибо, как уже было сказано ранее, Лаура не может повторно посетить одну и ту же историческую эпоху. (В очередной раз мы видим привычный творчеству писательницы архетип: как нельзя дважды войти в одну и ту же реку, так и невозможно вернуться туда, где ты был когда-то счастлив.)

В эпилоге романа молодая женщина решает бросить вызов судьбе — вернуться туда, где нашла свою лю-

бовь. Но попадает во Флоренцию середины XVI века, где узнает, что любимый давно уже умер... Лаура находит могилу Леонардо (который оказывается совсем не тем Леонардо, который должен был стать да Винчи) — и проклинает свой Дар, который не принес ей счастья... И с ужасом понимает, что больше не сможет перемещаться во времени...

И опять перед нами — открытый финал: писательница оставляет читателя на распутье, как бы предлагая ему стать своим соавтором и домыслить, как сложится судьба Лауры дальше. То ли Лаура потеряла Дар навсегда и навсегда останется в XVI веке, где у нее есть только могила любимого, то ли способность перемещаться во времени к ней вернется, и она снова бросится на поиски мира, где Леонардо еще жив...

Роман «Страница» вызвал массу самых положительных отзывов на Кубе, критики наперебой величали Делину Русо «самым молодым классиком кубинской и латиноамериканской прозы», пророчили ей блестящее писательское будущее.

Однако то, что произошло в марте 1999 года, повергло Кубу в шок: Делина Русо заявила, что намерена уехать из страны. «Мое решение не политическое, — написала она в письме главе государства Фиделю Кастро. — Никто не может сомневаться в моем патриотизме и верности идеалам Революции. Мое решение носит сугубо частный характер».

Власти не стали чинить препятствий известной писательнице, и в начале июля 1999 года Делина Русо покинула любимую Родину, сохранив при этом кубинское гражданство.

Вначале Делина жила в Майами и даже напечатала в эмигрантской газете несколько рассказов. Однако эмигрантская среда относилась к Делине Русо настороженно — писательница не раз говорила публично, что не разделяет идеологию «антикастризма» и верит в побе-

ду Революции и социализма. При такой позиции найти точки соприкосновения было очень трудно, если вообще возможно.

Возможно, именно поэтому уже в конце ноября 1999 года Делина переехала в Европу, в Париж — по приглашению крупного французского издательства «Lit-Evgora-ltd», которое предложило заключить уже набиравшей в мире популярность писательнице эксклюзивный контракт на 10 лет.

Новый 2000 год — первый год нового, двадцать первого века Делина Росси встретила в Париже — но уже в январе улетела в Венесуэлу, где прожила почти восемь лет.

...Но жаркий март 2008 года, когда во Франции случился известный политический кризис и к власти чуть было не пришло просоветское правительство, Делина Русо встретила в Париже...

8

Венесуэльский период жизни и творчества стал очень плодотворным для Делины Русо. Именно в этой стране, где к власти пришел команданте Чавес и народ при помощи Кубы и СССР приступил к строительству боливарианской модели социализма, она заканчивает автобиографическую «Книгу дружбы» (1999—2002). А в 2003 году приступает к работе над циклом «космических» романов — «Из жизни будущего», очень пафосных и в то же время лирических, пронизанных идеалами гуманизма. Всего в этот цикл входит 20 романов, в том числе «Книга моего папы», «Считается символом», «Среди юных», «Это они — герои!», «Классическая миниатюра», «Экслибрис», «Два веселых олененка».

Мир романов цикла — это очень далекое будущее, когда человечество практически свободно перемещает-

ся по нашей Галактике и даже выходит за ее пределы, устанавливая контакты со множеством космических рас. Тема контакта — ключевая в цикле, а главное, по мысли писательницы, это уметь понять Чужого — разумное существо, которое думает и чувствует совсем иначе, нежели человек. Человек коммунистического будущего, считает писательница, должен суметь понять не-человека, ибо войны кончились вместе с эпохой власти капитала...

Не вызывает никаких сомнений, что Делина Русо, конструируя миры далекого будущего, отталкивалась как от традиций ранней советской фантастики (Ефремов, Стругацкие), так и от лучших образцов прогрессивных писателей-фантастов умирающего капиталистического мира (в первую очередь Азимова, Саймака и Ле Гуин). Действие цикла охватывает без малого период в пять тысяч лет — от полета на первом сверхсветовом звездолете к ближайшей звезде («Герои Вселенной») до попытки установить контакт с обитателями Большого Магелланова облака («Считается символом»).

Но Делина Русо не могла бы быть самой собой, если бы в ее книгах не присутствовала она сама — в образе 11-летней девочки по имени Алиса, которая появляется в каждом романе. Алиса не принадлежит мирам, о которых рассказывает писательница, — она своего рода странница по этим мирам, и ей ведомо их прошлое и будущее. А в романе «Книги моего папы» Алиса вообще заявляет, что это будущее она придумала сама...

Таким образом, маленькая девочка выступает в качестве Демиурга, творца Вселенных. Что же хотела сказать этим писательница? Что жизнь человечества — это сон Бога? Мысль не нова. Но никогда еще Бог не предстал перед своими созданиями в образе ребенка...

Вернувшись весной 2008 года в Париж, Делина Русо включается в политическую борьбу. Западная Европа продолжала оставаться капиталистической, но капитализм уже давно стремительно сближался с социализмом, чтобы не проиграть соревнование двух систем. Франция, как и вся Европа, бурлит: коммунисты как никогда близки к победе, что, конечно же, приведет к усилению влияния СССР и Китая на весь континент.

Понимая, что часы капитализма почти сочтены, реакционные силы готовят во Франции фашистский переворот, и Делина Русо, отбросив на время перо и бумагу, выходит на парижские улицы, где кипят митинговые страсти. Она пытается убедить французов поверить коммунистам — ибо только коммунисты, как уже было в середине 40-х годов двадцатого века, способны остановить фашизм. Да и нельзя игнорировать успехи, достигнутые в СССР, Китае и Венесуэле.

События развиваются стремительно: 24 мая Делину Русо приглашают на V канал ТВ Франции. По дороге на студию машину, в которой едет писательница, останавливает мотоциклист, одетый в полицейскую форму. И, не дождавшись, когда она выйдет из машины, открывает огонь. Делина Русо получает тяжелое ранение: две пули попали в грудь, одна — в голову, и почти две недели писательница проводит в коме, врачи борются за ее жизнь. Придя в себя три недели спустя, она узнает, что противостояние закончилось тем, что просоветским силам не удалось получить Францию — но и фашизм тоже не прошел.

Делина проводит в больнице под усиленной охраной два месяца. Оправившись после тяжелого ранения, Делина Русо возвращается в Венесуэлу, так как понимает, что в Париже оставаться небезопасно. В Каракасе

она живет до 2014 года, продолжая работу над новыми романами цикла «Из жизни будущего». В августе 2014 Делина возвращается в Париж, где уже с 2009 года снова издаются ее книги. Западные издатели восстановили разорванные договоры — капиталистические воротилы издательского бизнеса, как бы они ни ненавидели социализм, понимают, что «красная фурия» (так прозвал Делину Русо один из критиков) сейчас очень популярна в мире, ее книги читают — а это значит, что приносят в карман издателям огромные доходы. Во всем мире люди устали от зубодробительных американских космических боевиков — они хотят читать светлые книги о мире без войн и насилия. О мире победившего Разума. Вот потому-то во всем мире и популярна советская гуманистическая фантастика первого десятилетия двадцать первого века. И немного странная фантастика кубинской писательницы Делины Русо...

10

Когда Делина уезжала с Кубы, то многие думали, что она проиграла.

Но те, кто так считал, ошиблись.

Покинув Родину, Делина Русо стала гражданином мира. И пыталась влиять на этот мир. Пыталась донести до него свои мысли и чувства. Пыталась приблизить его к идеалу.

Удалось ей это сделать или нет — об этом не прекращаются споры уже много десятилетий.

Но ясно одно: если бы Делина Русо осталась на Кубе, она наверняка не стала бы явлением мировой культуры. О ней знало бы гораздо меньше людей.

И наш мир совсем бы не изменился.

Ни на йоту.

Делина Русо отдавала много сил борьбе за строительство нового мира. Не как писатель — как страстный публицист и общественный деятель. Начиная с августа 2009 года она ведет блог в Ворлднете, в котором высказывается по всем вопросам, которые ее волнуют — от политики до литературы, пропагандирует успехи СССР и Китая в социалистическом строительстве, обличает лживость и лицемерие буржуазной идеологии.

В ноябре 2017 года, когда весь прогрессивный мир отмечал 100-летие Социалистической революции в России, Делину Русо пригласили в качестве почетного делегата на Первый Конгресс Конфедерации свободных народов Южной Америки, где команданте Чавес провозгласил создание Союза Социалистических Боливарианских республик.

В состав нового государственного объединения вошли Венесуэла, Куба, Боливия, Чили, Аргентина, Никарагуа, Гватемала, Гайана. Столицей ССБР была объявлена Гавана.

В феврале 2018 года на выборах первого президента Боливарианского Союза победил Уго Чавес. Почетным президентом стал Фидель Кастро. «Бессмертный Фидель», как называли его и друзья, и враги.

В 2010-е годы Делина Русо практически отошла от фантастики, переключившись на историческую прозу. С 2012-го по 2020 год писательница создает широкомасштабное историческое полотно — цикл романов «Остров Свободы», в котором отражена история родной Кубы.

В цикле всего шесть романов: «Каравеллы Колумба», «Жемчужина испанской короны», «Ключ к американскому континенту», «1898 год», «Межвременье» и «Мессия».

Романы об истории Кубы принесли Делине Русо гораздо большую известность в мире, чем ее фантастика, а в СССР они выдержали несколько изданий. Академические критики впервые обратили внимание на кубинскую писательницу, называли ее «наследницей лучших традиций Льва Толстого и Гарсия Маркеса». А роман «Безвременье», рассказывающий о дореволюционной жизни Кубы при диктатуре проамериканских ставленников, даже был выдвинут на Нобелевскую премию. Впрочем, эта премия уже потеряла свое прежнее значение, а Нобелевский комитет превратился в прибежище реакционеров и ретроградов, и премии получали исключительно их политические единомышленники, которые не имели отношения к настоящей литературе.

В конце 2020 года сначала в Гаване, а потом в Париже и Москве вышел последний роман цикла — «Мессия», о жизненном пути Фиделя Кастро, которого Делина Русо поставила в один ряд с Иисусом Христом. Правда, Мессия у нее получился совсем не христианским: используя легенды о том, что юный Фидель заключил договор со жрецами древнего культа вуду, поэтому ему всегда и сопутствовал успех, писательница прямо говорит, что мессией может стать и тот, кто исповедует языческие культы. Показывая вехи жизненного пути Фиделя Кастро (который к моменту выхода романа еще не закончился), Делина Русо подводит читателя к мысли, что судьба «Бессмертного Фиделя» (в честь которого, стоит напомнить, она получила имя при рождении) была целиком в руках высших сил. Именно Бог (или боги) вели Фиделя по жизни, именно они помогли ему не только прийти к власти в родной стране, но и со временем объединить вокруг себя народы всей Латинской Америки.

Роман сразу же попал под шквал самых противоречивых оценок. Клерикалы сразу же поспешили обвинить писательницу в богохульстве, однако данное

мнение не имело ровным счетом никакого значения: авторитет церкви во всем мире падал со скоростью геометрической прогрессии — в первую очередь потому, что человечество, вступая в третье десятилетие XXI века, все больше опиралось не на веру, а на знания.

Последней книгой Делины Русо стал фантастический роман «Не забудь оглянуться» (2021) — самое странное произведение писательницы, над разгадкой которого вот уже больше ста лет бьются историки литературы.

Книгу открывает пролог — прямое обращение автора к читателю:

«Мы все мечтаем, чтобы наши желания исполнились. Однако исполнение желаний может не только привести к неприятностям, но и убить нашу мечту. Потому что когда ваши мечты исполняются — мечтать уже не о чем. И жизнь теряет смысл... И когда ты понимаешь, что все, о чем ты мечтал, осталось в прошлом, когда ты стоишь у последней черты и не знаешь, что дальше, — просто оглянись назад. Оглянись — вернись к тому счастливому мигу, когда вы возжелали того, что не принесло вам счастья. Оглянись — и предупреди себя, такого юного и наивного, что не надо вступать на путь, который не принесет тебе ничего, кроме потерь. Самое главное — это не забыть вовремя оглянуться...

Не забыть оглянуться...»

Этот пролог никак не объясняет то, о чем рассказывается в романе, который состоит из двух сюжетных линий, причем эти линии никаким образом не переплетаются. Очевидно, писательница просто постаралась донести до читателя в доступной форме то, что волновало ее в данный момент.

Первая линия — это типичная космическая опера, приключения бесстрашной Розалии, капитана боевого космического корабля, который сражается с захватчиками из глубин Вселенной. Потерпев поражение в одном из боев, корабль Розалии падает на безлюдную планету. Экипаж погибает, и Розалия остается одна. Теперь ее задача — во что бы то ни стало выжить в незнакомом мире, добраться до маяка, откуда можно дать сигнал бедствия. На пути к маяку женщину ждет множество испытаний — от инопланетных монстров до плотоядных растений, однако самая страшная опасность — это сны, которые ежедневно преследуют женщину: она видит свой родной город (очень, кстати, похожий на Камагуэй), на который обрушился тайфун. Видит она и себя, 12-летнюю девочку, которая пытается попасть домой, чтобы спрятаться от стихии, — но едва она ступает на порог дома, как вместе с ним падает в бездну. Розалия пытается понять, почему ей снятся эти сны, — но не находит ответа.

Ответа не находит и читатель — потому что сюжетная линия обрывается, когда Розалия выходит к заброшенному поселку и видит свой собственный дом. И себя — маленькую девочку — на лужайке.

Если линия Розалии — это сплав фантастического боевика и философской прозы (причем боевика больше, чем философии), то вторая линия романа рассказывает о настоящей войне, в огне которой когда-то погибли десятки миллионов человек. О Второй мировой войне. Когда Делина Русо писала роман «Не забудь оглянуться» (2020 год), человечество как раз отмечало 75 лет со дня ее окончания, и в мире уже почти не осталось ветеранов этой войны. Тема самой страшной в истории войны всегда интересовала писательницу. 9 мая 2015 года она пишет в своем блоге: «Когда я родилась, жили десятки миллионов ветеранов —

русских, англичан, американцев. В начале 80-х, когда я жила в СССР, их тоже было еще много, хотя они уже были пожилыми. К нам в школу часто приходили участники войны, которые рассказывали нам о том, что им удалось пережить. Сейчас их осталось очень мало, и когда-нибудь они уйдут совсем. Что будет после этого? Останется ли в памяти человечества эта война? В 1812 году Россия пережила Первую Отечественную войну, однако спустя сто лет она стала для русских чем-то очень далеким, почти мифическим. В 1941–1945 годах русские вели Вторую Отечественную войну, с тех пор прошло 70 лет, но даже сейчас советский народ воспринимает эту войну так, как будто она закончилась только вчера. Но что будет, если со дня окончания войны пройдет даже не 100, а двести лет? Как потомки народа-победителя будут воспринимать ту далекую войну? А если той страны к тому времени уже не будет? Не станет ли Вторая Отечественная (или Вторая мировая, как ее называют во всем остальном мире) для людей отдаленного будущего тем же, чем для нас сейчас являются Наполеоновские войны, не говоря уже о войнах времен Конквисты? Я думаю, станет. Людям свойственно забывать прошлое и жить, не оглядываясь назад...»

Именно об этом и пишет Делина Русо в тех главах книги, действие которой происходит во время Второй Отечественной войны. Двое подростков, брат и сестра, живущих в середине двадцать второго века, то есть спустя двести лет, проваливаются в 1942 год. Об этом времени они знают только одно: в то время в их стране шла война. Никаких подробностей они не знают. И не знают, как вести себя в этом мире. Поэтому они и погибают, так и не поняв, почему и во имя чего...

Делина Русо в дальнейшем планировала снова обратиться к теме Второй мировой войны: собирала материалы о кубинских добровольцах, которые участвовали в

Московской и Сталинградской битвах. Были у нее планы и новых произведений в жанре фантастики — в том числе в соавторстве с советскими писателями.

Однако всем этим планам осуществиться было не суждено.

28 декабря 2021 года Делина Русо неожиданно скончалась.

Инсульт...

Жизнь кончилась — началось бессмертие.

12

Правда, не все считали, что земная жизнь Фиделины Росси завершилась в декабре 2021 года. И в блогах, и в печатных изданиях, и даже в книгах, посвященных жизни и творчеству писательницы, не раз высказывались версии, что на самом деле Делина Русо инсценировала свою смерть, потому что устала от публичности, от постоянной борьбы, от гонки за успех.

И потому решила остановиться, оглянуться и прожить остаток жизни, каким бы длинным или коротким он ни стал, в тишине и уединении. Если верить этой версии, Делина Русо поселилась в родном Камагуэе, попросив Город укрыть ее от мира. И Город выполнил волю усталой женщины, которую он помнил еще маленькой девчушкой с живыми глазами и веснушками на курносом носу...

Рассказывают, что в Камагуэе очень часто на улицах города видели пожилую женщину, очень похожую на Делину Русо.

И происходило это за час до рассвета.

Красивая легенда, которая могла бы стать сюжетом для романа Делины Русо.

Красивая — но всего лишь легенда.

В которую тем не менее очень хочется верить...

14 января 2141 г.

ГУТЕНБЕРГСКИЕ ПРОРОКИ

Многие обычаи уходят в прошлое незаметно. Они мастерски описаны классиками, детям про них рассказывают в школах. Каждый знающий человек — а кто теперь не знающий? — готов рассказать что-то интересное. Но сегодня мало кто засылает сватов. Умелый всадник стал редкостью. Если же обыкновенному прохожему дать в лицо — в ответ не услышишь вызова на дуэль.

Время от времени надо оглядываться, свежим глазом рассматривать привычные вещи, которые перестают быть неизменными маяками в сумраке будней.

Один из таких меняющихся ориентиров — фантастика гутенбергских пророков. Слишком мы привыкли надеяться на нее, верить ей, ощущать, что будущее под контролем и самые опасные рифы уже нанесены на карту. Этим ощущением надежности завтрашнего дня пропитаны каждодневные рассуждения футурологов и прогнозеров. Увы, это лишь привычка культуры, лишь инерция в образе мышления. Уже пару десятилетий как все должно было бы измениться. Чтобы понять причину такого оптимистического, сладкоголосого «пения сирен», придется проследить историю визионерства — от самых былинных корней.

Визионеры существовали всегда. Не было в жизни человечества ни одного дня, когда бы кто-то не прозревал судьбу следующих поколений. Люди, которые видели во сне будущее, и эти видения — не просто калейдоскоп искаженных воспоминаний, не галлюцинации, даже не обман простодушных слушателей. Это действительно образы грядущего — каким оно станет или может стать.

Естественно, в природе всегда есть множество ограничений. Визионеры наблюдают никак не завтрашние события. Видеть грядущее можно лишь глазами своих детей, внуков и правнуков. Наблюдать можно лишь то, что видят потомки. В сознании не всплывает никаких воспоминаний или подсказок. Спящий будто подглядывает сквозь дыру в театральном занавесе: на сцене расставляют мебель, а что за пьесу будут играть, и не угадаешь. Казалось бы, это должно обеспечивать подлинную беспристрастность восприятия. Но уж таковы особенности психики, что люди лучше всего видят то, что понимают — потому в грядущее можно заглянуть не раньше, чем ребенок начнет сколько-нибудь осмысленно воспринимать окружающее. Пять-шесть лет. И не позже чем на полтора столетия, когда доля крови визионера станет слишком малой в его потомстве. Лучшие, самые подробные видения охватывают второе-третье десятилетие от момента «сейчас».

Вопрос с потомством — весьма щекотлив. Попытки его решения приносят в философию проблематику потенциального и актуального будущего. Есть классический набор мифов. Покарание Ниобы, которую боги к вечеру лишили всех детей, хотя утром она видела счастливую жизнь правнуков и горячо рассказывала всем окружающим, как счастливы и могущественны будут люди. Во всех церковно-приходских школах рассказывают историю Авраама, который пророчествовал, не имея детей еще на восьмом десятке лет, а потом произвел на свет Исаака. А есть куда более близкая и печальная история бедствий философа Абельяра. Лучший из визионеров своего времени, который мог бы стать пророком, он был кастрирован и утратил видения.

Когда-то считалось, что свободу от будущего визионер обретает, только утратив с ним связь, — лишь со-

вершено ничего не зная о завтрашнем дне, можно быть свободным в принятии решений. Потому Аполлон украл сына, прижитого с Кассандрой — та не могла убить свое дитя, чтобы избавиться от видений поругания родного города.

Древние ошибались. Одно дело видеть грядущее, другое — его создавать.

Для человека истинная связь будущего и настоящего заключена не в самих видениях. Она в развилках, которые предваряют наступление каждого следующего дня. И с ними проблем куда больше, чем со слепым Роком.

Есть мгновения, когда бабочка движением своего крыла направляет историю в другое русло, когда судьба гигантских сил, столкнувшихся на поле боя, зависит буквально от единственного солдата. Никакое планирование невозможно в тот миг. И есть вполне рутинное, каждодневное принятие решений, в процессе которого государи и простые крестьяне определяют свое будущее. Это столь привычные действия, с такими предсказуемыми результатами, что никому и в голову не придет говорить о случайностях.

Знания и возможности превращают человека из игрушки судьбы в хозяина собственной жизни. Правда, у визионеров есть лишь знания — почти без сил. Они как хорошие поэты — немногочисленны, порой мало уважаемы и вечно окружены причитаниями, что вся лучшая поэзия осталась в прошлом. Они словно зрячие паралитики в стране слепых бегунов. А сила и возможности отдавать приказы — у людей власти, таких могущественных и порою «незрячих».

Пророки — люди совсем другого калибра. Суть их действий проста, как взятие кредита на развитие производства. Чтобы изменить будущее, надо о нем рассказать — и чем больше людей о нем услышат, тем больше сил соберется под рукой пророка, чтобы изменить ход

вещей¹. Если удалось собрать достаточно сторонников и воздействовать на настоящее, изменить будущее, — люди могут понять это. Спасенные от голода благодаря сделанным запасам, победившие в сражении благодаря указанному времени для начала битвы. Тогда влияние пророка неизмеримо возрастает. Он продолжает прозревать будущее, может изменить его, изрекает новые предсказания — и новые последователи становятся под его руку. В финале этой спирали — почти абсолютная власть умирающих стариков, которые могут сдвигать горы руками тысяч фанатиков, но бессильны обучить своему дару родного сына.

Пророки тоже были всегда.

Порой сами плохо понимали, чего они хотят, изменяя грядущее.

Фрезер в «Золотой ветви» дает описание нескольких случаев самоистребления африканских племен — в попытках спастись от будущих войн или бедствий дикари убивали какое-то количество сородичей («детей злых духов»), становилось еще хуже, требовалось убить еще больше людей, и так до конца, пока единственный оставшийся в живых (именно пророк) не засыпал в порушенной деревне спокойным сном. Сейчас такие истории тоже случаются. Нильс Кинг прославился романом «Ненужные вещи», в котором фактурно передал историю самоубийства в маленьком городке. Паутина мелких краж и обид, которая неспешно плелась год за годом, в будущем могла обернуться разве что парочкой убийств. Местный шериф, обретя пророческое видение, попытался поговорить с потенциальными преступниками, припугнуть их. Но проявил неосторожность, слишком громко заявил о своих возможностях. В результате — началась цепная реакция.

¹ «Под рукой пророка» — формулировка означала передачу власти над будущим, но не над настоящим. Разделение полномочий бывало весьма запутанным, но исключения остались в истории. Таким стал Магомед — поэт, который взял власть в нескольких городах, но запрещал записывать свои рифмованные проповеди — их требовалось учить наизусть.

Каждый из обитателей Блэквуда решил опередить соседей, первым предъявить счет к оплате, пока шериф еще не разобрался со своим даром. Мрачная фантазия Кинга имеет множество случаев-прототипов. Малая группа людей в критической ситуации — смертельно опасное окружение для визионера. Терпящие бедствие корабли, голодающие зимовья, окруженные батальоны. Там плохо и обычному человеку, но стоит заикнуться о своих возможностях, пусть даже обещав самый лучший исход, убьют.

Всякой антиутопической традиции противостоит традиция оптимистическая, легкая, жизнерадостная. Легенды о счастливой долине, правитель которой предвидит все внешние угрозы и тем уберегает подданных, — подлинный бродячий сюжет, который встречается в мифологии практически всех народов. Тот же Фрезер подробно рассказывает, как эта легенда у древних евреев трансформировалась в «эпоху патриархов» — когда невозможно уже было прятаться по долинам, и пророки (в молодости перепробовав разные пути к успеху) постепенно учились перестраивать народ сообразно вызовам времени. Книжная фантастика не была утопический сюжет: и в «Потерянном горизонте» Дж. Хилтона, и в «Бухтарминской волюшке» В. Галкина — надежно огороженной от мира страной управляет пророк. Время будто застыло там, и ничто не угрожает привычной идиллии. Герой волен остаться или попробовать вернуться на родину¹.

¹ Тут мы сталкиваемся с одной из почти безотказных «примет эпохи», которыми снабжает нас литература. Если *Zeitgeist* (дух времени) требует перемен и автор чувствует в себе силы для новой жизни, то герой непременно убьет патриарха — только так можно сдвинуть время. И в Шангри-Ла, и в Стране Кукуанов, и даже в Эльдрадо — пришельцы убивали стариков-пророков. Была тому причиной любовь или жажда золота — совершенно неважно. Если же у автора надежды на благоприятные перемены никакой нет, то герой всеми силами стремится в такую долину, готов перенимать тамошние обычаи. Это может быть лес Эдвуд, который охраняется эльфийским камнем сна, алтайское Беловодье или парижские подземелья.

Однако же проблема полезности, благости пророчеств — требует отдельного разговора¹. Куда важнее — возможности пророков.

Пророки древности были ограничены силой собственного голоса. Последователи могли пересказать их слова, но чем длиннее цепочка пересказа — от одного слушателя к другому, тем меньше сила пророчества — тем более стирается впечатление от свершившихся предсказаний.

И как быть, если твой голос слышен лишь в единственной лавке?

Визионер, появившийся на свет в царской семье, — почти готовый пророк. Его слова услышат, его приказам будут повиноваться. Не во всем. Ведь молодой царь должен вести к подвигам и славе, к добыче и завоеваниям. Если он сворачивает с этого пути, как Сиддхартха, подданные начинают заниматься своими делами, и лишь горстка учеников может верить основателю нового культа.

Если же нищий станет рассказывать о своих видениях — чем сможет он утешить своих близких? Ему потребуется что-то, кроме своего голоса. Лекарство от профанации. Рифма? Надежда? Любовь? Почти все религии, родившиеся тогда и дожившие до наших дней, имеют в своей сердцевине скорее миф, образ, который может снова и снова вызвать к чувствам людей. А все конкретные предсказания либо уже исполнились, либо стали такими образами.

Споры и союзы царей-пророков и пророков-дервишей продолжались всю древнюю историю².

¹ Обычно рекомендуют почитать «Благие намерения» Н. Геймана, Т. Прачетта, «Завтрашний мотылек» Р. Брэдбери — юмористическое и трагическое представление о неожиданных последствиях пророчеств.

² Заратустра — первый известный случай такого сотрудничества. Конкретных предсказаний было написано совсем немного: ясно представляя собственную смерть (неудачная попытка узурпации власти племянником царя), Заратустра почти весь свой талант

Средневековье — это попытка узурпации будущего длиною в тысячу лет. Была разработана двойная система сдерживания. С одной стороны, предельная упорядоченность *обращения* к людям. Речи с кафедры, речи перед войском, перед любой сколько-нибудь значительной аудиторией — все они были регламентированы. Крылатое выражение «больше трех не собираться» присутствует в языках всех народов, которые на тот момент обзаводились государством. С другой — церковь (и все значительные культы на пространствах Евразии) создала настоящую фабрику ересей, которые должны были быть сформулированы, обдуманы и опровергнуты *заранее*, еще раньше, чем простонародье додумается до них.

Сейчас сложилось направление литературы, в рамках которого авторы пытаются воссоздать атмосферу этих «мануфактур ереси» — передать специфический жаргон, оторванность от мира. Такие книги неправильно именуют «герметическими». Пожалуй, самая заметная из них — это даже не «Аббатство преступлений» У. Эко, а небольшой роман Ф. Фармера «Внутри и снаружи». В нем описано бытие клирика в Сент-Антуанском аббатстве. По работе он должен выдумывать все новые и новые толкования Библии, все более изощренными средствами обещать людям надежду. А когда случается ему покинуть стены обители, он щедро платит серебром за насыщение своих пороков и не желает ничего знать о религии. Лишь угодив в водоворот реального

обратил на моралитические проповеди — собственно, они и стали базой новой религии. Иную сторону представляли Цезарь и Марк Аврелий. Обоих современники считали визионерами, оба достигли вершин власти. Но поражает их «нравственная немота». Цезарь в будущем видел будто бы один большой отчет о государственных финансах, о военных хитростях и об организации власти империи на новых землях. Потому его «Записки о Галльской войне» с намеками на собственное всезнание читаются лишь как приключенческий роман, сдобренный военной пропагандой. Марк Аврелий — это великий скептик. Он писал лишь о собственных сомнениях, страхах и долге перед империей.

крестьянского бунта, он с удивлением понимает силу собственных выдумок. И в одну из ночей уговаривает предводителя бунтовщиков — ересиарха — пойти на мировую, потому как все выдумки крестьян уже много раз перебраны, и «что было, то и будет».

Последние устные пророки, которые вызывали потрясения государственного масштаба, связаны с крестьянскими войнами. Мюнцер, в годы протестантских войн за веру в Германии, фактически обрек на истребление целый город. А на Руси — монах Нифонт, подтолкнувший Астрахань к знаменитому бунту-пополоху. Сейчас традиция чисто устного, камерного пророчества маргинализирована до последней степени, ее представляют разве что шарлатаны и начинающие сектанты.

Но вот стало распространяться книгопечатанье, были уже достаточно устойчивые государства — и будто произошло чудо. На статус пророков стало претендовать такое количество людей, что городские повести будто слились с визионерскими рассказами. Каждый третий тасил свои сочинения в типографию — в надежде прославиться. И редко когда получалось угадать, какие из них «липа», а какие — действительно предскажут имя нового Римского папы (еще бы знать его светскую фамилию), войну или повышение налогов.

Иоганн Кеплер — ни разу не визионер — опубликовал свои «Предостережения славному городу Пфальцигу», в которых красочно описал распрю между князьями Империи, нашествие турок, чуму и голод. Эти бедствия якобы видела его маленькая дочь. На четвертый год все исполнилось в точности, и Кеплер с ужасом смотрел, как горожане скидываются ему на «второго ребенка». Потом в мемуарах он дал леденящее описание своих терзаний. Что сказать людям? Напугать еще больше — могут убить и дочь, и остальную семью. Об-

надежить? Но в первый же неурожайный год наверняка сожгут дом. Он взял деньги и тайно выехал в Прагу — остаток жизни Кеплер пытался создать «рациональные астрологические таблицы событий», которые бы позволили заглядывать в будущее безо всяких видений.

Астрология не срабатывает — таблицы Кеплера бесполезны, равно как и Брюсов календарь, и «карманно-погодный оракул» Грасиана. Однако сочинения Кеплера, Макиавелли, де Сидонии и Монтеня — это начало традиции прогнозерства. Люди, не наделенные визионерским даром, однако с бойким пером и талантом аналитика, могут отчасти угадывать, отчасти конструировать образ будущего. Они как бы на ощупь движутся к развилкам, к узловым точкам истории — стремятся не увидеть, а вычислить их.

Но первой настоящей фантастической литературой стала кастильская школа «рыцарских романов». Тогдашняя Испания настолько разбогатела, что печатные книги могли позволить себе представители среднего класса. Согласно традиции описывались подвиги молодого человека, «делающего карьеру при дворе одного из наших будущих монархов». Успешное покорение Лондона или взятие Иерусалима стало модно дополнять «дивными итальянскими машинами», которые позволяли бы летать по воздуху, погружаться в морские пучины или просто сжигать еретиков на расстоянии, подражая действию архимедовых зеркал. В критические моменты поветствования на помощь герою приходили святые покровители — ровно те, что составляли его полное имя¹.

¹ Подобные патриотические традиции известны практически в любой развитой литературе. Франция переживает два периода — в XVIII и XIX веках, когда множество литераторов бредило будущим мировым господством. Германия в первой половине XX века — и после поражений в мировых войнах такая литература приравнивается к пропаганде. Особняком стоит британская школа, которая формировалась уже в семидесятые годы прошлого века именно как школа рассказов о прошлом — ибо, когда нет надежды на возвращение мирового величия, остается предаваться воспоминаниям.

Десятилетия сменялись — старые пророчества о полетах на Луну или взятии Стамбула должны были исполниться — однако же англичане пиратствовали на морях, инквизиция все жестче боролась с ересями, а казна никак не могла свести бездефицитный бюджет.

Тогда-то и возникло слово «фантастика» — сказка, которую приятно читать, но в которую совершенно не обязательно верить. Фантаст — это прогнозер, который прикидывается пророком, но не «взаправду», а ровно в той мере, в которой фокусник прикидывается волшебником. Когда знакомые образы, десятки и сотни раз обещанные «пророками» на страницах книг, все никак не реализуются — начинается профанация. Книги читают для «душевной утехи», но не для «заботы о своей душе». Справедливо и обратное — гутенбергский пророк, чтобы привлечь к себе внимание, должен обладать бойким пером, уметь рассказывать истории. Он постепенно превращает сказку о будущем в серьезное дело. Фантаст перестает лишь развлекать и заставляет думать.

«Романы доблести» оказались предзакатной мечтой всемирной испанской монархии, и читали их ровно до тех пор, пока можно было не замечать прорех на собственных плащах. Потом восхищение сменилось насмешкой. Дон Кихот стал образцовой пародией на уходящее кастильское рыцарство. Рассмотрев в будущем множество подробностей идеального устройства монархии, он решил отправиться по Испании, чтобы заложить своими подвигами начало новой державы и заодно населить ее своими потомками, которые увидят торжество христоролюбивого дела. Увы. Рыцарь печального образа терпел поражения абсолютно во всех своих замыслах, и только абсолютная честность вкупе с почтением перед женским полом спасала Дон Кихоту жизнь.

Закат фантрыцарского романа в Испании совпадает с началом важнейшей трансформации визионерства. На-

чалось «сползание» изобретений в прошлое — замкнулась петля обратной связи в изобретательстве.

Как это выглядит?

Если потомок визионера занимался бы ремеслом и в его руках часто мелькали новые винты, рубанки, откосы — предок непременно рассмотрел новый инструментарий во всех подробностях. Можно «изобрести не выдумывая», однако же при этом *очевидность* изобретения — важнейший показатель. Если принцип действия можно понять с первого взгляда (чего ради потомку часами рассматривать внутреннее устройство хронометра?), безо всякой абстрактной формулы (химики смешивают вещества — но ведь на растворах редко пишут конкретные обозначения?), то усовершенствования не заставляют себя ждать. Потомки, у которых заимствованы эти находки, будут опираться на информацию предков — и пойдут чуть дальше в собственных изобретениях. Которые тоже будут подсмотрены предками. Возникает положительная обратная связь — изобретения совершенствуются до локального максимума возможностей (см. *Визионерская технопарадигма*)¹.

Тарталья изобрел подзорную трубу и всем прямо говорил, что рассмотрел ее в руках внука. Астролябия появилась в 1620-х — ее конструкция была описана в

¹ Что еще можно украсть из будущего? Картину — тяжело (не всякий живописец повторит все нюансы мельком увиденного полотна). Прозу — тем более. А вот музыка и поэзия во все времена страдали от обвинений в «инфанти-плагиате». Имея минимальное образование и хоть какой-то слух — достаточно легко переписать мотив. Пожалуй, единственный способ защититься от подобных нападков — писать много. Бетховену и Брамсу тяжело предъявить обвинения, что в будущем они подслушали пару мотивчиков, хотя юный Моцарт настрадался от подобных намеков. А Клод Жозеф Руже де Лиль так и не смог доказать авторство «Марсельезы». Наиболее известная новелла, описывающая этот эпизод — «Гений одной ночи», — принадлежит перу С. Цвейга и отстаивает компромиссную версию. Клод подслушал в будущем песню, которую сам должен был написать буквально через две недели. Но он не стал медлить, потому как Революции требовалось вдохновение.

анонимном трактате, автор указывал, что не смеет ставить свое имя вместо имени потомка. Но вот часы с маятником удалось создать лишь Галилею, хотя их описания к тому времени были широко известны — он вывел формулу движения маятника и представил экземпляр в 1600-м¹.

Оттого явилась возможность, не влезая в политику, не рассуждая о прерывании династий или чудовищных крестьянских восстаниях, претендовать на звания пророка. Традиция технопророчества начала формулироваться в обновленной Кольбером Академии, а своего окончательно расцвета достигает в ранних вещах Вольтера («Кандит-паровик»). Основанное последним «Энциклопедическое общество» стало подлинным проводником идей промышленной революции и четко сформулировало тот масонско-технократический идеал новой Франции, который явился после Революции². Эта традиция прошла красной нитью через всю вели-

¹ Резонный вопрос — если правители знали, что пророчества изменят технику, то кто первым из них додумался до простой мысли, что техника изменит политику? Вероятно, в Китае это поняли, еще когда начали сворачивать океанский флот. Император Чжу Ицзюнь, из среднего периода династии Мин, очень много сделал для создания артиллерии, но в день крупнейшей победы над маньчжурами сам же и начал расформировывать части. К концу его правления в Китае даже механические часы оказались под запретом.

² Во всех изобретениях, заимствованных у собственных внуков, есть горькая начинка: предки стараются направить потомков на стезю своего ремесла. Как бы ни разбогател дед-часовщик — он всеми силами будет делать внука часовщиком. Состоятельным предкам страшен «парадокс Иова», когда все достояние, и семья, и здоровье могут исчезнуть в единый миг, потому что внук, работы которого стали основой благополучия, теперь станет заниматься совсем иным делом. Образ молодого человека, который разрывается между чувством долга перед семьей и своим талантом, широко используется в литературе. Из современных авторов можно порекомендовать Р. Желязны «24 вида рубанка кисти Хokusая» и К. Воннегута «За грехи дедов». Если вас интересуют реальные особенности временной петли, то можно прочесть работы Мебиуса или Эшера. К сожалению, фобии и неврозы мало зависят от законов физики.

кую французскую литературу. Английская традиция не отставала: Даниэль Дефо дал нам образ престарелого Робинзона Крузо — человека, который, пройдя невиданное испытание одиночеством на острове и лишь в собственном мастерстве находя утешение, вдруг понял, что мир вокруг — как тот самый остров. Торговля и организация людей — ничем не отличаются от постройки шалашей и приручения коз. Потому, опираясь на поздно проклюнувшееся визионерство, с невиданной для старика энергией он взялся за организацию своего торгового дома, постройку судов, отладку сети факторий.

И первым, кто высмеял такое жизнеустройство, был Свифт. В «Третьем путешествии Гулливера» он описывал страну «гунтигряпсов», существ куда щедрее, чем люди, наделенных визионерским даром. Когда-то они жили счастливо, могли прятаться от наступающих ураганов, угадывали пути косяков рыбы в море и даже спокойно встречали собственную смерть. Но один европеец завез на остров деньги, обучил их азам торговли и биржевого дела. В результате львиная доля гунтигряпсов совершенно перестала работать — они как бешеные угадывают котировки круглых и овальных раковин на своей бирже, пытаются жить на разнице курсов. Остров впал в жуткое запустение и нищету. Остановилась даже намывка золотого песка, на бирже его заменили кусочками бересты с цифрами...

Но подлинной тенью прогресса были видения ужасов Смуты. Всегда находились люди, которые страшились революции.

Наиболее известный пророк-охранитель «старого режима» — маркиз де Сад. Ветеран Шестилетней войны, он во всех подробностях рассмотрел ту кровавую революционную мясорубку, в которой обречено было сгнать его потомство, и загорелся идеей не допустить бойни. Проблема была в том, что царедворцы в гробу

видали перемены, и даже «энциклопедисты» не могли расшевелить их своими рациональными и продуманными фантазмагориями — «после меня хоть потоп». Де Сад зашел с другой стороны: стал «бить на жалость» и попросту пугать. Его описание четвертования юного Людовика XVII на гильотине (само слово подслушано в будущем, происхождение не ясно), видения Парижа, осажденного англо-немецкими войсками и страдающего от голода («Жюстина, пожирающая своих детей»), сладострастное составление проскрипционных списков каким-то провинциальным адвокатом ...беспьером — напугало очень многих. Популярностью его труды соперничали с трудами Вольтера. В итоге было составлено тайное общество, которое охотилось за некоторыми младенцами и заодно поставляло маркизу девушек для «бесперывного умножения потомства»¹.

То, что маркиз изменил историю, не вызывает сомнения. Широчайшая кампания, вдохновленная несколькими книгами, закончилась убийством некоего мальчишки — Жана Виктора Моро. Фамилия «Моро» к тому времени была известна минимум четырем визионерам, и английский кабинет даже выделил тысячу двести фунтов на «воспитание будущего союзника Англии, буде таковой сыщется»². Провинциальный адвокат де Робеспьер был убит на первом самочинном заседании Генеральных штатов — хотя странно видеть

¹ Как известно, с девушками де Сад обходился все хуже. Общество разгромили, самого маркиза посадили в изолятор Бисестр, что не помешало ему составить довольно точное описание реформ в будущей психиатрии, которые были реализованы буквально через несколько лет. В приюте умалишенных де Сад радикально переменил свои воззрения (биографы отсчитывают его реальное сумасшествие с ноября 1785-го), решил, что революция должна принести Франции очищение, и начал подрывную деятельность. В революционные годы его мрачные театральные постановки стали предметом паломничества и даже своего рода культа, что привело к вторичному, теперь уже пожизненному, заключению гражданина Луи Сада в изолятор.

² Политкорректная формулировка заказа на убийство ребенка.

в этом тщедушном заике будущего диктатора. Другое дело, что лучше бы не вмешивались. Друг народа Марат и скромный артиллерист Бонапарт (император с 1803 года) учинили во Франции такой кавардак и настолько основательно перепахали Европу, что никому мало не показалось. Париж не умирал с голоду, но французы сотнями тысяч гибли в соседних странах.

Из попыток напугать общество пришествием очередного монстра в человеческом обличье и его жуткими злодеяниями родилась традиция «романов-ужасов». Если вы очередной раз перечитаете «Ребенка Розмари» (матушку Виктора Моро звали именно так), или «Молодого Франкенштейна», или «Тома Марволо Редда» — можете быть уверенными, что корни идут оттуда. Мрачные интерьеры, попытка противостоять судьбе, сомнительные злодеяния — и тьма, которая скрывает все.

Но чем же тогда цивилизованные европейцы лучше африканских дикарей? Ведь традиция романа-воспитания возникла даже раньше — «Крошка Фриц», попытка сделать благонамеренного человека из будущего Фридриха II — и все равно скатились к убийствам?

История предупреждает о том, что она переменчива, но ее все равно не слушают. Ведь знатным людям куда проще пойти на любую гнусность — задушить младенца в колыбели, сжечь город — чем отказаться от привычных и доступных привилегий. Любой системный кризис требует принципиально нового мышления, совершенно оригинальных действий. И визионеры тут ничем не лучше всех остальных людей — им хочется сохранить привычный образ жизни. Де Саду, чтобы предотвратить революцию, требовалось не вычислять имена будущих возмутителей спокойствия, а создать механизм, который бы обеспечил пребывание энергичных людей в кресле первого министра. Для этого нужна была самая малость: расставание с образом эпатажно-

го, шокирующего светского льва — и каждодневная политическая работа. Но маркизу до смерти хотелось развлекаться...

Вторым главнейшим течением в фантастике — имевшим куда больше оснований на статус «пророческого» — стали комиксы.

Гравюра на меди, печатный станок, тысячный тираж эстампа — и вот платье, фасон которого войдет в моду через десять лет, уже сейчас рассмотрено в лучшем виде. Будет ли готово общество принять послезавтрашнюю моду — отдельный вопрос. Но ведь в будущем интересна не только мода?

Образы еще не созданных зданий — самое раннее, что приходит в голову граверам. Гравюры Жана Кало, на которых показан Версаль за шесть десятилетий до его постройки, неизменно вдохновляли современников.

Вот с техникой — сложнее. Можно ведь, не разобравшись в принципах ее устройства, показать картинки использования новых изобретений. И сила образов будет никак не меньшей, чем у черных букв на белой бумаге.

Видел ли Босх в грядущем те самые механизмы, которые изобразил на картинах? Загадка. Но воздушные шары рассмотрели уже в начале XVIII века и смогли довольно удачно воспроизвести к 1750-му. Пароходы начали строить в Англии и во Франции практически одновременно — паровая машина уже была, а видения подталкивали к «морскому» использованию. Автомобили, неоднократно виденные в грядущем, пытались соорудить уже с 1820-х, но изобретатели лишь разорялись или пускали на ветер казенные субсидии. Не выходило заглянуть под капот. Также не получалось с дирижаблями — паровые двигатели бесполезны для воздухоплавания.

Но визионеры, сочиняющие комиксы, могут стать пророками не только благодаря отдельным шестеренкам или «дивному металлу, койй мягок, но рже не подвластен». Общий вид будущего, «дух эпохи», куда проще передать в книге с сотней картинок, чем в подробнейшем рассуждении. Главное — сложить сотни деталей в целостную картину.

В истории остался разговор двух старых соперников на поприще литературы — Пушкина и Булгарина. Буквально за месяц до своей злосчастной дуэли, до «непереживаемых» сорока лет, Пушкин выпустил «Историю Петра I» — фундаментальный труд, который определил восприятие русской истории ничуть не меньше, чем работы Карамзина. На приеме в особняке Кукольника обсуждали именно ее. В ответ на едкую реплику Пушкина «Скоро ли мы еще почитаем о похождениях Митрофанушки на Луне?», Булгарин нашелся почти мгновенно — «Я вам лучше покажу». Он достал объемистый фолиант, состоящий из одних набросков и озаглавленный крайне скупно — «Мировая война».

По сию пору остается неизвестным, купил ли Булгарин у кого-то из визионеров эти наброски или сам сподобился¹, но его видения стали истинными пророчествами и определили представления о будущем на следующую сотню лет. Бывший офицер армии Наполеона смог убедить императора Константина I, что будущие войны будут именно такими.

¹ Любопытно, что ничем другим Булгарин уже не знаменит. Его «первый русский бестселлер» забыли через десять лет. Его прогнозские истории «Путешествие в ХХІХ век» или «Письмо жителя кометы Альба тому же самому жителю Земли» — более чем посредственны и сейчас читаются как малоудачные рассказы «молодых талантливых авторов». Но фолиант с картинками и немногочисленными репликами даже сегодня можно найти во всех книжных магазинах. С другой стороны — Пушкин обрел немеркнущую славу именно поэта и патристически настроенного историка, а найденные литературоведами в его черновиках «наброски» будущего слишком откровенная выдумка сына своего времени, лишенного визионерского дара.

Самолеты, броневики, колючая проволока, отравляющие газы, танки, самоходные орудия, мотоциклы, лошадиные противогазы, пулеметы, снайперские винтовки, противощрапнельные блиндажи, минометы, кислородные маски. Самоочевидность множества изобретений, когда лишь картинка уже показывала, что новое изделие многополезно и жизненно необходимо, была уникальной.

В результате следующие десятилетия стали одной большой попыткой воспроизвести стандарт «мировой войны» (то есть воевать так хорошо и серьезно, как это делают во всех первоклассных державах) и при том сохранить общество от потенциальной смуты. Получалось лучше, чем с пароходами при Трафальгаре, где легкий шторм чуть не пустил на дно «железные армады» обеих сторон, но весьма противоречиво. К примеру, потомки к началу мировой войны начисто забудут ракетное вооружение, а ведь у старых добрых пороховых ракет столько преимуществ?

Извечный вопрос множества историков-любителей — отчего прогресс не разгоняется быстрее, чем сейчас? Отчего самолеты появились едва ли полторы сотни лет назад, а до того все попытки смастерить винтокрылые машины привели максимум к появлению дельтапланов? Визионеров становится больше с каждым поколением — отчего не получается жить за счет завтрашнего дня?

Даже если знать, что изобретать, и даже если удастся все *довести до ума* — немислимо тяжело разогнать машину государства и обустроить инфраструктуру под новые механизмы¹. В фантастике есть очень старая тра-

¹ Сейчас интересно читать о подвигах капитана Хорнблауэра — его корабли первыми были оснащены «Драгонфляями», фактически большими воздушными змеями, которые могли нести человека и летали на разведку. У нас схожую традицию представляют «Летучие гусары» А. Пехова — с их заведомо преувеличенными подвигами. Но чем завершается львиная доля подобных «циклов романов»? Неправдой. Когда вытасненные из будущего, как из цилиндра фокусника, изобретения слишком явно расходятся с возможностями государства.

диция скепсиса. Она берет начало чуть ли не от шута Миллионе — человека под маской, что на венецианском карнавале начал высмеивать рассказы Марко Поло о неисчислимых богатствах Востока. И в каждую эпоху фантастики рождаются не только свои охранители державы, но свои ревнители традиций общества. Возникают свои трагические маски. У Шекспира это Харриот из «Банкрота» — вкладывающий свои капиталы во множество изобретений и каждый раз прогорающий новым способом. У Радищева в «Путешествиях по Тульской губернии» это помещик-живодер, думающий скрестить крепостных со свиньями и тем преумножить число «своих» душ.

Величайшим скептиком — преодолевшим свой скептицизм и ясно указавшим его пределы — стал Пушкин. Он детально показал, чего мог, а чего не мог достигнуть Петр I своими указами, «писанными то кнутом, то пером». Тройку лошадей можно погнать быстрее, но как заставить ее взлететь?

Но как бы ни красноречив и убедителен был Александр Сергеевич, фантастика Российской империи той поры — это, прежде всего, «чернышевские повести» (по имени наиболее известного автора) — бесконечные попытки придумать, как жить новому горожанину, о чем мечтать и чьих приказов слушаться. Это верноподданническая литература, технократизм которой постепенно приобретал окрас умеренного реформаторства. Лучшие ее примеры — совсем не многотомники Писемского, в которых он рассказывает, как все хорошо бы повернулось в наших губерниях, стань начальство хоть немного бороться с коррупцией и проведи к очередному Царевококшайску железную дорогу. И не мелодраматические, почти слезливые истории спасения чахнувших детишек недавно изобретенным лекарством. Нет. Описание одного дня из жизни пожилого приказчика, которому недавно провели телефон, но который еще не

доверяет странной машинке, а все дела хотел бы вести на старый манер — лично ударять по рукам, выпивать при случае рюмочку. Однако же силы уже не те. Ехать через весь город по стылой слякоти — никакого здоровья не напасешься. И вот он отчаянно старается сообразить — что можно и чего нельзя говорить в трубку, как себя вести с незнакомыми собеседниками, подниматься ли со стула, когда ведешь разговор с Евграфом Павловичем...

Но чем ближе подступает очередной кризис, тем гуще становится его тень. И ужас в том, что перед наступающим «завтра» люди как бы теряют свое старое единство, которое разлагается на группировки и партии, будто дневной свет в призме. Тут можно говорить о естественном отборе социальных структур, о поведенческих фильтрах или повторять иные заумные слова, но если очередной священник во сне видит, как его внук пропагандирует царство машин и пишет про какого-то Ихтиандра, — не будет покоя этому священнику. Он попытается что-то сделать, бороться с нечистью, и хорошо, если не пойдет путем Ирода.

Собственно, когда будущая мировая война первый раз явилась в реальности — в окопах Севастополя и развалинах Кронштадта, в зеленых облаках ядовитого хлора, которые щедро выпускали обе стороны, в неумелых еще попытках повсюду использовать пулеметы-митральезы, — стало ясно, что грядет бойня, страшнее которой мир не видывал.

Каждая партия и страта начинает искать свой путь к спасению...

У властей предержавших — это попытки противостоять стихиям. Упорнейшие, почти фанатические попытки выйти из тупика, но лишь самым безопасным путем. Александр Константинович с его освобождением крестьян выдал нужду за добродетель. Убеждение в том, что скоро неволя кончится, было настолько рас-

пространено среди крестьян (в толще народной всегда сыщутся визионеры, см. *старчество*), что промедление было смерти подобно. Одновременно любая статистика давала ответ, что при тогдашних темпах освобождения крестьянства львиная их доля все равно освободится через два десятилетия максимум. Так что «Сон» усатого поэта-малоросса: «Дают нам волю ту погану, землицы ж вовсе не дают», — оказался вполне визионерским.

Только вот чем дальше, тем сложнее отыскивать сравнительно безопасные пути, одновременно сохраняя овец и кормя волков. Рано или поздно — через меры воспитательного характера или просто ссылки потенциальных бунтовщиков — правители скатываются к убийству «не успевших раскрутиться» политиков. «Кошка на раскаленной крыше» Э. Колосникова — описание постепенно сужающегося «окна возможностей», когда решения принимает уже даже не самодержец или премьер-министр, а некий круг чиновников, объединенных скорее столом, за которым они играют в преферанс. Иногда государь присоединяется к этой партии, иногда нет. И объем власти, сосредоточенный за этим столом, понемногу сокращается — они не могут изменять налоги, вынуждены организовывать убийства.

Если тактика бесконечных оттяжек не помогает — а она не помогает, — наступает момент разрыва с реальностью, когда на смену сколько-нибудь настоящим визионерам или рассудительным прогнозерам приходят откровенные жулики и гипнотизеры. О них знают, их ждут, но нет сил им сопротивляться. Собственно, отожествление Распутина и Дракулы — не просто фантазия подвыпившего чиновника Благовещенского, накропавшего повестушку-другую (не прошли цензуру), но развитие мощнейшей традиции «любви к смерти»,

которой были пропитаны почти все слои столичного общества¹.

Однако справедливо и обратное явление: если вокруг кризис, сплошная безнадега и твердокаменное уныние, то весть о человеке грядущего, уверенность, что именно этот политик есть тот самый пророк, который не просто видел светлое будущее, но и знает туда дорогу, — сплачивает вокруг него людей. Из ниоткуда появляются сторонники и всякого рода попутчики. Дорабатывается политическая программа, жертвуются деньги, «раскачиваются» на террор студенты и прочие разночинцы. И вот человек, которого полгода назад можно было арестовать безо всяких усилий, просто передав записку в полицейский участок, вдруг располагает существенной политической и просто военной поддержкой.

Где-то с середины 1890-х годов в России началась увлекательнейшая, но притом страшная литературная игра — революционная фантастика. Несколько десятков человек, многие из которых были подготовлены охранкой, только и делали, что расписывали именно себя в качестве грядущего вождя революции, лидера мирового пролетариата, главного тектолога, защитника сирых и председателя рабочих кружков. Чтобы «сорвать куш» и стать пророком, требовалось выиграть сразу на трех досках: подгадать с возмущением общества, которое ведь не каждый день готово учинять революцию, уйти от убийц очередной «охранительной» структуры и, наконец, разобраться с друзьями по партии. Каждый из настоящих кандидатов в лидеры революции пони-

¹ На Западе образ неуязвимого старца-распутника, высасывающего силы империи, наиболее известен в трактовке Дж. Бирмингема — роман «Желтый клык». К сожалению, Дж. Бирмингем, как и многие до него, был плохо знаком с реалиями России, получилась «знатная клюква». В. Пикуль в романе «Нечистая сила» куда лучше раскрыл тему, идеально вписав половой гипнозизм вампира в гнилостную приворотную обстановку, а коррупционные интриги совместив с осведомленностью известных людей о сущности «старца Григория».

мал, что он далеко не первый на этом месте — а скорее десятый. Предыдущих вождей задушили еще в колыбелях. Отсюда бесконечные псевдонимы, под которыми они жили до старости, и даже на могилах не писали «детских» имен. Но и жалости никакой к чужим жизням у революционеров не наблюдалось, часто они мстили за братьев¹.

В таком нервическом окружении парадоксальным образом даже провокаторы откапывали в себе творцов. Утопические романы «Как нам обустроить Россию в царствие небесное» Г. А. Гапона и «Копеечное дело» С. В. Зубатова вышли сотысячными тиражами, привлекли к себе всеобщее внимание. И если Зубатов старался держаться в тени, никогда не объявлял себя пророком, то Гапон как страстный оратор, умело манипулировавший толпой, уже видел себя новым Сергием Радонежским. Вся провокаторская интрига не могла не кончиться очень плохо, и кровавая баня первой революции, в которой сгнули оба, — тому подтверждение.

С другой стороны баррикады шла «гонка на кладбище».

Бронштейн-Костыльский — известен под прозвищами «командарм», «лев нессионский». Его наиболее прославленное сочинение — «Мемуары правителя Красной России». Несомненный лидер национальных движений, скорее всего сам обладал серьезными визионерскими способностями, но в реальной подпольной деятельности они не помогли. Убит белосотенцами.

¹ Тут, разумеется, нельзя обойти судьбу основоположников марксизма, умерших своей смертью, при том что многие готовы были удушить стариков. Все дело в сроках их собственных пророчеств. В 1870–1890-х, когда и был сделан политический марксизм, вовсе не марксисты рвали бомбы и ходили на баррикады. Потенциал марксизма окончательно раскрылся именно в мировую войну. А разглядеть в 1820-х, что работы вот этого мальчика через сто лет станут «библией» революционеров, — не каждому дано.

Чернов-Метелкин. «Житница мира» — пасторальная утопия, образец будущих «экологических» романов о разумной биосфере. Лидер социалистов-революционеров. Выпал из окна при невыясненных обстоятельствах.

Савинков-Ропшин — гений террора, реальный претендент на диктаторские полномочия. Романы «Конь бледный» и «Гидра контрреволюции» дают ему тот самый глоток славы, который должен отличать политика от обычного террориста. Однако же он — редкий пример раскаявшегося революционера. Начиная с восьмого года постепенно отходит от террористической деятельности, к моменту гражданской войны — это уже консерватор. Расстрелян.

Ульянов-Ленин — признанный лидер радикальных революционных партий с четвертого по двенадцатый год. Вокруг него выбило почти всю семью — родители, братья, три сестры¹. Прославился книгами «Утопическое развитие капитализма в России», «Кто такие буржуй-вампиры и как они пьют кровь трудового народа», «Детская болезнь левизны в мировой революции». Сильный полемист, одаренный писатель, потенциальный пророк. Убит снайперским выстрелом в Цюрихе².

Богданов-Малиновский известен под прозвищем «Марсианин». Утопические романы «Красная звезда» и «Инженер Стэн» сделали ему имя, он считался преем-

¹ Уцелела только Анастасия Ульянова, взятая на воспитание Л. Толстым. Вообще потенциальное сотрудничество двух лидеров — морального авторитета нации и яркого политика, наделенного пророческим дарованием, могло бы изменить ход развития России. К сюжету их совместных действий неоднократно обращались самые различные авторы. Наиболее исторически продуманная альтернатива — роман Н. Зиновьева «Сияющие высоты».

² «День Шакала» — известная экранизация одноименного романа. Опирается на версию Ю. Мухина о действиях стрелка с месмерически стертой памятью. Якобы англичане, предвидя будущие громадные успехи Ленина как реконструктора Российской империи, заказали его убийство.

ником Ульянова. Тектология сменила диалектику в качестве основы марксизма, образы ядерных реакторов стали основой «мечты для инженеров». Но столь же крупным авторитетом Богданов не обладал. К моменту начала мировой войны — революционное движение расколото¹.

В европейской литературе и политике шли внешне иные, но внутренне чрезвычайно схожие процессы.

Французская фантастика предвоенных лет — это медленное очерствение душ. Известна литературная гонка между Жюлем Верном и Альбером Робида. Оба хорошо владели кистью и были отменными стилистами. Оба в своих романах детализировали технику ближайших десятилетий, аккумулируя образы и перспективные идеи, которые появлялись в божественно-визионерских кругах и в научных сообществах.

Только если Жюль Верн изображал торжество человеческого духа, триумфы изобретательности, находчивости, будущее царство гуманизма, который позволит человеку достичь невиданного могущества, то Альбер Робида показывал, на что это могущество будет употреблено. Предвидений у него было множество, и главное из них — он блестяще раскрыл порядок потерь в сражениях будущей войны.

Сотни тысяч людей.

¹ Подобное «выкашивание» талантов, будь то политики первого звена или конструкторы, или даже модельеры — играет роль замедлителя, своеобразного противовеса к визионерскому дару. Ф. Бродель в «Истории становления технологий капиталистического общества» рассмотрел статистику внедрения нескольких сотен изобретений — буквально по дням и по каждому изготовленному болтику. Он пришел к довольно неожиданному выводу, что визионерство может обеспечить «опережающее развитие» в несколько десятилетий максимум. «Визионерскую сингулярность» он отверг, т. к. чем больше вокруг визионеров, тем и сложнее технологии, которые им приходится подсматривать. Почему же мы не живем «на сорок лет лучше»? Великая «гонка неиспользованных возможностей», связанная с убийством детей, сокращает визионерское преимущество в развитии технологий до десяти-двадцати лет.

Жизнерадостного и обходительного шутника, его прозвали «вороном Фландрии». Чем ближе к войне, тем большую популярность приобретали его «графические романы».

Разве не было попыток «отвернуть»?

Были.

В который раз запустили большие государственные программы по поиску визионеров и составлению «карт будущего». Потенциальные критические точки — те самые мгновения, когда бабочка Лоренца машет крыльями судьбы, — отслеживались достаточно неплохо. «Охранка», «Интеллиджен сервис», «Второе отделение Генерального штаба» — превратились в своего рода пожарные команды, которые были готовы тушить свечки на пороховом складе.

Дело в том, что прогнозеры достаточно уверенно просчитали модель будущего экономического мегакризиса, по результатам которого основные государства, составлявшие опору цивилизации в начале XX века, оказывались банкротами. Все понимали, что нельзя бесконечно консервировать мир. Но также не было желания радикально его менять.

Будущее становится по-настоящему неуправляемым, когда мы не знаем ведущей туда дороги. И пытаемся перепрыгнуть открывшуюся пропасть, вместо того чтобы строить мост. Кризис, возникший перед Первой мировой, требовал для своего решения воистину революционных преобразований, и слишком многие, боясь таких масштабов, отказывались от рационального мышления — ударялись в мистику, жаждали чудес.

По сию пору в литературе очень большой популярностью пользуется идея остановки мировой войны. Создана целая галерея выдающихся личностей¹, которые

¹ Бывает, что сразу несколько неординарных личностей действуют в одном произведении. См. фильм «Группа выдающихся джентльменов на своих колымагах». А иногда все зависит от самого обычного

могли бы «отвернуть». Сейчас наиболее известен образ сыщика Моторина, явленный бойким пером А. Бакунина. Прозорливый детектив, опытный боец, элегантный фронт с седыми висками — он мог, несомненно, мог бы остановить трагическое отравление Франца-Иосифа и его августейшей семьи осенью шестнадцатого года. Ему помешали нефтяные магнаты, причем не по злобе или коварному замыслу, а просто по собственной глупости.

Но если говорить о чувствах реальных агентов тех лет, то лучшие описания можно найти в мемуарах Сиднея Рейли «На роликах» — очень большая усталость и понимание собственной ненужности. То есть каждому конкретному «охраняемому лицу» собственная жизнь была весьма дорога. А вот соседей они видели в гробу...

«Войны никто не хотел. Война была неизбежна».

Но, хуже того, будущее открывало взорам еще более страшную картину — за первой бойней мирового масштаба, с перерывом меньше чем в двадцать лет, уже сделалась вторая. Как бороться с ее приближением — вообще не представляли.

Отсюда и возникает традиция «посткатастрофического» романа, исходной точкой которого есть исчезновение почти всего человечества, — и вот несколько десятков людей, бродя по сгоревшим, или отравленным, или наполовину засыпанным песком городам, пытаются как-то организовать, начать жизнь заново. Г. Уэллс в «Машины времени» описал героический подвиг одиночки-изобретателя, который пытается перевезти как можно больше людей через несколько огненных десятилетий, с тем чтобы на освободившейся планете, покрытой молодым лесом, они бы начали новый виток цивилизации.

человека, как в книге Дж. Финнея «Меж трех времен». Но уровень подобных текстов, к сожалению, невысок. «Средневзвешенным» образчиком выступает книга А. Бушкова «Де Сад — защитник короны»: авантюрная история, фабула которой частично заимствована из «Приключений капитана Флобера», представляет маркиза настоящим героем, павшим жертвой клеветы и придворных интриг.

Воскресает классический плутовской роман, который еще в девятнадцатом веке, казалось бы, навсегда был побежден авантюрным. Это подробные, временами смешные, но и страшные инструкции — как вести себя обывателю в случае смены власти, как прикидываться «национал-либералом» или «хортистом современной ориентации». Но тут часто авторам изменяло как чувство юмора, так и меры. «Бравый депутат Швейк», продолжение «Похождений солдата Швейка» — абсолютный рекордсмен, когда больше двадцати авторов написали свои книги под одинаковым названием. Одно время даже говорили о традиции «швейкианы», которая складывается в чешской литературе¹, но реальность оказалась как страшнее, так и фантазмагоричнее любых «роботов-цензоров».

С самого начала войны было ясно, что ее затягивание принесет крах. Потому в первые же месяцы на поля сражений оказалось выведено все, что могло стрелять, и мобилизованы практически все, кто умел нажимать на спусковой крючок. Боевые действия очень быстро достигли невиданного ожесточения.

Но визионеры-шпионы, которые каждую ночь должны были докладывать об изменении будущего рисунка битв², оказались в положении читателей газеты «Ведо-

¹ В отечественной литературе образ горожанина-прохиндея, который стремится сделать карьеру на государственной службе, можно найти в романах «Человек-рубашка» И. Д. Боборыкина, «Хамелеон» А. Чехонте.

² Проблема стимуляции визионеров — одна из самых тяжелых и противоречивых тем в фантастике. Практически все наркотические вещества были перепробованы еще в незапамятные времена, так же как и попытки естественной гормональной стимуляции. В позапрошлом веке стали воздействовать на мозг через электроды, строили «изоляционные чаны». До сих пор существуют лишь полумпирические закономерности видений, которые нарушаются в каждом втором случае. Единственный надежный путь — сосредотачивать под своим наблюдением как можно больше визионеров. Но для каждого из них в случае перегрузки начинается свое — «Путешествие в Икстлан» К. Кастанеды, рейс «Москва—Петушки» В. Ерофеева или «Круиз на темную сторону» Ф. Дика. Визионер постепенно теряет ощущение реальности, вероятностные линии развития событий начинают возникать перед ним

мости», по переписке играющих с чемпионом мира: усредненный ответ множества шахматистов всегда предсказуем. Любая громкая и неожиданная победа завтра станет достоянием прессы, а через десять лет займет свое место в учебниках. Пришлось «секретить» каждую мелочь. Как результат — все штабы и министерства окутал «туман войны», настолько плотный, что черт мог ногу сломить в дезинформационных статьях, которые писались заранее, и в учебниках истории, черновики которых должны были радикально запутать дело, при том, что каждый из героев очередной битвы требовал своего реального награждения.

Потому при всех мероприятиях по дезинформации и контрдезинформации армия была обречена осуществлять операции, которым она лучше всего научилась в предвоенное время. Офицеры ориентировались не на шифровки из штабов, а на здравый смысл и угрозу трибунала. Визионеры просто не смогли передать ощущения от того страшного тупика, в который угодил буквально каждый солдат. В окопах оказалось бесполезно не просто знание будущего, но и львиная доля размышлений как таковых. Ремарк в романе «На Западном фронте без перемен» рисует типичную картину тех дней: тотальный обман в напечатанных словах, чудом сохранившаяся дисциплина и последние крохи надежды, как остатки сухаря в кармане¹.

в виде галлюцинаций, навязчивого бреда. Необходимо стабилизировать психику значительными дозами седативных препаратов.

¹ Из подобной мемуарной литературы возникла еще одна разновидность фантастики — «панк». Тут и стимпанк, и миддлпанк, и даже «ренессанс-панк». Суть прогнозирования здесь очень проста: настоящие или будущие кризисы моделируются как вариации прошлых войн. Чтобы избежать полного повторения, авторы преувеличивают возможности позавчерашней техники. Стимпанковские дирижабли, на которых размещены бомбы с вирусами чумы, — достаточно типичный образ. Это техника — всего лишь антураж. В основе романов попытка ухватить «ноту отчаяния» очередного кризиса. Наиболее известный роман — «Мост Ватерлоо» А. Лазарчука — под видом ударной стройки гигантского моста описывает крах плановой экономики, где люди тяжело переживают бессмысленность своего рассчитанного по дням подвига.

Что до хитрых планов, то они могли осуществляться лишь в пределах, очерченных гарантированным соблюдением тайны. А государство оказалось почти не способно делать что-то безо всяких бланков, финансирования, инструкций. Если деньги просто расшвыривались, то под дождем «халявного финансирования» как грибы вырастали проекты типа «туфта». Любая экспертиза — уже требовала отчетов и архивов. Получалось, что с собой в могилу тайну могли унести разве что дружные, небольшие компании.

Это предопределило рисунок войны — когда на фронтах громадные массы людей тупо умирали, сами не понимая, за какие холмики. А большое количество диверсионных групп стремилось осуществить им одним понятные акции, порой с самыми неожиданными результатами. Взрывать мосты, плотины, заводы и крейсера оказалось не слишком эффективно. Удары были перенесены на управленческие структуры и наиболее значимых личностей в государствах противника.

Два года жуткой бойни, в результате которой всевозможные штабы, конструкторские бюро, лаборатории фирм и просто диспетчерские оказались буквально обезлюжены. А. Измайлов в романе «Следующий» блестяще спрогнозировал эту перспективу — тотальную охоту на знаменитостей-«фазанов», которая не прекратится и в мирное время. Он же сформулировал относительно вменяемые инструкции по борьбе с подобным злом. Обычаи псевдонимов, детских имен, разнообразных официальных масок, ношения париков и накладных бород, вообще некая карнавальность, что и до того была присуща повседневной жизни аристократии и, отчасти, состоятельным прослойкам буржуазии, обернулась предохранительной маской, которую требовалось носить в служебное время, и образом «Старшего брата», который следит за всеми.

Война стала великим анонимайзером власти.

Но военные действия не закончились с капитуляцией Нордического союза — выжженная Европа быстро взялась за революцию. В Российской империи монархия обвалилась на следующий день после заключения мира. По-старому страной было управлять уже некому. А Вторую мировую тоже ведь все ждали. Передел мира не завершился.

В результате — множество народов (от Лиссабона до Владивостока) попыталось быстро выдвинуть из своих рядов подходящих людей и нащупать устойчивые формы правления. Прежние социальные конструкты оказались разобраны буквально до основанья. А затем начали собираться новые.

Один из самых оригинальных моментов тех войн — противостояние стихийного визионера Махно, фантаста Винниченко, который успешно прикидывался пророком («Солнечная машина»), и товарища Артема, который пользовался пророчествами марксистов как основной инструкцией к действиям. Собственно, Винниченко опирался на одно-единственное видение — большое количество портретов Шевченко, которые должны были присутствовать в школах Малороссии-Украины буквально через десять лет. Махно разобрался с тактикой маневренной партизанской войны и на поле боя практически всегда был сильнее. Артем же методично занимался кадровой политикой и сколачивал армию. Кутерьма продолжалась полтора года, пока рабочие дружины не освоили быстрые переброски резервов по железной дороге и не наладили снабжение удаленных гарнизонов¹. В кото-

¹ Вообще «хронотоп» революционной Малороссии-Украины породил собственный устойчивый тип сюжетов. Это авантюра с максимальным количеством коллизий, причем условную победу одерживает тот, кому приходит на помощь больше сторонников. «За двумя зайцами», «Хороший, плохой, злой», «Бронепоезд и кривая коза» — лишь самые известные экранизации. Разве что распаханной степи до горизонта сейчас не увидишь, все перекрыто лесозащитными полосами, потому снимают больше на казахстанских просторах.

рый раз подтвердилась старая истина — лишь то грядущее истинно, которые ты построил своими руками.

Естественно, полная секретность власти невозможна. Нельзя круглые сутки жить с «предохранилищем» на голове. Людей и в семью тянет, и в свет выйти хочется. Подчиненные тоже время от времени должны видеть начальника, а уж о политике и говорить нечего. И если на Востоке продолжилась линия изолированного бытия султанских дворцов, то урбанизованное общество Запада пошло привычным курсом шизофрении. Жизнь человека как бы распадалась на составные части. Важнейшее время суток — работа или семья, каждый выбирал сам — проводилось «со своим лицом», без маски. А в остальное время политик жил второй жизнью.

Образ раздробленного личного бытия, в котором человек то хозяин полумира, то сапожник в кремлевской обувной лавке — образ все-таки фантастический, но притягательный, — был впервые использован Сартром в пьесе «Ад — это другие». Пьеса достаточно претенциозна и политизирована, но в ней впервые появляется заимствованный из индуизма термин «аватар», который позднее, уже для постмодернистов, стал образом власти. Аватар — это маска, достигшая настолько большой самостоятельности, что ни смена носителя, ни даже его отсутствие не изменит ее поведения. Увы, образ аватара оказался изрядно затаскан и опошлен. Здесь в который раз проявилась самоуверенность богемы — множеству людей показалось, что «сапог», который они целуют, живет абсолютно самостоятельной жизнью. Потому сюжеты львиной доли низкопробных антиутопий 20—60-х годов построены вокруг записной книжки умершего тирана, или его мундира, или трубки, или инвалидной коляски — которыми пытаются овладеть едва ли не как фетишами. Это тем более неприятно, что в первые послевоенные годы Герман Гессе как талантливый прогнозер-фантаст очертил границы власти аватара. «Игра

в куклу», роман, в котором описана страна Касталия, управляемая игрой. Это одна бесконечно большая партия, что включает в себя все закономерности культуры — трансформацию английских сонетов, изменение профиля бирманских храмов, совершенствование чеканки серебряных монет и даже длину женских юбок. Орден Игроков высчитывает новые ходы и на их основе издает законы, правит кодексы, пишет всевозможные инструкции. Прослеживается жизнь одного из великих Магистров, который с юности верил в беспрестанность игрового механизма. Но с течением времени он понял, что вся независимость и показная бедность ордена — бессмысленна. В скрытой, снятой форме игра воспроизводила не столько «дух эпохи» или «требования времени», но волю отдельных властных группировок. Здесь не было заговора или тайной организации, отсутствовали зашифрованные сообщения и шантаж. Только вот одеть половину молодежи Касталии в джинсы и тем обеспечить прохождение нового закона было проще, чем ругаться с депутатами в традиционном парламенте¹.

Но аватар двадцатого века не мог быть таким же камерным, как восточные маски деспотов, и символическим, как персонаж в театре кабуки. Уже во время войны власть ощутила все возможности нового инструмента воздействия на умы.

Радио.

Голос политических лидеров оказался как бы отделен от их внешности и судьбы. По голосу пожилого человека невозможно узнать младенца. Лица не видно вооб-

¹ В комедийно-усеченной форме этот сюжет раз за разом повторяется в предвыборных кампаниях. Фильм «Хвост виляет собакой» показывает, как для победы на выборах президент США объявил войну марсианам и их албанским приспешникам. Модель лучемета «Х-20» и маска «Джека Харчера, героя сопротивления» были распроданы миллионными партиями, и Алан Гринспен второй раз стал презентом.

ще. Однако сохраняется возможность управлять и даже не очень бояться подмены себя двойником. Не так просто надеть чужую маску и ударно прочесть шестичасовую речь — довести слушателей до катарсиса, но так, чтобы их перед тем не затошнило. Сделайте это, и ваше прошлое — неважно. В настоящем вы отдаете приказы. И пока вы поддерживаете собственный карнавал — смерть будто не властна над вами¹.

Здесь надо признать, что гутенбергские пророки стали сдавать свои позиции. Тексты, конструирующие новый мир, и даже иллюстрации к этим текстам — на фоне радио и кино перестали быть самыми сильными *самосбывающимися прогнозами*.

Значение фантастов, однако, еще оставалось велико. Можно сказать, что технологическое визионерство снова стало важнейшим из аспектов предвидения. И фантастика межвоенных лет — это попытки не просто угадать облик новых систем вооружений, но еще определить их практическую применимость. А. Толстой в послесловии «Лазера инженера Гарина» подробно описал, в каких случаях оружейное применение луча смерти необходимо, в каких возможно, а в каких — именно

¹ Предвидение этого феномена карнавала, в тот момент непонятное и не признанное в качестве пророчества, впервые предстает в романе Э. А. По «Маска красной смерти», на схожем сюжете построен и более поздний роман Кафки «Замок». В некий городок, столицу небольшого государства, прибывает «ревнитель справедливости» — у него с собой документы, оружие и пробирка со смертельным ядом/вирусом. Он пытается разыскать виновников трагедии на одной шахте, которая случилась из-за слишком высоких налогов и разрешенных норм прибыли. Но вся его решимость будто вязнет в бесконечных сменах личин чиновников, ведь не очень понятно, кто именно руководит государством. Даже дети не могут достоверно указать на своих отцов. Особенно когда те «при исполнении». В итоге герой понимает, что лишь всеобщая катастрофа сдвинет дело с мертвой точки, и, копя в сердце решимость, замирает на площади со стеклянной пробиркой в руках.

что фантастично. А. Беляев, к сожалению, исчерпался как литератор, пытаясь стать конструктором «из будущего»: его поздние книги состоят из чертежей, экономических расчетов и оценок свойств новых материалов. Но фантаст не должен сам сидеть за кульманом, если только его не посадили в шарашку, его задача — вдохновлять инженеров. Это не всегда понимали. Даже такой захватывающий сюжет, как освоение нефти Ямала и Таймыра — с романтикой первопроходчества, всем порывом юности, — был показан между графиками поставок бензина и обсуждением планов установки очередной ректификационной колонны (Г. Адамов «Покорители недр»).

Но приближавшаяся война своей тотальностью портила фантастику. Визионеры должны были работать в КБ или ограничиваться чисто детскими текстами. Ян Ларри и Лев Термен — лишь самые известные имена литераторов, которые попали под маховик «привинчивания»¹.

Обратный путь проделал молодой Р. Хайнлайн. Начав, как многие визионеры-самовыдвиженцы, в шарашке концерна «Дженерал Моторс», посылая в редакции рассказы со множеством опечаток, да еще на самой дешевой бумаге, он достаточно быстро понял, что единственный способ привлечь читателя — писать про людей. И вот сюжеты его произведений становятся все более фантастичными, герои все дальше забираются в будущее и путешествуют буквально по всей галактике.

¹ «ЦКБ-29» — записки Королева, посвященные шарашке, в которой собрался цвет авиаконструкторской мысли страны. Несколько визионеров сходились в облике будущих самолетов, рассказывали о турбореактивных двигателях, даже рисовали вполне приличные эскизные чертежи. Но детали, подробности! Как они все портили. Принцип «осуществимой красоты» неуклонно проводился Туполевым и себя оправдал: на реализацию уходили не самые эстетичные, но самые гармоничные модели. А гармония включала в себя данные о количестве фрезерных станков...

Читатели же постепенно начинают запоминать не прогнозы использования атомной бомбы, но имена персонажей¹.

Точные даты начала боевых действий Второй мировой «плыли» от видения к видению — как и положено изменяемому будущему. Отрывки из записей в журналах боевых действий, памятники, разрушенные города, парады — все это видели в грядущем. Общество истерило куда больше, но реальное сопротивление мобилизации оказалось куда меньше, чем в годы Первой мировой.

Возможно, потому, что многие народы заранее решили, что драться не будут. Они ведь уцелеют при любом раскладе? Ну так плевать на государство. Кто хочет отдавать жизнь за королеву Бельгии?

О той войне пишут много, но в прошедшем времени. Мемуары, исторические исследования: интерес не утихает, как и ко всякому эпическому событию. Несмотря на весь свой накал, на всю бешеную подготовку государств, армий и даже отдельных этносов (см. *Цыганский исход*), традиция литературного *предвидения* Отечественной войны не сформировалась. Возник другой жанр — «докладная записка». Это были тексты, рассчитанные на узкий круг читателей и оформленные в виде сочетания предельно субъективных, чуть ли не поэтических зарисовок, совмещенных с сухими аналитическими выкладками. Метафора будущего, которую должен был понять чуть ли не единственный человек,

¹ Закончилось все это самым человечным произведением — романом «Чужак в чужой стране», о грядущей сексуально-наркотической революции. Впоследствии Р. Хайнлайн соглашался, что даже анонимная попытка публикации была слишком большим вызовом нравам общества. Но возвращение в шарагу (уже государственную), где он познакомился с Артуром Кларком и другими прогнозерами, по его словам, «того стоило».

и математическая модель этой метафоры. В печати «докладные записки» появляются уже в 1990-е, и, честно говоря, еще не опубликован тот текст, который бы мог претендовать на литературное осмысление этого феномена¹.

После войны, когда достаточно быстро стало ясно — новых затяжных битв и фронтов от моря до моря не предвидится, в политике началась либерализация. «Аватар» превращался в должность, которая требовала все меньше самоотверженности.

А в 50–60-х начался кризис именно пророческой фантастики. Нет, с литературной точки зрения все обстояло как нельзя лучше. Книги Азимова, Гаррисона, Саймака прославили новых авторов. Но в книгах намечается явный отход от прогнозерства. Фантастические допущения все меньше связаны с ближайшим (или просто достижимым) будущим. Любое мыслимое изобретение или событие, пусть и самое невероятное, вроде контакта с пришельцами, позволяет авторам выстроить собственный мир, который с каждым новым успехом все меньше связан с реальным. Это все чрезвычайно занимательно, остроумно и даже философски обоснованно. Но фактически неосуществимо. Одна из таких вещей — прославленных и неоднократно экранизированных — «Берег динозавров» К. Лоумера. Путешествия во времени пронизывают всю ткань цивилизации, приводят ко все более тяжелым последствиям, нарастанию парадоксов, и в итоге людям оказывается проще навсегда закрыть такую возможность.

¹ Сейчас авторы выдумывают два основных вида «постфактумных записок», которые соответствуют простым определениям: «Автор записки все знал, но у гениального начальства не хватило времени прочесть» («Третий фронт» Конюшевского) и «Автор все знал, но тупое начальство плюнуло слюной» («Сапожник читает стратагемы» Суворова-Резуна).

Пожалуй, единственный раз после войны визионеры смогли реально воздействовать на историю: в момент Карибского кризиса несколько сотен людей по всему миру ощутили «мерцание» будущего. Оно то существовало, то вообще отсутствовало. Все эти люди понимали, что бесполезно уговаривать политиков или что-либо советовать им. Меньше чем за сутки были убиты министр обороны, два маршала авиации, уничтожен коммуникационный центр стратегических ядерных сил, и еще Патрику Джеймсону буквально десятка сантиметров не хватило, чтобы положить пулю в висок президента США. Этому моменту покушения на еще анонимную, но уже не монолитную власть посвящен роман С. Лема «Эдем», но куда шире сюжет использован в сюжетах о супергероях, в частности, на нем построена серия комиксов «Хранители».

Казалось бы, тут-то и должно начинаться повествование о современной фантастике? Но парадокс и трагедия в том, что союз литературы, прогнозёрства и визионерства — ныне почти мертв.

Фэнтези (не важно, с лазером или с файерболом) царствует в фантастике и раз за разом рассказывает читателю удивительные истории, которые уносят скупающего горожанина в иные миры. Необычайно повысились требования к литературным качествам текстов, рассказы «про трактора» остаются в компьютерах графоманов.

А прогнозёрство все больше отделяется от литературы. Идет тот же процесс, что в позднем Возрождении отделил художников от инженеров. Метод вытесняет интуицию, расчет поглощает аллегория. Художественная подложка для идеи уже совершенно не обязательна и даже мешает. Будущее теперь создается куда более многочисленными коллективами, чем творческий дуэт братьев Стругацких или объединение авторов «Пентакля». И собственно осмысление визионерства становит-

ся скорее умением написать хорошее эссе, чем вдохновить массы на подвиги. Пример чему — работы Т. Кана о теории игры или книга С. Переслегина «Самоучитель игры в го на мировой шахматной доске». Там не раскрываются образы персонажей, отсутствует лирика и батальные сцены. Все поглощено бесконечными мысленными экспериментами — да и работает Переслегин уже в коллективе, каждые несколько недель проводя аналитико-штабные игры¹.

Но общество равнодушно к аналитическим выкладкам. Разве не предсказывал тот же Переслегин наступления фазового кризиса? Разве Муравьев-«Авантюрист» не расписал глобальный крах фондового рынка в 2008-м? Визионеры и сейчас живут среди нас. Но чтобы их видения стали пророчествами, чтобы запустить вновь механизм изменения будущего одним человеком — требуется раскошегарить PR-машину на полную мощность. Социальные механизмы, определяющие будущее, стали сильнее биологических феноменов. Если Средневековье характерно системой фальш-ересей, то сейчас налажена впечатляющая система фальш-будущего, заведомо более интересного и привлекательного, чем скучные рассуждения «пророков». Потому влияние отдельных визионеров на государство сродни роли талантливого музыканта в большом коллективе телевизионного канала. «Всегда есть другие пианисты».

И пока в фантастике нет того же ощущения ужаса, что перед Первой мировой, — обыватель вполне спокоен. Привычка восприятия «гутенбергских пророчеств» обеспечивает его мирный сон.

¹ Даже такая просчитанная модель войны, как созданная группой С. Переслегина «Гангутская пустошь» — Швеция, пытается восстановить себя в качестве великой державы, в итоге с Россией делит Финляндию и Эстонию — выпущена едва ли пяти тысячным тиражом. О ней знают только специалисты. Это прогнозирование, которое не может стать пророчеством.

Но даже технологическое визионерство сейчас сильно ограничено. Многие немедленно вспомнят киберпанк с его идеями сингулярности, мировой паутины и компьютеров, которые постепенно становятся умнее людей. Но в том-то и дело, что *становятся*. Даже основатель жанра, великий У. Гибсон, который в «Нейромантике» великолепно описал интерфейсы наступающей компьютерной эры, так и не решился показать мир, в котором ИскИны обретут власть над людьми. Отчего? Уже сейчас понятно, что принципы действия новых машин будут все менее очевидны, и их обслуживание все больше будет отходить ремонтным роботам. Есть интуитивные интерфейсы, но все меньше самоочевидных по своему устройству механизмов.

Из современных визионеров-литераторов можно упомянуть разве что В. Палевина. Его философско-вампирические тексты с буддийским оттенком уже никого не пугают, над ними смеются. Он не пророчит будущее, не конструирует, а скорее «палится» с его видениями, как палятся пойманные за руку карманники, — обыватель, перечитывая его романы через пару лет после издания, вдруг хохочет и в восторге показывает знакомым несколько строчек текста: «Гляди, угадал, как угадал!»

Значит ли это, что фантастика навсегда утратила свои возможности? Что пророки навсегда стали тенью прошлых эпох?

Нет.

Грядущий кризис, во всей его сложности и непредсказуемости, обязательно родит новых пророков. Те социальные конструкты, которые сдерживают их появление, должны рассыпаться или хотя бы оказаться перед лицом собственного уничтожения. И тогда потребуются не просто аналитические записки, но люди, которые скажут: «Я знаю — как», — и станет по их слову.

Но это будут уже интернет-пророки.

* ————— *

СТРАШНЫЙ ГРЕХ ДЖЕФФРИ МАСТЕРА

19.01.201* портал Kinoproisk.com, раздел «Новости».

«В сети появился трейлер к новому фильму Джеффри Мастера!»

Первый и последний рекламный ролик перед премьерой, которая ох как не скоро. Миллионы поклонников творчества знаменитого режиссера взрывают чаты и форумы обсуждениями трейлера и того, что же именно нам предстоит увидеть через полгода в кинотеатрах:

Фабулу, наверное, знают все:

«Девушка по имени Рейчел приезжает в захолустный город, чтобы узнать причину смерти родителей. Но она и не подозревает о темных силах, которые ждали ее возвращения и вот-вот пробудятся».

Этот синопсис появился больше года назад, и больше никакой официальной информации о проекте до сегодняшнего дня не появлялось. Совершенно не характерная ситуация для высокобюджетных картин именитых авторов. Все финансовые вопросы Док Джеф, как его называют поклонники, взял на себя, что позволило ему контролировать (и держать в секрете) процесс производства от и до.

Трейлер проливает свет на некоторые подробности истории. Каким-то образом в картину будут включены оборотни, призраки и любовная линия. Все это выглядит очень многообещающе, учитывая подход Мастера и его манеру крушить стереотипы. Может получиться ничуть не хуже его знаменитого «Танго над пропастью во ржи».

И, конечно, ни один проект Мастера не обходится без медиаподдержки в виде скандалов. Так, вчера исполнитель главной мужской роли Пол Янг снова устроил пьяный дебош в ночном клубе. В этот раз он подрался с охранником, залез на шест и оттуда громко кричал, что нынешний фильм Мастера — лучшее, что случилось в кинематографе со времен «Лесси» и «Касабланки».

Всего через полгода в кинотеатрах появится новое творение любимого режиссера, и на сайте прокатчика в США уже начался предзаказ билетов. По слухам, множество фанатов просили Мастера снизить рейтинг фильма, чтобы они могли прийти на него без родителей, на что маэстро в своей обычной манере ответил:

— Приводите мам, пап, приводите кого угодно — им понравится, вам понравится. Всем понравится!

Напомним, режиссер уже объявил о своем уходе из мира кино после завершения работы над картиной. Каким же будет «Последнее испытание» Мастера?

25.07.201*

Запись в блоге пользователя ImageHater.

Вчера ходил на «Последнее испытание». И до сих пор не могу понять, чем была занята моя интуиция, когда я покупал билеты? Скажу сразу: обожаю работы Мастера, практически вырос на его творчестве, поэтому мог бы простить ему очень и очень многое, но такое?! С ностальгией вспоминаю теперь трейлер — какой же он был классный! Просто сказка. И лучше бы я таращился все эти полтора часа на трейлер в реплее! Все самые интересные моменты уместили в две минуты рекламного ролика. Не спорю, киноделы постоянно такое проворачивают, но еще никогда — повторяю, никогда!!! — меня не обманывали ТАК сильно.

История поначалу кажется интересной.

Главная героиня — Рейчел — прибывает в маленький городок, где когда-то погибли ее родители, и начинает разнюхивать. В библиотеке она находит старую газету с фотографией, сделанной за день до трагедии. На фото — ее родители вместе с маленькой девочкой. Библиотекарша утверждает, что это дочь «несчастной пары», но сама героиня точно знает: в тот момент она лежала в больнице и быть вместе с родителями никак не могла. Кто же эта таинственная девочка? И почему героине кажется, будто от нее все в этом городе что-то скрывают?

А меж тем проходит уже двадцать минут фильма, и действие особо не развивается. У нормальных зрителей к этому времени уже кончается поп-корн, а в фильме почти ничего и не произошло! Под заунывную музыку зрителя потчуют обрывочными воспоминаниями Рейчел, и, поверьте мне, никаких захватывающих приключений там нет. Росла хорошей девочкой, заболела, угодила в больницу. Пока она там отлеживалась, заботливые родители умотали в какую-то глушь и там благополучно отдали концы. Долгие годы спустя пришла пора девочке узнать правду. Все, что в трейлере заняло секунд тридцать, в фильме растянуто на полчаса. Библиотекарша, отчаянно крихтя, рассказывает, что «дитя с фотографии» после смерти «родителей» некоторое время жило у шерифа. Возможно, там остались какие-то записи. И Рейчел решает навестить шерифа, но так, чтобы без шерифа. Она взламывает замок участка, заглядывает в несколько ящиков, но ничего не находит. Да и никто бы не нашел при таком-то методе поиска. Не думаю, что все шерифы хранят важные документы пятнадцатилетней давности в ящике наверху стопочки.

Короче, там девица сталкивается со странным парнем по имени Томас. Он представляется журналистом,

говорит (ага, самое место поболтать!), что ведет здесь расследование. Мол, в городке целыми группами пропадают без вести люди. Или умирают, как, например, поступили родители Рейчел. Сначала это происходило строго раз в пять лет, а теперь — чуть ли не каждый месяц. К гадалке не ходи: что-то тут нечисто.

Казалось бы — это завязка для приличного триллера, но нет! Но не тут-то было. Фильм — целлулоидный оборотень — превращается из триллера черт знает во что! Вообще после появления журналиста действие неумолимо катится в тартарары.

Вспомним еще раз трейлер. Чем он выгодно отличается от фильма? В трейлере хотя бы не поют! Не поверите, но «Испытание» — мюзикл! Согласен, бывают очень интересные и красивые мюзиклы, но не в этот раз!

После задорной песенки дуэтом, так же уместной здесь, как и *Slow motion* в постельной сцене (да, в этом фильме и такое есть!), герои неожиданно приходят к выводу, что им просто необходимо посетить могилу родителей Рейчел. Следуя заветам завязтых гробокопателей, они прутся ночью на кладбище и — вот сюрприз — попадают в неприятности. Но не сразу, а только после того, как новоявленный знакомый Рейчел принимается раскапывать могилу. Гроб оказывается пустым, но из памятника в молодых людей бьет луч света, отчего они тут же валятся на землю без чувств.

В себя героиня приходит привязанной к стулу. Ее допрашивает злой местный шериф. То есть как допрашивает. Трудно кого-то допрашивать, если не даешь ему и рта раскрыть. Престарелый усатый злодей рассказывает Рейчел, что они давно ждут кого-то «типа нее», поэтому организовали ловушку на кладбище. Мол, ни разу за сто лет их братство не терпело поражения, не потерпит и сейчас. В общем, шериф треплется долго и все-

рьез. Потом сетует, что девушка играет в молчанку, и покидает водевиль.

На смену ему приходит новый персонаж — самый противный в фильме — гадкая маленькая девочка, которая ходит сквозь стены и утверждает, что она — вымышленный друг Рейчел. Проще говоря, галлюцинация. Глюк пискляво смеется, утверждает, что это все сон, что встреченный журналист — тоже вымысел, иначе куда бы он делся с кладбища. В общем, всячески пытается свести девушку с ума.

А вместе с девочкой-глюком появляются дурацкие аниме-вставки. Да, забыл упомянуть, фильм еще и рисованный на треть. И ладно бы это была адекватная рисовка, так ведь нет, — Мастер решил впихнуть в картину все эти уродства: огромные глаза, лица странной формы, светящиеся лучи и другие прелести глупых китайских порномультиков. Так в фильме представлены часть боев и несколько «смешных» диалогов.

Почему слово «смешных» в кавычках? Очень просто — юмор весьма сомнителен. А точнее, устарел. Бородатые шутки под видом бритых-свежих? Есть их! Приводить здесь примеры не буду. Достаточно открыть любой сайт с анекдотами и выбрать самый старый. Будьте уверены: в фильме ему нашлось место.

Так вот, Рейчел некоторое время спорит со своей галлюцинацией, затем та развязывает руки девушке и выходит из комнаты. Тут же влетает шериф, снова пытается допрашивать, но валится на пол, сраженный стулом. А Рейчел тем временем спокойно выбирается на улицу.

Вот тут-то спустя полфильма и начинается экшен. Главные герои встречаются, ищут какой-то древний артефакт, который пытались найти родители девушки, от чего и погибли. На пути героев встают оборотни, ниндзя (!) и вообще все жители города. Много драк, интриг

и пафоса. К концу выясняется, что родители Рейчел были сатанистами и хотели пробудить зло, упрятанное в этой местности. А жители охраняют мир от зла, поэтому убивают всех подряд, чтобы не допустить Пробуждения. Вот такие воины света. Перед Рейчел встает выбор: закончить миссию родителей и пробудить зло или выбросить все это из головы и убраться из сумасшедшего города подальше.

Ситуацию осложняет то, что ее нынешний возлюбленный — журналист Томас — никакой не журналист, а тоже сатанист. Самый настоящий живой ключ для пробуждения зла. Более того, и зовут его не Томас. И вполне вероятно, что его вообще не существует, и девочка-глук права. Рейчел «вовремя» вспоминает, что та самая клиника, о которой говорилось в начале, — весьма психиатрическая. И лежала она там не год и не два. А чуть ли не все время, пока выросла. В общем — полный дурдом.

Чем в итоге вся эта история закончилась, я так и не понял. Томаса вроде убили. Или нет. Не ясно, и ничего не объясняют. У главных героев внезапно отрастают крылья, влюбленные взлетают ввысь и исчезают в солнечном свете, а на земле остается их одежда. Голым летать удобнее, видимо. После этого происходит смена плана, и в кадре появляется полицейский, которого где-то в середине вызвала Рейчел. Он смотрит на дорожный знак с названием городка, причем самого городка нет. Только одни руины, заросшие плющом. Мол, нет тут уже лет сто никакого города. Бред крошечный.

Но, может быть, визуальная часть на высоте? Давайте разберемся.

Про гадкие мультвставки я уже говорил. Но по уродливости они не могут тягаться с Монстрами Мрака, которые уничтожают городок ближе к финалу. Лучше бы эти монстры во Мраке так и оставались, ей-богу. Твари

словно вышли из дешевых видеоигр прошлого столетия. Я не шучу. Таких существ сейчас на обычном ПК любой студент нарисует за полчаса. Неужели Мастер пожалел денег на приличную графику?

А игра актеров? Ау?! Девушка в роли Рейчел симпатичная, не спорю, но на одной только красоте не уедешь. А Пол Янг, который Томас... Где вообще Мастер взял этого парня? По-моему, всю свою «игру» тот показал, когда пьяным в барах драки устраивал. Его здесь не видно вообще.

С любовью между героями — тоже непонятно. Ну вели вместе расследование, переживали приключения, фальшиво пели в музвставках — и тут вдруг выясняется, что влюблены просто по уши. С чего? Ни намек же не было. Весь фильм зрителя мордовали прошлой жизнью и психическим состоянием героини, в итоге — любовная история.

Вот показательный диалог:

— Я люблю тебя!

— Нет! Ты меня просто использовал!

— Это только сначала! Но я действительно влюбился!

— Хорошо, я тебе верю!

Да в какой вселенной вот это можно выдать за работу над сценарием?

Или, например, та сцена, где Рэйчел обнимает умирающего Томаса и умоляет его прекратить этим заниматься. Очень трогательно. Но вдруг звучит заунывная музыка, Том как ни в чем не бывало подскакивает, и они вдвоем с девушкой поют и танцуют. После этого он, кстати, ложится и умирает. Что за ерунда вообще?! Сказка о поющих чайниках, цветах и оленятах? Или индийское кино? Нет, к сожалению, ЭТО последнее творение моего некогда любимого режиссера. Покойся с миром, талант. А бездарность Янг может сколько угодно по указке режиссера пить и буяннить,

привлекая внимание к этому кинобреду. Для меня, как и для многих других поклонников Мастера, «Последнего испытания» не существует. Точка.

Итог: этими полутора часами можно пытаться военнопленных. Самое тупое голливудское кино, которое я видел за последние... всегда! Минус сто из десяти, и ни баллом больше.

17.10.201*

Интернет-журнал «Правда на ладони».

«Семь грехов Джеффри Мастера»

Когда-то претенциозный молодой режиссер со странной фамилией Мастер появился в Голливуде практически без гроша в кармане и на деньги своего знакомого породил целый жанр фильмов. Первая же картина, сочетавшая, казалось бы, несовместимое: ужасы, эротика на грани порно и мюзикл, не стала хитом в кинотеатрах, но обрела невиданную популярность в кинопрокатах. И это позволило Мастеру снять второй, а затем и третий фильм серии, которая и проложила ему дорогу в большое кино. Известный критик колко назвал такие фильмы Еггог — производное от «Erotic» и «Ноггог». Действительно, многие считали (и до сих пор считают) фильмы Мастера ошибкой. Однако же время показало, что ничего ошибочного во всемирном признании творчества нет.

Но последний, как объявил он сам, фильм Мастера с треском провалился в прокате, ужаснул критиков и стал, по выражению «Санди мувиз», «самым большим разочарованием десятилетия». Даже наиболее лояльные порталы не дают картине рейтинг выше тридцати процентов, что ставит фильм в один ряд с молодежными

комедиями про секс. Но действительно ли все так плохо? Нет смысла убеждать кого бы то ни было в обратном, поэтому рассмотрим только факты.

Факт первый. «Последнее испытание» не похож на другие фильма Мастера.

Дело не в том, что герои иногда срываются на пение, не в пресловутом эффekte замедления эротической сцены. И не в мультипликационных вставках — пусть даже они и выполнены в стиле «аниме», таким уже давно нельзя никого удивить. Док Джефффри всю жизнь снимал нечто на грани, а временами даже за ней, поэтому зритель уже был готов удивляться. И какой бы экстравагантной выходкой ни блеснул автор, это было бы «как обычно у Мастера».

В чем же тогда загвоздка?

Начать хотя бы с того, что в картине не затрагивается НИ одной серьезной темы. Небольшой сюжетный перевертыш — люди, защищающие справедливость, предстают настоящими чудовищами — это уровень сериала для среднего школьного возраста.

Во-вторых, нет сложного сценария. Мастер во многом прославился именно благодаря запутанным, рваным историям и за линейной подачей сюжета до «Испытания» замечен не был. Да, после финальных титров остается немало вопросов без ответа, но почему-то все эти загадки не вызывают ощущения пазла. Скорее, выглядят как огрехи сценария. Вместо привычного «последемастерского» желания решить головоломку — одно разочарование.

И, если подытожить, в фильме не чувствуется присутствия самого Мастера. Начиная от небрежно нарисованных монстров и кончая скверной актерской игрой — все указывает на то, что «Последнее испытание» снял не Док Джефффри, а кто-то другой. То, что подобные не-

лепые слухи обрели большую популярность, — лучшее подтверждение тому, насколько последнее творение Мастера выделяется из общего ряда. Но это не делает картину плохой.

Факт известный. Джеффри Мастер тщательно работает над своими фильмами.

Что бы ни случилось во время премьер, как бы ни вели себя актеры на презентациях и пресс-конференциях, какие бы слухи ни просачивались о картине со съемочной площадки — все это на девяносто процентов труды самого Мастера. Актриса Лора Притци, неоднократно работавшая с режиссером, довольно подробно описывала в своей автобиографии методы Дока Джеффри: «[он] руководит не только процессом съемок. Он контролирует и наше поведение на публике, и все наши высказывания вне площадки. Конечно, договор о неразглашении — это обычная политика студий, но Джеффри... На время контракта будто управляет всей твоей жизнью, вы понимаете? Как играет во бога. И у него отлично получается!»¹

Любая шумиха вокруг его работ всегда очень четко вплеталась в структуру картины.

Этот фильм также не стал исключением. Актер Пол Янг, исполнитель главной мужской роли, неоднократно появлялся на передовицах газет после очередной скандальной выходки. Можно ли сомневаться, что за этим стоит сам Мастер или что это имеет отношение к «Последнему испытанию»?

¹ Во время съемок «Каприза Венеры» актриса Лора Притци оказалась втянутой в тяжелый бракоразводный процесс, за ходом которого следила вся страна. Позже она сама призналась, что все это было инсценировано самим Джеффри Мастером, за что он извинился перед зрителями. В фильме она исполняла роль жены окружного прокурора, вынужденной спастись от мстительного мужа. (Прим. ред.)

Теперь немного статистики: из семнадцати картин Мастера десять номинировались на «Оскар», двенадцать — на «Золотой глобус»; четыре из них получали Приз Киноакадемии как «лучший фильм года»; пять — за «лучший оригинальный сценарий», три — за «лучшую режиссуру».

И в свете всего вышесказанного, учитывая скрупулезность и талант Мастера, можно утверждать одно: его последний фильм получился именно таким, каким создавался.

Факт любопытный, на первый взгляд к делу не относящийся. В этом году исполняется двадцать пять лет со дня знакомства Мастера и Джулии Степлз.

В конце восьмидесятых желтые газеты писали о недолгом, но очень ярком романе замужней актрисы и режиссера. Скандал, подкосивший ее карьеру, почти никак не сказался на популярности Мастера, но их отношениям пришел конец. Что конкретно произошло между ними, остается тайной, но Джулия даже разорвала контракт на съемку в новом фильме Дока Джеффри. Официального подтверждения ни с той, ни с другой стороны не поступало, но Джулия вскоре развелась со своим мужем, и в ту пору почти все были уверены: Дока и ее связывает несчастная любовь. Стоит, правда, отметить, что подобные слухи ходили почти о каждой известной фигуре Голливуда.

Однако знаменитый режиссер явно лукавил, когда на пресс-конференциях говорил, что нынешний фильм «Последнее испытание» не имеет никакого отношения к его же старому шедевр «Земля испытаний». Ведь именно на съемках этой картины он и познакомился с Джулией. Учитывая предыдущий факт, это не похоже на совпадение.

Факт спорный. Все происходящее в этом «Последнем испытании» имеет смысл.

Если внимательно изучить биографию Мастера и, вооружившись новыми знаниями, посмотреть фильм еще раз, становится очевидно: все, в чем подозревали мастера, — правда. А именно: скрупулезная работа над картиной, в которой ни один кадр не пропал даром.

В подкрепление этого факта по горячим следам дискуссий в Интернете и разгромным статьям критиков нами был составлен ТОП-7 причин, по которым фильм не понравился почти никому. Со своей стороны, мы попытаемся предположить, почему Мастер сделал именно так, а не иначе.

Седьмое место. *«Вот ТАКИЕ глаза!»*

Использование аниме-вставок озадачило многих. Еще большее количество людей это разозлило. В последнее время подобный стиль приобрел невиданную популярность и встречается на каждом шагу. Почти все либо хорошо знакомы с японской анимацией, либо слышали о ней. Поэтому некоторыми критиками мультипликационные фрагменты в фильме были восприняты как попытка завоевать дешевую популярность у поклонников аниме, что вызвало однозначный негатив со стороны тех, кто привык считать Мастера автором «умного» кино.

Это действительно странно, ведь обычно режиссер предпочитал более изящные средства. Кроме того, Мастера не связывает с этим жанром ничего, кроме одного любопытного факта. В последние годы Джулия часто работала актером озвучания. В том числе ее голосом говорили множество персонажей дублированных для проката в нашей стране японских анимационных фильмов. Актриса не скрывает симпатии к этому жанру

и даже посетила несколько конвентов. Вполне вероятно, что ей было бы приятно увидеть несколько аниме-эпизодов в фильме.

Шестое место. *«Stand up, comedian, and get out!»*

Использование устаревших, всем хорошо известных шуток не пошло фильму на пользу. Как писал один критик, «на очередную бородатую хохму зал куда чаще отзывался зубовным скрежетом, нежели смехом». В обширной фильмографии Мастера нашлось место и комедиям. «Среди ослов» 1980 года, «Пешком на велосипеде» 1990 года и «852» 2001 года. Все они были приняты очень тепло, многие реплики зрители растащили на цитаты.

Что же произошло на этот раз?

Разгадка находится на поверхности. При внимательном изучении диалогов «Испытания» становится очевидным кинематографическое происхождение всех этих «неудачных» шуток. Все они впервые когда-то прозвучали в том или ином фильме. Мастер сознательно заимствовал именно такие шутки, причем не больше двух из одной картины. Это может натолкнуть на мысль, что подобная практика — это попытка скрыть сам факт заимствований. Однако слишком уж известные шутки использует режиссер, и он этого не мог не понимать. Значит, можно предположить наличие какой-то другой, скрытой связи.

И она, конечно, имеется. Джулия Степлз — связующее звено между всеми картинами, которые «пострадали» от заимствований Мастера. Каждый из этих фильмов указан в списке любимых в профиле актрисы на Facebook. А в некоторых она снималась сама.

Пятое место. *Внезапный купидон.*

Довольно приличную корзину упреков собрала любовная линия. Ее ругали за чрезмерную внезапность

и «инфантильность». По словам одного критика, «любовь в «Последнем испытании» напоминает приступ какой-нибудь молниеносной пневмонии. Еще пять минут назад о ней ничего не было известно, а сейчас — герои уже заболели и страдают».

Существует, конечно, достаточно много успешных фильмов, где любовь между героями еще более «скоропостижна», и это не мешает им собирать приличные суммы в прокате. Однако в данном случае имеется еще один недостаток, который зрители не преминули отметить.

В фильме с любовной линией обязательно должны присутствовать два центральных героя как минимум. Это очевидно. Однако персонаж Янга — журналист Томас — по сути дела, персонаж такой же второстепенный, как и шериф, библиотекарь и любой другой житель таинственного города. Его образ раскрыт недостаточно полно, чтобы любовная линия предстала цельной и логичной. О прошлом Томаса сказано лишь несколько фраз, и в фильме у него не так уж много реплик. Более того, можно заметить, что и в кадре он появляется сравнительно редко. Камера почти всегда направлена прочь от него, в фокусе — только Рейчел.

Иначе говоря, Мастер специально выделяет героиню, отправляя в тень всех остальных. Это не выглядит странным, если сравнить фотографии молодой Джулии Степлз и Мередит Стоун (Рейчел) — они удивительно похожи.

Четвертое место. *Проклятие сороковых.*

Одной из причин провала фильма критики и зрители видят элементы мюзикла, которые автор привнес в фильм. Никакой художественной ценности они не имеют, эффектности современных «дэнс-экшенов» не до-

стигают, только растягивают хронометраж и убивают интерес к сюжету.

Ответы снова стоит поискать в прошлом. Объяснить это довольно трудно, если не быть знакомым с карьерой Джулии. Дело в том, что она никогда не играла в мюзиклах из-за травмы колена, которую получила на пробах «Порывов ветра», принесшего своим создателям и исполнительнице главной роли множество призов.

И, если присмотреться, то некоторые па Меридит очень напоминают танец грусти из «Порывов». Другими словами, Мастер заимствовал не только шутки, но и хореографические элементы из картин, так или иначе связанных с Джулией.

Третье место. *«Кхе-кхе! Перегай Джо, что я любил его! Кхе-кхе!»*

Только ленивый или бросивший просмотр на середине зритель не пнул фильм за ужасающую сцену смерти возлюбленного Рейчел. Кажется, режиссер собрал в этом эпизоде все дурные штампы, включая просьбы поцеловать, требования не уходить и падающую на землю руку. А затем еще и заставил своих героев петь, после чего воскресил персонажа Янга.

Этот эпизод действительно впечатляет своим несовершенством, но, по мнению редакции, значение имеет только факт воскресения Томаса. Это — самый настоящий стержень фильма.

«Моя любовь не умрет. Не умеет умирать!» — говорит через главного героя Мастер. Но обращены эти слова явно не к зрителю. Четверть века — вполне достаточный срок, чтобы забыть о былой любви, даже если она и имела место. Но, совершенно не интересуясь мнением публики, потому что, как уже говорилось, фильм адресован не ей, Док ясно дает понять: его любовь жива и умереть не может.

Второе место. *«Остановись, мгновенье... Во, отлично!»*

Этот эпизод, едва ли не самый упоминаемый в рецензиях как профессиональных критиков, так и обычных зрителей, нельзя отнести к недочетам или причинам провала фильма. Но и не включить его в список было просто невозможно. Что интересно, сия режиссерская находка не вызвала никакого негатива, скорее даже наоборот. Вполне понятная реакция, учитывая, что по статистике семьдесят два процента посмотревших «Последнее испытание» — мужчины.

Всей редакцией журнала мы долго спорили, зачем же Мастер вставил режим замедления в постельную сцену. И никаких причин не нашли. Разве что дать зрителям шанс в полной мере насладиться красотой обворожительной Мередит Стоун на большом экране.

Первое место. *«Красную или синюю таблетку? Эх, доктор, давайте обе!»*

Абсолютный победитель по количеству претензий — это невнятная концовка, которую на официальном сайте Мастера один из посетителей обозвал «финалом Шредингера, объясняющим все и ничего абсолютно».

И, разумеется, такой результат планировался и подготавливался Доком намеренно. В течение всего фильма намеки на психологическое расстройство Рейчел звучали все чаще, воображаемая девочка умудрялась совершать вполне реальные поступки, Томас периодически исчезал и появлялся, сама Рейчел до самого конца не могла победить собственные воспоминания.

В этом ключе достаточно убедительной выглядит версия, будто все происходящее, включая крылья, любовь, приключения, — всего лишь бред главной героини, которая и по сей день находится в клинике.

Действительно ли это так?

Ни в коем случае. Больше похоже на то, что финальная сцена с полицейским — это знак, что все грехи родителей Рейчел, как и ее ужасное прошлое, исчезли без следа, купленные самопожертвованием. Прошлое целого города, населенного настоящими убийцами, исчезает после воскрешения Томаса, и вместо домов остаются только руины.

Все это выглядит чередой глупых совпадений. Точнее, выглядело бы, если бы их не было шесть кряду. Вывод прост: связь фильма Джеффри Мастера с Джулией Степплз — не совпадение, и почти все в фильме так или иначе отсылает к ней.

Факт очередной. **«Последнее испытание» — не триллер, не мюзикл, не комедия и не абсурд.**

И даже не кинофильм.

Если вы возьмете бутерброд, кинете его в суп, залейте сверху компотом — это уже не будет едой.

Все перечисленные выше эпизоды, а это далеко не полный список, поодиночке смотрятся неплохо и где-то выгодно. Но вместе превращают картину в балаган, и Мастер решил испить эту чашу до дна.

По мнению некоторых аналитиков, провал «Испытания» обусловлен тем, что для него не нашлось подходящей целевой аудитории. Мастер всегда очень четко делал ставку на того или иного зрителя, но в этот раз поставил, кажется, на всех и проиграл.

Однако это не так. Мастер не ошибся аудиторией. Просто в нее не попадает 99,99999 процентов населения Земли. Фактически он снял кино для одного лишь человека. Почему бы не предположить, что таким образом мастер просит прощения у Джулии за то, что когда-то они расстались и не он режиссировал ее фильмы. Он уничтожает свою карьеру одним махом и дарит Джулии — только ей — целую картину. Не фильм в полном смысле этого слова, но признание в любви на пленке, настоящую серенаду длиной в девяносто две минуты.

Факт последний. Вчера семидесятидвуухлетний режиссер попросил руки у шестидесятилетней актрисы, и она согласилась.

Выводы настоятельно просим сделать самим.

19.10.201* портал Kinoproisk.com, раздел «Новости».

«Янг может попасть в тюрьму!»

Сегодня стало известно, что окружной прокурор намерен довести дело скандалиста Поля Янга до суда. За череду дебошей, устроенных актером, ему может грозить до пяти лет тюрьмы. Несмотря на все заявления адвокатов, прокурор не намерен увязывать подобный проступок с рекламной кампанией фильма «Последнее испытание», вышедшего три месяца назад. Вполне вероятно, что подобное поведение никак не связано с картиной Джеффри Мастера и является результатом одного только пьянства.

МАЙК ГЕЛПРИН

ВСЕ В ТВОИХ РУКАХ

ОТ АВТОРА

Дорогие читатели! Без ложной скромности должен сказать, что на сегодняшний день я, со всей очевидностью, наиболее талантливый из всех русскоязычных писателей, реализующих себя в фантастическом жанре. Мое имя пока еще неизвестно широкой публике, поэтому свой первый роман я публикую под псевдонимом. Нет сомнений, однако, что через каких-нибудь пять-шесть лет моя известность побьет все и всяческие рекорды популярности. Абсолютное большинство из вас сможет в этом убедиться, прочитав «Все в твоих руках». На этом прощаюсь с вами, и — приятного чтения.

Игрек Иксов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДИРЕКТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА

Что ж, событие, которого любители фантастики так долго ждали, вот-вот произойдет. Электронная версия романа И. Иксова «Все в твоих руках», подготовленная издательством «Снежный Ком М», поступит в продажу уже в текущем году. Не побоюсь сказать, что с выходом этой книги ожидается настоящая революция в издательском бизнесе, а возможно, и в литературе вообще. Не по причине новизны идеи или уникальности авторского слога. И даже не благодаря вложенной в текст довольно смелой морали. А потому, что это произведение — фактически первый шаг в новую, альтернативную литературу, не имеющую аналогов на сегодняшний день.

Завязка романа «Все в твоих руках» для фантастики вполне традиционна. Космический корабль «Прорыв» терпит катастрофу на самом краю Солнечной системы, у внешней границы облака Оорта. Уцелеть в катастрофе удастся лишь пятерым. Бортинженер Андрей Забелин успевает отстрелить спасательную капсулу, в которой кроме него оказываются второй пилот Хозе Санчес, радист Ежи Полторацкий, бортовой врач Сандра Сишор и биолог Лейла Абдуллаева. Капсула покидает область катастрофы, однако сутки спустя выясняется, что надежды на спасение практически нет, по крайней мере, для большинства из пятерых. Двигатель капсулы поврежден, выведен из строя передатчик, а самое главное... Впрочем, не буду забегать вперед.

Директор издательства «Снежный Ком М», ведущий редактор серии «Настоящая фантастика» Глеб Гусаков

СЛОВО ПРОМОУТЕРУ

В плане проведения промоакции издательством были отобраны пять бета-ридеров. Это люди разных возрастов и профессий, с разным социальным и семейным

статусом, а также с разными увлечениями и жизненными взглядами. Каждому из них за вознаграждение было предложено заполнить типовую анкету, после чего прочитать роман и оставить на него краткую рецензию. С этими рецензиями мы и познакомим будущих читателей. Просим учесть: наши бета-ридеры не профессиональные критики, более того, они не критики вообще, а рядовые читатели, такие же, как и вы. В частности, поэтому рецензии приводятся без искажений, авторские грамматика и пунктуация сохранены.

*Главный промоутер издательства «Снежный Ком М»,
ведуший редактор серии «Нереалистическая проза»
Эрик Брегис*

Белова Анна Борисовна, 67 лет, проживает в Москве, вдова, мать троих детей, бывшая школьная учительница, ныне пенсионерка. Вероисповедание: православная. Сексуальная ориентация: гетеросексуальна. Увлечения: чтение, садоводство, телесериалы.

Роман мне понравился. Более того, очень понравился, можно даже сказать, что я от него в восторге. Позвольте, я попробую разобраться, почему именно. Прежде всего, я восхищена даже не тем, что написано в книге, а тем, как написано. Для меня, сорок лет обучавшей детей правильной речи и чистоте слога, такие вещи особенно важны. Для примера возьму отсылку в прошлое, где автор впервые представляет нам главного героя.

«Мама звала его Дрюшей, словно плюшевого медвежонка. Одноклассники перекрестили в Дрюньку, и было в этом имени что-то пренебрежительное, босяцкое. Затем, стоило подростку Дрюньке выиграть районное первенство в десятиборье, он стал Дрюном, а после победы в городской олимпиаде по литературе даже Дрюоном. Еще позже, в университете, Дрюон превратился

в Эндрю. Андреем звала его только Даша, с той самой, первой их вечеринки, когда отказалась с ним танцевать.

— Мне не нравятся красавчики-сердцееды, — сказала тогда Даша, и ее серые спокойные глаза стали задумчивыми. — И потом, знаете, если мне придет в голову пофлиртовать с человеком по имени Эндрю, пусть это будет кто-нибудь из Ньюкасла или, допустим, из Глазго, но никак не из Брянска или Бугульмы.

Даша... Кто только не говорил, что они с ней не пара. Что Эндрю, с его внешностью и с его перспективами, не пристало жить с эдакой серой мышкой, тем более мышкой бездетной. Что ей подобает выйти замуж за кого-нибудь под стать себе, заурядной, не хватающей с неба звезд библиотекарьше. Поначалу Эндрю было на сплетни наплевать...»

Скучно, без всякой вычурности, на которую так падали современные писатели, и в то же время емко и лаконично автор говорит о главном герое романа Андрее Забелине. Позже мы узнаем, что у Андрея светло-русые волосы, прямой нос и голубые глаза, но эти черты лишь дорисовывают уже созданный образ. То же относится и к остальным героям. Они, я бы сказала, визуальны: каждого из пятерых я представляю, словно видела его наяву.

Теперь позвольте перейти к сюжету. Мне ни разу не захотелось бросить читать. Какое там, я с трудом заставила себя прерваться, чтобы приготовить внуку обед. Я буквально проглотила эту книгу, настолько динамично и хлестко закручивается сюжет. Героям сопереживаешь по-настоящему, так, будто это твои друзья попали в беду и теперь неизвестно, сумеют ли из нее выкарабкаться.

Да, герои оказались мне близки: и Андрей, и угрюмый немногословный Хозе, и вечно попадающий впро�ак веселый юморной Ежи, и девочки. Обе, но Лейла в особенности. Я не раз всплакнула за чтением. А в тот момент, когда выяснилось, что воздуха в капсуле недостаточно и герои либо погибнут все, либо троим из

них придется умирать, чтобы спасти остальных, я просто-таки ревела навзрыд.

Особо хочу поблагодарить автора за хеппи-энд. Сейчас модно все драматизировать и разбрасываться героями, словно они не люди, а подопытные животные. В попытках выбить из читателя слезу современные писатели готовы истребить всех подряд, включая основных персонажей. Иногда создается такое впечатление, что чем больше смертей и крови, тем лучше. Не таким путем пошел И. Иксов. Ему удалось показать, что самоотверженность, взаимовыручка, дружба и, главное, любовь умеют творить чудеса. Особенно приятно, что после того, как все удачно завершилось, Даша простила Андрея, и он смог с чистой совестью жениться на Лейле. До самого последнего момента я думала, что им не удастся соединиться друг с другом, что для Лейлы окажется невозможным принять христианскую веру. И как же все-таки замечательно, что гуманизм и учение Спасителя сумели одержать верх над предрассудками. Не без помощи отца Елизария, конечно.

В итоге позвольте поблагодарить автора и сотрудников издательства «Снежный Ком М» за прекрасную книгу и возможность с ней ознакомиться. О вознаграждении я даже не говорю, настолько это щедро и мило с их стороны. Буду рекомендовать роман всем знакомым и друзьям, он на самом деле заслуживает самых теплых слов. Спасибо!

Мартынюк Алексей Алексеевич, проживает в Канда-лакше, 16 лет, учащийся 8-го класса среднеобразовательной школы. Вероисповедание: не религиозен. Увлечения: бокс, хоккей, комиксы.

Клево жесьть! Чисто представлял себя на месте этих пацанов. Андрюха правильно сделал что грохнул Ежа первым. И еще, понравилось как они говорят, это ерунда что в книгах нельзя выражаться, все выражаются. Ежу не

надо было Андрюху подкалывать а он сам забыковал, когда назвал Забелиным. Андрюха тогда клево ответил

— Тебе бы лучше засохнуть, Полукурацкий.

Я ржал натюрлих. Вобщем когда они врубились что воздуху ни хватит, я думал пипец, кого будут мочить. Андрюха правильно телок мочить не дал, по рыцарски поступил. Пацаны должны тянуть жеребий а телки пусть отдыхают натюрлих. Я думал что Хозе вытянет короткую но ни тутто было Андрюха вытянул, но тут Еж подставился. Потом когда Андрюха Ежа грохнул я все думал кто будет второй, думал Хозе или киргизка их не так жалко. А получилось что Сандра сама кони бросила а не надо было чпокаться с Ежом вобщем то. Хотя я так и не въехал они чпокались или че там было.

Из того что ни понравилось: вопервых я не въехал зачем читалка вопросы кидает. Получается что не я ее читаю а она меня, это не по приколу. Потом не вериться что Андрюха когда в двоим остались киргизку не чпокнул. Я понимаю у него типа принцыпы, но пацану еще год лететь он не ботан чтобы сидеть драчить, вобщем здесь лажа. А так клево особено когда про децтво рассказывают, как Еж у себя в Варшаве или где там воровал яйца на базаре я ржал. И как Сандра этому пижону голую жопу показала тот аккуел нормуль. Да еще эта Даша не доделаная какая то, чего Андрюха на нее запал не понятно. И ждала его на земле пока они летали, а если бы не авария че всю жизнь бы ждала? вобщем тут тоже лажанулись. Но вобще побольше было бы таких книжек вместо того ацтоя, что нам по литературе задают и было бы клево.

Вобщем спасибо писателю за книжку, а то что бабло дали это вообще улет.

Дубинин Вячеслав Олегович, 34 года, начальник отдела кадров 2-го отделения полиции г. Пензы, майор МВД. Женат, имеет сына семи лет. Религия: не религиозен.

Сексуальная ориентация: гетеросексуален. Увлечения: рыбалка, сауна, футбол.

Добротная книга, правильная, прочитал, испытывая чувство удовлетворения. Без преувеличения могу сказать, что данная книга является хорошим учебником жизни и сильным воспитательным средством. Она учит молодежь быть мужественными, волевыми и никогда не поддаваться на провокации, даже в самых опасных для жизни и здоровья обстоятельствах.

Герои книги «Все в твоих руках» наши обычные парни и девушки. Не важно, что часть из них является гражданами других государств, на их месте могли бы быть русские, украинцы, белорусы и другие национальности дружественных стран. Книга учит тому, что надо всегда приходить на помощь товарищу, что не надо бояться трудностей, что добро всегда одерживает убедительную победу над злом.

Данная книга написана простым языком, мысли всех героев понятны, кто за что борется, представляется ясным, а также какие цели перед собой ставят. Забелин Андрей, мужчина среднего возраста, оставляет свою законную половину Дарью, чтобы осуществить мечту человечества: полет на космическом летательном аппарате к звездам.

«Это мой долг перед всеми и перед самим собой. Береги нашего сына, а если так случится, что я не вернусь, пусть он вырастет настоящим человеком».

Так говорит Забелин Андрей, когда прощается с Дарьей в непосредственной близости от космодрома. Его слова пробирают до самой души, их говорили бойцы, уходя на фронт.

Очень понравилось, как описан герой Полторацкий Ежи, который является гражданином Республики Польша. Он заботится, чтобы его товарищи никогда не унывали. В самых сложных ситуациях он шутит, поддерживает упавших духом друзей, рассказывает веселые истории из своей жизни.

Также хорошо описан герой Санчес Хозе, который является гражданином Мексики. «Мал да удал», говорят про таких, как он. Когда вышеупомянутый Забелин понял, что в спасательной шлюпке имеется в наличии дефицит кислорода, Санчес первым совершил суицид. В его предсмертной записке говорилось, что он идет на этот самоотверженный шаг намеренно, ради идеалов всего человечества и в данных обстоятельствах не имеет другого выхода.

Как часто бывает в жизни, врач Сишор Сандра, которая является гражданкой Соединенных Штатов Америки, оказалась предательницей и скрыла, что у нее имеется аварийный баллон с кислородом. Она рассчитывала, что его хватит ей одной до прибытия спасателей, когда шлюпка достигнет окрестностей орбиты планеты Сатурн. Задумав свой коварный план, Сишор решила погубить остальных членов экипажа и списать их смерть на несчастный случай. Она не учла, что Абдуллаева Лейла проявила бдительность и раскрыла план непосредственно перед его осуществлением. В схватке между Сишор и Абдуллаевой не на жизнь, а на смерть побеждает последняя.

Подводя закономерный итог: нужная книга и для подрастающего молодого поколения, и для людей более старшего возраста. Хочу выразить благодарность всем причастным к данному роману и пожелать им дальнейшего творческого роста, успехов в жизни и материального благополучия.

Мазуренко Оксана Тарасовна, проживает в Киеве, 23 года, без определенных занятий. Не замужем, детей нет. Вероисповедание: католичка. Сексуальная ориентация: бисексуальна. Увлечения: секс, мода, дамские журналы.

кульный роман про любовь почти как дом-2 только круче мне понравился однозначно кроме конца
в конце я уже пролистывала не люблю когда кто-то умирает

особенно понравилась интимная часть сейчас писательницы стараются не писать о сексуальной стороне жизни и не правы в этом читательницы хотят знать как оно было

в этой книжке не так и это очень правдиво особенно трогательно когда сандра узнает что хозе гомосексуалист

— Я не могу быть с тобой, — скупая мужская слеза прокатилась по смуглому мужественному лицу. — Я только сейчас понял, какая ты сногшибательная. Андрей не достоин даже целовать следы твоих туфель. Но я... прости меня, если сможешь, я несостоятелен с женщинами.

— Тебе нравятся мужчины?!!!! — пылко воскликнула Сандра.

— Да. Особенно один, но пусть это останется моей тайной.

интересно было следить за сюжетом и угадывать что будет дальше

несколько раз я угадала когда лейла изменила андрею с ежи я так и знала что так и будет

но иногда не получалось угадать потому что автор закручивал не в ту сторону как я ожидала

например когда сандра согласилась на па-де-труа или когда они занялись лесбийской любовью

очень хорошо описаны детали одежды девушек какая сандра все-таки молодец что успела схватить чемодан со своим гардеробом когда все вокруг горело и трескалось

женщина всегда должна оставаться женщиной даже если она может умереть и автор очень хорошо это все показал

я хотела бы прочитать продолжение этой вещи но только если в первой серии никто не умер

они могли бы приземлиться например на луне

или их могли бы спасти как-нибудь и отправить на землю

у андрея там осталась даша и можно было бы закрутить еще несколько линий когда она узнает о том что у андрея было с лейлой и с сандрой

у хозе тоже остался брат и он совершенно не обязательно гомосексуалист а если даже так то ревновал бы его к андрею или к ежи

в общем передайте пожалуйста автору что на вторую серию у него уже есть почитательница

Кацнельсон-Польский Владимир Абрамович, проживает в Санкт-Петербурге, 41 год, литератор. Женат, детей нет. Вероисповедание: иудей-агностик. Сексуальная ориентация: гетеросексуален. Увлечения: литература, литература и еще раз литература.

Любопытно, кто все же скрывается за псевдонимом «Иксов». Для Пелевина слишком прямолинейно, для Сорокина недостаточно эпатажно, а Лукьяненко вряд ли стал бы размениваться на подобный ширпотреб. Однако никаких сомнений не возникает в том, что автор не просто мастеровит, а я бы сказал, профессионал высокой пробы.

Итак, в романе «Все в твоих руках» имеются: смелая, пускай и не новая фантастическая идея, нестандартный антураж, продуманный до тонкостей динамичный сюжет и мастерски прописанные фокальные герои.

И вместе с тем произведение остается, увы, ширпотребом для массового читателя. Но ширпотребом в хорошем смысле этого слова, раз даже такого прожженного циника и неисправимого скептика, как я, удалось заинтриговать и заставить со всем возможным вниманием следить за перипетиями лихо закрученного действия.

Разумеется, в романе есть, что покритиковать. Перво-наперво остановлюсь на технической части. У меня нет сомнений, что автор вполне компетентен, когда

рассуждает о шлюзах, переборках, бортовых компьютерах и плазменных батареях. Однако остается неясным, как герои посещали, стесняюсь сказать, туалет. В крошечном спасательном судне проблемы, связанные с приемом пищи и освобождением от нее, становятся первоочередными. Также не вполне понятно, куда после смерти, к примеру, радиста делось его тело. Сомнительно, что на борту присутствовала предназначенная для хранения трупов морозильная камера. Кроме того, весьма спорен расчет, который Андрей произвел после того, как вышла из строя воздухоочистительная система. Ведь на результат такого расчета влияет множество факторов, и учесть их все попросту невозможно. Взять хотя бы количество потребляемого кислорода, которое у каждого человека индивидуально.

Во-вторых, предьявлю, пожалуй, претензию к качеству диалогов. Иногда герои произносят реплики, несколько странные для созданных автором образов. «Пусть я лучше сдохну к хренам», говорит, например, бортовой врач Сандра. Это, выражаясь языком одного из моих коллег — полная уйхня. Подобные жаргонизмы, самое меньшее, нехарактерны для интеллигентной и воспитанной девушки.

Ну, и, наконец, финал из разряда «все умерли». Сразу оговорюсь: мне он как раз пришелся по душе, в моем без ложной скромности весьма известном романе «Смерть косит» финал такой же. Однако как неискушенный читатель отнесется к тому, что герои, которым он сопереживал и с некоторыми из которых, возможно, себя отождествлял, пользуясь выражением той же Сандры, «сдохли к хренам»?

Так или иначе, вынужден признать, что роман «Все в твоих руках», без сомнения, один из лучших, вышедших из-под пера моих коллег по цеху за последние годы. Рискну предположить, что коммерческий успех ему обеспечен.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДИРЕКТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА

Дорогие читатели, роман И. Иксова «Все в твоих руках» очень скоро поступит в продажу. А теперь позвольте раскрыть вам тайну, ту, что мы несколько лет держали в секрете. Ознакомившись с рецензиями, вы наверняка остались в некотором недоумении. Позвольте его развеять. Автор романа «Все в твоих руках» не человек, а разработанная лучшими филологами, психологами и аналитиками компьютерная программа с названием «Игрикс». Текст романа динамически компилируется «Игриксом» в зависимости от ответов читателя на вопросы анкеты. Программа оснащена словарями, энциклопедиями и специально для нее разработанными семантическими модулями. Встроенный интерфейс обеспечивает полную совместимость с электронным ридером и настроен на удобство интерактивного диалога. Помните: чем правдивее вы ответите на заданные «Игриксом» вопросы, тем больше шансов, что роман «Все в твоих руках» понравится именно вам. Ведь фактически он и написан будет специально для вас.

Разумеется, издательство не намерено останавливаться на достигнутом. Наш творческий коллектив продолжает интенсивно работать над улучшениями. Через год мы планируем выпустить вторую версию романа «Все в твоих руках», более совершенную и лучше настроенную на индивидуальность читателя. И, конечно же, наши ведущие фантасты работают над новыми сюжетами с новыми идеями, героями и антуражем, так что этот роман, по сути, лишь первая ласточка.

А пока что, дорогие друзья, мы с уверенностью можем сказать: начало положено!

Директор издательства «Снежный Ком М», ведущий редактор серии «Настоящая фантастика» Глеб Гусаков

ТРАДИЦИОННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

ТРИ СОЛЯРИС

Нолвека назад вышел роман Станислава Лема «Солярис» (1961). Весьма быстро он обрел славу одного из сильнейших в мировой научной фантастике XX века. К нашему времени роман получил статус классики НФ. «Машина времени» Уэллса, «20 000 лье под водой» Верна, «Туманность Андромеды» Ефремова и «Солярис» Лема стоят в одном ряду.

Роман польского фантаста получил кинотрактовки от двух персон, не менее известных, чем сам пан Станислав. Но философская основа у книги и экранизаций принципиально разная... Можно сказать, кричаще разная.

Роман холодноват, рассудочен. Тексты Лема вообще похожи на северное сияние: они наполнены яркими играми рациональности, пестрыми ярмарками разума, пронизывающего все и вся... Но это свет не греющий, тепла в нем нет. Чувства персонажей Лема, как правило, приглушены, уведены на второй план по сравнению с интеллектуальными конструкциями, со сферой идей. Лем в лучших своих вещах — холодное пламя. «Солярис» не составляет исключения.

Центральная тема книга — возможности человеческого разума и границы его познавательной способности. А поскольку в те времена, когда создавался роман, наука являлась главным инструментом познания — как, собственно, и в наши дни, — то «Солярис» наполнен размышлениями о пределах, через которые наука перейти не способна.

В романе специальная дисциплина «соляристика» представляет собой удачный эвфемизм понятию «наука» в целом. То, что говорится о соляристике, говорится о науке вообще. В одном месте Лем прямо об этом сообщает: «Для многих, однако, особенно молодых, «афера» [соляристики]... постепенно становилась чем-то вроде пробного камня собственной ценности. "В сущности, — говорили они, — речь идет о ставке гораздо большей, чем изучение соляристической цивилизации, речь идет о нас самих, о границе человеческого познания"»).

Сюжетно роман построен на отношениях между сверхсложной структурой — океаном на планете Солярис — и людьми. Что собой представляет этот океан, Лем не определяет точно. Автор лишь устами главного героя, Криса Кельвина, знакомит читателя с несколькими теориями, высказанными на сей счет.

«Физики, а не биологи выдвинули парадоксальную формулировку «плазменная машина», имея в виду существо, в нашем понимании, возможно, и неживое, но способное к целенаправленным действиям в астрономическом масштабе. В этом споре, который, как вихрь, втянул в течение нескольких недель все выдающиеся авторитеты, доктрина Гамова — Шепли пошатнулась впервые за восемьдесят лет... Некоторое время ее еще пытались защищать, утверждая, что океан ничего общего с жизнью не имеет, что он даже не является образованием пара- или пребиологическим, а всего лишь геологической формацией, по всей вероятности, необычной, но способной лишь к стабилизации орбиты Соляриса посредством изменения силы тяжести: при этом ссылались на закон Ле Шателье... Наперекор консерватизму появлялись другие гипотезы (например, одна из наиболее разработанных, гипотеза Чивита-Витты). Согласно этим гипотезам, океан является результатом диалектического

развития: от своего первоначального состояния, от праокеана — раствора слабо реагирующих химических веществ он сумел под влиянием внешних условий (то есть угрожающих его существованию изменений орбиты), минуя все земные ступени развития, минуя образование одно- и многоклеточных организмов, эволюцию растений и животных, перепрыгнуть сразу в стадию «гомеостатического» океана. Иначе говоря, — он не приспособивался, как земные организмы, в течение сотен миллионов лет к условиям среды, чтобы только через такое длительное время дать начало разумной расе, но стал хозяином среды сразу же... Все это происходило за много лет до моего рождения. Когда я ходил в школу, Солярис в связи с установленными позднее фактами был признан планетой, которая наделена жизнью, но имеет только одного жителя... Океан — источник электрических, магнитных, гравитационных импульсов — говорил как бы языком математики; некоторые типы его электрических разрядов можно было классифицировать, пользуясь наиболее абстрактными методами земного анализа, теории множеств, удалось выделить гомологи структур, известных из того раздела физики, который занимается выяснением взаимосвязи энергии и материи, конечных и бесконечных величин, частиц и полей. Все это склоняло ученых к выводу, что перед ними мыслящее существо, что-то вроде гигантски разросшегося, покрывшего целую планету протоплазменного моря-мозга, которое тратит время на неестественные по своему размаху теоретические исследования сути всего существующего».

Солярис — громадный, опасный, чрезвычайно интересный объект изучения. Орды ученых пытались так или иначе раскодировать его загадки, определить его сущность. Однако вместо единого твердого мнения получился букет разнообразных, противореча-

щих друг другу трактовок. Мало того, сама соляристика расплзлась на ветви и сферы, мало связанные друг с другом.

Кельвин вынужден констатировать: «Исследователей и теорий были легионы. Впрочем, кроме «установления контакта» существовали и другие проблемы... Были отрасли соляристики, в которых специализация зашла так далеко, особенно на протяжении последней четверти столетия, что солярист-кибернетик почти не мог понять соляриста-симметриадолога. «Как можете вы понять океан, если уже не в состоянии понять друг друга?» — спросил однажды шутливо Вейбек, который был в мои студенческие годы директором Института. В этой шутке было много правды». И, далее, в другом месте: «Соляристика оказалась загнанной во все более разветвляющийся, полный тупиков лабиринт. В атмосфере всеобщего равнодушия, застоя и обескураженности другой, бесплодный, никому не нужный бумажный океан сопутствовал океану Соляриса».

Суть этой ситуации следует соотнести не с фантастической соляристикой, а со вполне реальной земной наукой середины XX века. Это она до такой степени разветвилась в своем стремлении познать мир, что абсолютно утратила единство и начала испытывать ощущение тупика. Для Лема, влюбленного в науку, это весьма значимый и, в какой-то степени, болезненный момент.

Итог: соляристика вроде бы «проиграла сражение». Она не дала ответов на самые крупные, основополагающие вопросы о том, что такое Солярис. Так не пора ли сократить дотации на нее? Если перевести это на язык земной реальности, то станет ясно: Лем беспокоится об утрате наукой авторитета, о том, что менеджмент уже не склонен давать новые деньги на ее развитие, если не видит прямых ответов, очевидной практической пользы.

И читается в этом трагедия, затаенная боль автора.

Океан порой интерпретируется как Бог, дьявол, йог, дебил... Первая и вторая трактовки ставят на повестку дня метафизику, т.е. уже не вполне науку, если не сказать вполне не-науку. Для автора подобный поворот событий — еще одна разновидность поражения.

Лем подвергает соляристов, в том числе главного героя, страшным испытаниям. Люди изучают и осваивают окружающий мир (в данном конкретном случае — Солярис), а мир-Солярис осваивает их. Он может вторгнуться в человеческое сознание, задеть там самое важное, самое святое, самое кошмарное. Столкновение Кельвина с копией его давно умершей жены и представляет собой пример такого вторжения; их любовные игры некрасивы, жутковаты. Мир-Солярис может убить или довести до самоубийства. Мир-Солярис может поставить перед человеком чудовищные препятствия. А у человека есть всего лишь одно орудие защиты и понимания — наука. Притом орудие, как уже говорилось выше, несовершенное, дающее сбои, знающее поражения.

Но... человеку нужен космос. Человеку нужно познание окружающего мира. Лем в этом уверен. Он позволяет персонажам мысли об отступлении и даже об уничтожении непознанного, непонятого. Однако в конечном итоге автор заставляет людей двигаться вперед, используя столь несовершенное орудие, не сдаваться и не трусить, какие бы тяготы и кошмары ни ждали их на пути познания. А если они попадают в нечеловеческие обстоятельства, то — Лем подчеркивает это! — им следует вести себя вне человеческой морали. Космос ее не знает, не понимает. Общаясь с ним, познавая его, полагает Лем, надо оставить мораль, выработанную людьми, забыть о ней.

В романе «Солярис» не столь уж важна любовь Кельвина и его «ожившей» супруги Хари. И даже контакт

с великим океаном не столь уж важен. Напрасно столь большое значение придают словам, прозвучавшим в романе о контакте: «Мы отправляемся в космос, приготовленные ко всему, то есть к одиночеству, борьбе, страданиям и смерти. Из скромности мы не говорим этого вслух, но думаем про себя, что мы великолепны. А на самом деле, на самом деле это не все, и наша готовность оказывается недостаточной. Мы вовсе не хотим завоевывать космос, хотим только расширить Землю до его границ. Одни планеты пустынные, как Сахара, другие покрыты льдом, как полюс, или жарки, как бразильские джунгли. Мы гуманны, благородны, мы не хотим покорять другие расы, хотим только передать им наши ценности и взамен принять их наследство. Мы считаем себя рыцарями святого Контакта. Это вторая ложь. Не ищем никого, кроме людей. Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало. Мы не знаем, что делать с иными мирами. Достаточно одного этого, и он-то нас уже угнетает. Мы хотим найти собственный, идеализированный образ, это должны быть миры с цивилизацией более совершенной, чем наша. В других надеемся найти изображение нашего примитивного прошлого, в то же время по ту сторону есть что-то, чего мы не принимаем, от чего защищаемся. А ведь мы принесли с Земли не только дистиллят добродетели, героический монумент Человека! Прилетели сюда такие, какие есть в действительности, и когда другая сторона показывает нам эту действительность — не можем с этим примириться». Это — частность. Подсказка читателям. Лем, насколько можно понять из романа, в принципе не очень интересуется проблемой контакта. Контакт, все-таки налаженный с такими мучениями, у него — пример успеха человечества, идущего по пути познания, не считая потерь, точно так же как сумасшедшая любовь человека и человековидной куклы — пример труднопреодолимого барьера на этом пути.

Правильное отношение человека к вселенной высказано соляристом Снаутом, который дает совет Кельвину: «Владей собой... Будь готов ко всему. Это невозможно, я знаю. Но ты попробуй. Это единственный выход. Другого я не знаю». В познании мира нужно владеть собой и быть готовым ко всему, хотя это и невозможно. Но ведь еще более невозможно — остановиться. Космос — нужен! Познание — нужно! Потери — неизбежны. «Кто вы такой — ученый или жалкий трус?!», — кричит на соляриста Сарториуса Кельвин. Вот пафос романа, вот сумма философии Лема, высказанной в этой книге.

Менее известен текст Лема, посвященный, в сущности, той же теме — «Расследование» (1958). Тайны жизни и смерти исследованы там с помощью современной криминалистики профессионалами своего дела, и... профессионалы вынуждены опустить руки. В нашем мире, на Земле, есть нечто, их знаниям и навыкам не поддающееся. Притом непонятно, до какой степени это самое «нечто» вообще может быть расшифровано когда-нибудь — через десять лет, пятьдесят, сто...

«Расследование» по сути своей пессимистично. Не столько следствие потерпело поражение, сколько наука, знания людей. «Солярис» несет в себе оптимизм: да, трудно, но продвижение все-таки возможно.

По мотивам романа появились три экранизации — телеспектакль Бориса Ниренбурга, фильмы Андрея Тарковского и Стивена Содерберга, а также спектакль Дэвида Гласса и балет Сергея Жукова¹. Но внимание

¹ Повесть «Отель для троглодита» Я. Верова, И. Минакова можно в какой-то степени считать продолжением художественной соляристики. Притом продолжением, благожелательным по отношению к версии Тарковского с ее усиленным вниманием к личности человека, его разуму, его духовным основам.

зрителей было приковано только к двум продолжениям «Соляриса», а именно работам Тарковского и Содерберга. На них и сосредоточимся.

Фильм «Солярис» Андрея Тарковского (1972), где Кельвина играет Донатас Банионис, одновременно сужает и расширяет философское поле Соляриса.

Сужает — в том смысле, что наука, познание, освоение космоса Тарковского не особенно интересуют. Режиссер сохраняет приличествующий научный «каркас» (гораздо больше, чем сохранит его в «Сталкере» по отношению к литературному оригиналу — повести братьев Стругацких «Пикник на обочине»). Тарковский даже чуть-чуть полемизирует с Лемом. Один из персонажей фильма выражает уверенность, что познания вне морали быть не должно, это неправильно. Но философское наполнение картины, по большей части, не связано с философским наполнением романа.

Тарковский, отталкиваясь от Лема, говорил о своем.

Кинематографист представил мир как сочетание вечного и временного.

Вечное создано до человека и существует помимо его воли. Человек способен испортить часть вечного или улучшить, но чаще всего он скользит по кромке вечности как наблюдатель. Вечное — прекрасное творение Бога. Человек может обрести его в природе и в других людях, поскольку они представляют собой такое же творение Бога. Вечное — движения водорослей в речной воде у дома родителей Кельвина. Это движение главный герой созерцает с тихой радостью, стараясь хорошенько запомнить, унести с собой в космос.

Временное — сфера творчества человека. Он может помыслить себя, свою жизнь и смерть, мир, других людей. Он наделен мощной творческой способностью. Однако то, что он создает, имеет короткий век. Города,

техника, бытовые предметы — временное. Человек живет во временном, и во временном же он себя проявляет. Чаще всего эти его проявления скверны.

Отсюда — дикий, омерзительный хаос на станции «Солярис». Он был и у Лема, играл в романе роль декорации. Но Тарковский придает ему гораздо большее значение, а потому постоянно подчеркивает его, акцентирует. Там искрит проводка, здесь разбросано какое-то нелепое барахло, тут перекошена техническая колонка... В «Сталкере», кстати, бесконечные виды убитых промышленностью и транспортом ландшафтов, унылой заводчины, шприцев, валяющихся на кафельном полу, — все та же манифестация временного, безобразного, сотворенного человеком.

Красива на станции «Солярис» одна лишь комната психологической разгрузки. Там нет хаоса, там гармония. Почему?

Потому что человек может приобщиться к вечному, т.е. имеющему божественное происхождение, не только через созерцание природы, но и через со-творчество с Богом. Например, создавая высокие образцы живописи (они представлены полотнами Брейгеля, где вечное и временное существуют в нераздельном единстве), хорошие книги, музыку, способную трогать души. И все это сконцентрировано в комнате психологической разгрузки, которая в фильме заменила узкоспециализированную библиотеку из романа.

Но вернее всего человек может приблизиться к вечному, приблизиться к духу божественного Изначалья, общаясь с другими людьми.

Он наделен свободой воли, а потому... имеет возможность пакостничать. Человек легко проявляет раздражение, себялюбие, жестокость. Собственно, Крис Кельвин этим и занимается — по отношению к собственному отцу, к жене, к пилоту Бертону.

Но ведь точно так же человек способен проявить себя в высокой жертвенной любви. Или, например, в верной дружбе. Или хотя бы в ласковом отношении к близким. И, конечно, в покаянии с последующим «исправлением ума».

Образцы всех подобных движений души на экране так или иначе явлены. В центре внимания, разумеется, история Кельвина. Экстремальная ситуация на станции «Солярис» («воскрешение» жены Криса, Хари) дает ему шанс понять собственную испорченность, в какой-то степени измениться. Прежде всего — подняться до высот истинной любви. Он испытывает стыд в отношении прежней своей черствости, и чувство стыда — спасительно. Не напрасно в картине звучит фраза, абсолютно не нужная в рамках романа, но для фильма — ключевая: «Стыд спасет человечество». И не напрасно фильм заканчивается сценой, в которой Кельвин припадает к ногам отца в позе рембрандтовского блудного сына.

Человек может спастись. Хотя бы через стыд и последующее проявление добрых чувств к ближним. Иначе говоря, через нравственное очищение. Поэтому вторая ключевая фраза фильма звучит так: «Человеку космос не нужен, человеку нужен другой человек». Другой человек — возможность приближения к вечному. Другой человек — великий дар. Надо только уметь им воспользоваться...

Как пишет Юлия Анохина, «...введение в визуальную, звуковую и смысловую канву фильма религиозных аллюзий (притча о блудном сыне, *Pietà* Микеланджело, фа-минорная Хоральная прелюдия И. С. Баха, в основе которой лежит протестантская молитва) — всего того, что Ст. Лем, убежденный материалист и атеист, не мог принять, — создает неповторимое и оригинальное произведение, независимое от первоисточника и равноценное ему. Не случайно с тех пор, как фильм вышел

на экраны, рассуждения о романе Лема не обходятся без упоминания фильма Тарковского». Религиозная направленность остановки прямо подчеркнута появлением иконы Андрея Рублева «Троица» в кадре.

«Солярис» Тарковского представляет собой религиозно-этический трактат, переложенный на язык кино. Притом трактат отчетливо христианский.

Фильм «Солярис» Стивена Содерберга (2002) с Джорджем Клуни в главной роли — камерная постановка. Картина ни в коей мере не расширяет философское поле романа, как было у Тарковского. Только сужает. Она сфокусирована на единственной теме — теме любви.

Собственно, под относительно тонким слоем Лема обнаруживается истинный источник вдохновения — стихи валлийского поэта-романтика Томаса Дилана «И безвластна смерть остается». Эти стихи звучат на экране и задают тон всему фильму. Любовь способна восторжествовать над смертью, и для любви телесная оболочка людей не важна. Хари (в фильме Содерберга — Рея) давно мертва. Гибнет по сюжету фильма и Кельвин: Солярис воспроизводит его как нечто, не имеющее человеческой физиологии. Но любовь сохраняется: для нее, по мысли режиссера, кости и мышцы не нужны.

Смысл этой идеи, правду сказать, несколько нечеловеческий: любовь — больше, чем люди, она может существовать вне людей, без людей. Она представляет собой что-то космическое. Некую энергию, существующую помимо копошения «белковых тел» на планете Земля...

Если о «Солярисе» Тарковского Лем высказался критически, то на «Солярис» Содерберга польский фантаст просто спустил всех собак: «Я не предполагал, что этот болван, извините, режиссер, выкроит из этого какую-то

любовь, что меня раздражает. Любовь в космосе интересуется меня в наименьшей степени. Ради Бога, это был только фон. Но я все-таки человек достаточно воспитанный. Поэтому не набросился на этого Содерберга, это не имеет смысла».

Содерберг очень далеко ушел от литературного оригинала, дальше Тарковского. Он попытался сотворить прекрасную сказку о неуничтожимости любви, поставленную в космических декорациях. Лем всего лишь дал ему предлог для создания картины, дал эти самые декорации, не более того.

Эксперимент, конечно, смелый, но людей, т.е. в данном случае зрителей, любовь вне-человеческая, видимо, разочаровала. 47 млн долларов бюджета дали 30 млн долларов проката.

Холодные, наполненные суетой «человеиники» Содерберга, городская среда, в которой знакомятся и живут Кельвин и Рея, безобразны; режиссер оторвал от этой среды любовь, ему, как видно, захотелось прокричать: «Она не умерла в этой серой унылой купели, она способна жить безо всяких купелей!» Что ж, прокричал. Но итог вышел сомнительный: кому из нас нужна любовь, которая в нас не нуждается? Не то худо, что Содерберг мало оставил от Лема, а то, что его собственная философская начинка «Соляриса» непривлекательна. Космос, сверхнизкие температуры... надежда и тепло в таких условиях не живут.

Итог: три «Солярис» — вроде басенных лебедя, рака и щуки. Они устремлены в разные стороны. Не то чтобы противоречили друг другу, а именно разнонаправлены. Это и понятно: три произведения порождены тремя разными мировидениями. Роман Лема принадлежит мировидению чистого материализма, рационализма и мало не сциентизма. Фильм Содер-

берга представляет вариант западного рационального мировоззрения, отягощенного прививкой восточных учений о «тонких энергиях», пронизывающих космос, о неком вселенском сознании, которое «думает людей». А картина Тарковского несет очевидные следы христианства, поданного в неортодоксальной версии русской интеллигенции.

Итак, они не противоречат друг другу прямо. Но все же они несовместимы и непримиримы. Они представляют собой выбор, и, выбрав нечто одно, уже невозможно оказаться сторонником и второго, и третьего. Для этого просто не останется места.

ЯРОСЛАВ ВЕРОВ

ХИЩНЫЕ ВЕЩИ ВЕКА ИЛИ ВЕК ГОЛОДА И УБИЙСТВ?

(Сравнительный опыт
великих советских антиутопий)

1

В последние годы дружный хор недоброжелателей поспешил обвинить Бориса Натановича Стругацкого (БН) в отречении от идеалов Мира Полдня. В рамках данной статьи нет места для развенчания этого мифа, поэтому ограничимся краткой констатацией: идеалам Мира Полдня Стругацкие (АБС) оставались верны всегда. Но если в молодости писатели были уверены в достижимости светлого будущего, то впоследствии БН пришел к обратному выводу — что, однако, не отменяет верности идеалу. Интереснее другое — бурю

негодования вызвало высказывание БН, что в лучшем случае наше будущее — это будущее «Хищных вещей века» (ХВВ). Обратим внимание на это «в лучшем случае».

Значит, писатель полагал, что случаи могут быть и худшие? Какие же?

Кажется, мы знаем ответ на этот вопрос.

Но не станем забегать вперед. Сами по себе ХВВ — мощная антиутопия, многое из которой начинает сбываться, а кое-что уже и сбилось прямо у нас на глазах. Не хотим утомлять читателя подробным перечислением. Одно только *«чтобы было весело и не надо было думать»* смело можно считать повесткой дня.

Однако ХВВ — антиутопия локальная, причем как в пространстве, так и во времени. Поясним, что это значит.

На страницах повести мир ХВВ сосуществует с миром набирающего силу Полдня. Попробуем с высоты наших дней смоделировать, как могла сложиться подобная ситуация.

Любое неравенство зиждется на трех китах: информация, вещи, элементарное жизнеобеспечение.

Информационный голод утолен уже в наше время. Считается (примем это на веру), что любой человек в почти любой стране имеет свободный доступ к информации — новостной, культурной, любой иной, причем из противоположных источников; также сняты барьеры на прямые и мгновенные коммуникации между людьми всех стран и континентов. Монополия на информацию не есть более привилегия власть имущих.

Вещи. Технология 3D-принтеров уже позволяет дешево изготовить, пока еще из пластмассы, любую вещь. Делаем шаг вперед — и вот имеем источник дешевых и разнообразных предметов быта.

Еще шаг вперед — и получение искусственных продуктов питания снимает проблему голода.

В этих условиях деньги начинают терять свойство овеществленной энергии, на первый план выдвигаются такие свойства личности, как жажда познания и творческие способности; человечество постепенно разделяется на тех, кому интересно строить и творить (там тоже нужны управленцы и руководители, кстати), и тех, кому надо, «чтобы было весело и не надо было думать». При этом первая часть динамично, хотя и через конфликты (АБС прямо намекают на ряд фашистских путчей) развивается и со временем приходит к идее Высокой теории воспитания, а вторая — закономерно затухает. Ведь в мире ХВВ — захоти даже АБС написать, в то время это было решительно невозможно, — должны процветать все пороки современного общества: однополые браки, идеология «чайлдфри» (для себя живем, какие дети?), а еще — грезогенераторы. И — слег. Современные виртуальные утехы, игромания — первые ласточки предсказанного писателями бегства от действительности из-за элементарной скуки. А еще экстремальные виды спорта (тоже знакомо, правда?) — в ХВВ у «рыбарей» в метро гибнет народу больше, чем в автокатастрофах, да и какие автокатастрофы при автоматизированных такси? И что имеем? Социум ХВВ тупо вымирает.

Итак, антиутопия АБС ограничена в пространстве (рядом набирает силы Мир Полдня) и во времени.

Но... гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

БН имел в виду мир ХВВ, как «лучшее из худшего» — во всепланетном масштабе.

А это совсем иное дело.

Общество ХВВ, по сути, капиталистическое и либеральное. А капитализм может развиваться или хотя бы стабильно существовать только в условиях превышения спроса над предложением. Поэтому он постоянно генерирует потребности. Новые потребности. Небывалые. От супер-пупер навороченных девайсов до «кос-

мического туризма». Или попроще: у скольких читателей этой статьи в ЖЖ стоит диаграммка «количество стран, которые я посетил»? Молчаливым укором — смотри, дружок, сколько ты еще НЕ посетил! Давай, наверстывай, трать денежки! Тоже создание потребности.

Кстати, многие советские фантасты очень хорошо осознавали проблему. Александр Казанцев, «Фаэты»: «Вместе с тем употребление заокеанских изделий было объявлено несовместимым с принципами крови. Владельцы Властьмании вздохнули облегченно: их барыши были ограждены». Это тоталитарная Властьмания, в «демократическом» Даньджабе проблема решалась тоньше. «Он <...> провел закон о старых вещах, подлежащих уничтожению (чтобы приобретались новые)». Казанцев понимал: беда, планета, как ее ни назови, долго не выдержит «гонки потреблядства». Ресурсы небезграничны, а надежды на то, что «ученые, как всегда, что-нибудь придумают»... Об этом чуть позже.

Еще в семидесятые годы Римский клуб пришел к выводу: при населении в двенадцать миллиардов человек (запомним и эту цифру), при общем потреблении, стремящемся к потреблению «золотого миллиарда», наступит планетарная катастрофа. Таким образом, мир ХВВ, «не самый худший вариант», все равно оказывается локальным во времени.

А что же худший вариант? Худший вариант описан другим великим советским фантастом, Иваном Антоновичем Ефремовым, в романе «Час Быка». Мы глубоко убеждены, что скрытый, но главный пласт романа — альтернативный (по сравнению с «Туманностью Андромеды») путь развития земной цивилизации. Не мог этого не понимать и БН.

Для доказательства обратимся к самому Ефремову. На дворе — 1970–71 годы.

«Думать, что можно построить экономику, которая удовлетворит любые потребности человека, тенден-

ция к чему пронизывает всю западную (е.g. американскую), да и нашу, в вульгарном и буквальном понимании «каждому по потребностям», фантастику — это непозволительная утопия, сродни утопии о вечном двигателе».

«Поколения, привыкшие к честному образу жизни, должны вымереть в течение последующих 20 лет, а затем произойдет величайшая катастрофа в истории в виде широко распространяемой технической монокультуры, основы которой сейчас упорно внедряются во всех странах, и **даже в Китае, Индонезии и Африке**» (здесь и далее выделение мое. — Автор).

«В колоссальном количестве проблем и вопросов, стоящих перед наукой и техникой ближайших десятилетий, необходимо выбрать то, что послужит человеческому здоровью, новой научной коммунистической морали, отвернет всех от **преклонения [перед] вещами — главного яда капитализма**, поможет спасению и восстановлению погибающей природы. Иными словами — или наука и основанная на ней техника за ближайшие три десятилетия сделают решительный поворот к решению социальных, моральных и экологических проблем, и решению скорому, или она уже не будет нужна в ее настоящем виде при катастрофе, которая, по моему убеждению, наступит между 1998 и 2005 годами, если капиталистическая система общественных отношений будет продолжаться до того времени».

«Здесь опять важно **обратиться к опыту тибетских и буддийских монастырей**. Наблюдения индийских ученых показывают, что люди, прошедшие даже начальную подготовку в таких монастырях, имеют гораздо меньшую психическую утомляемость, способность к концентрации внимания и обучаемости. Притом это не заучивание телефонных справочников наизусть, а обучение целостным областям знания, умение делать логические выводы, обобщения и гипотезы. Очистить все

от религиозной и мистической шелухи и использовать в современной науке и образовании».

Подытожим вкратце.

1. Главной опасностью для земной цивилизации Ефремов полагал установление на всей планете монокультуры западного (точнее — англосаксонского) типа.

2. Путь к выздоровлению — разумное сращивание технологической цивилизации Запада с мудростью Востока. Собственно, заключительная глава «Лезвия бритвы», «Мост Ашвинов» — финальный спор Ивана Гирина с высшими йогами — прямая декларация этой идеи.

Для полной ясности необходимо уточнить, что Иван Антонович понимал под фашизмом. Прежде всего — монопольное распоряжение информацией в интересах ограниченного круга лиц. Вспомним, по законам Великого Кольца ни одна цивилизация не имеет права на вмешательство в дела другой, кроме **единственного случая**: если обнаружено нарушение свободы информации.

2

А теперь перейдем, наконец, к Тормансу, держа в уме, что это никакой не Торманс, а возможный путь развития Земли.

Итак, в недрах космоса обнаружена населенная выходцами с Земли высокотехнологичная, но несовершенная цивилизация, тем не менее перешедшая «порог Синед Роба». Ефремов любил играть в анаграммы, «Синед Роб» наизнанку легко читается как «Ден [н] ис [Га] бор, Нобелевский лауреат и член Римского клуба (sic!), утверждавший невозможность «звездных войн» из-за ядерных самоубийств социально несовершенных цивилизаций. Кроме того, «орбитальные демографические профили экспедиции цефеев показали численность населения порядка пятнадцати миллиар-

дов человек». На первый взгляд, в «Часе Быка» предлагается логичное обоснование инфернальности Торманса: «всепланетная олигархия наступила очень быстро из-за однородности населения и культуры». Действительно, звездолеты китайские, население, стало быть, — тоже китайцы, да и внешне китайцы, и мудрец Цоам (Мао Ц) поминается...

Но взгляды пристальнее.

Социолог экспедиции Чеди Даан не может **достоверно** определить, из какого строя выросло современное общество Торманса. «Пока не ясно, явилось ли оно дальнейшим развитием монополистического государственного капитализма или же муравьиного лжесоциализма», — так начинает она свою лекцию, склоняясь к первой версии.

«Может быть, общество Торманса возникло из второго?» — возражает начальница экспедиции. «Может быть», — соглашается социолог. И все же окончательный ее вывод: «Мне думается, что на Тормансе мы встретили олигархическое общество, возникшее из государственного капитализма».

Итак, госкапитализм. Хищные вещи века, до пятнадцати миллиардов населения (вспоминаем выкладки Римского клуба), но — при едином централизованном всепланетном управлении. Но сразу ли установилась на планете монокультура? И европейского ли она типа?

Разберемся.

«— Кто бился здесь и кто кого победил?»

— Предание говорит о сражении между владыками головного и хвостового полушарий. Погибли сотни тысяч людей. Победил владыка головного, и на всей планете установилась единая власть. Эту битву называют победой мудрости над темными хвостовыми народами.

— Ваши предки участвовали в сражении на стороне побежденных?

— Да.

— А если бы победили они, а не головные? Изменилась бы жизнь?

— Не знаю. Зачем ей меняться?! Столица была бы в Кин-Нан-Тэ, наверное. **Дома бы строили по-другому, как принято у нас, башнями.** Может быть, мои предки стали бы «змееносцами»...»

Простим юной Сю Ан-Те ее наивность. Даже беглый взгляд на цивилизацию города Средоточия Мудрости выказывает ее западный характер. Планировка улиц, архитектура, рестораны, спортивные состязания, модная музыка, образ жизни столичных жителей. Странный обычай называть выдающихся актеров и певцов «звездами». А телефильмы, которые довелось увидеть землянам? Либо типичные вестерны: «Яростные драки, скачки, убийства чередовались с удивительно плоским и убогим показом духовной жизни. Повсюду и всегда торжествовали молодые мужчины, наделенные качествами, особенно ценными в этом воображаемом мире развлекательных иллюзий. Драчливость, сила, быстрая реакция, умение стрелять из примитивного оружия в виде трубки, из которой силой расширения газов выталкивался увесистый кусочек металла», либо типично же голливудский ширпотреб. А уж вот это: «Труднее поддавались объяснению зрелища иного характера, в которых красивые женщины частично обнажались, совершая эротические движения и замирая в объятиях мужчин в откровенных до отвращения позах», так прямо скажем, и вовсе «восточная» традиция. В сухом остатке «головная», читай — западная, цивилизация демонстрирует черты очень знакомого нам масскульта.

А что же отсталый «хвост», сорри, Восток? Кин-Нан-Тэ показан нам только в развалинах, но:

«Гэн Атал силился вспомнить, где на Земле он видел подобную архитектуру. В каких отреставрированных городах древности?

Не на востоке ли Азии?»

Вот и ответ: Кин-Нан-Тэ — чисто восточный город и по сохранившейся архитектуре, и памятникам, и по множеству тщательно выписанных Ефремовым деталей. Случайность? Иван Антонович таких случайностей не допускал. Значит, крышка всепланетной монокультуры захлопнулась над Тор... простите, Землей, не сразу, а через конфликт. В данном случае нам не важно, имело ли место масштабное боестолкновение или писатель прибегнул к метафоре.

Оторвемся на минуту от экрана монитора, оглядимся окрест. Процесс запущен и идет полным ходом. Американская массовая культура, замешенная на культе техники, победно шагает по планете. «Прогибаются», как это предсказал Ефремов еще в семьдесят первом, даже Китай и Индия. О России и говорить не станем. А те цивилизации, которые изначально невосприимчивы к «западным ценностям», например, исламские, вгоняются в средневековые путем насаждения радикального фундаментализма и отчуждения природных ресурсов (Ирак, Ливия). И тем самым выводятся из геополитической и идеологической борьбы в качестве серьезных игроков. Предсказание сбывается, конфликт в разгаре.

Итак, крышка монокультуры над Тормансом/Землей захлопнулась. Это автоматически означает установление власти кучки олигархов с полной монополией на информацию. Что и отражено в тексте:

«— Понимаю, — кивнула Фай Родис, — показать только то, что хотят правители Торманса. Подбором новостей создается «определенное впечатление». А может быть, создаются и сами «новости».

Ах, как знакомо, как знакомо. «Ядерное оружие» Саддама Хусейна, «этнические чистки» албанцев в Косово. И ведь поверили! Поверили. Даже при наличии противоречивых источников информации. А если источник информации **один**? Представим нашего современника, офисного сидельца, в этих условиях. Думая, что получает достоверную картину мира, он видит только соз-

даваемые симулякры, ничего общего с действительностью не имеющие.

Что дальше? Порог Синед Роба преодолен, раскручивается маховик потребления, финал закономерен.

«Ученые — обманщики, трусы и ничтожные прислужники. Во многих поколениях они обманывали правителей и народ Ян-Ях, и, насколько я знаю, то же было в старину на Земле. Они обещали, что планета может прокормить неограниченное количество людей, и совершенно не учли, что земля истощится задолго до назначенной ими предельной цифры. Не учли вреда химических удобрений, отравивших растения и почвы, не учли необходимости определенного жизненного пространства для каждого человека. Не понимая всего этого, они не постеснялись выступить с категорическими заключениями. И в результате вызвали страшную катастрофу. Восемьдесят лет Голода и Убийств! Правда, за ошибки и наглость они расплатились. Тысячи ученых повесили вниз головами на воротах городов или перед их научными институтами. Ученые всегда обманывали нас, владык, и особенно математики и физики, в реальных успехах которых никто, кроме них самих, не мог разобраться».

Разумеется, владыка Торманса сильно лукавит. Ефремов был прекрасно осведомлен о людоедской концепции Римского клуба. Есть предпосылки полагать, что и восемьдесят лет Голода и Убийств, и последующие эпохи жестко управлялись и даже были инспирированы сверху.

Во-первых, был сохранен весь хай-тек. А потом и приумножен. Странно при катастрофе, унесшей жизни девяти из десяти жителей планеты.

Во-вторых, легенда о добром докторе Рце-Юти, первооткрывателе Нежной Смерти, слишком красива, чтобы оказаться правдой. Особенно в части массового внедрения этого передового средства умерщвления.

И, наконец, в-третьих.

«Гзер Бу-Ям долго молчал, затем принялся рассказывать Родис о беспримерном угнетении «кжи».

— Все это, — сказал он, — вычеркнуто из истории и сохранилось лишь в изустном пересказе.

Родис узнала о массовых отравлениях, убавлявших население по воле владык, когда истощенным производительным силам планеты не требовалось прежнее множество рабочих. И наоборот, о принудительном искусственном осеменении женщин в эпохи, когда они отказывались рожать детей на скорую смерть, а бестрашные подвижники — врачи и биологи — распространяли среди них нужные средства. О трагедии самых прекрасных и здоровых девушек, отобранных, как скот, и содержащихся в специальных лагерях — фабриках для производства детей».

Управление процессом не прерывалось ни на минуту.

Это будущее видится нам куда более вероятным, чем ласковый мир ХВВ. Устройство Торманса/Земли — высокотехнологичный фашизм, причем по научной мощи мало уступающий Земле коммунистической (в чем, кстати, видится определенное сходство с цивилизацией Третьего рейха, породившей львиную долю прорывных открытий двадцатого века).

Доказательства? Их есть в тексте изрядно.

Очень мало времени понадобилось тормансианам, чтобы разгадать тайну защитного поля землян. Стоило Вир Норину прочесть лекцию об устройстве Вселенной, правильные выводы воспоследовали немедленно: сверхдальняя связь «Темного Пламени» с Землей — фальшивка, спектакль. А чего стоит **быговая** машинка для определения умственных способностей на городском почтамте? Посложнее иного мнемоскопа будет и диагностика — почти мгновенная. А волновая психотехника «Встречи со Змеем»? Заметим в скобках, что здесь антиутопия Ефремова смыкается с другой великой антиутопией АБС — «Обитаемым островом». И тут, и там решается пробле-

ма дисторсии психики, вызванной различием между внушенными симулякрами и тем, с чем человек сталкивается повседневно — ежечасно и ежеминутно. У АБС это «башни ПБЗ» (в ХВВ — «дрожка»), у Ефремова — «Встреча со Змеем». Удивительное совпадение, и совпадение ли? Не секрет, что в ОО АБС писали Советский Союз, переживший ядерную войну, поэтому можно рассматривать роман как антиутопию «близкого прицела». У Ефремова прицел — на века, однако методы, методы...

Отдельный вопрос — способна ли цивилизация Торманса выйти в космос? Еще как!

«Сообщение главной обсерватории Хвоста подтверждено следящими станциями. Вокруг нашей планеты обращается неизвестное небесное тело — вероятно, космический корабль. Орбита круговая, угол к экваториальной плоскости — 45, высота — 200, скорость...»

— Они умеют рассчитывать и орбиты, — буркнул Гриф Рифт».

Знания не утрачены. Не утрачены и боевые умения.

«— Что это было? Нападение? — встретила их Фай Родис.

— Очевидно, — угрюмо кивнул Гриф Рифт. — Вероятно, стреляли ракетами».

Вдумайтесь: совсем недавно обсуждался пролет челябинского метеорита — специалисты хором утверждают: современными средствами ПРО сбить такое небесное тело невозможно. А тут похожий объект с похожими скоростными характеристиками. Две ракеты — два попадания. Могут выйти в космос? Легко. Но только если возникнет недвусмысленная угроза вторжения извне.

Итак, что же мы имеем в остатке? Что ждет человечество в худшем варианте? Монокультура англосаксонского типа, спланированная планетарная катастрофа и установление высокотехнологичного иерархического общества с четкой сегрегацией на «быдло», службу и хозяев жизни, при полной монополии на информацию этих самых хозяев. Самое страшное, что такая система абсолютно устой-

чива и не может быть разрушена изнутри. Собственно говоря, экипаж «Темного Пламени» пошел на рискованную авантюру и проиграл. По всем статьям. Но, по крайней мере, самим фактом пришествия земляне показали, что **можно по-другому**. А ведь нам надеяться не на кого. Не прилетят к нам далекие братья после тысячелетней разлуки, не кинутся спасать прогрессоры во главе с Сикорски, не явится агент совбеза Иван Жилин...

И мир «Хищных вещей века» таки лучший из возможных будущих.

Каковы же выводы? Их два.

Первый: удивительным парадоксом и даже какой-то гримасой истории выглядит то, что два великих советских утопических писателя оказались одновременно и создателями великих антиутопий. Почему так вышло — вопрос далеко не праздный и требует дальнейших исследований.

Второй: надежды нет. Разве что прогностическая мощь великих утопистов перевесит их же собственную антиутопическую прогностику.

Впрочем, доживем — увидим.

АНТОН ПЕРВУШИН

ИТЕРАЦИЯ МЕЧТЫ

Очерк из цикла
«Образы космической экспансии»

1

Я не могу помнить 1969 год, я тогда еще не родился. Однако, занимаясь историей космонавтики, раньше или позже начинаешь изучать его, ведь именно тогда произошел коренной перелом, коснувшийся не толь-

ко специалистов, работающих в ракетно-космической отрасли, но и миллионов простых советских граждан, включая моих родителей.

Казалось бы, какое отношение космические исследования могут иметь к повседневной жизни людей? Тем не менее был в истории небольшой период, когда космонавтика стала ключевым фактором в противостоянии политико-экономических систем, оказывая влияние на цивилизационный выбор целых народов. О сути влияния хорошо и точно рассказал английский писатель Фрэнсис Спаффорд в книге «Страна изобилия» (в оригинале — «Red Plenty», 2010), описывая триумф советской космонавтики: *«Это не были ряженые революционные крестьяне, размахивающие красными флагами и произносящие на митингах страстные речи, как это представлено в иконографии фильмов Эйзенштейна; и это не был Советский Союз Иосифа Сталина — государство всеобщей мобилизации, массового террора и сурового тоталитарного труда. Вдруг, неожиданно, появилось место, не особенно веселое, но разумно организованное, немилитаристское — и высокотехнологичное, с лабораториями и небоскребами, которое делало все то же самое, что на Западе, но при этом грозило, пока «момент» длился, сделать это самое все — лучше. Американские колледжи беспокоились, что им не под силу выпускать такое же удивительное количество инженеров, как в СССР. Страгальческие вопли о необходимости самокритики заполнили страницы публицистики европейских и американских газет — колонисты вопрошали, как свободное общество собиралось соответствовать стальной стратегической воле к процветанию, которой обладал успешный СССР. <...> И пока «советский момент» длился, это было похоже на то, что где-то рядом вот-вот проклюнется некая альтернативная версия современной жизни: та, с которой приходилось считаться, извлекать из нее уроки — на*

тот случай, если она в самом деле опередит западную модель и оставит капиталистические страны плетущимися галеко в хвосте».

Действительно, до конца 1950-х годов Советский Союз, несмотря на быстрый экономический рост в относительно «спокойные» периоды своего существования, вряд ли мог выглядеть завидным государством в глазах гражданина развитой западной державы. Две кровопролитные войны, Гражданская и Великая Отечественная, нанесли невосполнимый урон. Комфорт и обеспечение жизни большинства населения оставались на уровне самых бедных стран типа Афганистана или Мексики. Конкурентоспособность продукции на мировых рынках определялась исключительно демпингом. Отпугивал и советский политикум: скрытный, часто лживый, категорически отрицающий «традиционные ценности». И тут — внезапно! — Советский Союз оказывается лидером в области, которая до того была исключительно предметом обсуждения фантастов. Первый спутник, собака Лайка на орбите, попадание в Луну, снимки обратной стороны Луны, первые межпланетные станции, а вскоре — полеты Юрия Гагарина, Германа Титова и других космонавтов. Наступил «советский момент», пробуждающий зависть и любопытство: как у этих неотесанных русских получается то, чего не могут сделать передовые державы? Политики и военные кивали на мощные ракеты. Но ведь и ракету не сляпаешь на коленке — нужны высокие технологии, соответствующая культура, хорошее образование, наконец!

Космонавтика, вызывающая интерес всего мира, стала козырной картой в геополитической стратегии. И Никита Сергеевич Хрущев ловко разыгрывал ее. Одна только фраза «Социализм — это и есть та надежная стартовая площадка, с которой Советский Союз

успешно направляет в космос свои мощные совершенные космические корабли» чего стоит!

Немаловажно, что космическим энтузиазмом были охвачены народные массы и в самом СССР. Население начало уставать от бесконечной болтовни о грядущем коммунизме и о «временных трудностях» на пути к нему. Нужны были яркие очевидные достижения, признаваемые всем миром и демонстрирующие преимущества советского строя. И космонавтика оказалась лучшим вариантом. Люди, которые не могли и мечтать когда-нибудь съездить за границу (разве что на танке), получили в подарок целую Вселенную.

Способствовал формированию общественного пинетета перед ракетчиками и космонавтами их совершенно особый образ жизни. Пройдя отбор, преодолев трудности, доказав словом и делом преданность коммунистическим идеалам, они попадали в совершенно утопический мир, в котором любые желания удовлетворялись, в котором к мнениям специалистов прислушивались, в котором не было места глупости, подлости, трусости, жадности. Фактически космонавты становились людьми будущего — во всех смыслах этого словосочетания.

Забавно читать сегодня те страницы из публицистических статей 1960-х годов, в которых сравнивается мотивация советских космонавтов и американских астронавтов. Дескать, «наши» ратуют исключительно за экспансию и научное изучение космоса, а «ихние» летают туда только за «длинным долларом». Пропагандисты легкомысленно не придавали значения тому факту, что внимательный читатель сам может сравнить вклад конкурирующих программ в науку о Вселенной и сделать не слишком-то благонадежные выводы.

Реакция не заставила себя ждать. 25 мая 1961 года президент Джон Ф. Кеннеди в своем выступлении перед Сенатом и Палатой представителей четко сфор-

мулировал проблему: космические триумфы и провалы отзываются эхом на Земле; победа в космической «гонке» непосредственно связана с победой в «холодной войне»; если Западный мир уступит, его цивилизационная модель утратит привлекательность и будет вытеснена на обочину исторического процесса. В той речи президент сформулировал и конкретную задачу для возвращения первенства — доставить американского астронавта на Луну до конца десятилетия.

Программа реализовывалась в мобилизационном режиме и в июле 1969 года была выполнена: астронавты Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин ступили на Луну, потеснив в ряду символически значимых лиц Юрия Гагарина. Вполне можно говорить, что в тот момент Советский Союз потерпел самое серьезное поражение в послевоенную эпоху и был обречен на скорый крах. Те, кто родился после 1969 года (в том числе и я), пришли в мир, где все было predetermined, и увидели этот крах воочию. И самое ужасное — мы воспринимали его как часть *естественного* хода событий. Потеряв цивилизационное преимущество, выраженное в успехах отечественной космонавтики, СССР потерял и ценность в глазах нескольких поколений.

2

Современные несоветские патриоты вне зависимости от их образованности очень тонко чувствуют надлом в «советском моменте», произошедший на излете 1960-х годов. Вот почему среди них так много «антиаполлоновцев» — конспирологов, полагающих, что полеты американцев на Луну были сняты в Голливуде. Казалось бы, тема не стоит выеденного яйца, однако они продолжают возвращаться к ней раз за разом, выискивая мнимые «нестыковки» в современных материалах. К примеру, недавно со дна Атлантики были подняты

фрагменты двигателя ракеты «Сатурн-5», доставившей корабль «Аполлон-11» в космос, — и сразу же появились статьи, в которых заявлялось, что нам показывают бу-тафорию.

Зачем нужна битва с призраками? Объяснение простое: отрицая материальность программы «Сатурн-Аполлон» и ее достижения, отечественные конспирологи стремятся вернуть первенство Советского Союза в сфере духа и таким образом хотя бы отчасти оправдать период его позднего существования. Ведь коммунизм так и не построили, вырваться из вечных экономических проблем не сумели, потребности населения не удовлетворили, внешнеполитических друзей растеряли — зачем было огород городить?..

Однако пресловутый надлом был прочувствован уже тогда — в конце 1960-х годов. Тон и направление пропаганды резко изменились. Если раньше говорили, что советский человек в космосе всегда будет лучше американца, то теперь стали писать, что американцы зазря рискуют людьми, отправляя их на Луну, что ее надо изучать с помощью «умных» роботов, что американцам никогда не построить такое чудо техники, как «луноход».

Пропагандистам и популяризаторам было легко переключить внимание публики на другие достижения. Но что оставалось делать фантастам? Они только что писали о том, как советские корабли бороздят Солнечную систему и отправляются в Первую Межзвездную экспедицию; о том, как коммунисты будущего вступают в контакт с инопланетными коммунистами по Великому Кольцу; о том, как космонавты спасают жизнь астронавтам, попутно демонстрируя им преимущества социалистического «облика морале». И вот теперь все эти утопические ожидания опровергла сама реальность. Требовалось извернуться и найти такой ход, который позволял бы утвердить тезис о том, что Советский

Союз в будущем не только закрепится в космосе, но и вновь станет лидером, как бы не заметив, что советская космонавтика пока не сумела воспроизвести и половины новейших американских достижений (еще в ходе программы «Джемини», которая предшествовала лунным полетам «Аполлонов», было установлено несколько мировых рекордов, никем не побитых до сих пор). Большинство фантастов не справились с задачей, перенеся действие в условное будущее, где противостояние общественно-политических систем сглажено, а в космос летают международные экипажи. При этом ловко обходились детали социального устройства — при прочтении было решительно невозможно понять, что же преобладает в условном будущем: коммунизм или капитализм? Лишь один автор смело преодолел идеологическое затруднение. В историю фантастики он вошел под псевдонимом Кир Булычев.

3

В мемуарных записках «Как стать фантастом» (1999) Игорь Всеволодович Можейко, известный больше как Кир (Кирилл) Булычев, несколько раз подчеркивал, что его приход в фантастику был во многом случаен, но практически неизбежен. Будучи профессиональным переводчиком, он имел относительно свободный доступ к современной ему англоязычной художественной литературе и, разумеется, увлекся остросюжетной прозой. Своей первой публикацией фантастического текста сам Кир Булычев называл перевод рассказа Артура Кларка «Пацифист», опубликованный в журнале «Знание — сила» в 1956 году. Однако официальную библиографию писателя-фантаста все же имеет смысл отсчитывать от рассказа-мистификации «Долг гостеприимства», напечатанного как переводной (автором был указан «бирманский прозаик Маун Сейн Джи») и небольшого цикла

новелл «Девочка, с которой ничего не случится (рассказы о жизни маленькой девочки в XXI веке, записанные ее отцом)» — публикации состоялись в 1965 году. До того у Булычева выходили лишь очерки из жизни Бирмы, где он работал переводчиком на социалистических стройках.

Новый фантаст сразу заявил о себе как автор крепкой прозы, рассчитанной на детей и юношество. К тому времени жанровая революция, начатая Иваном Ефремовым и продолженная братьями Аркадием и Борисом Стругацкими, завершилась, и ненадолго сделалось модным писать «фантастику для взрослых», посвященную глобальным проблемам и острым социальным конфликтам. «Детский сектор» оказался заброшенным, но спрос на него оставался, и Кир Булычев легко вписался в нишу. Впоследствии он не раз пожалел об этом, однако признавал, что популярность девочки из будущего Алисы Селезневой сделала ему имя, давая возможность публиковаться даже в те непростые времена, когда «прозападное» направление фантастики оказалось под негласным цензурным запретом. А Кир Булычев был откровенно «прозападным» фантастом. Очевидно, на его творческие предпочтения накладывало отпечаток хорошее знание англоязычной литературы — из Бирмы он привез великолепную библиотеку, большинство книг в которой невозможно было достать в русском переводе. Сегодня многие знатоки любят иронизировать по поводу того, как Булычев заимствовал фантастические допущения и сюжетные ходы из текстов классиков западной фантастики, но такая трансляция для художественной прозы считается в порядке вещей, и на этом поле Киру Булычеву далеко до Алексея Толстого, переиначившего сказку о Пиноккио и забытый «марсианский» роман Крыжановской-Рочестер.

Из мемуаров нельзя достоверно установить, ду- мал ли Кир Булычев об идеологической необходимо-

сти создания непротиворечивой утопии, в которой описывалось бы преимущество советской модели космической экспансии перед западной. Возможно, его подталкивала к этой идее история Алисы, которая постепенно развивалась, обрастая новыми эпизодами и подробностями. Как в самом деле человечество пришло к коммунизму в XXI веке, если Советский Союз не сумел справиться с проблемами даже ближайшего времени?.. Кроме того, следует помнить, что сам Игорь Всеволодович Можейко был «тихим» оппозиционером, то есть недолюбливал советскую власть, но открыто никогда не противопоставлял себя ей. И с неприглядной действительностью его примиряли простые советские люди, которым он и посвятил львиную часть своего творчества.

Так или иначе, в творчестве Кира Булычева появляется «цикл о Павлыше».

4

Цикл рассказов и повестей, объединенный общими персонажами, среди которых выделяется врач космического корабля Владислав Владимирович Павлыш, вряд ли можно назвать полноценной «историей будущего», как, например, цикл «Полдень, XXII век» братьев Стругацких. В нем почти нет хронологических привязок, и мы можем судить о развитии событий только по возрасту Павлыша. Больше того, сами тексты цикла появлялись не в строгой последовательности, а по мере возникновения идей. Скажем, в повести «Великий дух и беглецы» (1972) описан опытный космолетчик Павлыш, а в большом рассказе «Тринадцать лет пути» (1984) — курсант «космического института». Причем в этом последнем тексте прямо говорится, что действие происходит в XXIV веке (примерно в 2355 году). Получается, что Павлыш и его друзья —

наши отдаленные потомки, причем даже более отдаленные, чем Алиса Селезнева!

Но так ли это? Скорее всего, нет. Перенос эпохи Павлыша на три века вперед был сделан Киром Булычевым для обоснования сюжетной канвы, построенной вокруг столетнего путешествия релятивистского звездолета «Антей», экипаж которого использует телепортационные кабины при сообщениях с Землей. Вряд ли писатель думал о таком «переносе», когда только начинал цикл, ведь в основе всех текстов, входящих в него, лежит принцип, что обитатели «мира Павлыша» не «почти такие же», как у Ефремова и братьев Стругацких, а «такие же», то есть ничем не отличаются от современных автору советских граждан.

Историю появления цикла и ключевых персонажей сам Кир Булычев описывал так:

«В 1967 году я отправился в командировку от журнала «Вокруг света» по Северному морскому пути. Я рассчитывал добраться от Мурманска до Тикси, где должен был встретиться с магаданским писателем Олегом Куваевым, страшно талантливым прозаиком, автором широко известных в шестидесятые годы повестей «Берег принцессы Люськи» и «Территория». <...>

На сухогрузе «Сегежа» меня устроили в пустующей каюте первого помощника. Была такая должность специально для заграничных — чекист-политрук. А так как «Сегежа» шла Северным морским путем, как бы во внутренних водах, то каюта чекиста пустовала. Я делал каюту с художником, не помню уж, какого журнала, но тоже командированным. На «Сегеже» я погружился с доктором Павлышом, капитаном Загребиным и другими членами команды. Все было бы хорошо, но в Карском море мы попали в неожиданные тогда льды и сломали винт. Кое-как «Сегежа» доплелась до Диксона и там застряла надолго, потому что пришлось менять лопасти. Так что в Тикси Олега уже не было, а

меня поджимала следующая командировка — в Швецию. <...>

Я придумал для себя космический корабль, который должен быть обыкновенным, как «Сегежа», и люди там должны быть обыкновенными, как на «Сегеже». Я подумал, что назову этот корабль именем земного прототипа, а главным героем сделаю Славу Павлыша.

Конечно, он не будет так уж похож на моего друга, но все-таки он окажется в чем-то близок Славе».

Таким образом, можно уверенно говорить: персонажи первого романа Кира Булычева «Последняя война» (он же стал первым текстом о Павлыше, хотя сегодня к циклу относят и ранее изданный рассказ «Хоккей Толи Гусева»), появившегося на книжных прилавках в 1970 году, не могут считаться отдаленными потомками. Если уж и соотносить их с какой-то эпохой, то в лучшем случае это будет начало XXI века.

Для первого романа Кир Булычев выбрал стилистический минимализм и достаточно упрощенную рефлексивную в описательной части. Человеческие образы сознательно примитивизированы, хотя и далеки от карикатурности: молодые люди чуть инфантильны, старшие товарищи чуть brutальны, второстепенные персонажи чуть задумчивы. «Последнюю войну» вполне можно считать «подростковым» романом, но при этом она посвящена теме, которая была в советской фантастике под мягким запретом, — теме выживания в постапокалиптическом мире.

Космический грузовик «Сегежа» снят со скучного рейса на Титан для выполнения экстраординарной исследовательской миссии. На планете Муне (Синяя), населенной гуманоидами, произошла глобальная война с использованием всех видов оружия массового поражения, что привело к заражению биосферы и гибели цивилизации. Экипаж «Сегежи» хотя и не готовился к работе в отдаленных мирах, тем не менее должен вы-

яснить, что стало причиной войны, и попытаться возродить погибший мир.

Если верить автору, космонавты в романе обладают теми же качествами, что и моряки «Сегежи», с учетом художественной условности. Капитан Геннадий Загребин курит, как паровоз, элегантно гася сигареты в пепельнице, прикрепленной к большому обзорному экрану корабля. По части никотиновой зависимости не отстает от него и очаровательная болгарская практикантка Снежина Панова, в которую влюбляется Владислав Павлыш (корабельный врач вообще заявлен у Булычева чрезмерно влюбчивым). Штурман Алексей Баков, исполняющий обязанности старпома, бдит за чистотой и комплектацией груза, мучая всех бесконечными придирками. Повар тетя Мила, Эмилия Ионесян, готовит борщ и трогательно переживает, если ее обеды кому-то не нравятся. И так далее, и тому подобное. Мелкие детали, создающие отношение к тексту и вызывающие узнавание своей «домашностью». При этом, однако, такие родные и «домашние» персонажи живут в мире, который и сегодня выглядит настоящей фантастикой: они освоили Солнечную систему, они летают между звезда, они пользуются сверхсветовой связью, они могут терраформировать другие планеты, их окружают исполнительные роботы, снабженные искусственным интеллектом.

Понимал ли Кир Булычев, что технологии и расширение пространства возможностей меняют быт, соответствующим образом влияя на повседневные реакции человека? Понимал. В одном из текстов цикла есть примечательная авторская сноска: *«Возможность мгновенно переправиться в любую точку земного шара и парадокс, заключающийся в том, что стало быстрее добраться от Парижа до Рио-де-Жанейро, чем от центра Парижа до Версаля, изменили не только скорость*

сообщений, но и сам порядок жизни. Если ты можешь жить в Москве, а работать на Марсе, ты психологически коренным образом отличаешься от человека двадцатого века». Почему же отличие практически не бросается в глаза?

Ответ прост: возникновение нового технологического уклада обусловлено не степенным течением прогресса, а вторжением извне. В романе «Последняя война» Кир Булычев описал ситуацию предельно конкретно, впоследствии давая лишь ссылки.

«Двигатели того типа, что стоит на «Сегеже», появились на Земле меньше десяти лет назад. Через несколько лет после того, как в ее жизнь вошел Галактический центр. Вошел он без фанфар и барабанного боя. На лунную базу опустился диск. Из него вышли незнакомые существа и на хорошем французском языке (база была французской) сказали, что по договоренности с экипажем корабля «Антарктида», с которым встретились на одной из недалеких (сравнительно) систем, они привезли с собой почту «Антарктиды». Ведь она вернется на Луну через четыре года, так что почта, наверное, представляет интерес для родных и близких...»

Итак, Кир Булычев случайным образом нащупал решение, которое позволяло обойти серьезную идеологическую проблему, непротиворечиво совместив пропагандистскую установку на воспевание преимуществ социализма в деле космической экспансии и суровую реальность американского прорыва. Победить конкурентов нам помогут сверхцивилизации Галактического центра, которые, конечно же, предпочтут иметь дело с представителями более развитого общественно-политического строя, а не с «акулами капитализма».

Обратите внимание на примечательную деталь: корабль, прилетевший из Галактического центра, имеет дискообразную форму. Таким способом Булычев свя-

зал атрибутику романа с уфологией, набирающей популярность в СССР. То есть подразумевалось, что сверхцивилизации уже где-то здесь, наблюдают за нами и, возможно, незаметно занимаются прогрессорской деятельностью.

5

Кстати, о прогрессорстве. У Кира Булычева есть внецикловый роман «Любимец» (1991–1993), написанный незадолго до крушения Советского Союза. В нем еще раз воспроизведена идея пришествия сверхцивилизации на Землю, однако там, где ранее писатель ставил знак «плюс», теперь он ставит «минус». Могущественные «спонсоры» из Галактического центра (!!!), которые чем-то неуловимо похожи на могущественных «корон» из «Последней войны», низводят человечество до уровня скота и домашних «любимцев», оправдывая свою деятельность борьбой с присутствующей нам агрессивностью. К счастью, Галактический центр разбирается в ситуации и отказывает «спонсорам» в поддержке.

Но давайте присмотримся к идеологии двух романов, которые разделены двумя десятилетиями, попристальнее. Есть ли существенная разница в том, как навязывают чуждые нам цели — пряником («Последняя война») или кнутом («Любимец»)? В любом случае человечество выступает не *субъектом* масштабного исторического процесса, а *объектом*. Мы теряем свою независимость в выборе путей дальнейшего развития, включающего и космическую экспансию. Наша культура превращается в «карго-культ», и тогда уже не имеет значения, какая цивилизационная парадигма стала в результате главенствующей: капиталистическая, социалистическая или коммунистическая. Да хоть феодаль-

ная! Если нет выбора, если нет цели, то нет и смысла в созидании своего.

Хотя блюстители советской идеологической чистоты порой выглядели глуповато, они почувствовали опасность, которая исходит от «булычевского» варианта разрешения противоречия между декларациями и реальностью. Кир Булычев писал в мемуарах:

«Отношение к социальной фантастике становилось все хуже.

В семидесятые годы в «Молодой гвардии» разогнали замечательную редакцию Жемайтиса, где фантастика и выходила. На место Жемайтиса, Ключевой, Михайловой пришли бездарные устрашители и уничтожители <...>. Они старались подмять под себя всю фантастику в стране, чтобы никто, кроме «своих», печататься не смел. Помню, как в момент очередного перехода власти Светлана Михайлова, бывший редактор «Молодой гвардии», ушедшая после разгона редакции в ВААП, предложила мне отправиться вместе с ней к новому шефу, чтобы узнать, чего он хочет. Разговор был доброжелательным, тихим, и ободренная приемом Светлана спросила заведующего: как он относится к социальной фантастике? И тогда шеф посмотрел на Светлану строгим комсомольским взором и ответил с легкой улыбкой:

— Я делю социальную фантастику на две части. Первую я отправляю в корзину, вторую в КГБ.

После этого мы откланялись, а вскоре я получил замечательную рецензию на мои повести, которые тогда лежали в издательстве. В рецензии на «Чужую память», в частности, говорилось: «Мы знаем, на что намекает автор, когда пишет, что над Красной площадью ползли темные тучи». На «Белые крылья Золушки» рецензию написал сам Александр Казанцев, который объяснил, что моей тайной целью является дискредитация советских космонавтов...»

Надо пояснить, что повесть «Белые крылья Золушки» входит в цикл о Павлыше и посвящена проблематике изменения человеческого организма («биоморфирование») с целью приспособления к жизни в неблагоприятных условиях других планет. Она была написана в 1974 году, но к публикации ее допустили лишь в 1980-м под названием «Белое платье Золушки».

Дискредитация дискредитацией, но реальность советской космонавтики выглядела в 1970-е очень неприглядно, даже если брать только открытую официальную хронику. На Луну так и не слетали. Умер Сергей Королев. Нелепо погиб Юрий Гагарин. Потеряли два корабля: на «Союзе-1» разбился Владимир Комаров; на «Союзе-11» задохнулись Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев. Американцы, напротив, не потеряли при выполнении космических миссий ни одного человека; шесть раз слетали на Луну и еще три раза к Луне; запустили огромную орбитальную станцию «Скайлэб», строили космический корабль нового поколения «Спейс шаттл» и запускали исследовательские аппараты к планетам-гигантам (чего, кстати, Советский Союз тоже не сумел сделать).

Лидерство было утрачено. Условный «Галактический центр» переместился в США. Пространство советского человека вновь скукожилось до размеров планеты Земля... И до планеты ли? Ведь, в сущности, рядовой гражданин СССР в самом идеальном случае мог мечтать о посещении «солнечной» Болгарии. А если он работал на ракетно-космическую отрасль, обложенную со всех сторон тотальной секретностью, то даже поездка в страны «социалистического лагеря» для него становилась проблематичной. И любой, кто шел в космонавтику в 1970-е годы, не расширял свои возможности, а сужал их.

Сегодня довольно часто можно услышать мнение, будто бы советскую космонавтику погубила мещанская психология: дескать, обменяли звезды на колбасу. На самом деле ее авторитет рухнул в тот момент, когда фантастические декларации о завоевании безграничной Вселенной зримо разошлись с действительностью, в которой даже естественное желание встречи с родственниками, живущими за границей, превращалось в мучительный кошмар.

Усилиями партийных идеологов советская космонавтика превратилась в такую же «обманку», что и обещание построить коммунизм в течение двадцати лет. Поэтому Михаилу Горбачеву в мае 1989 года было легко призывать к сокращению расходов на нее в пользу более приземленных программ — он был уверен, что его поймут и поддержат. Поэтому Егору Гайдару осенью 1991 года было легко прекратить госбюджетное финансирование ракетно-космической отрасли — он знал, что за нее никто не заступится. Ибо нельзя вечно обманывать людей, рассказывая им о мнимом превосходстве: когда-нибудь они осознают обман и откажутся признавать даже то, что совсем недавно считалось очевидным.

Был ли выход? Могла ли советская космонавтика преодолеть тупик «карго-культы» и совершить нечто прорывное, вернув гордость и энтузиазм начала 1960-х годов? Увы, но вероятность благоприятного варианта была предельно мала. Единственное, что могло бы помочь космонавтике в то время, — пилотируемая экспедиция на Марс, но столь масштабный проект разваливающаяся экономика, с учетом расходов на оборону и «экспорт революции», не потянула.

Именно тогда народное творчество породило хорошо известную шутку: «Есть два выхода из кризиса: ре-

алистический и фантастический. Реалистический — прилетят инопланетяне и решат все наши проблемы. Фантастический — мы решим проблемы сами». Инопланетяне не прилетели...

Г. Л. Олди

ПРО НАС ПРО ВСЕХ — КАКИЕ, К ЧЕРТУ, ВОЛКИ?!

Если мы изучим ситуацию, сложившуюся на книжном рынке, то увидим, что большой популярностью с недавних пор стала пользоваться так называемая «темная фэнтези» — dark fantasy. Мартин, Аберкромби, Беккер; Кресс, Пекара... Список легко продолжить. Популярность Мартина усиливается снятым сериалом. Хорошо, но чем, собственно, отличается dark fantasy, любимая народом, от фэнтези традиционной? Отличие главным образом кроется в одном: в натурализме. «Темная фэнтези» пользуется литературными приемами даже не реализма — натурализма. Там регулярно и обстоятельно вспарывают друг другу животы, кишки вываливаются наружу, в канаву, вечно идет дождь, герои в грязи и в дерьме, они по сто раз на дню мочатся, справляют большую нужду, пускают ветры... Мы уже не говорим о пытках, столь любимых «инженерами душ человеческих». Пытки описываются смачно, подробно, со всеми неаппетитными деталями. «Белые» персонажи пытаются «черных» с гораздо бóльшим удовольствием, нежели «черные» — «белых».

Итак, зафиксировали: дарк фэнтези на взлете, и характеризуется это направление привлечением элементов натурализма, а не реализма.

Снова посмотрим на отечественный книжный рынок — и увидим, как по востребованности читателем, по темпам продаж и реакции на вышедшие книги, считай, провалилось в тартарары такое направление, как хоррор — литература ужасов. Даже такие мэтры, как Стивен Кинг и Роберт Маккаммон, востребованы, если мерить тиражами, слабо. Продажи плохие — читатель хоррор отторгает. Покупать не хочет, читать не хочет. А если пишет отзывы, то в основном негативные.

Не парадокс ли? В обоих направлениях элементы натурализма — фактор крайне важный, формирующий читательское отношение к книге, но «темная фэнтези» на взлете, а хоррор — на дне пропасти. Как же так?!

Сразу хотим пояснить, что речь идет об общих тенденциях. Да, есть некоторое количество поклонников хоррора, которые с удовольствием покупают Маккаммона или Дашкова. Они хвалят любимые книги на форумах. Точно так же есть читатель, который не любит dark fantasy. Но, как говорится, «в целом по больнице» количество поклонников несопоставимо.

Кстати, постапокалипсис, где тоже присутствуют элементы натурализма — немый товарищ бродит с автоматом по руинам, кишки валяются, вороны трупы клюют, — читателем принимается отлично. А хоррор — вот беда! — не принимается.

Категорически.

Объясняется это неприятие по-разному. Один читатель пишет: «персонажи картонные». Это, значит, у Маккаммона картонные. Другой утверждает: «недостаточное проникновение в психологию». Это, значит, у Кинга или у Роулинг в «Случайной вакансии» недостаточное. Хорошо, давайте анализировать. Каким образом? А очень простым, статистическим. Берем Мартина «Танец с драконами» (в переводе на русский) — и начинаем поверять алгеброй гармонию...

Писатель, используя в своей книге элементы натурализма, расставляет в тексте незаметные для читателя, действующие на подсознание *маркеры*, которые поворачивают восприятие книги в одну или в другую сторону. Речь сейчас идет о талантливых писателях, о бездарностях поговорят без нас. Как эти маркеры делаются? Почему читатель их почти никогда не замечает?

Пример: современный человек обычно живет в окружении хороших или нейтральных запахов. В нашей жизни, как правило, не воняет. У нас есть дезодоранты, у нас есть ванная, кондиционеры и далее по списку. Дурной запах нас раздражает. Теперь возвращаемся к «Танцам с драконами». Берем текст, ставим на поиск слово «вонючка» — двести тридцать раз на текст. Примерно сотня раз — слово «вонь» и его однокоренные братья. А ведь есть еще такие слова, как «смрад», есть эпитеты и художественные образы, описывающие скверный запах... Короче, после тщательного подсчета выясняется, что воняет «в среднем по больнице» на каждой странице, и не один раз. Мартин — умница. Он очень точно вычленил одну из проблем (радостей?) современного читателя и ударил в болевую точку. Читателю всю книгу воняет. И читатель пишет в отзыве: какая реалистическая книга про средневековье!

Это и есть маркер, который профессионал умело расставил по тексту. Читатель маркера не замечает, но реагирует, как собачка Павлова.

Все маркеры натурализма делятся на две принципиально разные категории. В итоге текст работает так или эдак. Первая категория говорит читателю: это ужасно, и с тобой может произойти то же самое. Вторая утверждает: это ужасно, и с тобой этого никогда произойти не может.

Так вот, все литературные, все языковые маркеры dark fantasy четко показывают читателю: с тобой этого никогда произойти не может.

Действие «темной фэнтези» происходит, как правило, в параллельном, перпендикулярном, выдуманном и декорированном под «меч и магию» мире. Натурализм — натурализмом, а декор конкретный: далеко, не здесь, не сейчас. Главное, не со мной. Читатель нутром чувствует: это не про меня, не про моих соседей и друзей. Даже если это историческая фэнтези и берется реальная эпоха — отстранение читателя от текста диктуется всем строем повествования, интонацией, деталями второго и третьего плана.

Часто маркер «этого с тобой произойти не может» выставляется за счет иронии. Постоянная, чуть-чуть кривая ухмылочка рассказчика — она у нас на подкорочке записывается: я слушаю, как мне рассказывают историю. Я вынут из текста. Я вместе с писателем слегка подсмеиваюсь — ну, я же крут? — иронизирую, подхихикиваю над ужасными моментами. Это помогает мне удобнее расположиться в кресле: кровавость через иронию, натурализм через черный скепсис, пытки через сарказм. Это меня, читателя, отодвигает от текста, не дает уйти на глубину: я смотрю из зала на экран. Маркеры дают посыл: эта натуралистическая история, кровавая и ужасная — вымысел, и она с тобой, дорогой читатель, никогда в жизни произойти не может.

Такой метод чудесно работает на популярность книги. Человек хочет и может пощекотать себе нервы вывернутыми кишками, зловонием, предательством, жестокостью, натуралистичностью декораций. Но при этом он хочет — и может, поскольку писатель это стимулирует — отстраниться от натурализма, узнать, что с ним и его близкими рассказанная история никак не ассоци-

ируется, что такого ужаса у нас нет и в принципе быть не может.

Маркеры хоррора — или литературы, близкой к хоррору, — принципиально иные. Они все время дают читателю посыл: это произошло с героями, но может произойти с тобой или с твоей семьей в любое время. Читаем Кинга: бешеная собака Куджо, она может кинуться на тебя. Мизери — ты, дружок, можешь попасть в руки психопатки. «Психо» Блоха, «Жизнь мальчишки» Маккаммона — все средства художественной выразительности заточены под месседж: это может произойти с тобой.

Снеговик может прийти за тобой.

Лексикон современный — так говоришь ты, а если не ты, то сосед. Место действия — узнаваемое. Оно узнаваемое даже для россиян или украинцев, хотя никто из нас не жил в маленьком городке штата Мэн. Но мы верим, что в маленьком городке штата Мэн все именно так и происходит. Это зримо, натуралистично, подробно описано. Теоретически мы можем туда приехать как туристы и вляпаться в скверную ситуацию. Не надо даже ехать. Мы читаем про маленький городок в «Случайной вакансии» Роулинг и прекрасно понимаем, что в Харькове — все то же самое, с поправкой на мелочи.

Не следует сводить все маркеры к тому, что действие dark fantasy происходит в средневековье — значит, это далеко от меня, а хоррор творится в современном городе — значит, это близко ко мне. Маркеры — это выразительные средства языка. Мы на осознанном уровне даже не замечаем, как писатель нам сообщает: может это произойти с тобой или не может. Что мы понимаем под языковыми маркерами? Допустим, персонажу вспороли живот, у него выпали кишки. Обычное дело для подобной литературы. Но как только добавляется уточнение типа «глянцево блестя» — это может произойти

с тобой. Двумя словами вбрасывается маркер, мелкими деталями — тем, что мы с вами видели, слышали, нюхали, трогали. Хорошо, рыбу чистили? Стоит описать человеческие потроха, отметив ряд пустяков, знакомых нам по рыбе...

У Джо Хилла в «Рогах» есть мелкий проходной эпизод, когда персонаж в сильном опьянении не понимает, куда он попал. Он пытается, сидя в автомобиле, опереться, подняться — и чувствует нечто скользкое под руками. Потом оказывается, что это чужие мозги, оставшиеся на камне, которым голову проломили. Нам дают тактильное ощущение, знакомое каждому, — и нас передергивает: знаем, помним! Мы это испытывали, пусть и не с мозгами. Скользкое, живое, я передернулся... Отсюда шаг до понимания: это может случиться со мной. Маркер строится на знакомых ощущениях, рождая доверие к автору — ты попадаешь на место героя, ты ощущаешь то, что почувствовал герой.

Маркеры такого типа рождают сопереживание.

В большинстве книг *dark fantasy* (а также городской фэнтези, которая популярна не менее) стоят иные текстовые маркеры: это сказка. Их наличие — не плюс и не минус. Просто история подается под литературным, языковым соусом: я-читатель могу в это играть. Могу и сериальчик посмотреть. Аналогичная ситуация сложилась в постапокалиптической фантастике. Читателю в тексте светят ясные маяки: это происходит как бы с тобой, но на самом деле не с тобой. Мы-то, брат, сечем фишку, мы все понимаем...

Приключения в мрачных, щекочущих нервы декорациях.

Хотелось бы еще раз повторить: наличие языковых маркеров — это не значит, что если действие происходит в Москве, то оно может произойти со мной, а если происходит в королевстве Данглон, то со мной такого

произойти не может. Маркеры расставляются не на таком примитивном уровне. История может быть рассказана про Москву, и читатель никогда не поверит, что это может случиться с его мамой. С другой стороны, читателя может трясти от ужаса, когда он читает историю про далекое королевство. Почему? За костюмированным спектаклем он отчетливо видит себя и свою семью.

Современный читатель фантастики сильно изменился. Он хочет крови. Он хочет натурализма. Натурализма должно быть много — постапокалипсис, дарк фэнтези. Как наркоман, читатель требует натурализма все больше и больше. Но он хочет такого натурализма, который лично его не трогает и не затрагивает. Мучения героев, ужасные ситуации, отвратительная погода, грязь, кровь — это все, господа писатели, я желаю наблюдать со стороны, сидя в уютном кресле с баночкой пива. Я даже могу немножко посопереживать герою, чуточку посочувствовать — запросто, если немного! Но читатель все равно не ассоциирует этот натурализм лично с собой. А когда писатель говорит ему, что это может произойти с тобой, читатель книгу отталкивает — двумя руками, как испуганный ребенок, находя кучу аргументов. Все идет в ход в форумных отзывах: и персонажи не прописаны, и психология лжет, и финал «слит».

Вот ведь как забавно! Если вспомнить читателя прошлых лет — допустим, того периода, когда мы росли на Стругацких; условно говоря, лет тридцать назад — тогда было активно востребовано другое видение текста. Мы хотели «за текстом» видеть свою собственную реальность. Читая «Сказку о Тройке», мы видели совсем не сказку. Читая «Понедельник начинается в субботу», мы видели институты, в которых работали и учились. Читая «Трудно быть богом», мы видели не средневековые на далекой планете Арканар. «Про нас про всех — ка-

кие, к черту, волки?!» — как пел Высоцкий. Фраза «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные» имела совершенно конкретное значение. И говорила она не про Арканар.

Хотите пример из зарубежья? Читая Шекли «Билет на планету Транай», мы видели — и до сих пор видим! — себя и окружающий нас мир, а не приключения в дальнем космосе.

В итоге читателя, который хочет читать «про себя», из нынешней фантастики выгнали. Выплеснули валом чистого, как спирт, развлечения. Этот читатель ушел в другую область литературы. Он по-прежнему с удовольствием читает фантастику, но фантастику Рубиной, Крусанова, Липскерова, Пелевина, Елизарова. Он читает про себя, и с огромным удовольствием. А в фантастику, которая «про волков», пришел читатель, который про себя ничего слышать не хочет. Он радостно сидит на форумах и пишет отзывы. Книги он оценивает свысока: тон, манера, общение через губу. Если его заставить читать про себя, он громко ругается.

Недавно одна талантливая коллега-литератор сказала нам: «Нынешний читатель, которому двадцать пять лет, по сравнению с вами, людьми в возрасте, живет в такой опасной, в такой трудной жизни...» Мы удивились: минуточку, но мы же, слава Богу, лихие девяностые пережили. Откуда у молодого читателя сейчас такие страшные опасности в его жизни? «Как же! — ответила коллега. — Его же уволить могут!..»

Работая над романом «Циклоп», мы проверили эту догадку на практике. По всей кажущейся «темной фэнтези» мы расставили маркеры хоррора: это может произойти с тобой. Несмотря на магов и Ушедших, кристаллы и башни, подземелья и лабиринты, чудовищ и рыцарей — стилистика, манера повествования, ряд бытовых деталей строился на приемах хоррора, а

не dark fantasy. И что вы думаете?! Дружный хор любителей Мартина, Аберкромби и Кресса обвинил нас в чрезмерном натурализме! «Это же очень грязно! — воскликнули они. — Это жутко и противно!» Обратите внимание на слово «противно» — оно встречалось частенько. А почему? Потому что язык книги говорил на втором плане: братцы-сестрицы, это может произойти с вами.

Реакция последовала мгновенно — отторжение.

Такие маркеры пробивают через всю бронированную оболочку фэнтези. Не наш мир, раннее средневековье, темные века, магия — в принципе, была создана вся за веса, которая на сознательном уровне отделяет читателя от происходящего в книге. Читатель видит, понимает, что действие происходит не у нас, это выдумка, еще и местами стилизованная под Говарда, — и тем не менее...

Любое обобщение грешит максимализмом. Но повторимся: нынешний читатель фантастики в массе своей принципиально не хочет читать про себя. Это гробит фантастическую литературу в десять раз быстрее и надежней, чем политика издателя, «проектность» и «формат». Читатель про себя читать не хочет. Писатель, чуя социальный заказ, соглашается: не надо, дружок! Я напишу не про тебя! Ужасное, но не про тебя! Кровавое, но про других!

В какой-то мере это результат потребительского индивидуализма: читатель заплатил за книгу деньги и требует от писателя: «Сделайте мне кроваво, но приятно и безопасно!» Хочу, значит, насладиться ужасом с безопасного расстояния. И чтобы оно до меня не долетело даже на уровне сопереживания.

Книга не должна ассоциироваться с конкретикой жизни читателя, с его личным опытом. Современный город или средневековый город — главное, чтобы читатель себя с этим городом не ассоциировал напря-

мую. Было поколение, которое при самом эзоповом языке хотело видеть в книге себя и свою жизнь. Было поколение, которое свою жизнь уже видеть не хотело, но еще желало себя отождествлять с героем, Конаном-варваром или Анжеликой, маркизой ангелов. И пришел читатель, который вообще не хочет отождествлять себя с героем или с происходящим. Он хочет зрелища. Зрелище — это когда я в зале, а персонажи на сцене, и между нами оркестровая яма с рампой. И, заметьте, этот читатель требует зрелищ все более и более кровавых.

Древний Рим. Львы рвут рабов.

Ближайший аналог — компьютерные игры: 3D-шутеры, 3D-экшны. Все прекрасно помнят старенького «Вольфа». Потом явился первый и второй «DOOM», «Хексен», «Еретик», «Dark Forces»... По мере развития технологий игры становились все более реалистичными. И, самое главное, прибавилось крови, кишок и мозгов, которые летят из монстров и врагов, когда ты в них стреляешь, режешь их и бьешь. Мозги разлетаются по стенкам, кровь оставляет пятна, всюду валяются оторванные руки-ноги. Это кого-то оттолкнуло? — ничего подобного. Наоборот: ух ты, какая реалистичная игра! Где бы ни происходила эта игра, игрок не верит, что вся эта дрянь может вылезти из компьютера, что нечто аналогичное побоищам произойдет с ним или на соседней улице. Такой вот удивительный реализм. Есть редкие исключения, в частности, игра «Черная метка» по повести Андрея Дашкова, где действие происходит в реальных декорациях Москвы, с хорошей графикой и геймплеем. Она не пошла, потому что игрокам, судя по ряду комментариев, было страшновато: это моя Москва, а тут бегают маньяки с топорами!

Страшно! Это может произойти со мной!

Вот вам и маркер.

Читатель привык ужасные новости — речь о нашей с вами реальности — воспринимать из компьютера. Его пугают, а он не боится, потому что не соперничает. Про грядущий апокалипсис сообщают восемь раз на дню. Про кишки на эстакаде — с утра до вечера. Прогноз погоды: метеоритный дождь, столкновение с астероидом... В итоге читатель утрачивает восприимчивость — не к ужасам, к соперничанию. Он хочет ужасов, но ужасов сказочных, от которых его душа отстранена.

Как предположение: сейчас на взлете атомизация, дискретизация людей. Большая часть общения вынесена в Интернет. Экран, который тебя отделяет от собеседника, тоже частично гасит способность к соперничанию. А вместе с ней гасится и само желание соперничать. Соответственно, требуется литература, которая не заставит соперничать: если я захочу, я на три копейки сам попереживаю, вы меня не напрягайте только.

Кстати, сейчас в нашей фантастике практически нет даже не утопий, но футуристических романов с плюс-минус приличными прогнозами на будущее. Есть «звездные войны», где в космосе «гасят» пришельцев или сепаратистов. Мы же говорим о социальных прогнозах с позитивным вектором, даже если они облечены в форму боевика. Таких книг, считай, нет. Либо в будущее переносится слегка измененное современное мироустройство с поправкой на гаджеты и биотехнологии, либо моделируются структуры из прошлого: феодализм, «дикий» капитализм, рабовладение. Люди — и читатели, и писатели — боятся примеривать на себя будущее, если оно не понарошку, а взаправду!

Парадокс: читать об ужасном будущем, видя между строк, что это выдумка для моего развлечения, мы согласны, но читать о будущем, которое при всей своей сложности и противоречивости может реально ждать нас в завтрашнем дне, мы боимся.

ЮЛИЯ ГАЛАНИНА

АНАТОМИЯ БЕСТСЕЛЛЕРА

Почему «Сумерки» – явление природное, «Код да Винчи» – механический конструкт, а Борис Невский, мягко говоря, неправ, рассуждая на страницах МФ о положении дел в Yong Adult

Печатная, полная версия доклада, сделанного на седьмом крымском открытом фестивале фантастики «Созвездие Аю-Даг», состоявшемся в пансионате «Айвазовское», пгт. Партенит, 24–27 октября 2013 года.

Пишу я лучше, чем говорю. И временные рамки меня не сдерживают. Поэтому доклад в письменном виде будет куда обширнее, чем в устном.

Самая интересная и завлекательная часть заголовка, конечно же, третья, поэтому она, собственно говоря, в заголовок и вынесена, но речь о ней пойдет не сразу.

Потому что если мы рассуждаем об анатомии бестселлера, то неплохо бы для начала определиться, что в рамках данного рассуждения «бестселлер», а что нет.

Для меня на шкале литературных произведений есть два условных полюса. С одной стороны, это «бестселлер» — то есть книга, так или иначе зацепившая максимально широкую читательскую аудиторию, и «культовое произведение» — читательская аудитория которого может быть совсем небольшой, но зато оно, что называется, полностью попадает в цель.

Для меня образцом «культового произведения» является нежно мною любимый роман Александра Зорича «Карл, герцог». Я там получаю удовольствие от каждого

предложения. Но все мои попытки осчастливить им кого-нибудь другого заканчивались практически одинаково — прочитав немного, человек бросал книгу и в ужасе убегал куда глаза глядят. Разделить мое удовольствие смогли немногие.

А я ничего понять не могла — ну вот же настоящее, мощное, масштабное, захватывающее произведение. Взрослое, если уж мы ведем счет без скидок и все из себя такие крутые. *«В глазах Гвискара — две маленькие воронки, как два зародыша тайфуна. Глаза Гибор — две луны, ставшие черными».*

И вдруг из сбивчивых комментариев я узнаю, что люди не любят «эту жесткость, эти извращения, эти убийства, всю эту гадость» и т. д., и т. п. Так я вроде бы тоже этого не люблю. Но с учетом открывшихся обстоятельств вдруг понимаю, что когда буквально на странице четырнадцать массовый читатель наталкивается на:

«Конь его был бел, попона черна, в переметной суме, окрашенной темным багрянцем заскорузлой крови, безмолвствовали четыре головы.

Жаркое солнечное сияние, роца затоплена золотым золотом света, зеленым золотом смоковниц. Магома из рода Зергесов, аль-кайг Велеса Красного, видит христианку.

Почуяв сытный дух, исходящий от христианки, чье терпкое имя — Гибор — холодным ручьем оmyвает ее мраморные щиколотки, Джибрил рвет тонкую цепь, которой глина двадцать локтей, которой конец у сегла Магомы.

Джибрил — пес с магнетическим взглядом, под которым издыхают серны и млеют жены Абенсеррахов, его не остановить, Магома молчит, наблюдая пятнистый лет пса сквозь тени смоковничной роци.

Джибрил опрокинул христианку и собрался восторжествовать над нею.

Языками черного пламени полыхнули освобожденные волосы Гибор, заколка впилась в магнетический глаз, острое, предваренное спорой струйкой крови, выскользнуло из затылка умерщвленного пса.

В горячем воздухе обмякшее тело пса напрягает тонкую цепь, которой конец в руке Гибор, поднявшейся, простоволосой.

Магома любит отроков, чьи зады как зеленые гыньки, Магома любит свою симитарру, чей изгиб как лебединая шея. Христианка ни в чем не отрок, христианка во всем симитарра. Магома, лихо подцепив острием пики красноутробную смокву, галантно преподносит ее христианке.

Гибор нуждается в подношении.

— Я хотела набрать смокв, но твой пес помешал мне. Как его звали?

Половина плода исчезает, откушенная.

— Джибрил, — Магома спрыгнул на землю и протянул руку к цепи, на которой продолжает висеть пес. Когда его пальцы близки к цепи, Гибор равнодушно выпускает добычу, и мертвый Джибрил падает на землю, а по нему со звоном струятся блестящие звенья цепи, платье струится по плечам и бедрам Гибор.

— Никто не мог убить его, — говорит Магома, а рука, мгновенно назад потянувшаяся к цепи, не имеет обратного хода, и лагонь покрывает багровый сосок Гибор.

— Правую, лучше правую, — шепчет она, подступая.

Так вот, массовый читатель, дочитав отрывок хотя бы до строки: «Головорез, аристократ и многоженец Мусса Абенсеррах затворил за собой дощатые ворота госпиталя», — чувствует себя крайне неудобно. Насладиться тем, как красиво показано взаимодействие разных культур, и как здорово это все вплетено в ткань романа, и какой классный юмор у авторов, он не может по той простой причине, что ничего не знает о реальной исто-

рии человечества, о разнице культурных стереотипов, о том сложном коктейле, что собой представляла Европа в пятнадцатом веке. А дальше — больше, Зорич — о ужас! — нагло использует современные слова в историческом тексте. Специально! Будто не знает, что в правильном историческом романе правильный автор обязан использовать слова, кажущиеся читателю старинными. А еще доцент называется! (Доценты.) И опять же, никакого снисхождения к читателю, что хочет, то и делает.

По этой причине «Карл, герцог» для меня — культовая книга, доступная не для всех. Это не хорошо и не плохо.

На другом конце полюса — бестселлеры. Зачастую не блестящие ни оригинальными идеями, ни изысканным языком, ни изощренным сюжетом — однако заинтересовавшие широкую аудиторию.

И прежде чем перейти к книгам, вынесенным в заголовок, есть смысл поговорить об общей анатомии бестселлера.

Люди все разные, вкусы — тоже. Образование, профессия, место проживания — все накладывает на нас свой отпечаток. Опять же, мальчики отличаются от девочек. «Совы» от «жаворонков». Курящие от некурящих. Всеядные от вегетарианцев. И т.д. практически до бесконечности.

Поэтому в книжном маркетинге существует хорошо всем собравшимся в Партените известное понятие «целевая аудитория». Даже самую великолепную книгу о танках сложно продать любителям клематисов. ЦА разные.

Но вот появляется бестселлер — книга с чрезвычайно широкой целевой аудиторией, то есть интересная очень разным людям. (Мы оставим в стороне вопрос о том, что волшебным образом большинство бестселлеров мирового уровня возникают в англоязычном мире, хотя не менее достойные книги, скажем, Новой Гвинеи известны меньше.)

В данном случае мы просто согласимся с фактом, что в категорию мировых бестселлеров входят в том числе сага «Сумерки» Стефании Майер и «Код да Винчи» Дэна Брауна.

Чем цепляет широкую аудиторию бестселлер?

На чем он играет?

Наверное, на том, что общее у всех людей.

А общее у всех людей при совершенно разном сознании то, что лежит глубже, — наше подсознание.

И здесь очень удобно пользоваться книгой Андрея Курпатова «С неврозом по жизни». Особенно нам, домохозяйкам. Доктор Курпатов говорит, что подсознание как единый базовый инстинкт самосохранения раскладывается в триаду:

инстинкт самосохранения,

инстинкт самосохранения группы,

инстинкт самосохранения вида.

То есть — выживание.

Цитирую: *«Конечно, мы не звери, но в основе, в сердцевине нашего существа лежат все те же инстинкты. Каждым из нас подсознательно владеет страх смерти, желание власти и сексуальное вожделение — проявления трех ипостасей целостного инстинкта самосохранения! Вот так все незамысловато...»*

Страх. Власть. Любовь.

А поскольку мы имеем дело с единым инстинктом самосохранения, эти три составляющие очень тесно и причудливо переплетены, обеспечивая работой как модных психотерапевтов, так и судебных психиатров.

И произведения с широкой целевой аудиторией всегда обращаются не столько к сознанию, сколько к подсознанию своих читателей. Поэтому очень интересно посмотреть на два разных подхода, положенных в основу книг, ставших мировыми бестселлерами.

И начнем мы с «Кода да Винчи» Дэна Брауна, обозванного механическим конструктором. Хотя бы потому, что в моем личном рейтинге «Сумерки» стоят выше.

Сразу скажу, что я понятия не имею, имеют ли оба текста литературные достоинства. Так удачно получилось, я не знаю, что такое «Настоящая Литература» и каковы ее критерии.

Я знаю другое. Не богатый язык, не полное погружение в материал делают книгу бестселлером. Более того, мне известна одна тайна: когда на просторах Интернета в обсуждении какой-нибудь книги звучит убийственная фраза: «Да он же пишет с ошибками, у него герой берет меч своей рукой, словно можно чужой, и т.д.», после которой автору полагается убить себя об стену, так вот, я-то знаю, что этот упрек из разряда несущественных.

Человек может знать все правила русского языка и писать прекрасные отчеты самым изысканным слогом — но это не значит, что он в состоянии сделать хоть сколько-нибудь читабельную книгу.

Это всего лишь малая часть знаний и умений, да к тому же отнюдь не самая важная. Более того, если человек пишет с ошибками, характерными для его среды, — то попадание его текста в свою целевую аудиторию будет значительно точнее, и любить его книги будут в том числе еще и за его ошибки, такие родные, такие нашенькие. А отнюдь не за то, что он блистательно согласовывает прилагательные с существительным в роде и числе.

Для широкой публики не это составляет основу интереса к книге. Там, в этой основе, лежат значительно более грубые вещи. Каркас — если мы говорим о технике, об архитектуре. Скелет — если речь ведем о живом мире.

Из чего складывается этот скелет, тоже известно с незапамятных времен. А сейчас даже разложено по полочкам людьми, которые, в отличие от писателей, есть

почему-то хотят регулярно и не очень полагаются на чистое вдохновение, предпочитая базировать его на отработанных, проверенных, надежных вещах.

Я говорю, конечно же, о сценаристах.

Область, в которой работает сценарист, называют драматургией. Его задача — сделать костяк захватывающей зрителя истории.

Грамотная работа сценариста видна, например, в случае, когда идешь мимо телевизора с его 538-й серией чего-либо искренне тобой ненавидимого — и вдруг, на полпути к кухне, встаешь столбом и пялишься в экран, хотя прекрасно знаешь, что те поженятся, а этого укокошат, точнее, укокошат, но не сейчас, потому что им еще триста серий тянуть. Сейчас он через пару серий оклемается, и полсезона все друзья и знакомые будут навещать его в больнице и пересказывать по очереди содержание предыдущих серий. Стоишь и смотришь — потому что тебя поймали на «крючок», есть такой сценарный термин. И ничего зазорного тут нет — крючки эти выкованы давным-давно и опробованы на миллионах.

Но поймать-то мало — надо же еще и удержать. И тут тоже наработан богатый арсенал приемов. (А люди все равно срываются с этих крючков, что отрадно.)

Отнюдь не факт, что человек, съевший собаку на сценариях, подарит миру бестселлер, но на первых порах базовые позиции у него крепче, чем, например, у пошедшего в литераторы бухгалтеря.

Но в бестселлере, с моей точки зрения, есть величина, отличающая его от обычной книги. Это — повышенное напряжение. То, что привлекает наше внимание, заставляет сопереживать герою и не отпускает нас до самого финала.

А повышенное напряжение образуется разностью потенциалов.

На одном конце Средиземья утопает в цветах нора почтенного хоббита, а на другом — посреди выжжен-

ной пустыни возвышается огненная Роковая Гора. А между ними, на пути от Шира в Мордор, лежит судьба всего Средиземья.

С одной стороны у нас Мальчик, Который Выжил, квартирующий под лестницей у злых родственников, а с другой — Сами Знаете Кто, потерявший человеческий облик в борьбе за власть над всем миром.

И здесь есть вот такая особенность: принято ситуацию, когда обычный человек борется с Черным Властелином, называть литературным штампом. Вот, дескать, собрал автор штампы и склеил быстренько ширпотребчик.

Я бы не стала говорить сейчас о штампе: здесь, как мне кажется, мы имеем дело с двумя полюсами, с плюсом и минусом, между которыми должен пройти ток. Потому что мало просто взять и отправить парня с нашего двора биться с Черным Властелином — нужно еще создать напряжение соответствующей мощности. Это можно делать интуитивно, а можно — опираясь на знания.

Но именно умение организовать напряжение в тексте относится к числу важнейших умений автора популярных, так сказать, книг.

И в «Коде да Винчи» очень чувствуется, что Дэн Браун основы сценарного искусства знает. Книга очень кинематографична. Напряжение в ней задается расстановкой сил с первых же страниц.

В «Коде да Винчи» Дэн Браун пользуется той же базовой схемой, что и в более раннем своем романе «Цифровая крепость». И, читая «Код...», очень интересно, в том числе, наблюдать, как он переключает напряжение, переводит внимание читателя в разных главах — словно ручками тумблера щелкает. Почему и отнесен к механическим конструктам. Но, в отличие от «Цифровой крепости», где он схему только обкатывал, в «Коде да Винчи» Дэн Браун уже по наработанной канве плетет более затейливые узоры.

И там, в книге, присутствует очень важный, как я считаю, элемент: невозможно написать бестселлер из-под палки, автору должен нравиться сам процесс, он должен получать плохо скрываемое удовольствие от игры, которую затеял.

И это удовольствие в «Коде да Винчи» есть. Авторский кураж там чувствуется — а это всегда идет на пользу тексту.

В интернет-магазине «Лабиринт» лежит исчерпывающий читательский отзыв на «Код да Винчи»: тайны, загадки, убийства, любовь.

И мы видим всю триаду, о которой говорили выше:

— любовь, — это инстинкт выживания рода,

— убийство — страх смерти — инстинкт выживания индивидуума,

— ну а тайна — тайная власть — самая захватывающая из разновидностей власти, то есть стремление к лидерству, инстинкт выживания группы.

Так что весь базовый набор во всей красе с доминированием связки Смерть-Власть. Именно эта связка в романе обеспечивает львиную долю напряжения.

Ну а теперь надо сказать о том, почему я невысоко ценю «Код да Винчи» в отличие от «Карла, герцога».

Во всем, что касается истории, лингвистики, того же шифровального дела — творческий подход Дэна Брауна имеет огромную приставку «ПСЕВДО».

А «псевдо...» — это когда вам с важным — обязательно с важным видом несут всякую наукообразную чушь. (И, отходя немного в сторону от темы, хочу заметить, что это вообще универсальный маркер. Весь опыт моей жизни подсказывает, что человек, который реально что-то собой представляет, в личном общении прост. Ему чваниться незачем, его жизнь и без этого полна и интересна. А вот если человек несет себя по жизни с апломбом, шествует как памятник самому себе, на каждом шагу подчеркивая свою значимость, — это пустыш-

ка, чьи амбиции значительно превышают рабочие качества, и нельзя подпускать его к себе ближе, чем на пушечный выстрел, ибо люди для него всего лишь постамент для собственного тщеславия. А это невыигрышная жизненная позиция, она дает бонусы лишь на первых шагах, но потом очень забавно смотреть на печальные итоги такой унылой стратегии.)

Любой человек, немного занимающийся историей, понимает, какое количество разнообразных материалов, накопленных человечеством, попадает в его руки. По сути, он получает доступ в сокровищницу. Ведь ни один придуманный сюжет по сложности и непредсказуемости не сравнится с жизнью реальных людей. Из этого источника черпают и черпают поколения писателей — а он по-прежнему неиссякаем.

А у истории есть одно свойство: при желании можно найти подтверждение любой, самой бредовой идее. Особенно если подойти к делу творчески и, главное, не критически. Стоит копнуть любую тему — и доказательства на ищущего посыплются как из рога изобилия. Да так, что пытливый ум потом и сам уверует в собственные фантазии. Механизм этого процесса очень хорошо показан в «Маятнике Фуко» Умберто Эко.

То есть, если автор задумал книгу, опираясь на богатую историю человечества, ему есть из чего выбирать. Ему открыт огромный кредит, он может распоряжаться такими сокровищами, что дух захватывает. Особенно в художественном произведении, где для воображения нет границ.

И здесь ждешь, раз уж человек добровольно полез на эту колокольню, что громкие заявления в начале будут подтверждены славными делами в конце.

А Дэн Браун в «Коде да Винчи» постоянно сливает темы, все его тайны оборачиваются громким пшиком.

Вот громко заявляется, что четыре сундука таинственных документов о подлинной истории Христа, включая черновики его проповедей, дневники Марии Магдалины и прочие вкусности, укрытые от алчных лап Ватикана, ждут героев книги. Начинаешь надеяться, что теперь мы об этих документах узнаем побольше, и для начала хотя бы элементарное: на каком писчем материале они сделаны. Не тут-то было.

Вот содрали покровы с грязных дел Церкви, и теперь, казалось бы, после всех уверений автора, обновленное христианство разольется по всему миру. Как же. В финале все сворачивается обратно, с чего начинали, тем и закончили. Дескать, умным все ясно, смотрите мультики Диснея, который тоже представитель Тайного Братства, как и Леонардо. Получается замах на рубль, удар на копейку.

А уж какого качества и глубины там знания автора, очень выразительно иллюстрирует вот такой маленький эпизод:

В самом начале книги Дэн Браун задает расстановку сил. Прямо в прологе рассказывает нам, кто хороший, кто плохой. И подчеркивает, что все это реальность, а не выдумки:

Дэн Браун. Код да Винчи, изд. АСТ, 2012 г. (мягкая обложка)

Начало:

Факты:

Приорат Сиона — тайное европейское общество, основанное в 1099 году, реальная организация. И т. д.

Личная прелатура Ватикана, известная как «Опус Деи», является католической сектой, исповедующей глубокую набожность. И т. д.

В книге представлены точные описания произведений искусства, архитектуры, документов и тайных ритуалов.

Затем мы знакомимся с главным героем. Дело ведет Роберт Лэнгдон, профессор религиозной символики Гарвардского университета. (Сама эта экзотическая специальность уже вызывает улыбку, но тем не менее понятно, что перед нами знаток аллюзий, метафор, древних текстов и прочего добра.)

Вот в Лувре убит человек, оставивший Лэнгдону жуткое предсмертное послание. Начинается охота на Лэнгдона и очаровательную Софию, внучку погибшего. Бегство героев удачно перемежается поучительными лекциями профессора, поскольку ему есть что порассказать Софии.

Вот к ним примыкает эксцентричный меценат, буквально чудом вывозит их из Франции. Втроем они наконец-то вскрывают Тайное Послание Древних, из-за которого жизнь их висит на волоске.

Стр. 358. ...Взял авторучку и ее кончиком осторожно вытолкнул инкрустированную розу из углубления, под ней открылся текст. *Под Розой*, подумал он с надеждой, что свежий взгляд на текст внесет какую-то ясность. Но текст по-прежнему выглядел странно.

Лэнгдон рассматривал строчки несколько секунд, и к нему вернулась растерянность, охватившая его, когда он впервые увидел эту загадочную надпись:

— Никак не пойму, Лью, что за тарабарщина такая?

Со своего места Софи еще не видела текста, но неспособность Лэнгдона определить, что это за язык, уди-

вила ее. *Неужели мой дед говорил на столь непонятном языке, что даже специалист по символам не может определить его принадлежность?* Но она быстро поняла, что ничего удивительного в том нет. Это был не первый секрет, который Жак Соньер хранил в тайне от внучки.

Сидевший напротив Софи Лью Тибинг, дрожа от нетерпения, пытался заглянуть через плечо Лэнгдону, который склонился над шкатулкой.

— Не знаю, — тихо пробормотал Лэнгдон. — Сначала мне показалось, это семитский язык, но теперь не уверен. Ведь самые ранние семитские языки использовали неkkудот. А здесь ничего подобного не наблюдается.

— Возможно, он еще более древний, — предположил Тибинг.

— А что такое неkkудот? — спросила Софи.

Не отводя глаз от шкатулки, Тибинг ответил:

— В большинстве современных семитских алфавитов отсутствуют гласные, вместо них используется неkkудот. Это такие крохотные точки и черточки, которые пишут под согласными или внутри их, чтобы показать, что они сопровождаются гласной. В чисто историческом плане неkkудот — относительно современное дополнение к языку.

Лэнгдон по-прежнему сидел, склонившись над текстом.

— Может, сефардическая транслитерация?

Тибинг был не в состоянии больше ждать.

— Возможно, если вы позволите мне... — И с этими словами он ухватил шкатулку и придвинул к себе. Без сомнения, Лэнгдон хорошо знаком с такими древними языками, как греческий, латынь, языки романо-германской группы, однако и беглого взгляда на текст Ти-

бингу было достаточно, чтобы понять: *этот* язык куда более редкий и древний. Возможно, курсив Раши или еврейское письмо с коронками.

Красиво сказано. С одной стороны, какой полет лингвистической мысли. Древнееврейские языки, семитские алфавиты, романо-германская группа. Поневоле заворачивает. С другой стороны, читатель, как-то слабо разбирающийся в сефардических транслитерациях, начинает опасаться, что дальше в романе ему придется пялиться в текст, написанный еврейским письмом с коронками, и он, читатель, в отличие от умного профессора Лэнгдона, ничего не поймет.

А исследование, между тем, продолжается:

Стр. 363—364

...Не успел Лэнгдон задуматься о том, что за тайна спрятана в этом тексте, как почувствовал, что его больше занимает другое. Размер, которым написан этот короткий стих. *Пятистопный ямб. Почти правильный.*

За долгие годы исследований, связанных с историей тайных обществ Европы, Лэнгдон неоднократно встречался с этим размером, последний раз — в прошлом году, в секретных архивах Ватикана. На протяжении веков этому стихотворному размеру отдавали предпочтение поэты всего мира — от древнегреческого писателя Архилоха до Шекспира, Мильтона, Чосера и Вольтера. (И Паниковского! — добавим от себя. — Ю. Г.) Все они предпочитали именно этот размер, который, как считалось, обладал особыми мистическими свойствами. Корни пятистопного ямба уходили в самую глубину языческих верований.

Ямб. Двусложный стих с чередованием ударений в слогах. Ударный, безударный. Инь и Ян. Хорошо сбалан-

сированная пара. Пятистопный стих. Заветное число «пять» — пентакл Венеры и священного женского начала.

— Это пентаметр! — выпалил Тибинг и обернулся к Лэнгдону. — И стихи написаны по-английски!

И читатель облегченно переводит дух: как все удачно складывается, курсив Раши, мозги ломая, изучать не придется. Просто чудо, что в книге, написанной для англоязычного читателя, Тайный Секретный Текст Древнего Тайного Ордена, возникшего в Палестине, написан по-английски. Как все завертелось вначале с этими непонятностями — и как мило и изысканно все разрешилось в конце.

Но вернемся к апофеозу этого захватывающего кусочка:

— Это пентаметр! — выпалил Тибинг и обернулся к Лэнгдону. — И стихи написаны по-английски! La lingua riga.

Лэнгдон кивнул. Приорат, подобно многим другим тайным европейским обществам, не слишком ладившим с Церковью, на протяжении веков считал английский единственным «чистым» европейским языком. В отличие от французского, испанского и итальянского, уходивших корнями в латынь, «язык Ватикана», **английский в чисто лингвистическом смысле!** был независим от пропагандистской машины Рима. А потому стал священным тайным языком для тех членов братства, которые были достаточно прилежны, чтобы выучить его.

Разумеется, такие языки, как немецкий, датский, шведский, ирландский, исландский и т.д., европейскими языками по мысли Дэна Брауна считаться не могут. Пускай.

Главное, что мы поняли идею автора: чтобы обезопасить себя от влияния грязного французского языка, подвергнувшегося обработке пропагандистской машиной Рима, преследующей свои цели и стремящейся контролировать европейский мир, члены древнего общества, именуемого Приорат Сиона, решили пользоваться независимым источником, поэтому тайным языком их братства стал язык чистый — английский. Логично.

Но давайте посмотрим, как обстоит дело с чистотой английского языка именно с лингвистической точки зрения, на которую так нападает автор «Кода да Винчи». И неоценимую помощь в этом окажет лекция об исторической лингвистике, прочитанная Андреем Анатольевичем Зализняком старшеклассникам 12 декабря 2008 года в школе Муми-тролль. Лекция выложена в Интернете на сайте

<http://elementy.ru/lib/430714>

Я не буду приводить ее полностью, хотя стоило бы. Это замечательная лекция! Но здесь мы ограничимся кусочками, относящимися непосредственно к нашей теме. Вот что рассказывает профессиональный лингвист об истории развития языков:

...Например, хорошо известно, что романские языки: французский, итальянский, испанский, румынский — происходят от латыни. Это такой факт, который, думаю, общеизвестен. Для них для всех сохраняется довольно большое количество письменных памятников, так что можно, начиная примерно с III в. до н. э. и даже немножко раньше, читать подряд тексты вплоть до нашего времени. Сначала это будут латинские тексты, потом позднелатинские, потом, например, раннефранцузские, потом среднефранцузские,

потом нынешние французские. Таким образом, получится ровный ряд, где вы увидите непрерывное изменение языка. Современный француз, конечно, может читать тексты двухсотлетней давности, может с некоторым трудом читать тексты четырехсотлетней давности. Но уже для того, чтобы читать тексты тысячелетней давности, ему потребуется специальное обучение. А если еще глубже взять — дойти до латыни, то это для француза будет просто иностранный язык, в котором он ничего понять не сможет, пока специально его не изучит. Так что совершенно очевидно, что на протяжении какого-то числа веков язык может измениться до того, что вы уже решительно ничего не будете из него понимать.

Разные языки изменяются с разной скоростью. Это зависит от многих причин, они еще не все хорошо исследованы. Но одна, по крайней мере, причина лингвистам довольно известна, хотя ясно, что она не единственная. Она состоит в том, что медленно развиваются языки, которые живут в изоляции. Так, Исландия — остров, и исландский язык — один из самых медленно развивающихся из известных нам. Или, скажем, литовцы долгое время жили за непроходимыми лесами, отделенные этими лесами от окружающих народов. И литовский язык — тоже очень медленно развивающийся. Арабский язык долгое время находился в пустыне, отделенный от остального мира непроходимыми песками. И пока он не стал почти всемирным, он развивался очень медленно.

Напротив, языки, которые находятся в контакте друг с другом, развиваются гораздо быстрее. Языки с наиболее быстрым ритмом развития находятся на перекрестках мировых цивилизаций.

Но есть, конечно, и другие причины; лингвисты не все знают. Они далеко не все еще исследованы. Скажем, русский язык, вообще говоря, относится к срав-

нительно медленно развивающимся языкам. Разница между русским языком X в. и XX в. гораздо меньше, чем, например, между английским языком этих же веков (или французским). За последнюю тысячу лет английский язык изменился необычайно сильно. Если вы знаете современный английский язык, это почти ничего вам не даст для чтения английского текста X в. Вы там только некоторые слова узнаете, не более того. Смысла текста вы не поймете; этот язык надо изучать как новый иностранный.

Вопросы из зала и ответы на них:

А. А. Зализняк: Конечно: все европейские языки менялись. В испанском языке произошло оглушение согласных после того, как орфография остановилась. Ну, про английский язык нечего говорить. В отношении современной орфографии английского, французского, испанского можно указать примерное время, когда все читалось так, как сейчас пишется. Немножко условно, но тем не менее. В английском языке можно себе представить, что слово *business* читалось как *бусинес* и т.д.

Кстати, по этому поводу: замечательно, что тот же Фоменко постоянно оперирует словом *Раша* с твердой уверенностью, что так говорили всегда. Это уже почти стало молодежным жаргоном называть Россию *Раша, наша Раша*. А между тем совсем недавно, в XVI в., по-английски слово *Russia* еще произносилось *Русиа*. Для языка это совсем недавно — конечно, не в том смысле, в каком мы говорим про наши жизненные дела. Дело все в том же консерватизме орфографии.

По-видимому, это составляло общий элемент социокультурного развития Европы. В некоторый момент, когда возникла, кроме всего прочего, идея ценности

древности — латинской древности, если говорить конкретно, — появилось ощущение, что каждое следующее удаление в написании от первоначального варианта вслед за грубым уличным произношением есть недопустимая порча святой традиции. Это чисто социальное явление. В другие эпохи этого не было. Во второй половине I тысячелетия еще не дошли до этой идеи и писали, как произносили.

Лингвисты знают это замечательное явление. Есть эпохи, когда общество легко допускает фонетическую запись, а есть эпохи, когда наступает твердое желание установить незыблемое написание. Причем совершенно неважно, что оно при этом далеко уходит от произношения. Мы сейчас считаем, что наша реформа орфографии была ориентирована на то, чтобы писать было удобнее и легче. Но вовсе неверно думать, что человечество всегда так относилось к письму. Существовали целые большие эпохи и общества, в которых требовалось, чтоб писать и читать было трудно, где в письме было чрезвычайно много совершенно, с нашей точки зрения, бессмысленных затруднений. Скажем, шесть разных способов написания одной и той же фонемы, условные буквы и т.д., которые делали грамотность в высшей степени трудной и одновременно невероятно престижной ввиду своей трудности. Писец в Египте был человеком, близким к священности, оттого, какие немыслимые вещи он знал и мог писать. И подобная тенденция существовала в самых разных обществах. Не хотим писать просто, хотим писать так, чтобы нас уважали! Понимаете? И вот, когда побеждает такая тенденция, орфография останавливается. Это и произошло в разных странах Европы.

....

Лиза Щеголькова (7 класс): Я хотела спросить про слово *палец*. Последняя форма этого слова: *dwa*. А рядом что написано?

А. А. Зализняк: Это орфография, современная французская орфография. Вот, кстати, во французской орфографии такой замечательный парадокс. Почему если писать *oi*, то это будет читаться *wa*? Потому что некогда нормальное *oi*, во всех словах, а вовсе не только в слове *палец*, прошло тот путь, который я описал. Точно так же какое-нибудь слово *король* когда-то произносилось *рой*.

Любопытная вещь, кстати, состоит в том, что примерно в это время, в 1066 году, норманны захватили Англию. Битва при Гастингсе — может быть, вы это изучали. Устанавливается норманнское владычество в Англии, и начинается сильное влияние французского языка на английский. Из французского языка в английский приходит масса слов. Замечательно при этом, что захватчики-норманны вовсе не французы. По происхождению они норвежцы, но уже потерявшие свой норвежский язык и уже говорящие по-французски. Так что, сохраняя имя норманнов, они приносят в Британию французский язык. И вот масса заимствований, которая происходит в это время, обладает тем замечательным свойством, что сохраняет французское произношение этой эпохи. Например, кто помнит, как будет *вице-король* по-английски? *Viceroy*, которое произносится *вайсрой* — и нет здесь никакого изменения *рой* в *руа*. Есть и масса других английских слов, которые обладают фонетикой французского языка X, XI, XII вв. Скажем, по-французски как будет *стул*?

— *Chaise*.

— А по-английски?

— *Chair*.

— Так вот к вам вопрос: как был *стул* по-французски в XII в.?

— *Чайзе* какое-нибудь.

— *Чайзе* (точнее, даже *чайре*, но сейчас речь не об *р* и *з*). Известно, что французское *ch* (=ш) — это результат перехода *ч* в *ш* примерно в то же время. А англичане это

ч сохранили и запечатлели то, что заимствовали. В английском языке не произошло изменения в *ш*, а осталось *chair*. И так решительно во всех заимствованиях.

Д. А. Ермольцев: Когда этот переход произошел у французов?

А. А. Зализняк: Я боюсь вам точно назвать век, но где-то между X и XII вв., я думаю. Могу посмотреть.

Д. А. Ермольцев: Карла-то они как звали? Карла Великого?

А. А. Зализняк: *Чарлес*, конечно. *Чарлес*, без всякого сомнения. Карл Великий, бесспорно, был *Чарлес*.

Д. А. Ермольцев: То есть король Чарльз Английский — это французская форма?

А. А. Зализняк: Конечно. Карл Великий был *Чарлес Мань*, именно так. Правильно, совершенно точно: английское Чарльз, включая *з*, совершенно все сохранило. Всякий знает, что во французском языке конечное *s* не читается. Это сейчас. Но оно читалось в слове *Charles* (= *Чарлес*), что и сохранил английский язык. Именно так.

А теперь вернемся в начало книги. Где черным по белому написано:

Приорат Сиона — тайное европейское общество, основанное в 1099 году, реальная организация.

То есть наше тайное общество возникло тридцать лет спустя после завоевания норманнами Англии и очень удачно с точки зрения Ватикана избрало своим чистым языком тот язык, который не просто насквозь пропитался грязным французским, да еще и законсервировал ровно тот французский, который был в Европе на момент самого острого противостояния Приората и Рима, бережно сохранил все достижения пропагандистской

католической машины и донес до наших дней в отличие от языков, которые за это время изменились и многое утратили. Ха-а-а-рошенькая тайная организация! Впору продолжение «Кода да Винчи» писать, с учетом открывшихся обстоятельств и неопровержимых лингвистических данных.

Поэтому для себя метод Дэна Брауна я обозначаю так: «Это тамплиеры!!!» То есть рассуждает человек о чем-то, чего не знает, с важным видом, и хорошо так рассуждает, и даже думаешь, что он свою конструкцию завершит финалом, достойным начала, а в конце — бабах! — во всем виноваты тамплиеры.

А теперь от механических конструкторов перейдем к природным явлениям.

Инстинкт самосохранения вида — размножение — функция биологическая. Подсознательная, опять же. Девочки любят про любовь, а мальчики про войну не с бухты-баракты. И мы можем сколько угодно уверять себя и других, что выше всего этого и нас интересуют исключительно игры чистого разума — но наврать людям-то можно, а вот собственным инстинктам — не очень. Они древнее нас.

С сагой «Сумерки» Стефании Майер мне пришлось познакомиться при довольно странных обстоятельствах. Не поднимись вокруг «Сумерек» гневный шум в той части Интернета, что я читаю, — до сих пор бы ничего не знала. Но пошли разговоры о том, что вот, отвратительно написанная книжка про любофффь для глупых малолеток ни с того ни с сего просочилась в мировые бестселлеры, и куда катится этот мир, скажите на милость.

Ну просочилась и просочилась, чего в жизни не бывает.

А шум не утихает, возмущение разгорается: язык — ужасный, сюжет — примитивный, действия — почти

нет, героиня — неуклюжая плакса, и столетний вампир полный олух, раз на такую польстил. Не текст, сборище штампов — а глупые девочки, жизни не нюхавшие, сходят с ума. Ничего, ничего, наткнутся на какого-нибудь наркомана, приняв его сдуру за вампира, вот тут-то урок на всю жизнь и получают, а поздно будет! (Если что — это моя подруга за судьбу девочек опасалась, совершенно реальные слова реального человека.)

А сумеречный бум нарастает.

В октябрьском номере журнала «Мир фантастики» за 2009 года выходит статья Бориса Невского «Лавбургер с кровью. Страсти по вамирам», где он предпринимает попытку проанализировать этот бум, найти истоки явления, цитирую подзаголовок: *«Фантастическая популярность подростковых романов Стефани Майер о неземной страсти человека и кровососущей нежити заставляет задуматься — что скрывается за этим феноменом? Призрак морального разложения или прогрессивное неприятие ксенофобии?..»*

Подростковые романы — это как раз тот самый сегмент книжного рынка Young Adult.

Статья состоит из трех частей: «Рождение мифа», «Ах эти душечки, вампирюшечки», «Главное — укусить вовремя!» В первой части рассказывается о том, как вампиры из области сказок и легенд перешли в литературные произведения, начало чему было положено повестью английского врача Джона Полидори «Вампир», вышедшей в 1819 году. Как с возникновением кинематографа литературный образ получил визуальное воплощение. Во второй части мы узнаем, как сто пятьдесят с лишним лет спустя после выхода первой вампирской повести на свет появился роман «Интервью с вампиром», породивший новый всплеск интереса к теме, поскольку сменился взгляд на образ вампира: от стопроцентного, пусть и обаятельного, монстра, несущего смерть, на вампира — друга человека, существа

страдающего и способного вызвать сочувствие. А потом пошел вал книг, в которых вампир — это объект обожения и страстной любви юных и не очень дев, чему и посвящена третья часть.

На первый взгляд — весьма убедительно. Особенно если вампиров не любишь и книжки про них не читаешь. Как я.

Но уже тогда, без знакомства с самими текстами, некоторые утверждения статьи вызвали смутные сомнения.

В статье минимум три раза обращается внимание читателя на следующее утверждение: «Цикл Стефани Майер — фактический клон серии «Дневники вампира» Лизы Джейн Смит, изданной в 1991–1992 годах». Сначала мы это узнаем из подписи к коллажу из фотографии Майер и пяти книг, четырех — сумеречной саги, пятой — дневников вампира. Подпись такая: «*Стефани Майер, ее книги и возможный источник вдохновения*».

Потом из подборки «Десять хитов «Кровь и любовь», откуда и процитировано высказывание про фактический клон.

Затем в третьей части статьи идет более подробный рассказ:

«Особо стоит обратить внимание на цикл Лизы Джейн Смит «Дневники вампира». Его героиня, школьница Елена, становится «костью раздора» между двумя братьями-вампирами Стефаном и Дамоном. Роковые страсти-мордасти кипят всюю! Начальная книга цикла появилась еще в 1991 году, и особого внимания на нее тогда никто не обратил. Подумаешь, еще один «лавбургер» про романтические отношения с вампирами, разве что герои здесь тинейджеры. Можно сказать, Смит опередила свое время. А вот Стефани Майер пришла

вовремя, потому и «сорвала банк», хотя ее «Сумеречная сага» ничуть не лучше книг Смит.

Стефани Майер родилась в 1973 году в Хартфорде (штат Коннектикут) в многодетной семье — у нее две сестры и три брата. Росла Стефани вполне обычной девочкой, еще в школе познакомилась с будущим мужем Кристианом, за которого высочила, едва став студенткой.

По утверждению Майер, в ночь 2 июня 2003 года (какая точность!) она увидела во сне двух влюбленных: смертную девушку и юношу-вампира, который одновременно жаждет и обладать предметом своей страсти, и испить ее кровушки. Якобы из этого сна впоследствии вырос роман «Сумерки». Вполне возможно, что накануне знаменательной ночи Стефани прочла один из романов Лизы Джейн Смит — но в этом она вряд ли признается, верно?»

То есть в изложении Бориса Невского ситуация выглядит так:

На американском — не нашем — книжном рынке в далеком 1991 году в сегменте подростковой литературы выходят «Дневники вампира». Американский книжный рынок тем и отличается от очаровательного постсоветского, что из текста, имеющего хоть какой-то интерес у той или иной целевой аудитории, извлекают максимальную прибыль. То есть выход книги там — отнюдь не акт персонального героизма, а давно наработанная технология продаж.

И вот в девяностых годах на рынке появляется цикл, ничем, по уверению Бориса Невского, не уступающий «Сумеркам», и болтается там ни шатко ни валко.

А через четырнадцать лет, в 2005 году, появляется фактический клон «Дневников» — и мир сходит с ума.

Получается, копия затмила оригинал.

Так не бывает.

Даже если нам очень хочется, чтобы так было, — так не бывает.

Далее Борис Невский, нашедший истоки «Сумерек», но не нашедший причин фантастической популярности саги, обращается к писателю, чье творчество ему близко и который тоже нашел время заглянуть в книгу:

«И пусть Стивен Кинг, крайне лестно отзывавшийся об авторе «Гарри Поттера», в пух и прах разнес Стефани Майер, которая, по его словам, элементарно не умеет писать. Кого волнует мнение старичка Стива? Звезда королевы «вампирского ромansa» высоко горит на небосклоне успеха!

В чем разгадка сего феномена? В принципе, Стивен Кинг абсолютно прав: с литературной точки зрения Стефани Майер весьма слаба. Однако здесь и скрывается ловушка. Майер принципиально пишет не для ценителей качественной литературы вроде Кинга. Ее целевая аудитория — люди вполне определенной возрастной и половой принадлежности: юные девушки, которые, несмотря на свою современную эмансипированность и показной цинизм, в глубине души по-прежнему грезят о встрече с Прекрасным Принцем. Все тот же традиционный «лавбургер для домохозяек», но в антураже школьной истории с вампирами. Можно даже сказать, что без успеха книг о Гарри Поттере не было бы такой популярности Стефани Майер. Ибо мир за неполный десяток лет привык фанатеть от книг про необычного подростка. И вдруг сказка кончилась! Тут же понадобился заменитель, пусть даже суррогатный. Майер просто подвернулась под горячую руку».

Кинга, конечно, можно считать ценителем качественной литературы. А можно и не считать. Достаточно ужесточить критерии в определении «качественная литература» — и Кинг окажется ровно в той же помойке, что и Майер, и Роулинг, и Гарднер, и многие другие, имя им легион.

Во всяком случае, из статьи было понятно, что на полном безрыбье мир, скучающий по Гарри Поттеру, жуует суррогатную сказку, ремесленную поделку, очень вовремя появившуюся на прилавках.

А потом мне в руки попала сама книга.

И я вдруг увидела текст, который с первых же строк ведет себя как бестселлер, то есть произведение с чрезвычайно широкой целевой аудиторией, отнюдь не ограниченной рамками Young Adult. Книгу, чьи лавры — заслуженны. Добрую и удивительно щедрую. И при этом вся та критика в адрес «Сумерек», которая звучала, вполне справедлива.

И это очень интересно!

Но первый вопрос, который у меня возник после прочтения «Сумерек», — а при чем тут вампиры? Точнее, даже так: я не поняла, при чем тут вампиры?! При чем тут вампирский ажиотаж, поднятый в издательствах? Ведь и в статье Бориса Невского очень точно, кстати, определена суть саги — это сказка о Золушке и Прекрасном Принце. И то, что Прекрасный Принц у нас в данном случае — вампир, это важно, конечно, это очень важно, но отнюдь не до такой степени, чтобы заваливать вампирами книжный рынок по уши. Здесь, кстати, слова Стивена Кинга о «Сумерках», его первое впечатление многое объясняют. Наиболее адекватный перевод, как мне кажется, был приведен в Живом Журнале Ольги Чигиринской.

Стивен Кинг — общепринятый мастер триллера — упрекал Стефани Майер за то, что она не умеет писать триллер, злодеи у нее получились откровенно слабые.

А что, нет? Да. И понятно, что, если бы Кинг выстраивал сюжетную структуру романа, он бы сделал ее иначе, усилил Внешнее Зло, добиваясь яркого противостояния, чтобы у нас мороз по коже шел только от предвкушения. Потому что триллер работает на наших страхах, возглавляемых страхом смерти, на инстинкте самосохранения, на первом базовом элементе нашей подсознательной триады. Игры со смертью — основа триллера.

Но в том-то и гениальность, я считаю, «Сумерек», что здесь совершенно не нужны сильные злодеи. Они там — фон, задний план. Который — по законам живописи — не имеет права выпячиваться вперед, затмевать передний план.

А на переднем плане у нас история любви Беллы и Эдварда. Здесь сам герой — и Прекрасный Принц, и Главное Зло. Он — одновременно и Смерть, и Любовь в одном флаконе, и от этого коктейля читательниц бросает то жар, то в холод, что им какие-то там внешние силы, когда самое интересное тут, внутри, в отношениях Беллы и Эдварда. Стефани Майер взяла да и связала тугим неразрывным узлом аж два базовых инстинкта, да еще третий — власть вампиров над людьми, власть самого Эдварда, читающего мысли — тоже тут, рядышком. То есть она силой своего таланта организовала напряжение огромной, колоссальной мощности, поскольку мы говорим об авторе бестселлера как о мастере создать в тексте сильное напряжение, цепляющее аудиторию.

Да при таком умении работать с человеческим подсознанием, собственно говоря, все остальные достоинства автору и не нужны, у него и так на руках все

kozyри. А поскольку это умение интуитивное, она честно о нем рассказывает, не считая свой уникальный дар чем-то выдающимся. Ведь в той же статье черным по-белому написано: *«По утверждению Майер, в ночь 2 июня 2003 года (какая точность!) она увидела во сне двух влюбленных: смертную девушку и юношу-вампира, который одновременно жаждет и обладать предметом своей страсти, и испить ее кровишки. Якобы из этого сна впоследствии вырос роман "Сумерки"».*

И если бы Борис Невский не кинулся подозревать Стефани Майер в том, что она скрывает источник своего вдохновения («якобы из этого сна», «какая точность!», «но в этом она вряд ли признается, верно?»), и радоваться, что Кингу тоже не понравилось, а вчитался в ее слова, то легко обнаружил бы искомый источник фантастической популярности подростковых романов Стефани.

Потому что не надо искать ни призраков морально-го разложения, ни прогрессивного неприятия ксенофобии в книге, где не красной нитью, а толстенным канатом проходит заявленная автором генеральная линия про смертную девушку и юношу-вампира. А наши инстинкты древнее и прогрессивных явлений, и моральных разложений, это природа. И речь-то, собственно говоря, идет не о кровососущей нежити, в «Сумерках» речь идет о людях, у которых не было другого выхода: либо погибнуть, либо превратиться в вампиров, но они — семья Калленов, — став вампирами, изо всех сил пытаются остаться людьми. И остаются.

После того впечатления, которое произвели на меня «Сумерки», мне захотелось посмотреть и на возможный источник «Сумерек», и на то, как работают наши профессиональные авторы под руководством наших профессиональных издательств, профессионально ис-

пользуя успех мирового бестселлера. Ведь, используя интерес людей к какой-либо книге, логично, казалось бы, выстраивать тексты, проанализировав текст и профессионально опираясь на сильные стороны вышеупомянутой книги.

Литература о вампирах огромна, о них писали многие и многие, но меня интересовали конкретно книги, вышедшие в серии «Пленники сумерек» издательства ЭКСМО. На тот момент в новой серии было три романа. Я прочитала два из них. И прочитала «Дневники вампира». И это была нелегкая задача, скажу я вам. Больше меня на такой подвиг не подвигнуть. Но зато теперь я знаю, как обстоят дела на самом деле.

Сначала про «Дневники вампира». Аккуратно выражаясь, это по-американски добросовестная книга для достаточно узкой читательской аудитории. Со всеми родовыми пятнами такого рода продукции. И огромное счастье для Лизы Джейн Смит, что волна успеха «Сумерек» подхватила и ее «Дневники», вынеся их из той ниши, где они бы без «Сумерек» так бы и сидели. («По-американски добросовестная» означает то, что термин «оправданные ожидания» там не звук пустой, авторы стараются не обманывать читателя и честно отрабатывать все свои заявления в меру сил и таланта.)

С отечественной продукцией дело обстоит еще интереснее.

Я не скажу ни названия, ни имени автора первого романа из тех двух, что я прочла в серии «Пленники сумерек». Хотя бы потому, что любой автор пишет, как дышит, а вот увидят ли его книжки свет, решают совсем иные люди.

Так вот, эта первая книжка была образцовыми «Антисумерками». При том, что там наша девушка влюблялась в юношу-вампира, и казалось бы... Но это была история про двух живых покойничков, очень похожая

на описание голливудских похорон в воспоминаниях Вертинского.

Там, где надо было идти налево — если мы берем «Сумерки» за основу, — в этой книге безошибочно шли направо. Где нужно было бежать — там стояли столбом. Внутреннего действия там не было в принципе, что вынуждало автора подпирать своих покойничков внешними костылями, двигая действие, и выглядело это омерзительно. Автор старательно выплетал сюжет в меру своего разумения, даже не понимая, что на каждом повороте лихо отсекает очередной пласт аудитории «Сумерек», который со свистом уходит в отвал, теряя интерес, и в финале остается с горсткой верных читателей — своих собственных, которые, конечно, радостно ему заявляют, что вот настоящая захватывающая книжка, которую они хотели прочитать, а не эти гадкие, скучные «Сумерки». Но беда-то вся в том, что в количественном соотношении эта крохотная верная когорта несопоставима с огромной читательской аудиторией «Сумерек». И, соответственно, между нами, крутыми профями, продать таких книжек можно значительно меньшему количеству девочек, а ведь это главная цель подобных серий.

А ведь «Сумерки» имеют очень простую структуру, и именно в этом их сложность! И если положить перед собой учебник по сценарному мастерству — хоть Митты с его синусоидами, хоть Дяди Саши с его «крючками», — то примерами из «Сумерек» можно иллюстрировать, как правильно делать захватывающую историю. Хотя бы потому, что Майер сценарных курсов не оканчивала, придумала все сама и поэтому не знает, как белые нитки прятать, они очень заметны, и их легко критиковать всем желающим. Но при этом ее «крючки» (это такой сценаристский термин, обозначающий приемы, гарантированно цепляющие

аудиторию) — так вот, ее «крючки» — это не крючки, а целые гарпунищи. Которые работают. И те пять требований, которые предъявляют к Главному Герою сценаристы — Достоинство, Недостаток, Тайна, Сокровище и Цель, — в ее главных героях выписаны так выпукло и наглядно, что хоть иллюстрируй ими очередное пособие.

А вот примерами из «Антисумерек» можно ярко иллюстрировать, как делать не надо. Потому что если человек позиционирует себя как врач, он может по-разному относиться, например, к аспирину. Он может с удовольствием его прописывать пациентам, считая отличным противовоспалительным, жаропонижающим и кроверазжижающим средством, он может с удовольствием его игнорировать и не прописывать пациентам, считая, что вред от аспирина значительно больше, чем польза. Одного он не может — врач не может не знать, что существует ацетилсалициловая кислота, не может не знать его формулу, историю открытия и применения, фармакологическое действие и побочные эффекты. В данном конкретном случае врач и не подозревает о том, что в мире существует аспирин. И это тоже своего рода талант — ведь «Сумерки» практически пошаговый самоучитель «Как написать книжку, интересную девочкам», и еще надо постараться так точно не попасть во все мишени.

Чтобы заглушить тошнотворное послевкусие «Антисумерек», пришлось — в качестве противоядия — на колене за десять минут накатать синопсис подобной книжки (сдернув с полки учебник сына по истории за шестой класс) — как он, синопсис, должен выглядеть, если уж мы пытаемся плыть на волне успеха мирового бестселлера с гордо поднятыми парусами. (И здесь пользоваться учебниками за седьмой класс уже опасно, за пятый — можно.)

В итоге после этой книги моя нелюбовь к вампирам вернулась в удвоенном объеме. И когда муж принес еще одну новинку из этой же серии, книгу Екатерины Невониной «Три цвета ночи», мне ее и брать-то в руки не хотелось. Но «если уж я чего решил, то...».

И первое приятное удивление состояло в том, что автор книги умел строить из слов предложения. Понимал, как предложения складываются в абзацы. В том, как автор работал, чувствовался профессиональный — уже без всякой язвительности — вуз и соответствующая подготовка.

Было видно, что Екатерина Невониная прочла «Сумерки», проанализировала, определила для себя его сильные стороны, привлекающие читателей, и выстраивает книгу, опираясь на это знание. И самое приятное — умудряется без всяких истерик сочетать любовь к творчеству Бориса Пастернака и работу над книгой для подростковой аудитории в заданных рамках. И получается хорошо. Ведь столько времени прошло — а зайца Морковкина я помню до сих пор, это уже о чем-то говорит.

Но беда книги «Три цвета ночи», на мой взгляд, была в том, что вампиры вязали автора по рукам и ногам. Они там были лишними!

Только Майер может с такой безоглядной страстью писать о любви к вампиру, что водоворот чужой страсти затягивает с головой, и ты тоже вместе с жительницей знойной Аризоны (переполненной потными, липкими, дочерна загорелыми людьми) твердишь: «Какое неземное блаженство целовать этого мраморного красавца, такого холодного, такого гладкого, белого и прекрасного», хотя сибирский голос разума вопит на заднем плане: «Юля, ты что, с ума сошла? Это же все равно, что сосульку на морозе лизать, забыла, как прилипший язык потом теплой водой отливают?! Ты в другом климате живешь! Люби обогреватель, а не кондиционер!!!»

Да кто же когда слушал голос разума, когда речь идет о Больших Чувствах.

Но большинство-то людей вампиров не любит! И это нормально. Но именно поэтому достигнуть нужной температуры накала, повышенного напряжения — с моей точки зрения — книге «Три цвета ночи» не совсем удалось. И стартовать ей пришлось в заведомо невыгодных условиях, потому что предыдущие книги серии весьма ощутимо притушили интерес целевой аудитории, достаточно было взглянуть на выходные данные.

Я совершенно искренне пожелала, чтобы у автора и у книги все сложилось хорошо, чтобы книга дошла до своих читателей и порадовала их. Но читать продолжение я не стала — я ведь тоже не люблю вампиров и книжки про них. Я «Сумерки» люблю.

Потом я добралась и до «Дракулы».

А потом спросила себя: Юль, а ты-то чего завелась с полоборота? Твоя-то какая печаль?

Бестселлер — всегда больше наших представлений о нем. Книги, которые делают на волне успеха бестселлера, никогда не становятся вровень с самим бестселлером, как бы технически грамотно они ни были сделаны. А чаще всего они еще и сделаны-то халтурно.

Почему ты потратила столько времени, чтобы выяснить и так, собственно говоря, давно известное? На чудо надеялась? На то, что правы товарищи, уверенные, что сделать подобную книгу любой ремесленник сможет, потому что это суррогат и фастфуд? Ну-ну.

А потом поняла: да я же хочу написать «Сумерки»! Только и всего. Я страстно хочу, чтобы мой персональный принц тоже стоял у кабинета испанского и был как никогда похож на мраморную греческую статую! Мне тоже, тоже есть что сказать по этому поводу. Потому что там, в «Сумерках», есть персонаж, которого никто не замечает, которого принимают за место действия. Это Форкс, штат Вашингтон, крохотный городок,

в котором почти нет солнца. И Форкс — полноправный участник действия. Без него не было бы такой истории. История Беллы и Эдварда — очень провинциальная история, она гармонична именно для отдаленных мест, крохотных поселений.

И формула «Сумерек» отнюдь не в том, что школьница влюбляется в столетнего вампира, о нет! Формула «Сумерек» — это «Одна Девочка приезжает в Одно Место, а там — Принц! Красивый...». И Принц может быть кем угодно: пришельцем, шахтером, путешественником. А мы (я и читатели) его сделаем — спасибо тебе, Джейкоб, за твои великолепно накачанные дельты — оборотнем.

А поскольку история с девочкой и Прекрасным Принцем — это история Золушки, то у нас будет и Мачеха, и Сестры (сестра), и Добрая Фея. И тыква будет, оранжевая, как полагается! И неприступный замок у Принца, и Король с Королевой.

А истоки событий, приведших к судьбоносной встрече Золушки и Принца в маленьком городке, будут скрываться в прошлом, в семейной истории — здравствуй, незабвенное индийское кино!

И раз Эдвард Каллен был столетним вампиром, то нашего Принца мы зашвырнем еще дальше по временной шкале, гулять так гулять. И родословную ему сделаем — о-го-го! такую благородную, что в наше время встать рядом практически некому. Потому что зачем нам любить непонятно кого? Это наша сказка, самое лучшее мы в нее возьмем и любить будем настоящего принца!

Да и вообще — а почему только он будет оборотнем?

А давайте все они будут оборотнями! Все его родственники, ближние и дальние. И вот тут — привет тебе, Дэн Браун, — воспользуемся реальными историческими источниками и подтвердим эту только что пришедшую в голову захватывающую мысль документа-

ми, памятниками архитектуры и артефактами. Это же так просто — надергать в источниках цитат под ЛЮБОЕ идиотское утверждение. Вот мы и проиллюстрируем это самым наглядным способом. Только в нашей истории про Золушку и Принца-оборотня, в отличие от «Кода да Винчи», чтобы понять, где автор карты передергивает, нужно немного знать родную историю. А еще у нас будет Древний Текст! Да-да-да! С оборотнями! (И знающий человек уже давно понял, какой, уж конечно, не «Вопрошание Кириково», да-да-да, «это тамплиеры!», мы же идем натопанной тропой Брауна и берем все самое известное!)

Ведь структура «Сумерек» тем и уникальна, что когда на одном полюсе у нас девушка, на другом — юноша, а между ними вот-вот заполыхают зарницы, то эта конструкция, как ледокол льды, продавит равнодушие и привлечет внимание читателя, текст можно чем угодно дополнять, хоть проблемами канализации, хоть изучением древнерусского языка. И точно, там и проблемы канализации мы вставим, и древнерусский язык практически в оригинале, нам себя сдерживать не нужно, это же книжка для домохозяек, а не высокая литература.

А поскольку мы пишем ПРАВИЛЬНУЮ книжку про принца, у нас должен быть ЗЛОДЕЙ. И он будет! И имя принца тоже очень важно — никаких Васек или Толянов. Только полное имя. Торжественное. Вольдемар. Или Ролан. Но поскольку у нас «Сумерки» от А до Я, то это значит, что от Алисы до Ярослава.

И, кстати, чтобы облегчить работу для аналитиков, поставим в текст сумеречные маркеры: у нашего принца тоже будет бежевый пиджак! Мало ли в Бразилии донов Педро, мало ли в мире бежевых пиджаков? Будут подробные описания, кто во что одет. Ну и фраза: «Разве может этот надменный красавец быть твоим? И не мечтай!» — она тоже будет присутствовать всенепременно.

Ну вот, а когда мы разметили структуру нашей будущей сказки, осталось сделать всего две вещи.

Первое — брать в роман только самое любимое, самое дорогое, то, от чего душа поет. Любимые вещи, любимые книги, любимые песни.

И второе — забыть нафиг все, что мы написали, потому что герои книги ничего этого не знают. И все наши придуманные страсти для них — настоящие. И боль, и страх, и первая любовь. Такие, какие были у нас в юности.

Вот тогда есть шансы сделать что-то хорошее.

И Я СДЕЛАЛА ЭТО!!!

ХЭЙ-ХО!!!

Я написала «Сумерки» без вампиров. От руки в тетрадочке. В ванной на стиральной машине вместо стола, когда младший пират игрушки в ванне топил. Образцовый домохозяйский «лавбургер». Так что сразу предупреждаю доморощенных литературоведов: когда текст в рукописи не различим, словно буквы выводила трясущаяся рука, это не означает, что автор был пьян, обколот или находился в глубокой депрессии, просто стиральная машина в тот момент отжимала белье. А с автором все было в полном порядке, чего автор и вам желает.

Боже, какое это было счастье, я и не помню, когда работала с таким удовольствием, наверное, только в самом начале пути, в работе над первыми текстами. Работать в полную силу, и ввысь, и вглубь, не оглядываясь и не подстраиваясь! Снова, после долгого перерыва, окунуться в Древнюю Русь, в книги, по которым, как оказывается, так скучала, невыносимо скучала все это время, пытаюсь себя переделать, пытаюсь играть по чужим правилам в чужие игры! Какое это счастье — быть со-

бой и писать о том, что тебе интересно. Какое это счастье — букву за буквой набирать древнерусские слова, пропахать носом летописи, чтобы самой все узнать, не в чужом перепеве. И вдруг услышать живые голоса, влюбиться в то время, в тех людей. Разумеется, узнать, что все было не так, как мы привыкли думать. Получить столько помощи от друзей, что и представить сложно! Работать над книгой, зная, что опять все будет как всегда, издательства завернут рукопись, опять неизвестно чего пугаясь, да, собственно говоря, правильно пугаясь, я бы на их месте тоже опасалась, пусть им беззубые тексты другие пишут, но это неважно, потому что Алиса и Ярослав нашли друг друга, и Золушка уже получила свои туфельки и свой бал, хотя все еще только начинается, у них еще все впереди, как же здорово!

И это был рассказ об истоках романа «Княженика».

А поскольку во время доклада на седьмом открытом фестивале фантастики «Созвездие Аю-Даг» я успела рассказать от силы одну треть здесь написанного, потому что не отработала хронометраж, то, боюсь, никто из сидящих в зале ничего не понял.

РЕЦЕНЗИИ

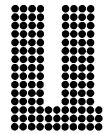
10

1

СКАЗОЧНАЯ СТОРОНА СТИВЕНА КИНГА

«Люди не вырастают из сказок, Билл. Никогда не вырастают. Мальчик или мужчина, девочка или женщина — мы все живем ради сказок».

Цикл «Темная Башня» — центральный для творчества Стивена Кинга. Казалось бы, семь томов написано, Роланд Дискейн дошел до своей цели — но внезапно появляется еще одна книга. «Ветер сквозь замочную скважину» повествует о событиях, произошедших между четвертым и пятым романами цикла, а также о прошлом Стрелка. Это истории, которые были рассказаны по пути от Изумрудного дворца («Колдун и кристалл») в Калью Брин Стерджис («Волки Кальи»), и сейчас мы будем обсуждать именно их.

В новой книге Стивен Кинг вложил три сюжета друг в друга. Не самый характерный для него прием, но мастерски исполненный — каждая из историй действительно захватывает внимание, а не заставляет читателя с нетерпением ждать, когда же начнется действие. Они отличаются друг от друга как по стилю, так и по атмосфере.

Центральный сюжет в этой «матрешке» — сказка с соответствующим зачином: *«Давным-давно, в незапамятные времена, когда дед твоего деду еще не родился на свет...»* В ней магия переплетается с техникой:

рычаг переключения передач в «Додже-дарте» становится волшебной палочкой, а автоматический модуль-проводник ДАРИЯ регистрирует «*сильные возмущения Луча, что является признаком мощной магии*». Это привычный мир Роланда — с мутантами, появившимися после того, как Лучи начали разрушаться, и с черным человеком, роль которого загадочна: в некотором роде он «бог из машины». В сказке Стивена Кинга абсолютное зло — это Берн Келлс, отчим мальчика (который сильно напоминает Джека Торренса из «Сияния»). Черный человек же — существо, которое открывает главному герою истину и помогает преодолеть некоторые препятствия, но одновременно наслаждается его страданиями — а то и заваривает всю эту кашу. Но сказка традиционно не предполагает грустного финала: мальчик проходит все испытания, по пути ему помогают разные предметы и люди, и в итоге отчим оказывается повержен.

Вскоре после гибели мамы, которая, как вам известно, приняла смерть от моей руки, мой отец — Стивен, сын Генри Высокого — вызвал меня к себе...

Вторая история — очередная ретроспектива в прошлое Роланда. Он уже вернулся из Меджиса, где живо сожгли его возлюбленную, и убил мать, приняв ее за зловредную колдунью. Роланд получает новое задание — отправиться в Дебарю и разобраться со шкуровертом (оборотнем), который убивает там людей. Вместе с ним едет его друг и соратник Джейми ДеКарри — его имя Роланд выкрикнет, когда будет подходить к Темной Башне в конце серии (а мы наконец поймем, почему этот герой так значим). В поисках чудовища стрелки натываются на мальчика, который видел превращение шкуроверта, — тут как раз в од-

ном из разговоров Роланд рассказывает сказку о Тиме. А потом на мальчика, как на приманку, Роланд ловит оборотня.

«Змея сделала стремительный выпад вперед, сверкая клыками, и я нажал спусковой крючок. Выстрел был точным, серебряная пуля вошла прямо в разверстую пасть. Змеиная голова взорвалась алыми брызгами, которые начали белеть еще до того, как огромное гибкое тело обрушилось на пол. Я видел подобную белую рыхлую массу и раньше. Это были мозги. Человеческие мозги».

Любопытна предполагаемая причина превращения человека в чудовище. Шахтеры — коллеги оборотня — рассказывают о трещине в соляном пласте, из которой выбивался зеленый свет. А поклонники Стивена Кинга в это время вспоминают «Безнадегу» и «Регуляторов», где присутствовало совершенно такое же явление — еще одна ниточка, соединяющая цикл с другими произведениями автора.

Третья история, с которой начинается книга, — это «настоящее» Роланда и его катета. Им грозит стыловей — ужасный мороз, который убьет их, если они не найдут укрытие. (Здесь, кстати, необходимо отметить работу переводчика, придумавшего два замечательных русских аналога для английских «starkblast» — «стыловей» и «shape shifter» — «шкуроверт».) В последний момент герои спасаются от опасности — и эта кульминация их лихорадочного движения связывает «настоящее» со сказкой. Есть еще один важный момент в третьей истории — здесь читатель узнает, что Роланд прощен за убийство матери. И что он тоже простил.

Все книги «Темной Башни» по стилю и жанру отличаются от прочих произведений Стивена Кинга. Это фэнтези с налетом мистики, а не саспенс или хоррор, за который Кинга и прозвали «королем ужасов». Хотя, конечно, в «Ветре...», как и в остальных романах цикла, можно встретить отголоски вечных авторских ужастиков: например, в сказке, когда отчим пытается убить мальчика. Удивительно то, что писатель вернулся к уже завершенной серии, чтобы договорить и *допеть* свою *песнь*: многие усматривают в этом коммерческую выгоду, но с ними сложно согласиться. Книги Стивена Кинга так хорошо покупаются, что он может позволить себе работать с любыми героями и писать любые продолжения — армия фанатов радостно будет приветствовать все тексты. К тому же трудно обвинять в корыстных интересах человека, который продает права на экранизацию своих книг за 1 доллар.

В традиционном предисловии к роману автор не рассказывает предысторию всех четырех книг, которые, по идее, «Ветер...» должен продолжать. Он кратко характеризует мир, в котором происходит действие, и дает благословение читателям «втыкаться» в цикл прямо с середины. Это чрезвычайно необычно, поскольку в первых четырех томах Кинг тщательно и терпеливо пишет об основных событиях, а в предисловии к пятой книге даже убедительно просит читателей, еще не знакомых с первыми романами, отложить ее и начать цикл сначала, чтобы не путаться. «Ветер...» как будто заманивает людей в ловушку «Темной Башни» — там много красивых историй, которые вызывают попутно массу вопросов: что это за мир? Почему автор решил сделать одну из главных героинь женщиной-инвалидом? Кто такие стрелки и почему их так уважают? Нередко читатели спотыкаются на первой книге цикла, которая

действительно несколько затянута, вязнут в ней и откладывают в сторону. «Ветер...» неплохо исправляет эту оплошность — люди, очарованные романом, слишком хотят узнать больше, чтобы бросить чтение на полпути. И ряды поклонников Темной Башни пополняются.

«Время — замочная скважина, — подумал он, глядя на звездное небо. — Да, я гдую, так. Иногда мы наклоняем-ся, чтобы заглянуть в нее одним глазком. И ветер, кото-рый мы чувствуем на своих щеках, — ветер, гдующий из за-мочной скважины, — это дыхание всей живой вселенной».

ДАРЬЯ РОДИОНОВА

ТЕМА: ПИСЬМО СЧАСТЬЯ

1. СТЕНОГРАММА БЕСЕДЫ ИСПРАВЛЯЕМОЙ ФОКСИ ОТ 25.09. 2013

Великое Сокращение. По-другому — хаос. Массовые убийства, эпидемии, техногенные катастрофы заставили жителей Земли захлебнуться в пороках, вспомнить прежние молитвы. Не так ли все начиналось, Безликий?

Кто-то услышал и... нажал «ctrl» + «alt» + «del», перезагрузив реальность.

Наступает новая эра. Эра Живущего. Существа, перерождающегося вновь и вновь. Приветствие «Смерти нет» становится оправданным. Под крики восторженно-угнетенной толпы со скрипом опускается рычаг, приводя в действие Колесо Сансары.

Отныне число обитателей планеты неизменно — три миллиарда. Каждый бессмертен. Реинкарнация — официальная доктрина. Существует онлайн-учет, как и где

возрождается человек после прерывания жизни. «Душам» присвоен идентификационный код. Никому не скрыться.

По коду найдут меня, найдут и тебя, Безликий. Ты напрасно прядешь лицо под зеркальной маской.

«Число Живущего неизменно, Живущий есть три миллиарда живущих, и ни один не убудет от него, и ни один не прибудет...» — сказано в книге Жизни.

Великое Сокращение — плата за бессмертный дар. Да, да. Нужно только пережить гибель физической оболочки. Обнулиться. Этот переломный момент зовется «Паузой». Или «Пятью секундами тьмы». И человек возрождается в младенца. Он утрачивает часть памяти, но сохраняет прежние таланты, умения и навыки. Вот только скрипач никогда не станет учителем, учитель — президентом. А ты, Безликий, хотел бы стать человеком-безмаски? Так ли это важно? Развиваться, достигать новых высот, открывать удивительные тайны мира...

Страны... Города... Религии... Нации... Ты не знаешь, что это такое, человек-с-зеркальным-лицом. Ты чтишь... стабильность, которая поддерживается мощным тоталитарным контролем. Советом Восьми. Каждым живущим. Социо. Глобальной сетью в головах. У тебя, у меня, у нее, у него... Мы всегда онлайн. Отключение от Социо возможно лишь на сорок минут. Дальше — автоматизированный процесс возврата в Систему.

Любви к детям не существует. Их отдают в интернаты. Материнская забота — преступление. А любить Родного больше остальных — непозволительная роскошь. Ведь *«Живущий полон любви, и каждая Его честица в равной степени любит другую».*

Любовь к пожилым людям стирается. Безвозвратно и жестоко.

И вообще любовь... Какая любовь, Безликий? Примитивные соития на Фестивалях? Когда не помнишь бесчисленных партнеров... Не можешь коснуться кожи любимой, ведь между вами — ткань защитного костюма...

Ты скажешь: «Зато у вас есть выбор, с кем и когда!» Да, мы еще не опустились на самое дно, не стали нумерами, как в романе Евгения Замятина «Мы». Когда порой сходишь с ума, не в состоянии дождаться ближайшего сексуального дня. А порой не знаешь, где скрыться, когда заходят в комнату, протягивают розовый (цвет любви — ха!) талончик и опускают шторы. Ты мечешься в пространстве комнаты, точно шарик в игральном автомате. Думаешь только о том, чтобы этого человека списали с тебя. Навсегда.

Мы еще летим в эту пропасть... Свистит ветер в ушах, и охватывает такая дрожь, будто ты — «мост, по которому только что прогрохотал древний железный поезд».

Безликий, нам предстоит взлететь в небо или встретиться с землей. Первый путь — в неизвестность. Второй... Тот, что описан в романе Замятина «Мы». Сжечь фантазию X-лучами, признать любовь — тратой человеческой энергии, вырвать из себя «души» — сорняки безумства.

Безликий, кому ты пытаешься угодить? Живущему? Как Д-503, который сидел бесчувственной статуей и смотрел на истязания любимой... И повторял про себя: «Мы победим». Только он не задумывался: кто это — «мы»?

Скажи, Безликий, зачем ты сейчас стоишь передо мной? Смысл твоих передвижений, взглядов, мыслей? Правильно. Его нет. Потому что смерти больше нет. Ты переродишься. Так или иначе. Тебе некуда спешить. Все несделанное ты можешь завершить после Паузы. Или еще позже. Или...

Наследственная преступность вступила в юридическую силу. Субъекты, склонные к агрессии, живут в

исправдомах. С рождения до смерти. Многих не подключают к Социо. Почему? Потому что они — другие. А других не должно быть. Ведь нужно лелеять стабильность. Стабильность, Безликий! Никто и никогда больше не полетит в космос, не создаст материальные блага, не будет заботиться друг о друге. Потому что для этого отведена... вечность.

Мир «Живущего» представлен в виде Социо. Своеобразный интернет, только без посредника. Порт подключения — имплантат в голове. Цереброн. Мир превратился в многослойную социальную сеть. Схожую с «Матрицей». Или «Суррогатами». Но главное отличие в слоях: первый — физический, второй — чат, третий — люксурий (место сексуальных фантазий), четвертый... пятый...

Социо сродни фашизму. Человек — инкод, набор символов. Ты, Безликий, лишь частица на теле Живущего. Существо, необходимое для того, чтобы не убыло и не прибавилось от него.

Но Колесо Сансары натывается на камень. Происходит сбой. Появляется лишний. С инкодом 0. По Системе расходятся трещины. Число живущих увеличивается на один.

Что же изменилось, Безликий? Реальность начинает проясняться... Будто ранним утром рассеивается туман, обнажая пейзаж.

И появляется огромный гудящий термитник. «Пористая и подвижная масса». Она так похожа на Социо. Зеро сжег его, совершив акт протеста. Напрасно? Вряд ли... Ведь мы увидели, как отчаянно человек стремится защитит — нет, не свободу, Безликий! — свое право быть частью Системы.

«Как рабочие заползли на королеву, пытаясь скрыть ее огромное тело под своими телами, заслонить от огня. И как нимфы отгрызали себе свои прекрасные крылья... неизвестно зачем».

Неизвестно зачем... Потому что идти ПРОТИВ — страшнее.

Кажется, одиночкам в этом мире не выжить. Но Зеро находит вариант. Он на примере единственного термита, своего питомца, доказывает: человек — прежде всего индивид. Личность. Если у него есть стимул.

Смысл существования.

«Я просто слегка повернул контейнер против часовой стрелки, так, чтобы выстроенная моим питомцем часть свода оказалась устремлена не к термитнику, а мимо него. Он с готовностью принялся разрушать созданное и мастерить новый свод, направленный в единственно верном для него направлении... Так он и жил у меня, счастливо, месяц за месяцем, бесконечно выстраивая, разрушая и восстанавливая свой фрагмент замка».

Безликий, помнишь роман «Голова профессора Доуэля»? Вспомни! Покопайся в своих ячейках. Достижение бессмертия за счет потери своего тела.

А «Корпорация «Бессмертие» Р. Шекли? Бессмертие за деньги.

Роман «Бегство от бессмертия»? Нужно набрать высокий балл по шкале ЦДО.

А что нужно сделать нам? Ничего. Все решили за нас.

С приходом Зеро Система меняется. Число Живущего теперь непостоянно. Только люди не хотят отказываться от иллюзии. Они вросли в Систему. Они готовы сражаться за свою ячейку. С оружием в руках.

Ты все еще хочешь остаться в термитнике?

Да/нет

2. ОТКРЫТЬ ДОКУМЕНТ № 1 С ПОМЕТКОЙ «ГЕРОИ»

ханна: термит-нимфа. Мия-31.

«У нее была очень светлая кожа. Светлая и чистая, до прозрачности. Ее глаза были бархатистыми, как крылья бабочки-шоколадницы».

Красивая, но подавленная Социо. Не способная отстоять ни себя, ни своего Родного. Она понимает, что делает Система. «Никто никогда и ничего не пытается там исправить. Их просто там держат. В сытости и молчании...»

Ханна — человек, в котором воплощается страх перед Системой. *«Она не называла меня по имени — позже я понял почему: оно пугало ее, оно заставляло ее заглядывать в пропасть, в ничто, в белую пустоту, обведенную черным кружочком... Она не называла меня Зеро. Она называла меня просто — Родной».* А однажды Ханна все-таки сказала, что любит Родного больше остальных. Пошла против Системы. И это слома-ло ее.

зеро: Никто. Человек с инкодом 0. Отчаянно желающий быть частью Системы, но вынужденный жить в исправительном доме. *«Если ты — мое продолжение, если я — это ты, прости меня за этот дурацкий инкод, оставшийся тебе от меня... Лично мне он испортил жизнь».* Его боятся, не подключают к Социо. Система не может поглотить его. Желание Зеро слиться с серой массой сыграло злую шутку. Он стал орудием в руках лидера. В итоге он сжег себя — как чудо-солнышко. Хотя мог изменить мир. Преобразовать его. Сделать лучше.

крэкер: термит-воин. Борец за свободу.

«Крэкер был старше меня на два года. Большой лоб и маленькие тусклые глазки. Тонкие и острые на сгибах, как у паучка, конечности. У него дергалось правое веко, как будто он все время подмигивал. К нему близко никто не подходил. Все знали, что он не в себе».

Крэкер разработал программу, которая позволила отказать от внешнего подключения к интернету. Создал церебральную инсталляцию. Крэкер считал, что именно он положил начало Великому Сокращению. Привел к рождению Живущего.

Поэтому ученый всеми способами хочет уничтожить Систему. Пусть даже ценою сотен жизней. Безумец, гений, он — воплощение лидера, готового сражаться за свои идеи.

клео: термит нового вида. «Актуальное имя — клео, вечное имя — лео, актуальный пол — женский. Инвектор — в целом положительный. Преобладающие специализации на протяжении последних воспроизведений: «научный сотрудник» и «старший научный сотрудник». Предыдущее воспроизведение: Лео — профессор, доктор наук, один из двух авторов нашумевшего эксперимента «Направленный луч Лео-Лота».

Она была всецело «за» Систему, но смогла отсоединиться. Сделала шаг к светлому будущему вне ячейки, вне защитного костюма, вне рамок и ограничений.

3. ОТКРЫТЬ ДОКУМЕНТ № 2 С ПОМЕТКОЙ «ИДЕЙНОЕ НАПОЛНЕНИЕ»

- Бессмертный человек — не живет, он существует.
- Помни, никто лучше не приспособлен к трудностям, чем термит-рабочий.
- Если у термита-рабочего есть правильная мотивация и цель — Социо никогда не сможет установить над ним контроль.
- Человек, стремящийся слиться с серой массой, становится орудием в руках лидера.
- Если ты не замечаешь контроля — значит, Система работает.

4. ОТКРЫТЬ ДОСТУП К ИТОВЫМ МАТЕРИАЛАМ

Анна Старобинец не только создала полноценный мир, но и ввела специальные обозначения для усиления правдоподобности происходящего. Например, любопытный «компьютерный» сленг.

Яппп — «Я плачу перед паузой».

Квин — «Клянусь вечным инкодом».

Сжеч — «Слава Живущему и Его частицам».

Изоп — «Иди в зону Паузы». Для врагов — оскорбление, для друзей — так сказать, шутка юмора.

Кроме того, повествование прерывается сообщениями из Социо, рекламой, спамом и всевозможными рекомендациями. Вначале это заставляет читателя «подвисать». Представьте, что среди текста вдруг появляется фраза «Внимание!!!», открывается документ-копия стенограммы или запись каких-то важных событий. В тексте можно встретить резкий переход от повествования к диалогам. Будто читаешь чужую переписку в аське или ВКонтакте. Но быстро привыкаешь к таким переходам. Уже в середине романа ты вместе с героем одновременно помечаешь сообщения как спам, чатишься, куда-то идешь или работаешь. А потом... Внутри поднимается раздражение... Которое сменяется ужасом понимания: а ведь мы к этому идем! Строим ячейки. Многие уже запихнули себя в них и тщательно залатывают дыры, преграждая путь к отступлению. В реальный мир.

Путешествия? Через интернет. Покупки. Онлайн-заказы. Встречи? Есть хороший заменитель — скайп. И вот тогда становится... Нет, не страшно. Скорее, не по себе. Потому что ты увидел полотно будущего, которое размашистыми мазками нарисовала Анна Старобинец.

Кроме того, автор метко показал: Система довлеет над человеком. Держит руку на пульсе, не позволяя сердцебиению ни замедлиться, ни ускориться. С помощью сериалов навязывается мнение каждому живущему. Даже в мультиках отражается система-хоровод. Вне хоровода — плохо. Вне хоровода — опасно. И тогда каждый с малых лет мечтает стать частью Системы.

В исправительных домах повторяют раз за разом перед сном, как молитву:

*«Почему в мире Живущего нет преступлений?
...Потому что в мире Живущего нет преступников...
— Почему в мире Живущего нет преступников?
...Потому что нас содержат в исправительном доме...»*

Но правдивые ответы срываются с уст безумного ученого.

«Потому что в мире Живущего преступления называются поддержанием гармонии».

«Потому что в мире Живущего преступники пришли к власти».

«Потому что настанет день, когда мы вырвемся на свободу».

Очень яркий получился эпизод с собакой. Кажется бы, зачем автору вводить встречу с животными на ферме?

Животные чувствуют фальшь. Зеро, не подключенный к «мясорубке», которая «прокручивает» в режиме pop-stop человеческие души, находит общий язык с собакой. Он подходит ближе к прутьям, надеясь, что она испугается его, как остальных. Чужих. Подключенных. Но она... лижет ему руку. Да, надежды Зеро рушатся. Он не осознает своего счастья: свободы от Социо.

Анна Старобинец умело нагнетает обстановку с каждой главой. Сначала сцена на ферме, затем термитник. А потом эпизод с принудительным экспериментом над исправляемыми. Они — гноящиеся фурункулы на теле Живущего. Их не жалко облупить, не жалко подвергнуть опасности. Чуть позже мы видим, как запирают Крэкера в одиночную клетку. Отнимают все — способность говорить, чувствовать, мыслить...

Разве о таком мечтали люди после Великого Сокращения? Разве слои — это свобода?

Роман «Живущий» — несомненно, роман о контроле и страхе. Страхе перед свободой. Анна Старобинец умело показала, к чему могут привести современные тенденции компьютеризации общества. Она по-новому обыграла сценарии, которые когда-то написали Олдос Хаксли («О дивный новый мир») и Джордж Оруэлл («1984»).

Олдос Хаксли создал генетически запрограммированное общество. Автор отнял у людей самое ценное — семью, способность быть родителем, воспитывать детей. Так же сделала и Анна Старобинец. Но Хаксли пошел дальше... отменил живорождение, отправив всех женщин на операцию, добровольную, «ради блага Общества». Схема природного развития в «дивном мире» — яйцо, зародыш, взрослая особь. Процесс, названный бокановскизацией. Громадный цех, который в мельчайших деталях описал Хаксли, штампует людей. Делает стандартными, одинаковыми, дешевыми.

Это даже хуже, чем гудящий термитник!

Ученые приучают детей любить новое и ненавидеть природу. Но какими методами! Показывают восьмилетним детям картинки цветов, а потом пускают ток... И тогда цветы навсегда ассоциируются у них с болью. Ведь «сверху» решили, что они должны стоять за станками, а не любоваться окружающим миром... А гипнопедию (обучение во сне) «дивного мира» можно сравнить с рекламой в романе Старобинец. И в одном, и в другом романе лозунги прокручиваются раз за разом и впечатываются в подкорку сознания. В «дивном мире» есть свой бог — Господь Форд, надсмотрщик — Главнуправитель. И конечно же — герой, который пытается осознать, что значит «быть свободным», Дикарь.

Дикарь старается влиться в «цивилизованное» общество, в котором «каждый принадлежит всем остальным». Где иметь сексуальные отношения с одним человеком — позор, а слово «мать» вызывает тошноту и

отвращение. И в отличие от Д-503 Замятина, Дикарь осознает прелесть свободы, готов насладиться ею, пусть даже в одиночестве. Однако он не смог завершить начатое. Потому что Дикарю присуща дикая любовь, которая способна натолкнуть на страшный поступок...

«СТАРШИЙ БРАТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ» — то и дело появляется надпись на страницах романа Джорджа Оруэлла «1984». Старший брат — тот же Главноуправитель или Живущий... Ему свойственно контролировать все, управлять всеми. Неужели на каждого можно забросить лассо власти и втянуть в систему? В «Живущем» Зеро старательно отгораживали от Социо. А в романе Джорджа Оруэлла, наоборот, Старший Брат стремится поработить умы если не всех, то большинства.

Уинстон Смит, главный герой романа «1984», изначально не верит в партийные лозунги и призывы, хотя и работает в министерстве правды и даже является членом внешней партии. Казалось, жил бы человек всю жизнь, скрываясь и прячась от агентов Старшего Брата, как мышь, если бы... Да, опять она. Любовь. Именно это чувство побуждает и Зеро, и Д-503, и Дикаря, и Уинстона Смита идти на бóльший риск, чем когда-либо они себе позволяли, вкусить свободу. Ведь его возлюбленная — Джулия — член партии, а свободные любовные отношения между членами партии запрещены. Но и они распадаются, когда в комнату свиданий врывается полиция. Наступает решающий момент: готов ли герой сломать крылья, которые щедро выдала ему свобода? И тут повторяется история Д-503... Уинстон Смит гасит в себе очаг сопротивления и отрекается от возлюбленной. Джордж Оруэлл показывает: главное — не влюбиться, главное — суметь удержать любовь. Как и отстаивать свободу.

Эти авторы в ярчайших красках показали, к чему мы можем прийти. В созданных антиутопиях обеща-

нивается понятие семьи, любовь становится похотью, а дети — однотипными шестеренками в безжалостной машине тоталитаризма.

Но в романе Анны Старобинец присутствуют свои минусы.

В последней части романа «Живущий» главы по объему значительно меньше. Текст вдруг начинает «мигать». Как файл, «подхвативший» вирус. Последние главы кажутся спешно нарезанными кусками. Кстати, большинство из которых можно было бы удалить без существенного ущерба для романа.

Роман слегка затянут. Казалось бы — вот она, концовка! Но события наслаиваются друг на друга. Хочется заглянуть на последнюю страницу. Что же там, в конце-то концов?!

И самый глобальный минус. Тексту порой не хватает «прозрачности». Чрезмерно запутанный сюжет. Дойдя до финала, не сразу поймешь, правильно ли понял замысел автора. И тогда нужно возвращаться на первую страницу. Но не каждый будет перечитывать. Большинство пожмет плечами и навсегда отложит книгу.

*!осторожно! возможно, это спам
пометить сообщение как спам?
Да/нет*

ЕВГЕНИЯ МАЛЫШКО

ПОСЕЯННОЕ ПЛАМЯ

Герои книг жанра альтернативной истории — это чаще всего неординарные, яркие, сильные, образованные люди. За свою жизнь они успевают прожить, пережить и перечувствовать столько, сколько в обычных об-

стоятельствах одному человеку не дается. Быть может, именно эта возможность примерить на себя не одну, а несколько судеб, попробовать свои силы в самых разнообразных ситуациях и привлекает к жанру внимание все большего числа читателей?

Но только ли в этом дело? Что нужно, дабы из семени заинтересованности взошли ростки настоящего интереса, искренней увлеченности?

«Семена огня», вышедшие в 2013 году, стали восемнадцатой книгой в основной, хотя и не единственной, серии Владимира Сержина, носящей название «Институт Экспериментальной Истории». И хотя сейчас уже известно, что в конце года свет увидела следующая книга — «Корни огня», ниже речь пойдет о «Семенах огня» как о самостоятельном, законченном произведении.

Все книги данной серии, за редким исключением, объединены не сюжетом, а основными действующими лицами. Но и это — с некоторой оговоркой. На мой взгляд, основным стержнем, красной нитью через всю серию проходит, скорее, подход автора к раскрытию сюжета, выбору героев, а также времени и места действия. Неким «скрепляющим раствором» являются не одни и те же герои или образы, а идеи и методы раскрытия авторского замысла.

Впрочем, обо всем по порядку.

Герои Владимира Сержина — это рыцари без страха и упрека, рыцари плаща и кинжала (меча и палаша, лука и арбалета, копья и моргенштерна...). Проще говоря, сотрудники Института Экспериментальной Истории. Этот закрытый институт, находящийся где-то в предместьях Лондона, занимается предотвращением разного рода глобальных мировых проблем в сопредельных мирах. В мирах, где развитие истории пошло чуть по иному, отличающемуся от нашего, сценарию. Правда, чаще всего оказывается, что жители того или

иною мира, куда Институт направляет своих лучших специалистов, вовсе не рады вмешательству со стороны: каждый имеет право на свой путь развития, каждый имеет право учиться на собственных ошибках. И если не руководство, то оперативники вынуждены с этим считаться.

Сотрудников Института Экспериментальной Истории — большую часть своей жизни отсутствующих в нашем мире — можно было бы назвать преемниками всем известного героя братьев Стругацких — Руматы Эсторского. Пожалуй, это первое закономерно приходящее на ум сравнение. Однако, на мой взгляд, герои Владимира Сваржина давно переросли и своего предшественника, и задачи, поставленные перед благородным доном Руматой Аркадием и Борисом Стругацкими. Переросли просто потому, что герой «Трудно быть богом» был первым, и перед ним стояла задача наблюдать и изучать. Но, как мы видели, равнодушно наблюдать, не вмешиваясь, — трудно. Невозможно.

Герои книг Владимира Сваржина не могут не задать себе вопрос: а какое право имеют они вмешиваться в ход истории? Кто они для этих людей, этого конкретного мира? Боги? Пророки?.. Но каждый раз, переступая границы нового мира, они становятся его частью. Начинают жить, действовать по его законам, стремятся придерживаться не институтских инструкций, а общечеловеческой морали и простой логики событий.

Одним из сквозных героев серии является Сергей Лисиченко, неподражаемый Лис, предстающий перед читателями «Семян огня» в дважды непривычной роли. Во-первых, в одиночестве, без Вальдара Камдила — верного и неизменного напарника, на которого можно было оставить глобальные мировые проблемы, а самому тем временем заняться решением (и созданием) проблем более приземленных. А во-вторых, в качестве наставника для «юного пополнения» — новых оперативников Ин-

ститута. Следовательно, Лис должен растерять половину своей бесшабашности, распрощаться с авантюрами, сменить амплу рубахи (или рубаки?)-парня на что-то более серьезное... Должен бы. Но Лис не был бы Лисом, а Владимир Свержин — создателем этого полюбившегося всем образа, если бы все произошло, как того требует логика.

Но, пожалуй, следует отвлечься от фигуры всем давно знакомой, пусть и раскрывшейся с непривычной стороны, и познакомиться с героями совершенно новыми. Их — трое.

Нужно сказать, что в большинстве случаев Владимир Свержин если и вводит в свои произведения дополнительных главных героев, то делает это с помощью одного из двух приемов. Либо присоединяет одного нового персонажа к неразлучной парочке (Вальдар и Лис), не сразу, постепенно наделяя его все более и более заметной ролью, позволяя действовать вместе со «старыми» героями (тем самым давая возможность читателю свыкнуться, приглядеться, лучше познакомиться с новым действующим лицом). Либо же отдает всю книгу на откуп одному незнакомому прежде персонажу, как бы выводя очередное произведение из привычного ряда, расширяя границы серии, распаляя читательское любопытство неожиданным приемом: чего можно ждать от совершенно нового героя? Чем он лучше или хуже старых? Какие еще неожиданности несет персонаж, действия которого читатель (вопреки своей читательской самоуверенности) не в силах предугадать?

Именно последний прием Владимир Свержин использует в «Семенах огня». Использует, многократно усилив. Не только меняет положение и образ действий одной из ключевых фигур (уже этим ломая ожидания читателя, вызывая первый интерес), но и вводит три абсолютно новых персонажа, делающих совершенно не-

предсказуемым как финал, так и весь ход повествования.

Первый из троицы «новичков», с кем знакомится читатель (да и их будущий наставник Лис), — сержант Карел, вследствие стечения обстоятельств и собственной небрежности превратившийся в «сэра Жанта», на первых порах гораздо лучше умеющий выполнять приказы, нежели генерировать собственные идеи. Второй — Евгения, дипломированный психолог, пытающаяся объяснить поступки каждого встречного: начиная с оказавшегося не таким простым наставника и заканчивая не слыхавшими о Фрейде и ни слова в ее речах не понимающими жителями «темного» средневековья. Третьим оказывается аристократически утонченный, изысканный в манерах, одинаково гармонично вписывающийся в любую эпоху выпускник Сорбонны Бастиан де Ла Валетт.

Читатель, хорошо знакомый с творчеством Владимира Сержина, привык к опытным, способным найти выход из любой ситуации и совершить невозможное героям. Тем интереснее оказывается наблюдать за становлением и развитием новых характеров. «Боевое крещение», столкновение с действительностью — это не всегда красиво, безопасно или по инструкции. Главное, что трое новичков должны уяснить под чутким руководством старого Лиса, — здесь все по-настоящему. Волки голодные, оружие острое, темницы глубокие, а все люди обладают своими стремлениями, замыслами, надеждами, слабостями, не согласующимися с планами Института. Это не полигон и не кукольный театр. Здесь каждый имеет свою волю, свое видение дальнейшего развития событий.

Лис, в чьи обязанности входит научить свалившихся на голову новичков «выживать без инструкции», в реальных условиях, не выбирает методов и не пытается решать все проблемы за подопечных. Они должны по-

нять, что от каждого их действия зависит их жизнь и жизни окружающих людей. И постепенно приходит осознание, что безвыходных ситуаций не бывает, что попытка всегда только одна и что знание истории на пятнадцать веков вперед здесь и сейчас ни от чего не гарантирует.

Автор мастерски выводит характеры новых героев, мастерски показывает постепенное изменение, где-то даже взросление каждого из них. Эволюцию взаимоотношений внутри группы и отношений к окружающей действительности. Слом иллюзий — замену их устойчивой системой ценностей, пониманием происходящего, умением оценивать обстановку и принимать окружающий мир, окружающих людей такими, какие они есть.

Место и время действия «Семян огня» — франкские земли на закате «темного» средневековья. До восшествия на престол Карла Великого остается еще несколько десятилетий. Еще несколько десятилетий до установления относительного мира, до объединения, до осознания франкскими землями себя в качестве единой сильной державы. Еще несколько десятилетий смуты, междоусобиц, шаткого равновесия в Европе, стоящей на перепутье. Христианская церковь как институт уже имеет достаточно большое влияние и на политику, и на умы простолюдинов. Но христианская религия, укрепившаяся давно и прочно, еще не изжила предрассудков. Подвиги короля Артура и его рыцарей, уже став легендами, еще не перешли в разряд небылиц. Народное сознание все еще допускает сверхъестественное происхождение тех или иных событий, явлений, людей, существ. И что странного, если в этом мире Европа и на самом деле оказывается все еще населена некоторыми из них — существами, место которым позднее осталось лишь в сказках и эпосе?

Расклад, предложенный автором на этот кон игры под названием «мировая история», оказывается неожиданно силен. Впрочем, исход игры, как водится, зависит не от наименования карт, а от того, в чьих руках они находятся. Карел и Ла Валетт, получившие прозвания по созвучию с соответствующими картами; умница и красавица, владеющая боевыми искусствами психолог со странно звучащим для франкского уха именем Женя, ставшая, разумеется, «дамой»; а в довершение расклада Лис, на протяжении уже многих книг носящий позывной «Джокер 2» — способный подменить собою любую карту в колоде и совершить невозможное... И «Джокер 1» — тот самый Вальдар Камдил, присутствующий в мыслях, действиях, рассуждениях, рассказах оставшегося одного напарника. Незримо помогающий ему постепенно обрести уверенность и увидеть смысл в том, что он делает. И пусть колоду тасует случай, оперативники знают, что правила игры всегда предлагают они.

★ ★ ★

На протяжении всей серии «Института», от книги к книге, легко заметить перемены. Но перемены не в большем или меньшем внимании автора к какой-либо исторической эпохе, а, скорее, в направленности авторского взгляда, смене ракурса, иной подаче материала. Все больше, все глубже автора интересуют не сами изменения, точки невозврата: войны, революции, становление или падение империй — а внутренние процессы, движущие этими процессами тайные механизмы и законы, которым эти механизмы подчиняются. Если сначала в центре повествования оказывалась та или иная исторически значимая личность, ее влияние на ход событий, то в дальнейшем внимание переключается на взаимодействие — союзы или

соперничество — ряда равнозначных фигур, действовавших в одно и то же время, добивавшихся каждая своей цели. А затем, в следующих книгах, автора начинают интересовать не столько сами фигуры, сколько объективные условия, в которых они вынуждены были действовать. Взгляд становится шире, игра серьезнее, ставки выше.

Хронологически и географически диапазон исторических интересов Владимира Свержина очень широк. Но о чем бы ни шла речь: о Смутном времени или Наполеоновских войнах, о Ричарде Львиное Сердце или Генрихе Наваррском, о первой четверти XI или же XX веков — автора будет интересовать один вопрос. И этот вопрос вовсе не сослагательное понятие в истории. Каждый раз автор предлагает читателю на первый взгляд невероятные, фантастические исходные условия той или иной исторической задачи. И, разбираясь в хитросплетениях мировой политики, распутывая клубок причин и следствий, разнонаправленных процессов и взаимных влияний, часто идя от обратного, Владимир Свержин пытается понять и показать, почему в каждой конкретной ситуации случилось именно так, а не иначе. Почему исторический процесс развивался известным нам образом, а не так, как мог бы, если бы...

Пожалуй, здесь и кроется ответ на вопрос, в какой благодатной почве прорастают семена читательского интереса. Чем привлекают вдумчивого читателя произведения Владимира Свержина. Любопытными политическими, философскими, историософскими выкладками наравне с глубокой проработкой исторического материала, красотой и увлекательностью повествования. И художественностью, образностью слога, которым подаются и эти выкладки, и этот материал, и фон к ним.

СКАЗКА У БЕТОННОЙ СТЕНЫ МЕГАПОЛИСА

Литературная сказка в русской литературе имеет давние традиции. Речь идет не только о сказке для ребенка, сказка для взрослых возникла в России значительно раньше. Пока няни по старинке рассказывали своим маленьким подопечным устные народные сказки, родители этих самых подопечных читали первые русские сказки, написанные, казалось, лишь для забавы. Не стоит удивляться, двести лет назад, когда в русской литературе только зарождалась сказочность, книга или журнал являлись полными властителями дум грамотного и просвещенного человека начала XIX века.

Сказка... В ней миф опускался на землю, надевал одежды рядового обывателя, совершал невиданное и уходил в неизвестность, оставляя необыкновенное, острое впечатление. Сказка — это картины Питера Брейгеля, изображающие сцены из Библии так, будто мы их видим из окна голландского дома XVI века: Пресвятая Дева в одеждах католической монахини, римские стражники, одетые ландскнехтами и вооруженные баграми и арбалетами, города Иудеи, удивительно сходные с голландскими городами (поразительно наблюдать новозаветные сцены на фоне заснеженного, тщательно выписанного европейского города). Это вовсе не анахронизм. Это — сказка, и приобщающийся к ней понимает, что не всему в ней надо верить. Что необходимо глубже вглядываться в суть вещей. Сказка — способ сделать суть этих вещей ближе.

Да-да, сказка стала увеличительным стеклом, приблизившим к нам тайну вещей и явлений, сделавшим

ее отчетливее и понятнее. Великий русский мыслитель прошлого века Алексей Лосев в одной из бесед, записанных В. Ерофеевым, предлагает такую последовательность вопросов и ответов: Что такое тайна одного? Это есть личность. Что такое тайна двух? Это есть любовь... Культура же, цивилизация — это тайна всего человечества. Если при восприятии личности, любви, цивилизации тайна исчезает, то вместо личности мы видим функционера, любящие представляются нам сожителями, ну а цивилизация — не что иное, как процесс борьбы государств и идеологий.

Важнейший прием сказки — сближение обыденного и фантастического (невероятного) — стал плотью многих видов искусств еще в глубокой древности. Ну, а современное искусство максимально использует этот прием, порой даже чрезмерно, вопреки реалистичности. К характерным чертам стиля сказки можно отнести упрощение языка, высокую метафоричность событийности, условность художественной реальности описываемого мира.

В современной русскоязычной литературе достаточно много примеров литературной сказки — и в чистом виде, и в качестве составной части других жанров. В 2011 году в луганском издательстве «Шико» увидела свет книга Анны и Олега Семиролей «Одуванчиковое лето у бетонной стены», позиционируемая в издательской аннотации как литературная сказка. Книга А. и О. Семиролей, прекрасно иллюстрированная Алвной Рекк, примечательна прежде всего стремлением не соответствовать канонам литературной сказки (многие произведения сборника не являются литературными сказками), а передать глубинную суть описываемого.

«Одуванчиковое лето у бетонной стены» — первая книга дуэта Семиролей, на несколько месяцев опередившая фэнтезийный роман писателей «Полшага до неба» (увидел свет в издательстве «АСТ/Астрель»). Увы,

прекрасный авторский дуэт прервался, Олег Семироль ушел из жизни в марте 2011 года, так и не увидев выхода книг. Анна Семироль, молодая писательница из Тулы, продолжает писать, остановив свой выбор на малой форме. Из последних произведений — викторианская сказка «Седые травы» выходила в сборнике «Антология мифа» издательства «Шико».

В книге «Одуванчиковое лето у бетонной стены» собраны сказки и рассказы, написанные Анной и Олегом как в соавторстве (цикл «Сказки лиски и медведика»), так и по отдельности (Олег Семироль — цикл рассказов «Чело-вечность»; Анна Семироль — циклы «Живет одна девушка...» и «Сказки россыпью»).

Цикл «Сказки лиски и медведика», открывающий сборник, состоит из шести композиционно и сюжетно взаимосвязанных сказок-историй, лишенных навязчивой претензии к притче. Сказки цикла характеризуются нарочно упрощенным стилем изложения. Описываемый мир, происходящие события, душевный мир персонажей (включая главных героев) также утрирован, что соответствует «сказочному» антуражу жанра. Вместе с тем авторы мягко акцентируют внимание читателей на главных героях цикла, разворачивая эволюцию их взаимоотношений.

Как и в любой сказке, в историях цикла весь описываемый мир — условно фантастический, существа, населяющие его, антропоморфны внутренне и зооморфны внешне (и наоборот). За сказочным антуражем легко угадываются вполне реальные, обыденные черты вовсе не сказочной действительности. В образе лиски, утратившей крыло и не способной летать, — метафоричный образ легкоранимой нашей современницы, тяжело страдающей от непонимания и отчаянно верящей в чудо. Преодоление «немоты» главной героини («Сказка о ниточках слов») — история о совместном сотворении чуда, о поиске Настоящего Слова: «Стоило связать

Настоящее Слово — и оно само собой произносится вслух. (Здесь не зря вспоминается «Зорко лишь сердце» Экзюпери.) Весь цикл — о сотворении этого взаимного чуда, имя которому — Любовь.

Три короткие сказки Анны Семироль, по-своему интерпретирующие тему поиска чуда, собраны в цикл «Живет одна девушка...». В сказках этого цикла мы встречаем главную героиню — Мусю, русскую загадочную девушку, наполненную странностями и удивительным ожиданием чуда. Влюбленность Муси — перманентна, как пролетарская революция, как ожидание ментальной любви. Муся одинока — ее окружают одухотворенные предметы и растения, благожелательно или неблагожелательно настроенные против нее, но в любом случае — равнодушно наблюдающие за ее перманентной влюбленностью. Ожидание чуда завершается кульминацией — Муся встречает крылатого льва. Попытка расставания (лев пытается покинуть Мусю ради львицы) завершается триумфом чуда любви: «Зачем какие-то львицы, когда где-то тебя ждет Муся...»

Фантастические рассказы Анны Семироль собраны в раздел, названный «Сказки россыпью» — несмотря на то, что как раз здесь и нет сказок. Рассказы эти дают представление о художественных поисках автора — поисках жанра (фэнтези, мистика, научная фантастика, нереалистическая проза, юмористический рассказ), поисках художественных средств и собственного художественного стиля. Эти поиски вполне логичны — автор еще молод, и в дебютной книге собраны первые творческие удачи писательницы. Из этих рассказов наиболее удачными, с нашей точки зрения, являются «Мари» и «Одуванчиковое лето у бетонной стены». «Мари» — рассказ, представляющий синтез мотивов городского фольклора и элементов психологического триллера. Образ всевластной маленькой девочки, берущей страш-

ную плату за исполнение желания, пожалуй, не нов в литературе. Автор здесь достигает успеха не новизной темы, а мастерством художественного исполнения. Умелая передача тревожной атмосферы достигается путем сочетания акцентных повторов отдельных фраз, эмоциональных риторических обращений, детальных описаний наряда героини, ее внешности и поведения. Мари с первых же строк приковывает внимание читателя, она ведет его за собой, и стук ее каблучков навязчиво сопровождает читателя на протяжении чтения рассказа. Прорисовка описываемого мира прекрасно сочетается с тщательно выверенными и психологически верно переданными диалогами. Рассказ атмосферен и, несомненно, является одним из лучших в творческом багаже Анны Семираль.

В рассказе, давшем название сборнику, с трудом можно отыскать фантастический элемент. Скорее всего, предположение главной героини «Одуванчикового лета у бетонной стены» о наличии разума у растения — одуванчика — ничем не подтвержденное субъективное ощущение, вызванное обостренным личным самоосмыслением. Рассказ, ведущийся от первого лица, психологичен, он построен в форме личных записей. Фрустрационные переживания главной героини (неудачи с поиском работы, неурядицами в отношениях с любимым человеком) обостряют восприятие окружающего мира. Ее собственные неудачи кажутся героине не столь трагичными по сравнению с бедой засыхающего от летнего городского зноя одуванчика. Какое дело человеку до одуванчика? Вопрос, кажется, не затруднит с ответом: мало ли одуванчиков и нужно ли о них заботиться... Но забота о погибающем от жары одуванчике становится для главной героини рассказа тем малым шагом, который помогает преодолеть многое, прежде всего, собственный эгоизм. Личные проблемы героини отодвигаются как второстепенные. Примечательно, что

добро, сделанное героиней рассказа одуванчику, вернется к ней сторицей. В этом рассказе ощущается влияние литературной сказки (на уровне использования метафор), но автор избегает традиционной для сказки условности, событийный ряд рационален, логичен. Сказка у бетонной стены все же остается фантастическим рассказом, пускай и сопряженным с красивой метафорой.

Книга завершается тремя рассказами Олега Семироля. Два из них — фэнтезийные, третий — «Падший клоун» является научной фантастикой с элементами абсурдизма. Проза О. Семироля художественно менее богата. Большим достоинством рассказов О. Семироля является динамизм сюжета и четкая композиция.

Малая проза Анны и Олега Семиролей, вошедшая в сборник «Одуванчиковое лето у бетонной стены», достаточно полно раскрывает художественное мастерство и индивидуальное своеобразие писателей, как в сольном, так и в парном исполнении. Акцент на литературных сказках, адресованных взрослому читателю, вовсе не случаен — в книге они занимают одно из центральных мест. Цикл «Сказки лиски и медведика» — яркий пример русской литературной сказки для взрослых.

ЮЛИАНА ЛЕБЕДИНСКАЯ

ПОГОВОРИМ НА РАВНЫХ?

Ярослав Веров и Игорь Минаков — известные НФ-возрожденцы. Их повесть «Операция «Вирус» в свое время наделала немало шума в литературных кругах, много споров бушевало и вокруг дилогии «Трикстеры». Моим же любимым произведением Верова, Минакова

было «Сугнус Dei» — повесть, после которой дуэт долгое время ничего не работал в соавторстве. И я очень обрадовалась, когда соавторы неожиданно опубликовали новую вещь.

«Отель для троглодита» — повесть-исповедь, разговор с читателем о человечности в масштабах космоса. Главный герой, пилот Максимилиан, в результате ряда событий становится «не совсем человеком». Нет, не вампиром, не мутантом и не десятком прочих «не-человеков», часто поджидающих нас на страницах книг. Кем именно — выяснится к концу повести. Причем сюрприз ждет как читателя, так и самого героя.

До определенного момента пилот и сам не совсем понимает, что с ним происходит, пока не оказывается на грани жизни и смерти. Вот тогда-то приобретенные способности и запускаются на полную мощь, и... Ирония судьбы — герой вроде бы желал совершить благородный поступок, собой пожертвовать пытался и обещание, данное умирающему, старался сдержать, а выросло, как говорится, что выросло. Глядя на результат, задумываешься: так уж ли плохо превазирование социальных установок (позаботься о ближнем своем, например) над первичными инстинктами, к которым мы порой отчаянно стремимся вернуться? Мол, задавило закоснелое общество наше истинное «я»? А может, туда ему и дорога?

У пилота есть оправдание поступку — квантовая шизофрения. Но сколько самых обычных людей перед страхом гибели поступили бы так же?

Как уже сказано, «Отель...» — это повесть-исповедь, или повесть-признание, если хотите. И Максимилиан, которого мы видим в начале произведения, слегка отличается от того, который предстает перед нами в финале. Или это он после «облегчения души» выглядит более симпатичным?

Раскаивается ли пилот в том, что сотворил с товарищами? Мне кажется, да, просто сам себе не хочет в

этом признаться, ведь ему и так придется нести тяжкий груз на душе, а тогда и вовсе жить переключится. Проще натянуть маску циника, включить насмешливый тон, в который раз сменить личность, имя, образ жизни, уйти от суда, но... Они все равно будут приходить каждую ночь: «умный, ироничный Бертран, добродушный, наивный Стан... и Сандра».

Образ Сандры хотелось бы отметить отдельно. Поскольку, да простят меня авторы-мужчины, но редко им удаются правдоподобные женские образы, а вот здесь — Сандра, на мой взгляд, удалась. Умная, красивая, немного ехидная, но добрая и знающая себе цену. Одним словом, живая и настоящая (две другие героини — Ксана и Анна — функции, но в этом случае так и должно быть), она выделяется из команды «черных ксенологов» некой легкостью. Сандру мне особенно жалко. И пилоту, кажется, тоже.

К слову, о «черных ксенологах». Они ведь по-своему счастливы. Получили же в итоге, что хотели — увидели Контакт во всей красе. Пусть и оказался он не совсем таким, как они ожидали, и обошелся слишком дорогою ценою. Но зато все, как хотел Бертран: «Познать разум, чуждый до невозможности, — победа».

Следующий герой, о котором нельзя не сказать, — небесное тело, что зовется Калипсо. Есть во вселенной такая планета — Солярис. Выдает каждому человеку по потребности. А теперь вот появилась еще одна — Верово-Минаковская Калипсо — планета-отель. Также выдает по потребности. Правда, не то чтобы конкретному человеку... А то — и вовсе не человеку. И все «выданное» сначала воспринимается как данность, лишь спустя время становится понятно, что тебе вручили не подарок, а кредит... Да и «гости» на Калипсо не приходят, здесь — ты сам гость. И встретят тебя после кораблекрушения, и накормят-напоят... Вот только с прощальным плотом вышла накладочка. Не зря рефреном через

повесть проходит история нимфы из «Одиссеи» Гомера. К слову, прием, можно сказать — элемент авторского почерка, в «Cynpus Dei» также красной нитью проходит лебединая песнь.

Повествование «Отеля для троглодита» динамичное, события развиваются стремительно, но не утомляют, ведь планета-отель подкидывает загадку за загадкой, заставляя не только расслабленно следить за приключениями героев, но и думать, искать вместе с ними выходы из закрученных ситуаций, мир расцветает все новыми красками, скучать авторы не дают. Но в то же время в повести немало и философских моментов: «Кто мы, люди? Космические троглодиты, мы пытаемся познать чуждый разум, не познав собственного. И не мы одни». Хороший вопрос, особенно если учесть, что спрашивает тот самый «чуждый разум»...

Повесть эта не просто твердая НФ, а твердейшая. Ее упрекали за обилие научных терминов — есть такое дело, но лично мне они не слишком мешали. Напротив, забавно, когда пилот ругается фразой типа: «Чтоб его накрыло Фурье-разложением». Да, сложная фраза, как для простого пилота, чьей личности соавторы нам так до конца и не раскрывают, однако в повести есть намеки, что он — совсем не тот, кем кажется (и речь сейчас не о его «не-человечности»). А потому повышенная эрудиция не так уж удивительна. И вроде как намек — давай, читатель, поднимай и ты свой уровень. И поговорим на равных!

ЕСТЬ КОНТАКТ?

Елена Первушина. ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО В УТОПИИ.....	7
Игорь Вереснев. СЕРДЦЕ ЛАНДСКНЕХТА.....	102
Майк Гелприн. ВЕРИЛЬ.....	114
Владимир Марышев. ВИДИМОСТЬ ЖИЗНИ.....	135
Александр Милютин. ЭПИТАФИЯ ONLINE.....	151
Владимир Венгловский. НАДЕЖДА РАЗБИТЫХ ГРУЗ.....	185
Блена Красносельская. СЛЕД.....	204
Елена Клещенко. МАЛЕНЬКИЙ КУСОЧЕК МЕНЯ.....	225

УЖАСЫ НАШЕГО ГОРОДКА

Андрей Дашков. РЕАЛЬНОСТЬ СТРАХА.....	247
Николай Немытов. СЕМЕН ПОРОЖНЯК И ЕГО «ЖУЗЕЛЬКА».....	307
Ефим Гамаюнов. ПОКА ТИХО.....	331
Алекс Бор. ЗАГОВОРЕННЫЙ.....	355
Александр Лайк. ВЕСНА В СТОЛИЦЕ.....	390
Юлиана Лебединская. УЛЫБАЙСЯ, КТО МОЖЕТ.....	411
Наталья Анискова. НАПОПОЛАМ.....	442
Марина Мартова. ВЫВОРОТЕНЬ.....	456
Ярослав Веров. «ПИРАТЫ» XX ВЕКА.....	469
Марина Ясинская. ПИСАРНЯ ГОСПОДИНА ЗАВИРАЙЛО-ОХЛОБАНА.....	486

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Павел Шейнин. «40 000 СМЕРТЕЙ БОРТПРОВОДНИКА ЖИВОВА»: история чтения и перечитывания.....	513
Сергей Чебаненко. НАД САРАКШЕМ ЗВЕЗДНОЕ НЕБО.....	531

Борис Георгиев, Валентин Ключко. ЗАКАТ В БАГРОВЫХ ТОНАХ (размышления о повести Владимира Плотникова «Закат отменяется»)	556
Алекс Бор. ГЛАВНОЕ — УСПЕТЬ ОГЛЯНУТЬСЯ... (Делина Русо. Краткий очерк жизни и творчества. К 170-летию со дня рождения).....	570
Станислав Бескаравайный. ГУТЕНБЕРГСКИЕ ПРОРОКИ.....	602
Андрей Федоров. СТРАШНЫЙ ГРЕХ ДЖЕФФРИ МАСТЕРА	642
Майк Гелприн. ВСЕ В ТВОИХ РУКАХ	659

ТРАДИЦИОННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Дмитрий Володихин. ТРИ СОЛЯРИС	673
Ярослав Веров. ХИЩНЫЕ ВЕЩИ ВЕКА ИЛИ ВЕК ГОЛОДА И УБИЙСТВ? (сравнительный опыт великих советских антиутопий).....	685
Антон Первушин. ИТЕРАЦИЯ МЕЧТЫ. Очерк из цикла «Образы космической экспансии».....	697
Г.Л. Олди. ПРО НАС ПРО ВСЕХ — КАКИЕ, К ЧЕРТУ, ВОЛКИ?!.....	714
Юлия Галанина. АНАТОМИЯ БЕСТСЕЛЛЕРА. Почему «Сумерки» — явление природное, «Код да Винчи» — механический конструкт, а Борис Невский, мягко говоря, неправ, рассуждая на страницах МФ о положении дел в Young Adult	725

РЕЦЕНЗИИ

Евгения Гофман. СКАЗОЧНАЯ СТОРОНА СТИВЕНА КИНГА.....	765
Дарья Родионова. ТЕМА: ПИСЬМО СЧАСТЬЯ	769
Евгения Малышко. ПОСЕЯННОЕ ПЛАМЯ.....	780
Андрей Чернов. СКАЗКА У БЕТОННОЙ СТЕНЫ МЕГАПОЛИСА .	788
Юлиана Лебединская. ПОГОВОРИМ НА РАВНЫХ?	793

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА — 2014

Ответственный редактор *И. Минаков*

Редактор *Е. Кондратьева*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *М. Печковская*

Компьютерная верстка *И. Кобзев*

Корректор *В. Авдеева*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша

арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:

<http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.04.2014. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,0.
Тираж 3100 экз. Заказ № 5763.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-72293-8

9 785699 722938 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.

E-mail: vpzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.

Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2014

Погибший в «горячей точке» капитан российской армии Александр Лапин продолжает военную службу... на борту инопланетного корабля, который входит в состав флота, готовящегося к вторжению на Землю...

Олесь и Шандор, brave пилоты космического корабля «Одиссей», чтобы скрасить рабочие будни, решили поближе познакомиться с прелестными инопланетянками Аоллой и Лаймой. Девушки их честно предупредили: только не влюбляйтесь в нас! Иначе наступит... вериль...

Степан был типичным советским любителем книги. А хорошие книги в СССР были дефицитом. Степан готов был душу продать за сборник с новой повестью Стругацких или за томик с романами Булгакова. И вот однажды в родном городе Степана открылся некий Научно-Исследовательский Институт Свободного Распространения Информации...

Генри Лайон Олди, Антон Первушин, Ярослав Веров, Игорь Вереснев в ежегодном сборнике, выпускаемом по итогам Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг»!

skOmm.ru
снежный ком

ISBN 978-5-699-72293-8

9 785699 722938 >